АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
АШХАБАД — 1963

ЮТАКЭ
1950-1958

Под редакцией начальника ЮТАКЭ
академика Академии наук Туркменской ССР
профессора М. Е. МАССОНА

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XII

Издательство Академии наук Туркменской ССР
Ашхабад — 1963

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МЕРВА

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОШЛОГО СТАРОГО МЕРВА

(От редактора)

Habeant fata sua loca.

Развалины былых городов в целом, особенно крупных, представляют наиболее трудные объекты для археологического изучения вообще и в Средней Азии в частности.

Начавшие впервые складываться здесь, как и во многих других странах, при переходе от первобытно-общинного строя к рабовладельческому в результате отделения ремесла от земледелия, возникновения регулярного товарообмена, частной собственности на средства производства, появления классов, в том числе рабов, и государства, некоторые среднеазиатские города имели многовековое существование, иногда до двух с половиной тысяч лет и более. Поскольку они часто подолгу оставались примерно на одной и той же территории, на их месте накопились огромные толщи культурных наслоений, достигающих порой мощности до двух-трех и более десятков метров. В таких случаях при археологических исследованиях, кроме необходимости считаться с изменениями типа, облика, структуры и размера города в зависимости от различных общественно-экономических формаций и от существования его в ту или иную эпоху внутри каждой из них, проведение самих раскопок затрудняется огромными масштабами земляных работ при большой разрушенности даже значительных зданий. Стратиграфические наблюдения осложняются, кроме того, еще тем, что в процессе деятельности ряда поколений людей приходится сплошь и рядом сталкиваться с перемещениями объектов из верхних культурных слоев в нижние, и наоборот.

Сказанное делает вполне понятной ошибочную точку зрения о малой научной перспективности археологического изучения таких крупных древних среднеазиатских городов, как Термез, Самарканд и др. с предложением заниматься исследованием однослойных или так называемых «стерильных» небольших городищ[1] (хотя таковых, по-видимому, в Средней Азии почти нет или их очень мало). Как известно, во всех среднеазиатских республиках в подавляющем большинстве случаев осуществляются раскопки еще менее сложных объектов (могильных курганов, разнообразных тепе, отдельных зданий и т. п.). Безусловно, раскопки больших древних городищ, которые нужно археологически изучать одновременно с другими объектами, могут быть достаточно эффективными при условии осуществления их более или менее крупными

археологическими и, по возможности, комплексными экспедициями. При этом нельзя упускать из вида, что хотя каждый город имеет свою достаточно индивидуальную историю, она всегда тесно связана с судьбами его страны. Как в отрыве от истории последней нельзя изучать и правильно понять процесс развития города, так и историю страны за период классового общества нельзя полностью осмыслить, если брать ее изолированно от прошлого входивших в ее состав городов.

Среднеазиатская советская археология всегда уделяла особое внимание именно крупным местным древним городам исходя из того, что их археолого-топографическое изучение в самом широком понимании, с охватом развития производства, ремесла, торговли, классовой борьбы и т. п., представляет собой часть истории общества. Исключительное многообразие в их культурных наслоениях следов деятельности прошлых поколений, в том числе бесчисленных вещественных материалов всяких категорий от керамических черепков до монет, предметов искусства и памятников письменности, дало археологам возможность плодотворно участвовать в разрешении вопросов по периодизации истории всех республик Средней Азии. Уместно напомнить, что достаточно резко наметившемуся после работ 1933 года на памятнике кушанского времени Айрытамской археологической экспедиции Узкомстариса вопросу о возможном наличии в далеком прошлом Средней Азии рабовладельческого общества начало практического разрешения было положено Термезской археологической комплексной экспедицией (ТАКЭ), заложившей свои первые раскопы на обширном городище Старого Термеза в 1936 году и продолжавшей их до 1938 года включительно. В результате четырех полевых сезонов удалось на археологическом материале впервые показать, что Термез, известный до того по письменным источникам со времени незадолго до арабского завоевания в VII в., в действительности имеет более чем двухтысячелетнюю историю; что он возник в пору рабовладельческого общества, когда в долине Сурхана была создана и основная ирригационная система; что расцвет рабовладельческого Термеза приходится на время вхождения в состав государства «великих кушан» и что наступивший затем кризис рабовладельческой формации, приведший к некоторому упадку города, закончился еще до арабского завоевания[2]. Позднее учрежденная многолетняя Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, охватившая низовья Аму-Дарьи и работавшая на более широком материале, дала для Хорезма ту же схему периодизации, что и ТАКЭ по Термезу, лишь с небольшими несовпадениями в датировках отдельных моментов.

Был пересмотрен археологами одновременно и вопрос об истории Самарканда. Если до того считалось сомнительным отождествление его с Мараканд древнегреческих источников, а начало жизни на месте городища Афрасиаб В. Л. Вяткин относил к IV—V вв. н. э.[3], то среднеазиатской археологии уже в 30-х годах удалось документально доказать, что Самарканд имел сложную и длительную историю развития еще за период рабовладельческого общества. Было установлено, что поселение территории Афрасиаба, безусловно соответствовавшей Мараканде, существовало уже может быть к середине I тысячелетия до н. э. и в пору вхождения в состав государства Ахеменидов имело крупные размеры. Разрушенная по распоряжению Александра Македонского в наказание за второе восстание согдийцев в 328 г. до н. э., Мараканда воз-

рождается на том же месте уже в III в. до н. э., но пора расцвета её за период рабовладельческого общества приходится на кангюйско-кушанское время I—III вв. н. э. Пережив некоторое захирение в пору кризиса рабовладельческой формации в IV—первой половине V вв., Самарканд в дальнейшем стал развиваться уже как феодальный город, периодизация истории которого была по новому намечена на основании данных широкого археолого-топографического изучения с учётом всех видов исторических источников[4].

Успехи среднеазиатской археологии за годы существования Советского государства позволили уже в 1939-1940 учебном году поставить на историческом факультете САГУ впервые созданный и до последних лет читаемый специальный курс—«Историческая топография городов Средней Азии», охватывающий историю развития таких крупных пунктов как Бухара, Самарканд, Ташкент, Термез, не считая более мелких.

Когда в 1943 году Президиуму Академии наук СССР был представлен разработанный академиком В. В. Струве и д-ром археологических наук М. Е. Массоном план историко-археологических исследований на территории Туркменской ССР, посвященной разрешению парфянской проблемы, в нем нашло отражение изучения городищ Нисы и Старого Мерва[5].

Учрежденная по принятому в начале 1945 г. на I Всесоюзном археологическом совещании в Москве общесоюзному перспективному плану археологических исследований СССР Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция с первых лет своего существования уделяла внимание археолого-топографическому изучению ряда древних городов. С первого года полевой деятельности ЮТАКЭ на протяжении пятнадцати лет осуществляется изучение городищ Нисы, приведшее к ряду ставших всемирно-известными крупных открытий и давно уже позволившее в общих чертах восстановить неизвестное до того прошлое этого пункта, обживание которого началось несколько тысяч лет назад[6]. Уже в 1947 году ЮТАКЭ приступила и к предварительному археолого-топографическому изучению с широким тематическим охватом Старого Мерва[7], являющегося не только в Средней Азии, но и во всем СССР самым крупным городищем, так как его развалинами занята площадь свыше 60 кв. км, некогда обнесенная внешней стеной городской округи.

Руины Старого Мерва давно стали привлекать к себе внимание как путешественников XIX в., особенно после присоединения к России низовьев Мургаба, так, начиная с 80-х годов прошлого столетия, и любителей археологии, а также кое-кого из видных специалистов. В дореволюционное время появилось некоторое число неплохих публикаций, как-то касавшихся прошлого Мерва, в том числе за границей (например G. Lestrange. The Lands of the Eastern Khaliphate, Cambridge, 1905, pp. 398—403).

Но совершенно особое место занимают исследования В. А. Жуковского и В. В. Бартольда. Первый по поручению Археологической комиссии несколько месяцев 1890 г. посвятил изучению самих развалин на месте, заложил в Эрк-кале две расположенные под прямым углом почти пятиметровой глубины траншеи, а затем, в результате многолетней работы по сопоставлению своих наблюдений с данными, извлеченными из арабских, персидских и других письменных источников, им была составлена до сих пор непревзойденная капитальная монография

«Развалины Старого Мерва»[8], равной которой нет ни на одном языке ни по одному из городов Среднего Востока. В начале нынешнего столетия В. В. Бартольд дополнил этот труд своей работой «К истории Мерва», внеся отдельные коррективы и введя в научный обиход ряд новых сведений, почерпнутых у средневековых восточных авторов[9]. После того он же сообщил немало дополнительных фактов по истории Мерва, упоминая их в различных своих трудах. При всем том и В. А. Жуковский, и В. В. Бартольд в самой малой степени касались времени, предшествующего арабскому завоеванию. В этом отношении очень характерно, что в упомянутой монографии за весь более чем полутысячелетний период истории города с середины III в. до н. э. и до начала IV в. н. э., имеется лишь одна фраза: «Положение Мерва в дни греко-бактрийского владычества, к сожалению, остается в полнейшей неизвестности»[10] и нет совершенно ничего о городе поры существования Парфянского государства, что объясняется уровнем европейской науки конца прошлого столетия в части парфянской проблемы, с одной стороны, и изученности среднеазиатских археологических памятников, с другой. Из археологических мероприятий можно упомянуть разведку, осуществленную в восьмидесятых годах А. В. Комаровым, и закладку в 1904 году нескольких шурфов на Эрк-кале и Гяур-кале участниками американской экспедиции Института имени Карнеги. На основании полученных при этом материалов, из которых нумизматические были определены А. К. Марковым, а надписи на фрагментах керамики и лопаточных костях животных К. З. Залеманом и В. В. Радловым, члены американской экспедиции никаких новых выводов по истории Мерва не дали, за исключением ошибочного установления по монетным находкам III в. н. э. в качестве terminus post quem для всей керамики Гяур-калы[11].

После Великой Октябрьской социалистической революции Старый Мерв был включен в список объектов, взятых по постановлению ЦИК и СНК Туркреспублики от 27 марта 1923 г. на государственный учет и охрану по линии Туркомстариса. Изучение городища и находившихся на нем архитектурных памятников предусматривалось планами центральных, среднеазиатских и туркменистанских научных организаций, которые частично и были осуществлены. В 1927 г. Старый Мерв посетили В. Л. Вяткин и Б. Н. Засыпкин, интересовавшиеся тогда в основном архитектурными объектами. В 1929 г. проживший в Байрам Али свыше полумесяца А. Ю. Якубовский при ознакомлении с городищем осуществил хорошую фотофиксацию его архитектурных памятников. В 1935 и 1937 гг. изучением их занимались Н. М. Бачинский и В. И. Пилявский. В 1937 г. А. А. Марущенко и Б. Б. Пиотровский произвели раскопки в двух пунктах внутри Эрк-калы—на центральном бугре и на возвышении в северо-западной части крепости. Результаты этой работы до начала деятельности ЮТАКЭ оставались неизвестными, так как в свое время не были опубликованы[12]. По той же причине не вошли в научный обиход небольшие раскопки в Старом Мерве средневековых керамических печей, вскрытие которых производилось С. А. Ершовым и С. А. Судаковым.

Несмотря на то, что при обследовании Старого Мерва с 1917 года до учреждения ЮТАКЭ было установлено некоторое количество но-

вых фактов, изучение его истории в целом, и в частности исторической топографии города, по сравнению с работами В. А. Жуковского и В. В. Бартольда почти не продвинулось вперед, так как такого порядка широкие задачи и не ставились на разрешение. Попутно и весьма неудачно коснулся их специалист по истории стилей доктор Э. Кон-Винер, который без ведома советских научных центральных и местных организаций был приглашен в 1924 году финансовыми органами для изучения памятников Туркреспублики и тогда же посетил Мерв в сопровождении прикомандированного к нему заведующему художественной секцией Самкомстариса Д. К. Степанова. Опубликованная Э. Кон-Винером в 1925 году в немецком художественном журнале статья о мервских развалинах[13], далеко не соответствовавшая уровню тогдашней европейской науки, тотчас вызвала вышедший из печати в следующем году резко осуждающий отзыв В. В. Бартольда[14].

Неизмеримо выше в научном отношении небольшая обзорная статья А. Ю. Якубовского «Мерв ал-Шахиджан», появившаяся в 1937 г. в международной «Энциклопедии ислама» и подводящая краткий итог в основном дореволюционным представлениям по исторической топографии города без всякой попытки дать какую-либо новую периодизацию его истории или ввести новые факты. В этой сводной работе основание города относится только к III в. до н. э.; не сообщается никаких данных о нем для поры существования Парфянского государства; городище Гяур-кала рассматривается лишь как соответствующее городу «эпохи сасанидов» и первых веков ислама; Султан-кала—как Мерв с VIII в. до 1221 г. (хотя последний разгром и разграбление его были в 1222 г.—*М. М.*), а Абдулла-хан-кала — как город, восстановленный Шахрухом якобы в 1409 г., причем автор целиком разделяет мнение своих предшественников, что после разрушения города монголами в первой четверти XIII в. и до начала XV столетия Мерва не существовало. Байрам-Али-хан-кала, Шаим-кала, Искандер-кала и южный обвод Султан-калы совершенно не упоминаются. Концом Мерва ошибочно считается захват его на исходе XVIII в. бухарским эмиром Шах-Мурадом, хотя он в действительности продолжал существовать еще в начале XIX столетия до разрушения его эмиром Хайдаром[15].

Как бы то ни было статья в «Энциклопедии ислама» отражала примерный уровень знаний о прошлом Мерва к моменту создания ЮТАКЭ, причем, приступая к изучению городищ этого огромнейшего объекта, руководство экспедиции прекрасно отдавало себе отчет во всех предстоящих трудностях. К числу неблагоприятных обстоятельств относились два таких существенных момента, как отставание в то время изучения Южного Туркменистана в археологическом отношении по сравнению с другими республиками Средней Азии и бытование в практической деятельности ашхабадских краеведов бессистемной путаницы в произвольно надуманных датировках археологических материалов при отсутствии сколько-нибудь документально разработанной стратиграфической шкалы для такой важной категории памятников материальной культуры, каковой является керамика. Вот почему ЮТАКЭ всякое чисто археологическое исследование любого объекта, в том числе и Мерва, приходилось осуществлять почти с самого начала.

В деятельности ЮТАКЭ по изучению Мерва и его района отмечается три этапа. На начальном, с 1946 по 1949 г. включительно, работы носили предварительный рекогносцировочно разведочный характер. Так, в 1946 г. IV отряд ЮТАКЭ главное внимание уделял не Мерву, а выполнению основной задачи по выявлению возможных следов отстроенной по распоряжению Антиоха I Сотера районной стены Маргианы, о наличии остатков которой в виде оплывших валов можно было догадываться по поступавшим от местных туркмен слухам. В 1947 г. VIII отряд экспедиции выяснял по остаткам внешней стены самого Мерва границы его городской округи поры рабовладельческого общества и пригорода феодальной эпохи, попутно ведя на плане графическую фиксацию распространения керамики разных периодов на территории всех городищ Мерва, а также вскрыв две керамические печи в западной части его рабада. Тогда же положено начало изучению средневекового архитектурного орнамента на его памятниках. В 1948 г. XV отряд ЮТАКЭ провел контрольные раскопки на центральном бугре Эркалы. Наконец, в 1949 г. небольшой XVIII отряд, кроме кратковременных работ на городищах Мерва, осуществил несколько археолого-топографических маршрутов в северной части Мервского оазиса с захватом кое-где прилежащих участков пустыни. На протяжении первого этапа в Мерве и его области работы VII архитектурного отряда ЮТАКЭ проводились эпизодически. В результате четырехлетних изысканий было установлено немало новых фактов, сделаны интересные открытия и выявлена несомненная перспективность постановки более крупных археологических исследований. Одновременно стало совершенно очевидным, что часть территорий, занятых развалинами Старого Мерва, в ближайшем будущем может оказаться под угрозой потери для науки не только в смысле исчезновения археологического микрорельефа, но и утраты на значительных площадях пустырей верхних культурных слоев, причем в дальнейшем эти места, оказавшись под запашкой полей, под участками садовых насаждений и даже под застройкой, станут труднодоступными для осуществления на них раскопок.

В силу сказанного на втором этапе изучения Старого Мерва с 1950 г. по 1953 г. включительно ЮТАКЭ начинает уделять ему особое внимание. Здесь разбивается базисный стационарный лагерь XVIII отряда, который под непосредственным руководством самого начальника экспедиции ведет работу несколькими группами на различных объектах всех городищ Мерва. Помимо раскопок в Гяур-кале и рабаде, в зависимости от густоты былого обживания отдельных площадей проводилась регистрация подъемного материала с территории в 60 кв. км по крупным квадратам от 0,25 кв. до 1 кв. км. Более детальным изучением были затронуты в первую очередь городища позднего Мерва Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала, поскольку городская застройка современного Байрам-Али не только вплотную подошла к ним, но даже заняла под базарную площадь с ее сооружениями часть территории второго. В виду того, что не менее угрожаемым объектом являлась территория былого пригорода, начальник ЮТАКЭ в течение нескольких сезонов поднял ее специальной археолого-топографической съемкой, охватившей площадь свыше 50 кв. км, чего до сих пор с такой детализацией и в таких размерах не сделано ни для одного средне-

векового рабада крупнейших городов Средней Азии[16]. Им же с использованием в качестве индикатора кустиков Salsola Karelini был поднят в общих чертах археологический микрорельеф городища Гяур-кала (свыше 3,5 кв км) и составлена первая схема его былой внутренней планировки. XVIII отряд осуществил, кроме того, несколько исследовательских маршрутов с целью установления трасс средневековых торговых путей, связывавших Мерв с Мавераннахром и Хорезмом, а также завершил первую стадию разведочных работ по выявлению древних маргианских земледельческих поселений поры поздней бронзы—раннего железа, установив три района их распространения в низовьях дельты Мургаба и определив, что пора их расцвета совпадает со временем сложения раннеклассового общества. В течение всего второго этапа из года в год VII архитектурный отряд систематически проводил по возможности сплошное изучение в Мерве и в его области наземных архитектурных памятников всех эпох.

Третий этап изучения начался с 1954 года в связи с работами по созданию Большого Кара-Кумского канала и продолжается до настоящего времени. Хотя трасса строительства первой очереди этого гигантского гидротехнического сооружения социалистической эпохи не прорезала непосредственно археологических памятников, было совершенно ясно, что необходимо принимать срочные меры для возможно быстрой фиксации и изучения многообразных археологических объектов на огромном пространстве всего былого Мервского оазиса, где с поступлением воды из Аму-Дарьи должна была резко увеличиться площадь вновь орошаемых земель. Именно здесь сосредотачивается подавляющее большинство полевых работ ЮТАКЭ. Проводится сопровождаемое археолого-топографической съемкой изучение ряда городищ, античных и раннефеодальных тепе, а также руин сельских поселений поры развитого феодализма. В частности ведутся раскопки на развалинах сельского поселения парфянского времени Джин-депе. XIV отряд в течение нескольких лет осуществляет раскопки не только на самом крупном раннемаргианском поселении Яз-депе, своего рода «столичном» районном центре VIII—IV вв. до н. э., но и на ряде других объектов этого времени[17]. XVIII отряд с базисным лагерем в Старом Мерве значительно укрупняется, продолжая развивать по мере возможности маршрутную исследовательскую деятельность, в частности с целью выявления, фиксации и сбора могущих быть легко утраченными разнообразных эпиграфических памятников. Возобновляет свою деятельность и успешно ее проводит IV отряд по установлению направления районной стены Маргианы III в. до н. э. на отрезках, где следы ее ранее еще не были обнаружены. Бо́льшую часть времени своей полевой деятельности уделяет Мервскому району VII архитектурный отряд. Одновременно в повышенном темпе продолжаются раскопки в ряде пунктов на Старом Мерве, дающие исходные данные для понимания и определения многообразных археологических материалов различных эпох со всех других памятников Мервского оазиса. Там же завершена большая работа по археолого-топографической съемке путем охвата ею Султан-калы, Искандер-калы и южного обвода.

Все это благоприятно сказалось на познании прошлого Мерва, которое для целого ряда эпох, особенно предшествующих арабскому завоеванию, начинает теперь раскрываться впервые. Масса сделанных

ЮТАКЭ на территории бывшей Мервской области наблюдений и установленных фактов археологического, нумизматического, эпиграфического и палеонтропологического порядка в некоторых случаях представляет определенную научную значимость для понимания истории всей Средней Азии и сопредельных стран. В отношении же многовекового существования самого Мерва работы экспедиции позволили прийти к ряду прочно документированно обоснованных новых выводов, расширяющих, дополняющих, корректирующих или даже существенно изменяющих прежние научные представления.

К ним, в частности, относится установление, что город возник не в III в. до н. э. по воле селевкидского государя Антиоха I, когда на самом деле при нем лишь вывели внешнюю для того времени стену современного городища Гяур-кала, а на несколько столетий раньше, причем основным ядром обширного древнемаргианского населенного пункта явилось городище Эрк-кала (около 12 гектаров), в пору развитого рабовладельческого общества превратившегося в цитадель.

Расцвет рабовладельческого Мерва приходится на II в. до н. э.— III в. н. э., когда была обжита вся территория Гяур-калы, где наиболее мощные многометровые толщи культурных слоев принадлежат парфянскому и раннесасанидскому времени. В Эрк-кале появляется у ворот несколько лет раскапываемый мощный замок. Внутри города—Гяур-калы —характерно наличие столетиями остававшихся на одном и том же месте кварталов ремесленников, в том числе обнаруженного и раскапывавшегося ЮТАКЭ квартала мукомолов. Именно в эту пору городская округа площадью около 60 кв. км была обнесена внешней стеной.

Пора кризиса рабовладельческого общества наблюдается в Мерве с IV в. и сопровождается некоторым захирением, когда кое-какие крупные здания разрушаются. На развалинах одного из них возникает раскапываемый ЮТАКЭ обширный дом со многими десятками комнат, принадлежавший христианской общине и наглядно свидетельствующий о ее роли в жизни тогдашнего Мерва. Новый подъем городской жизни наступает с VI столетия, но всё же ко времени арабского завоевания далеко не вся площадь Гяур-калы имеет сколько-нибудь плотную застройку. В пригородной части гуще всего заселены территории к западу и юго-западу от шахристана вдоль русла древнего канала Разика.

Захват арабами Мерва в 651 году задержал на некоторое время развитие города. Новая обстановка сложилась после успешного завершения поднятого в 746 г. в Хорасане восстания Абу Муслима, когда, по записанному в X в. средневековому преданию, «дом правления», новая соборная мечеть и базар были устроены в пригороде—рабаде на Маджане. Раскопки обнаруженного ЮТАКЭ в южной части шахристана у ворот Балин обширного квартала керамистов VII—VIII вв. попутно установили, что в VIII столетии на оплывшем гребне стены прилежащего к нему фаса Гяур-калы гончары устроили несколько хумданов. Это возможно было только в пору заброса шахристана. Таким образом археологически устанавливается новый безусловный факт в пользу достоверности упомянутого выше предания. Теперь совершенно очевидно, что за пределы начавшего замирать шахристана в западном направлении переместились не только административный и торговый центры, но и вообще основная городская жизнь Мерва. Время особого подъема города для данной поры феодализма падает на первую четверть IX

столетия, когда он на протяжении нескольких лет становится резиденцией Мамуна, провозглашенного к тому же с 813 г. багдадским халифом и остававшегося в Мерве после того до середины 817 г.

С 20-х годов IX в. после перенесения Абдаллахом ибн Тахиром своей столицы из Мерва в Нишапур, в жизни первого имел место некоторый спад, пора которого археологически освещена недостаточно. Как последствие для X в. заметное обезлюдение отмечается не только в бывшем шахристане, но и на значительной площади былого рабада, одна треть которого вообще была занята развалинами. Исключение представляла западная часть пригорода между каналами Маджан и Хурмузфарре, где, как установлено работами ЮТАКЭ, в это время начинают складываться два ремесленных квартала: керамистов и несколько севернее мастеров по изготовлению жжёных кирпичей. Другой квартал последних этого же времени обнаружен в южной части рабада к юго-востоку от ворот Балин. Прежняя цитадель (Эрк-кала) и первая соборная мечеть в центре шахристана находились в заброс.

XI в.—первая половина XII в.—время наибольшего развития феодального Мерва. Оформление центральной части города на Маджане завершилось окружением ее стеной (городище Султан-кала) с выделением в северо-восточной части особой цитадели с дворцом правителя (Шахрияр-арк). Вскоре крепостными стенами были окружены дополнительно значительные территории, примыкавшие с севера (Искандер-кала) и с юга («Южный обвод»). Вновь начал обживаться, хотя и не целиком, прежний шахристан. Там по данным археологических наблюдений не только расселяются ремесленники (в частности медники и железных дел мастера), но, как установлено путем раскопок ЮТАКЭ, в центре, где, по средневековому преданию, некогда находилась отстроенная арабами в VII в. небольшая первая соборная мечеть, воссоздается новое, своего рода мемориальное здание, часть наружных облицовок которого выполнена была с применением резных фигурных кирпичиков. Значительно разрастается раскапываемый ЮТАКЭ квартал керамистов у западных ворот Фируза севернее дороги на Абиверд. Часть изготовлявшейся здесь высокохудожественной декоративной штампованной керамики с обозначением имен мастеров, судя по обнаруженным в разных пунктах Южного Туркменистана и Узбекистана объектам, служила тогда предметом вывоза из Мерва в другие районы. О тесных торговых связях с Мавераннахром свидетельствует обнаруженное ЮТАКЭ на территории Искандер-калы уникальное в своем роде кладбище XII в. зажиточных обитателей колонии согдийских купцов, погребавших своих покойников в деревянных резных и окрашенных гробах, которые опускались в обложенные жженными кирпичами могильные ямы. Судя по обнаружению при сплошной археолого-топографической съёмке в десятках пунктов бесчисленного количества резных фигурных кирпичиков, в эту пору в Мерве появилось много облицованных ими парадных зданий, иногда покрытых также частично окрашенным штуком и изразцами. Согласно впервые расшифрованной куфической надписи, в это же время был возведен интересный мавзолей над могилой погибшего в VIII в. Мухаммеда ибн Зейда, потомка халифа Али. Строительство в северных частях пригорода в нескольких местах вдоль больших дорог вышло за пределы стены городской округи рабовладельческого Мерва.

Время вхождения в состав государства хорезмшахов—Ануштегинидов с конца XII в., характеризующегося средневековыми восточными авторами как эпоха особого процветания Мерва, явно переоценивается ими (а за ними и европейскими историками) по контрасту с предшествующей порой так называемой «гузской смуты» и с последующим упадком в результате монгольского завоевания.

Вопреки господствующим в науке представлениям, будто в результате неоднократных захватов города монголами и особенно после полного его разграбления в 1222 г. Мерв пришел в полное запустение и оставался в разрушенном состоянии до восстановления его в XV в. по распоряжению Шахруха, работами ЮТАКЭ выявлена новая эпоха в истории развития этого города за XIII—XIV вв. С одной стороны, раскопки подтвердили сообщения письменных источников об ужасном разгроме Мерва монгольскими войсками, обнаружив наглядные следы его последствий. С другой стороны, многолетним археолого-топографическим изучением установлено, что он начал оправляться уже, по крайней мере, с середины XIII в., когда была достаточно заселена пригородная территория так называемого Разик-абада, руины которого прослежены ЮТАКЭ тянущимися в юго-восточном направлении от юго-восточного угла Султан-калы и юго-западного угла Гяур-калы. В пригороде же западнее ворот Сар-и Маджан, в 50 м от стены южного обвода раскопаны остатки буддийской кумирни с майоликовой панелью и разноцветной стенной росписью с позолотой. Среди сюжетов живописи имелись белый заяц и красный дракон. Крыша кумирни была обложена черепицей дальневосточного типа, изготовленной с применением ткани китайским мастером, о чем свидетельствуют китайские иероглифы середины XIII в. Кроме многочисленных гладких плиток черепицы, встречены сделанные из того же материала угловые козырьки, скульптурные фигурки птиц, плитки с головами китайских драконов и круглые звериные маски-пугала. Кумирня подверглась разгрому в том же XIII столетии.

При восстановлении города широко использовался жжёный кирпич из полуразвалившихся зданий предшествующей эпохи. Как показывают монетные находки, именно тогда служили своего рода «кирпичеломней» руины мечети XI—XII вв. в центре Гяур-калы. В конце XIII—в первой половине XIV вв. в основном была обжита сама Султан-кала, где располагались тогда кварталы зажиточных горожан. Здесь имелись здания, облицованные майоликовыми и резными изразцовыми плитками. В восстановленной цитадели (Шахрияр-арк) функционировал дворец правителя, а неподалеку от развалин мечети встречена резная трехцветная поливная плитка от торцовой части парадного ступенчатого намогильника. От эпитафии уцелела дата 678 г. х. (1279/1280 г. н. э.). В юго-западном углу Султан-калы располагался какой-то чтимый мазар. Территория Искандер-калы обжита была слабо. Здесь обосновались кирпичники с их обширными майданами и обжигательными печами. Следы более заметной застройки отмечены между Султан-калой и Гяур-калой. Отдельные фрагменты глазурованной керамики конца XIII—первой половины XIV вв. зарегистрированы в разных местах, в том числе и на территории Абдулла-хан-калы. На достаточный подъем экономического уровня Мерва указывает восстановление деятельности его монетного двора, возобновившего во второй половине XIII столетия че-

кан золотых динаров, а также серебряных и медных монет, сперва выпускавшихся от имени «хаканова наместника Аргуна», а затем от имени самого хана. По археологическим данным, город вновь захирел во второй половине XIV в.

Археолого-топографические исследования наглядно показали, что тимуридские историки-панегиристы чрезмерно преувеличили значение и последствия мероприятий Шахруха по восстановлению Мерва, которое обычно относят к 1409 г. В действительности только приказ об этом был отдан лишь в начале 1410 г., а осуществление растянулось не на одно десятилетие, пока, наконец, город не оформился полностью на территории современной Абдулла-хан-калы. Выяснено, что городище Байрам-Али-хан-кала относится не к XVIII столетию, а представляет собой дополнительную площадь городской застройки, сложившуюся и обведенную стеной крепостного типа во второй половине XV в. в связи с дальнейшим ростом Мерва. При всем том, хотя он и достиг тогда некоторого благосостояния и пользовался кое-каким благоустройством, по своим размерам в несколько раз был меньше Мерва при парфянах и сельджукидах и ни в XV столетии, ни позднее не играл уже такой роли, как в пору расцвета рабовладельческого общества или в XI — первой половине XII вв.

Таковы только некоторые исторические выводы обобщающего порядка, выкристаллизовавшиеся в результате историко-археологических работ ЮТАКЭ по изучению прошлого Мерва[18]. Они снова показывают, что предложенная в свое время В. В. Бартольдом слишком упрощенная схема трехчастного сложения и развития средневековых городов Средней Азии и Ирана (арк, шахристан, рабад), которой позднее придерживался в своих работах профессор А. Ю. Якубовский, а также ряд других видных специалистов (Б. Н. Засыпкин, В. А. Лавров и др.), далеко не универсальна и не приложима к Мерву, как и к большинству других крупных феодальных городов с многовековым прошлым.

Результаты исследований ЮТАКЭ в Старом Мерве частично уже нашли отражение во многих десятках отдельных статей, публиковавшихся в различных научных органах и, между прочим, в «Известиях Академии наук Туркменской ССР» за многие годы. В V томе «Трудов ЮТАКЭ» приведены краткие данные о работах экспедиции на мервских городищах до 1952 г. В VI томе той же серии содержится ряд разделов по развитию архитектуры в Мерве за разные эпохи. В VIII томе «Трудов ЮТАКЭ» помещены работы, в содержании которых упоминаются применявшиеся там древние строительные материалы, сводчатые конструкции, разные типы средневековых, а равно и древнемаргианских керамических печей.

В дальнейшем на тему об истории развития Мерва за все время его существования намечается составление особой монографии, которая должна будет завершить собою публикацию томов серии «Труды ЮТАКЭ», целиком содержащих исследовательские работы по отдельным вопросам прошлого Мерва, написанные коллективом участников экспедиции. Первым из них был том XI, посвященный керамическому производству античного и средневекового Мерва и охватывающий период свыше 1300 лет, кончая началом XIII столетия. Для этого отрезка времени ЮТАКЭ разработана по керамике довольно дробная хро-

нологическая школа, базирующаяся как на вскрытии свыше полусотни гончарных обжигательных печей разных эпох, так и на многочисленных комплексах археологической керамики, полученных за ряд лет при раскопках в разных местах на территории Старого Мерва и отчасти его былой области.

Настоящий XII том, включающий работы одинадцати авторов, охватывает своей тематикой прошлое Мерва за период около 2500 лет. В качестве приложения публикуется бескорыстно составленный и поднесенный в дар коллективу ЮТАКЭ постоянным активным добровольным участником камеральной работы экспедиции крупнейшим библиографом Средней Азии ныне покойным Евгением Карловичем Бетгером, «Указатель к Протоколам и сообщениям членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока». Данный труд будет безусловно полезен для всех исследователей прошлого не только Мерва, но и всего Южного Туркменистана, кому придется пользоваться при своих изысканиях в литературе выпусками этого серийного издания, давно ставшего библиографической редкостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. Труды Таджикского филиала АН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 5.

2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., т. I. Труды УзФАН СССР, серия история археологии, вып. 2, Ташкент, 1941; Термезская археологическая экспедиция, т. II. Труды АН УзССР, серия история-археология. Ташкент, 1945; Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). Сообщения ИИМК, VIII. 1940, стр. 113—115; Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. Труды САГУ, вып. LXXXI. Ташкент, 1956, стр. 30—31 и др.

3. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 2 и 15; Вяткин В. Л. Афрасиаб, городище древнего Самарканда. Самарканд—Ташкент, 1927, стр. 4 и 19.

4. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 155—166.

5. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 35.

6. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 16—115; Пугаченкова Г. А. Ниса. Краткий путеводитель. Ашхабад, 1958 (на русском и туркменском языках).

7. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 36—38, 45—46, 51—54, 65 и 68.

8. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийской области. Спб, 1894.

9. Бартольд В. В. К истории Мерва. ЗВО, т. XIX, Спб, 1909.

10. Жуковский В. А. Ук. соч., стр. 7.

11. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, vol. I. Washington, 1908.

12. Письменных материалов А. А. Марущенко о раскопках в Мерве отыскать в 1946 и в 1947 гг. не удалось; данные о стратиграфическом раскопе Б. Б. Пиотровского были любезно предоставлены по просьбе ЮТАКЭ самим автором в виде статьи и иллюстраций, которые опубликованы под заглавием «Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве» в «Материалах ЮТАКЭ», вып. I. Ашхабад, 1949, стр. 35—41.

13. Cohn-Wiener E. Die Ruinen der Seldschukinstadt von Merv und das Mausoleum Sultan Sandshcars. Jahrbuch der asiatischen Kunst, 1925.

14. Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. Сообщения РАИМК, I. Л., 1926.

15. Jakoubovsky A. Merw al-Chahidjan. Encyklopaedie des Islam, lief. 3. 1937, p. 159 сл.

16. Первая в Средней Азии археолого-топографическая съемка рабада, но только в виде контурной схемы с показом отрезков лишь шести наиболее крупных улиц, была осуществлена для Старого Термеза в 1936 году по линии Термезской археологической комплексной экспедиции.

17. Результаты этих работ XIV отряда ЮТАКЭ отражены в ряде опубликованных статей и в книге Массона В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73. М.—Л., 1959.

18. Обобщение новых представлений по истории Мерва см.: Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4; Его же. Новое в истории Мерва по данным работ ЮТАКЭ 1946—1950 гг. Тезисы докладов на сессии Отд. ист. и фил. и ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946, 1950 гг. М., 1951. Его же. Мерв. БСЭ, т. 27, М., 1954; Его же. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955; Пугаченкова Г. А. Старый Мерв. Путеводитель по городищам и памятникам, Ашхабад, 1960.

ЭРК-КАЛА

(по материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.)

На общем фоне руин древнего Мерва выделяется овальная в плане Эрк-кала — самое древнее из пяти городищ Старого Мерва, с оплывшими, но сохранившимися на большую высоту, мощными крепостными стенами. До работ ЮТАКЭ Эрк-кала специально никогда не изучалась в широком историческом аспекте. А между тем уже предварительные разведки, с учетом данных прежних лет, показали, что углубленное археологическое изучение этого объекта может дать новые факты, которые позволят выявить, что представлял собой Мерв поры рабовладельческого общества как один из древнейших городов Средней Азии.

Исторически важным является документальное разрешение вопроса, была ли действительно Александрия Маргианская на месте Старого Мерва и, если да, то что она собой представляла. Для истории не только Туркмении, но и Средней Азии в целом, принципиальным является установление момента, с которого началось интенсивное развитие рабовладельческого города на территории Мерва и последующих этапов его существования, начиная с поры кризиса рабовладельческой формации и до эпохи сложения нового феодального городского центра на городище Султан-кала.

Всё вышеперечисленное, с учетом почти полного отсутствия сведений в письменных источниках о Мерве поры рабовладения и раннего феодализма, еще больше подчеркивает значимость получения новых археологических наблюдений и вещественных материалов по истории Мерва.

Поэтому, в связи с проблемой культуры парфянского государства, наряду с изучением других памятников поры античности, научным руководителем ЮТАКЭ профессором М. Е. Массоном было запланировано с 1955 г. многолетнее специальное изучение Эрк-калы с целью установления времени возникновения на этом месте са́мого древнего поселения—момента, когда территория его была обнесена стеной и включена как цитадель в контур античного города — периодов расцвета, упадка и окончательного запустения.

Историю изучения Эрк-калы и развалин Мерва в целом можно начать с момента присоединения Средней Азии к России. После вхождения Туркестана в состав России на первых порах центральные научные учреждения очень слабо реагировали на возможность археологического изучения Средней Азии. В тематике работ Археологической комис-

сии мало были затронуты вопросы среднеазиатской археологии. Но уже в этот период в печати появляется ряд работ по Мерву, в которых описываются дороги, ведущие к нему, богатства края, быт и нравы туркмен[1].

В 1886 г. в «Туркестанских ведомостях» была опубликована заметка с упоминанием Гяур-калы, в которой сообщалось: «Как сильны были укрепления Мерва... можно судить по тому, например, что одно из таких укреплений, имеющее высоту до 15 саженей и периметр до 6 верст, требовало для своего возведения грандиозных земляных работ... Упомянутые колоссальные укрепления по догадкам генерала Комарова... возведены были еще до Александра Македонского... »[2]. Кстати, сам генерал-лейтенант А. В. Комаров несколько раз бывал в Мерве и даже предпринимал раскопки на Эрк-кале, но установить сейчас, какие из оставшихся следов былых раскопок принадлежат ему, очень трудно. На одном из заседаний Восточного отделения Русского археологического общества в 1888 г. им был сделан доклад о Закаспийской области в археологическом отношении, в котором он коснулся и Мерва. Некоторые данные о Мерве появились тогда в прессе, в которых упоминалась цитадель Мерва, а также сообщалось об интересном моменте, когда 100 казакам в течение двух часов удалось собрать в старом Мерве до 1 500 монет и резных камней[3]. Мерв в этом отношении дает и сейчас в подъемном материале обилие нумизматических объектов и щедро дарит исследователям прекрасные образцы древнего камнерезного искусства[4].

Первым, по сути дела, серьезным исследователем развалин Мерва явился В. А. Жуковский, который в 1890 г. был командирован по предложению Императорской Археологической комиссии в целях изучения мервских развалин и близлежащих к ним окрестностей по обоим берегам Мургаба. Комиссия желала получить, кроме подробных описаний этих развалин, еще планы и фотографические снимки. Но В. А. Жуковский не ограничился полученным заданием, он не только описал все памятники и собрал подъемный материал, но и осуществил небольшие раскопки. Один раскоп был заложен в центре небольшого холма, расположенного в северо-западной части цитадели в виде двух глубоких траншей, пересекающихся под прямым углом; второй—на центральном холме Эрк-калы. Весь полученный археологический материал был им использован при подведении итогов работ по изучению Мерва. В. А. Жуковский не был археологом и подходил к изучению памятника прежде всего с точки зрения востоковеда, что наложило отпечаток на его работу; характерную черту для дореволюционного периода являло отставание археологических исследований от разработки истории Средней Азии по письменным источникам, из которых В. А. Жуковский и В. В. Бартольд извлекли и ввели в научный обиход «огромный фактический материал, подняв своими трудами изучение истории Средней Азии на уровень лучших работ буржуазной исторической науки»[5]. Однако то, что в целом сделал В. А. Жуковский в 90-х годах прошлого столетия, еще долго будет отправным справочником по истории Мерва не для одного поколения археологов. Вышедший в 1894 г. его капитальный труд «Развалины Старого Мерва» явился крупным событием в истории востоковедения XIX в. Работа заслуженно получила высокую оценку ведущих ориенталистов востоковедов В. В. Бартольда, В. Г. Тизенгаузена, А. Г. Туманского и др.[6] В. В. Бартольд писал, что

такой «....работы нет до настоящего времени ни об одном городе Средней Азии или Персии, ни на одном из европейских языков»[7]. Эти слова мы вправе вновь повторить и сегодня.

Но исследования Мерва корифеями востоковедения, такими как В. А. Жуковский и В. В. Бартольд, больше связаны со средневековьем и в крайне малой степени с античностью, поэтому мы располагаем лишь извлечениями сведений о Гяур-кале, которую застали арабы со времени сасанидов. Вот почему для поры античности и раннего средневековья основной материал должны дать археологические исследования.

После выхода в свет капитального труда В. А. Жуковского интерес к столь богатым и малоизученным, но многообещающим памятникам Мерва заметно возрос. В Мерв потянулись всякого рода любители старины и любители попутешествовать, но для изучения Мерва они, по сути дела, ничего не сделали[8]. В Ашхабаде начал работать Закаспийский кружок любителей археологии, просуществовавший с перерывом с 1901 по 1906 г. и с 1914 по 1917 г. Первый период деятельности кружка прошел почти бесследно. За второй период им опубликованы четыре выпуска «Протоколов заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока»[9]. Была проделана большая работа по фактонакоплению, но в большинстве своем это был материал, как справедливо отмечает М. Е. Массон, «недостаточно доброкачественный ни с точки зрения его научной документации, ни с точки зрения теоретического освещения». Кроме того, Закаспийским кружком любителей археологии изучались памятники в первую очередь архитектурные, а такие крупные объекты, как Гяур-кала с цитаделью и Султан-кала не стали предметом их изучения. Это в какой-то мере оправдывалось и тем, что на раскопки таких памятников, как Эрк-кала и Гяур-кала требовались колоссальные суммы, коими не располагал кружок.

В 1904 г. в Мерв для археологических раскопок прибыла американская экспедиция института им. Карнеги, возглавляемая геологом Р. Пампелли. «Императорская археологическая комиссия поставила американцам условие, чтобы найденные ими древности не были вывозимы за границу и чтобы памятники древности не подвергались при исследованиях порче или уничтожению». Деятельность экспедиции должна была ограничиваться только обработкой добытого археологического материала, а контроль над выполнением поставленных условий был возложен на В. В. Бартольда[10].

Членом экспедиции археологом Г. Шмидтом в Мерве, помимо раскопок, было заложено семь шурфов, из них II и III на Эрк-кале, где доныне видны три американские штольни, вырытые ими на различных уровнях с западной стороны центрального холма, и следы раскопа на верху его (рис. 1).

Во всех трех штольнях хорошо видна сплошная сырцовая кладка. Размеры кирпича в двух нижних штольнях замерить трудно, потому что направление их не совпадает с направлением кладки: штольня прорезает ее наискось под некоторым углом, поэтому целый кирпич в разрез штольни не попадает. В самой верхней штольне был встречен квадратный кирпич размером 41×42×10—12 см. Порочный метод раскопок американцев, избранный с целью быстрейшего определения назначения центрального холма цитадели, не приведший однако к желанной цели,

заслуживает всяческого порицания. Отсюда неточная фиксация собранных богатых археологических объектов, которые могут быть использованы сейчас только в качестве дополнительного сравнительного материала.

Рис. 1. Эрк-кала. Центральный холм со следами американских штолен

Несмотря на то, что встреченный археологический материал сопровождался определенными А. К. Марковым монетами и изученными русскими ориенталистами К. Г. Залеманом и В. В. Радловым надписями члены американской экспедиции никаких выводов по истории Мерва не сделали[11].

В последующие годы до Великой Октябрьской социалистической революции некоторые работы в Мерве были сосредоточены на реставрации мавзолея Султана Санджара, а остальные руины оставались вне внимания[12]. После революции городища древнего Мерва были взяты государством под охрану, а в 20-х годах здесь побывала специальная комиссия Средазкомстариса. Нельзя не упомянуть замечания члена комиссии А. А. Семенова, посетившего Мерв в сентябре 1926 года: «...покидая развалины Старого Мерва разных эпох, мы не смогли не остановиться на мысли о необходимости съемки их авиационным путем, что явилось бы прекрасным дополнением к работе проф. Жуковского. Не менее того, и подробное обследование их современного состояния и фотографическая фиксация в самых широких размерах должны быть также поставлены в ближайшую очередь, потому что с 1890 г., когда проф. Жуковский так обстоятельно исследовал все эти развалины, прошло 36 лет и очень многое из них или совсем исчезло или изменилось до неузнаваемости»[13].

Однако изучение Мерва, запланированное еще в 1931 г. по линии Туркменкульта, было осуществлено экспедицией Туркменского государственного научно-исследовательского института лишь в 1937 г., когда на Эрк-кале были зафиксированы слои середины I тысячелетия до н. э.[14] В архивах отсутствуют научные отчеты, дневники, графический материал, относящийся к этой экспедиции, поэтому о проведенных работах можно судить только на основании коллекций краеведческого му-

зея в г. Ашхабаде и некоторых сведений, любезно сообщенных А. А. Марущенко. В настоящее время, опираясь на большой фактический материал и стратиграфические наблюдения, полученные по линии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), появилась возможность как-то осмыслить касающиеся Мерва материалы 30-х годов. При раскопках на центральном бугре в Эрк-кале были пройдены разновременные слои. В верхних слоях было вскрыто здание VIII в. н. э., ниже которого шли остатки также ранне-средневековых построек. Под ними были обнаружены помещения, стены которых были покрыты белой штукатуркой, относящиеся, вероятно, к парфянскому времени, поскольку ниже уже шли остатки здания, возведенного из прямоугольного сырцового кирпича. Узкие помещения покоились на мощной платформе из такого же прямоугольного кирпича. На полу комнат был якобы обнаружен керамический материал типа Анау IV в виде небольших сосудов баночных форм с расширяющимся кверху венчиком и с подкосом в месте перехода от почти прямых стенок к донной части. Керамику сопровождали бронзовые наконечники стрел лавролистной и пулевидной формы, глиняные ядра.

В той же Эрк-кале А. А. Марущенко заложил шурф между центральным холмом и южной башней. Верхние культурные слои дали материал сасанидского времени, а ниже шли напластования парфянского времени. С глубины 10—13,50 м был встречен слой с керамикой типа Анау IV, ниже которого шел уже материк. Последний слой дал несколько обожженных биконических ядер, втульчатый двуперый наконечник стрелы, а выше, на глубине 8,20—10,20 м, был найден бронзовый трехперый наконечник стрелы. В настоящее время шурф сильно затянуло и виден только громадный целый хум, по форме типичный для сасанидского времени, аналогии которому дают хумы из квартала мукомолов у северных ворот Гяур-калы.

Наконец, в том же году разведочные работы на Эрк-кале провел Б. Б. Пиотровский, ставивший целью выяснить и уточнить датировку нижних культурных слоев, подстилающих городище. Раскоп был заложен на северо-западном бугре Эрк-калы рядом с шурфом В. А. Жуковского. Полученный материал позволил Б. Б. Пиотровскому сделать вывод о наличии жизни на данной территории еще во второй четверти I тысячелетия до н. э.[15] Во встреченной платформе из пахсы и сырцового кирпича содержалось большое количество керамического материала типа Анау IV, что позволяет относить платформу уже к раннепарфянскому времени, чему не противоречит и материал, обнаруженный над этой платформой, который Б. Б. Пиотровский ошибочно датирует первыми веками нашей эры.

Последующие работы на Эрк-кале осуществлены были только в послевоенные годы, когда началось широкое научное изучение Мерва и его округи в археологическом отношении по линии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.

В 1948 г. XV отряд ЮТАКЭ под руководством С. А. Вязигина осуществил археологические исследования на центральном холме цитадели городища Гяур-кала, где А. А. Марущенко в 1937 году вскрыл здание раннеисламского времени. Кратковременные работы отряда были прерваны в связи с событиями ашхабадского землетрясения, и основная задача получения полной стратиграфии культурных слоев до материка

не была доведена до конца. Но даже и при этих условиях отряду удалось получить интересные факты и подвергнуть сомнению план раскопа 1937 года А. А. Марущенко.

В северо-западной части холма (раскоп № 2) С. Вязигиным была обнаружена выкладка из сырцовых кирпичей, совпадающая с направлением стен здания, раскопанного А. А. Марущенко. На поверхности этой сплошной платформы была встречена вымостка, видимо, пола помещения из жжёного кирпича размером 22×22×5 см и 17×17×4 см. На некоторых из них были отмечены резные знаки-клейма.

Следующий раскоп № 4 С. А. Вязигин заложил в середине площадки комнаты «а» раскопа А. А. Марущенко. Вскрытие дало значительное количество фрагментов хумов и сероглиняной керамики, один венчик хума имел пехлевийскую надпись VI—VII вв., выполненную черной тушью и несколько медных монет. На глубине 4,12—4,20 м зафиксирован слой обуглившегося дерева. Производитель работ связывал его с горелым слоем раскопа А. А. Марущенко, который считал его уровнем пола комнаты парфянского времени[16].

Таким образом, работы 1948 г. носили разведочный характер и показали, что предстоят большие трудности в получении четкой стратиграфии культурных напластований на центральном холме Эрк-калы из-за наличия ряда раскопов и шурфов, выполненных разными исследователями в разное время с присущей им методикой и различными целями. Поэтому с 1950 г., когда М. Е. Массон сам возглавил многолетнее изучение Мерва, раскопки были продолжены в северо-западной части центрального холма с целью выяснения наличия культурных слоев парфянского времени. Работы осуществлялись здесь археологом М. С. Мерщиевым.

Верхний слой дал остатки здания позднесасанидского времени, стены и пол которого были выложены из сырца зеленоватого цвета 39×39×9 см, 40×40×9 см. Ниже шел слой с остатками пола помещения, где обнаружена монета Варахрана II (273—290). Под полом этой комнаты на глубине 34 см был обнаружен еще один уровень более древнего пола, выложенного из жжёного кирпича 40×30×5 см. Здесь встречены были бронзовые наконечники стрел и верхняя часть стиля из слоновой кости с вырезанной на конце кистью руки. В результате раскоп I выявил, что «эта часть былой цитадели в основном получила свое завершение в парфянское время, когда окончательно был создан массив огромной платформы из крупного сырцового кирпича»[17].

На этой платформе сохранились остатки строений парфянского и раннесасанидского времени, которые были использованы впоследствии для возведения нового комплекса сооружений VI—VII вв. Раскопки 1950 г. выявили частично план этого комплекса, внеся существенные коррективы в план А. А. Марущенко. Установлено, что это вовсе не дворцовое сооружение, как полагал последний, а дом правления Мерва с группой однотипных комнат, вмещавших чиновно-административный аппарат[18].

Остатки этого административного здания представлены группой разнообразных прямоугольных комнат, стены которых параллельны, за исключением нескольких комнат в восточной части раскопа. Кладка осуществлена из сырца размером 39—40 см в стороне на 10 см, сохранились следы штукатурки на стенах и полу[19].

Объект, располагаясь на вершине центрального бугра, занимал господствующее положение над всей цитаделью и это создавало впечатление величия и мощи, между тем ничего парадного, характерного для дворцовых сооружений, во внутреннем убранстве комнат не было.

Работами этого же года было установлено наличие в слоях, лежащих ниже полов парфянского времени, фрагментов керамики типа культуры Анау IV, представленных, в основном, цилиндрическими сосудами с подкошенным дном, в сопровождении втульчатых двухлопастных бронзовых наконечников стрел.

Рис. 2. Эрк-кала. Восточный фас оплывших крепостных стен.

Шурф, заложенный в 1953 г. автором настоящей статьи несколько севернее шурфов В. А. Жуковского и Б. Б. Пиотровского, подтвердил данные прежних лет о том, что самый ранний слой, подстилающий территорию Эрк-калы, содержит материал середины I тысячелетия до н. э., а выше этого слоя отмечен период временного запустения.

В целях изучения стен городища Эрк-калы в 1954 г. археологом И. Ахраровым на северном фасе внутреннего склона крепостной стены была начата расчистка бровки шириной 2 м. Чтобы проследить и найти край «живой кладки» стены городища, расчистка велась путем снятия верхней рубашки—мощного слоя оплыва, достигавшего в иных местах до 1,50 м толщины. В результате было выявлено несколько поздних ремонтных футляров из кирпича 33×33×10 см; 40×40×11 см; 45×45×14 см.

С 1955 года Эрк-кала становится предметом специального изучения автором данных строк под руководством проф. М. Е. Массона с целью поднятия истории городища.

В настоящее время городище Эрк-кала воспринимается в плане как неправильный овал со слегка заметными гранями, площадью около 20 га и расположено в центре северного фаса стен Гяур-калы. Высота оплывших стен с крутыми склонами 20—25 м, над которыми четко вырисовываются остатки возвышавшихся некогда башен в виде оплывших холмиков (рис. 2). Северный фас Эрк-калы несколько выступает за линию стен самого города. Оплывы стен Эрк-калы намного выше стен Гяур-калы и господствуют над окружающей местностью. Городище имело единственный въезд с южной стороны, осуществлявшийся с помощью пандуса.

В центре городища возвышается бугор с остатками строений на-

верху. Вся северная часть представляет почти ровную пониженную площадь и только в северо-западном углу возвышаются оплывшие невысокие холмления. Зато вся южная часть городища от центрального бугра до южных ворот сохранила большую толщу разновременных культурных напластований.

Раскопки осуществлялись в трех пунктах: на центральном холме, к западу от него и у южных ворот на крепостной стене. Ниже приводятся обобщенные данные.

ДРЕВНЕМАРГИАНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ЭРК-КАЛЕ

Как видно из истории изучения Эрк-калы факт наличия культурных слоев второй половины I тысячелетия до н. э. был установлен не так давно и требует все новых доказательств и подтверждений. Исследования последних лет В. М. Массоном древнеземледельческих культур в дельте Мургаба заставляют вновь со всей серьезностью вернуться к вопросу первоначального обживания территории Мерва в связи с проблемой сложения в Средней Азии классового общества и первых государственных образований[20].

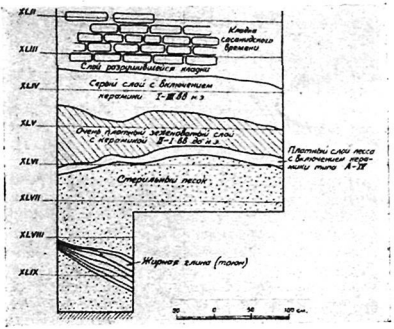

Рис. 3. Эрк-кала. Стратиграфический шурф 4.

Уже заложенный в 1953 году на Эрк-кале контрольный шурф 4 на холме к северо-западу от центрального бугра, рядом с раскопами В. А. Жуковского и Б. Б. Пиотровского, ставил целью уточнить стратиграфию древних культурных слоев, подстилающих городище. В полученном разрезе (рис. 3) вверху четко выделялась кладка из плохого зеленоватого кирпича размером в стороне 35—38 см на 10—12 см сасанидского времени. В оплыве над этой кладкой была, между прочим, поднята миниатюрная, тонкая овальная пластинка из красного сердолика с изображением тамгообразного знака в виде полумесяца

на стерженьке, заканчивающемся перевернутой трехвилкой. Подобные знаки широко распространены в сасанидском изобразительном искусстве. В работе Г. А. Пугаченковой о геммах из Мерва дана трактовка смыслового значения данного знака, а также объяснение его изобразительного генезиса[21].

Ниже кладки шел мешаный парфяно-сасанидский слой с керамикой, представленной как крупными сосудами, так и разнообразными формами чаш, тарелок, кувшинов. По мере углубления слои становились плотнее, с зеленоватым оттенком. Здесь были встречены два пирамидальных ядра в стороне 14 и 17 см и керамика, по основным формам и качеству черепка относящаяся к раннепарфянскому времени — в том числе фиалы и бокалы. Почти вся эта посуда ангобирована светлым ангобом, а бокалы, как правило, ангобированы лишь до подкоса. Встречена довольно изящная кухонная посуда горшкообразных форм с примесью шамота, с тонкими стенками и небольших размеров.

Отмечается наличие в этом слое и фрагментов клювообразных венчиков, сосудов с резким подкосом при переходе к донцу, столь характерных для керамики типа Анау IV. Этот сравнительный термин «типа Анау IV» в настоящее время несколько устарел, так как для памятников Маргианы эпохи поздней бронзы и раннего железа разработана новая стратиграфическая колонка по линии ЮТАКЭ, по которой две культуры—Яз II и Яз III[22]—соответствуют культуре Анау IV. Нижние культурные слои древнего Мерва содержат материал синхронный Яз III. Поэтому в дальнейшем мы будет ссылаться на новую маргианскую классификацию.

Вслед за описанным слоем идет слой незначительной толщины, как и в раскопе Б. Б. Пиотровского, с включением керамики типа Яз III. Вся она сделана на гончарном круге, черепок в изломе красный и розовый, ангоб светлый и цвета теста. Только здесь встречена керамика, покрытая розовым ангобом, плотно впитавшимся в черепок, и найдено несколько биконических ядер. Посуда представлена цилиндрическими формами с подкосом в месте перехода к донной части и прямым венчиком, чашами, профилированными венчиками горшков, хумов и хумча.

Под этим слоем пошел рыхлый сыпучий песок, толщиной более двух метров, представлявший некогда древний уровень дневной поверхности, с которого началось обживание данной территории.

Совсем иная стратиграфия культурных слоев получена нами на центральном холме. Здесь в 1956 г. был заложен шурф (раскоп № 2) на северном склоне, на месте старого раскопа с тем, чтобы при наименьшей затрате труда получить в разрезе древние культурные напластования, подстилающие городище, и соответствующий керамический материал.

Шурф дал следующую картину (рис. 4). Под слоем натека старого раскопа сразу же на уровне XXXIII яруса была встречена кладка из прямоугольного кирпича размером 54×27×10—14 см, 51×31×10,5 см, 57×29×13 см. Кирпич изготовлен из глины с большой примесью тоюна (болотной глины) и песка, без включения самана. Перевязка швов в плане представляется так: два ряда кирпичей положены тычком, один ряд—ложком (рис. 5). Сплошная кладка продолжалась до материка (LXIII ярус), который и был уровнем дневной поверхности в середине

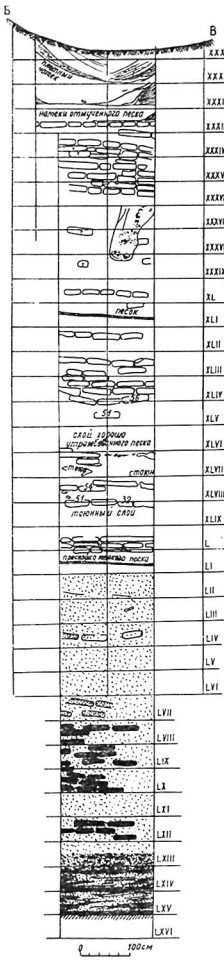

Рис. 4. Стратиграфический шурф (раскоп 2).

I тысячелетия до н. э. Высота этой сплошной выкладки платформы достигает 15 м.

Разрез показал, что платформа возводилась в три очереди. Сначала сложили ее на высоту 6 м, затем был перерыв в строительстве и за этот промежуток надуло слой мелкого песка (LI ярус). Позже кладку продол-

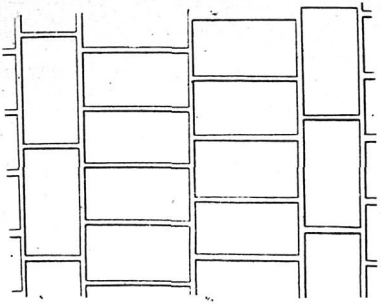

Рис. 5. Схема перевязки прямоугольных кирпичей.

жили еще на 5 м (XLI ярус) и вновь прервали работу, в результате чего образовалась довольно толстая прослойка песка. В третий раз выкладку платформы, наконец, завершили. Следует отметить, что сохранность прямоугольного кирпича хорошая только в верхних горизонтах платформы, а чем ниже, тем кирпич хуже различим от утрамбованного слоя песчаной земли. Видимо, чередование кладки с слоями хорошо утрамбованного песка при строительстве платформы специально не осуществлялось, а слои песчаной глины образовались в результате разрушения слабо сформованных кирпичей, в глину которых введено много песка. Там же, где кирпич с примесью тоюна, сохранность кладки хорошая. Часто в тоюнном кирпиче встречаются ракушки водолюбивых моллюсков. Все эти факты и структура самого кирпича говорят о том, что первые поселенцы на территории Мерва для облегчения своего труда использовали для формовки близрасположенные речные отложения с отмученным песком, который при обсыхании кирпича осыпался; вот почему многие кирпичи по размерам в разрезе шурфа не совпадают при обмере с установленным стандартом и не имеют четких граней. А чтобы избежать разрушения слабого песчаного кирпича под фундаментом будущих зданий, строители осуществили в верхних слоях платформы на высоту 1,50—2 м выкладку из кирпича, формованного уже из глины, но все еще без примеси самана, обеспечивающего его прочность.

Новые данные были получены также М. Филанович в 1958 году при осуществлении раскопок на холме к западу от центрального бугра с целью уточнения стратиграфии городища (раскоп № 3).

Этот холм отделяется от центрального бугра небольшим про-

странством древней улицы, а на поверхности его археологический подъемный материал датируется не позднее конца III в. н. э.

Вскрытие показало, что в основе всего комплекса, начиная с уровня 2,42 м от репера лежит монолитная платформа, сложенная, как и платформа центрального холма, из продолговатого кирпича размером 50×30×10—14; 51×31×10,5; 54×29×10; 57×29×13 см. При этом невольно предстают перед глазами массивные кладки платформы в основании цитадели из сырца 54×30×10 см на древнемаргианском поселении Яз-депе эпохи поздней бронзы и раннего железа; в памятниках Хорезма середины I тысячелетия до н. э. использовался кирпич размером 53×23×20—13 см.[23] Выкладка платформы осуществлялась с откосом в 75° и имела форму усеченной пирамиды. Характер пере-

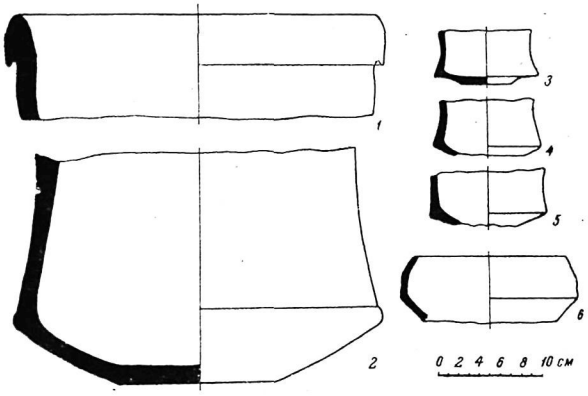

Рис. 6. Древне-маргианская керамика типа Яз III.

вязки кирпичей такой же, как и в платформе центрального холма. Факт наличия одинаковых кирпичей в обеих платформах Эрк-калы является непреложным доказательством одновременности их возведения.

Исходя из установленного древнего уровня дневной поверхности, вторая платформа имела высоту более чем 8 м. В кладках платформы отсутствует керамика, а это является показателем того, что стилобаты возводились на еще необжитом человеком месте не позднее второй четверти I тысячелетия до н. э., времени, к которому мы относим самую раннюю керамику типа Анау IV, встречаемую на Эрк-кале (рис. 6).

Обнаруженные здесь клювообразные венчики и банкообразной формы сосуды с подкошенной донной частью находят себе самые ши-

рокие аналогии в древнемаргианских поселениях Южной Туркмении (Яз III) и на территории Средней Азии в комплексах второй четверти I тысячелетия до н. э.: в слоях Кобадиан I, Афрасиаб I, Кюзели-гыр и др.[24], а также сопредельных стран[25].

В пользу раннего обживания территории Эрк-калы говорит и фрагмент стенки лепного сосуда, подобранного на северном склоне центрального бугра. Черепок темно-серой глины с отпечатком матерчатого шаблона, ткань которого имела простое переплетение. По облику и технике изготовления эта архаическая керамика может быть отнесена к более раннему времени, чем керамика Яз III. Предположение В. М. Массона о наличии, по крайней мере, двух строительных комплексов в культурных слоях с керамикой типа Анау IV на Эрк-кале подтвердилось работами на раскопе № 3. Первоначально была возведена платформа с откосом в 75°, а затем ее расширили путем пристройки к ней с северной стороны дополнительной кладки из такого же прямоугольного кирпича.

Исходя из аналогий с Яз-депе, надо полагать, что платформа центрального бугра в Эрк-кале выполняла функцию цитадели, где, возможно, располагались административные постройки, а на меньшей, западной платформе — хозяйственные помещения, внутренне связанные по назначению с постройками на цитадели. Традиция же использования возвышенных платформ в качестве фундаментов под строительство весьма характерна для древневосточного архитектурного зодчества. В ахеменидскую пору этот строительный прием получил развитие на юге Средней Азии и в Хорезме, поскольку все эти области связаны общностью условий и строительных материалов из лёсса. Если в Хорезме стилобаты возводились путем закрепления барханов цементированной коркой песка и строительного мусора и возведением сырцовой клетки, заполняемой затем песком[26], то в Маргиане осуществлялось более трудоемкое сооружение оснований под здания, когда выкладка платформ делалась сплошь из сырцового кирпича. Такой объем работ был возможен только с применением рабского труда. И то, что обе платформы возводились на аллювиальных отложениях, и то, что археологический материал в кладках платформ отсутствовал, — факты, указывающие на возникновение платформ одновременно с поселением. Это происходило где-то в середине I тысячелетия до н. э. на грани культур Яз II и Яз III, когда Яз-депинский оазис в дельте р. Мургаб доживал последний этап своего расцвета (Яз III), и после затухания жизни в былом оазисе центр окончательно переместился на территорию Эрк-калы. Видимо, к этому времени и относится расширение платформы на раскопе № 3. Становление рабовладельческих отношений и более высокий уровень культурного развития эрк-калинцев способствовали в какой-то мере созданию платформы под цитадель своей столицы вдвое выше, чем на Яз-депе.

Мы не располагаем пока данными, которые говорили бы об оборонительных укреплениях Эрк-калинского поселения. Но учитывая, что Яз-депе до конца оставалось неукрепленным[27], мы вправе считать, что Эрк-калинское поселение на первых порах своего существования было еще неукрепленным. Укрепления начали создаваться, надо полагать, в момент, когда центр области переместился уже в район среднего течения Мургаба.

В VI в. до н. э. Маргиана входит в состав Ахеменидской державы; этот факт запечатлен в Бехистунской надписи Дария I упоминанием области как входящей в его владения. Будучи, таким образом, в системе централизованной развитой рабовладельческой державы, Маргиана оказалась в связи с наиболее развитыми странами Переднего Востока, что способствовало, в свою очередь, усилению торговли, развитию товарного обращения. Маргиана, как и другие среднеазиатские области, ощутила всю тяжесть выплаты государственных налогов, поставки воинских ополчений. Новые условия способствовали быстрейшему становлению рабовладельческих отношений и возникновению городов на месте поселений. Как показывают археологические данные, уже с середины I тысячелетия до н. э. Эрк-кала развивается как город. Цитадель на мощной платформе, видимо, была местом пребывания местного правителя, приобретавшего в условиях постепенной децентрализации Ахеменидской империи все бо́льшую самостоятельность [28]. Когда в IV в. до н. э. Александр Македонский прибыл в Маргиану, он застал здесь уже укрепленные города. Версию об основании им Александрии Маргианской следует истолковывать иначе: по всей вероятности, Александр только приказал лучше укрепить не совсем надежные стены города для безопасности оставленного здесь гарнизона.

Дополнительный материал к вопросу о древнем поселении на территории Мерва дали исследования, осуществленные ЮТАКЭ на Гяур-кале.

Наглядную картину древних напластований дает стратиграфический шурф № 3 с восточной стороны проёма северных ворот Гяур-калы, примыкающих к Эрк-кале, заложенный в 1953 г. с целью выяснения, на чем стоит крепостная стена и времени ее возведения. Оказалось, что кладка стены из квадратного античного сырца на глиняном растворе покоится здесь на рыхлом комковатом слое земли без включения керамики (50 см), а под ним идет плотный слой лёсса (до 1 м) с включением керамики, представленной клювообразными венчиками. Непосредственно на материке было найдено одно рыхлое биконическое ядро желтоватого цвета.

Таким образом, стены Гяур-калы возводились в античную пору на слое запустения после ахеменидского времени, который в Эрк-кале пока не зафиксирован. Шурф № 6, заложенный в том же году в северо-восточном углу Гяур-калы, подтвердил, что и здесь наиболее древним для Мерва является слой, содержащий древнемаргианскую керамику. Полоса постепенного и длительного запустения местности хорошо прослеживается в данном шурфе, где под парфянским слоем следовал слой надувного песка, а на глубине 2,60 м пошел культурный слой древней Маргианы, в котором помимо керамики был найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы.

В шурфе № 2, расположенном в центре Гяур-калы, из нижних слоев были извлечены высококачественные целые сосуды, типичные для Яз III. Уже в пору Яз III (V—IV в. до н. э.) поселение это было больших размеров и захватывало территорию будущего города античного Мерва, а цитадель находилась в Эрк-кале. Она стала столицей древней Маргианы, вошедшей в состав Ахеменидской державы.

Таким образом, все шурфы Гяур-калы в нижних слоях дали примерно одну и ту же картину напластований: самым древним слоем для

Мерва является древнемаргианский с керамикой типа Яз III. Последовательная смена культурных напластований в шурфе № 4 указывает на то, что территория Эрк-калы была ядром древнего поселения городского типа, обживание которого не прерывалось даже тогда, когда площадь вокруг Эрк-калы, по каким-то причинам, сократилась, образуя упомянутый слой запустения на территории Гяур-калы перед появлением ее крепостных стен. Это можно объяснить выгодным расположением Эрк-калы у канала Разик, углубленного протока р. Мургаб, — основного источника развития земледелия в этом оазисе. Возникновение оросительных систем создавало предпосылки для использования труда рабов и тем самым способствовало образованию классов. Пока трудно конкретно характеризовать социально-экономические отношения внутри сложившегося классового общества. Античные авторы, описывая походы Александра Македонского в Среднюю Азию, упоминают отдельных представителей аристократии, верхушки этого общества. Они, возможно, исполняли на местах должность представителей ахеменидской власти. Основную же массу населения составляли общинники, из числа которых набирались пехотинцы и всадники для ахеменидских военных ополчений. Трудом рабов в основном осуществлялись все трудоемкие работы.

Значительную роль в формировании рабовладельческого города сыграло развитие ремесла, в связи с чем расширяется товарное производство, приводящее к возникновению товарно-денежного обращения. Начинается специализация отдельных видов ремесла: медного, керамического и других производств. По линии ЮТАКЭ исследован, ряд керамических печей древней Маргианы, интересных по своей конструкции[28]. По ним можно судить о степени специализации и масштабах выпускаемой продукции. Высококачественная посуда разнообразных форм, найденная на поселениях и, в частности, в нижних слоях Эрк-калы, изготовленная на гончарном круге, указывает на мастерство керамистов древней Маргианы.

Отделение ремесла от земледелия способствовало увеличению численности населения и росту самого поселения. Уже к IV в. до н. э. территория к югу от Эрк-калы интенсивно обживается и имеет периметр около 7,5 км. Эта площадь, обнесенная позднее стенами, и составит собственно город античного времени.

РАСКОПКИ ЗАМКА

С установлением факта изначального обживания территории Эрк-калы уже со второй четверти I тысячелетия до н. э. встал вопрос о времени возведения стен Эрк-калы. В 1955 г., с целью изучения ее крепостных сооружений, по указанию проф. М. Е. Массона была выбрана самая высокая оплывшая башня у южных ворот Эрк-калы, возвышавшаяся на 34 м от современного уровня дороги (рис. 7). Здесь, в обвалившемся участке, были видны остатки небольшого помещения, выложенного из сырца, с сохранившейся белой штукатуркой на стенах. Возникло предположение, что перед нами внутрибашенное помещение,

в котором, очищая его от завала, мы вправе были ожидать наличие бойниц. Но, дойдя до пола, были обнаружены лишь три заложенных прохода с перемычками из толстых брёвен арчи, хорошо сохранившихся и даже не потерявших со временем своего ароматического запаха.

Рис. 7. Вид на южную башню с юго-запада.

Для определения толщины стены так называемой «башни» была осуществлена расчистка оплывов с южной и восточной сторон, где обнаружен был еще ряд помещений, стены которых имели также белую

Рис. 8. Раскоп 1. Контуры выявленных помещений на южном и западном фасах.

алебастровую побелку (рис. 8). Таким образом, перед нами оказались не остатки оборонительной «башни», а комплекс парадных помещений, связанных между собой. Работы последующих сезонов (1956—1957 г.)

были посвящены выявлению архитектурного устройства и предельных границ этого сооружения.

Прежде всего, путем расчистки на южном склоне двух одинаковых бровок шириной 4 м, было установлено, что находилось в основа-

Рис. 9. Раскоп 1. Кирпичная кладка крепостной стены.

нии здания. Восточная бровка была увязана с уровнем пола помещения III. Сразу же под промазкой пола толщиной 12 см, с примесью самана, пошла кладка из сырца 41×41×10 см; 42×42×10 см; 43×43×11 см; 44×44×11 см; 45×12 см, которая была прослежена в бровке по прямой на 12 м и в высоту 7,50 м. Подсчитано 48 рядов кирпичной кладки (рис. 9), в основании которой лежала пахса с углом откоса в 45°, прослеженная только на высоту 8,50 м ввиду прекращения работ.

При расчистке кладки и пахсы встречались в завалах и оплывах куски цветной штукатурки, медные монеты парфянского и сасанидского чекана, собрано немало бронзовых наконечников стрел, бус.

Расчистка западной бровки началась со склона; сразу же под слоем оплыва здесь встретилась хорошая кладка из сырца тех же размеров от 41 до 45 см в стороне на 10—13 см, что и в восточной бровке (рис. 10). Высота кладки 7,50 м, а ниже — стена хорошей сохранности сложена с откосом в 60° из сырца 41×42×13 см; 42×43×12 см; 43×40×14 см; 45×45×10—12 см; 28×?×10—12 см. Упомянутая кладка является продолжением стены с откосом, которая в верхней своей части была смыта. Поверх кладки имеется три слоя ровной, крепкой штукатурки из глины с примесью самана: 4, 7 и 5 см. При зачистке крепостной стены был обнаружен ее угол, что позволило определить границы комплекса на западе, где начинались привратные сооружения.

В результате исследований установлено, что крепостная стена не только на юг, но и на запад выкладывалась с откосом под углом в 60°

и грань ее совпадает с краем раскопа (помещение X), за которым уже начинается крутой спуск к воротам. С юга, впритык к кладке, были возведены с соответствующим откосом позднейшие пахсовые блоки, чередующиеся с двенадцатью рядами сырцовой кладки. Бровка доведена лишь до уровня пандуса, который четко прослеживается, повышаясь с востока на запад. Такое направление пандуса очень характерно и рассчитано так, чтобы «осаждающие были обращены правой, не защищенной щитами стороной к стене, с которой их поражали защитники крепости»[29]. Это — правило древней фортификации, широко применявшееся в античную пору в странах Запада и Востока.

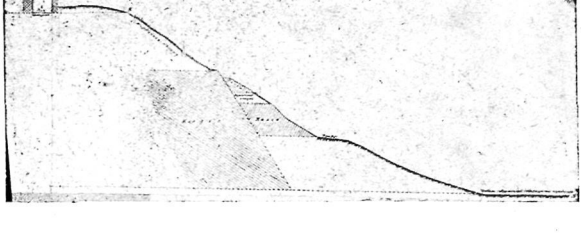

Рис. 10. Раскоп I. Разрез через западную бровку на южном склоне крепостной стены.

Работы на южном фасе показали, что кладки высотой 7,50 м в обеих бровках являются остатками крепостной стены, которая служила вместе с тем и платформой под изучаемое сооружение. Доказательством тому служит сохранившийся на всю высоту западный фас крепостной стены, гребень которой совпадает с уровнем полов помещений. Если же платформа и была, то только нивелирующая и ее сейчас трудно уловить даже в разрезе. В настоящее время утрачены не только южные границы архитектурного сооружения, но и смыта часть крепостной стены, проходившей по краю объекта.

На рис. 11 хорошо представлена картина разрушения на юго-восточном фасе здания. В результате обвалов стен обнажилась в разрезе стена XII помещения и часть сохранившейся закладки смежного III помещения, от которого по сути дела ничего не осталось, за исключением двух углов и части пола. На переднем плане вырисовываются зализанные смывом, давно рухнувшие стены, полы, кладки.

Изучаемый архитектурный комплекс (раскоп № 1) занимает площадь около 1600 м², ориентирован по странам света и имеет правильную планировку (рис. 12, 13). В нем выявлено более двадцати помещений. Основное ядро составляет большой квадратный зал (8,60×8,60) с тремя обводными коридорами, к которому примыкает ряд прямоугольных помещений, вытянутых с севера на юг. Основным строитель-

ным материалом является сырцовый кирпич в стороне 41 и 42 см на 10—12 см, на глиняном растворе, с примесью самана. На многих кирпичах из стен помещений имеются клейма в виде одной полосы, делящей кирпич на две половины, или в виде буквы «Р». Выкладка стен осуществлялась в полтора, два и 2,5 кирпича. Внешние стены имеют

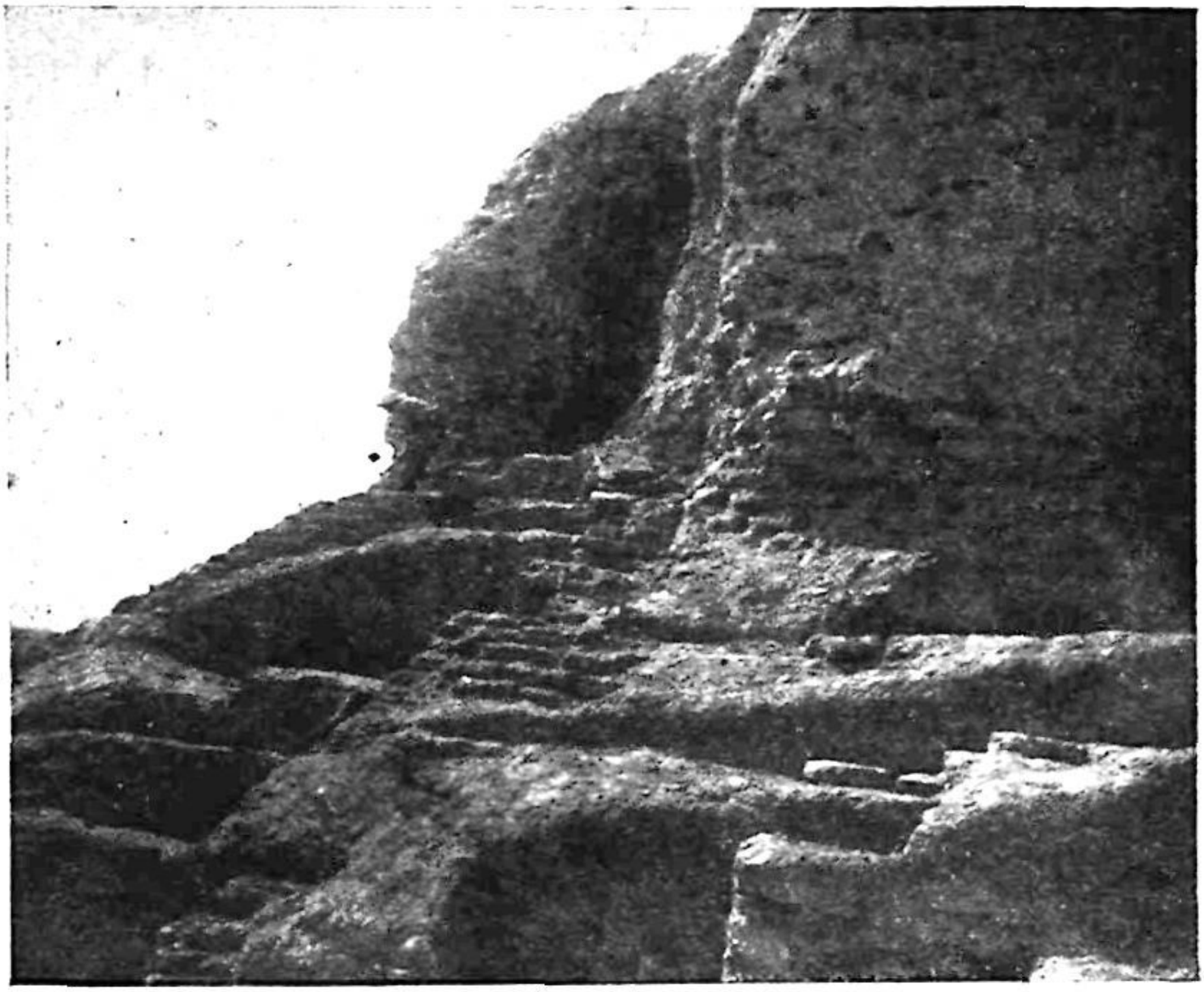

Рис. 11. Юго-западный фас.

толщину 1,2 м. Стены сохранились на высоту 5—6,50 м и имеют на глиняной основе алебастровую побелку. Во многих помещениях дверные проёмы имеют высоту до трех метров. Великолепная сохранность объекта обязана заполняющим помещения сплошным забутовкам, которые, с другой стороны, затрудняют полное вскрытие помещений и тщательное их изучение. Несмотря на многие трудности, удалось наметить основные периоды существования объекта в целом.

К первому периоду относится строительство и функционирование основного комплекса помещений с алебастровыми штукатурками. Изучение объекта началось с помещения XII (1,90×2,80 м), служившего вроде распределителя, с помощью которого осуществлялась связь помещений разных фасов. Так, западный дверной проём (0,80×1,0 ×2,15 м) вел в южный обводной коридор (12,30×2 м) и имел пере-

мычку из четырех деревянных балок, от которых сохранились только гнезда (рис. 14), а восточный проход (1,0×3,0×1,70 м) выводил в XXII помещение (9,0×3,30 м) и имел в перемычке 9 мелких арчовых балочек диаметром 12—15 см. Остается непонятным назначение еще четырех балок, вогнанных одним своим концом в северную стену помещения; пятое бревно (диаметр 22 см) было замуровано заподлицо в той же самой стене. Сохранность арчи изумительная: до сих пор большая балка не утратила своего благовония и физических качеств. Удалось выделить ремонтный этап, связанный с некоторыми перестройками.

В XII помещении был прорублен проём в южной стене и поскольку уровень пола в III помещении был выше, то порог сделали покатым (рис. 14).

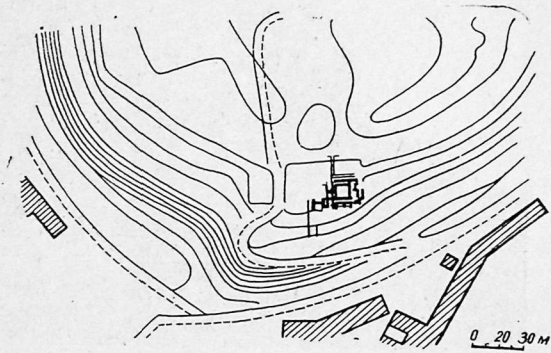

Рис. 12. Эрк-кала. Общий вид раскопа № 1 на фоне крепостных стен.

Одновременно осуществили закладку верхней части восточного дверного проёма и устроили нишу со стороны XXII комнаты шириной 84 см, глубиной 29 см, высотой 80 см (рис. 15). Ниша была оштукатурена и побелена алебастром. При полном вскрытии XXII помещения была обнаружена парадная лесенка вдоль западной стены, ведущая с юга на север, очевидно на крышу здания (рис. 16). Лестница шириной 1,30—1,20 м состоит из 13 ступеней; высота каждой ступени 30 см, ширина — 42 см, в одном случае — 29 см при высоте 24 см. На стене, вдоль которой она идет, серой краской выкрашена панель с наклоном 35°.

Дальнейшие ремонты связаны с новым строительным периодом, когда западная стена XXII помещения была утолщена на 50 см со стороны XXIII помещения и вновь оштукатурена (рис. 17). Комната XXII

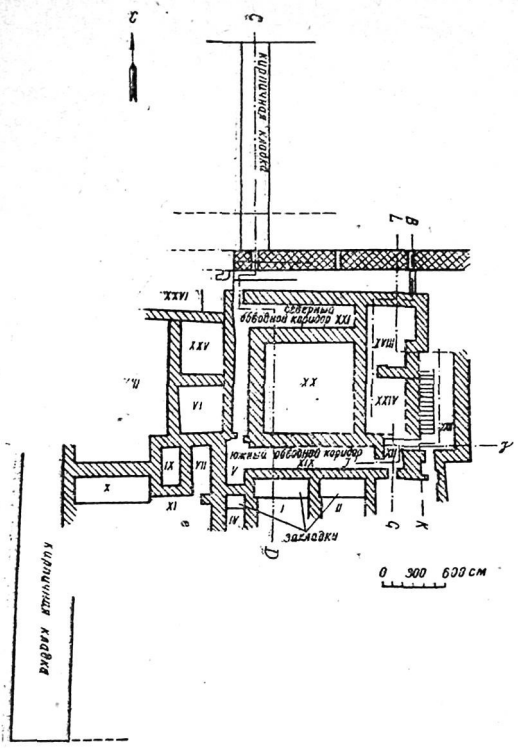

Рис. 13. План раскопа № 1.

дает самый высокий уровень потолка на всем объекте и имеет высоту 6,50 м.

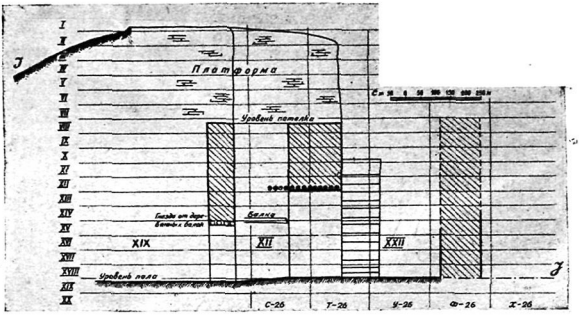

Рис. 14. Раскоп I. Разрез с запада на восток.

Окончательная закладка прохода в западной стене комнаты XXII является новым ремонтным этапом II строительного периода. Место прохода было заштукатурено саманной глиной, а помещение с лестни-

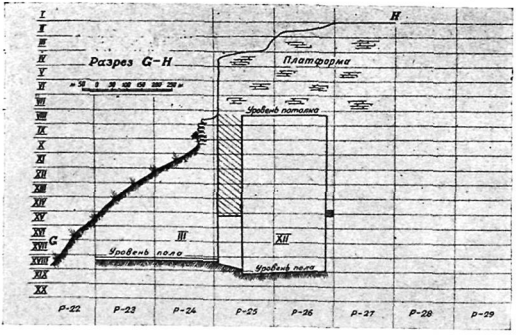

Рис. 15. Разрез с юга на север через помещение XII.

цей продолжает функционировать. Выход теперь осуществлялся на юг через XIV помещение (1,20×1,50 м), уровень пола которого на 30 см

находился выше пола XXII комнаты, почему и образовался в проходе порог. Между порогом и кладкой, идущей под полом, были найдены: кусок материи, цветные крученые шерстяные нити, огурцовые семечки, косточки винограда и две медные монеты мервского правителя второй половины III в. н. э. Исходя из этих данных предполагаем, что выстилка пола XIV помещения могла быть сделана только в позднепарфянское время.

Как показали расчистки комнат I, II, IV, во второй строительный период были осуществлены закладки в виде контрфорсов вдоль северных стен помещений из сырцового кирпича в стороне от 41 до 44 см на 10—12 см. Закладки шириной 1,30—1,80 м осуществлялись от пола до уровня потолка и покрывались глиняной штукатуркой, поверх

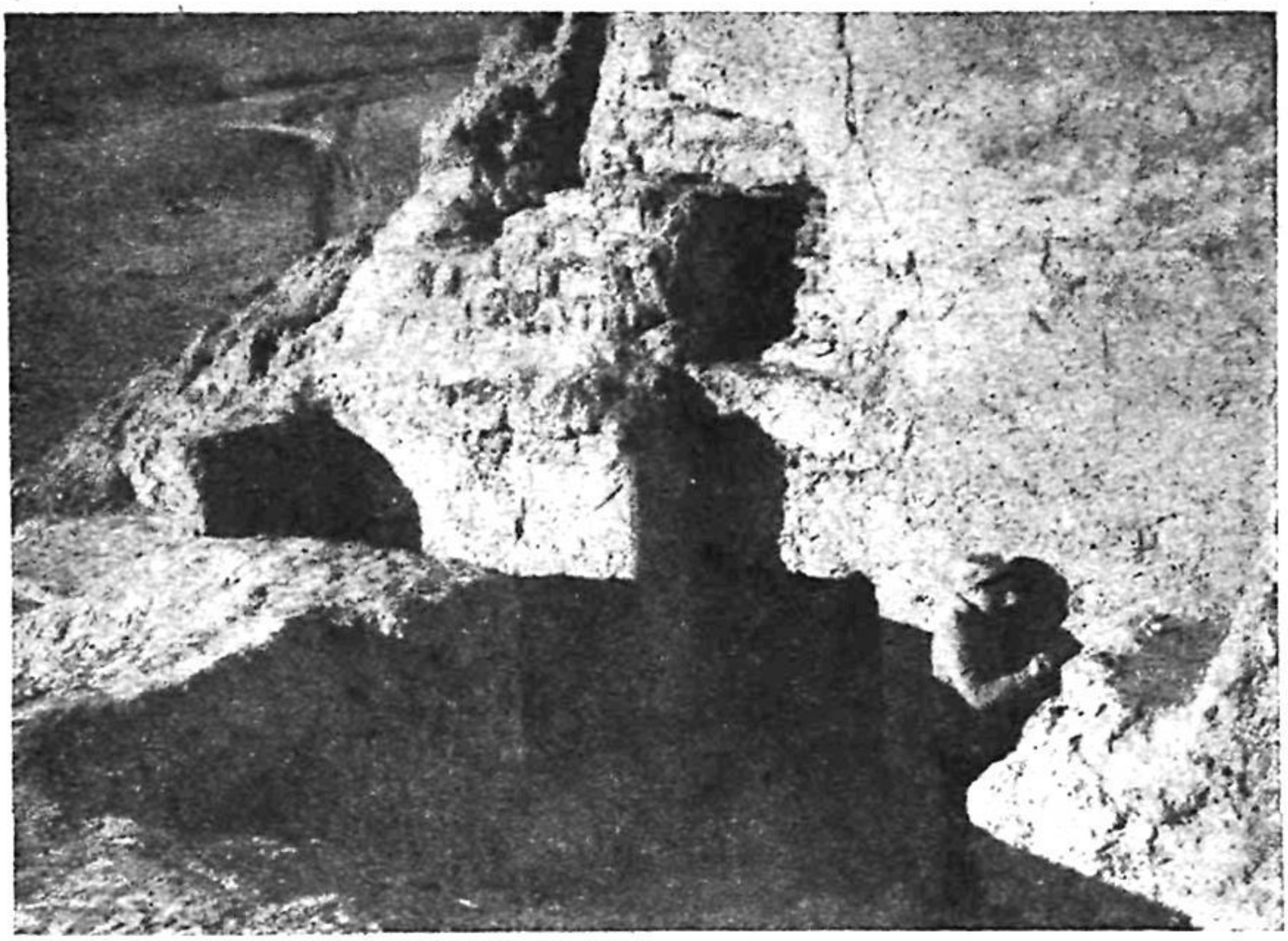

Рис. 16. Раскоп I. Ниша и дверной проем XXII помещения.

которой наносилась алебастровая побелка. Контрфорсы были необходимы, так как тонкие стены (80 см) южного обводного коридора при большой высоте грозили рухнуть, между тем этот коридор был единственным связующим звеном с центральным квадратным залом через V помещение. Во вскрытом полностью до уровня пола V помещении оказалось, что комната эта является как бы продолжением южного коридора при повороте в западный обводной коридор. Для удобства перехода угол коридора был несколько удлинен к югу, в результате чего образовалась комната, а на уровне потолка была сделана перемычка (очевидно, для удобства перекрытия), хорошо отштукатуренная, принятая нами сначала за дверной проём. Роль V комнаты была значительной, и поэтому заботились о ее благосостоянии, о чем свидетель-

ствуют наслоения глиняных штукатурок с алебастровыми побелками: первая штукатурка 2,5 см имеет две побелки, вторая 2 см — одну побелку, третья 5 см—3 слоя побелки. Размеры комнаты 4,2×1,8 м при высоте 5,5 м.

Рис. 17. Раскоп 1. Лестница XXII помещения и остатки забутовочной кладки над ней.

Новые факты по ремонтным работам такого же характера были получены при вскрытии VII помещения (1,80×4,70 м) смежного с V. Уровень пола приходится на начало XVIII яруса, а ниже его на 30 см встречена своеобразная кладка из сырца, поставленного торцами, в вертикальные промазки которого вложены битые куски толстостенных хумов. Кирпич продолговатый, имеет размеры 45×21×9—11 см, со следами отпечатков пальцев. После того как был заложен северный проход и на восточной стене на уровне начала прохода устроена неглубокая нишка (ширина 10—20, высота 45 см), был выложен контрфорс для поддержания слабой стены V помещения (рис. 19). Закладка

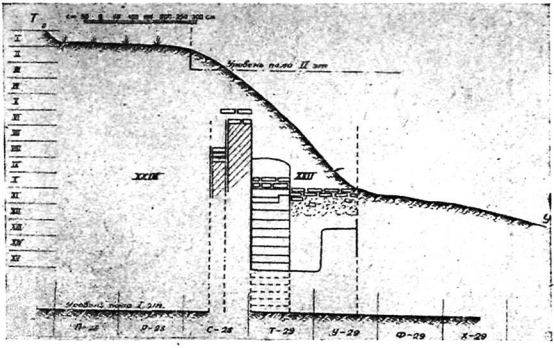

Рис. 18. Раскоп I. Разрез с запада на восток через XXII помещение.

имеет размеры 1,15×5,50 м и сложена из кирпича 44×45×11 см с клеймами в виде буквы «Р» или одной полосы. Подобный же контрфорс шириной 2,20 м подпирал северо-западный угол западного обводного коридора. Видимо оттого, что такие подпорки не были сделаны по всей длине коридора, стена последнего дала трещину с затеком и наклонилась к востоку, почему и образовалась такая кривизна.

Интересные наблюдения были сделаны и в XVIII помещении, высота которого=5,15 м и размеры 5,70×4,60 м. В юго-западном углу был расчищен проход (1,72×1,00 м), где в последнем ряду забутовочной кладки были найдены кусочки красной ткани и медная монета чекана Арташира I (224—242 гг.), а на самом полу — монета местного чекана III в. н. э. Заложив у прохода шурфик, удалось установить, что штукатурка западной стены продолжается ниже пола еще на 60 см и заканчивается на уровне первоначального пола, а южная и северная стены ниже уровня верхнего пола идут вперевязку с кладкой (рис. 20). Из этого вытекает, что все три стены XVIII помещения моложе западной, которая является восточной стеной для центрального квад-

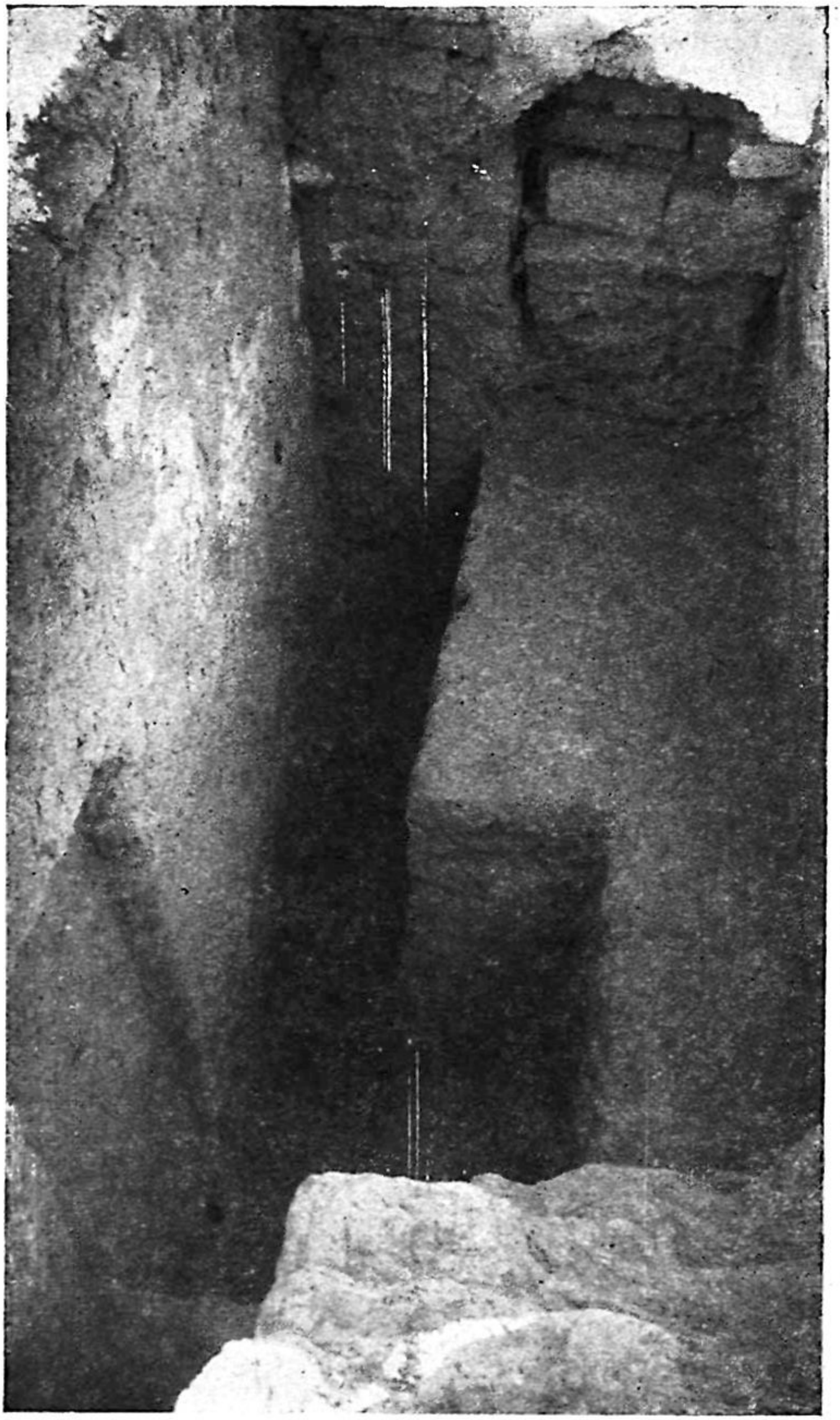

Рис. 19. Раскоп 1. Контрфорс-закладка в VII помещении.

ратного зала. Очевидно, уровень пола XX помещения (хотя оно полностью и не вскрывалось) приходится на конец XIX яруса. Возведение стен XVIII помещения связывается со вторым строительным периодом, когда осуществляются ремонты на всех фасах. Видимо, одновременно с утолщением западной стены XXII помещения возводились и три стены XVIII комнаты. С целью нивелирования уровней полов была выложена сначала платформочка высотой 60 см и вперевязку с ней началась выкладка стен, сохранившаяся на 4,55 м. Отсутствие перевязки в кладках западной и южной стен привело к некоторому оседанию последней в юго-западном углу над проходом. Под большим давлением стены перемычка дверного проёма дала значительный наклон в западном направлении.

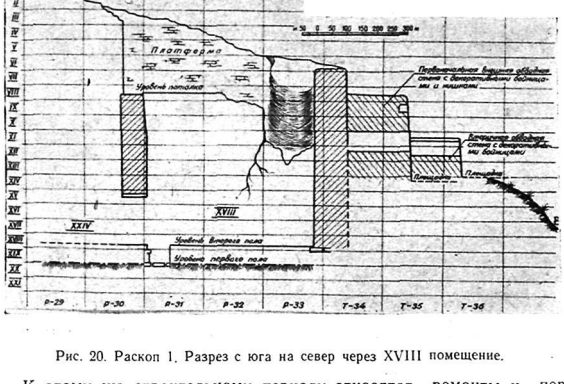

Рис. 20. Раскоп 1. Разрез с юга на север через XVIII помещение.

К этому же строительному периоду относятся ремонты и перестройки на северном фасе за обводным коридором. Вскрытие последних наслоений и забутовок показало, что сначала северная стена шириной 1,20 м была границей здания, дальше, на север, не было никаких помещений. Через дверной проём в северо-западном углу коридора осуществлялся выход из здания внутрь цитадели. Проход (0,90×2 м) имел, помимо обязательных перемычек и вертикально поставленных бревен, еще и деревянную коробку из балок арчи. На вертикальном столбе вытачивались четырёхугольные выступы для насаживания горизонтальной перекладины. Высота балок 2,45 м при диаметре 15—20 см (рис. 21).

В период широко развернутых ремонтных работ на северном фасе возводится помещение XXIV (ширина 1,40 м) при следующих обстоятельствах. Еще до его строительства существовала, независимо от

архитектурного объекта, массивная кладка, выложенная с откосом на юг. При ремонтных строительствах решили использовать оставшееся пространство между зданием и кладкой. С этой целью сначала выровняли значительную часть откоса путем возведения впритык к ней северной стены (50 см) помещения XXIV, которое в верхних своих частях находит для прочности на эту первоначальную кладку (I) из кирпича 45×12; 41×12; 42×11; 42×10 см, получая значительную опору (рис. 22). В этой части стена уже имеет толщину до одного метра и ввиду того, что уклон в процессе кладки окончательно ликвидирован не был, со временем на верхнюю часть стены было нанесено несколько довольно толстых слоев штукатурки (от 5 до 8 см). Впоследствии эта стена, высотой 7 м, была использована при сооружении коридора следующим образом.

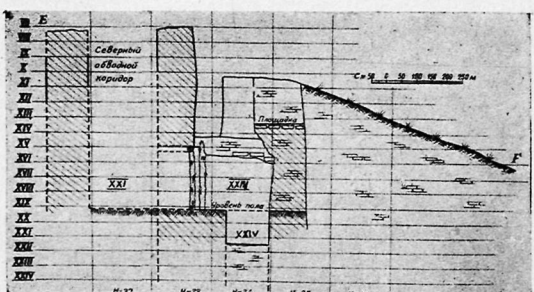

Рис. 21. Раскоп I. Разрез с юга на север через северный фас.

Пространство между зданием и вновь возведенной стеной II было забутовано сырцом вперемежку с уплотненным слоем земли на 2,30 м, где, между прочим, был найден в XVII ярусе медно-бронзовый петушок в виде навершия с сохранившимся деревом в отверстии. На этой забутовке, впритык к северному обводному коридору, пристроили южную стену XXIV помещения и одновременно с ней возвели западную, впритык к северной. Но поскольку последняя сохранила некоторый уклон, то между ней и западной стеной оставалось пространство, которое закладывалось целыми и половинками сырцовых и жжёных кирпичей 45×?×6—10 см. Была ли южная стена первоначально выше, трудно судить, так как в разрезе хорошо видно, как забутовочная кладка находит на нее с уровня пола в проходе обводного коридора. На уровне пола в помещении были встречены две медные монеты $\left(\frac{\text{И-34}}{\text{XXV}}\right)$ чекана старших аршакидов. Здесь же, но из ранней по времени штукатурки на северной стене, была извлечена медная монета маргианской эмиссии, но еще чеканенная, а не литая и поэтому может быть датирована только

I в. н. э. Все нумизматические определения сделаны проф. М. Е. Массоном.

Находимые медные монеты позднепарфянского времени и чекана

Рис. 22. Раскоп I. Вид с запада на разрез через северный фас.

первых сасанидов при разборке забутовочных кладок в помещениях дали первые указания на возможную датировку функционирования объ-

екта античным временем. Сам строительный материал не противоречит этому, а найденная монета Митридата II (124—87 г. до н. э.) устанавливает самую раннюю дату функционирования помещений.

Тщательные раскопки с закладкой контрольных шурфов и частные наблюдения позволили выделить крупное ремонтное строительство с этапами мелких работ, осуществлявшихся почти на всех фасах. И, как указывает монета с пола XXIV помещения, возможно, что огромные по масштабам трудоемкие работы связываются именно с I в. н. э. Оставалось установить только назначение вскрытых помещений.

Характер планировки, размеры, сохранившаяся высота и парадность вскрытых помещений позволяют считать его исключительным памятником гражданской архитектуры и говорить о специальном его назначении, выполнявшем функцию зáмка парфянских правителей в Мерве.

Неприступная крепостная стена с крутыми склонами, расположения внутри города, была удачным местом для возведения замка, возможно и дворцово-храмового сооружения. Если массив хорезмского замка-дворца в Топрак-кала возвышался на 16 м над уровнем земли[30], то наш массив дает высоту 34 м; замок был расположен на стене с платформой высотой 26 м. Отсюда не только весь город был виден как на ладони, но и открывалась панорама равнинных просторов— видны были в северо-западной стороне парфянские крепости, и, главное—замок, находясь внутри города, не подвергался опасности во время осады его неприятелем.

Несмотря на простоту внешнего вида и внутреннего убранства комнат, среди находок были обнаружены привозное дорогое римское стекло, маленькие бронзовые гвозди и цветные штукатурки, видимо, украшавшие карнизы и потолки. Особенно много разноцветной штукатурки было встречено в завалах на южном фасе при расчистке бровок. Краску наносили непосредственно на белую алебастровую основу, а не сразу на глиняную штукатурку. Преобладают тона ярко-голубые, красные, желтые, розовые, черные, по голубому фону розовая роспись и черная по красному[31]. Отсутствие монументальной росписи, характерной для памятников Хорезма эпохи античности[32], на стенах Эрк-калинского зáмка, на наш взгляд, можно связать с широким использованием дорогих ковров во внутреннем убранстве его парадных комнат, выделкой которых парфяне славились далеко за пределами своего государства[33]. Алебастровые штукатурки также придавали парадность помещениям и вместе с тем играли какую-то роль в разрешении проблемы дневного освещения, которое, по всей вероятности, было потолочным, при отсутствии светового дворика.

Как показали раскопки на Топрак-кале, световые отверстия в сводах здесь были малы и поступавший через них свет был очень скуден, поэтому В. Л. Воронина считает, что помещения нередко получали свет и через двери[34]. С этим доводом нельзя не согласиться, ввиду отсутствия каких-либо признаков наличия дверей в дверных проемах зáмка, за исключением внешних. Надо думать, что ниши над дверным проемом в XXII помещении и в стене VII были сделаны при ремонтах специально для установления в них светильников, освещавших проходы.

Вопрос о перекрытиях точно не решен, но наблюдения и некоторые факты позволяют предполагать, что крупные помещения имели балоч-

ное перекрытие, а обводные коридоры и узкие помещения перекрывались сводами, на что, видимо, указывает несколько выступающий ряд кирпича со штукатуркой в потолочной части V помещения.

Почти повсеместно на раскопе видны следы запустения, которые связаны с последним этапом существования замка, когда прекращается связь восточного фаса с южным обводным коридором, ввиду закладки прохода в XXII помещение. Выход оставался только на юг через XIV помещение, под полом которого и были найдены монеты III в. н. э. маргианской эмиссии. Забутовки помещений осуществлялись, по данным нумизматики, тоже в III в. н. э., но уже при первых сасанидах—Арташире I, Шапуре I. Натечные слои, образовавшиеся в помещениях I, II, III, IV, непосредственно перекрываются забутовочной кладкой. Поэтому можно считать, что уже на последнем этапе правления парфянских правителей помещения, примыкающие к южному обводному коридору, постепенно пришли в упадок; для осуществления ремонтных работ нужны были условия, а в период политических потрясений последнему правителю было не до ремонтов.

Рис. 23. Раскоп 1. На переднем плане забутовочная кладка XXII помещения.

Весьма наглядную картину запустения дало вскрытие помещений VI и XXV. В упомянутый период общие с обводным западным коридором стены успели обрушиться в верхних своих частях, дать трещины, затечь, образовав на гребнях стен натёчные слои. Только после этого, спустя некоторое время, коридор и помещения были заложены, и кладка забутовки перекрыла обрушенные стены. Забутовочный кирпич в этих помещениях особенно крупных размеров, хорошего качества и имеет клейма в виде одной полосы с отпечатком пальцев: 42×43×12 см; 44×44×13 см; 44×45×12—14 см; 45×45×12—15 см; 45×46×16 см.

Следующий, III строительный период связан с прекращением функционирования замка, когда все помещения подверглись сплошной забутовке. Тонкие и непрочные стены замка, уже несколько раз ремонтировавшиеся при парфянах, к моменту смены династий у власти вновь требовали значительных ремонтов. Имея материальные возможности,

представители новой династии решили зáмок использовать под мощный форт и пришедшие в упадок помещения были тщательно забутованы сплошной кладкой, благодаря которой помещения сохранились на большую высоту (рис. 23), а где и просто засыпались землей. Забутовка осуществлялась с уровня пола до потолка, выше которого шла платформа, служившая фундаментом для нового комплекса, занимавшего уже гораздо меньшую площадь, чем первоначальный зáмок. От верхней архитектурной надстройки сохранились в юго-восточной части только пол помещения и две стены с остатками глиняной штукатурки с примесью самана. В забутовках и при возведении платформы употреблялся квадратный сырцовый кирпич хорошего качества, тоже с примесью самана, на глиняном растворе. Размеры кирпичей колеблются от 42 до 46 см в стороне на 10—15 см и почти все с обратной стороны имеют самые разнообразные клейма (рис. 24). Встречаются в закладках и половинки кирпичей следующих размеров: 41×17—20×10 см, 43×17×11 см, 44×21×12 см и 48×23×10 см. Выше мы упоминали, что в основных кладках стен помещений зáмка встречались кирпичи с клеймами в виде одной полосы и буквы «Р». В кирпичах же из забутовочной кладки отмечается большое разнообразие клейм (рис. 25), встречаются клейма в виде двух, трех и четырех параллельных полос, полосы с незавершенным полукругом, спиралевидного завитка, отпечатками пальцев. Аналогичные клейма встречаются часто на кирпичах из раскопов на территории Эрк-калы, Гяур-калы, вне древнего Мерва[35]. Некоторое сходство есть и с клеймами с Кей-Кобад-шаха в Таджикистане (III—

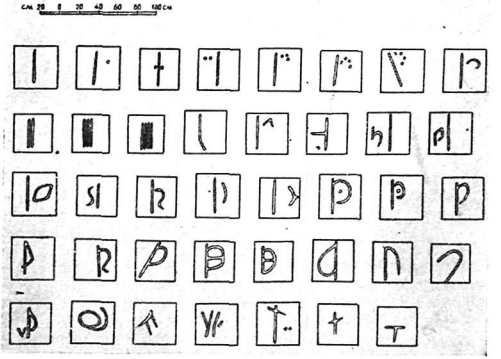

Рис. 24. Раскоп I. Кирпичи с клеймами.

II в. до н. э.—IV в. н. э.)[36], но больше всего аналогий мы находим в памятниках античного Хорезма[37].

По поводу назначения клейм на кирпичах в литературе был высказан целый ряд мнений. С. П. Толстов считает клейма родовыми тамгами тех, для кого кирпичи изготовлялись[38]. В. Л. Воронина связывает клейма с организацией строительных работ и полагает, что они выполняли сразу несколько функций: служили для учета работы и, вместе с тем, вдавленные линии меток содействовали сцеплению кирпича с

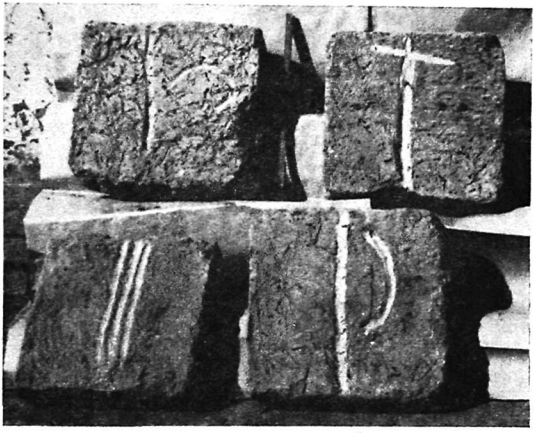

Рис. 25. Раскоп 1. Кирпичи с клеймами.

раствором, а поперечная полоса облегчала разбивку кирпича на половинки[39]. М. М. Дьяконов разделял мнение В. Л. Ворониной о том, что клейма служили для учета работы, и считал, что кирпичи делались всем населением города[40]. Видимо, М. И. Вязьмитина более права, когда тамгообразное изображение оленя на жжёном кирпиче из Айртама причисляет к клеймам рабовладельческих мастерских, поставлявших кирпичи[41].

Исходя из наблюдений и точной фиксации кирпичей с клеймами из забутовочных кладок, отметим колоссальное количество сырца, требовавшегося для закладки помещений на высоту 5—6 метров и возведения над ними мощной платформы. Видимо, недостатка в кирпиче не было, и изготовление такого громадного количества строительного материала могло быть только при наличии рабской силы, сосредоточенной в специальных

мастерских отдельных владельцев. Становится понятным, что кирпичи клеймили с целью различения продукции разных мастерских и ведения учета при выполнении заказов для городского строительства.

Забутовочные работы датируются монетными находками из самих же забутовок. Это, в основном, медные монеты первых сасанидов — Арташира I (224—242), Шапура I (242—272) и медные монеты позднепарфянской маргианской эмиссии конца II—III вв. н. э. Показательным является кладик из XX помещения, включавший 8 слипшихся медных монет времени II—III вв. Интересен тот факт, что вместе с монетами государственного чекана Сасанидов (Арташир I, Шапур I) в этом кладике были монеты позднепарфянской маргианской эмиссии конца II—III вв. н. э., которые, видимо, продолжали еще обращаться наряду с общегосударственным сасанидским чеканом. К этому периоду, когда остатки замка были превращены в мощный форт, относится архитектурное оформление его стеной-контрфорсом шириной 1,80—2,10 м вдоль всего северного фаса, который имеет ложные декоративные стрельчатые бойницы и неглубокие ниши, расположенные на 60—70 см выше бойниц (рис. 26, 27). Ширина бойницы — 36 см, высота — 43 см, глубина — 2,10 м. Ниши расположены на расстоянии 42—45 см, ширина их 25 см, высота 47 см, глубина 34—42 см. Контрфорс сложен из крупного сырца и покоится на забутовочной кладке коридорообразного помещения XXIV. Кладка дала несколько монет чекана первых сасанидов, на основании чего мы датируем ее III в. н. э.

Четвертый строительный период связан со временем младших сасанидов, когда был возведен второй контрфорс впритык к первому вдоль всего северного фаса (рис. 28). Как показал разрез, осуществленный через северный фас, возведение контрфорса было вынужденной необходимостью, так как северная стена XXIV помещения не выдержала давления забутовки и возведенного на ней контрфорса и стала падать. Для ее сохранения сделали подпорную выкладку IV (рис. 22) и на ней и северной стене XXIV помещения возвели впритык к первому новый контрфорс шириной 1,90 м. Он имеет три ложные бойницы на расстоянии 7—8 м друг от друга. Ширина бойниц 40—45 см, высота 70—75 см. Стена и кладка IV выложены из более мелкого кирпича худшего качества в стороне 38—40 см на 9—10 см, с отпечатками пальцев. Кладка платформы IV велась с откосом в 75° во внутрь цитадели и была покрыта толстым слоем штукатурки с примесью самана. Общая высота этой выкладки 3 м, а на ней возвышался декоративный контрфорс с ложными бойницами. Создавался вид настоящей крепостной стены: стилобат с откосом и перпендикулярная стена с боевыми бойницами. При разборке кладки были встречены медные монеты сасанидского чекана VI в. н. э., из которых одна принадлежит Хормизду IV (579—590).

Ремонт, относящийся ко времени младших сасанидов, был отмечен и в XXV помещении, где не оказалось первоначально построенной западной стены, а в VI она имеется. Когда осуществили закладку комнаты в III в. н. э., стена была, но затем, являясь краем сооружения и не имея подпорок, не выдержала давления забутовки и рухнула, увлекая за собой и часть забутовочной кладки.

Видимо, потому в VI веке закладку надстроили кирпичом 37×38×

×9—11 см и, отштукатурив глиной с саманом, использовали ее в качестве восточной стены для помещения VIII.

Пятый период связан с арабским завоеванием. На первых порах арабы используют Эрк-калу как цитадель. При них функционируют старые сасанидские помещения форта, а новые строятся мало и опять-таки с использованием старых. Поскольку западный фас намного ни-

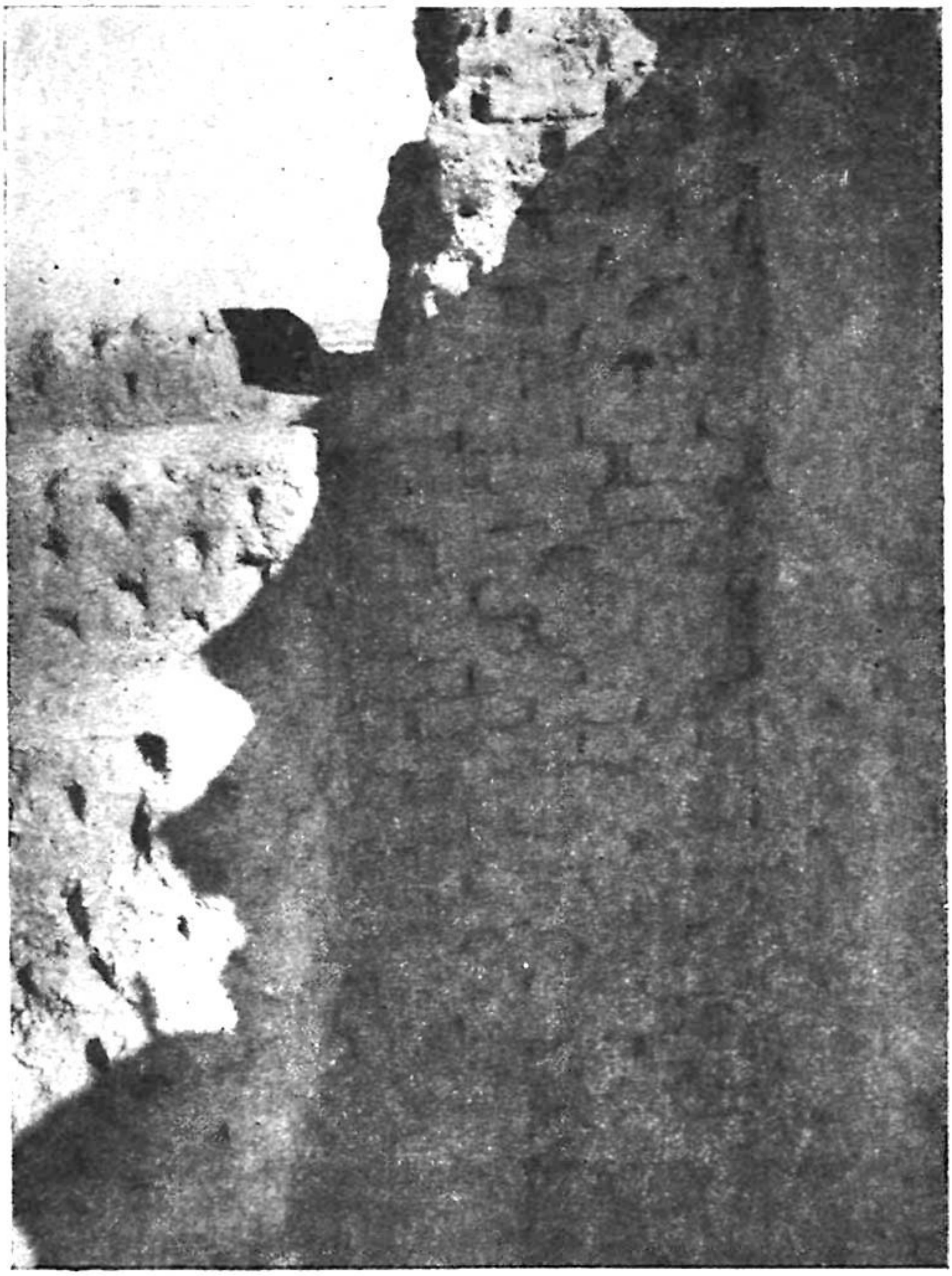

Рис. 26. Раскоп I. Вид с запада на контрфорс III в. н. э. в разрезе.

же центральной части раскопа, где арабами был построен ряд помещений с вымосткой пола из жжёного кирпича 18—19 см в стороне на 4—4,5 см, то для нивелировки разных уровней прежних строений они

использовали строительный мусор. Поэтому все забутованные при сасанидах помещения на западном фасе перекрываются средневековыми завалами.

К этому же времени следует отнести бадраб, который обнажился в 1959 году в платформе над стеной XII и XXII помещений. Бадраб имеет высоту 90 см, ширину — 65 см. Интересно содержание бадраба, из которого были извлечены керамика с плохой ишкорной поливой с примитивным орнаментом в виде вертикальной полосы, выполненным черной краской (рис. 29), большое количество битого круглого оконного стекла, целые и битые жжёные кирпичи размером 23×23×4,5, косточки винограда, вишен. Подобные бадрабы были встречены при раскопках ЮТАКЭ на той же Эрк-кале на центральном бугре в 1950 г.

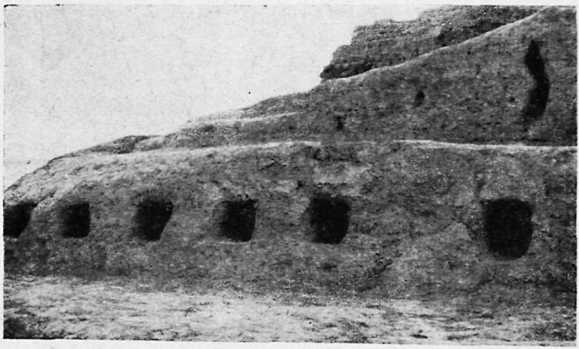

Рис. 27. Раскоп 1. Декоративные ниши в контрфорсе III в. н. э.

На раскопе 1 бадрабной ямой был прорезан пол помещения сасанидского времени, в которой находился материал такого же характера и, главное, в нем был фрагмент с ишкорной поливой плохой сохранности[42].

В это время Эрк-кала продолжает функционировать как кухендиз, куда регулярно подавалась вода через подземный канал. Вода поступала в цитадель еще в IX в., а в X в., как сообщает Макдиси, кухендиз был настолько разрушен, что подняться и войти в него можно было только с проводником. Археологические данные раскопа 1 и форта, судя по функционированию помещений, свидетельствуют о том, что в IX в. жизнь продолжалась на Эрк-кале. В связи с этим нельзя согласиться с П. Г. Булгаковым, который на основе умолчания письменных источников делает вывод, что «полное запустение и разрушение кухендиза Мерва можно датировать пятидесятилетием с 40-х по 90-е гг. VIII в.»[43]. Другое дело, что начало запустения Гяур-калы и цитадели,

притом еще неполного, имело место в конце VIII в., когда территория Гяур-калы постепенно забрасывается и в последующие века жизнь перемещается окончательно на Султан-калу.

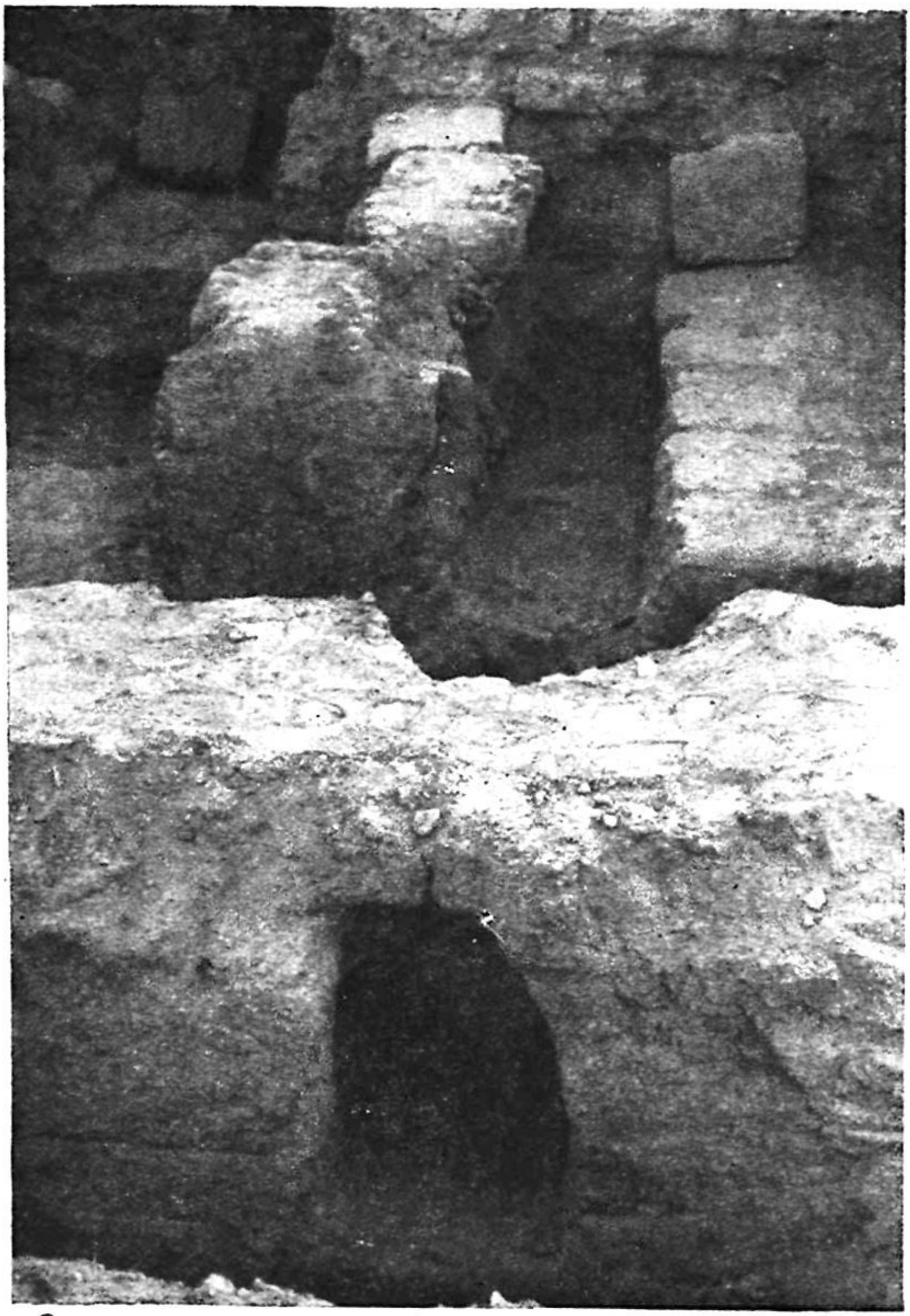

Рис. 28. Раскоп 1. Ложные декоративные бойницы первого и второго контрфорсов.

Для XI—XII вв. нет никаких данных об обживании территории раскопа I. Отдельные находки фигурных кирпичей, фрагментов кашинной керамики с голубой поливой и др. могли попасть сюда позже и совершенно случайно.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

В результате вскрытия помещений замка на полу, между полами, в забутовочных кладках и в завалах был получен разновременный археологический материал, который характеризует самобытную культуру Мерва на протяжении нескольких столетий.

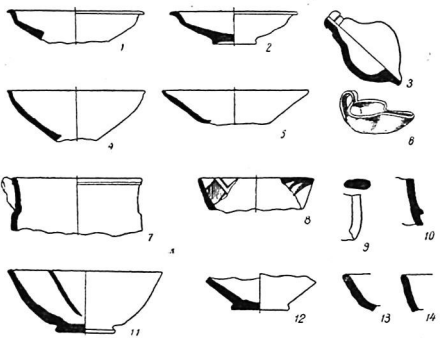

Рис. 29. Раскоп I. Средневековая керамика VIII—IX вв.

Керамика. Фрагменты керамики из забутовок и оплывов удалось классифицировать по типам во времени благодаря той керамической шкале, которая была разработана ЮТАКЭ на основе многолетнего изучения Мерва и ряда заложенных здесь стратиграфических шурфов.

Наиболее ранним является комплекс керамики типа Яз III. Сосуды имеют кремовую и светло-жёлтую ангобированную поверхность и ярко-красный излом черепка. В основном это цилиндрической формы сосуды без ручек с расширяющимися кверху стенками и резким перегибом в нижней части, а также плоские чаши с таким же переломом внизу. От крупных сосудов типа банок и хумчи имеются только уплощенные клювообразные венчики, покрытые светлым ангобом. Такая керамика типична для культурного слоя, подстилающего Эрк-калу и Гяур-калу и, как указывалось выше, связывается со временем строительства мощных платформ из прямоугольного кирпича. Датировать этот комплекс керамики помогают исследования В. М. Массона памятников эпохи поздней бронзы Дахистана и в дельте р. Мургаб, осуществленные XIV отрядом[44].

Полученная стратиграфия на Яз-депе позволила выделить комплекс Яз III, дающий керамику типа Анау IV и перекрывавший слои Яз I и Яз II. В слое Яз III найдены двулопастные и трехпёрые втульчатые наконечники стрел, биконические ядра для пращи, железные тесла и топоры[45]. В Мерве самый ранний материал аналогичен культуре Яз III, его следует датировать V—IV вв. до н. э., а время возникновения эркалинского поселения отнести к рубежу между культурами Яз II и Яз III. Этот период явился временем становления первых государственных образований в Средней Азии[46]. Об этом свидетельствует керамика типа Анау IV из нижних слоев памятников Согда (Афрасиаб I)[47], бактрийских городищ (Кобадиан I)[48], Кюзели-Гыр, Калалыр-гыр и Дингильдже в Хорезме[49].

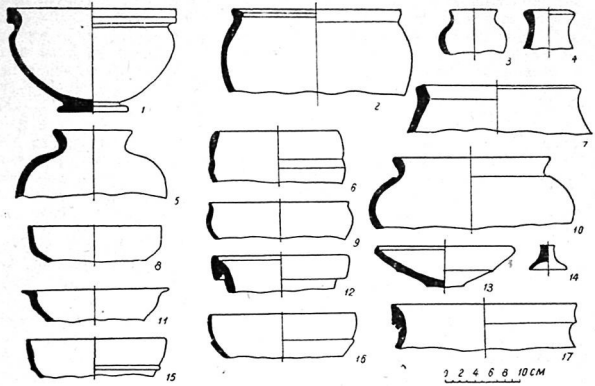

Рис. 30. Раскоп 1. Керамика II в. до н. э.

Преобладающее количество черепков из забутовок эрк-калинского замка относится к раннепарфянскому времени (конец III—II вв. до н. э. (рис. 30). Глина хорошей отмучки и обжига. Керамика покрывалась светлым, розовым и красным ангобом, встречены фрагменты черно-лощеной керамики. Для этой группы характерны бокалы на небольшом донце, с вмятиной в месте опирания на гончарный круг. Другой вид бокалов имеет венчик с крутым изгибом в месте перехода к конически отходящим стенкам сосудов. Диаметр 10—13,5 см, высота 6—12 см, диаметр донца 2,5—3 см.

Широко распространена форма чаш со слегка утолщенным или слегка изогнутым наружу венчиком на кольцевом поддоне или с плоским донцем конусообразным выемом. Диаметр 11—26 см, высота чаш 3—9,5 см. Черепок в изломе красный, ангоб наносился с внешней сто-

роны сосудов. Фрагменты плоских тарелок имеют кольцевой поддон, а стенки их заканчиваются слегка округлым венчиком диаметром 19 см.

Значительное число фрагментов керамики принадлежит широкогорлым горшкам, имеющим слегка отогнутый наружу венчик, иногда с выемкой для опирания крышки. Изредка по плечику идет валик или профилировка в виде ряда желобков. Диаметр 14—20 см. Встречаются фрагменты ножек от сосудов типа ваз, а также фрагменты хумов и хумча.

Все описанные типы сосудов находят себе широкие аналогии в античных памятниках Средней Азии[50]. Отметим только, что бокалы из Туп-хона имеют высокую ножку, в то время как для мервских характерна низкая ножка с маленьким донцем и загнутый несколько внутрь венчик[51]. Чаши же с кольцевым поддоном встречались в погребениях парфянского времени в Дура-Европос и весьма типичны для парфянской керамики[52]. Форма тарелочки с изогнутыми бортиками близка к тарелкам из раннепарфянских комплексов Нисы и вместе с тем напоминает своим профилем тарелки с Яз-депе. Как показало изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа, на территории Южной Туркмении сосуды типа ваз и тарелочки следует рассматривать как продолжение развития форм керамики предшествующих эпох[53]. В раннепарфянской керамике Мерва сохраняется и такой характерный для яз-депинской керамики прием, как окрашивание верхней части сосуда белым ангобом при сохранении в нижней части красноватого цвета черепка[54]. Но вазы на высокой ножке, столь характерные для слоя Кобадиан II, северо-западной Индии и Восточного Ирана[55], в последующие века в Мерве больше не встречаются.

Для комплекса керамики I в. до н. э. и I в. н. э. выделить удалось несколько форм чаш и горшкообразных сосудов (рис. 30). Чаши глубокие, с плоским дном и на кольцевой ножке с плавно отходящими стенками, заканчивающимися либо прямым венчиком, либо отогнутым бортиком в сторону или во внутрь. В целом чаши очень своеобразны и имеют черепок в изломе желтоватого, реже красного цвета, ангоб светлый. Форма кувшинов и горшков представляет собой продолжение развития форм керамики II в. до н. э., но некоторые дают своеобразные начертания профиля[56]. Хумы и хумчи имеют прямой утолщенный наружу венчик, диаметром 36—52 см, полусферической формы тулово, суживающееся к донцу. Аналогичные формы дает парфянскаяНиса[57].

Для позднепарфянского комплекса было выделено несколько фрагментов узкогорлых и широкогорлых кувшинов. Черепок в изломе желтоватого, лёссового и кирпичеватого цвета, ангоб—чаще всего под цвет теста. Исходя из известных уже нам целых сосудов, представляется возможным восстановить формы по найденным фрагментам. Это в основном кувшины грушевидной формы с плоским выступающим донцем и каплеобразным профилем с утяжеленными пропорциями в нижней части. Высота 13,5—27,2 см, максимальный диаметр 7,5—8 см[58]. Такие формы сосудов характерны для переходного периода от парфянского к сасанидскому времени, приходящемуся еще на время существования рабовладельческой формации. Материал датируется медными монетами позднепарфянского чекана и двух последних Аршакидов. Близкую аналогию дает нам парфянская керамика из Селевкии[59], кушанская — из Термеза[60], слоя Кобадиан IV—V[61]. Материал позднепарфянского

облика на раскопе Р-6 Гяур-калы сопровождался медными монетами сасанидского чекана, выпущенными в правление Арташира I (224—242 г. н. э.), Шапура I (242—272 г. н. э.) и др. Более позднего материала забутовочные кладки помещений не содержат.

Керамические ядра были встречены как в забутовочных кладках, так и на других раскопах в Эрк-кале в древнемаргианских и раннепарфянских слоях. Выделяются следующие специальные по своему назначению группы ядер: мелкие, крупные округлой формы и трёхугольные пирамидки. Значительное количество составляют хорошо обожжённые мелкие ядра округлой (2—6 см) и биконической (3,5×6 см;

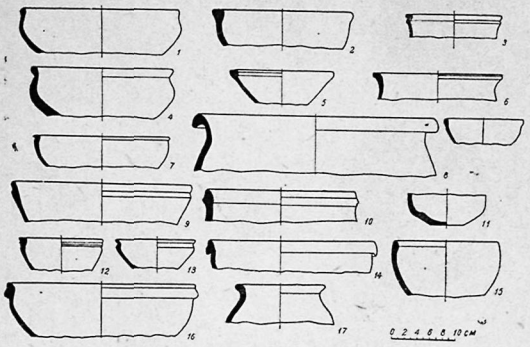

Рис. 31. Керамика I в. до н. э.—I в. н. э.

4×7,5 см) формы (рис. 32). Такие ядра из обожжённой глины и тщательно выточенные из камня находили в больших количествах на древнемаргианском поселении Яз-депе в слоях, соответствующих переходному периоду от Яз I к Яз II, а также на других памятниках этого круга[62]. Это свидетельствует о том, что уже в I тысячелетии до н. э. жители древних поселений Мургабского оазиса были знакомы с примитивным способом метания ядер при помощи пращи, древнего боевого оружия.

На Среднем Востоке праща известна под названием сапан. Это обычная праща, состоящая из ремня, сделанного из кожи, веревки или шерсти, с расширяющейся средней частью, в которую закладывается метательный камень. При метании пращу вращали над головой и, выпуская один конец, давали полет камню. Для воинов восточно-деспотических держав (изображение вооруженных воинов на ассирийских памятниках), для греческих и римских пехотинцев, а также для парфянских воинов вооружение пращой было обязательным[63]. Сама форма биконических ядер была удобной, потому что заострённые с двух сторон концы легко рассекали воздух и, достигая цели, всегда попадали

острием, причиняя физическую боль. При движении в воздухе ядро, вращаясь, тратит часть своей энергии на преодоление сопротивления воздуха, которое, в свою очередь, увеличивается с увеличением скорости движения ядра.

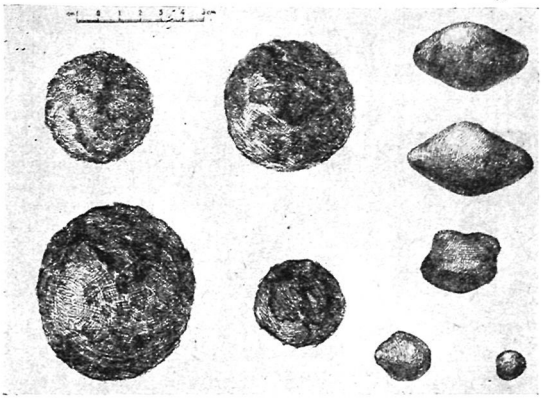

Рис. 32. Керамические ядра.

Шаровые ядра менее обтекаемы и встречают бо́льшее сопротивление воздуха, чем биконические, у которых образуется меньше завихрений позади. Биконические и мелкие округлые ядра продолжали использоваться парфянскими пращниками и после изобретения первых метательных машин, с помощью которых стало возможным придать пускаемому ядру бо́льшую начальную скорость. Тяжелый снаряд, ядро, имеет большую инерцию и затормозить его движение гораздо труднее, ибо оно испытывает при своем полете (в сравнении с мелким снарядом таких же размеров и форм) такое же сопротивление воздуха, однако на полет тяжелого снаряда это сопротивление оказывает меньшее влияние. Поэтому замедление его полета меньше и ядро летит дальше. Так с изобретением первых метательных машин жители Мерва переходят к использованию крупных ядер округлой формы диаметром от 11 до 22 мм. Они встречаются на территории Мерва, особенно их много к юго-востоку от северных ворот Гяур-калы, где вся поверхность одной оплывшей башни усыпана кусками битых ядер. Здесь же расположенный квартал мукомолов дал массу разнообразных по форме и размерам ядер, которые в некоторых помещениях скапливались кучами.

В самой Эрк-кале на западном склоне центрального холма расчищена ядерная печь продолговатой формы, сплошь загруженная необожжёнными круглыми ядрами указанных размеров. Вокруг печи много брака, ошлакованных ядер. Почти все ядра хорошо обожжены до температуры спекания глины и отличаются достаточной прочностью. Вес ядер диаметром 10—14 см не превышает 3—3,5 кг, а диаметром 21—22 см достигает 10 кг; примерно такие же соотношения веса к диаметру имеют ядра из Северного Причёрноморья и из арсенала в Пергаме, где самые мелкие ядра диаметром 14 см весили 6,42 кг[64], причем считается, что наиболее выгодным весом было 4,4 кг. О том, что у парфян и маргианцев были метательные орудия, в письменных источниках нет никаких данных. Вообще, кто и когда первый изобрел метательную машину, установить трудно. Известно только, что древние боевые машины для метания ядер уже были известны ассирийцам в начале I тыс. до н. э.[65]. Впоследствии они были заимствованы греками и римлянами, которые внесли значительные дополнения в их устройство и боевое применение. Античные авторы, главным образом греческие полиоркетики[66], оставили описания машин и инструкции о способах изготовления различных механизмов, их размерах, пропорциях частей и назначении их в искусстве осады и защиты городов. Хотя иллюстрации более позднего происхождения, но делались они переписчиками согласно описанию машин в тексте, и поэтому в них отражена определенная античная традиция[67].

По письменным источникам мощные метательные машины появились у греков около начала IV в. до н. э. и технически усовершенствовались в первых веках н. э. У скифов осадных машин не было до III в. до н. э.[68]. У парфян, видимо, они появились с момента превращения Парфии в крупную державу, когда даже римляне терпели от них поражения[69]. Тысячи римских воинов, захваченных в плен при разгроме армий Красса и Антония, были поселены в Маргиане. Надо полагать, что среди них были и военные специалисты, которые консультировали маргианцев при создании метательных машин, а может быть и сами выполняли заказ своих победителей.

Мы полагаем, что парфяне и маргианцы пользовались машиной навесного действия типа онагр (скорпион), хотя об этом письменные источники умалчивают. Наоборот, римляне даже отрицали наличие у парфян метательных орудий, но обилие ядер на территории античного Мерва является опровержением этих сведений. Отсутствуют данные и об использовании метательных машин в открытом бою. Но есть сообщение о том, что парфяне, окружив армию Антония, завладели осадными машинами и обратили их против римлян у Праасны. Парфяне, видимо, не имели своей полевой артиллерии, а использовали машины лишь в оборонных целях при защите своих городов и крепостей[70] для удержания неприятеля на возможно дальних от стен дистанциях. Возить за собой машины с боепитанием — значило сковать подвижность войска, а парфяне тем и отличались, что добивались победы всегда своей стремительностью и быстротой натиска, заставая врага врасплох[71]. При наступлениях и отступлениях для подвижной армии громоздкие метательные машины были лишь обузой, и парфяне, видимо, в открытом бою с противником обходились без них. Это и послужило,

по всей вероятности, поводом для отрицания наличия у парфян машин метательной артиллерии.

Принято также считать скорпион изобретением римлян, но, видимо, он все-таки восточного происхождения. В Средней Азии такая машина дожила до времени илеков, и кара-бугра (XI в.) представляет собой вариант скорпиона[72]. Устройство его очень простое. Скорпион состоял из двух станин, между которыми находится вертикально поставленный рычаг, хорошо закрепленный канатами; на конце рычага укреплялся кусок кожи или настоящая праща, куда помещалось ядро, рычаг оттягивался ремнями с помощью ворота и закреплялся задвижкой. Когда производили выстрел, задвижку выбивали, рычаг, возвращаясь в исходное положение, делал сильный размах, и ядро вылетало из пращи. При таком устройстве можно было метать ядра под любым углом и с любой траекторией их полета.

Видимо, такие машины устанавливались в куртинах стен на специальных площадках, на что указывает скопление большого количества ядер у северных ворот Гяур-калы[73]. Защита городских ворот была важным моментом при осаде города неприятелем. Требовавшиеся в значительных количествах ядра заблаговременно изготовлялись на месте и обжигались при крепостных арсеналах в больших продолговатых печах, вмещавших по несколько тысяч ядер в одну закладку[74]. Выше упоминалась одна такая печь, обнаруженная на центральном холме Эрк-калы[75]. Забота государства о запасах боепитания прослеживается с момента становления первых примитивных государственных образований на территории Маргианы. При раскопках на Яз-депе был обнаружен целый склад необожжённых ядер разных размеров[76]. А изучение крепостных стен Старой Нисы показало, что в башнях имелись помещения, в которых хранились кучи камней, предназначенных для метательных машин[77].

Для позднепарфянского времени наблюдается измельчание ядер. Так, на Акча-депе были найдены вместе с мелкими ядрами монеты позднепарфянского чекана. Изготовление и употребление ядер в Маргиане продолжалось и позднее, но после кризиса они преимущественно делались мелких размеров. Примером могут служить необожжённые ядра диаметром 6—10 см, которые встретились в Эрк-кале при раскопках замка в слоях VI—VII вв.

Кроме округлых глиняных ядер в античном Мерве выпекались особые глиняные снаряды в виде равносторонних трехгранных пирамидок со сторонами от 10 до 20 см (рис. 33). Долго они оставались загадкой для археолога. Предположение, что пирамидки представляют собой ядра специального назначения, было высказано впервые М. Е. Массоном. Они встречаются в культурных слоях парфянского времени на Эрк-кале, Гяур-кале в квартале мукомолов и доме ремесленника. Как метательные снаряды они употреблялись редко, в основном же их разбрасывали перед крепостными стенами, чтобы затруднить продвижение неприятельской конницы. Как бы такую пирамидку ни бросали, у нее всегда одно острие оказывалось торчащим вверх, поэтому кони из-за боязни накола ног после первых же попыток решительно отказывались двигаться по усыпанному такими ядрами полю[78]. Римляне тоже были знакомы с такого рода ядрами, но делали их из металла; эти ро-

гульки разбрасывались перед фронтом, чтобы оградить римскую пехоту от атаки[79].

В период расцвета Парфянского государства ядра изготовлялись равносторонними, с четкими гранями и хорошо обжигались. Позже ядра делаются с разносторонними и более округлыми гранями бракованной выпечки, как это подтверждается археологическими фактами. При зачистке забутованной кладки помещения XXIV замкового сооружения,— а забутовки в помещениях датируются медными монетами позднепар-

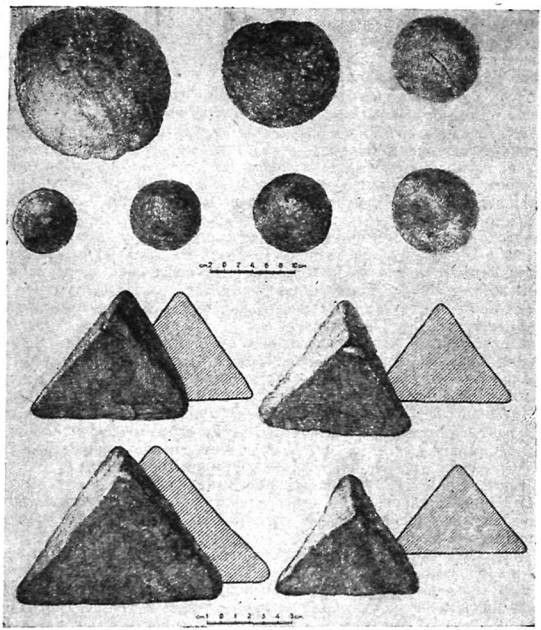

Рис. 33. Керамические ядра.

фянского чекана и монетами первых сасанидов,— были встречены ядра бракованной выпечки зеленоватого цвета, одно из них — с округлыми и несколько вытянутыми гранями, у которого тесто в период выпечки стекло к концам ядра. Такое же уродливое ядро, но с четырьмя гранями, было найдено в шурфе № 4, заложенном в северо-западной части Эркалы (длина 17,5 см).

Как показали наблюдения, керамические пирамидальные ядра после кризиса рабовладельческой формации исчезают совершенно. Остроумная же по своему замыслу форма этих ядер переживает себя, и в средние века на Востоке по их образцу изготовляют железные «хасаки» из четырех спаянных шипов, обращенных в разные стороны, один из которых всегда торчал вверх. Средневековые хасаки также применялись против неприятельской конницы и по форме почти повторяли римские рогульки.

Таким образом, стратиграфические наблюдения на Эрк-кале и Гяур-кале позволили установить, что изготовление глиняных ядер имело место во второй половине I тысячелетия до н. э. и достигло своего совершенства в парфянскую пору. В VI—VII вв. изготовлялись преимущественно ядра мелкого калибра.

Бронзовые наконечники стрел также проливают свет на уровень развития военного искусства маргианцев.

Исследование бронзовых наконечников стрел важно с точки зрения изучения их как предметов вооружения, а главное, как датирующего материала, поскольку они часто встречаются при археологических работах, иногда в сопровождении нумизматических находок. Еще совсем недавно сравнительное изучение бронзовых наконечников Средней Азии с точки зрения вариаций их форм и распределения этих вариаций во времени затруднялось отсутствием конкретных данных, на основе которых стало бы возможным точно датировать материал. При датировке среднеазиатских наконечников стрел обычно ссылались на разработанную классификацию и хронологию бронзовых наконечников стрел для степных пространств юга Европейской части СССР[80], не пытаясь сколько-нибудь подчеркнуть возможную специфику в отношении хронологических пределов их бытования, вероятное переживание форм и т. д. Но по мере накапливания находок бронзовых наконечников стрел из раскопов и точно зажатых слоев Эрк-калы становится возможным их группировка и определение относительной хронологии.

Большая часть наконечников стрел находилась при расчистке оплывов крепостных стен Эрк-калы, часть — непосредственно в забутовочных кладках замка, а на раскопе № 3 почти все наконечники стрел были найдены в слое, датируемом позднепарфянским временем.

Наконечники стрел можно разделить на шесть групп.

Пулевидные наконечники стрел длиной 21—25 мм, имеющие конусовидную втулку диаметром 5—9 мм, найдены были в отвале земли на северном фасе раскопа № 1.

Двулопастные бронзовые наконечники стрел представлены несколькими вариантами.

а) Наконечники стрел с небольшой выступающей втулкой (2 — 3 мм). Лопасти резко срезаны под тупым углом к втулке, которая до конца головки не доходит. В одном случае лопасть переходит в шип. Длина наконечников около 26—28 мм, длина лопастей 20—22 мм, диаметр втулок 5—6 мм. Наконечники выполнены аккуратно, окись сохранила гладкую поверхность лопастей, края хорошо заточены.

б) Плоский, с выступающей втулкой наконечник стрел листовидной формы с широкими лопастями, одна из которых переходит в шип. Втулка проходит через весь наконечник и образует тупое острие. Длина наконечника 39 мм, диаметр втулки 6 мм. Б. Б. Пиотровский датирует этот

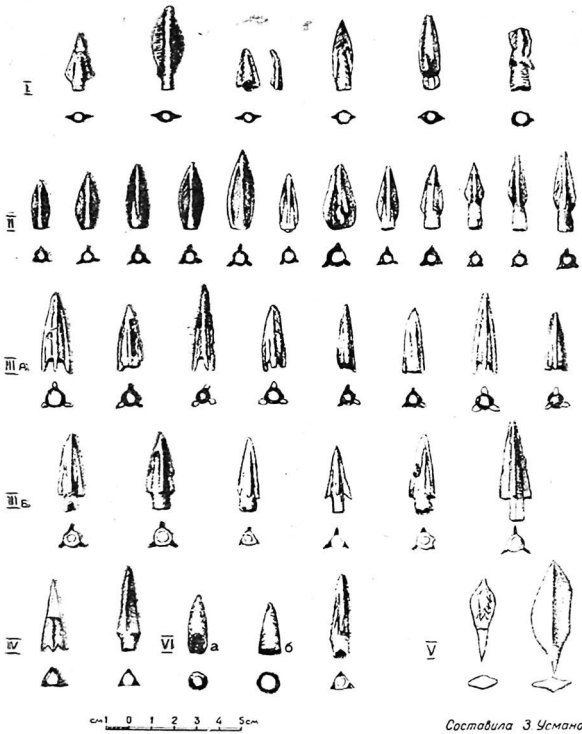

Рис. 33-*а*. Мерв, Эрк-кала. Бронзовые наконечники.

тип VII—VI вв. до н. э.[81]. В. М. Массон считает, что находки втульчатых двуперых наконечников стрел в слоях Яз-II, которые автор датирует VII—V вв. до н. э., подтверждают датировку Анау IV второй четвертью I тысячелетия до н. э., предложенную Б. Б. Пиотровским[82].

Подобный бронзовый наконечник стрелы был встречен на южном холме Анау[83], а вне Туркмении такие наконечники находятся в самых древних напластованиях памятников Хорезма, Таджикистана[84].

в) Бронзовый двупёрый наконечник стрелы со скрытой и углубленной втулкой (диаметр 3 мм) имеет прямые контуры лопастей, заточенные под острым углом к вертикальной оси. Головка в сечении ромбической формы и изогнута в одну сторону. Деформация произошла либо от сильного удара о более твердый предмет, чем сам наконечник, либо это брак, полученный при изготовлении наконечников стрел. Длина головки 20 мм, лопастей — 18 мм. Двуперые наконечники со скрытой втулкой встречаются на территории Дахистана, древняя культура которого восходит к первой трети I тыс. до н. э.[85].

г) Бронзовый двулопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой (диаметр 5—6 мм) имеет овальный контур лопастей. Длина 32 мм. Прямые аналогии дает Кавказ, где наконечники датируются VII—VI вв. до н. э[86].

Третья группа представлена бронзовыми втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел двух типов.

а) Трехлопастные наконечники стрел со слабо выраженным дугообразным контуром лопастей, сходящих на нет у скрытой втулки. Лопасти в сечении треугольные или ромбовидные и прикрывают собой конусовидную втулку по всей ее длине. Длина наконечников от 22 до 39 мм, диаметр втулок 5—7 мм. Подобные наконечники стрел со скрытой втулкой в публикациях представлены единичными экземплярами[87].

б) Трехлопастные наконечники стрел с удлиненной трубчатой втулкой (10—12 мм), расширяющейся книзу. Короткие лопасти (13—27 мм) имеют в разрезе ромбовидной формы очертания. Длина наконечников 25—37 мм. Некоторые имеют у края втулки небольшие сквозные отверстия. Такие наконечники встречаются больше всего на Гяуркале в квартале мукомолов, в разрезах крепостных стен городища.

Самую многочисленную группу составляют:

а) трехпёрые бронзовые наконечники стрел со скрытой втулкой и приспущенными к древку ребрами, выполнявшими функцию шипов. Ребра в сечении имеют треугольные и ромбовидные очертания. Круглая в сечении конусовидная втулка (диаметр 5—7 мм) проходит почти через весь наконечник. Длина ребер 30—38 мм, расстояние между ними около 10 мм. Почти все наконечники стрел хорошей сохранности с четко выраженными деталями. Некоторые наконечники имеют на втулке между ребрами по одному сквозному отверстию, ведущему во внутреннюю полость втулки. Края отверстий ровные и тщательно заглаженные, что свидетельствует о специальной их зачистке.

б) Трехпёрые наконечники стрел с выступающей круглой в сечении (диаметр 6—7 мм) втулкой имеют прямой контур ребер, срезанных прямо к втулке, либо под небольшим углом. В целом наконечники массивные и довольно тяжелые, ребра становятся несколько уже. Размеры наконечников от 32 до 35 мм, длина ребер 27—29 мм.

Полость втулки одного наконечника доходит лишь до уровня на-

чала ребер и заканчивается сквозным отверстием, в которое своим острием упиралось древко. Отверстия нельзя считать случайным явлением, истолковывая их как дефект при отливке, ибо, если они особого практического значения не имели, этот дефект был бы легко устранен.

Пятая группа представлена трехгранными наконечниками стрел со скрытой и выступающей втулкой. Контур граней прямой. Расстояние между гранями 9—10 мм. Общая длина наконечников 37—38 мм, длина граней 27—29 мм. Они были найдены в забутовочных кладках помещений замка, возведение которых связано со временем первых сасанидов. Аналогичные наконечники отмечены для Анау и встречаются на территории Средней Азии, Южной Сибири, Кавказа вплоть до III в. до н. э [88].

Шестая группа представлена двумя черешковыми бронзовыми наконечниками стрел лавролистной формы. Длина 24—27 мм, ширина 12—19 мм. Отметим, что для Мерва черешковые наконечники являются редкостью. Они больше встречаются в Киргизии, где в одном из могильников А. Н. Бернштам нашел целую коллекцию наконечников стрел разных форм: двулопастных черешковых, втульчатых двулопастных и трехлопастных со слегка приспущенными концами лопастей, по поводу чего автор справедливо замечает: «Исходя из общепринятых датировок, все эти стрелы, если бы они были найдены в разных местах, были бы отнесены к разному времени с амплитудой по меньшей мере в 3—4 столетия: от VI до III в. н. э. Однако все стрелы находились в одном колчане и, таким образом, дают основание говорить о долгом переживании форм в особых условиях быта человека»[89].

При датировке описанных наконечников стрел прежде всего следует исходить из тех стратиграфических наблюдений, которые были сделаны на Эрк-кале и памятниках Маргианы середины I тысячелетия до н. э. Наиболее древними следует считать двулопастные, найденные в Эрк-кале в нижних культурных слоях вместе с керамикой типа Анау IV. А находка на Яз-депе в слоях Яз-III трехпёрого втульчатого наконечника стрелы еще раз подтверждает, что втульчатые трехпёрые и трехлопастные наконечники стрел на территории Средней Азии появляются уже с середины I тысячелетия до н. э.[90], получив широкое употребление уже в античную пору. Остальные все наконечники стрел связываются с сооружением, которое мы датируем II в. до н. э. — III в. н. э. И если форма их восходит еще к эпохе поздней бронзы, то изготовлены они были уже в парфянскую пору маргианцами и при датировке надо исходить из конкретных условий. Следует учесть также то положение, что Средняя Азия была издревле богата залежами меди и олова. А такое благоприятное сочетание содействовало развитию металлургии меди в течение длительного промежутка времени и послужило причиной некоторого запоздания «железного века» в Средней Азии[91].

В Маргиане и после проведенных реорганизаций в армии во втором периоде существования Парфянского государства, когда появились железные панцири, шлемы, мечи, кинжалы и железные наконечники стрел во II—I вв. до н. э., еще долго продолжали бытовать бронзовые втульчатые трехпёрые наконечники стрел. Это лишний раз указывает на некоторую консервативность в переходе на новый металл не только в Маргиане, но вообще на территории Средней Азии. К тому же брон-

зовые наконечники стрел имели для воина существенное преимущество при пополнении израсходованного запаса: гораздо легче отлить бронзовые наконечники стрел в любой обстановке, чем отковать такой же формы наконечник из железа. Следует упомянуть, что в Мерве железные наконечники встречаются единичными экземплярами, между тем для Нисы этого времени характерно обилие их. Это свидетельствует о высоком развитии меднолитейного дела, которое, как показало изучение дома медника парфянского времени в северо-западной части Гяуркалы, передавалось из поколения в поколение, когда усовершенствовалось мастерство, приобретались навыки. Вот почему все наконечники стрел изготовлены так тщательно. Разнообразие форм наконечников и их вариации можно считать также заслугой мервских металлистов.

Говоря о происхождении наконечников стрел, следует отметить, что развивались они на местной основе, но не без влияний. При этом надо всегда иметь в виду связь Маргианы с Передней Азией на протяжении почти всей ее истории: Маргиана в составе Ахеменидского государства, походы Александра Македонского, вхождение ее в состав державы Селевкидов, борьба Парфянского государства с Римской империей и, наконец, Маргиана как связующее звено в торговых сношениях между Китаем и Передней Азией. Для нас ясно одно, что, появившись на территории Маргианы, бронзовые наконечники стрел широко вошли в быт местного населения и просуществовали несколько столетий. И если на исконных территориях Парфии со II в. до н. э. входят в употребление железные наконечники стрел, то в Маргиане продолжают бытовать бронзовые.

Обилие бронзовых наконечников стрел, встречаемых на территории античного Мерва, объясняется большой потребностью в этом виде оружия в пору развитого рабовладельческого государства, когда войны играли большую роль в исторических судьбах народов.

Поскольку Маргиана входила в состав Парфянского государства и поставляла определенное количество воинов для парфянской армии, то все упоминания в письменных источниках о парфянских воинах в какой-то мере относятся и к маргианцам.

Сложение и развитие парфянских вооруженных сил было связано с образованием Парфянского рабовладельческого государства и с его упорной борьбой за свою самостоятельность[92]. Благодаря своему высокому военному мастерству парфяне одерживали победы над своими противниками, обращая их в бегство. Успешно выступая на полях сражений соперником римских армий, парфянское войско вместе с тем отличалось от них, прежде всего, своим составом, организацией, вооружением, тактикой контрнаступления и разгрома врага.

Римская империя видела в лице Парфянского государства довольно сильного врага, и больше всего римские воины страшились парфянских стрел и отбега вспять парфянских воинов, которые обращались в притворное бегство с тем, чтобы вызвать расстройство рядов преследующего их противника, а затем поворачивали на врага и расстреливали их из луков, посылая кучу стрел. При новой военной реформе, проведенной при Митридате II (124—87 г. до н. э.), главную силу войск в Парфянском государстве составляла кавалерия, разделенная на легковооруженных всадников (исключительно лучников) и тяжеловооруженных копьеносцев и лучников; пехоте отводилось второе место по значимости.

Хотя маргианцы имели в своем вооружении короткие мечи, секиры, однако лук и стрелы были первым необходимым оружием и играли большую роль в жизни храбрых воинов. Об этом свидетельствуют изображения сложного лука как неотъемлемого атрибута, на реверсах парфянских монет, где изображался по традиции основатель Парфянского государства Аршак с луком в руке. Изображение лука и стрел мы находим на ритоне и в руках охотников на оттисках печатей из Нисы, а также на других произведениях искусства, созданных руками парфян[93]. На метопе из Старой Нисы есть изображение парфянского горита и лука, представляющих атрибуты прославленных парфянских конных стрелков[94]. К тому же, находки костяных обкладок с прорезом для тетивы в доме ремесленника парфянского времени на Гяур-кале указывают на изготовление маргианцами сложных луков разных размеров. Они состояли из двух изгибов с перехватом и помещались или в отдельном налучье, или в футляре, соединенном с колчаном для стрел. Пешие носили их на левом боку, а всадники подвешивали на пояс справа сзади[95].

Хорошо прослеживаемое сходство наконечников стрел из Эрк-калы с наконечниками других территорий по ведущим формам и размерам, а также учитывая более поздний переход в Средней Азии на новый металл, позволяют установить относительные хронологические рамки бытования бронзовых наконечников стрел в Старом Мерве с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до кризиса рабовладельческого общества. Причем, наиболее архаичными являются черешковые и втульчатые двулопастные наконечники стрел.

Из числа других находок обращают на себя внимание остатки разнообразных тканей. Датируются они нумизматическими данными из забутовок в виде отдельных монет и даже целых кладиков, найденных вместе с тканями. В основном это медные монеты первых сасанидов — Арташира I (224—242), Шапура I (242—272) и также медные монеты позднепарфянской маргианской эмиссии конца II—III в. н. э.

Для Мерва этого времени находки тканей являются пока единственными. Но и этого достаточно для подтверждения литературных упоминаний о мервских легких и «смешанных» тканях вывозившихся в Иран еще до проникновения арабов в Среднюю Азию при сасанидах. Для периода же развитого средневековья есть точные указания арабских авторов, что Мерв был крупным центром ткацкого производства и славился своей продукцией, которая вывозилась далеко за пределы Средней Азии[96]. Мервские мастерские выделывали шёлковые и высокосортные набивные хлопчатобумажные и шерстяные ткани, парчу и покрывала[97]. Из Мервского оазиса вывозили не только ткани, но и тонкий хлопок, шёлк-сырец. В Мерве была выведена особая порода тутового шелкопряда и существовал, по свидетельству Самани, дом ученых «Дивэкуш» («убивающий куколок»), где специально занимались шелком[98]. Данные письменных источников подтверждаются обнаруженными в некрополях Египта тканями мервского происхождения из льна, ныне хранящимися в Каирском музее, а также двумя образцами «смешанных» тканей, вытканных из хлопка с шёлком и датируемых IX—X вв.[99].

Обнаружение датированных кусочков тканей и пряжи на Эрк-кале представляет большую ценность и важное значение для изучения высокоразвитого ткацкого производства у ремесленников Мерва поры рабовладения.

Климатические условия Мервского оазиса, а также отсутствие доступа воздуха в забутовочные кладки благоприятствовали их относительно хорошей сохранности. Все образцы тканей были подвергнуты анализу с целью определения природы ткани и основных ее красителей.

Микроскопический и химический анализ волокон этих тканей был осуществлен химиком Е. Ф. Федорович, дополнительные определения сделаны на кафедре текстильного материаловедения Ташкентского текстильного института и в лаборатории Научно-исследовательского института шелковой промышленности УзССР.

Найденные нами ткани распределяются на три группы: ткани шелковые, шерстяные и из растительного волокна. Особо рассмотрим пряжу из шерстяных нитей.

Остатки шелковых тканей однотонны и просты по своему построению, не имеют никакого ткацкого рисунка. Анализы волокон дали одинаковые результаты: натуральный шелк, окрашенный в красный цвет. Первый кусочек ткани был найден в кирпичной забутовке в проходе XVIII помещения, а второй—в слое завала, образовавшемся в результате обрушения кирпичных закладок в восточной половине раскопа.

Ветхие от времени остатки тканей красноватого цвета имеют полотняное переплетение, состоящее из равного числа нитей по основе и утку, перпендикулярно направленных друг к другу. Как показало микроскопическое исследование, нити состоят из волокон трубкообразного строения, характерного для шёлка. Каждая нить состоит из 20—30 волоконец толщиной 4—6 микрон. Путем химического анализа установлено, что ткани окрашены мареной и имели первоначально красный (алый) цвет. Интересно, что вследствие частичного разрушения самого волокна в первом образце, кроме окрашенных волокон, Е. Ф. Федорович отмечено наличие главных красителей марены, ализарина и пурпурина, получившихся в результате осыпания окраски с исчезнувших волокон.

Попутно следует упомянуть об остатках шёлковой ткани, которые были обнаружены прилипшими на обороте бронзовой подвески-броши в виде лунообразной пластинки, инкрустированной десятью стеклянными бусинками. Брошь была найдена вместе с медными монетами сасанидского чекана в квартале мукомолов, расположенном к востоку от северных ворот Гяур-калы. Фрагмент ткани был настолько мал, что не было возможности в свое время подвергнуть его анализу, зато сейчас его можно причислить к описанным двум образцам, ибо он подобен им как по качеству тканья, так и по сохранившемуся цвету.

Видимо, гладкие алые шелковые, довольно легкие ткани были излюбленными в то время в Мерве и пользовались большим спросом у женщин. Это перекликается с национальным костюмом современных туркменок и может в какой-то мере свидетельствовать о сохранении данной традиции, передаваемой из поколения в поколение, истоки которой, как мы видим по археологическим данным, восходят еще к столь отдаленной поре — ко времени существования рабовладельческого строя на территории Южной Туркмении. Мервские терракотовые статуэтки дополняют наши представления о носимой в то время женской одежде, которая ниспадала мягкими складками и отделана была круглыми бляшками. Тут же следует отметить, что зачастую на многих терракотовых фигурках одежда окрашена в красный цвет.

Встреченная в Мерве пока только гладкая шелковая ткань (несом-

ненно, здесь вырабатывали и узорчатые разноцветные дорогие ткани) наводит на мысль о специальной выработке ее для местного рынка, для удовлетворения потребностей и вкусов населения Мервского оазиса, а дорогие узорчатые шелковые ткани экспортировались в другие города Ирана и далеко за его пределы. Известно, что при Шапуре II (309—379 гг. н. э.) искусство тканья уже совершенствуется и увеличивается производство шёлковых тканей, которые были важнейшей статьей экспорта сасанидского Ирана[190]. Мерв и тогда был тем промежуточным пунктом торговых сношений Китая, Средней Азии с Западом, через который проходила знаменитая «шелковая дорога».

Свидетельством того, что в Мерве шелководство появилось еще до VI в. н. э., заимствованное из восточного Туркестана, является проникновение его в Византию в VI в. из района Джурдана, считавшегося еще в X в. родиной персидского шелководства. В Джурдан же, по словам Истхари, оно проникло в древности из Мерва[191].

Следующую группу составляют ткани из растительных волокон.

В забутовочной кладке XXII помещения при расчистке лестницы был найден разрушенный волокнистый материал серовато-жёлтого цвета, находившийся в слипшихся комочках глины. При микроскопическом исследовании установлено, что материал состоит из нитей без переплетения, которые по характеру строения имеют вид волокон кенафа. Обработка различными химическими реактивами изменения окраски волокон не дает.

Совершенно неожиданным было определение другого образца. В кирпичной забутовке VI помещения был найден желтоватый грубоволокнистый слежавшийся материал, принятый сначала за войлок. Сохранность его настолько плохая, что часть волокон превратилась в порошок. Несмотря на это, при микроскопическом исследовании была обнаружена характерная перевитость и структура хлопковых волокон, что подтверждается и химическим анализом. Исследования показали, что волокна ткани растительного происхождения, окраске не подвергались и их желтоватый цвет вполне естественен. Этот факт заслуживает внимания, так как еще до присоединения Средней Азии к России здесь выращивали такой хлопчатник, который давал не белый, а коричневато-жёлтоватый хлопок (маля и джайдари пахта). Какой именно хлопчатник произрастал в античную пору в Средней Азии, трудно сказать, но оба образца тканей свидетельствуют о знакомстве жителей античного Мерва с техническими культурами и о производстве ими хлопчато-бумажных тканей.

Хлопок как прядильный материал был известен еще в глубокой древности. Китайские письменные источники говорят о том, что хлопчатобумажные ткани ввозились в Китай в сасанидскую пору из Ан-си, то есть Парфии и Согдианы[192]. Следовательно, эти области Средней Азии издавна были знакомы с культурой хлопка, находка слежавшейся ткани из Мерва — лишнее подтверждение этому доводу.

Третья группа представлена одним образцом шерстяной ткани, найденной под промазкой пола XIV помещения, в трухе между порогом и кирпичом кладки, идущей ниже пола, вместе с шерстяными нитями и двумя медными монетами мервского правителя второй половины III в. н. э. (рис. 34). Светло-бурая ткань сравнительно хорошей сохранности, но сильно загрязнена лёссом, что придает ей грубоволокнистый

вид; в развернутом виде имеет длину 37 см, ширину 22,5 см; по длине с одной стороны край хорошо заделан толстыми нитками этой же ткани. Примерно в середине куска ткани выделяется штопка шерстяными нитками. После очистки спиртом и эфиром ткань приобретает желтова-

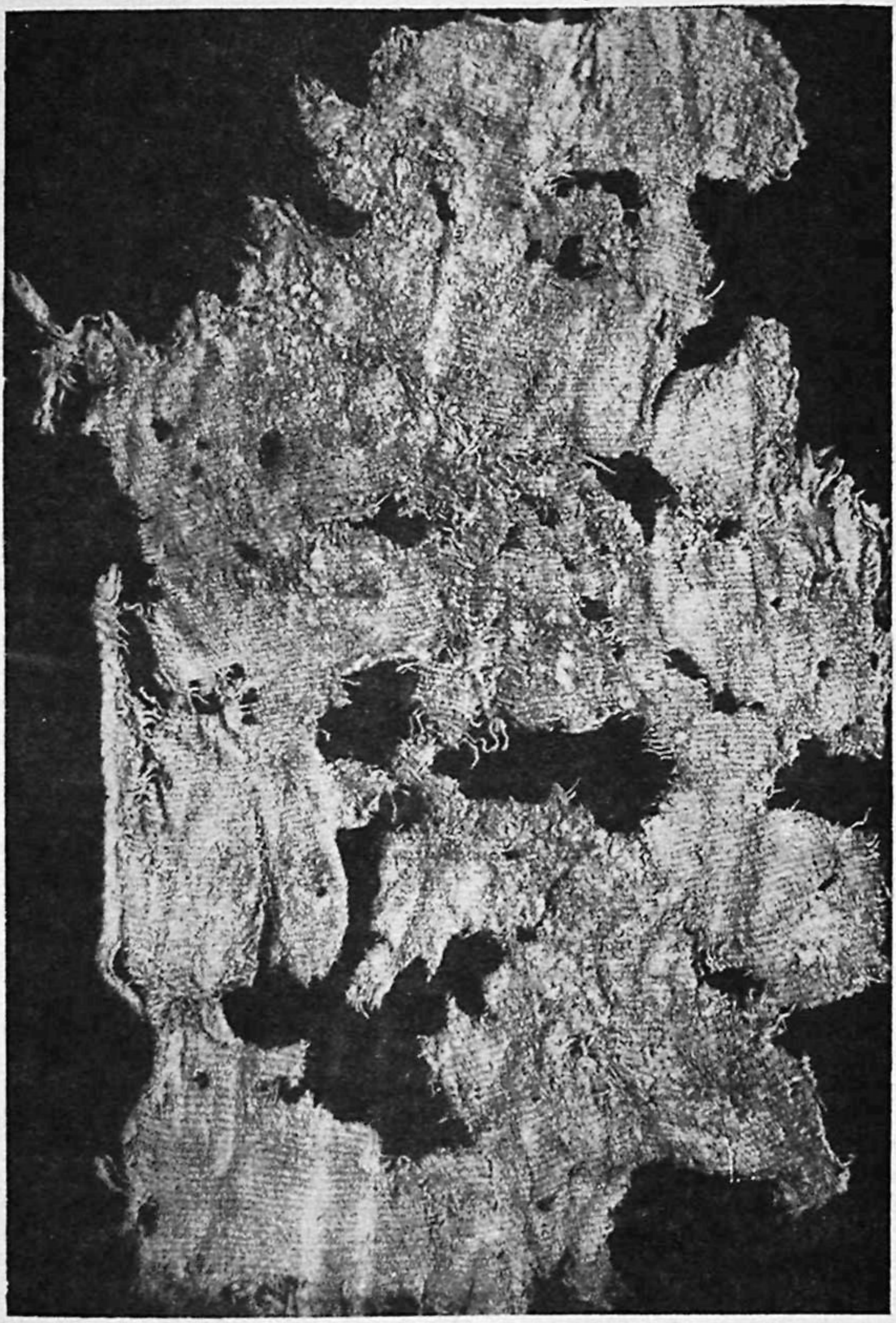

Рис. 34. Раскоп I. Остатки шерстяной ткани.

тый цвет, горит плохо, издавая характерный запах жжёного рога. Исследования на наличие окраски показали, что нити ткани были окрашены желтым растительным красителем, хотя другие исследователи считают желтоватый цвет естественным, характерным для верблюжьей шерсти.

Образец ткани имеет гарнитуровое переплетение, которое образуется толстыми нитями основы по 5—7 на 1 см и значительно более тонкими нитями утка по 20—22 на 1 см. Микроскопическое исследование показало, что нити ткани, несмотря на разную толщину, составлены из волокон одного типа. Элементарные волокна имеют толщину от 14 до 31 микрон. А каждая тонкая нить включает приблизительно 16—20 таких волокон.

Не исключена возможность, что этот кусок ткани с хорошо заделанным краем был когда-то частью полы свободной одежды (кафтана, рубахи), а штопка свидетельствует о том, что она долго была в употреблении. В Иране и в Средней Азии как грубые, так и изысканные шерстяные ткани высоко ценились, имели приятные тона окраски; из них шили шаровары, мягкие башмаки, кафтаны, небольшие плащи и даже головные уборы[103]. Подобная одежда была удобна и практична в условиях континентального климата. Для изготовления ее использовали тонкую и длинную шерсть овец, верблюдов, а в областях Ирана, где уже в сасанидскую пору сосредотачивались наиболее крупные ткацкие мастерские, широко использовали мягкий и нежный пух кашемирской козы, водившейся в горных районах Персии. Чтобы облегчить окраску шерсти, ее очень часто примешивали к шелку[104].

Вместе с описанной выше тканью была найдена пряжа из шерстяных нитей красноватого, розового и синего цвета. Красноватые нити скручены из двух нитей одинаковой толщины; синие нити — плохой сохранности: среди скрученных вместе розоватых и синих нитей последние во многих местах утратили свой цвет. Плохая сохранность синего цвета объясняется тем, что индиго является поверхностным красителем, очень непрочным к трению, хотя к свету, наоборот, очень устойчивым. Толщина нитей самая различная: толстые — 1,2—1,8 мм, тонкие — 0,6—0,9 мм. Волокна всех нитей имеют характерное чешуйчатое строение волокон овечьей шерсти. Толщина отдельных волокон 7—8 микрон. После освобождения от окраски нити приобретают светлый рыжеватый цвет, не снимающийся растворителями и, следовательно, природный. При извлечении красителей было установлено, что синие нити окрашены индигоносным растением, а красные и розовые — мареной.

На Востоке издавна для получения красного цвета применялись марена и кермес (дубовый червец), для синих тонов — индиго, для получения различных оттенков — двойное окрашивание; желтый и коричневые тона получали из плодов крушины, произрастающей в Персии, Средней Азии и Китае. Своеобразная мягкость оттенка, приобретенная шерстью от этих красок, объясняется главным образом тем, что шерсть поступала в окраску необезжиренная и, таким образом, собственный ее мягкий золотистый жирный блеск сохранялся и сквозил через всякую краску[105].

Шерстяная пряжа шла не только на изготовление шерстяных дорогих тканей, но и на выработку ковров, которые ценились как предметы украшения, обстановки и великолепного убранства. Как свиде-

тельствуют письменные источники, парфянские ковры, очевидно являвшиеся генетически предшественниками современных туркменских ковров, пользовались большим спросом в древнем мире и отличались своим качеством, техникой изготовления и способом окраски. Одним из важных качеств ковровых изделий являлся колорит, а он определяется красителями. Яркость, интенсивность, чистота, а также прочность красок являются важнейшим условием не только в ковроделии, но и при окрашивании любых тканей как шёлковых, шерстяных, так и хлопчатобумажных. При сасанидах производство ковров в Иране совершенствуется, и область Сузиана приобретает славу в ковроделии[106].

Вышеописанная шерстяная пряжа из Эрк-калы говорит в пользу наличия ковроделия в Мерве во II—III вв. н. э., ибо такая грубоватая и довольно толстая пряжа для выработки ткани не подходит. Представляя собой полуфабрикат, скрученные нити могли быть остатками бахромы от ковров или шерстяных поясов для подвязывания одежды. Современные туркменки изготовляют подобную пряжу и используют ее для вязки теплых и красивых по рисунку и яркости красок носков, варежек.

Как было уже отмечено, ткани из Мерва хорошо продатированы нумизматическими данными (II—III вв. н. э.). Они вместе с монетами могли попасть в забутовочные кладки в момент строительных работ и датируются позднепарфянским временем. Это время, когда на смену Парфянскому государству приходят к власти сасаниды, опиравшиеся на более широкий круг иранской аристократии, жреческой и военной, а не только на узкий круг знати. Это время крупных строительных работ, когда возникают новые города, возводятся плотины, создаются великолепные памятники архитектуры, искусства, получают дальнейшее развитие различные ремесла, в том числе и ткацкое производство.

Отметим хронологическую близость тканей из Мерва к тканям, получившим условное название у исследователей «сасанидских» III — IV вв., изучение которых началось уже давно, причем среди ученых существуют разные точки зрения насчет их иранского происхождения. Особенный интерес представляют куски шёлковых тканей, которыми были отделаны туники, а также набитые перьями шерстяные подушки из Антинои, относящиеся к II—III вв. н. э.[107]. Как шерстяные, так и шелковые ткани здесь являются двусторонними, многоцветными, со сложным повторяющимся рисунком, в то время как в Мерве найдены пока лишь гладкие одноцветные ткани, что позволяет пока что констатировать факт наличия в Мерве производства во II—III вв. н. э. только тканей простого тканья. Но и это представляет не меньший интерес, так как наши ткани являются образцами рядового массового производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей более или менее широких слоев населения. О техническом уровне производства говорить еще не представляется возможным за отсутствием достаточного количества фактов и наблюдений, но надо надеяться, что дальнейшие работы дадут новый материал, который в конечном счете позволит ответить на ряд не решенных еще вопросов.

Письменные источники сообщают о широком развитии текстильного производства в городах Ирана, начиная с III—IV вв. н. э., и большая заслуга при этом приписывается Шапуру II (309—379 гг. н. э.), а теперь после сделанных находок не приходится сомневаться в на-

личии в Мерве еще до сасанидов хорошо организованного производства шелковых, шерстяных, хлопчатобумажных тканей и ковров на местном сырье. Попутно следует упомянуть об очень интересной находке, сделанной у северного фаса центрального бугра на Эрк-кале в полевом сезоне 1958 года. У подножья бугра Г. А. Пугаченковой был обнаружен черепок с отпечатком грубой ткани типа мешковины. Даже при четырехкратном увеличении отпечатка четко видны нити простого переплетения. Создается ложное впечатление, что перед нами не отпечаток, а сама ткань, прилипшая к фрагменту керамики. Возможно, по отпечатку удастся определить характер волокна, что позволит судить об исходном материале ткани: шерсть или растительное волокно. Важность находки заключается еще и в том, что мы имеем пример древнего приема изготовления керамики вручную, с помощью матерчатой болванки. На набитый песком мешочек налепляли глину, мяли ее рукой, чтобы получить нужной формы посуду. В процессе изготовления на материи образовалась складка, которая в виде вмятины отпечаталась на глине.

Весьма интересным для нас является точное установление, к какому времени относится черепок. Поскольку типологически он близок к керамике нижних культурных слоев Эрк-калы, мы имеем право говорить о наличии ткачества у местного населения уже во второй половине I тысячелетия до н. э.

С раскопками замка связаны находки мелкой терракотовой пластики. В ней отражены определенные формы религиозной идеологии. Коропластика Мерва стала специально изучаться только со времени работ ЮТАКЭ. В 1949 году вышла работа Л. И. Рempеля, в которой была дана первичная периодизация мервских терракот, на основе анализа которых показана связь их с античной коропластикой Средней Азии при несомненном локальном своеобразии[108]. В другой работе автор, в связи с новыми находками терракот в Мерве, развил свои основные положения[109]. С накоплением материала из определенных, точно зажатых во времени слоев в раскопках в Мерве, возникла необходимость пересмотреть некоторые датировки целого ряда групп терракот, предложенные Л. И. Рempелем, и дать новые истолкования отдельным изображениям, что и было сделано Г. А. Пугаченковой[110].

Теперь, когда имеется специальное исследование по данному вопросу, терракоты из забутовочных кладок раскопа № 1 легко делятся на следующие группы[111].

К ранней группе следует отнести две обезглавленные фигурки (рис. 35) обнаженной выше бедер беременной женщины. Одна из них прямо опущенной левой рукой придерживает ткань, правая же — согнута в локте, прикасаясь кистью к ожерелью из крупных бус вокруг шеи. Терракота розового цвета, фигурка выполнена с помощью штампа. Вторая женская фигурка такого же типа, с ожерельем на шее, но более крупных размеров, в согнутой правой руке держит какой-то круглый предмет. Обе фигурки передают облик ранней богини-матери, несущей во чреве плод новой жизни. Тип таких нагих, строго симметричных женских статуэток относится еще ко времени ахеменидского Ирана, входя затем в культовую скульптуру селевкидо-парфянских городов[112]. Как указывает Г. А. Пугаченкова, этот тип фигурок представляет собой раннюю иконографию «маргианской богини» и на основе ряда находок аналогичных терракот в Мерве из ранних по времени слоев эту груп-

пу следует датировать II—I вв. до н. э [113]. С. П. Толстов датирует группу нагих женских статуэток из Хорезма, изображенных в той же позе, что и описанные нами фигурки из раскопа № 1, временем не ранее конца III в. до н. э [114].

Весьма своеобразным является изображение обезглавленной терракотовой фигурки, найденной в северо-восточной части раскопа № 1 в ложной декоративной бойнице первой стены контрфорса, сооруженной при первых сасанидских правителях вдоль всего северного фаса. Фигурка высотой 11 см выполнена горельефным штампом,

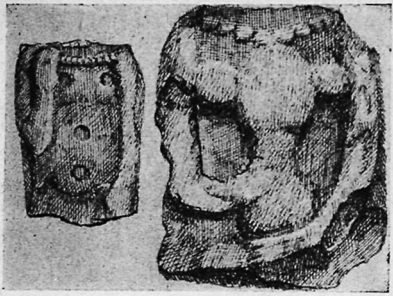

Рис. 35. Раскоп 1. Терракотовые фигурки II—I вв. до н. э.

терракота красного цвета со следами оранжевого ангоба. Статуэтка изображает стройную фигуру молодой женщины в позе горделивого спокойствия (рис. 36). До пояса она обнажена, а может быть и покрыта прозрачной, плотно облегающей тканью, на шее витая гривна с круглым плоским медальоном. От идущего наискосок пояса вниз спускается какое-то одеяние, имеющее бугристую поверхность, из-под которого платье ниспадает мягкими свободными складками ниже колен, обрисовывая стройные прямо поставленные ноги. Женщина босая, с широкими рубчатыми браслетами на ногах. Левой рукой у пояса она сжимает предмет, напоминающий меч с прямым перекрестием и ножнами, орнаментированными насечками. Правая рука слегка согнута в локте, как будто придерживая что-то у бедра. Через плечи и запястья рук переброшен шарф. Подобный тип терракотовой скульптуры для Мерва пока является уникальным, но манера исполнения, отдельные детали одежды очень типичны для маргианской богини времени «парфянизации» ее образа [115].

Аналогии атрибутам находим в монетах сасанидского чекана — на реверсах некоторых из них изображена стоящая царица по правую сторону аташдана, с мечом, в момент культового действия [116]. А в руках

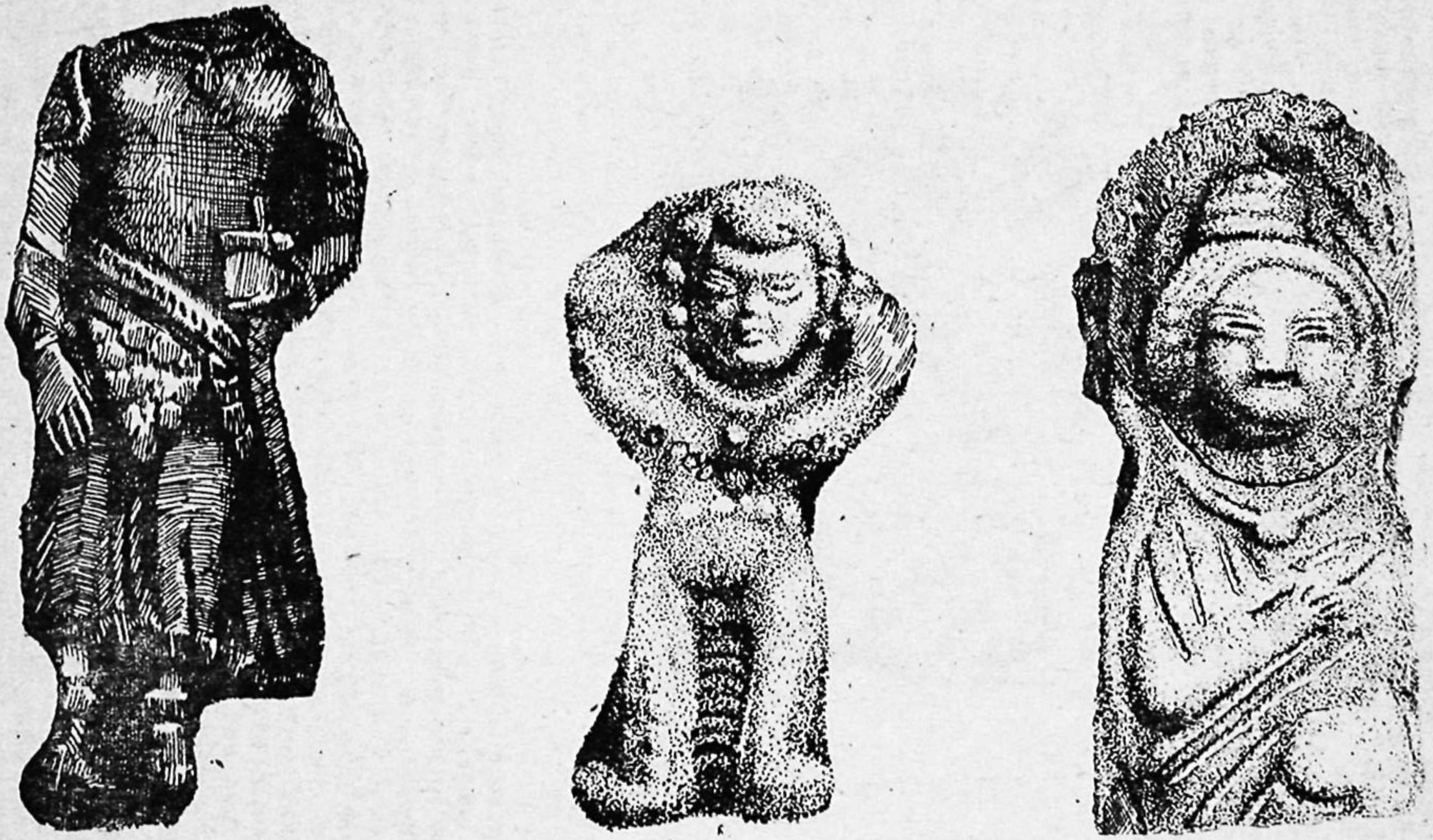

Рис. 36. Эрк-кала. Терракотовые фигурки I—II вв. н. э.

божества, изображенного на серебряном блюде из Климовой, находится такой же меч с перекрестием, ножны которого орнаментированы[117]. Невольно вспоминается подобная манера ношения шарфа для фигур, изображенных на биянайманском оссуарии, из которых крайнюю слева А. Я. Борисов считает воплощением стихии зороастризма — земли[118]. Она изображена босой, запястья ног украшают браслеты, на шее — витая гривна с круглым медальоном. Своеобразный костюм нашей статуэтки сближает ее как-то с фигурами жриц-танцовщиц, изображенных на серебряных сосудах из Эрмитажа, участниц согдийских культовых обрядов. Г. А. Пугаченкова доказала, что изображение жриц на согдийских сосудах является иллюстрацией одного из пехлевийских текстов об участии женщин в обслуживании храмов огня в Согде[119]. Этот факт, недопустимый с точки зрения ортодоксального зороастризма, еще раз указывает на пережиточность в Средней Азии старых религиозных установок и традиций.

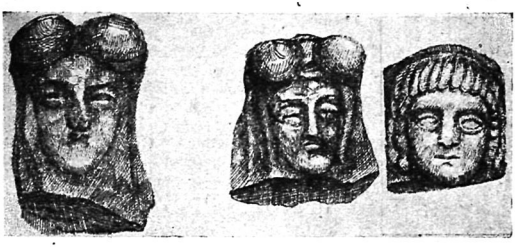

Рис. 37. Раскоп I. Терракотовые головки конца II—III вв. н. э.

Приведенные аналогии подводят нас к выводу, что наша фигурка может быть связана с изображением божества со своими символами — шарфом и культовым мечом. При истолковании изображения следует исходить из особенностей зороастрийских религиозных представлений в Средней Азии, учитывая древние местные культы поклонения идолам, духам-покровителям. В связи с этим отметим образ девы, стража границы, духа «Ард» — один из символов местного народного культа. Существует предание о том, что перед направлявшимися в Среднюю Азию проповедниками манихейства у «границы Кушана» появилось божество «дух хорасанской границы» в облике девы, которая не сразу пропустила их дальше[120]. Если учесть, что наша фигурка найдена в бойнице укрепленного форта на крепостной стене цитадели (Эрк-калы), нельзя ли тем самым объяснить смысл изображения фигурки как божества, охраняющего границы или сам город, имеющего в качестве символов культовый меч и шарф. М. И. Филанович полагает, что статуэтки вообще специально закладывались в кладки крепостных сооружений для обеспечения божествами и духами неприступности крепости.

Говоря о стиле изображения, следует отметить, что фигурка выполнена в тех же традициях, что и фигурки маргианских богинь I—II вв. н. э. из дома металлиста и квартала мукомолов в Мерве[121]. Го-

рельефный штамп, поза фронтальна, фигура вытянутых пропорций, обычное положение рук, одна из которых придерживает у бедра ткань, сохранение в одежде еще элементов античных драпировок, а также совершенство мастера в передаче черт и пропорций женского тела — все это позволяет отнести изготовление нашей фигурки к I—II вв. н. э., чему не противоречат и аналогии.

К другому типу относится терракотовая головка, выполненная оттиском одностворчатого штампа, с обратной стороны которого сохранились следы заглаживания острым инструментом, представляющая собой изображение высокого рельефа на сероватой глине. Суживающееся к подбородку овальное лицо с широким лбом, большими, прямого разреза глазами, прямым носом и широкими ноздрями и плотно сжатыми тонкими губами, придающими лицу мужественное выражение, несколько округлый подбородок выступает вперед; прическа в виде *локонов, уложенных в ряд и закрывающих* верхнюю часть лба, а по бокам волосы свисают двумя завитками, прикрывая уши. С такими же примерно чертами лица опубликовано Л. И. Ремпелем две терракотовые головки, в которых он видит воплощение этнического типа обитателей Средней Азии докушанского времени[122]. Однако аналогичная головка из Керков и головка «буддийского стиля» должны быть датированы одним временем с нашей фигуркой, которая была найдена вместе с монетами позднепарфянского времени и чекана первых сасанидов, то есть концом II—III вв. н. э.

К этой же группе следует отнести две головки (рис. 37) из мелкопористой терракоты, горельефного штампа. Обе они представляют удлиненный тип лица с широкими крутыми бровями, узким разрезом глаз и выпуклыми веками, прямым носом, маленьким ртом и заостренным подбородком. Головной убор в виде двух больших высоких буклей, а по бокам волосы в виде локонов спускаются до уровня подбородка, прикрывая уши. Аналогичные тюрбанообразные женские головные уборы с двумя выпуклостями весьма характерны для группы терракот из Мерва позднепарфянского времени; подобные головки были встречены на оссуариях из некрополя к северо-востоку от рабада Султан-калы[123]. Г. А. Пугаченкова такой тип приписывает богине-матери, в облике которой отражается определенный маргианский этнический тип иной племен-

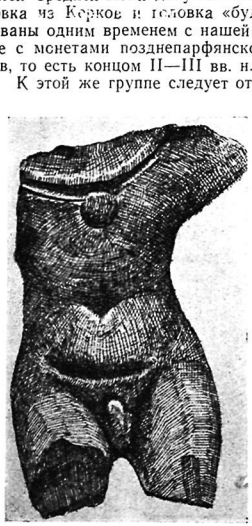

Рис. 38. Раскоп 1. Мужская терракотовая фигурка.

ной племенной группы, чем тот, который выражен в терракотах раннего круга[124]. По аналогиям с терракотами из позднепарфянских слоев раскопок. Мерва, описанные головки датируются концом II—III вв. н. э[125]. К этому же времени относится скульптура Топрак-калы со сходным округлым головным убором (например, «супруга Вазамара»)[126].

Наконец, в кладке стены первого контрфорса была найдена мужская фигурка из глины желтоватого цвета. Изготовлена с помощью штампа (рис. 38). Сохранился только торс, руки отбиты, но по остаткам видно, что они были приподняты вверх. Бросаются в глаза чрезмерно широкие бедра и округлый живот, нижняя часть которого отмечена неглубокой складкой. На шее — гривна с круглым медальоном. Тело передано несколько обобщенно, но с выделением мускулатуры. Подобные фигурки для Мерва не являются единичными, они встречаются на территории мервских городищ и его округи. В 1946 г. С. А. Вязигин поднял фрагмент обнаженной мужской терракотовой фигурки с вала Гилякин-Чильбурдж, в которой Л. И. Ремпель видел гермафродита [127]. Такие фигурки известны нам по раскопкам экспедиции Р. Пампелли в Мерве, в большом числе они находились в квартале мукомолов, на Эрк-кале. Как видно из находок, мужские фигурки были так же популярны в народе, как и статуэтки маргианской богини. Их правильнее всего связать с культом умирающих и воскресающих сил природы, который обычно воплощался в образе юноши. В Средней Азии сохранились мифы о Сиявуше, которые являются фрагментами древнейшего мифа об умершем и воскресшем боге. Обряд оплакивания Сиявуша, видимо, связан с этим древним культом[128]. Тип нагой мужской фигурки в таком воплощении является очень характерным для Мервского оазиса и появление его датировать можно не позднее III в. н. э., когда статуэтка могла попасть в кладку в период строительства контрфорса при первых сасанидах.

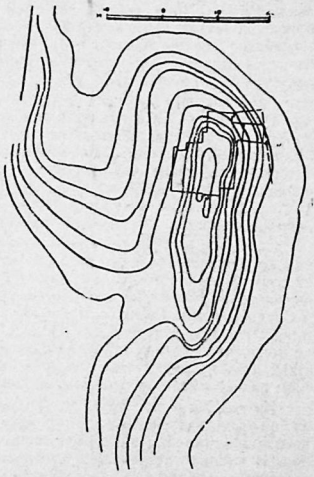

Рис. 39. Эрк-кала. Раскоп 3. Глазомерная съемка.

Находки терракотовых скульптур на раскопе № 1 дали новые датирующие факты, которые указывают на самую крайнюю дату бытования определенной группы мервских терракот—III в. н. э. Они еще раз подтвердили прежнюю классификацию образцов мервской коропластики и свидетельствуют о широком рас-

пространении в античную пору в Мерве культа местной «Маргианской богини», вызвавшего к жизни массовое изготовление ее терракотовых статуэток[129], а также культа умирающих и воскресающих сил природы в образе юноши.

В кладках забутовок были найдены также фрагменты стеклянных сосудов. Из них выделяется привозной сосуд из римского стекла с черными вкраплениями, цилиндрической формы, с вогнутым поддоном. Поверхность неровная, у донца идет налепной валик. Диаметр донца 3,5 см.

В завале и натечных слоях III комнаты был встречен остракон, выполненный черной краской на сером черепке с рифлёной поверхностью. Начертание отдельных букв напоминает согдийскую письменность на документах из Муг-кала близ селения Хайдарабад в Таджикистане[130]. Сравнивая с таблицей развития парфянского письма I в. до н. э.— III в. н. э., остракон можно отнести к III в. н. э[131]. Это лишнее доказательство тому, что имевший место некоторый упадок в функционировании замка приходится, как мы отмечали выше, на первую половину III в. н. э., после чего осуществляются забутовочные работы.

Остракон не является случайной и единичной находкой для Эркалы и Мерва в целом. Они находились при раскопках в цитадели американской экспедиции[132], в 1937 г.—А. А. Марущенко в развалинах позднесасанидского здания. Надписи сделаны черной краской на бараньих лопатках арамейским шрифтом; на черепках они выполнены на согдийском, среднеперсидском, арабском языках[133], что лишний раз свидетельствует о богатстве культурной жизни Мерва, где встречались представители разных народов.

Определенный научный интерес для выяснения этногенеза населения Туркменской ССР представляет находка человеческих волос длиной до 3 см в кирпичной забутовке к юго-востоку от помещения XII. Волосы были подвергнуты микроскопическому анализу; по цвету, толщине, физическим свойствам они относятся к типу волнистых и свойственны европеоидной большой расе[134]. Волосы в забутовку могли попасть не позднее III в. н. э., когда осуществлялись крупные ремонты, и принадлежали, очевидно, какому-либо из родственных парфянам маргианцев.

Столь же важными являются находки остатков зерен и шалы риса как крупнозернистого, так и мелкозернистого, извлеченных из промазки между кирпичами кладки стены XIV помещения. Исследование шалы позволит уточнить некоторые вопросы истории происхождения риса в Средней Азии. Принято считать, что крупнозернистый рис стал проникать сюда из Китая после II в. до н. э. вплоть до III в. н. э. Судя по тому, что шала в промазках встречается в очень больших количествах и во многих местах закладок, можно предположить, что в Мервском оазисе имело место культивирование риса.

Из толстого слоя серой штукатурки на западной стене XXII помещения были извлечены вместе с шалой сопровождающие ее зерна сорных трав, косточки винограда, вишен, семечки дыни, арбуза и огурцов. В кладках встречались крупные косточки персика. Анализ и исследование собранного материала позволит охарактеризовать ассортимент выращиваемых в античную пору в Мерве плодовых деревьев и огородных культур.

Раскоп № 3. С целью уточнения стратиграфии Эрк-калы в 1958 г. были осуществлены раскопки под руководством М. Филанович на холме, расположенном в 30 м западнее центрального бугра. Холм вытянут с севера на юг и имеет размеры 50×34×6,5 м (рис. 39). По-

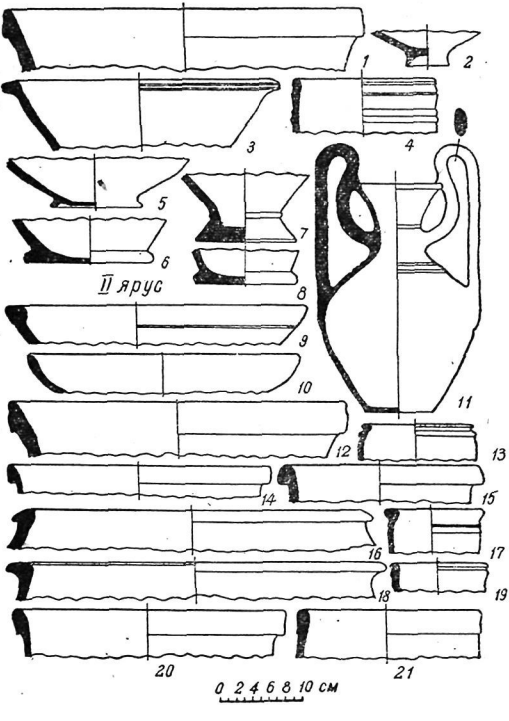

Рис. 40. Раскоп 3. Керамика II в. до н. э.; *6*, *7*, *8* и *11* — II—IV вв. н. э.

верхность его усеяна была фрагментами керамики, стекла, кусками керамического и металлического шлаков. Собранные здесь монеты, терракотовые фигурки указывали на время не позднее конца III в. н. э.

Раскоп был заложен в северо-восточной части холма. В результате вскрытия выявлено несколько периодов его обживания. К самому раннему периоду относится обнаруженная на восточном склоне холма монолитная платформа из прямоугольного кирпича 55×29×12—13 см, упомянутая выше при характеристике Эрк-калинского поселения середины I тысячелетия до н. э. Имея форму усеченной пирамиды, платформа достигала 8 м высоты и возводилась в одно время с платформой центрального бугра в Эрк-кале. Архитектурные строения этого времени не сохранились: они были снивелированы кирпичной выкладкой из квадратного сырца в стороне 40—42 см на 10—12 см, характерного для памятников ранней античности III—II вв. до н. э. на территории Средней Азии.

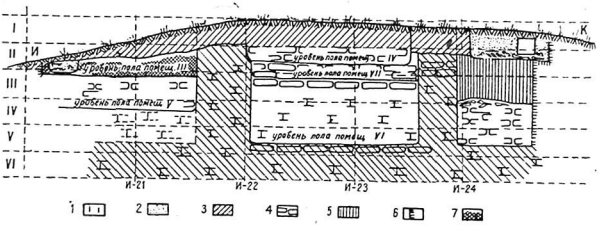

Рис. 41. Раскоп 3. Разрез с севера на юг.

В западной части раскопа, непосредственно на нивелирующей платформе, было выявлено несколько помещений хозяйственного назначения. Стены толщиной 0,75—1,00 м сохранились на высоту 1,30 м и сложены из кирпича одного размера с платформой, что указывает на единовременность их возведения. Полностью было вскрыто ромбовидное в плане помещение VI, у которого северная стена длиной 2,95 м, восточная — 3,10 м, южная — 3,27 м, западная — 2,74 м. Встреченная здесь керамика представлена бокалами, чашами, хумами (рис. 40). Черепок тонкостенных сосудов в изломе красный и розовый, ангоб кремовый и цвета теста. Кухонная посуда представлена котлом с законченным сферическим туловом и слегка оттянутым наружу венчиком диаметром 18 см. Тесто желтоватого цвета с примесью толченой керамики. Яйцевидной формы хум имеет возвышающийся над стенками венчик, в отличие от нисийских парфянского времени, у которых он слабо проработан и совпадает с горлом сосуда[135]. Весь материал по аналогиям с материалами прежних раскопов в древнем Мерве можно отнести к раннепарфянскому времени[136].

Следующий период связан с изменениями в планировке комплекса. Сначала в помещениях к северу и к югу от комнаты VI осуществили поднятие уровня полов на 20—25 см путем сплошной выстилки сырцом (рис. 41). Затем поперечной стеной разделили помещение V на третье и восьмое. Стена шириной 0,93 м сложена из сырца размером

43×42×11—12 см, 44×43×10 см. Извлеченная из ее кладки медная монета оказалась парфянского чекана до н. э.

Керамика в основном представлена бокалообразными чашами на невысоком поддоне, неглубокими тарелками с оттянутым вниз венчиком, широкогорлыми кувшинами, хумами. Черепок в изломе розово-красного, изредка пепельно-серого цвета с таким же ангобом (рис. 42). Исходя из керамической шкалы, разработанной для Мерва, этот небольшой комплекс следует отнести к среднепарфянскому времени I в. до н. э. — I в. н. э.[137], чему не противоречат и нумизматические данные.

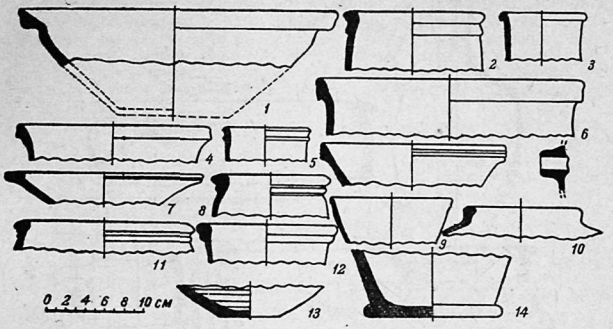

Рис. 42. Раскоп 3. Керамика I в. до н. э.—I в. н. э.; *14* — II—IV вв. н. э.

Следующие ремонтные работы хронологически связываются с новым периодом, когда помещение VI сплошь забутовывается сырцом на высоту 1,20 м, а стены надстраиваются. Таким образом, получилось новое VII помещение, одноразмерное с VI. Стены и забутовка сложены из сырца в стороне 39—45 см на 9—12 см, с клеймами в виде одной полосы, отпечатками лап собаки, босой ноги подростка, ноги в мягкой обуви. Пол нового помещения был покрыт слоем саманной обмазки, и на нем сохранились следы крупного кострища, вокруг которого разбросаны фрагменты керамики, кости домашних животных.

Тогда же был приподнят уровень пола III помещения и устроен углубленный очаг в его восточной стене. А в помещении VIII с выстилкой нового пола было связано возведение контрфорса для укрепления восточной стены из крупного сырца в стороне до 45 см на 10—12 см. Такой кирпич в замке Эрк-калы применялся в забутовочных кладках позднепарфянского и раннесасанидского времени. Для раскопа № 3 отмечается тот же характер ремонтных работ (забутовки, контрфорсы), что и для зáмка, поэтому их можно датировать II—III вв. н. э.

Керамика с уровней полов упомянутых помещений представлена широкогорлыми и узкогорлыми кувшинами, горшкообразными сосуда-

ми. Черепок в изломе серый с желтоватым или зеленоватым оттенком, ангоб чаще цвета теста. Широкогорлые сосуды имеют плоские донца, сложно профилированный венчик в виде отогнутого валика с рядом

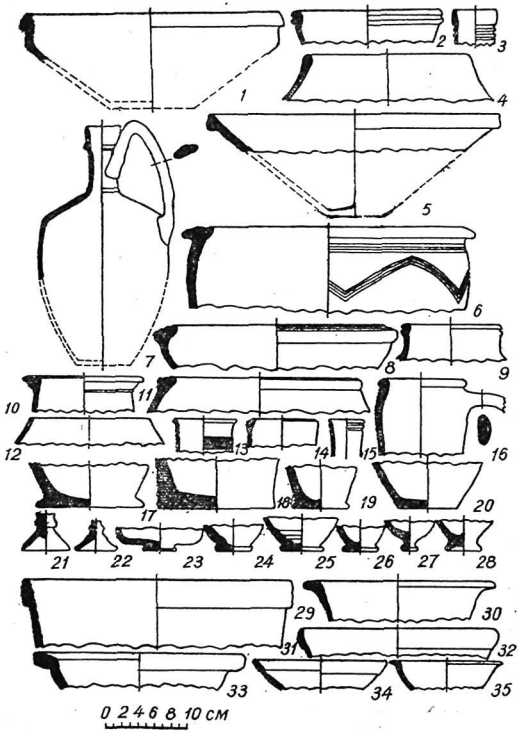

Рис. 43. Раскоп 3. Керамика II—III вв. н. э.

параллельных бороздок по краю. Расширяющаяся кверху горловина узкогорлых кувшинов заканчивается утолщенным профилированным венчиком; тулово полусферической или каплеобразной формы на маленьком поддоне. Подобные сосуды типичны для парфяно-сасанидских

слоев в раскопах и шурфах Гяур-калы[138]. Исходя из точно датированных керамических комплексов античного Мерва, материал с раскопа № 3 следует отнести ко времени II—III вв. н. э. (рис. 43).

Из других находок заслуживают внимания геммы из красного сердолика. На щитке (1,6×1,1 см) первой техникой выемчато-штриховой резьбы нанесено изображение бегущего влево козла с прямыми рогами. Как отмечает Г. А. Пугаченкова, подобная техника резьбы характерна для позднепарфянской (II—III в. н. э.) глиптики[139], а форма ложного перстня, игравшего роль служебной печати чиновников, типична для раннесасанидского времени[140].

Сюжет скачущего козла известен по парфянской глиптике, который часто изображался на монетах начала III в. н. э.[141] и был весьма популярен в искусстве сасанидской поры. Гемма с изображением скачущего козла с Гяур-калы Г. А. Пугаченковой датируется II—III вв. н. э.[142]. Рассматриваемую гемму, найденную на полу помещения III вместе с керамикой позднепарфянского времени, можно отнести ко II—III вв. н. э.

Вторая гемма была найдена в кирпичной кладке за южной стеной VI помещения и представляет собой овальную вставку для перстня (1,5×1,2 см) с изображением двух архаров с закрученными рогами и поднятыми мордами, стоящих друг против друга под деревом. Этот древний восточный сюжет, вошедший в искусство как символ, связанный с плодоносящим началом, нашел отражение в парфянских геммах Нисы III в. н. э.[143], монетах позднепарфянского чекана царей Митридата IV (II в. н. э.), Артабана V (начало III в. н. э.) и др.[144], символизируя царскую власть. Будучи личной печатью какого-то чиновника, она вместе с тем служила и украшением.

Раскоп № 3 запечатлел также картину упадка и некоторого запустения объекта, в результате чего образуются завалы, под которыми хорошо сохранились обуглившиеся зерна злаковых растений. Этот упадок связывается с кризисом рабовладельческой системы IV—V вв. н. э., после чего возобновляется жизнь на данном объекте. Последний период характерен тем, что вся архитектура, пришедшая в период кризиса в упадок, нивелируется платформой из непрочного сырца в стороне 38—40 см на 9—10 см. В кладке платформы встречена керамика, бусы, медные монеты мервского правителя III в. н. э., но весь этот материал не является датирующим. Только одна монета чекана сасанидского царя Хормизда IV (578—590) позволяет заключить, что платформа возводилась не ранее конца VI в. н. э. Это новый факт, подтверждающий строительную деятельность младших сасанидов в Эрк-кале. От воздвигнутых сооружений на последней платформе сохранились в некоторых местах лишь вымостки пола кусками хумов.

Таким образом, на небольшом раскопе при тщательном исследовании удалось получить картину тысячелетней истории Эрк-калы. Новые археологические данные, полученные при раскопках на Эрк-кале, выглядят следующим образом на фоне раскрываемой истории Мерва. Важным моментом следует считать доказательство существования поселения на территории Эрк-калы у канала Разик еще в первой половине I тысячелетия до н. э. В эту же пору возникают такие города, как Бактры (Балх), Мараканда (Самарканд). Видимо, уже обжитый пункт с цитаделью и был тем самым «Моуру» — третьим местом изобилия,

созданным Ахура-Маздой для жительства, как именует его Авеста, который назывался «могучим, священным, чистым»[144]. А в Бехистунской надписи Дария I Маргиана упоминается как область, вошедшая уже в состав ахеменидской державы[145], для которой характерна непрочность объединения и неустойчивость границ, так как государственная власть на окраинах, покоренных силой оружия, требовала постоянных мероприятий для своего поддержания. О непрочности власти персов на периферии их огромной державы свидетельствуют неоднократные восстания. Одним из таких крупных восстаний было движение народных масс в Маргиане в 522 г. до н. э., со страшным разгромом которого связывается запустение Аравали-депинского оазиса[146].

К тому времени в Маргиане были уже освоены прогрессивные методы ирригации путем сооружения плотин, требовавших большой затраты рабского труда. Как указывал К. Маркс, одной из непременных функций государственной власти на древнем Востоке было поддержание ирригационной сети, каналов, функция организации публичных работ, и эта необходимость была в Мерве налицо[147]. С помощью рабского труда, в частности, создаются мощные платформы в Эрк-кале, одна из которых играет роль цитадели. К середине I тысячелетия до н. э. поселение вокруг Эрк-калы разрастается и занимает уже территорию Гяур-калы. Шурфовка в разных частях этого городища показала, что на материке лежит материал, идентичный комплексу Яз III. В. М. Массон связывает перемещение центров орошаемых земель из низовья в район среднего течения р. Мургаб в связи с освоением техники подпорных плотин в орошении. Результатом этого процесса, видимо, явился расцвет поселения на Разике на территории современной Эрк-калы, куда прочно переместился главный городской центр орошаемого земледелия.

Повышение значимости древнего Мерва привело его, в конечном итоге, к роли столицы парфянской Маргианы, о которой уже имеются сведения в сочинениях греко-римских историков и географов, а также в китайских исторических хрониках, охватывающих период с I в. до н. э. по VIII в. н. э. Но источники страдают недостатком — они оставляют в тени социально-экономический строй и быт широких народных масс[148]. Этот пробел в какой-то мере восполняют данные археологического порядка.

Изучение крепостных стен Гяур-калы показало, что уже при селевкидах территория разросшегося поселения была обнесена стеной, периметр которой составляет около 7.5 км. Видимо Эрк-кала тогда стала приобретать функцию цитадели. Известный со времени селевкидов под названием Антиохии Маргианской Мерв окончательно оформился как крупный среднеазиатский рабовладельческий город в системе Парфянского государства. Хотя еще не удалось точно установить местонахождение шести сторожевых укреплений, построенных Александром Македонским в Маргиане, зато город Александрию, видимо, следует отождествить с Гяур-калой. Безусловно прав проф. М. Е. Массон, который еще в первые годы изучения античного Мерва полагал, что Александрией была названа Гяур-кала, а гарнизон Александра Македонского был поселен в Эрк-кале, вот почему почти все предания, записанные о Мерве в раннем средневековье, приписывают основание «старинного города» именно Искандеру Зулькарнайну[149].

Как показали исследования в дельте Мургаба и на Эрк-кале, к моменту похода Александра Македонского центр орошаемых земель из северных районов уже переместился на место Гяур-калы, а старые центры древней земледельческой культуры стали угасать, и когда в III в. до н. э. был построен вал Гилякин Чульбурдж (стена Антиоха), памятники Нижнемургабского оазиса оставались вне этой стены и находились в запустении[150]. Следовательно, Александр Македонский в своем походе держал путь через эрк-калинское поселение городского типа, где жизнь била ключом, и здесь оставил свой гарнизон, отправляясь на Восток.

При селевкидах одновременно с возведением стен Гяур-калы, видимо, строятся и стены Эрк-калы. Во всяком случае, к моменту сооружения замка у южных ворот уже существовала крепостная стена, выложенная с откосом в 60°, высотой 26 м. Строительство же замка связывается, судя по монете Митридата II (124—87 гг. до н. э.), со временем расцвета рабовладельческого Мерва, примерно со II в. до н. э. Маргиана в ту пору входила в состав Парфянского государства. Мерв превращается в крупный торгово-ремесленный центр, через который проходил «шёлковый путь», разветвлявшийся отсюда в нескольких направлениях. Во внутренней планировке города отмечается известная регулярность: город разделялся двумя взаимно-перпендикулярными улицами на четыре части, имелось несколько базарных площадей. В северо-восточной части города находились крупные ремесленные кварталы. А Эрк-кала выполняла функцию цитадели, где располагался основной гарнизон, арсенал, обжигательные печи для ядер, резиденция правителей. Замок занимал удобное положение: располагаясь в южной части крепостной стены, он не подвергался опасности со стороны нападающего врага и в то же время величественно возвышался над окружающей территорией собственно города — шахристана, внушая страх перед мощью правящей верхушки. Выбеленные стены его комнат имели украшенные цветными росписями карнизы; полы, видимо, были устланы коврами; привозное римское стекло, шёлковые ткани и другая богатая утварь служили украшением и составляли внутреннее убранство комнат.

Как показали раскопки замка, маргианцы осуществили крупные ремонтные работы, построив ряд контрфорсов, поддерживающих непрочные стены южного и западного обводных коридоров. Эти работы приходятся на I в. н. э., когда Маргиана, воспользовавшись низвержением старшей ветви Аршакидской династии, получает наряду с Гирканией и другими областями парфянской державы политическую автономию. С этого времени в Мерве правят самостоятельно лица из рода Аршакидов, которые выпускают от своего имени монеты местного маргианского чекана. Медные монетные кружки представлены несколькими типами и очень близки к общеизвестным монетам Санабара. Легенды на монетах, за малым исключением, выполнены парфянским шрифтом и снабжены знаком «П». Обильный медный чекан свидетельствует о развитой базарной торговле в Мерве, с монетным обращением, но рассчитан был «только для внутреннего, узко локального, в пределах области потребления»[151].

Изучение монет этой группы позволило В. М. Массону придти к выводу, что царь Санабар, известный только по монетам и считающийся якобы индопарфянским правителем области Кандагар-Сакастан, на самом деле был правителем Маргианы последней трети I в. н. э.[152]. 87

Маргиана в первых веках н. э. достигает наивысшего расцвета. В Мерве развиваются все виды ремесла, письменность, в произведениях искусства все ярче проступает преодоление эллинистических и торжество местных традиций. Совершенствуется военное мастерство, о чем свидетельствуют находки наконечников стрел, круглых и трехгранных ядер из раскопов, а также сведения греческих и римских авторов.

Только к концу II в. н. э. в Маргиане чувствуется некоторый упадок. Назревала пора, когда производственные отношения в условиях своеобразной восточной формы рабовладельческого общества стали тормозить дальнейшее развитие производительных сил. Уже к началу III в. н. э., еще задолго до смены династии, когда к власти приходят Сасаниды, гребни стен помещений замка успели разрушиться и дать трещины, образуя наТеки и обвалы. Факты наползания забутовочной кладки на полуразрушенные и оплывшие гребни стен свидетельствуют о том, что сасанидским наместникам достался негодный к использованию под жилье замок, поэтому при них сразу же началась закладка помещений, чтобы превратить стратегически столь удобное место в укрепленный форт. Дворец ими был отстроен, видимо, на центральном холме в Эрк-кале.

Со сменой династий в облике бытового инвентаря, по сравнению с предшествующим временем, не произошло особых изменений. Об этом говорит весь комплекс археологических находок из забутовочных кладок и из первого контрфорса вдоль северного фаса, датируемый монетами первых сасанидов: Арташира I (224—242 г. н. э.), Шапура I (242—272 г. н. э.) и др.

Разразившийся в IV—V вв. кризис рабовладельческой системы привел к возникновению в ее недрах новых производственных отношений, которые определили собой успешное развитие Сасанидского государства по пути феодализма. При старшей ветви Сасанидов осуществлялись ремонтные работы не только в Эрк-кале, где форт с северного фаса получает новый контрфорс с ложными декоративными бойницами, но обновляются и гребни крепостных стен Гяур-калы, по-видимому, при Хосрове Ануширване. Характерным моментом является некоторое измельчание сырцового кирпича и ухудшение его качества. Часто в кладках используется более ранний кирпич. Показательно, что в сырце встречаются прямо куски нерастворенной глины с примесью самана, взятой из старых построек, что создавало непрочность кирпича.

Последняя платформа на раскопе № 3, выкладка стены с уклоном во внутреннюю часть цитадели под углом в 60°, возведение на ней нового контрфорса впритык к первому на раскопе № 1 указывают на большой размах ремонтных работ в Эрк-кале в правление Хормизда IV (579—590). Спустя полвека, в 651 г., Мерв оказался в руках арабов, которые использовали дворец сасанидского правителя и укрепленный форт у ворот цитадели, о чем свидетельствуют дошедшие до нас завалы строительного мусора и бадрабы. В последних оказалось немного керамики с плохо сохранившейся ишкорной поливой, которая встречается пока что только на Эрк-кале. Это позволяет отнести ее к продукции печей VII—VIII вв., вскрытых на Гяур-кале и датированных раннеарабскими фельсами[153]. Тарелочки, напоминающие античные формы, но со следами плохой ишкорной поливы, являются первыми образцами поливной посуды, изготовленной мервскими керамистами в первые века после арабского завоевания. Но имеется и более поздний материал, как

чираг грязно-жёлтой поливы, имеющий круглый резервуар и носик с перехватом. Такая форма светильников, встречаемая на территории Султан-калы и в квартале керамистов в его рабаде, характерна для первой половины IX в. В целом весь материал можно датировать VII — первой половиной IX в.

О том, что Эрк-кала при арабах продолжала функционировать как кухендиз («старая крепость»), куда еще регулярно подавалась вода через подземный канал, свидетельствуют и письменные источники[154]. Но к IX в., видимо, в Эрк-кале разводили лишь бахчи и огороды, а в X в., как сообщает Макдиси, «крепость была разрушена и подняться к ней трудно, войти в нее можно только с особым проводником»[155]. Это подтверждается и археологическим материалом: керамика позднее первой половины IX в. не встречается, хотя размеры жжёного кирпича могут быть датированы временем вплоть до начала X века.

Так в основных чертах рисуются хронологические периоды полуторатысячелетней истории Эрк-калы, начиная с первой половины I тысячелетия до н. э. вплоть до X века.

Дальнейшие работы в Эрк-кале дадут новый материал как по парфянской проблеме, так и по вопросам, связанным с социально-экономической и политической историей Мерва поры раннего средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Роулинсон Г. Дорога в Мерв. Записки Кавказского отделения Русского географического общества, кн. XI, вып. 1, Тифлис, 1880; Алиханов-Аварский А. М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. Спб., 1883; E. O. Donovan. Merv A story adventures and nativity, London, 1883; Лессар П. М. Через Персию, в Мерв. Новое время, 1883, № 2750, 2758; Его же. Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв и Чарджоу. Известия Русского географического общества, т. XX, вып. 1, Спб., 1885; Синицын Л. Поездка в Мерв. Туркестанские ведомости, 1885, № 9, 11, 12, 13.

2. Туркестанские ведомости, 1886, № 3.

3. Закаспийская область в археологическом отношении Туркестанские ведомости, 1888, № 24, 25 (перепечатано из газ. «Новости»).

4. Пугаченкова Г. А. Геммы из Мерва. Известия АН Туркм. ССР, 1957, № 3, стр. 65—72.

5. Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. Труды САГУ им. В. И. Ленина, в. LXXXI, Ташкент, 1956, стр. 12.

6. Туманский А. Г. Древности Закаспийского края. ЗВО, IX, Спб., 1896, стр. 300—303; Тизенгаузен В. Г. Отзыв о сочинении профессора Жуковского В. А. «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва», ЗВО, XI. Спб., 1899, стр. 327—333.

7. Бартольд В. В. Рецензия на работу Барда Э. Р. «Орошение в долине Мургаба и Мургабское государство имение». Спб., 1910, ЗВО, XX, Спб., 1912, стр. 88.

8. Федоров К. М. Закаспийская область, ее прошлое и современное состояние. Ашхабад, 1909.

9. Массон М. Е. Цит. соч., стр. 10.

10. Приезд американского геолога Помпели для археологических раскопок. Туркестанские ведомости 1904, № 22.

11. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 90.

12. В. Л. О старине в Закаспии. Туркестанские ведомости, 1912, № 186.

13. Семенов А. А. По Закаспийским развалинам. Ташкент, 1928, стр. 31.

14. Ершов С. А. Археология в Туркменской ССР за 20 лет. Известия ТуркменФАН ССР, 1944, № 2, 3, стр. 32—33.

15. Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 35—41.

16. Данные отчета С. А. Вязигина о работе XV отряда ЮТАКЭ в 1948 г.

17. Данные полевого отчета М. С. Мершиева о раскопках на центральном холме в цитадели городища Гяур-кала в 1950 г.
18. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 213.
19. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 131.
20. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73. М.—Л., 1959; Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии, СА, XIX, 1954.
21. Пугачевкова Г. А. Геммы из Мерва. Цит. соч., стр. 69, рис. 8.
22. Массон В. М. Древнеземледельческая культура... Цит. соч., стр. 41, 92; Его же. Древнемаргианское поселение Яз-депе. Известия АН Туркм ССР, 1955, № 3, стр. 6.
23. Массон В. М. Древнемаргианское поселение Яз-депе. Цит. соч., стр. 5; Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Труды ХАЭ, т. II. М., 1958, стр. 150.
24. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. Цит. соч., стр. 49—62; Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан). МИА, 37. 1953, стр. 279, рис. 18, 19. Тереножкин А. И, Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 152—169; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77; Воробьева М. Г. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг. М., 1959, стр. 77, рис. 6, таблица.
25. Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Aldans le Seistan Afghan. Revue des Arts Asiatiques, XIII, № 1. Paris, 1939, стр. 10—22; Gardin. M. Ceramiques de Bactres. Mémoires de la délégation archeologicue française en Afganistan, t. XV. Paris, 1957, сводные керамические таблицы.
26. Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма. Труды ХАЭ, т. I, М., 1952, стр. 88.
27. Массон В. М. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал. СА, 1958, № 2, стр. 59.
28. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы... Цит. соч., стр, 157; Сариниди В. И. Керамические печи древней Маргианы. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 72—78.
29. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... Цит. соч., стр. 39.
30. Всеобщая история архитектуры, т. I, М., 1958, стр. 283.
31. Примерно таких же тонов были цветные штукатурки из Нисы, см. Ершов С. А. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 125.
32. Воробьева М. Г. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 67.
33. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 30.
34. Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пянджикента. МИА, 15, М.—Л., 1950, стр. 191.
35. Росляков А. А. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 84.
36. Дьяконов М. М. Древняя Бактрия. По следам древних культур, М., 1954, стр. 325; Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобадшах. КСИИМК, вып. 64, М., 1956, стр. 81.
37. Толстов С. П. Древний Хорезм. Цит. соч., стр. 95, рис. 30; атр. 116, рис. 55; стр. 112, 124,
38. Там же, стр. 94.
39. Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма. Цит. соч., стр. 91.
40. Дьяконов М. М. Древняя Бактрия... Цит. соч., стр. 325.
41. Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени Кушанов. Труды ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1948, стр. 38.
42. Зарова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 174—214.
43. Булгаков П. Г. Некоторые данные о цитадели Мерва и исторической топографии его оазиса. Статья в настоящем томе Трудов ЮТАКЭ.
44. Массон В. М. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего

железа. Известия АН ТуркмССР, 1954, № 2, стр. 3; Его же. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 444—453.

45. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, Цит. соч., стр. 41—43.

46. Авдиев В. И. Советская наука о древнем Востоке за 40 лет, М., 1958, стр. 34; Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма, Ташкент, 1957, стр. 66 и сл.; Пиотровский Б. Б. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1955, стр. 29 и сл.

47. Тереножкин А. И. Согд и Чач. Цит. соч., стр. 155, рис. 69, II.

48. Дьяконов М. М. Археологические работы... Цит. соч., стр. 280—281, рис. 18, 19; Его же. Сложение классового общества в Северной Бактрии. Цит. соч., стр. 135.

49. Толстов С. П. Древний Хорезм. Цит. соч., стр. 77; Воробьева М. Г. Керамика с городища Кюзели-гыр, Труды ХАЭ, т. II. М., 1958, стр. 329; Ее же. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. Цит. соч., стр. 70—80, рис. 6—таблица керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа из различных районов Средней Азии и Афганистана.

50. Левина В. А. Стена и башня Старой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 142; Вязьмитина М. И. Керамика Айртама. Цит. соч., стр. 57, табл. II; R. Ghirshman. R. Begram. Le Caire, 1946, табл. XXXI—XXXII.

51. Дьяконов М. М. Археологические работы.. Цит. соч., стр. 284, рис. 20.

52. Toll. N. R., The Necropolis. The excavations at Dura—Europos. Preliminary report of the ninth season of work 1935—36, part II. New—Haven—London, 1946, стр. 109, рис. 37—45.

53. Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, табл. XXXIII—XXXVIII; там же. Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у сел. Янги-кала, стр. 381, рис. 4.

54. Массон В. М. Древнеземледельческая культура... Цит. соч., стр. 43,

55. Stein S. A. Archaeological Reconnaissanses in North—Western India and South—Eastern Iran. London, 1937, табл. XXXII.

56. Рутковская Л. М. Парфянская керамика древнего Мерва. СА, 1958, № 3, стр. 126, рис. 3; Дьяконов М. М. Археологические работы... Цит. соч., стр. 288, рис. 24.

57. Массон В. М. Хумы Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, стр. 418.

58. Рутковская Л. М. Парфянская керамика.., Цит. соч., стр. 128, рис. 4,

59. Debevoise N. C. Parthian Pottery from Sellucia on the Tigris, Ann Arbor, 1934, стр. 19, рис. 73, 126.

60. Вязьмитина М. И. Керамика Айртама. Цит. соч., стр. 59, табл. 11.

61. Дьяконов М. М. Археологические работы. Цит. соч., стр. 291, рис. 27; см. также Давидович Е. Д. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 157; Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Труды института истории и археологии АН УзССР, т. II, 1950, стр. 95, 127, табл. I, 8.

62. Массон В. М. Древнемаргианское поселение Яз-депе. Цит. соч., стр. 6; Его же. Памятники архаического Дахистана... Цит. соч., стр. 397, рис. 11; Schmidt H. Archeological Excavations in Anau and old Merv. Explorations in Turkestan, t. I. Washington, 1908, pl. 43, 44,, № 14, 15, 16, pl. 45, стр. 168.

63. Макиавелли Н. О военном искусстве. М., 1939, стр. 57.

64. Блавацкий В. Д. Осада и оборона в античном Причерноморье, КСИИМК, XVI. 1947, стр. 91; Его же. Очерки военного дела в античных государствах северного Причерноморья. М., 1954, 135, 136, рис. 62; Болдырев А. В., Боровский Я. М. Техника военного дела. Сб. «Эллинистическая техника». М.—Л., 1948, стр. 291; Блавацкий В. Д. Каменное ядро из Фанагории. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 135, рис. 42.

65. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2, т. 27, стр. 282. Изображение таких машин найдено на ассирийских памятниках, а упоминание о них и описание их устройства встречаются у индийцев.

66. Аполлодор. Полиоркетика (Искусство осады городов). Пер. М. Н. Страхова. ВДИ. 1940, № 3—4 (12—13), стр. 395—409; там же. Афиней. О машинах. Пер. М. Н. Страхова, стр. 414—422; там же. Аноним Византийский. Инструкция по полиоркетике (по осадному искусству). Пер. М. Н. Страхова, стр. 425—449; Витрувий. Об архитектуре. М., 1936, X книга посвящена полиоркии.

67. Мишулин А. В. Греческие полиоркетики об искусстве осады городов. ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13) стр. 385—393.
68. Мелюкова А. М. Войско и военное искусство скифов, КСИИМК, вып. XXXIV. 1950, стр. 40, 41.
69. Плутарх. Избранные биографии, М.—Л., 1941, стр. 259—260; Бокщанин А. Г. Битва при Каррах. ВДИ, 1949, № 4, стр. 41—50.
70. Марков М. История конницы, ч. I, изд. II. Тверь, 1888, стр. 149.
71. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae philippicae». ВДИ, 1955, № 1, стр. 219—223.
72. Иностранцев К. Л. Сасанидские этюды. Спб., 1909, стр. 80.
73. Для установки больших машин необходима площадь 6×4 м². и больше. См. Бертье-Делегард. О Херсонесе. ИАК, вып. 20. Спб., 1906.
74. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 45—49.
75. Массон М. Е. Краткая хроника... Цит. соч., стр. 214.
76. Массон В. М. Древнеземледельческая культура... Цит. соч., стр. 71.
77. Левина В. А. Стена и башня Старой Нисы. Цит. соч., стр. 139.
78. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 95.
79. Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. Спб., 1896, стр. 51.
80. Граков Б. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Труды секции археологии, т. V. РАНИОН, М., 1930; Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло у скифов, КСИИМК, вып. XXII, 1948; Ионе Г. И. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского типа». Материальная культура Азербайджана, т. III. Баку, 1953; Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
81. Пиотровский Б. Б. Разведочные работы... Цит. соч., стр. 36, рис. 1,
82. Массон М. Е. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 65.
83. Schmidt H. Archeological Excavations... Цит. соч., стр. 156, рис. 288; Кобранов Е. А. Историческое и культурное значение Анау, Асхабад—Полторацк, 1927, табл. 26.
84. Толстов С. П. Древний Хорезм. Цит. соч., стр. 79; Дьяконов М. М. Археологические работы.., Цит. соч., стр. 280; Его же. Древняя Бактрия. Цит. соч., стр. 319.
85. Массон В. М. Древняя культура Дахистана. Автореферат диссертации. М.—Л., 1954, стр. 8—9; Его же. Памятники культуры архаического Дахистана... Цит. соч., стр. 437.
86. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 42; Иессен А. А. Некоторые памятники... Цит. соч., стр. 114, 118.
87. Ионе Г. И. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа. Цит. соч., стр. 34, табл. I, ряд I—*Д, Е, Ж. Б. А.* Куфтин отмечает, что подобного типа наконечники стрел в могильниках Закавказья представляют редкость и склонен относить их к погребениям более древним; Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Цит. соч., стр. 43.
88. Schmidt H. Archeological Excavations... Цит. соч., стр. 51, 7, 198; Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956, стр. 51; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, МИА, вып. 9, М.—Л., 1949, стр. 121, 172.
89. Бернштам А. Н. Раскопки памятников восточного Памира, МИА, 26. М.—Л., 1952, стр. 310.
90. Массон В. М. Древнеземледельческая культура... Цит. соч., стр. 46—47, рис. 12.
91. Массон М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана, Ташкент, 1947, стр. 20.
92. Массон М. Е. Народы и области... Цит. соч., стр. 43 и сл.
93. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Нисы, ВДИ, 1954, № 4, стр. 159.
94. Г. А. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, стр. 216 и сл.; Ее же. Пути развития архитектуры.. Цит. соч., стр. 96 и сл.
95. Массон М. Е. Народы и области... Цит. соч., стр. 44; Блаватский В. Д. Очерки военного дела... Цит. соч., стр. 18.

96. Serieant R. B. Materials for a history of islamic textiles up to the Mongol conquest. Ars Islamica, vol. XI—XII, 1946, стр. 111.

97. Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Труды Историко-археологического института востоковедения, вып. 3, ч. I, Л., 1933, стр. 20.

98. Массон М. Е. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда Bombyx mori «Белок С. Е. Малову». Сборник статей. Фрунзе, 1946, стр. 48.

99. Крачковская В. А. О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (мервские ткани IX—X вв.). Первая всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 197; Лунин Б. В. О работе секции древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока на I Всесоюзной конференции востоковедов. СА, 1958, № 2, стр. 329; Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте, Ташкент, 1958, стр. 615—621.

100. Пигулевская Н. [В.] Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 240—251 и сл.

101. Массон М. Е. Фрагмент из истории... Цит. соч., стр. 49.

102. Семенов Д. А. *Некоторые особенности материальной культуры прошлых* эпох Средней Азии. Известия Средазкомстарица, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 18—19.

103. Прокопьев Д. В. Средневековый костюм народов Ближнего Востока, Швейная промышленность, 1940, № 7, стр. 13. В части женских костюмов и нарядов много интересного дают нам мозаичное панно Бишапурского дворца. См. Fouilles de Châpour, Publieés sous la directions de G. A. Salles et Ghirsman. Bichapour, vol. II. Paris, 1956. Рецензию Г. А. Пугаченковой на эту работу см. Советское востоковедение, 1958, № 3, стр. 197.

104. Pfister R. Le rôle de l'Iran dans les textiles d'Antinoë, Ars Islamica, vol. XIII—XIV. Ann. Arbor, 1948, стр. 62, 72, 74.

105. Фелькерзам А. Е. Старинные ковры Средней Азии, [М.], 1915, стр. 24.

106. Pfister R. Le rôle de l'Iran... Цит. соч., стр. 59.

107. Там же, стр. 40.

108. Рempель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 322 и сл.

109. Рempель Л. И. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 169.

110. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня, СА, XXIX, XXX, М., 1959, стр. 119.

111. Терракотами с Эрк-калы специально занималась М. Филанович.

112. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня... Цит. соч., стр. 123; Persian Art. Ann illustrated Souvenir of the exhibition of persian art at Burlington Hause. London. 1931, стр. 4; A survey of Persian Art (SPA), vol. IV. London—New-Jork, 1938, табл. 134, *Д*.

113. Пугаченкова Г. А. Там же, стр. 122.

114. Толстов С. П. Древний Хорезм... Цит. соч., стр. 199, табл. 74.

115. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня... Цит. соч., стр. 129.

116. Тревер К. В. Художественное значение сасанидских монет. ТОВЭ, т. I, 1939, стр. 268.

117. Смирнов Л. И. Восточное серебро, М., 1909, табл. CXXI.

118. Борисов А. Я. Изображения на биянайманских оссуариях, ТОВЭ, II, 1940, стр. 46.

119. Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда. Известия АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 56.

120. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда. Живопись древнего Пянджикента, т. I, М., 1954, стр. 41.

121. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня... Цит. соч., стр. 130.

122. Рempель Л. И. Терракоты Мерва... Цит. соч., стр. 333—335.

123. Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али. Труды Института истории и археологии АН ТССР, вып. V, Ашхабад, 1959, стр. 185, табл. 5.

124. Пугаченкова Г. А. Цит. соч., стр. 134, 135 и сл.

125. Там же, стр. 133.

126. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, рис. 59.

127. Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 266; Рempель Л. И. Терракоты Мерва... Цит. соч., стр. 355.

128. Бируни. Избранные произведения, т. I. Ташкент, 1957, стр. 364 и сл.; Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, XI, М., 1951, стр. 41; Беленицкий А. М. Вопросы идеологии... Цит. соч., стр. 77.

129. Пугаченкова Г. А. Цит. соч., стр. 137.
130. Массон М. Е. Находка согдийских рукописей в долине реки Матча в Таджикистане. СОНАТ, № 3, 4, Ташкент, 1934; Согдийский сборник. Институт Востоковедения АН СССР, Л., 1934.
131. Дьяконов М. М. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы. ВДИ, 1954, № 4, стр. 173; Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А. Документы из древней Нисы. Материалы ЮТАКЭ, вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 29.
132. Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Цит. соч., стр 197, табл. 52, 53.
133. Певзнер С. Б. О двух арабских азбуках из раскопок в Мерве. Эпиграфика Востока, IX. М.—Л., 1954, стр. 24—36.
134. Массон М. Е. Обнаружение человеческих волос двухтысячелетней давности в крепости древнего Мерва. Известия АН ТуркмССР, 1957, № 1, стр. 118—120; то же, Труды ЮТАКЭ, т. IX, Ашхабад, 1959, стр. 132—135.
135. Массон В. М. Хумы Нисы. Цит. соч., стр. 418, 433, рис. 5.
136. Рутковская Л. М. Парфянская керамика... Цит. соч., стр. 123, рис. 1, 2.
137. Там же, стр. 127, рис. 3.
Там же, стр. 128, рис. 4; стр. 130, рис. 5.
139. Пугаченкова Л. М. Геммы из Мерва... Цит. соч., стр. 67.
140. Пугаченкова Г. А. Материалы по восточной глиптике. Труды САГУ, Археология Средней Азии, вып. 4. Ташкент, 1957. стр, 143.
141. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей.. Цит. соч., стр. 116.
142. Пугаченкова Г. А. Геммы из Мерва. Цит. соч., стр. 67, рис. 4.
143. Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, ВДИ, 1953, № 1, стр. 153.
144. Жуковский В. А. Развалины... Цит. соч., стр. 3.
145. Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов. Известия АН СССР, 1946, № 3, стр. 229—250; Его же. Датировка Бехистунской надписи. ВДИ, 1952, № 1, стр. 42.
146. Массон В. М. Древнеземледельческая культура... Цит. соч., стр. 141; Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 22—27.
147. Маркс К. Британское владычество в Индии. Соч., т. IX, М., 1933, стр. 348.
148. История туркменского народа, т. I, кн. 1. Ашхабад, 1957, стр. 9.
149. Массон М. Е. Новые данные... Цит. соч., стр. 93; МИТТ, I, М.—Л., 1939, стр, 170.
150. Массон В. М. Древнеземледельческая культура... Цит. соч., стр. 43.
151. Массон М. Е. Новые археологические данные... Цит. соч., стр, 146; Его же. Народы и области... Цит. соч., стр. 32.
152. Златковская Т. Д. Сессия Отделения исторических наук и пленум Института истории материальной культуры Института этнографии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1953 года. ВДИ, 155, № 1, стр. 195.
153. Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва... Цит. соч., стр. 198—200.
154. Жуковский В. А. Развалины... Цит. соч., стр. 12; Бартольд В. В. К истории Мерва. Спб., 1909, стр. 6.
155. Ал-Макдиси. Ахсан ат-Такасим фи-ма'рифат ал-Акалим. Пер. С. Волина, МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 195.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории.
ЗВО — Записки восточного отделения Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
СОНАТ — Социалистическая наука и техника.
Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по охране памятников старины и искусства.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ФАН — Филиал Академии наук.
ХАЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

РАЗРЕЗ ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ ГЯУР-КАЛЫ

В связи с изучением истории Мерва и его исторической топографии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией одним из объектов изучения ее XVIII отряда в 1957—58 гг. была городская стена античного Мерва — городища Гяур-кала. Археологические работы проводились около 115 дней автором настоящей работы под непосредственным научным руководством начальника ЮТАКЭ проф. М. Е. Массона.

В Южной Туркмении в середине I тысячелетия до н. э. существовали поселения с цитаделью[1]; обведение их городской стеной являлось завершающим этапом в формировании города.

На вопрос, какова была первичная стена античного Мерва и когда она была сооружена, письменные исторические источники дают противоречивые ответы.

Географ времен Августа Страбон сообщает о Мервском оазисе: «Изумленный плодородием равнины Антиох Сотер обвел ее стеною, имеющей в окружности 1500 стадий и основал в ней город Антиохию...»[2]. В данном случае идет речь не о стене города Мерва, а о районной стене, обнаружение остатков и исследование каковой было осуществлено V отрядом ЮТАКЭ, возглавляемым С. А. Вязигиным, в 1946 г.[3]. Средневековый автор Ибн-ал-Факих писал: «Когда стал править Тахамурт, он построил цитадель Мерва... А Хамана, дочь Ардешира, сына Исфандияра, приказала, когда стала править, построить стену, которая вокруг Мерва»[4]. Неясно, о какой стене в данном случае идет речь — о стене Мервского округа или города? По словам арабского географа X в. ал-Истахри, «Мерв известный под названием «Мерв-ат-шахиджан» и по постройке древний. Говорят, что цитадель (кухендиз) в нем построена Тахамуртом, а старинный город (медина) Зу-л-карнейном»[5], то есть Александром Македонским. Более поздний автор того же столетия ал-Макдиси, назвав Мерв матерью городов Хорасана, пишет: «Мерв-Шахиджан — старинный город, построил его Искандер»[6], то есть Александр Македонский.

Таковы смутные сообщения исторических источников, которые скудны и противоречивы. Когда сформировалась Гяур-кала как город, то есть когда она была окружена первой стеной, и который из вышеназванных авторов был прав, могли решить только археологические исследования, которые дали бы возможность выяснить первичную фортификацию Мерва.

Изучение Мерва в археологическом и историческом отношении на-

чалось в прошлом столетии, но тем не менее ни В. А. Жуковский[7], ни В. В. Бартольд[8], ни американская экспедиция института Карнеги[9] специально не занимались изучением стены Гяур-калы. В большой монографии В. А. Жуковского, посвященной Мерву, содержится всего не-

Рис. 1. Общий вид разреза крепостной стены Гяур-калы.

сколько слов об этой стене. «Это четырехугольная площадь, приблизительно четыре квадратные версты, обведенная со всех сторон насыпными валами, местами до 15 сажен вышины по откосу и до 6 сажен ширины в основании... По этим валам в некоторых местах заметны остатки стенных башен, сложенных из сырца в 10 квадратных вершков при двух с половиною вершках толщины, которые характеризуются утолщением валов, выступами, возвышениями и впадинами на них...»[10]. В. В. Бартольд в своей работе по истории Мерва уделяет внимание месту городских ворот и каналов, но ничего не сообщает о стенах Гяур-калы[11].

Изучение Мерва в широком историко-археолого-топографическом плане по линии ЮТАКЭ осуществляется уже с 1947 г.[12]. И только эти планомерные археологические работы в больших масштабах, какие ведутся ЮТАКЭ в течение 10 последних лет, позволяют подойти к освещению вышепоставленного вопроса. Решение его даст ключ к пониманию проблемы более широкого масштаба — возникновения городов Средней Азии, тем более, что, как полагает М. М. Дьяконов, три крупнейшие города Самарканд, Балх и Мерв возникают, примерно, одновременно[13].

Вопрос о стенах Гяур-калы привлек внимание с первых лет работ ЮТАКЭ в Мерве. В 1950 г. М. Е. Массон обследовал стены Гяур-калы; тогда же он собрал начальников отрядов ЮТАКЭ для просмотра двух пропилов стены на западном фасе к северу и югу от ворот для возможного понимания первичной стены Гяур-калы. На производственном совещании было отмечено, что без осуществления земляных работ с зачистками и частичным вскрытием профилей остатков стен разных времен нельзя решить вопроса, что же представляли собой первоначальные стены этого городища. До производства земляных работ Г. А. Пугачен-

кова составила графическое изображение разреза стены в юго-западном профиле, который образовался в результате ввода в начале XX в. техником Батмановым внутрь городища воды по арыку. Этот чертеж послужил для нас исходным пособием при начале раскопочных работ. И если в свое время В. А. Жуковский писал: «...трудно, если не невозможно, с достаточным вероятием определить места старых городских ворот и количество их»[14], а В. В. Бартольд осторожно, с большой оговоркой, допускал возможность двух вводов канала в город[15], то в 1950 г. М. Е. Массон на основе археолого-топографического обследования составил первичный схематический план города; стена была намечена с показанием башен, ворота были установлены в середине каждого фаса, а на западном фасе к северу и к югу от ворот были определены места ввода канала в город[16].

В публикациях проф. М. Е. Массона[17] и Г. А. Пугаченковой[18] заключен ряд конкретных данных о стене и фортификации Гяур-калы, полученных в результате длительных наблюдений и многократных осмотров стен Гяур-калы.

Археолог А. А. Марущенко, посетивший Гяур-калу в 1951 г. при проезде через городище, осмотрел прорез батмановского арыка и сделал вывод, что первоначальная стена Гяур-калы была сложена из пахсы[19].

Таковы вкратце итоги изучения стены античного Мерва — Гяур-калы до 1957 г.

Перед автором настоящего исследования в первый год раскопочных работ были поставлены следующие задачи: установить остатки первоначальной стены Гяур-калы и, по возможности, наметить изменения в ее устройстве на последующих этапах.

Наш раскоп располагается в южном пропиле западного фаса стены Гяур-калы, произведенный Батмановым у первой башни после поворота стены на север, то есть там, где при относительно меньшей затрате сил и средств можно было скорее получить ответ на поставленные вопросы. Как установил проф. М. Е. Массон, здесь от русла Разика в город отходил отводный канал[20]. Над ныне действующим арыком с южной стороны обрывисто возвышались остатки стен. К востоку от стены, то есть внутри города, на значительной площади ныне располагается колхозный виноградник. К западу от стены прилежащая территория изрыта древними каналами; далее располагается площадь южного обвода городища Султан-калы. Уровень поверхности внутри городища на 1,50 м ниже, чем прилегающая территория пригородной части Разикабада. В разрезе выступали части стен, сооруженные в разное время и оставшиеся под оплывами. Разрез в целом был похож на вал высотой 19,50 м и шириной у основания 106 м.

В восточной части выделялась стена, имеющая уклон внутрь города, в обрезе верхней части которой виднелись останки человека. Стена сложена из сырцовых кирпичей размером 38×?×10; 39×?×10 см и 42×?×12 см. С востока к ней примыкали два блока пахсы высотой 2 м, над которыми лежит кладка из рыхлых кирпичей. Выше идут оплывы, а к западу просматривалась стена, имеющая пахсовую основу, в верхнем углу которой выступают кости человека. Западнее ее и глубже ясно читался западный фас стены из сырцовых кирпичей (39×?×10—13; 40×?×10—14; 41×?×11—15 см) с пахсовой основой, определенной Г. А. Пугаченковой как относящейся к античной поре. К западному фасу, выше

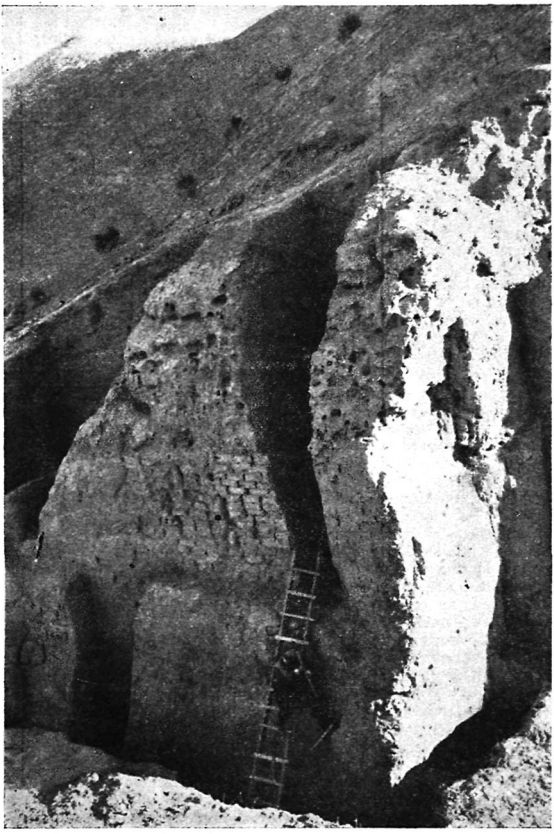

Рис. 2. Стена Антиоха и примыкающая к ней парфянская стена; между ними и внизу — шурф.

его основания, была пристроена кладка из пахсы на оплывах, имеющая в разрезе треугольную форму. Выше этой кладки, западнее ее, выступала неширокая стена из сырцового кирпича размером 39—40×?×9—10 см, нижняя западная часть которой рухнула. Эта стена тоже построена на оплывах. К западу от нее на этом же уровне на двух пахсовых блоках возведена стена из сырцовых кирпичей тех же размеров. Далее к западу идет оплыв до уровня современной поверхности земли, а ниже — твердая земля, включающая в себя фрагменты безглазурной керамики. Этот слой также имеет уклон на запад, ниже которого располагается туюновый слой.

Раскопочные работы велись по принятой ЮТАКЭ методике. Слои снимались поквадратно (2×2 м), вертикальная фиксация шла по ярусам мощностью 0,5 м. Прорезав большую толщу земли и расчистив западный фас античной стены, мы углубились ниже и дошли до материка, после чего расчистили северную сторону античной стены. Затем провели частичную препарировку западного фаса восточной стены, а у ее восточного фаса заложили дошедший до материка шурф. Установив наличие пахсовых блоков, примыкающих к восточному фасу восточной стены, мы попытались, идя вдоль них, найти внутренний восточный фас пахсовой пристройки.

В результате археологических работ удалось установить первичную стену и наметить изменения в ее устройстве на последующих этапах и, кроме того, обнаружить в данном разрезе русло древнего арыка.

Первичная стена Гяур-калы была сооружена при Антиохе и на протяжении почти тысячелетия еще трижды подвергалась перестройке. Можно наметить главные этапы функционирования стен различных времен: 1 — стена Антиоха, 2 — раннепарфянская стена, 3 — стена II—III вв., 4 — раннесредневековая стена.

Проф. М. Е. Массон на второй год работ поставил задачи, вытекающие из установленных прошлогодних результатов:

1) дать более точное представление о стене Антиоха и определить, на чем она сооружена;

2) установить взаимосвязь селевкидской стены с парфянской;

3) решить, были ли выступающими башни парфянской стены.

Вскрыв на ширину 4 м внешний фас стены Антиоха, мы углубились до платформы. Пытаясь найти ее внутренний фас, расчистили восточный край стены на 4 м до платформы, а платформу стены Антиоха расчистили по всей восточной части вала и затем небольшим шурфом разрезали материковую землю на 3 м. Для решения последнего вопроса, вскрыв большую толщу поздних наслоений, был расчищен на 7 м внешний фас парфянской стены.

Таков был процесс осуществленных земляных работ в течение двух археологических сезонов, результаты которых мы будем излагать, начиная с характеристики нижних культурных слоев.

Археологические вскрытия показали, что первоначальная стена Гяур-калы была сооружена на бывшем заболоченном месте блуждающего русла Мургаба, то есть шурф в материковой земле указал на чередование слоев туюна с намытыми песками. В нижней части платформы проходил арык, и нижний пахсовый блок был сыртом канала, орошавшего территорию города в древности. На западном фасе нам удалось расчистить остатки берега канала. Первоначально вода по нему

текла в направлении с юга на север и у основания стены поворачивала на восток. Вскрытия показали на дне арыка тот же мелкозернистый твердый слой земли, который встречается в нижней части платформы стены и на некоторой части насыпи, примыкающей к ней. Все это го-

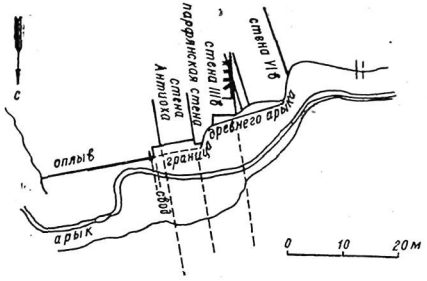

Рис. 3. План раскопа стены (Р-2).

ворит о том, что русло арыка было укреплено блоком пахсы для предотвращения поглощения воды нижележащим песчаным грунтом, что могло разрушительно сказаться на сохранности стены. Обкладка водостоков произведена тем же строительным материалом, каким обложена и стена; так, в античном городе Тиритака стена и водосток сложены из камня[21].

Расчистив платформу на большую ширину, нам удалось установить, что платформа состоит из двух разноразмерных блоков пахсы 60 см и 90 см по высоте, причем нижний блок включает в себя туюн, являясь, как мы указали выше, сыртом арыка. На этих блоках была сооружена кирпичная кладка, сохранившаяся на высоту 9,40 м. Нижние 2 м относятся также к платформе, так как нижняя часть этой кладки выступает вперед, наружу. Внутрь она не отступает, но заканчивается продолжая уклон стены; нижняя часть кладки, находясь под поздними надстройками, сохранилась хорошо и указывает, что мы имеем дело с линией фаса. В этой кладке нами была расчищена забутовка строительного мусора в трапециевидной по форме яме.

Если нижний блок пахсы был берегом арыка, то верхний блок с внешней западной стороны был обложен одним рядом кирпичей. Вся платформа имела высоту 3,50 м. Она выступает вперед от основания стены на 2 м. Внутри нам не удалось установить точной границы пахсовой платформы: они закрыты поздними ремонтами берегов арыка. Внешний западный фас платформы был замурован насыпью, состоящей из твердого слоя глины и песка. Насыпь имеет уклон к западу и в сторону арыка. Она покоится на пахсовой обкладке арыка. Пахса сильно разрушена и превратилась в мелкозернистый песок. Высота этого слоя, лежащего непосредственно на материковом песке, колеблется от 0,60 до 0,70 м. Плохую сохранность обкладки можно объяснить постоян-

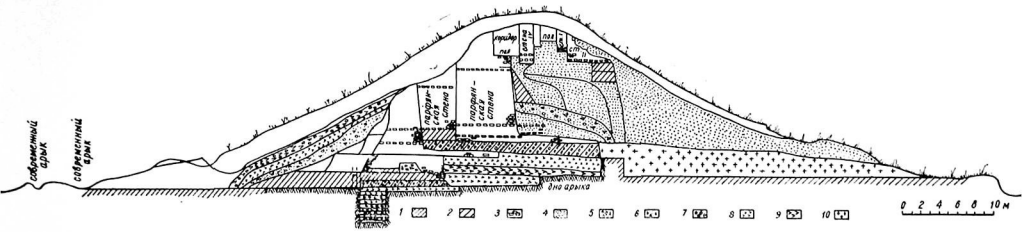

Рис. 4. Разрез крепостной стены Гиур-кала в юго-западном углу.

1—Ранняя пахса; *2*—ремонтная пахса; *3*—сырцовая кладка; *4*—оплывший слой; *5*—слой разрушения; *6*—строительный мусор; *8*–*9*.—тюои и песок; *10*—твердый грунт.

ным нахождением воды, которая разрушала пахсу. По этой обкладке, как нами установлено, расположены два слоя насыпи: один, нижний, из крупнозернистого комковатого песка с включением кусков туюна. Высота этого слоя 1,30—0,50 м. Над ним выше идет второй слой тоже с туюном, но здесь песок мелкозернистый. Высота этого слоя 0,80—1,30 м. Все вышеуказанные три слоя нами прослежены на протяжении 16,90 м в длину, начиная от платформы стены.

На этой платформе и была сооружена первичная стена Гяур-калы у юго-западного ее угла, названная нами выше «восточной». Строительным материалом служил квадратный сырцовый, с примесью мелкорубленого самана, кирпич, варьирующий в размерах от 38×38×10 см до 42×42×12 см. Эта стена первичная, потому что, во-первых, она в своем основании намного ниже других стен и, во-вторых, она со всех сторон замурована, словно футляром, более поздними стенами.

Стена по обоим фасам имеет уклон. В нижней части этот уклон больше, а на высоте 2,70 м от основания он как бы выпрямляется. Выше кладка стены идет с меньшим уклоном. Эти уклоны были получены в процессе кладки путем отступа каждого кирпича к середине, которые заштукатуривались глиной с саманом. Наблюдения показали, что при возведении стен строители, употребляя кирпичи несколько отличных размеров, стремились получить ровные постели путем утолщения слоев раствора, причем встречаются швы от 2 до 6 см. Связующим материалом служила глина. Эти уклоны были нужны для обеспечения хорошего обстрела противника и затруднения эскаладирования им стены[22].

Стена эта сохранилась на высоту 7,40 м; ширина ее у основания 6,60 м; такая мощь является обычной для античных крепостей Южного Туркменистана.

Характер кладки показывает, что, возможно, первичная стена имеет в плане несколько иное направление, чем более поздние стены, так как линии кирпичей здесь смещены по отношению к ним под некоторым углом.

Нами найдено в кладке первичной стены и ее платформы и в обкладке арыка несколько фрагментов керамики, сделанной на гончарном круге из глины хорошей отмучки и хорошего обжига.

Археологически целая чаша, сделанная на гончарном круге. Черепок в изломе имеет ярко-красный цвет; чашка надломленной формы, имеет выступающее ребро; верхняя часть покрыта белым ангобом. Дно плоское, Д* дна 6 см; Д по верху 11 см; высота 7,4 см; сечение 0,5—0,7 см.

Фрагмент тонкостенного сосуда, черепок в изломе красно-коричневого цвета. Фрагмент имеет выступающее ребро и снаружи покрыт белым ангобом. Сечение 0,6 см.

Фрагмент венчика тонкостенного сосуда. Черепок в изломе красно-коричневого цвета. Венчик оттянут наружу и срезан. Д 12 см.

Фрагмент венчика тонкостенного сосуда. Черепок в изломе имеет красноватый цвет. Венчик загнут внутрь. Д 16 см.

Фрагмент тонкостенного сосуда. Черепок в изломе имеет красноватый цвет. Фрагмент снаружи имеет линию излома, покрыт белым ангобом и залощен. Сечение 0,5—0,6 см.

Фрагмент венчика тонкостенного сосуда. Черепок в изломе имеет

* Д — диаметр.

красноватый цвет. Венчик оттянут наружу, имеет клювообразный профиль. Снаружи покрыт белым ангобом. Д 28 см.

Фрагмент венчика. Черепок в изломе имеет красноватый цвет. Венчик снаружи загнут и придавлен к стенкам. Д 24 см.

Фрагмент венчика тонкостенного сосуда. Черепок в изломе имеет красноватый цвет. Венчик прямой. Д 9 см, сечение 0,3 см.

Фрагмент венчика. Черепок в изломе имеет красноватый цвет. Венчик оттянут наружу, имеет клювообразную форму. Д 20 см.

Фрагмент донца сосуда. Черепок в изломе имеет красноватый цвет. Дно плоское. Д 14 см.

Фрагмент дна тонкостенного сосуда. Черепок в изломе имеет коричневый цвет. Обжиг ровный, отмучка плотная. Дно плоское.

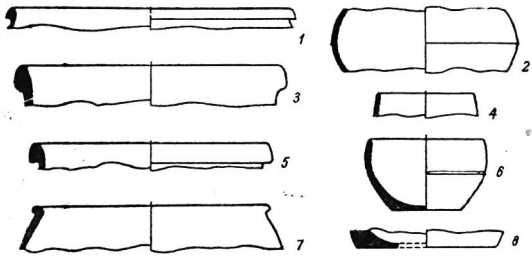

Рис. 5. Керамика из фундамента и стены Антиоха

Фрагмент донной части сосуда коричневого цвета. Обжиг ровный, отмучка плотная. Дно срезано. Д 18 см.

Из фундамента стены был извлечен кусок керамического шлака, что указывает на местное керамическое производство уже в III в. до н. э.

При зачистке кирпичей стены в одном из них был найден кусок войлока.

Таков перечень немногочисленного керамического материала, добытого в процессе раскопок. Он имеет аналогию с керамическим комплексом Яз-III[23] и относится к этой группе. Такая же керамика добыта раскопками ЮТАКЭ на территории Гяур-калы в самых нижних культурных слоях. Наш керамический материал мы можем датировать IV — началом III вв. до н. э. Раскопки ЮТАКЭ показали, что именно в это время территория современного Старого Мерва становится центром орошаемых земель Маргианы, что было связано с созданием более сложной и совершенной ирригационной системы[24]. Территория вокруг Эрк-калы постепенно осваивается ремесленниками и купцами. Если принять, что при выделке кирпичей для строительства стен глину брали где-то неподалеку, то наш археологический материал указывает на то,

что юго-западная часть Гяур-калы в той или иной степени была уже обжита в то время.

Мерв лежал на торговом «шёлковом пути», который расходился здесь в нескольких направлениях[25]. Вероятно, учитывая большую экономическую значимость главного города Маргианы, Антиох I, назначенный в 292 г. до н. э. соправителем отца на востоке[26], приказал окружить определенную территорию у Эрк-калы стеной[27], назвав город в честь своего отца Селевкией. Позднее город получил название Антиохии Маргианской[28].

Таким образом, при Селевкидах в I четверти III в. до н. э. произошло формирование античного города Мерва с регулярным планом, получившего наименование Антиохии Маргианской. «Вновь освоенные города являлись для Александра Македонского и его полководцев не только орудием колонизаторской политики, но и монументальными памятниками их военным успехам и могуществу. Этим объясняются так часто повторяющиеся названия новых городов по имени их основателя: Александрии и Селевкии насчитывались десятками»[29],—говорится в книге по всеобщей истории архитектуры. Однако внутреннее экономическое развитие Маргианы само по себе обусловило возникновение крупного населенного пункта до появления греко-македонских завоевателей в оазисе и поэтому Селевкия или Антиохия Маргианская вряд ли может быть рассмотрена только как монументальный памятник военным успехам Селевкидов, но, несомненно, являясь экономическим центром области, город этот стал базой при эксплуатации завоевателями масс местного населения. Гяур-кала унаследовала в основном свой план от эллинов, которые строили города квадратными, ориентированными по странам света[30]. Наличие северо-западного скоса в планировке города объясняется работами ЮТАКЭ как результат функционирования уже существовавшего тогда канала Разик, что доказывается и нашими исследованиями 1957—1958 гг.

Рассмотрим стену Антиоха с точки зрения обороны. Стена сооружена на платформе, которая выступает за оба ее фаса для предупреждения возможного оползания земли под тяжестью массивной кладки. Об оборонительном значении платформы здесь нельзя говорить, ибо платформа была плотно прикрыта насыпью, которая давала максимум безопасности и, в таком положении стену не могли повредить ни таран, ни подкопы[31]. Стена, имея некоторый уклон, давала возможность обстреливать противника у её подножья. Но тем не менее в оборонительном отношении стена Антиохии Маргианской была слабой, так как отсутствие выступающих башен требовало большого количества людей для обороны.

Археологическое изучение фортификации раннеантичных городов Средней Азии Кей-Кобад-шаха[32] и Старой Нисы[33] показывает, что платформы выдвигались вперед на несколько метров по всем фасам стен. Платформа стены Антиоха была выдвинута вперед на два метра от основания стены, далее к ней примыкала вышеупомянутая насыпь. Все это говорит о том, что стена Антиохии Маргианской не имела выступающих вперед башен. Толщина стены в верхней сохранившейся части вполне соответствует указанию Витрувия, который выдвигал требование, чтобы два воина прошли беспрепятственно по стене[34]. Нет никаких оснований сомневаться в том, что она имела поднимавшиеся над гребнями стен,

но не выступающие вперед башни. Интересно отметить один факт, установленный наблюдением: на южном фасе стен Гяур-калы, за основной линией холмов поздних стен, между каждой парой башен позднего времени имеются более мелкие холмики. Они соответствуют линии стены Антиоха, что наталкивает на мысль, не являются ли они башнями стены Селевкидов.

По данным исторических памятников и сохранившимся памятникам эллины строили стены с башнями[35]. Последние, как правило, были выше стены[36]. Продолжение археологических работ должно дать новые фактические данные для научной реконструкции первичного вида стен Гяур-калы.

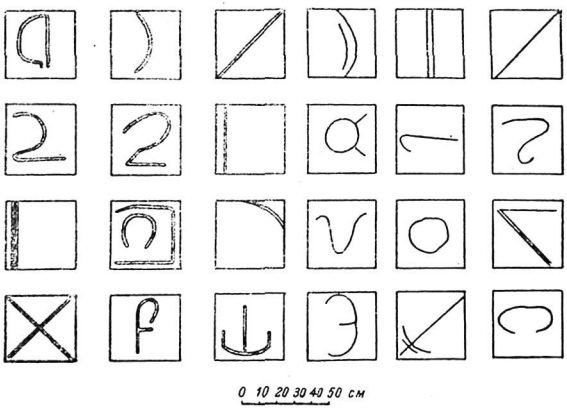

Рис. 6. Клейма на кирпичах.

Интересно сопоставить стену Антиохии Мерва со стеною крепости Джанбас-кала в Хорезме. Стены последней не имели башен: они сплошь были покрыты узкими и высокими бойницами, расположенными в два ряда в шахматном порядке[37]. Сейчас трудно сказать, сколько рядов бойниц было в стене Антиохии, так как вскрытие небольшого участка внешнего фаса пока не дает каких-либо намеков на их наличие. Возможно, они были выше на несохранившейся части. Фланкирование, очевидно, достигалось отчасти при помощи косых бойниц. Такой приём обороны является довольно архаичным. Как мы уже отмечали, стена Антиоха имела в нижней части большой уклон, то есть цоколь, что имело большое значение для обороны города, так как цоколь уменьшал подстенное «мертвое» пространство, тем самым препятствуя возможности подкопов и другим действиям, направленным на разрушение ниж-

них частей стен. Нельзя не признать знания эллинистической фортификации строителями стен Антиохии Маргианской, однако возможно, что они были сооружены с учетом местных традиций, которые свое дальнейшее развитие получили уже при парфянах.

Переходя к общей оценке фортификации Антиохии Маргианской, отметим, что конструкция стены могла обеспечить успешное сопротивление против существовавших тогда в эллинистических армиях стенобитных машин, так как насыпь здесь могла служить тем препятствием, о котором пишет Витрувий[38]. В среднеазиатских условиях стена Антиохии Маргианской была шагом вперед по сравнению с Джанбас-калой, в которой не обнаружено слоев насыпи, подведенной под платформу[39]. Через водосток канала стена, возможно, была перекинута с помощью арки. Об основании арки позднего времени, расчищенной нами в 1958 г., мы скажем ниже. Под аркой, вероятно, были установлены решетки в качестве препятствия, в случае попытки неприятеля проникнуть в город через русло канала. Мы не можем провести прямых аналогий, ибо ни один ввод канала под городскую стену в Средней Азии пока не изучен.

В середине III в. до н. э. от Селевкидов отпадает Греко-Бактрийское царство[40], в состав которого вошла и Маргиана. В 175 г. до н. э. парфянский царь Митридат I временно захватил Маргиану. Окончательное присоединение этой области к Парфии произошло в 115 г. до н. э. при Митридате II[41], что было отмечено выпуском специальных монет с упоминанием Маргианы[42].

За время вхождения города в состав Греко-Бактрийского царства никаких существенных изменений в стене Антиохии Маргианской на изучавшемся участке не отмечается.

Новый этап в переустройстве крепостных стен Антиохии Маргианской произошел после присоединения города к Парфянской державе. При парфянах Антиохия Маргианская была обведена новой стеной. Её строители умело использовали первичную стену города, заключив её с внутренней и внешней сторон как бы в футляр. В парфянское время арык дважды ремонтировался, что установлено раскопками. Первый раз пристроили новый берег к старому, отодвинув воду на 80 см от фундамента, но сохранив дно арыка на прежнем уровне. Через некоторое время арык был вновь отремонтирован, на этот раз его русло было передвинуто к северу. Оба ремонта были произведены пахсовыми блоками. Последний ремонт сохранил в себе остатки пят свода, что подтверждает наше предположение о сводчатом перекрытии арыка. На втором ремонтированном берегу мы натолкнулись на груду фрагментов керамики парфянского времени.

Пахсовое основание стены парфянского времени на 2 м выше кирпичной кладки стены Антиоха. Парфянская стена возведена на высокой платформе (5 м). Восточный футляр сооружен на новом укрепленном берегу арыка. Строители умело использовали строительство нового берега под фундаментом внутреннего футляра. Имея в основании ширину 1,50 м, восточный «футляр» стены в сохранившейся части состоял из двух блоков пахсы высотой по 1 м каждый с уклоном до 75°. Над ними была кладка из сырцовых квадратных кирпичей размером от 39 до 42 см в стороне толщиной от 10 до 15 см, ныне плохой сохранности, но уложенных также с уклоном. Нижний блок пахсы мы можем рас-

сматривать в качестве фундамента внутреннего «футляра». Он ниже, чем пахсовое основание остальных частей стены, цоколи которых соответствуют верхнему блоку пахсы. Если это так, то цоколи стены во всех частях сооружены на одном уровне.

Остатки восточного «футляра» прослеживаются на высоте до 3,50 м; он расчищен нами на ширину по внутреннему фасу 2,20 м. Здесь вплотную примыкают разновременные оплывы. Встает вопрос: внутренний ли это фас стены? Под длительным воздействием осадков внутренний фас парфянской стены потерял четкие очертания, но все-таки дает понять, что мы имеем дело с краем стены. Так как пахсовые цоколи имеют уклон, который свойствен только фасам стен, то можно предположить, что это внутренний фас. К краю стены примыкают надувные и оплывшие слои из песка и глины, которые четко отделяются и дают дневные поверхности. Чем ближе к стене, тем эти слои тверже, что и объясняется их сильной утрамбовкой под действием тяжести. Как предполагает М. Е. Массон, каждый этот слой соответствует одному году, так как в Южной Туркмении дожди бывают осенью, которые и закрепляют оплывы и надувы. Нам пока удалось установить в оплывах семь древних дневных поверхностей толщиной от 5 до 15 см.

Перейдем к рассмотрению западной части парфянской стены. Как мы уже указали, здесь выступает стена с пахсовым основанием. В глубине к ней примыкает широкая стена, названная Г. А. Пугаченковой «античной» тоже с пахсовым основанием, но последнее несколько выше. В верхней части кладки обеих стен имеют перевязку. Ниже мы их рассмотрим отдельно, назвав первую стену «футляром», а вторую—башней.

Археологическими работами удалось установить, что западная часть парфянского сооружения была воздвигнута отчасти на платформе стены Антиохии и отчасти на ее насыпи, значительно нарастив их. Платформа была образована следующим образом: на выступающую часть платформы возвели пахсовый блок с туюном высотою 60 см, а на насыпи—четыре ряда кирпичей по ее уклону. Второй блок пахсы высотой от 90 до 170 см, шириной около 19 м, также с туюном, заровнял уклон насыпи. На этом блоке было возведено пахсовое основание западного футляра высотой 1 м. А в башенной части для прочности фундамента возвели еще четыре ряда сырцовых кирпичей, на которых вывели пахсовое основание башенной части, высота которого 80 см. Оно на 0,50 м выше, чем основание стенной части.

От основания башни на 8,50 м выступает вперед платформа стены высотой в 5 м, считая от материковой земли. Платформа эта включает в нижних частях насыпь, связанную со стеной Антиоха; выше протянуты пахсовые блоки с туюном и прослеживаются остатки четырех рядов кирпичной кладки. Такие выступающие бермы, сооруженные для равномерного распределения тяжести наземного сооружения[43] и против возможного оползания земли[43], расчищены у стен Кей-Кобад-шаха[44] и в Старой Нисе[45].

Наблюдения показали, что к берме в нижних частях примыкает слой из туюна, который прослеживается на площади шириной 35,50 м. Не говорит ли это о том, что здесь был ров?

Западный «футляр» парфянской стены имеет пахсовый цоколь, над которым идет кладка стены из сырцовых квадратных кирпичей, варьирующих в стороне от 39 до 41 см и по толщине от 10 до 15 см. Пахсовое

основание западного «футляра» на 50 см ниже, чем цоколь башни. В расчищенной нами части западный футляр был отвесным. Пристроенная к нему башня в нижних частях не имеет связи; более того, ее пахсовый цоколь выше стены. Только в верхних частях башня не имеет перевязи кладки со стеной. На внешнем фасе западного футляра выступают отдельные кирпичи, указывающие, что часть башни рухнула. При расчистке арыка нами была обнаружена часть кирпичной стены из тех же кирпичей, что и башня. Раскопками пока не удалось установить внешнего фаса парфянской стены. Но изучение внешнего фаса башни и внутреннего фаса стены, а также сопоставление со стенами крепостей парфянского времени (Старая Ниса, Дурнали и др.) позволяет предположить, что внешний фас парфянской стены имел цоколь со скатом и уклоном до 75°, как и внутренний. Стена имеет толщину до 10 м и сохранилась по высоте до 6—6,50 м. Крепостные стены такой толщины мы встречаем в Новой[46] и Старой[47] Нисе.

Как уже было упомянуто, к западному фасу была пристроена башня, которая выступала вперед на 6,90 м. Башня имеет пахсовый цоколь с уклоном до 75°. Над ним сооружена стена кирпичной кладки, имеющая тот же уклон, который получен путем постепенного отступа каждого кирпича в процессе кладки. Такая конструкция оборонительных объектов была очень широко распространена. Она облегчает края, сосредоточивая всю тяжесть в центральной части сооружения и тем самым укрепляя его. Исходя из вышесказанного, мы сначала предполагали, что имеем дело с выступающей вперед башней. Однако, расчистка внешнего фаса башни на 11 м не дала ожидаемого поворота ее к куртинам. Наличие угла стены и арыка, ослабляющего оборону города, возможно, выдвинуло задачу особого укрепления юго-западного угла, и потому парфяне соорудили форт, как полагает М. Е. Массон, с охватом и юго-западного угла. С противоположной стороны, также соорудили башню для обороны арыка. Этот форт, возможно, повторяет в плане башню, но в бо́льшем масштабе. В других частях стены наличие выступающих башен несомненно.

Для парфянской фортификации характерны выступающие прямоугольные башни[48], которые встречаем на городищах Новая Ниса[49], Дура-Европос[50] и в крепостях Дурнали[51], Койна-Каахка[52] и др. Возможно, что башни Антиохии Маргианской тоже были прямоугольными в плане. Наблюдения показали, что горизонтальные швы в одном ряду имеют разную толщину. Это говорит о стремлении строителей при употреблении кирпичей разной толщины получить ровную площадку. Направление кирпичей в кладке несколько отлично от кирпичной стены Антиоха. Эти парфянские кирпичи имеют разные клейма, прочерченные пальцами; нами собрано до 20 разновидностей клейм. Некоторые из них находят аналогии среди кирпичных клейм из Кей-Кобад-шаха и из Топрак-калы.

Большое количество клейм на кирпичах было обнаружено при работах ЮТАКЭ на цитадели Антиохии Маргианской (Эрк-кала). Ряд наших клейм находит среди них полную аналогию.

С. П. Толстов принимал кирпичные клейма за родовые знаки (тамги)[54]. В. Л. Воронина, рассматривая кирпичные клейма из Топрак-калы, высказала соображение, что они служили для учета труда производителей кирпича и имели, кроме того, техническое значение[55]. Исследовате-

ли Кой-Кобад-шаха Е. Ғ. Кузьмина и С. Б. Певзнер считают клейма знаками производственных групп, применяемых для учета формованных кирпичей[56]. Мы присоединяемся к этому мнению.

Значительный комплекс найденных керамических фрагментов сделан на гончарном круге. Черепки в изломе имеют оттенки от красного до коричневого. Обжиг, отмучка у большинства фрагментов керамики хорошие. К сожалению, не удалось подобрать ни одной целой формы сосудов. Встречаются в этом комплексе следующие виды венчиков: клювовидные от тонкостенных и среднестенных сосудов, от 10 до 34 см в диаметре; прямые венчики тонкостенных сосудов от 14 до 24 см в диаметре;

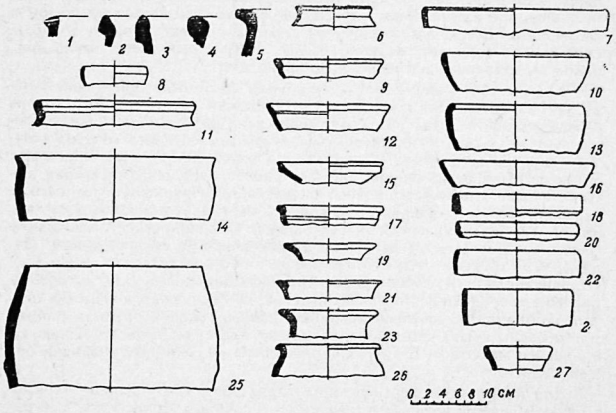

Рис. 7. Керамика из парфянской стены.

венчики с небольшими валиками изнутри 12—18 см; венчики приплюснутые снаружи от тонкостенных и среднестенных сосудов, 10—30 см в диаметре; оттянутые наружу венчики тонкостенных кувшинов диаметром 8—14 см.

Встречены также донца двух видов—плоские (диаметром 5—14 см) и выступающие.

Ручки сосудов подчетырехугольной формы.

Наблюдения, сделанные нами, позволяют выделить ряд этапов в периоде функционирования парфянской стены. Первый этап — время сооружения стены. На втором этапе на выступающей платформе стены у основания форта сооружено какое-то помещение, имеющее ширину 2,20 м. Пол его находится на уровне основания цоколя форта; позднее его подняли до основания кирпичной кладки форта. Внутренней стеной помещения служил сам форт, а западная стена была сложена из сырцового кирпича тех же размеров, что и форт. Ширина этой стены 1 м;

сохранилась она на высоту 0,70 м, внешний фас ее имеет уклон. На третьем этапе стена оплывает и заполняет остатки разрушившегося помещения. Оплыв состоит из мелкозернистой земли с песком и отдельными кусками упавших кирпичей. Толщина этого слоя 2,50 м. На этом этапе ров заполняется землей. Над оплывом идет слой четвертого этапа из кусков кирпича с примесью песка. Толщина его колеблется от 0,80 до 2 м. В дальнейшем стену и форт наращивают. Этот слой свидетельствует о намеренном разрушении форта. Это уже новый период, о котором будет сказано ниже.

Как мы уже указали, стена сохранилась на высоту 6—6,50 м, а форт на 7 м. Чтобы иметь полное представление о высоте стен и башни, необходимо учесть оплывы, которые в профиле достигают высоты до 3,30 м, толщины до 10 м. Как известно, для устойчивости свободно стоящей призмы или параллелепипеда необходимо, чтобы ширина основания была равна не менее одной трети высоты. Видимо, этим положением руководствовались при строительстве крепостных стен.

Стена Старой Нисы толщиной 8—9 м имела высоту, как полагает Г. А. Пугаченкова, 15—18 м, а башни до 20—23 м, а стена заброшенной в древности крепости Чильбурдж сохранилась на высоту 13—15 м[57]. Толщина стены Антиохии Маргианской 9,70 м. Поэтому высота ее была, возможно, несколько выше стен Старой Нисы.

Рассмотрим фортификационное сооружение парфянского Мерва с точки зрения обороны. Правила древней фортификации требовали, чтобы располагавшийся на равнине город, как и Мерв, где противник мог прямо штурмовать его, обводился, бы рвами «...самых больших размеров как в ширину, так и в глубину. Затем в ложбине этого рва следует заложить фундамент стены»[58].

Вопрос о том, имели ли специальный ров Антиохия Маргианская на западном фасе или его функцию выполнял канал Разик, остался пока неразрешенным, но наличие на такой ширине (35 м) мощного туюна у подножья фундамента как будто указывает на длительное нахождение здесь в какое-то время стоячей воды. Выступающий вперед цоколь стены, принимая удар стенобитных машин на себя, тем самым не позволял им разрушать стену. Такой прием обороны нижних частей крепостных стен от стенобитных машин был широко распространен в Южной Туркмении в парфянское время[59]. Как мы уже писали, форт, а возможно, и стена имели пахсовые цоколи со скосом, устроенные с оборонительной целью, ибо такая форма цоколя направляла сброшенному сверху камню движение вперед и тем самым увеличивала поражение противника, с одной стороны, а с другой стороны, обеспечивала дополнительную прочность против стенобитных машин[60]. В-третьих, увеличивая уклон стены, уменьшалось, если не уничтожалось полностью, подстенное «мертвое» пространство, что очень важно при обороне нижних частей стены.

Изучение крепостных стен Южной Туркмении парфянского времени показало, что в них устраивалось много подлинных и фальшивых стреловидных бойниц. Форма стреловидных бойниц была широко распространена в парфянской архитектуре[61]. Возможно, что в парфянской стене Антиохии Маргианской были устроены подлинные и фальшивые стреловидные бойницы, множество которых психологически подавляло противника. Толщина стены позволяла ставить на специальных площадках

орудия метательной артиллерии: катапульты для навесного метания тяжестей и балисты для настильной прицельной стрельбы[62].

Появление башен в крепостных стенах было прогрессивным явлением в развитии военного дела. Ф. Энгельс так характеризует оборонительные свойства башен: „... оборонительные свойства каменных стен были развиты до высшей точки прибавлением к ним, через известные интервалы башен, которые, выступая несколько впереди стен, давали им боковую защиту при помощи метательных снарядов, выбрасываемых из них по войскам, осаждавшим пространство между двумя башнями. Будучи в большинстве случаев выше стены и отделяясь от ее вершины поперечными парапетами, они обеспечивали господство над стеной и образовывали каждая маленькую крепость, которую нужно было брать в отдельности, после того как защитники были уже оттеснены от ее главной стены"[63]. Выступающие башни, возможно, были расположены в парфянской стене Мерва на равных промежутках, как в крепости Дурнали[64], и имели разные размеры, как в Старой Нисе[65]. Башни должны были располагаться друг от друга на расстоянии, не превышающем досягаемости пущенной стрелы[66], то есть 100 локтей[67]. Конструкция этой стены показывает, как далеко шагнуло вперед фортификационное дело при парфянах по сравнению с Селевкидами. Выступающие башни и форты, позволяющие осуществлять фланговый обстрел, требовали меньше войск и средств, чем стена Антиоха, и могли успешно противостоять нападению численно превосходящего противника. Конструкция стены могла противостоять существующим техническим средствам осады города, вследствие чего город, беря во внимание и прочие условия, мог выдержать длительную блокаду.

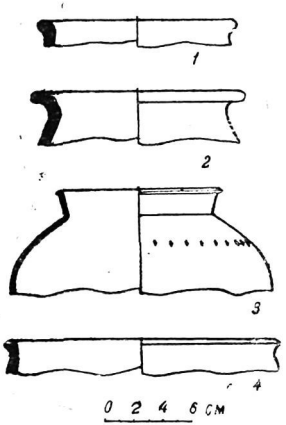

Рис. 8. Керамика из средневековой стены.

Мощные оборонительные сооружения, находившиеся на северо-восточных границах Антиохии Маргианской, свидетельствовали о силе и могуществе Аршакидской державы. Но когда именно была перестроена при парфянах городская стена Мерва?

Г. А. Пугаченкова предполагает сооружение стены в середине I в. до н. э. с применением римских пленных в количестве 100 000, переселенных вглубь Маргианы Ородом I после поражения армии Красса[68]. Но может быть, она была возведена несколько ранее.

После длительной борьбы с саками, в которой пали некоторые парфянские цари, только Митридату II в 115 г. до н. э. удалось привести в покорность и прочно ввести Маргиану в состав Парфянского государства, превратив ее в пограничную область[69]. В это время Парфянское государство выдвигается в состав мировых держав. Районная стена Антиоха уже не являлась в ту пору границей земель оседлой культуры Маргианы[70]. По-видимому, в это время, в конце II—начале I вв. до н. э., в пору расцвета рабовладельческого общества, Антиохия Маргианская и обводится новой стеной.

Следующее крупное изменение в фортификации Мерва характеризуется наращиванием парфянских стен и форта новыми кладками, а также пристройкой к их внешнему фасу на оплывах «цоколя» из пахсы. Эти изменения вносят некоторые новшества в фортификацию Мерва, который, однако, в основе сохранил парфянскую планировку стен Гяур-калы. Строители умело использовали пришедшие в довольно разрушенное состояние оборонительные сооружения Мерва парфянской поры, находящиеся под оплывом. Они нарастили мощные остатки парфянской стены на значительную высоту. Новые кладки были выведены из квадратных сырцовых кирпичей 42×42×10—12 см. Остатки западного внешнего фаса, расчищенные на высоту 1,40 м, а по длине на 7,50 м указывают, что фас был отвесным, то есть не имел уклонов, которые характерны для стен предшествующих эпох. Здесь удалось расчистить четыре бойницы высотой 1,30 м и при ширине 30 см. Они расположены друг от друга на 1,30 м; первая была косой и направлена на юго-запад, остальные три — прямые. Бойницы имеют плоские перекрытия. Они начинаются с конца «цоколя». Внутренняя стенка бойницы является как бы верхней линией «цоколя». Нужно отметить, что на изучавшемся участке от этой фортификации осталась только часть форта, а куртинная часть оплыла.

К западному внешнему фасу остатков парфянской фортификации, на ее оплывах, была пристроена треугольная кладка из пахсы, которая кончалась у основания новой стены. Эта кладка имеет высоту 3,70 м и ширину у основания 2,30 м. Археологические вскрытия показали, что остатки более мощной парфянской стены и форта не нуждались в каком-либо контрфорсе, и, притом, эта кладка не могла бы удержать гораздо более мощную стену парфян, следовательно, предположение об использовании этой кладки, как контрфорса, отпадает. Она не имела конструктивного значения, но, вероятно, нужна была для оборонной цели. Вскрытия показали, что за линией бойниц встречается ряд сырцовых кирпичей, поставленных на ребро, что указывает, как полагает Г. А. Пугаченкова, на наличие стрелкового коридора со сводчатым перекрытием («свод отрезками»).

Новая стена повторяла в плане контуры фортификационного сооружения парфян, но имела некоторые отличительные черты. Во время сооружения ее ров уже не существовал, он был затянут землей. Отсутствие рва в известной мере компенсировали мощные оплывы парфянской стены, которые давали большой уклон и затрудняли, если не сводили на нет, возможности применения стенобитных машин. Отвесный фас затруднял или исключал обстрел площади под стеной и создавал «мертвое» пространство; чтобы избежать этой «ахиллесовой пяты», древние строители нашли удачный выход в виде треугольной кладки, выполняв-

шей роль цоколя со скосом, который усиливал оборону (в дальнейшем мы будем именовать его «цоколем»). Расчистки показали, что нижняя линия бойниц являлась как бы продолжением верхней линии цоколя, благодаря чему стрелок мог свободно видеть подножье стены. По высоте новая стена едва ли была меньше парфянской: сохранившаяся высота башни, если учесть и цоколь, равнялась 7,70 м. К этому нужно прибавить еще мощные оплывы, которые она дала толщиной от 3 до 5 м на протяжении более 10 м.

Итак, с точки зрения фортификации, данная стена Мерва немного вносит принципиально нового. И хотя на этом этапе была проделана значительная работа по укреплению стены, мы оцениваем его как ремонтно-восстановительный.

Керамические находки в расчищенном участке фрагментарны, судить о формах сосудов по ним нельзя. Отметим фрагмент верхней части сосуда красноватого черепка, хорошего обжига, плотной отмучки; венчик оттянут наружу, имеет невысокую горловину; на плечиках еле заметны вертикальные желобки; ниже идут ромбовидные насечки. Найден также бронзовый трехперый наконечник стрелы со скрытой втулкой. Такие наконечники были широко распространены в VI—IV вв. до н. э.[71]. Но сам по себе этот наконечник стрелы для нас не может быть датирующим элементом для времени сооружения стены, кирпичи которой, по-видимому, формовались в местности, имевшей древние слои. Когда же была сооружена новая стена Мерва?

Для Маргианы особенно неспокойным временем была вторая половина существования Парфянской державы. В эту пору, между прочим, название Антиохии Маргианской окончательно перестает употребляться, и город называется Мервом (Мулу китайских источников)[72]. По соседству с Мервом находилось мощное Кушанское государство. В этой связи отмечается возникновение ряда крепостей, расположенных недалеко от Мерва[73], к северо-западу от которого в 16 км сохранились остатки крепости Чичанлык-депе, в 17 км — Чильбурдж, в 25 км — Дурнали и др. Расположение крепостей указывает на опасность нашествия со стороны Хорезма и Кушанского государства.

Вскоре, как пишет М. Е. Массон, «наступила пора, когда производственные отношения в условиях своеобразной восточной формы рабовладельческого общества Парфии стали тормозом дальнейшего развития производительных сил. Внешним выражением этого явилось ослабление государственной мощи Парфянской державы, на смену которой в 226 г. приходит Сасанидское государство»[74]. Мерв вошел в состав нового государственного образования[75] и становится его областным центром, в котором пребывает наместник-марзабан.

В первый период (III в.) жизнь города в составе Сасанидской державы протекала без существенных изменений. Мерв оставался рабовладельческим городом и в исторической топографии его на первых порах никаких изменений не произошло[76]. В это время во всей Иранской державе широко развертывается строительная деятельность Шапура I (242—272 гг.). Работами ЮТАКЭ установлено, что при нем был выстроен в Эрк-кале против населения форт. Возобновил ли Шапур I стену Мерва, жители которого могли использовать ее против персидских захватчиков, этого мы не знаем.

В IV и большей части V вв., в связи с охватившим всю Среднюю

Азию кризисом рабовладения, городская жизнь в Мерве приходит в упадок, сокращается обживаемая территория города, в центральных кварталах в развалинах стоят заброшенные дома[27]. Городская стена приходит в запустение, в участке у квартала мукомолов между ней и жилой застройкой накапливается большая толща хозяйственного мусора. На оплывах северо-западного угла стены были встречены захоронения в керамических цилиндрах; аналогичное явление наблюдалось М. Е. Массоном и в Самарканде, где в период кризиса рабовладельческого общества гребни разрушившихся стен городища Афрасиаба служили местом для устройства оссуарных погребений[28]. Нами установлено, что на вскрытом нами участке новая стена дала самый мощный оплыв; сама она не сохранилась, а уцелевшие башни разрушились, так что теперь даже нельзя установить первоначальных размеров. Таким образом стена Гяур-кала также отражает в своих археологических остатках пору кризиса рабовладельческой формации IV—V вв.

Когда же была возведена эта стена?

Выше мы говорили о строительной деятельности Шапура I в Мерве, который укреплял цитадель против городского населения и упоминали возникновение в Мервской области крепостей против возможного нашествия Кушан. Возможно, именно в это время и была сооружена новая стена, потребность в которой была необходимой, учитывая опасность со стороны Кушанского государства. Сходство этой новой стены с крепостной стеной Чильбурджа (II—III вв. н. э.) свидетельствует об их некоторой близости в конструкции; стены Чильбурджа имеют такое же высокое основание и отвесный фас, как и в новой стене Мерва. Из всего сказанного выше мы приходим к выводу, что время сооружения новой стены Гяур-калы восходит ко времени возникновения крепости Чильбурдж, то есть к II—III вв. н. э., в позднепарфянское время или при первых Сасанидах. Следует считать, что эта стена сооружена до кризиса рабовладельческой формации IV—V вв.

Следующее крупное изменение в фортификации произошло в раннем средневековье. В это время на оплывах стен предыдущих эпох была сооружена стена, строительным материалом которой служили сырцовый кирпич размером 39×39×9—10 см и пахса. Эта последняя стена Гяур-калы придает валу тот силуэт, который мы наблюдаем сейчас и в котором ясно читаются места бывших башен в виде возвышающихся на гребне бугров, расположенных через определенные промежутки. Эта стена выдвинута наружу от стен предшествующих эпох. Интересна ее конструкция; если предыдущие стены строились как нечто целое, то данная стена строилась по частям. Наблюдения над башнями Гяур-калы этого периода показывают, что большинство их сохранилось на большую высоту по сравнению с куртинами. Это говорит о том, что и в то время башни были выше стен и позволяли вести круговой обстрел. В нашем пропиле бурджа раннесредневековой стены находится южнее античной башни. Сдвиг бурджи свидетельствует о том, что в данном месте надобности в башне не было. По-видимому, арык в это время не функционировал и был засыпан. Возможно, поэтому Макдиси не отметил пропуска арыка в город в юго-западной части Мерва.

Как говорилось выше, стена строилась по частям, которых насчитывается три. К западному фасу стен предыдущих эпох, на их оплывах на высоте 10 м от материка была построена стенка шириной 1,40 м

из сырцовых кирпичей размером 39—40×39—40×9—10 см. Эта стенка с внутренней стороны была обмазана глиной с саманом толщиной в 2 см, тем самым свидетельствуя, что она служила стеной коридора. К этой стенке в нижней части примыкает засыпка строительным мусором на ширину 6,20 м, над которой идет натечный слой. Эти слои с запада ограждены стеной, сложенной из двух блоков пахсы и из сырцового кирпича. Основание данной стены на 1,70 м ниже восточной стены. На этих блоках и частью на насыпи построена кирпичная кладка шириной 5 м. К ней изнутри примыкает стена шириной 1 м, которая является западной стеной комнатки. Пол помещения выложен из сырцового кирпича над натечным слоем.

В городских стенах античной поры на башнях Кей-Кобад-шаха и Старой Нисы были также расчищены комнатки. По мнению исследователей, они служили складами боеприпасов[80]. Возможно, такое же назначение имела и обнаруженная нами комната.

Западный, внешний фас стены имеет основание из двух блоков пахсы с уклоном граней высотой 2 м, шириной 2,50 м. Это основание имело назначение удерживать большие силы распора массы засыпки; такое же назначение, между прочим, имел и стилобат цитадели Варахши[81]. Высота этой стены была, наверное, не меньше, если не больше, ее ширины, которая равна 11,90 м. Высота сохранилась на 5,50 м; если еще учесть мощный оплыв, который она дала, то представление о высоте стены станет полнее.

Пока еще при наблюдении нам не удалось установить формы башен, но вскрытие более высоко и хорошо сохранившихся частей позволит, очевидно, со временем установить их форму и рассмотреть в целом стену и башни с точки зрения обороны и техники осады городов. Отметим, что городище Варахша имеет прямоугольные выступающие башни и высокое основание стен[82]. Раннесредневековая стена Гяур-калы тоже имеет более высокое, чем в античную пору, пахсовое основание. Само нахождение стены на высоте 10 м от прилегающей площади делало ее почти неприступной.

Керамический материал, найденный здесь, не может пока служить датирующим фактором. В составе его отметим: фрагмент донца тонкостенного сосуда—черепок в изломе имеет розовый цвет, отмучка плотная, обжиг ровный, дно выступающее, плоское, диаметр 5,4 см, снаружи и изнутри покрыто белым ангобом; фрагмент верхней части тонкостенного сосуда—черепок плотной отмучки, хорошего обжига, в изломе имеет серый цвет, покрыт светлым ангобом; верхняя часть имеет две бороздки, диаметр 11 см; две терракотовые фигурки коней серого цвета, покрытые светлым ангобом, конечности отсутствуют. Это фигурки отличаются от терракотовых коньков III—IV вв. из квартала мукомолов Мерва и, по мнению М. Е. Массона, относятся к более позднему времени.

В результате археологических работ удалось установить два больших этапа в период функционирования данной стены:

1) период строительных работ и начала функционирования стены. В это время стена имела коридор, пол которого находился на стене II—III вв;

2) во 2-м этапе коридор был заложен сырцовым кирпичом тех же размеров, что и стена. Возможно, в этот период стену ввиду какой-то опасности нарастили и заложили коридор. Для охраны и хранения бое-

припасов была построена комнатка, пол которой на два метра выше пола коридора.

Когда же была возведена эта стена?

В первые годы после вхождения Мерва в состав арабского халифата, как установили раскопки ЮТАКЭ, на раннесредневековом квартале керамистов в Гяур-кале, размеры кирпичей становятся меньше (32×32×7 см). С другой стороны, письменные арабские источники ничего не сообщают о строительстве стен Мерва во второй половине VII—IX вв., а только указывают на их древнее происхождение, хотя довольно подробно описывают все деяния арабов в завоеванном ими Мургабском оазисе. Керамические находки на самой стене в изучаемом участке фрагментарны и не могут быть датирующим материалом, но они отличаются от керамики VII—VIII вв. Мерва. В 1958 г. при зачистке внешнего фаса стены II и III вв. в западной стенке коридора была найдена монета Кавада I, по определению М. Е. Массона, относящаяся ко второй половине его правления. Находка монеты и строительные материалы стены позволяют думать о сооружении ее при Хосрове I (VI в.) после воссоединения Мервского оазиса с Сасанидским государством.

После завоевания Мерва арабами крепостные стены на исследуемом участке не имеют следов каких-либо восстановлений и даже поддержания их. Это и понятно, ибо не в интересах многочисленных арабов, живших в укрепленной цитадели Эрк-кале, было восстанавливать крепостные стены, которые могли быть использованы против них самих.

Жизнь, развивающаяся на Гяур-кале, постепенно переходит за городскую стену. Как установлено работами ЮТАКЭ, крепостная стена не была границей городской жизни Мерва в VIII в. и городская стена уже не выполняла своих оборонных функций.

Выше мы отмечали наличие нескольких захоронений на крепостной стене. При зачистке внешнего фаса стены Антиоха в парфянской стене было расчищено мусульманское захоронение. Оно было обложено сырцовыми кирпичами размером 32×32×7 см, другое захоронение было расчищено на южном фасе. Оба относятся к VIII в.

Более того, в это время раннесредневековый квартал керамистов переходит и на крепостную стену: нами было обнаружено на гребне стены две керамические печи, позднее, при вскрытии, отмечено еще три. Вскрытия, произведенные М. И. Филонович, показали, что эти печи по своей конструкции не отличаются от печей, вскрытых в самом квартале, и относятся к середине VIII века.

Неправы некоторые исследователи, считающие, что Гяур-кала в VIII в. уже не была центром торговли и ремесла[83]. Только со второй четверти IX в. жизнь на территории Гяур-калы замирает из-за трудности доступа воды, и она переходит из былого шахристана к западу, где слагается новая часть города, шахри-бурун, известная теперь под именем городища Султан-кала.

* * *

В результате археологических работ в юго-западном пропиле стены Гяур-калы нам удалось установить первичную стену, а также четыре крупных этапа в существовании городской стены раннего Мерва, соответствующих четырем крупным периодам истории не только города, но и государства, в состав которых входил Мерв.

Перемещение центра ирригации в район современного Байрам-Али и концентрация в нем ремесленного производства экономически обусловили возникновение здесь крупного города рабовладельческой поры. Заключая в себя более древние слои, территория Гяур-калы оформилась как город при Селевкидах в III в. до н. э., когда по приказу Антиоха I Сотера (280—261) она обводится первой стеной. Это фортификационное сооружение Антиохии Маргианской носило несколько архаичный характер и в нем можно усматривать влияние местной строительной традиции.

Дальнейшее развитие местная фортификация получила при парфянах, когда сооружается новая стена с выступающими башнями и фортом, позволяющими вести фланговую стрельбу. Эта стена была рассчитана на отражение атак машин осаждения и разрушения, на применение всех видов античной военной техники. Парфянская стена Антиохии Маргианской уже была сооружена по всем правилам античной фортификации даже с учетом местной строительной традиции. Она была рассчитана на активную оборону, и это еще раз указывает на необоснованность утверждения о неспособности парфян возводить крепости, брать и оборонять города[84].

В стене II—III вв. н. э., повторяющей в плане раннепарфянскую фортификацию, налицо новые интересные фортификационные решения.

И, наконец, раннесредневековая стена Мерва VI в. имеет интересную конструкцию, представляя собой дальнейшее развитие среднеазиатской фортификации.

Работы 1957—1958 гг. на стене Гяур-калы открыли в тысячелетнем разрезе его крепостных ограждений новую страницу неписанной истории Мерва, начиная со времени возникновения города до его окончательного заброса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Массон В. М. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 61 и сл.

2. Страбон. География Страбона в семнадцати книгах. Пер. с греч. Мищенко. М., 1879, XI, 10, 2.

3. Вязигин С. А. Стены Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 260 и сл.

4. Ибн-ал-Факих. Извлечения из «Китаб ахбар ал-булдан». Пер. С. Волина. МИИТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 151.

5. Ал-Истахри. Извлечения из «Китаб месалик ал-мемалик». Пер. С. Волина. МИТТ, т. I, стр. 172.

6. Ал-Макдиси. Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи-марифат ал-акалим». Пер. С. Волина. МИТТ, т. I, стр. 179.

7. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Спб., 1894.

8. Бартольд В. В. К истории Мерва. ЗВОРАО, т. XIX, Спб., 1909.

9. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Ed. R. Pumpelly, t. I, Washington, 1908.

10. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 110—113.

11. Бартольд В. (В). Указ. соч., стр. 115 и сл.

12. Альхамова З. А. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951 (1953), стр. 404 сл.

13. Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954, стр. 137.

14. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 113.

15. Бартольд В. (В.) Цит. соч., стр. 120.

16. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1949 г. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 214.
17. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 94.
18. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2, стр. 216. Ее же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 39 и сл.
19. Марущенко А. А. Хосров-кала (отчет о раскопках 1953 г.), Труды ИИАЭ, АН ТССР, т. II. Материалы по археологии Туркмении, Ашхабад, 1956, стр. 143, примечание 6.
20. Массон М. Е. Краткая хроника. Цит. соч., стр. 214.
21. Марти Ю. Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА СССР, № 4. М.—Л., 1941, стр. 14.
22. Витрувий Марк. Об архитектуре, десять книг. Пер. А. Б. Мишулина, Л., 1936, I, 5, 3.
23. Массон В. М. Поселения... Цит. соч., стр. 64—65.
24. Массон В. М. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 65.
25. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 27.
26. История Туркменской ССР, Т. I, кн. I, под ред. М. Е. Массона (гл. ред.) и др. Ашхабад, 1957, стр. 81.
27. Страбон, XI, 10, 2.
28. Массон М. Е .Новые данные... Цит. соч., стр. 93.
29. Всеобщая история архитектуры, Т. II, кн. I, М., 1949, стр. 272.
30. Эллинистическая техника. Сб. статей под ред. И. И. Толстого. М.—Л., 1948, стр. 161 сл.
31. Витрувий. I, 5, 5.
32. Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 80.
33. Левина В. А. Стена и башня Старой Нисы (археологические вскрытия 1946 г.). Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 136—137.
34. Витрувий I, 5, 3,
35. Эллинистическая техника, стр. 310, сл.
36. Альберти, Леон-Батиста. Десять книг о зодчестве. М., 1935, стр. 121.
37. Толстов С. [П]. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии, ВДИ, 1937, № 3, стр. 178.
38. Витрувий, I, 5, 3.
39. Толстов. Цит. соч., стр. 178.
40. Толстов С. [П.] Древнехорезмийские... стр. 177 сл. Его же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 88 сл. Его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 114 сл.
41. История ТССР. Стр. 83.
42. Всемирная история, в десяти томах, т. II. Под ред. С. Л. Утченко и др. М., 1956, стр. 429 сл.
43. Массон М. Е. О северо-восточных пределах Парфянского государства. КСИИМК, вып. XXXVIII. М.—Л., 1951, стр. 148.
44. Витрувий, I, 5, 6.
45. Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения... Цит. соч., стр. 80.
46. Левина В. А. Стена и башня... Цит. соч., стр. 137.
47. Вязьмитина М. И. Археологическое изучение городища Новая Ниса, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 152.
48. Левина В. А. Стена и башня... Цит. соч., стр. 137.
49. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости... Цит. соч., стр. 225.
50. Вязьмитина М. И. Археологическое изучение... Цит. соч., стр. 152.
51. Cumont E. Fouiless de Dura-Europos, Parjs, 1927, (см. рец. Ельницкого А. А. Раскопки в Дура-Европос ВДИ, 1938, № 2).
52. Массон М. [Е.]. Новые археологические данные по древней истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, стр. 145.
53. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости... Цит. соч., стр. 222,
54. Толстов С. П. Древний Хорезм... Цит. соч., стр. 94.

55. Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 89—90.
56. Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения... Цит. соч., стр. 81—82.
57. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости... Цит. соч., стр. 219, 222,
58. Витрувий. I, 5, 6.
59. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости... Цит. соч., стр. 219.
60. Шперк В. Ф. История фортификации. Т. I. Фортификация древнего мира. М., 1948, стр. 123.
61. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости... Цит. соч., стр. 216.
62. Шперк В. Ф. История фортификации. Цит. соч., стр. 90—91.
63. Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1956, стр. 259.
64. Массон М. [Е]. Новые археологические данные... Цит. соч., стр. 145 сл.
65. Левина В. А. Стена и башня... Цит. соч., стр. 134.
66. Витрувий, I, 5, 4.
67. Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. Известия археологической комиссии, вып. 21. Спб., 1907, стр. 126.
68. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 40.
69. Массон М. Е. О северо-восточных границах. Цит. соч., стр. 147—148.
70. Массон М. Е. Новые данные... Цит. соч., стр. 100.
71. Граков В. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов, СА, т. V, М., 1930, стр. 72.
72. История младшего дома Хань. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, в древнейшие времена. Кн. II. М.—Л., 1950, стр. 225.
73. Массон М. Е. Новые данные... Цит. соч., стр. 98—99.
74. Массон М. Е. Народы и области... Цит. соч., стр. 18—19.
75. История ТССР, т. I, стр. 135.
76. Массон М. Е. Новые данные... Цит. соч., стр. 100—101.
77. Массон М. Е. Краткая хроника... Цит. соч., стр. 216.
78. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4.
79. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости... Цит. соч., стр. 224.
80. Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения... Цит. соч., стр. 78—79; Левина В. А. Стена и башня... Цит. соч., стр. 139.
81. Нильсен В. А. Варахшская цитадель. Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. Труды ИИА АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956, стр. 70.
82. Шишкин В. А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. Труды ИИА УзССР, вып. VIII. Ташкент, 1956, стр. 25.
83. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, т. I, изд. 3. М., 1955, стр. 123.
84. Шуази О. История архитектуры, т. I. изд. 2, М., 1937, стр. 150.

К. КАЦУРИС, Ю. БУРЯКОВ

ИЗУЧЕНИЕ РЕМЕСЛЕННОГО КВАРТАЛА АНТИЧНОГО МЕРВА У СЕВЕРНЫХ ВОРОТ ГЯУР-КАЛЫ

Изучение исторической топографии, экономического и социального облика древнего Мерва, важнейшего археологического памятника Туркмении, имеет огромное значение для понимания истории всей республики. Достигший расцвета в составе парфянского государства, Мерв являлся крупным торговым и ремесленным городом, одним из пунктов на великом шелковом пути, столицей богатой земледельческой области. Не случайно он привлекал внимание многих исследователей еще в дореволюционное время, но даже в лучшем из посвященных в прошлом исследований В. А. Жуковского[1] говорилось о невозможности изучения планировки города и расположения его построек[2].

В советское время неоднократное обследование и разведочные шурфовки проводились по линии Туркменкультa[3]. Но последовательное планомерное исследование памятника началось лишь ЮТАКЭ. В 1950 году во время съемки М. Е. Массоном детального плана города с нанесением по микрорельефу главных магистралей, кварталов и площадей, выделением жилой и производственной застройки[4] было установлено, что в северо-восточном секторе Гяур-калы располагались ремесленные кварталы.

Интересным и важным для истории города объектом оказался здесь значительных размеров холм у северных ворот Гяур-калы рядом с цитаделью, входившей предположительно в группу ремесленных кварталов. Он представлял собой огромный массив, тянувшийся от крепостной стены вдоль северной дороги к центру города на 250—300 м (рис. 1). Поверхность его была покрыта фрагментами разновременной керамики с преобладанием парфяно-сасанидских форм; в большом количестве встречались медные монеты, терракотовые антропоморфные и зооморфные статуэтки.

С целью выявления наиболее перспективных для исследования пунктов жилой и производственной застройки этого квартала в 1953 г. на холме было заложено несколько разведочных шурфов[5], один из которых (шурф Е) явился основой последующего раскопа.

Под слоем дерна и разрушенной почвы в шурфе были найдены сосуды большой ёмкости, девять медных монет, три фрагмента терракотовых статуэток животных, жжёный клиновидный кирпич и многочисленные фрагменты керамики.

Заложенный в центре холма ближе к его восточной части раскоп был расширен в последующие годы в основном на север и запад. Весь раскоп получил шифр Р-6. В течение пяти полевых сезонов 1954—57 гг.[6]

(четырех осенних и одного в 1955 г. летнего) были вскрыты сооружения верхнего комплекса на площади более 1700 м².

Целью данной предварительной публикации является первичное описание и интерпретация вскрытого комплекса на материалах первых трех полевых сезонов 1954—55 гг.[7].

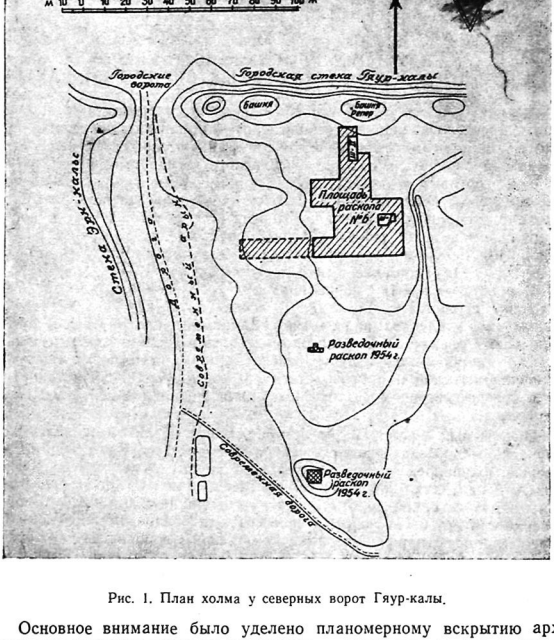

Рис. 1. План холма у северных ворот Гяур-калы.

Основное внимание было уделено планомерному вскрытию архитектурных остатков верхнего комплекса, изученных за это время на площади около 1500 м². Одновременно для изучения культурных наслоений предыдущих эпох, выявления времени первоначальной застройки и этапов обживания района в комнате № 1 был заложен стратиграфический шурф, доведенный на последовательно сокращавшейся от 25 м² до 5 м² площади на глубине 12 м от уровня дневной поверхности до материка (рис. 2).

На основе стратиграфического шурфа появилась возможность для характеристики четко зажатых стратиграфически и хорошо датированных архитектурных комплексов от раннеантичного времени до поры кризиса рабовладельческой эпохи. Было выяснено, что до первоначального обживания здесь была равнина, так как уровень материка в XXXII ярусе шурфа совпадает с дневной поверхностью дороги внутри города и вне его. Весь 12-метровый массив холма вырос за счет культурных наслоений.

В основе холма лежит слой песка, подстилаемый чистым речным ленточно-слоящимся туюном без надувных прослоек. В песчано-глинистом слое XXXI яруса были найдены два фрагмента клювовидных венчиков красноглиняных сосудов прекрасного обжига, сделанных на гончарном круге. Выше повторяется слой пустынного песка, чередующийся с глинистыми прослойками. И только с XXIX яруса начинается плотный серый антропогенный слой, содержащий керамические находки, который перекрыт другим слоем, свидетельствующим о разрушении и ирригационном заносе культурных наслоений.

Немногочисленный материал нижнего слоя состоит из фрагментов керамики. Сосуды изготовлены на гончарном круге быстрого вращения; красный в изломе плотный черепок говорит о прекрасном обжиге, снаружи поверхность сосуда часто покрыта беловатым ангобом.

Можно выделить две основные формы. К одной из них относятся *среднестенные сосуды с клювовидным венчиком диаметром 28—32 см* (рис. 3, *1—7*) с примыкающими к ним фрагментами из XXXI яруса. Это сосуды большой емкости типа хумов и хумча. Вторая форма—тонкостенные кубкообразные сосуды с резким перегибом в придонной части (подкошенным донцем), сужающимся к центру туловом и расширенным устьем (рис. 3, *8—9, 12*). Разновидностью этой группы являются высокие банкообразные плоскодонные сосуды с цилиндро-коническим туловом (рис. 3, *10—11*), представленные в комплексе донышами и фрагментами стенок.

Описанная керамика на основании изучения ряда памятников считается характерной для середины I тысячелетия до н. э. Сосуды аналогичной формы из Афросиаба (слой Афросиаб I) А. И. Тереножкин[8] относит к VI—IV вв. до н. э. В самом Старом Мерве одна из описанных форм была отмечена Б. Б. Пиотровским еще при раскопках 1936 г. и также датирована второй четвертью I тысячелетия до н. э.[9] Расширенные раскопки, осуществленные ЮТАКЭ в Мервской области и в самом городе, подтвердив эту дату, показали, что керамика этого типа является характерной для Маргианы поры ахеменидов[10]. Выявление ее в ряде пунктов Гяур-калы говорит о появлении вокруг уже укрепленной в то время Эрк-калы построек, в том числе и восточнее цитадели.

Как показывают наблюдения, в середине I тысячелетия до н. э. в Маргиане было в значительной степени развито земледелие, существовала разветвленная ирригационная сеть. Древние авторы отмечают Маргиану этого времени как плодородную долину, одну из «благословенных областей» Ахурамазды[11].

Однако, как указано, незначительный культурный слой этого времени в шурфе Р-6 вновь перекрывается наносами песка и глины, свидетельствующими о прекращении жизни и о ирригационных нарушениях. Мы считаем наиболее вероятным связывать этот факт с разрушением

города войсками Дария I при подавлении антиахеменидского восстания в Маргиане[12]. Сопровождавшееся массовым истреблением жителей и разрушением районов, оно привело к временному запустению области и нарушению оставшейся без присмотра ирригационной сети.

На слое запустения вскоре вновь появляются постройки, о чем свидетельствуют остатки пахсовых стен высотой до 60 см, прослеженные в

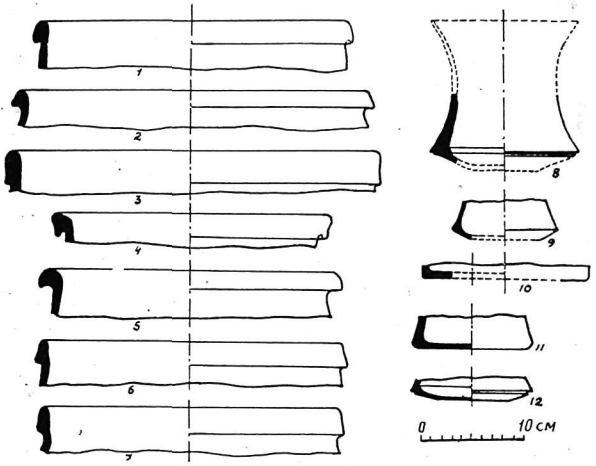

Рис. 3. Керамика середины I тыс. до н. э.

северной части шурфа (XXVII—XXVI ярусы). Ее перекрывают очаг-яма диаметром 60 см и чередующиеся серые и зеленые селитроносные слои. У стены и в гумусных слоях встречаются фрагменты глиняных сосудов. В связанном с очагом слое были расчищены куски крупного продолговатого кирпича шириной в 30 см, толщиной в 10 см; длину замерить не удалось, но, судя по фрагменту, кирпич был крупных размеров. Интересна находка терракотового ядра в виде трехгранной пирамиды (размер граней 14—13 см). Оно представляло собой один из древних видов оружия в борьбе с кавалерией[13]. Остальные находки слоя составляют сосуды из тонко-отмученной глины, с плотным мелкопористым, красноватым в изломе, черепком хорошего обжига, причем в процессе обжига поверхность сосуда приобретала розовый или светлый цвет. Посуда всех форм, включая хумы, сделана на гончарном круге.

Хумы, с диаметром устья до 50 см, имели округлые валики венчика, непосредственно переходящего в тулово (рис. 4, *26*).

Большой объём имели горшки с резко отогнутой, оттянутой наружу

закраиной диаметром 20 — 26 см и слегка округлым туловом (рис. 4, *1—2*).

Венчики более мелких горшков с легким утолщением и отворотом выделялись от прямой высокой горловины (рис. 4, *7, 17, 19*).

Донья различны — плоские, слегка вогнутые и с плоским выступающим поддоном (рис. 4, *9—11*).

Единственный экземпляр представляет находка стенки горшка с вертикальной, овальной в сечении ручкой (рис. 4, *27*).

Широко распространенной формой являются бокалообразные сосуды (рис. 4, *15, 25*) с конически расширяющимся вверх туловом, резким перегибом стенки, в верхней трети заканчивающейся прямо поставленным или слегка загнутым внутрь венчиком. Стенки очень тонкого сечения—0,2—0,4 см — в суженной донной части заканчиваются кольцевой ножкой. Форма сосуда очень изящна.

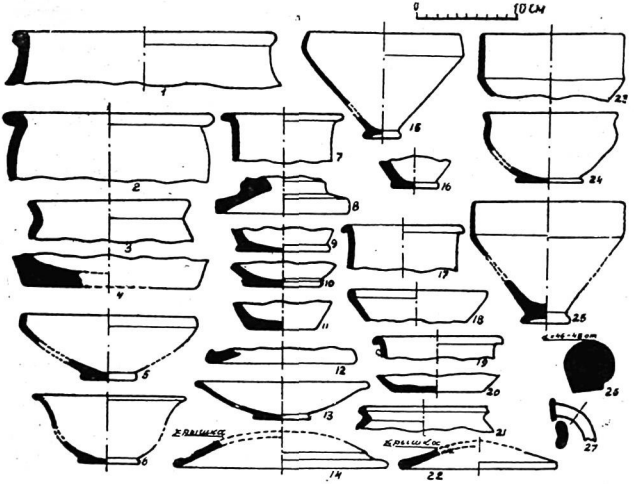

Рис. 4. Керамика IV—III вв. до н. э.

Близки к ним по форме, но более приземисты чаши или миски с отогнутым наружу венчиком, округлым туловом и плоским, выступающим поддоном (рис. 4, *6, 24*).

Важно отметить фрагменты чаш пиалообразного типа с плотным черепком пепельно-серого цвета и иногда с легким серым лощением поверхности.

Были в употреблении также вазообразные сосуды на невысокой

кольцевой, полой внутри ножке-подставке с широким основанием (рис. 4, *8*) диаметром до 13 см.

Сравнительный анализ с материалом нижнего слоя показывает преемственность и дальнейшее развитие керамического производства. Характерные для первого периода сосуды с подкошенной придонной частью постепенно исчезают, заменяясь округлыми пропорциями бокалов и чаш.

Некоторую преемственность имеет и группа горшков со сферическим туловом и резко отогнутой наружу горловиной[14].

Наряду с этим в керамике появляются новые элементы и формы. Характерными становятся бокалообразные сосуды на кольцевой ножке, появляются впервые одноручные кувшины с высокой горловиной и отогнутой закраиной. Интересно появление сероглиняных и серолощенных пиалообразных сосудов, чаще с отогнутым, но иногда и загнутым внутрь венчиком.

Сосуды аналогичных форм были встречены в Гяур-кале и на ряде других четко датированных объектов[15]. Более широкие аналогии вводят нас в круг оседлоземледельческих памятников юга Средней Азии IV — II вв. до н. э.[16]. Наш комплекс по стратиграфическому положению можно отнести к IV—III вв. до н. э., к периоду до вхождения Мерва в состав Парфянского государства.

Над описанными слоями возвышаются остатки мощных (до 4 м высоты) стен коридорообразного помещения из сырцового кирпича квадратного античного стандарта размером 41×41×11 см, 42×42×11 см. В нем прослеживаются уровни двух полов с фрагментами керамики и другими бытовыми предметами. Плотный уровень нижнего пола имел саманно-глиняную промазку. В рыхлом слое на нем, кроме многочисленных обломков керамики, были найдены железный наконечник копья длиной 16 см и медная монета чекана старших Аршакидов.

В заполнении рыхлого слоя над этим уровнем было найдено два керамических ядра в виде трехгранных пирамид с размерами граней 11, 12, 13 см и 7, 8, 9 см. Интересна красноглиняная статуэтка (XX ярус шурфа), изображающая женщину с приподнятой к груди левой рукой и правой, опущенной к низу живота. Она представляет собой, вероятно, ранний вариант маргианской богини и может быть датирована II в. до н. э.[17].

В этом же слое найден костяной стиль 8 см длины, изящной формы, с заостренным рабочим краем. Навершие его было оформлено искусно вырезанной фигуркой сидящей на троне обнаженной женщины с согнутыми ногами; правая рука опирается на колено, левая — держит скипетр; голова; к сожалению, отломана.

Из других находок необходимо отметить орудиевшие фрагменты железа, кусочки бронзы и бронзового шлака. Описанный материал хорошо датируется найденной в этом же слое серебряной монетой Артабана II (129/8—124 гг. до н. э.). Кроме того, между XVII и XVIII ярусами найдены два остракона — обломки сосудов с однострочными парфянскими надписями, сходными по шрифту с остраконами — документами из Старой Нисы II—I вв. до н. э[18].

Единый для обоих уровней полов керамический материал представлен многочисленными сосудами. Все сосуды изготовлены на быстровращающемся гончарном круге, из хорошо отмученной без примесей глины, обжиг ровный, черепок в изломе красно-коричневого цвета, поверхность

сосуда, наряду с беловатым, вследствие обжига, цветом, имеет также розовое, красное и красно-коричневое лощение. При разнообразии форм и вариантов внутри них можно выделить несколько основных групп сосудов. Хумы (рис. 5, *14—15*) являлись основными сосудами-хранилищами емкостью около 100 литров (судя по реконструкции хума на втором полу). Для них характерно отсутствие горловины. Валикообразный венчик с широким устьем диаметром 36—48 см непосредственно прикреплялся к подцилиндрическому тулову с плоским и даже слегка выпуклым дном. Стенки до 2,5 см толщиной. Высота сосуда не менее 60 см.

Котлы, приготовлявшиеся из глины с дресвой, имели полусферическое тулово, плоское дно и подлепленный венчик со слегка расширявшимся устьем (рис. 6, *5*).

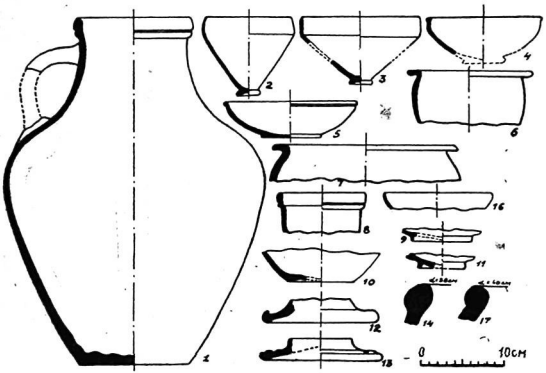

Рис. 5. Керамика III—I вв. до н. э.

Для широкогорлых горшков характерно устье с горизонтально отогнутым большим венчиком диаметром 14—24 см, часто с выемом, возможно, для крышки. Тулово слегка округлое (рис. 5, *6—7*; рис. 6, *7*). Плечико сосуда укреплялось процарапанным волнистым орнаментом.

Найден и миниатюрный горшочек с округлым туловом на плоском донце с небольшой горловиной и слегка расширяющимся тонким венчиком (рис. 6, *9*).

Кувшины описанного слоя имели прямую высокую горловину с утолщенным, горизонтально срезанным с бороздками по верху венчиком, оттянутое тулово с небольшим плоским дном и вертикальной овальной в сечении ручкой, С-образно опускающейся из верхней трети горловины на плечико (рис. 5, *1*; рис. 6, *1*).

Как и в предыдущем комплексе, в изобилии встречаются бокалы с конически суженным книзу туловом, маленькой кольцевой ножкой и лёг-

ким перегибом венчика внутрь. Формы их встречаются от стройных тянутых до приземистых пропорций (рис. 5, *2—3*; рис. 6, *2*), диаметры венчиков колеблются от 10 до 15 см, высота — от 7—13 см при стандартной маленькой ножке диаметром 3—4 см. Распространенным приемом в это время является лощение бокалов густо-красного и красно-коричневого цвета.

Близки к бокалам по форме, но более приземисты чаши на плоском поддоне с полусферическим туловом; слегка утолщенный венчик поставлен прямо (рис. 5, *4—5*).

Среди сосудов на втором полу встречаются чаши на кольцевой ножке (рис. *6*, *8* и *10*). Из других керамических форм отметим фигурные, с клювовидным загибом основания невысокие ножки сосудов типа вазы (рис. 5, *12—13;* рис. 6, *12*).

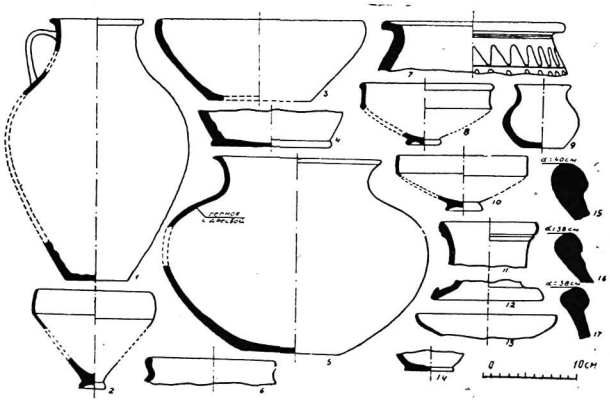

Рис. 6. Керамика II—I вв. до н. э.

При общем рассмотрении керамического комплекса мы видим бо́льшее по сравнению с находками более раннего слоя разнообразие форм. Наряду с преемственностью проявляется дальнейшее развитие керамических форм. Характерной для этого времени формой остаются бокалообразные сосуды, среди которых встречаются экземпляры очень легких и стройных пропорций. Широко распространяется лощение сосудов в розовый, красный и красно-коричневый цвета. Появившиеся в предыдущий период одноручные кувшины при тех же пропорциях приобретают оформление венчика с рельефно-профилированной закраиной или с горизонтальным срезом по верху и с двумя-тремя процарапанными желобками.

Полученный нами комплекс керамических и иных находок имеет

большое сходство с материалами, полученными в стратиграфических шурфах Гяур-калы, в частности на раскопе Р-2, датированных монетой Митридата I (171—138 гг. до н. э.). Вообще материалы, аналогичные описанным, мы встречаем на ряде памятников Средней Азии III—I вв. до н. э.[19].

Более внимательный анализ позволяет отнести наш комплекс к раннепарфянскому периоду, ко II—I вв. до н. э., когда Маргиана прочно входит в состав парфянского государства. Это подтверждается находкой в шурфе монеты чекана старших Аршакидов, об этом же говорят и остраконы. Остатки монументальной архитектуры соответствуют утверждению М. Е. Массона о расцвете города в аршакидское время[20].

Непрерывное обживание прослеживается и в последующих слоях, изученных нами на более широкой площади шурфа (около 25 м²) в XIII—XIV ярусах. Под разрушенным кирпичным слоем XIII яруса встречены зольники с углями, костями животных и включениями гипса, прослоенные линзами гумусных отложений. В разрезе видны отдельные сырцовые кирпичи размером 44×44×13 см.

Большой интерес представляет расчистка горнов в сопровождении кусочков бронзы и металлических шлаков. Печь круглая в плане, с диаметром 65 см; стенки внутри сильно ошлакованы. Ниже ее под слоем кирпича-сырца в XIV—XV ярусах расчищены остатки второй аналогичной печи. Около них прослеживаются мощные черные зольники. Кроме того, на уровне второй печи найдено около сотни круглых необожженных ядер диаметром 2 см, более крупные круглые ядра из обожженной глины диаметром 5 см и пирамидальное ядро со сторонами 8 и 9 см. Слои эти датируются медными монетами I—II вв. н. э., найденными во всех трех ярусах (в XIV, XV и XVI).

В XIII ярусе найдено 40 медных монет местного маргианского чекана, но они, несомненно, относятся к более позднему этапу и в качестве клада были зарыты под полами верхнего комплекса. Заслуживают внимания из этого слоя безголовая фигурка и головка женских статуэток маргианской богини (XVI ярус шурфа), миниатюрный мраморный кубик 1,5×1,5 см — игральная «кость», костяной стиль. Кроме того, интересна находка в XVI ярусе железной крицы 6×8 см. Как и в предыдущих слоях, отмечается обилие разнообразных форм керамических изделий, в основном сосудов. Сделаны они все на гончарном круге, однако в технологии изготовления намечаются некоторые изменения. Начинают преобладать сосуды с пористым черепком светло-жёлтого в изломе цвета, хотя еще и имеются сосуды светло-красной и розовой глины и более плотным черепком.

Остановимся на некоторых группах сосудов.

Кроме хумов, сходных по форме с более ранними, большой ёмкостью обладали и горшкообразные сосуды с полусферическим туловом и прямопоставленным или слегка вогнутым внутрь венчиком, иногда со специальным выемом-желобком для крышки.

Кувшины, обычно с одной ручкой, представлены количественно обильно и в вариациях. Они имеют широкое горло с суженным или, наоборот, утолщенным, подтреугольным в сечении или горизонтально оттянутым, с желобками поверху, венчиком. Тулово яйцевидной формы, плоское дно по размерам приближается к диаметру устья. От верха горловины на плечико опускалась фасолевидная в сечении ручка. Горло-

вина иногда украшалась процарапанным орнаментом. Встречаются экземпляры и с более сложной профилировкой венчика. Чаши имели утолщенный венчик и невысокое прямое тулово с резким перегибом к донцу. Встречаются кубкообразные чаши с биконическим туловом. Донная часть их представляла небольшую кольцевую ножку с отростком в центре.

Керамический материал верхних ярусов шурфа имеет большое сходство с формами сосудов Чарджоу[21], Самарканда[22], Термеза[23] первых веков н. э. Монетные находки в слое позволяют отнести описанный комплекс к I—II вв. н. э.

Хотя в самом шурфе были найдены лишь отдельные сырцовые кирпичи, но расчисткой слоев до уровня XIV яруса к югу и западу от шурфа выявлены остатки архитектурного сооружения из кирпича-сырца крупного размера (44×44×13 см). Вскрытие этого слоя на широкой площади позволит более точно охарактеризовать производственную направленность комплекса. Однако находки печей, шлаков и крицы позволяют предполагать, что в первые века здесь располагались ремесленные помещения, связанные с металлургией. Нельзя не отметить в связи с этим сообщений древних авторов о маргианском железе, высоко ценившемся в античном мире благодаря своей высокой прочности и ослепительной яркости[24].

Таким образом, в целом стратиграфический шурф дал выразительный материал для характеристики описанного пункта середины I тысячелетия до н. э. до I—II вв. н. э. включительно.

Керамический материал шурфа, наряду с выделением комплексов отдельных периодов, выявлением преемственности развития керамических форм и характерных черт маргианской керамики, позволил совместно с материалами стратиграфического шурфа в центре Гяур-калы Ш-2 и шурфов раскопа Р-2 дать четкую, закрепленную монетами, хронологическую шкалу керамики Гяур-калы VI в. до н. э.—II в. н. э.

Комплексы сооружений и археологических объектов парфяно-сасанидской и сасанидской поры исследовались нами на значительной площади, причем их полное изучение являлось первоочередной задачей.

В 1954—55 гг. было вскрыто более 50 различных помещений (комнат, коридоров, двориков), расчленённых узенькими проулками. Для понимания их назначения необходимо дать подробное описание архитектурного комплекса и полученных находок. Первоначально раскапывался комплекс помещений в восточной части холма с последовательным расширением на юг и на север, осенью 1955 г. подвергалась изучению в основном западная часть комплекса (на плане римскими цифрами обозначены помещения по порядку их вскрытия, арабскими — комнаты выделенных хозяйств).

Помещение I подквадратное в плане (размером 3,10×2,70 м), сложено из кирпича-сырца квадратного формата (длина стороны от 43 до 40 см, толщина 10 см). Толщина северной стены в один кирпич; остальные стены сложены в два кирпича. В северо-западном углу расчищен проход шириной 0,55 м.

Нижний пол комнаты располагался на уровне XI яруса. Вдоль восточной стены в пол был вкопан хум с утолщенным венчиком и яйцевидным туловом. У восточной стены на полу лежали фрагменты сосудов-хумча и два целых тонкостенных, небольших одноручных кувшинчика

высотой 10 и 13 см. Около хума найдены женская терракотовая статуэтка высокого рельефа (головка отбита) и два фрагмента статуэток животных.

В юго-западном углу комнаты лежал каменный жернов ручной мельницы (верхний диск) диаметром в 31 см, с отверстием в центре (диаметр 7 см) и двумя углублениями в верхней полости диска; нижний диск, к югу от описанного, был укреплен на двух жжёных кирпичах трапециевидной формы. Третий фрагмент жернова был найден около прохода. В северо-восточном углу комнаты сохранилась резная костяная ручка стиля длиной 7,8 см.

На полу и над ним встречено пять медных монет диаметром 1,1 — 1,9 см, одна из которых относится к парфянскому чекану Маргианы II в. н. э.

Из украшений интересны бусинки округлой и овальной формы, в основном из сердолика, и одна крошечная бусина — коралловая.

Второй вышерасположенный уровень поля прослежен в конце X яруса. В культурном слое второго пола найдено большое количество фрагментов тонкостенной керамики и один целый сосуд типа хумча, у южной стены — диск жернова ручной мельницы; среди других находок отметим наличие медных монет диаметром 15—18 мм и терракотовую женскую статуэтку.

В верхнем слое до конца IX яруса в пределах тех же стен был прослежен третий культурный комплекс комнаты. В нем найдены в виде двух скоплений (9 и 13 шт.) и лежащие поодиночке (5 шт.) крупные ядра из обожженной глины, диаметром от 2,5 до 12 см, причем наибольшее скопление лежало на донце хума и было частично прикрыто его стенками; возможно, ядра хранились в хуме с широким устьем, который впоследствии разбился и часть их раскатилась.

На полу были найдены фрагменты верхнего диска жернова диаметром 18 см и зернотерки миндалевидной формы, бывшей в употреблении длительное время.

Интересна также терракотовая статуэтка усатого, бородатого мужчины с тиарой на голове. На разных уровнях сохранились четыре монетных кружка диаметром 15—17 мм, три из которых оказались при определении монетами Шапура I (242—272 гг. н. э.), каменные бусины круглой и бочковидной формы; в юго-западной части комнаты был поднят фрагмент медного браслета, оформленный в виде головки змеи.

Помещение II расположено к северу от описанного. Это комната более крупных размеров (3,80×4,20 м), стены сложены из кирпича-сырца, размером 40×40×10 см. Данный стандарт характерен для всего комплекса, встречаются лишь незначительные колебания в сторону увеличения. Южная и восточная стены сложены в толщину одного кирпича, северная и западная — в два кирпича.

Нижний уровень пола прослежен в XI ярусе; вдоль трех стен, кроме восточной, были пристроены суфа высотой 50—60 см, шириной 80—90 см, вымощенные вмазанными на глине фрагментами хумов.

В каждую суфу были вкопаны хумы — в северную два, в остальные по одному, пятый хум вкопан в пол в юго-восточном углу комнаты. Пол и вымостка суф во многих местах покрыты серо-зелёными пятнами перегнивших органических остатков. Самый маленький среди хумов, вмазанный в северную суфу, имел яйцевидное тулово. Рядом с ним лежали

фрагменты большого банкообразного хума, два жжёных кирпича трапециевидной формы, глиняное пряслице биконической формы и небольшой фрагментированный кувшинчик. Хумы в остальных суфах имели банкообразную форму. На западной суфе лежал шаровидный кувшинчик из глины лёссового цвета, утерявший форму железный предмет и тонкая медная монета IV в. н. э. Около хума на южной суфе лежали фрагменты кувшинчиков, две медные монеты, одна из которых определена как парфянская II в. н. э., лощило и жжёный трапециевидный кирпич.

Большой интерес представляют находки на полу. Около пятого хума в юго-восточном углу комнаты лежала нижняя часть жернова ручной мельницы, каменное лощило круглой в сечении формы и 6 медных монет раннесасанидского времени. Южнее описанных находок найден еще один диск жернова и 8 медных монет. Из них определено шесть: одна относится к чекану Арташира II (224—242), остальные — Шапура I (242—272).

Вдоль западной суфы лежали три фрагмента каменных жерновов, а у северной стены, рядом с хумом, сохранилась часть установки ручной мельницы, нижний диск которой был укреплен на двух трапециевидных жжёных кирпичах.

Второй уровень пола совпадал с поверхностями суф. В перекрывающем его слое в северо-западном углу комнаты расчищены фрагменты развалившегося хума, рядом с ним два трапециевидных кирпича, миниатюрный сероглиняный кувшинчик с плоской крышечкой и глиняная поделка, вероятно пробка. Кроме них, интересны: большая плоскодонная миска, фрагмент статуэтки животного и 15 монетных кружков диаметром от 9 до 16 мм (из них 12 целых, три во фрагментах).

С запада к этой комнате примыкало помещение III небольших размеров (1,30×2,60 м). Северная стена его выведена вперевязку со стеной второго помещения, западная, толщиной в 1,30, сложена в три кирпича, южная поставлена впритык, в юго-восточном углу имеется проход на юг шириной 1,30 м. Находки немногочисленны — в нижнем слое среди фрагментов керамики встретился целый кувшинчик с утяжеленным донцем, головка женской терракотовой статуэтки, глиняный свисток биконической формы и медная монета Арташира I (224—242).

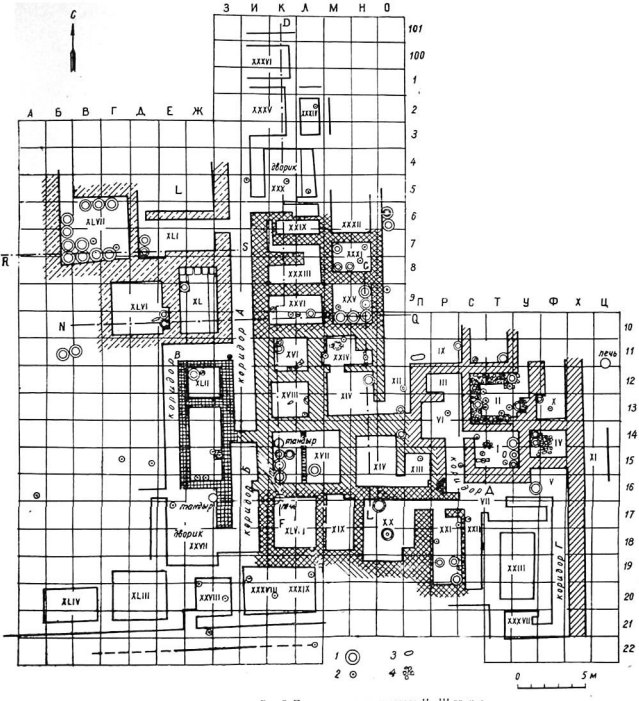
Описанный комплекс перекрыт слоем завала, на котором был уплотнен новый уровень пола, причем габариты комнаты не изменились.

Из находок на этом новом полу следует отметить фрагменты небольших тонкостенных сосудов, коническое глиняное пряслице и трапециевидный кирпич.

Помещение IV, прямоугольной формы (2,10×2,70 м), располагалось восточнее первого. Три стены его, кроме восточной, сложены в толщину двух кирпичей (0,80—0,90 м), последняя — в три кирпича (1,40 м).

Нижний пол углублен, находится на уровне начала XII яруса. На полу и над ним сохранились фрагменты трех огромных хумов с широким устьем и устойчивым дном. Диаметры устья и дна одинаковы — 65 см. Около них — обломки тонкостенных сосудов открытых и закрытых форм. Интересная терракотовая статуэтка бородатого мужчины, а из украшений — кольцо из белого халцедона с изображением рыбы.

Кроме того, найдены рог животного, длиной 11 см, с отшлифованным острием, и три медных монеты; две из них мелкие, диаметром 9 мм,

С
З И К А М Н О
А Б В Г Д Е Ж
П Р С Т У Ф Х Ц
101
100
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
D
L
R
N
S
A
B
C
E
F
Q
XXXVI
XXXV
XXXIV
XXX
XXIX
XXXII
XXXIII
XXVI
XXV
XLVII
XLI
XLVI
XL
XLII
XVI
XXIV
XVIII
XII
IX
III
VI
XVII
XIV
XIII
XX
XXI
XXII
XLV.I
XIX
XXVII
XXVIII
XXXVIII
XXXIX
XLIV
XLIII
XXIII
XXXVII
XI
IV
V
VII
печь
коридор А
коридор Б
коридор В
коридор Г
горн
горн
горн

третья — более крупная — определена как монета маргианского чекана II в. н. э. Под полом сохранился кладик из 40 медных монет II в. н. э., лежавших в матерчатом мешочке, несколько нитей которого прилипло к монетам.

Второй пол (на уровне конца X яруса) был частично вымощен битыми, плотно пригнанными друг к другу и вмазанными с глиной, обломками хумов. На полу — разбитые сосуды типа хумча, выше — два трапециевидных кирпича, калып для изготовления терракотовых статуэток, изображающий в оттиске рельефную фигуру бородатого мужчины, два фрагмента терракотовых фигурок лошади и медная монета Арташира I.

Помещение V примыкало с юга к IV. Возможно, оно представляет расширение прохода, но может быть в один из периодов функционировало как комната, так как на полу IX яруса найдены фрагменты большого банкообразного хума и медная монета Шапура I.

Помещение VI, к западу от I и II, представляет собой подквадратную комнату размером 2,60×3 м, соединенную с севера проходом с III и, вероятно, составлявшую с ней первоначально одно целое. С юга из него в свою очередь выводил широкий проход в коридор. Находки нижнего слоя комнаты представлены, кроме керамики, несколькими терракотовыми женскими статуэтками, целыми и во фрагментах, в центре комнаты лежала заготовка пряслица и медная монетка раннесасанидского времени (чекана Арташира I). Еще несколько медных монет было найдено у стены, одна из них относится к парфянскому чекану Маргианы II в. н. э. Вторая монета этого же типа была получена при зачистке пола.

В верхнем слое комнаты (уровень пола в X ярусе) найдены еще несколько медных монет, костяной вязальный крючок, длиной 13 см; около северной стены лежала терракотовая статуэтка с изображением фертообразного человека. Интересен четырехгранный глиняный грузик трапециевидной формы с верхним основанием 1,2×1,2 см, нижним — 2,3×2,3 см.

Южный проход из комнаты выводил в коленчатый коридор, тянувшийся на 4 м на юг, затем он поворачивал на 8,30 м на восток с новым вслед за этим поворотом на юг. Длина последнего отрезка 9,40 м. Первоначальный уровень дневной поверхности коридора был ниже, чем в помещениях (плотная прослойка проходит в начале XIII яруса), однако заполнение его шло интенсивнее, чем нарастание слоев над полами комнат.

Находок в первом отрезке коридора немного: в северной части у входа в помещение VI — глиняное пряслице, у стены помещения I — фрагмент жернова и медная парфянская монета II в. н. э. В X ярусе отмечается завал. В культурном слое над завалом найдено круглое керамическое ядро, фрагменты нескольких сосудов, в том числе одного стеклянного, и медный монетный кружок IV в. н. э.

Во втором колене коридора из находок следует упомянуть глиняное пряслице, фрагмент терракотовой женской статуэтки, обломки хума и бусинку. На слоях завала была построена круглая в плане печь-тандыр, функционировавшая, однако, недолго.

Вдоль этого отрезка коридора с юга вытянулось узкое помещение VII (1,10×4,10 м), также с двумя уровнями полов. Находки скон-

центрированы в западной его части и представлены несколькими медными монетами, пряслицем, крошечной цилиндрической каменной бусинкой и обломком терракотовой статуэтки животного.

В верхнем слое найдено 17 слипшихся монет, относящихся ко времени Шапура III, то есть к концу IV в. н. э. Они являются кладиком, попавшим в описанные слои в более позднее время.

Третий отрезок коридора, вытянутый на юг, беден находками. В нем найдено лишь несколько фрагментов тонкостенных сосудов и глиняное пряслице. Мощная восточная стена коридора сложена вперевязку с восточной стеной помещения IV, то есть комплекс создавался одновременно по единому плану.

Помещение VIII — в северо-восточном углу раскопа — вскрыто частично (расчищена лишь его южная часть). Стены сложены в два кирпича. На полу комнаты, вскрытой до верхнего пола, в юго-восточном углу сохранился хум с двумя тонкими медными монетами IV в. н. э. внутри, в юго-западном углу—часть жернова. Интересны также стеклянный сосудик и хумча с двумя вертикальными ручками на плечиках.

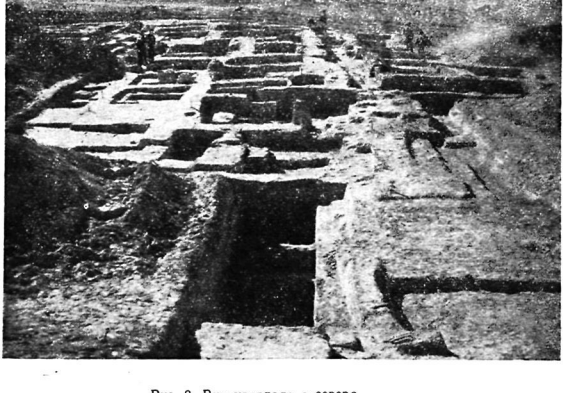

Рис. 8. Вид квартала с севера.

Примыкавшее с запада помещение IX также изучено неполностью. Уровень пола его выше, чем в остальных помещениях и покрыт натёками — вероятно, дождевыми прослойками. В южной его части на полу расчищен интересный плоскодонный сосуд овально-вытянутой формы, размером 115×52 см, с открытым устьем, то есть керамическая ванна. В ней лежала ступка также из обожжённой глины, рядом с ванной был найден бронзовый трехперый, втульчатый наконечник стрелы, пряслице, часть терракотовой статуэтки животного, несколько разбитых тон-

костенных сосудиков и две медных монеты. Судя по слоистости пола, описанное помещение было лишено перекрытия и являлось скорее всего двориком.

Следующее X помещение граничит с востока с комнатой II. Северная стена его не выявлена. Комната продолговатой формы, в юго-западном углу расширяется уступом-нишей, образуя квадрат, в котором сосредоточены основные находки. В нише сохранился банкообразный хум с устьем большого диаметра, в центре комнаты лежал жернов, в юго-восточном углу — две медные монетки и шаровидная бусинка из сердолика.

Вскрытый частично комплекс к востоку от описанного, названный условно помещением XI, не имеет ни северной, ни южной стены. Лишь в 2,20 м к востоку идет стена, параллельная восточной стене X помещения. Судя по характеру наслоений, здесь проходила с севера на юг неширокая улочка. В ее заполнении найдены три медные монеты. Определены из них две — одна принадлежит чекану Арташира I, вторая — чекану Маргианы раннесасанидского времени (III в. н. э.). Кроме того, из этого же слоя получена миниатюрная «игральная кость» подквадратной формы (1,05×1,30 см) с очками-углублениями числом от одного до шести. Последующие раскопки были сосредоточены к западу от вскрытых помещений, так как именно здесь располагалась наиболее возвышенная часть холма.

Рядом с III было вскрыто помещение XII (3,50×2 м), имевшее открытый выход на север; второй дверной проём шириной 0,90 м наметился в юго-западном углу. Уровень пола довольно высок (X ярус), находки почти отсутствуют, за исключением фрагментов двух хумча. В верхнем слое найден целый сероглиняный кувшинчик.

Мощная стена толщиной 1,70 м отделяла от него с юга XIII и XIV помещения. Уровень первоначальной дневной поверхности покрыт слоистыми натеками, на которых возведена разделяющая их стена.

В небольшом XIII помещении найдены фрагменты хума и других сосудов, часть жернова, костяная пуговица-подвеска, а ближе к поверхности — два круглых керамических ядра.

В XIV помещении найдены три медных монеты, одна из которых относится к чекану Хорезма III—IV вв. н. э., терракотовая головка животного, бусинка цилиндрической формы. Из керамики интересны фрагменты хума с рифлёными стенками и целый кувшинчик. Здесь, вероятно, также вскрыт дворик, в какой-то из периодов частично застроенный еще одной комнатой.

Дверной проём XII помещения выводил в подквадратную комнату XV по порядку вскрытия. Размеры ее 3,40×3,10 м. Восточная стена выложена в два, северная — в один, а западная — в три кирпича. В северо-западном углу выявлен второй дверной проём шириной 1,25 м. Среди материала, найденного в культурном слое, отметим узкогорлый хум с яйцевидным туловом, сохранившийся в северо-восточном углу, а в верхних слоях — фрагмент статуэтки лошади со следами седла, несколько медных монет и костяное пряслице конической формы.

К северо-западу расчищено небольшое квадратное помещение XVI (2,30×2,30 м) с толщиною стен от 0,90 до 1,40 м. Нижний пол (в XI ярусе) был заполнен в северо-западном углу фрагментами хума, дно которого было укреплено трапециевидными кирпичами. Рядом

стоял более мелкий сосуд-хумча, у южной стены сохранилась часть ручной мельницы, состоящая из нижнего диска, укрепленного на двух трапециевидных кирпичах, фрагмент второго диска лежал рядом с установкой; в середине комнаты найдены статуэтка, изображающая женщину с двумя зеркалами (головка отбита), пуговица из слоновой кости, еще выше, под разрушенным слоем пушонки — раковина каури, костяное пряслице и медная монетка IV в. н. э.

Помещение XVII представляло собой огромную комнату с несколько суженной западной стеной (5×3,80 м). В поздний период обживания она была разделена тонкой перегородкой на две комнаты. Уровни полов прослежены в начале VIII, в конце VIII и в X ярусах. С нижним полом связано функционирование двух огромных, с широким устьем, и трех узкогорлых хумов несколько меньшего размера. Кроме хумов, в рыхлом полуметровом наслоении на полу найдены фрагменты тонкостенных сосудов, круглые стеклянные бусы, три медные монеты. При создании второго уровня пола большие хумы продолжали использоваться, малые же попали в забутовку под пол, один из них даже опрокинут вверх дном. Вероятно, когда-то в этом хуме хранилось мясо, так как в нем и рядом валялись кости животных и зеленые пятна от перегнившего мяса. Кроме двух больших хумов, при функционировании второго пола использовались еще два хума мелких размеров. Под полом найдены две медные монеты и кувшинчик серой глины. Затем помещение было разделено на два; в западном оказалась круглая в плане печь типа тандыра с монеткой внутри, рядом с ней лежали крышки сосуда, донная часть хума, фрагмент женской статуэтки с двумя зеркалами, биконическое ядро из обожжённой глины, красноглиняная мисочка и пять медных монет — три подквадратные и две круглые. В восточной комнате найдена бытовая керамика (интересна витая поперечная ручка), несколько каменных бусинок круглой, бочкообразной и цилиндрической формы и три медных монетных кружка.

Помещение XVIII — квадратная комнатка (2,10×2,10 м), северное описанной, с мощными западной и восточной стенами; северная и южная — более тонкие. Материал нижнего слоя ограничивается медной монеткой и глиняной биконической поделкой (свисток?). Выше расчищены остатки хума и рядом часть установки ручной мельницы (нижний диск на двух трапециевидных кирпичах). Кроме того, были найдены серебряный перстень с золотой оправой бирюзового камня и круглая бусинка.

Западная стена XVI, XVII и XVIII помещений, являясь общей, свидетельствует о том, что эти помещения строились по единому плану.

Помещение XIX примыкало к XVII с юга. Это прямоугольная комната (2,20×4 м) с выступающим северо-восточным углом. Находки на нижнем полу незначительны — несколько сосудов и керамическое пряслице. В поздний период обживания комната подвергалась частичным перестройкам. Однако сохранность стен настолько плохая, что проследить точные размеры помещения позднего этапа не удалось. На верхнем углу найдены фрагменты хума с рифлёными стенками, две медные монеты, керамическое пряслице, каменная бусинка и фрагменты сосудов, среди которых интересна плоская крышка с шаровидным налепом-ручкой и волнистым орнаментом поверхности.

С востока примыкало помещение XX с массивной южной и во-

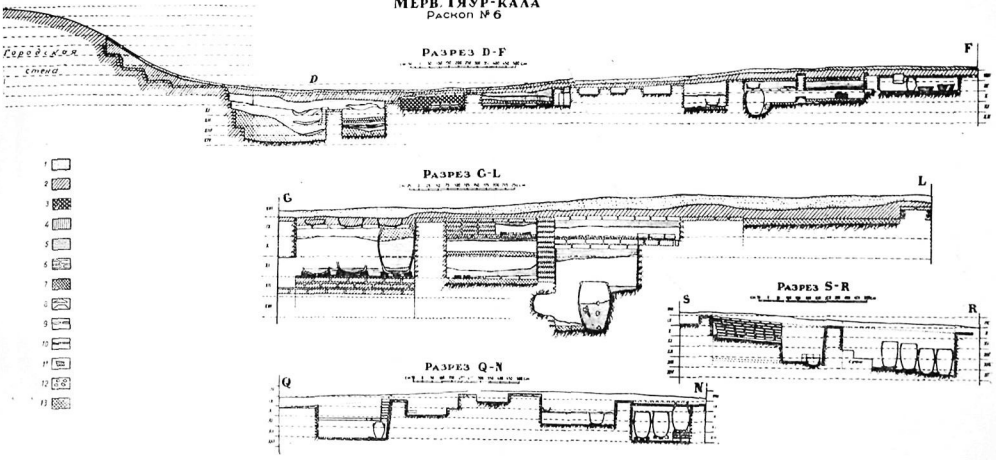

Рис. 9. Разрезы на раскопе 6.

1—Пушонка; *2*—разрушенный сырец; *3*—штукатурка; *4*—селитропосный слой с включением гипса; *5*—слой плотной глины; *6*—кирпич-сырец; *7*—плотный серый слой; *8*—зеленый слой; *9*—фрагменты хумов; *10*—жерновa; *11*—жженый кирпич; *12*—кусок жженого кирпича; *13*—плотная глина с саманом.

сточной стенами, стык которых утолщён выступом внутрь комнаты. Размеры комнаты 3,60×4,50 м.

На нижнем полу прямо в центре комнаты сохранился вкопанный в землю большой хум с широким устьем диаметром 75 см, высотой 126 см. В нем был найден фрагмент жернова диаметром 36—38 см. Рядом с хумом лежали фрагменты мелких сосудов и головка женской терракотовой статуэтки. Вдоль южной стены расчищен очаг, около которого найдены костяное и керамическое прясла. Хум использовался и позже, когда в IX ярусе появился второй уровень пола. На нем сохранились остатки еще одного хума у северной стены комнаты, две монетки и бусинки — гранёной и овальной формы. Рядом с северным проёмом в северо-восточном углу комнаты найден железный однолезвийный, слегка изогнутый нож.

В последующий период помещение также подвергалось частичной перестройке; стена, делящая ее на две комнаты, сохранилась лишь на один кирпич. К находкам этого времени относятся фрагменты хумов с процарапанным орнаментом и сосудов с витыми ручками, несколько медных монет, грубоватая статуэтка с налепными глазами и носом и трехгранное ядро из обожжённой глины.

Проход из XX помещения на восток выводил к XXI помещению, а затем в коридор.

Помещения XXI и XXII первоначально составляли единую большую комнату размером 3,60×4,80 м, разделённую впоследствии тонкой 30-сантиметровой перегородкой на две узкие коридорообразные комнаты. В XXI комнате на разных уровнях сохранились три больших хума. Для устойчивости под хум у восточной стены была подложена часть жернова, целый жернов лежал рядом с хумом, два других найдены у западной и восточной стен. В середине комнаты встречена медная монетка, у выхода — сероглиняный кувшинчик.

Каменный жернов найден и в помещении XXII. Из других материалов этой комнаты интересны стеклянный миниатюрный сосудик, небольшой сероглиняный кувшинчик с округлым туловом, статуэтка животного, медная монета.

Помещение XXIII в юго-восточном секторе раскопа полувскрыто. В верхнем его слое встречена бытовая керамика и одна монетка плохой сохранности.

Наряду с дальнейшим продолжением зачисток в южном секторе, основное внимание было обращено затем на западные и северные секторы раскопа.

К северу от XV комнаты было вскрыто помещение XXIV, представляющее большой интерес. Это небольшая комнатка неправильной формы, с сдвинутым к западу дверным проёмом в южной стене. В остальных трех стенах имеются ниши различной глубины. В восточной нише на полу в X ярусе сохранилась часть установки ручной мельницы — нижний диск на трапециевидных кирпичах; в нишах западной и северной стен также были найдены жернова, хотя и без кирпичных подушек. Кроме того, в северной нише стоял хум с широким устьем, укрепленный двумя трапециевидными кирпичами; в центре комнаты в разных слоях найдены фрагменты тонкостенных сосудов и три монетки, одна из которых относится к раннесасанидскому периоду (середина III в. н. э.).

Помещение XXV, подквадратной формы (3×3 м), примыкало к описанному с севера. Вдоль южной и восточной стен в этой комнате в нижний пол было вкопано пять огромных хумов с широким устьем, а в юго-западном углу лежали два жернова ручных мельниц. Найдены также керамическое пряслице, сильно сработанный железный однолезвийный нож (длина рабочей части 6,9 см), кусочки костяной ручки, вероятно, этого же ножа, а в северо-западном углу на полу стоял котел, покрытый крышкой.

При уплотнении второго пола хумы продолжали использоваться; на этом полу найдены фрагменты мисочки и горшочков и медная монета.

К западу располагалось помещение XXVI (2,20×3,80 м). Западная стена его является продолжением стены помещений XVI, XVII и XVIII, сложенная в три кирпича, остальные — в два кирпича. В X яру се прослежен уровень пола, вымощенный в южной половине комнаты фрагментами хумов. Около западной стены — скопление гипсовой штукатурки, когда-то покрывавшей стены. В юго-восточном углу сохранилась часть широкогорлого банкообразного хума, у западной стены лежала хумча, на вымостке из хумов — фрагмент жернова, кроме того, в комнате найдено несколько монет и фрагменты сосудов; на верхнем полу — медная монета и фрагменты сероглиняного кувшинчика.

Раскопками к западу от помещений XVI, XVII и XXVI был расчищен проход с севера на юг шириной 1,90—2 м, частично перегороженный у северо-восточного угла помещения XVII. Северная часть его названа коридором *А*, южная — коридором *Б*.

Плотный уровень пола, отмеченный в начале X яруса, заполнен пыльно-золотистыми слоями, выше него располагались серо-зелёные слои. Находки разнообразны, но в основном мелкие. Среди них 17 медных монет — 16 круглых диаметром от 9—16 мм; из них определены — парфянская литая монета II в. н. э. и монета маргианской эмиссии III в. н. э.; наряду с этим имеется серебряная сасанидская монета Арташира I. Из других находок следует отметить плоскоплиточную женскую статуэтку и фрагмент статуэтки животного, обломки тарелки, а в верхнем слое — несколько медных монет, бусинки шаровидной и цилиндрической формы и целый сероглиняный кувшинчик. В верхнем же слое было расчищено погребение. Могила с подбоем, причем для подбоя подрублена стена, костяк ориентирован головой на северо-запад. Погребение позднее и с комплексом совершенно не связано.

Помещение XXVII находится в юго-западном углу прохода и соединено с ним широким проёмом. Расчищены также выходы на север и на запад. Заполнение плотное, слоистое, находок мало. Из них следует отметить медную монету маргианского чекана III в. н. э. и глиняное пряслице. Вверху, в слое пушонки, над восточной стеной найдены пять подквадратных и одна круглая медная монеты, фрагмент жернова и обломок статуэтки лошади.

Судя по характеру наслоений, неправильной планировке и разобщенности стен, описанное помещение являлось хозяйственным двориком.

Южнее вскрыто квадратное (2,60×2,60 м) помещение XXVIII с коленчатым выходом на юг. Уровни его полов расположены в IX и X ярусах. На нижнем полу найдено несколько фрагментов сосудов и две ста-

туэтки лошади со следами сёдел. В верхнем слое сохранились два диска жерновов, диаметром 30 см, и конусообразное прясло.

В северо-восточном углу коридора *А* расчищено небольшое помещение XXIX, отделенное от коридора двойной стеной; размеры его 1×3 м. Возможно, южная стена его появилась в период перестройки, и первоначально комната была более крупной (2,30×4 м). Заполнена она рыхлым слоем надува, находки относятся к верхнему слою и представлены нижней частью женской статуэтки и медной монетой.

Полувскрытое помещение XXX к северу от описанного являлось, вероятно, хозяйственным двориком. Стены только намечаются. Под слоем пушонки на стенах встречены два фрагмента статуэток, сосудик и часть жернова ручной мельницы. Ниже — еще часть диска жернова и керамическое прясло.

Вслед за этим была полностью расчищена восточная стена помещений XV, XXIV, XXV, вдоль внешнего фаса которой сохранилось несколько хумов (один хум обложен кирпичом), медные монеты и жернов.

При продолжении раскопок к северу вскрыто помещение XXXI размером 2,85×2,10 м. Вдоль западной и южной стен его сохранилось три банкообразных хума с устьем большого диаметра. Кроме того, на нижнем полу найдены две статуэтки животных, биконическое пряслице и медная монетка. На верхнем полу в южной части комнаты — донья двух хумов, в северо-восточном углу — фрагмент жернова. Из верхнего же слоя отметим два обломка статуэток животных, часть женской статуэтки с ожерельем на шее и зеркалом в правой руке на груди, несколько медных монетных кружков, глиняное пряслице и биконическое ядро, просверлённое в центре.

Помещение XXXII, примыкающие к описанному с севера, вскрыто частично, северная сторона его не изучена. В раскопанной части найдены фрагменты сосудов и две монеты — круглая и подквадратная.

Помещение XXXIII было вскрыто при раскопках площади к югу от XXIX комнаты. Это небольшая комнатка Г-образной формы, первоначально имевшая вместе с XXIX выход на север. На нижнем ее полу в XI ярусе найдено 6 медных монет и керамическое пряслице, на верхнем — фрагменты керамики, в числе которых — витые поперечные ручки сосудов, несколько каменных бус и круглый монетный кружок. Монета подквадратной формы была найдена на поверхности.

При продолжении раскопок на площади, прилегающей к северной оборонительной стене, удалось выявить контуры еще трех помещений.

Помещение XXXIV вытянуто с севера на юг (1,45×2,55 м). На верхнем полу его в рыхлом слое встречены фрагмент жернова и медная монета маргианской эмиссии II в. н. э.

Частично вскрыто и помещение XXXV к западу от XXXIV. Пока выявлены три его стены, кроме западной, однако большие размеры комнаты очевидны. Вдоль южной стены расчищено два хума — восточный банкообразный с широким устьем; западный меньших размеров, с яйцевидным туловом и суженной горловиной. Восточнее их были найдены маленький сосудик, пряслице из обожжённой глины и две медные монеты, одна из которых принадлежит чекану Арташира I.

Самое северное из вскрытых XXXVI помещение также раскопано

неполностью. Находки незначительны и представлены в основном керамикой, которой сопутствовала медная монетка II в. н. э.

Следующее помещение XXXVII было выявлено при дочистке коридора *Г* в юго-восточном секторе раскопа. Комнатка неправильной формы, детальному исследованию не подвергалась. Из находок встречены лишь фрагменты сосудов.

В дальнейшем все внимание было сосредоточено на расширении раскопа к юго-западу и западу по направлению к магистральной дороге, идущей от северных ворот к центру города.

В юго-западном секторе рядом с помещением XXVIII изучены две комнаты XXXVIII и XXXIX, разделённые тонкой стенкой. Первоначально они составляли единое помещение трапециевидной формы, сужженное к востоку. Северная и южная стены имели в длину по 5,20 м каждая, западная — 3,50 и восточная — 3,30 м.

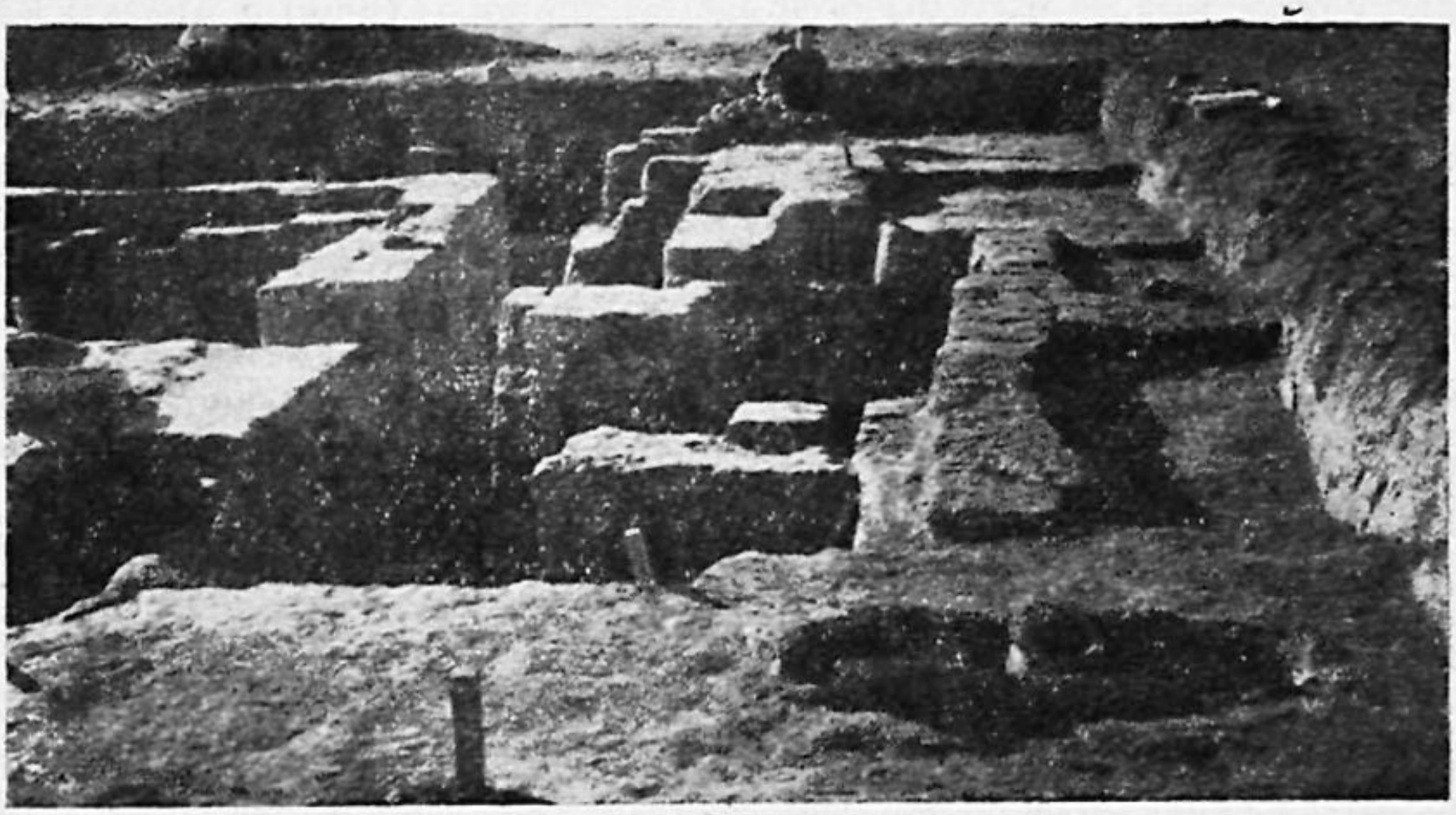

Рис. 10. Вид юго-западной части раскопа.

При дальнейших перестройках тонкая стенка разделила восточную небольшую комнатку (3,30×1,70 м) и западную (3,15×3,40 м). В обеих комнатах найдены фрагменты жерновов — один в восточной и два в западной и, кроме того, в восточной комнате найдено несколько медных монет и обломок статуэтки лошади.

Следующее помещение XL вскрыто в северо-западном секторе раскопа. При застройке этого сектора видна некоторая обособленность, самостоятельность планировки. Комната прямоугольная 4,80×2,70 м. Три стены, кроме южной, имеют толщину 1,10—1,20 м, южная — 0,65 м.

Вдоль северной стены над полом выступал еще один ряд кирпича.

Около западной стены сохранился банкообразный хум с широким устьем, в центре комнаты и у южной стены — четыре медные монеты, в восточной части комнаты — скопление бусинок. В верхнем слое на восточной стене найдена еще одна медная монета.

Помещение XLI, примыкавшее с севера к XL, вскрыто непол-

ностью. Это длинная комната с двумя проёмами — на север и на восток, в коридор *А*, и с нишей в юго-западном углу. В нише расчищен банкообразный хум; второй такой же сосуд стоял севернее его. На этом же уровне найдено два медных монетных кружка. В верхнем слое пушонки встречен фрагмент женской статуэтки с зеркалом на груди, одна подквадратная и две круглые монеты раннесасанидского типа.

Помещение XLII представляет собой квадратную комнатку 2,20×2,20 м, отгороженную от остального комплекса с востока коридора *А*, с севера и запада коридором *В*. В заполнении нижнего пола расчищен хум с широким устьем и зернов ручной мельницы, а в верхнем—подпятник двери, две подквадратные и три круглые монетки, одна из которых относится ко II в. н. э., и круглая каменная бусинка.

Помещения XLIII и XLIV, изученные неполностью, расположены на юго-западной окраине раскопа, где идет понижение культурных наслоений. Первое из них—подквадратной формы 3,50×3,70 м. Из находок на полу интересна терракотовая мужская головка в островерхой шапке. Вторая комната — удлиненной формы, размером 2,50×3,80 м; в юго-восточном углу расчищен банкообразный хум, недалеко от него найден обломок женской терракотовой статуэтки.

Примыкающие с запада к коридору *Б* помещение XLV имело удлиненную форму (2,30×5,50 м). Толщина стен 80—90 см, часть восточной стены у проёма из коридора *А* в коридор *Б* наращена до 1,20 м.

На нижнем полу в южной части здесь найдены два фрагмента жерновов; нижний диск установки ручной мельницы, укрепленный на трапециевидных кирпичах, сохранился у восточной стены, рядом лежал еще один обломок жернова. Пятый диск найден в северо-восточном углу комнаты рядом с небольшим хумом. Из других находок в комнате следует отметить терракотовую статуэтку лошади со следами седла, часть женской фигурки, подквадратную медную монетку и каменную бусину. Выше, в кроющем слое найдены также три статуэтки лошадей (фигурки всадников, восседавших на них, обломаны); три подквадратные и одна круглая медные монеты.

Большой интерес представляют помещения XLVI и XLVII. Помещение XLVI, примыкающее с запада к X, имеет подквадратную форму (3,60×3,80 м), с уступом в восточной стене. В нише и около северной стены сохранились четыре огромных банкообразных хума с широким устьем и фрагменты тонкостенных мелких кувшинчиков. Около хумов у северной стены найдены каменная бусинка и медная монетка. Из находок верхнего слоя интересна медная монета Шапура II (309—380 гг. н. э.).

Квадратное помещение XLVII отличается большими размерами (4,80×5 м). Дверной проём выводил на север. Вдоль южной и западной стен на полу стояло восемь огромных банкообразных широкогорлых хумов, еще три таких же хума стояло вдоль северной стены. Кроме них найдены два диска ручных мельниц, медная монетка и обломки тонкостенных сосудов.

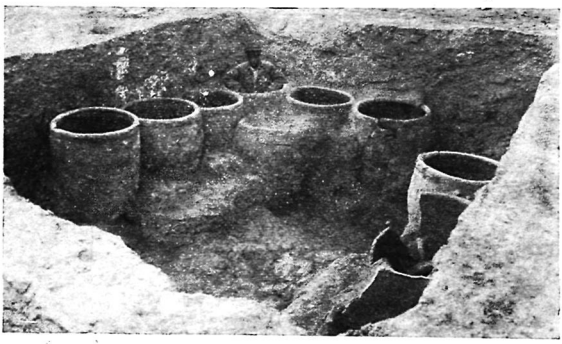
Последним было изучено помещение XLVIII в юго-восточном углу коридора *Б*.

В нижнем слое встречены фрагменты бытовой керамики. Выше, в северо-западном углу комнаты, вскрыта печь цилиндрической формы (типа тандыра), обложенная четырьмя камнями, около нее — фраг-

менты сосудов. Интересны, кроме того, женская статуэтка глубокого рельефа, обломки двух статуэток животных, 9 медных монет; одна из монет крупного диаметра определена как парфянская II в. н. э.

Вскрытие описанной большой группы помещений дало исключительно богатый материал для характеристики быта и производственной деятельности целого квартала одного из крупных торгово-ремесленных центров Средней Азии, каковым являлся Мерв в античную пору. Поэтому, прежде чем остановиться на анализе комплекса в целом, необходимо дать суммарную характеристику материала описанных помещений.

По обилию, разнообразию форм и сферы применения выделяется керамический комплекс. Почти вся (за исключением крупных сосудов и кухонных горшков, лепившихся комбинированным способом) посуда формировалась на гончарном круге. Глина тонко отмучена и промешана. Слегка пористый черепок в изломе светло-жёлтого и светло-серого цвета[25]; сосуды красной и розовой глины встречаются очень редко, в основном это характерно для хумов.

Вид 11. Вид комнаты № 41.

Хумы, целые и в обломках, были найдены в большом количестве. Вылеплены они от руки, снаружи иногда покрыты светлым ангобом, еще реже — украшены волнистым орнаментом. Выделяется несколько форм, говорящих о специализации назначения и этих сосудов. Большая часть их имеет широкое с диаметром 70—80 см устье, обрамленное утолщенным наружу венчиком. Тулово банкообразное, слегка сужающееся к выпуклому дну, диаметр которого до перегиба 60—65 см, высота сосудов достигает 125 см (рис. 11, *6*, *7*); таким образом, ёмкость сосудов достигала более 400 литров. Встречаются экземпляры и несколько меньших размеров (рис. 11, *9*) высотой до 80 см при диаметре венчика 50 см, донца — 35 см. Огромные у большинства сосудов раз-

меры, расширенное устье и сопровождение их установками жерновов говорят о специальном назначении сосудов этого типа в качестве хранилищ сыпучих тел—зерна и муки. В комнатах они обычно стояли на полу, подпертые тремя трапециевидной формы жжёными кирпичами или обложенные обломками хумов; реже вкапывались в пол. Раскопки ЮТАКЭ в Гяур-кале показали, что подобные хумы очень характерны для Мерва II—III вв. н. э. Отметим, что хумы аналогичной формы были найдены в Гяур-кале в сопровождении раннесасанидских монет еще при раскопках экспедиции Пампелли[26].

Более мелкие хумы второго типа (рис. 12, *1, 2, 3, 4, 10, 11*) имели суженное устье со слегка выделенной горловиной, бочкообразное тулово и плоское дно. Иногда к плечику прилеплялись две небольшие вертикальные ручки. Высота их 60—80 см, диаметры венчиков и донъев почти одинаковы — 30—35 см, при максимальной ширине тулова до 70 см. Значительно более узкогорлые, чем хумы первой группы, эти сосуды были более удобны для хранения жидкостей — воды, вина и т. д. В комнате они обычно вкапывались в пол.

Промежуточным вариантом являются хумы бочкообразной формы, *но с широким устьем* (рис. 12, *5*). *Большие тазообразные сосуды типа* тагара (рис. 13, *1, 6*) имели косо срезанные с желобками по верху венчики, конически сужающееся вниз тулово и плоское дно. Диаметр устья до 60 см, дна—до 35 см, высота до 15 см.

Котлы открытой формы имели отогнутый венчик и округлое тулово (рис. 13, *5*). Лепились они обычно от руки, место присоединения венчика к тулову украшалось иногда насечками или волнистым орнаментом.

Встречаются *тарелкообразные*, но более крупные и глубокие сосуды (рис. 13, *7, 8*). Для них характерен фигурный, отогнутый наружу венчик.

Некоторые миски (рис. 13, *2*) имели полусферическое тулово на плоском поддоне.

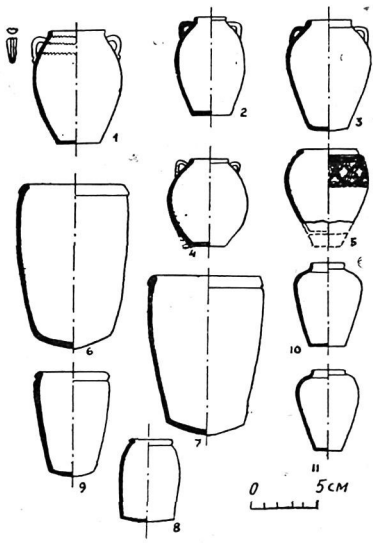

Рис. 12. Хумы раскопа 6.

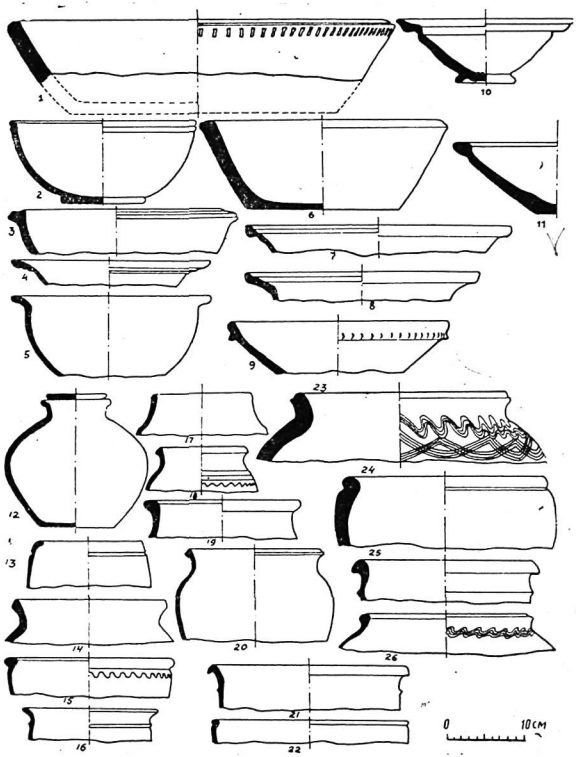

Рис. 13. Керамика II—III вв. н. э.

К кухонно-бытовым сосудам средней ёмкости относятся толстостенные и среднестенные *корчаги,* сформованные на гончарном круге. Венчики—различных профилей, тулово слегка расширенное, плечико иногда украшалось волнистым орнаментом (рис. *13, 23-26*). Диаметр устья 25—30 см.

Следующую большую группу составляют горшки. Сделаны они на гончарном круге, обжиг хороший, снаружи иногда покрыты светлым ангобом, изредка по плечику процарапана волна в 1—4 полосы. Выделяется масса их вариаций форм и размеров. Венчики банкообразных горшков (рис. 13, *15, 19, 22*), слегка утолщенные, были прямо поставлены или слегка загнуты внутрь.

Горшки иной формы были с отогнутыми венчиками, небольшой горловиной и слегка расширяющимся туловом при плоском донце (рис. 14, *14, 18, 20*). Некоторые горшки этой формы имели небольшие размеры (рис. 14, *12,* рис. 14, *2*). Первый из них был найден в комнате № 23 вместе с крышкой. Донца некоторых горшков имеют плоско выступающий поддон (рис. 14, *1*).

Миниатюрные горшочки (рис. 15) с отогнутым венчиком варьируют от приземистого, с высотой иногда даже меньшей, чем ширина тулова (рис. 14, *19—20*) до стройного, тянутого с высотой вдвое больше ширины тулова (рис. 16, *40*), с многочисленными промежуточными вариантами (рис. 16, *5—7, 10, 15—17, 19—20, 16*). Многие миниатюрные горшочки со сферическим туловом лепились на донце с кольцевой ножкой (рис. 14, *9*). Близка к ним группа мелких одноручных кувшинов, пропорции которых также варьируют от приземистых до очень стройных. Венчики их отогнуты наружу, горловина узкая, донца встречены трех типов — плоские, с плоским выступающим поддоном и с кольце-

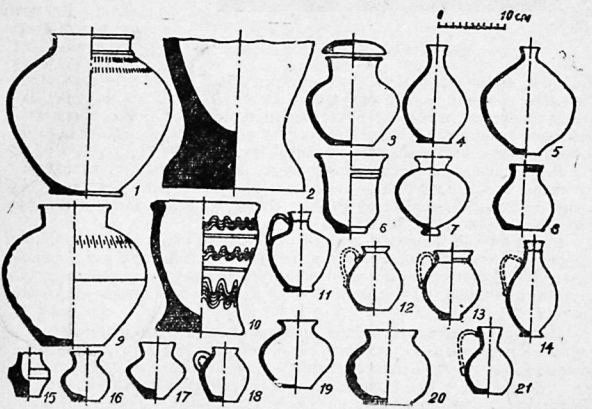

Рис. 14. Керамика II—III вв. н. э.

вой и конусовидной ножкой (рис. 14, *11—14, 18, 21;* рис. 16, *36—39, 41—56*).

Как уже отмечено выше, нам кажется, что эти сосудики, встречающиеся обычно при установках жерновов или около хумов, служили кружками — узкогорлые, тянутые — для сохранения холодной воды на небольшой срок (*для питья во время* работы); приземистые—для насыпания зерна из хума во вращающийся жернов и пересыпания из-под него муки в хумы.

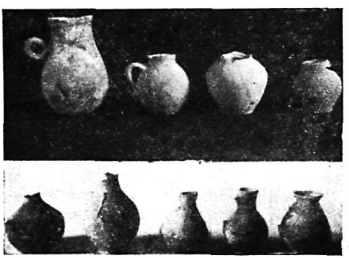

Рис. 15. Керамика II—III вв.

Более крупные одноручные кувшины можно разделить на широкогорлые и узкогорлые с промежуточными вариантами. Диаметр венчиков кувшинов первой группы (рис. 16, *5—13, 15—19*) 9—15 см, второй группы — 3,5—5 см (рис. 16, *23—31*). Венчики обычно сложного профиля, горловина прямо поставлена, тулово сосудов чаще слегка округлое, реже—сферическое (рис. 16, *4*), причем продольное рифление тулова характерно для сосудов верхнего слоя квартала, относимого нами к раннесасанидскому периоду.

В парфяно-сасанидском слое впервые встретились отсутствовавшие в нижних слоях *амфоры* — кувшины с двумя ручками, утолщенным венчиком, прямой горловиной и яйцевидным туловом. Донце обычно на плоском поддоне (рис. 16, *34—35*).

Ручки кувшинов овальные в сечении с одним или двумя желобками, некоторые имеют сверху налеп в виде пуговицы или отростка (рис. 17, *27, 32, 33*). В сасанидскую пору появляются поперечные кручёные ручки, круглые в сечении, со следами пальцев в месте скрепления с туловом (рис 17, *35—36*).

Из мелких бытовых сосудов широко распространены открытые и глубокие *тарелки* с отогнутым венчиком (рис. 17, *2—3*), часто украшенные поверху волнистым налепным орнаментом; полусферические *миски* (рис. 17, *4, 20*), светлоглиняные сосуды типа *пиал* (рис. 15, *5*). Профилированные кольцевые ножки, полые внутри, принадлежали сосудам вазообразного или кубкообразного типа (рис. 17, *14, 25*).

Своеобразную группу составляют керамические *ступки* с массивным, плоско выступающим *дном и конически расширяющимся к* венчику туловом, обычно украшенным процарапанным волнистым орнаментом (рис. 14, *2, 10*).

Для сосудов всех типов изготовлялись *крышки*, чаще всего в виде лепешек (рис. 13, *12*), с ручкой-налепом сверху (рис. 17, *6, 34*).

Встречаются индивидуальные крышки в виде перевёрнутой тарелочки, иногда с подгонкой закраины под желобок венчика (рис. 14, *5*; рис. 17, *31*). Поверхность крышки иногда покрывалась волнистым орнаментом. Интересна сделанная из глины пробка для узкогорлого сосуда.

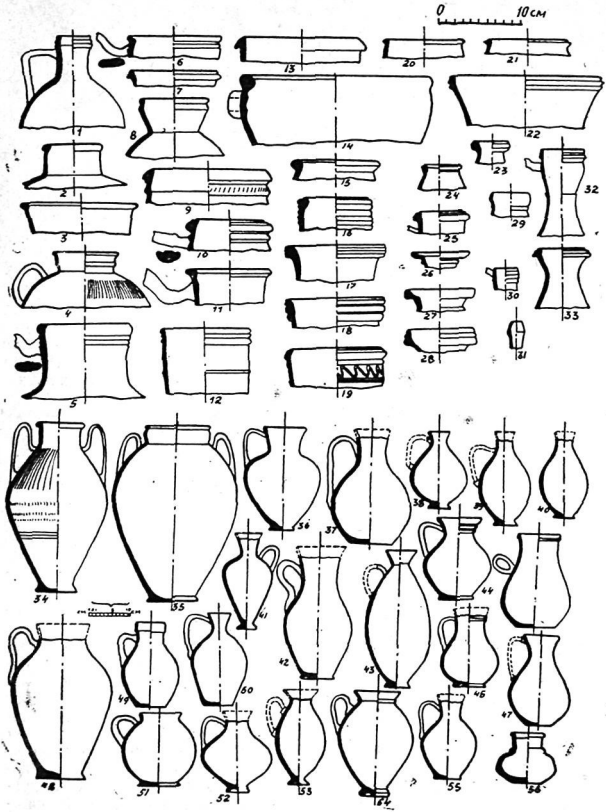

Рис. 16. Керамика II—III вв. н. э.

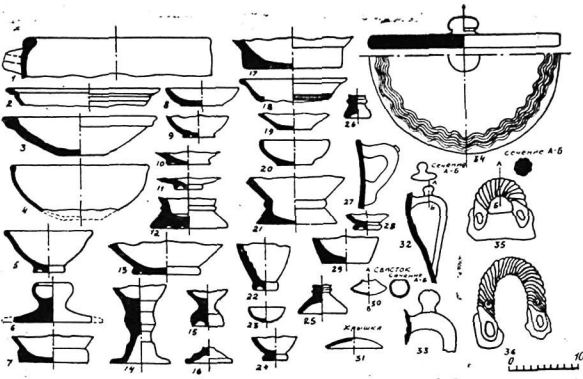

Рис. 17. Керамика II—III вв. н. э.

Весь многочисленный керамический материал, несмотря на некоторые локальные черты, находит аналогии в керамике ряда областей Средней Азии, особенно ее южных районов первых веков н. э.[27]

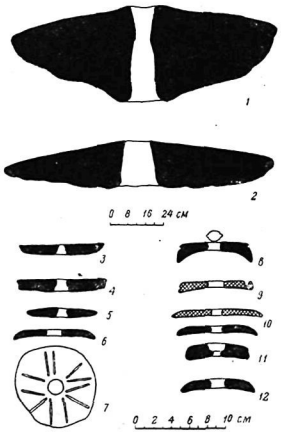

Рис. 18. Жернова.

Обильный нумизматический материал нижнего пола состоит из позднепарфянских монет, местной эмиссии Маргианы II вв. и монет первых сасанидов (III в.); лишь в верхнем слое встречаются отдельные экземпляры сасанидских монет IV в. н. э. Все это позволяет отнести основную группу керамики к парфяно-сасанидской поре, ко II—III вв. н. э.

Вторую после керамики основную группу находок составляют каменные поделки, среди которых преобладают *жернова* ручных мельниц (рис. 18).

Верхняя часть жернова представляет собой диск диаметром в 30—40 см с округлой верхней и плоской нижней рабочей поверхностями.

В центре диска—отверстие диаметром 4—6 см, иногда с боковыми выемами и валиком по краю отверстия для удобства засыпки зерна. Сбоку по верхней части—небольшие углубления для укрепления деревянного рычага, с помощью которого зернов приводится в движение. Нижняя, также дисковидная часть мельниц, неподвижно закреплялась в установке из клиновидных жжёных кирпичей, частично при помощи глины. Нижний диск обычно несколько меньше верхнего, диаметр его 28—32 см. Отверстие диаметром 3—4 см.

Находки зернотёрок в этом слое очень редки: три зернотёрки и два куранта.

Ручные мельницы начинают широко входить в употребление в условиях городской жизни в античную пору. Г. Кларк отмечает появление их со II в. до н. э. и широкое распространение в дальнейшем в странах греко-римского мира на грани н. э.[28].

Ручные мельничные установки были встречены в Средней Азии в слоях первых веков н. э., но в основном это единичные находки. Такое обильное количество их на одном раскопе в сочетании с многочисленными хумами встречается впервые.

Петрографический анализ жерновов, сделанный научным сотрудником Института геологии АН ТССР Ю. Б. Айзенбергом[29], показал, что они включают ряд горных пород — изверженные, осадочные и метаморфические. Из изверженных пород на жернова применялись: гранит, кварцевый порфир и эффузивные породы типа андезитов. Осадочные породы представлены в основном кварцевыми материалами—кварцевые песчаники, сцементированные кремневыми или известковыми веществами, кварцевые конгломераты с таким же цементом, кварцевые песчаники с включением полевых шпатов, конгломераты из галек, зерен кварца и других пород, брекчии, состоящие из обломочных частиц кварца. Метаморфические породы представлены экземплярами из гранита—гнейса, кварцевых и сливных песчаников. Изредка встречается искусственный каменный материал — керамический клинкер.

При употреблении ряда каменных пород большинство жерновов было вытесано из кварцевой группы, отличающейся большой прочностью и противостойкой к стиранию.

Поскольку дельта Мургаба лишена залежей естественных каменных материалов, Ю. Б. Айзенберг предполагает, что местом добычи этих пород могли служить верховья р. Кушки, где находятся петрографические аналогии нашему материалу.

Большим количеством представлены терракотовые находки. К ним относятся в первую очередь многочисленные антропоморфные и зооморфные статуэтки. В культурных наслоениях квартала и на поверхности найдено около сотни экземпляров статуэток, в которых можно выделить несколько групп. Среди антропоморфных большая часть представлена изображениями женщин в различных формах исполнения — от высокорельефных скульптур до плоскоплиточных изображений. Все они оттиснуты в матрицах (рис. 19—20).

Из статуэток высокого рельефа отметим головки с подтреугольно сужающимся к подбородку лицом, высоким раздвоенным головным убором. На лбу украшение с крупной бляшкой в центре (статуэтки из комнаты № 11). Безголовая фигурка стройных пропорций, задрапированная

Рис. 19. Терракотовые статуэтки.

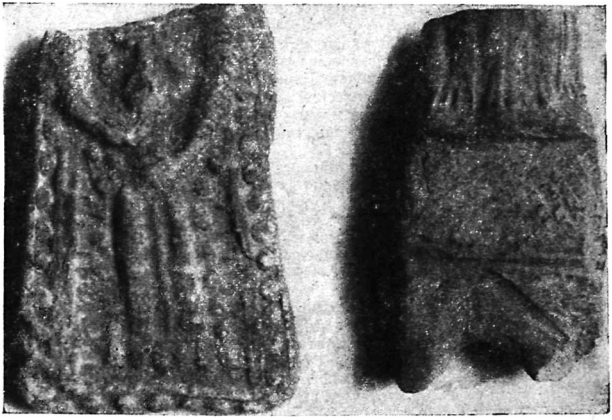

Рис. 20. Терракотовые статуэтки.

в ниспадающее мягкими складками платье, с закрытым, собранным в складки, рукавом была найдена к востоку от помещения XXIX. Левая рука ее придерживала полу платья, правая, с зеркалом, была прижата к груди. Интересен экземпляр женской статуэтки с двумя зеркалами, прижатыми к груди и к низу живота, из помещения XV.

Рис. 21. Форма (слева) и оттиск (справа) терракотовой статуэтки.

Плоскоплиточные статуэтки также изображают женщину в роскошных одеяниях, полностью расшитых бляшками, с ожерельем на шее. Правая рука полусогнута и лежит с зеркалом (фигурка из комнаты № 1), реже без зеркала (фигурка из прохода той же комнаты) на груди. Левая рука полуопущена к нижней части живота. Аналогии

обеим группам мы находим на ряде объектов Гяур-калы и памятников Мервской области. В специальной работе, посвященной женскому культу в Маргиане[30], Г. А. Пугаченкова отметила сосуществование этих типов во II—III вв. н. э. и на основе анализа статуэток пришла к выводу о принадлежности их двум женским божествам — богине-деве Анахите — богине плодородия, культ которой широко распространен в Средней Азии, и богине-матери Аши-Рти—богине правопорядка, благоденствия, счастья, дающей изобилие и богатство, красоту и силу[31]. В силу этого последняя была широко почитаема как покровительница домашнего очага и продолжательница рода в среде женщин античного Мерва.

Очень малым количеством представлены мужские статуэтки. Они изображают мужчину хорасанского типа с удлиненным лицом, усами и бородой, в островерхой шапке (статуэтка из помещения XXXVI); правая рука прижата к груди, левая—опущена.

В одной из комнат квартала найдена матрица-калып (рис. 21) для изготовления фигурок подобного типа, отличающаяся от описанной статуэтки лишь деталями. В частности, обе руки статуэток из этой матрицы сложены вместе на животе и, видимо, опираются на луку седла. Эти статуэтки могли относиться к изображениям и мужского божества и отправителя религиозных культов.

Распространены были и статуэтки всадников. Конь лепился отдельно, причем изображался широко известный тип породистой скаковой лошади с высоким крупом и тонкими ногами. Одна статуэтка из этой группы раскрашена—туловище лошади покрыто красной, седло—белой минеральными красками. Всадник, в противоположность лепке лошади, изображался грубо, схематично, детали лица — нос и выступающая борода — разделаны защипами, глаза даны в виде налепов, руки и ноги — в виде изогнутых валиков глины[32].

Из зооморфных статуэток большинство относится к изображениям лошади, славившейся и широко почитаемой в Парфии. Они посвящались одному из главных божеств зороастрийского пантеона—богу солнца Митре. Парфия была олицетворена в виде всадника на белом коне в символическом пророчестве Апокалипсиса[33]. Вместе с лошадью встречены по одному экземпляру статуэтки других домашних животных—барана, быка, козла.

К поделкам из обожжённой глины относятся также многочисленные прясла обычно конической, реже — биконической формы. Диаметр основания 3—3,5 см, с отверстием в центре — 0,5—0,6 см. Некоторые пряслица вытачивались из стенок битых сосудов, диаметры их до 4 см. (рис. 22).

Интересна находка глиняного свистка биконической формы (рис. 16, *30*).

Среди находок верхнего слоя имеется около сотни круглых шаров—ядер диаметром 10—16 см, из обожжённой глины. Наряду с единичными находками встречаются целые скопления их до 15—17 штук (рис. 23). Они представляли собой оборонительное оружие для метательной артиллерии города[34]. Находку их в раскопе можно объяснить лишь близостью к оборонительному комплексу крепостной стены и го-

родских ворот, под которыми располагался квартал. Крупные керамические ядра встречаются в Мерве в бо́льшем количестве — находки

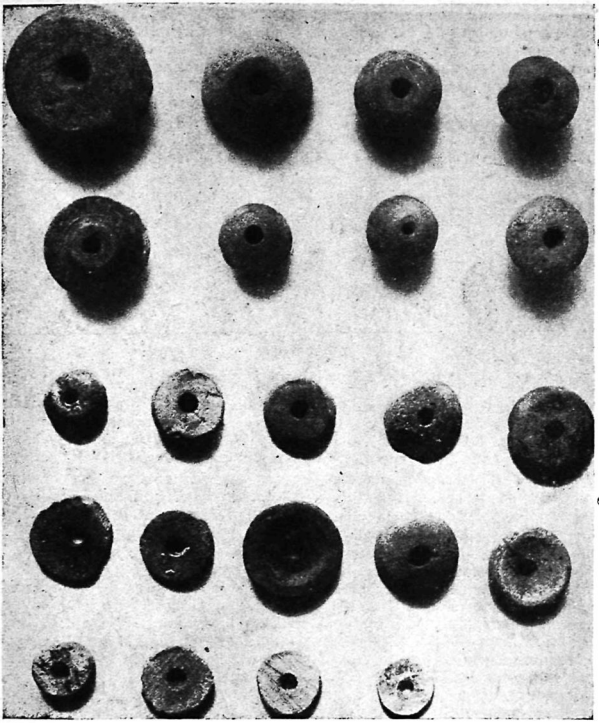

Рис. 22. Терракотовые прясла.

таких ядер в Эрк-кале, в Гяур-кале и вдоль пригородной стены Гилякин-Чильбурч[35] свидетельствуют о широком распространении этого вида оружия.

Исключительно ценные данные не только для датировки, но и для характеристики товарности производства может дать многочисленный нумизматический материал. В раскопе найдено около четырехсот монет; почти все монеты медные, в большинстве круглые, диаметром 12—16 мм, но в верхнем слое квартала на поверхности встречаются и подквадратные, и ромбовидные. Из-за плохой сохранности из них определено было 65 монетных кружков. В числе их небольшая группа толстых медных кружков принадлежала парфянскому чекану I—II вв. н. э.; значительно большим количеством представлена группа монет местной эмиссии Маргианы II в. н. э., 8 монет принадлежит маргианскому чекану, но уже сасанидской поры — III в. н. э. К поре ранних сасанидов относятся монеты государственного чекана — найдено 10 экземпляров чекана Арташира I (224—242 гг. н. э.), 20—чекана Шапура I (242—272 г.

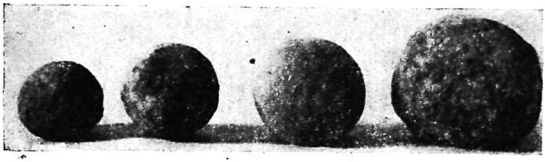

Рис. 23. Круглые керамические ядра.

н. э.). Монеты поры кризиса, кроме многочисленных подквадратных и ромбовидных кусочков, представлены двумя экземплярами чекана Шапура II (309—380 гг.), кладиком из 17 монет Шапура III (383—388 гг.), кроме того, встречено две хорезмийских монеты III—IV вв. н. э.

Нумизматический материал дает основание утверждать, что описанный комплекс верхнего стратиграфического слоя существовал со II в. н. э. Расцвет жизни падает на конец II, особенно на III в. н. э., и последний этап жизни связывается с IV в. н. э.

В группе парфянских монет преобладает медная монета местного чекана, выпущенная для внутреннего, узколокального в пределах области употребления[36]. Это явление относится ко II в. н. э., когда начался распад Парфянского государства, и в Мерве, как, впрочем, и в ряде других его провинций, правили самостоятельные правители[37]. Интересен тот факт, что монеты местной эмиссии Маргианы III в. н. э. сосуществуют с сасанидскими монетами Арташира I, Шапура I[38]. На обороте этих монет дается изображение всадника-правителя области. Вероятно, и в составе сасанидского государства область занимала особое положение.

Завершающий этап, падающий на IV в. н. э., сопровождается, наряду с монетами Шапура I и Шапура II, тоненькой медной монетой, характерной для поры кризиса.

Для полной характеристики комплекса опишем еще некоторые не отмеченные материалы.

Среди костяных изделий (рис. 24) обращаем внимание на стили—костяные палочки для писания на вощёных дощечках. Сделанные из жёлтой и коричневой кости, они имеют острый рабочий край, круглый

стержень и фигурное навершие, обычно в виде прямоугольника с косыми полосками или более сложным орнаментом. Выше нами был упомянут стиль из шурфа с навершием в виде женщины на троне. При раскопках Эрк-калы в 1890 г. В. А. Жуковский отмечал костяную шпильку (вероятно, это был стиль) с навершием в виде сжатой в кулак руки[39]. Стиль с навершием в виде женской фигурки известен и по находкам на Новой Нисе[40].

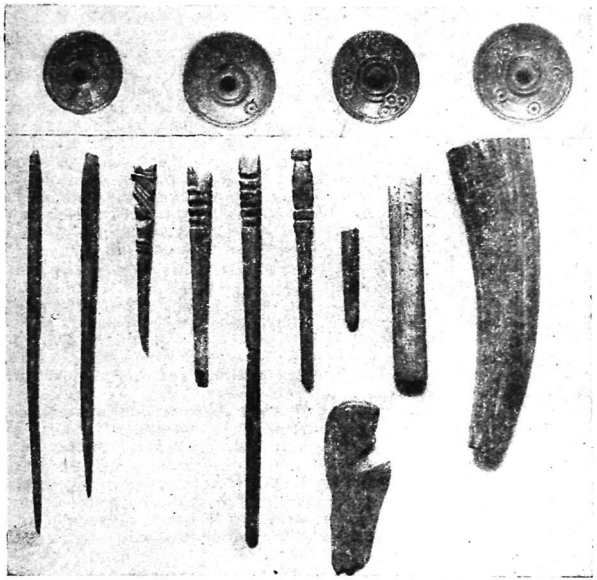

Рис. 24. Поделки из кости и рога.

Находка стилей в производственных помещениях говорит об употреблении, хотя, возможно, и в ограниченных размерах, письменности, о счете и письме в ремесленно-торговой среде, хотя в целом письменность, конечно, являлась уделом знати и жречества.

Кроме стилей из кости, выделывались рукоятки ножей, конические пуговицы с резным орнаментом в виде полос, кружков и сочетания групп кружков с точками в центре. Отметим также костяной вязальный крючок длиной 13,5 см.

Из каменных поделок отмечены находки точил — продолговатых галек и брусков длиной до 9 см, иногда со сквозным отверстием для шнурка. На пороге комнаты № 1 был найден каменный подпятник двери — крупная округлая галька с углублением. Интересен миниатюрный упомянутый мраморный кубик с нанесением кружками очков от одного до шести.

Среди украшений преобладают бусы. Только в верхних слоях раскопа встречено около 40 бусин круглой, боченкообразной, цилиндрической и многогранной формы. Самыми распространенными были красные сердоликовые бусы, хотя есть и гагатовые (гешеровые) и даже стеклянные. Одна сердоликовая граненая бусина имела инкрустацию— пастовый ободок. Судя по обильным находкам бус и по изображениям ожерелий на всех женских терракотовых статуэтках, бусы были обязательным компонентом женской одежды.

В меньшем количестве найдены простые металлические, обычно бронзовые серьги и подвески в виде колечек, фрагмент браслета с закрепкой в виде головы змеи, колечки из медной проволоки. Наиболее ценным был серебряный перстень с ободком — обкладкой бирюзового камня, однако и этот перстень довольно грубой работы. В целом же украшения представлены самоцветами и дешевыми поделками из неценных металлов, говорящими о скромных достатках обитателей квартала.

Отдельную группу составляют ложные перстни-печати, из которых наиболее интересно кольцо белого халцедона с изображением рыбы.

К парфюмерно-косметическим предметам женского обихода принадлежал единственный, кроме бус, стеклянный предмет—стройный сосудик с гофрированной поверхностью; внутри его сохранились остатки какой-то маслянистой массы (рис. 25).

В целом описанные находки дают богатые данные о быте, идеологии и производственной деятельности обитателей квартала. Остановимся лишь на основных моментах.

При анализе материала бросается в глаза сочетание во всех комплексах огромных банкообразных хумов с широким устьем, удобных для хранения сыпучих тел, с жерновами и даже установками ручных мельниц.

Во всех помещениях найдено 49 жерновов, из них 6 частей установок. Сохранившиеся трапециевидные кирпичи в ряде помещений, служившие некогда креплением мельничных установок, свидетельствуют об их первоначально большом количестве, которые впоследствии могли быть расхищены окрестными жителями.

Таким образом весь вскрытый комплекс связан с использованием ручных мельниц, то есть перед нами ремесленный квартал специализированного профиля — квартал мукомолов.

Полное изучение ремесленных кварталов различного профиля является очень важным, так как оно дает ценный археологический материал для исторической топографии, социальной и экономической жизни города, культуры, быта и религиозных воззрений непосредственных производителей материальных благ. Однако не все отрасли ремесла нам известны в достаточной степени, не всегда четко удается изучить масштабы и специализацию ремесленников древности.

Если керамические мастерские античной поры изучены более или менее хорошо, если изучению подвергнуты некоторые ремесленные мастерские металлургов, то масштабы и специализацию мукомольного производства рабовладельческой эпохи можно отнести к числу наименее изученных. В материалах античных городов и поселений Средней Азии мы находим лишь упоминания о находках отдельных жерновов, изредка целых установок. Так, жернова диаметром до полуметра встречены в долине Кафирнигана, в слоях I—II вв. н. э.[41]; находки жерновов известны по материалам Хорезма, причем, по мнению С. П. Толстова, они сменяют зернотёрки во II—III вв. н. э.[42]. В Бухарском оазисе при обследовании Баш-Тепинской группы памятников I—III вв. н. э. В. Д. Жуковым встречены круглые жернова совместно с зернотёрками[43].

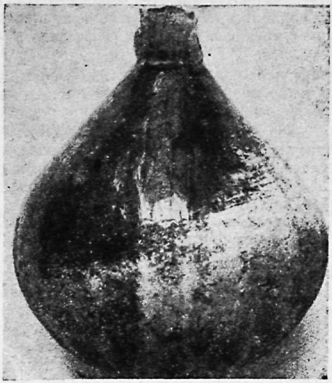

Рис. 25. Стеклянный сосудик.

Большой интерес представляют раскопки в Причерноморье, где исследована целая мукомольная мастерская III—IV вв. н. э.[44].

Однако все это—единичные установки и хозяйства. В античном же Мерве впервые в археологической практике был изучен целый ремесленный квартал, основным занятием насельников которого являлось мукомольное дело.

Занимая выгодную территорию рядом с северными воротами, через которые входили в город торговые караваны из Хорезма и Согда, квартал этот тянулся на 250—300 м вдоль дороги от ворот к центру города.

Возведение построек описываемого квартала относится, судя по материалу, к середине II в. н. э. Вырос он на культурных слоях парфянского же времени, причем, несмотря на фрагментарность выявленного в пределах шурфа подстилающего материала, можно утверждать, что и в предшествующий период здесь располагались ремесленные мастерские, связанные, в частности, с металлургией.

Первоначальная застройка квартала имеет правильную планировку. Параллельно центральной магистрали внутри квартала с севера на юг идут небольшие, узенькие улочки, к числу которых следует отнести

проход к востоку от первого хозяйства и проход № 2 (коридор *А* и *Б*). Наибольшая длина прослеженных улочек — до 30 м, ширина их очень невелика — от 1,40 до 2,20 м, что, впрочем, характерно для многих античных городов Востока[45]. Небольшая ширина их приводила к быстрому росту культурных слоев, причем лёссовые накопления от дождя и ветра дополнялись завалами стен и зольно-мусорными наслоениями, сохранившимися в виде серо-зелёных линз и отнюдь не говорящими за чистоту улицы.

Улицы пересекались поперечными проулками, от них отходили и более мелкие проходы, связанные лишь с одним хозяйством или небольшой группой хозяйств. Внутренняя застройка в первый период также носила более или менее правильный характер.

Характеризуя архитектурные сооружения квартала, прежде всего бросается в глаза, что при застройке его, подчиненной какому-то плану, определяющим звеном в котором являлись уже существующие улицы и проулки, имела место обособленность, самостоятельность возведения определенных групп комнат, сообщающихся только между собой или со связывающим их коридором и отделённых от остальных построек более мощными стенами. Факт этот, читаемый не везде одинаково ввиду разной сохранности комплексов квартала, дает основания утверждать, что вскрытый комплекс представляет ряд индивидуальных хозяйств с самостоятельной внутренней планировкой. Каждое хозяйство представляло обычно замкнутую группу помещений, отделенную от улицы мощной стеной.

Размеры хозяйств различны; внутри их можно выделить специальные производственные помещения, жилые комнаты смешанного назначения, в некоторых есть световые и хозяйственные дворики. Вдоль внешней стены располагались прямоугольные или подквадратные комнаты больших размеров; в соответствии с ними строилась планировка и остальных помещений, причем дворик не всегда был в центре застройки, — вероятно, он был больше связан с жилыми комнатами.

Для определения размеров хозяйств и масштабов производимой продукции обратимся к вскрытым помещениям, причем, ввиду однотипности хозяйств, считаем возможным более подробно остановиться лишь на первом из них.

Первое хозяйство, расположенное в восточной части раскопа, включает шесть комнат (1—6) и дворик № 1 (помещения I—IV, VI, VIII —X). Для характеристики производственного назначения наиболее показательны комнаты № 1, 2, 4. В комнате № 1 следует отметить хум и две хумчи, два жернова, нижнюю часть установки ручной мельницы, зернотёрку, два кувшинчика. Сочетание этих находок позволяет считать ее специальной комнатой для хранения и помола зерна.

В комнате № 2 сделаны специальные суфы, вымощенные плотно пригнанными обломками хумов. В каждую суфу вкопано по хуму, на полу лежало несколько фрагментов жерновов и часть установки ручной мельницы. Несомненно, перед нами так же, как и в первом случае, специальное помещение для помола зерна, где работа шла несколькими установками сразу. Возможно, с каждым вкопанным в суфу хумом связана была самостоятельная установка. Среди керамики обращает внимание обилие фрагментов и нескольких целых небольших кувшинчиков, кото-

рые, по-нашему мнению, также использовались при работе над помолом зерна.

Поражает обилие медной монеты (более тридцати экземпляров), говорящее о товарности производства ремесленника-мукомола.

Специально производственное назначение имела в первом хозяйстве и комната № 4, большая часть пола которой была также вымощена обломками толстостенных сосудов. В северо-западном углу ее сохранились вкопанные в пол нижние части двух огромных хумов-ям и около них фрагменты двух дисковидных жерновов и кувшинчики с одной ручкой.

В комнате № 5 также отмечаем вкопанный в землю хум в уступе-нише, в центре — диск жернова и фрагменты маленького сосудика. Всё это сопровождалось медными монетами. Таким образом, и в этой комнате производился помол зерна.

К разряду хозяйственных помещений следует отнести и комнату № 6, у южной стены которой стояли жернов и хум (в последнем обнаружены медные монеты); их сопровождали, как и в остальных комнатах, маленькие кувшинчики.

Материал комнаты № 3—монеты, вязальный крючок и статуэтки— говорит о ее жилом и подсобно-производственном назначении.

Хозяйственное назначение имел, вероятно, и дворик № 1, из находок в котором обращают внимание керамическая ванна и ступка.

Таким образом, пять из шести комнат полностью или частично являются производственными, причем, в некоторых из них имеется специальная вымостка полов — то есть, перед нами одновременно и хозяйство, и ремесленная мастерская, специализирующаяся, в первую очередь, на помоле зерна, мастерская при доме.

Кувшинчики, сопровождающие установки жерновов, и хумы были двух типов—тянутых пропорций, с узким горлышком, и приземистых, с утяжеленным дном и более широким устьем. И те и другие играли роль кружечек — первые для жидких, вторые для сыпучих тел.

В работе, вероятно, были заняты женщины, о чем свидетельствуют многочисленные, хотя и скромные украшения. Обильное количество монет и даже кладик под полом говорят о товарном характере работ (продажа на дому), однако в основном это местная мелкая медная монета—факт, свидетельствующий о небольших торгово-ремесленных операциях ее владельца. В этой связи интересна находка и стиля: возможно, хозяин занимался письменным подсчетом сырья, финансов и товара. На основании остальных находок (прясла, вязальный крючок и т. д.) можно судить о подсобных занятиях семьи.

С юго-запада описанное хозяйство отделялось коленчатым проходом, по другую сторону которого расположено второе хозяйство более скромных размеров, состоявшее из пяти комнаток № 8—12 (помещения VII, XXIII, XXII, XXI, XX). Южная граница хозяйства еще полностью не выяснена.

Из этой группы комнат следует выделить комнату № 11, где найдены три хума и два жернова. Установка ручной мельницы была и в комнате № 12; в ней же зафиксирована находка обломков хума и куранта. В обеих комнатах около хумов лежали маленькие кувшинчики. Несомненно, эти комнаты следует отнести к производственным помещениям второго хозяйства. Находки в остальных комнатах говорят об их подсобном и жилом назначении. Масштабы производства этого

хозяйства незначительны, однако наличие монет говорит о товарности производства и этой мукомольной мастерской.

Следующая система хозяйств группировалась вокруг узкой улочки № 2 (коридоры *А* и *Б*), идущей параллельно магистральной улице от северной оборонительной стены на юг.

Третье хозяйство состояло первоначально из трех комнат № 13—15 и хозяйственного дворика № 2 (помещения XIX, XVIII, XVII, XIII, XIV). Впоследствии комната № 15 была разделена на две (№ 15 и № 16,), а во дворе была построена еще одна комнатка (№ 17).

Следует выделить комнаты № 15 и 16, пол которых частично выложен обломками хумов, вдоль стен и в центре вкопаны три огромных хума и маленькие кувшины. Установок жерновов нет, но они могут предполагаться как сопутствующие хумам с широким устьем. Фрагменты хума и диск жернова найдены в комнате № 17.

В целом материал этого хозяйства менее выразителен, чем предыдущих, но и он дает основание считать хозяйство связанным с мукомольным делом, так как целые установки жерновов из комнат № 15 и 16 могли быть унесены в более позднее время.

Четвертое хозяйство состояло из пяти комнат № 18—22 (помещения XVIII, XVI, XXIV, XV, XII). Расположенные вдоль улочки комнаты № 18—19, несомненно, связаны с помолом зерна, так как в первом найден обломок жернова, а во втором, кроме фрагмента жернова, сохранились нижняя часть установки ручной мельницы и три хума.

Наиболее характерна в качестве специально производственного помещения комната № 20, где в трех нишах-уступах стояло по хуму и мельничной установке.

Смешанный характер носит материал остальных комнат. В комнате № 2, наряду с большим количеством мелких сосудов, найден вкопанный в пол огромный хум; две хумчи стояли вдоль восточной стены комнаты № 22.

В целом четвертое хозяйство также можно считать мукомольной мастерской небольших масштабов. Как и в предыдущих хозяйствах, в его производственных комнатах найдены украшения и терракотовые статуэтки, среди которых преобладают изображения богинь—покровительниц женщин.

Пятое хозяйство состояло первоначально также из пяти комнат № 23—28 (помещения XXV, XXVI, XXXIII, XXXI, XXIX, XXXII), и лишь впоследствии одна из них была перегорожена на несколько узеньких комнаток-проходов (комнаты № 25 и 27).

Здесь также выделяются специально оборудованные для помола зерна помещения. В комнате № 23 вдоль южной и восточной стен расчищено пять хумов, два хума найдены в обломках. У западной же стены и рядом с разбитыми хумами лежали фрагменты трех жерновов. В комнате № 24 даже частично вымощен пол (опять-таки фрагментами хумов), у западной и восточной стен стояло по хуму, в центре—диск жернова. В комнате № 26 также сохранилось несколько хумов, а в северо-восточном углу — фрагмент жернова. Материал остальных комнат говорит об их хозяйственно-бытовом назначении.

Таким образом, все сказанное выше подтверждает мукомольный профиль еще одного ремесленного хозяйства, причем наиболее значи-

тельным являлось помещение № 23, сосредоточившее ряд мельничных установок. Следует отметить наличие медных монет и в производственных, и в бытовых комнатах.

Самое северное в этой группе — шестое хозяйство изучено неполностью. К нему можно отнести комнаты № 29—31 и дворик № 3 (помещения XXX, XXXIV, XXV и XXXVI). Комнаты полувскрыты и находок в них немного. Но все-таки, однако, следует отметить фрагмент жернова в комнате № 29 и обломки двух жерновов во дворике, еще раз выразительно свидетельствующие о том, что жители занимались помолом зерна.

С юга описанный проулок замыкался группой комнат хозяйства № 7, оставшегося полувскрытым. Частично изучены четыре комнаты № 32—35 (помещения XXXIX, XXXVIII, XXVIII, XLIII) с общей южной стеной. В них следует отметить находку жернова в комнате № 32 и по два диска в комнатах № 33 и 34. Вероятно, и данное хозяйство следует отнести к тому же ремесленному профилю, что и описанные выше.

С запада к проулку также примыкала группа хозяйств, вскрытых лишь частично. Предварительно выделяются три хозяйственных комплекса. В хозяйстве № 8 вскрыты две комнатки № 36—37 и дворик № 4 (помещения XLV, XLII, XXVII).

Находки первой комнаты содержат фрагменты жерновов, а на полу даже сохранилась часть установки ручной мельницы. В комнатке № 37 жернов найден вместе со вкопанным в пол хумом. Обломки среднестенных сосудов и часть жернова были найдены и во дворе. А в северо-восточном его углу расчищена печь-тандыр. Дальнейшая расчистка позволит выявить полностью и эту также, несомненно, мукомольную мастерскую.

Девятое хозяйство представлено пока комнатами № 38 и 39 (помещения XL, XLVI); в первом из них расчищен хум с широким устьем, во втором — по два хума у северной и восточной стен. Они служили для хранения зерна и муки; возможно, здесь проводился и помол, хотя мельничных установок не сохранилось. Фрагменты жерновов и стенки хумов встречаются и к западу от описанных комнат.

Мощная стена отделяла от него десятое хозяйство, являвшееся наиболее крупным. В нем вскрыты всего лишь две комнаты № 40, 41 (помещения XLI и XLVII).

Комната № 41 являлась громадным хранилищем, где ко времени раскопок сохранилось 11 хумов большой вместимости, причем укреплены они жжёными кирпичами и опять-таки обломками хумов. Около них найдены два фрагмента жерновов. Хумы больших размеров найдены и в комнате № 40. Даже будучи вскрыто неполностью, это хозяйство значительно превосходит масштабом работ все предыдущие мастерские мукомолов.

Итак, вскрытая у северной стены античного Мерва часть квартала принадлежит не менее чем десяти хозяйствам ремесленников мукомолов. При характеристике этого производства встает важный вопрос о возможности применения в них труда рабов. Масштабы работ каждого дома-мастерской различны, однако максимальное количество мельничных установок не превышает трех-пяти на все хозяйство. Даже в самом крупном, десятом, хозяйстве со специальным хранилищем, способ-

ным вместить одновременно до нескольких тонн зерна, установки жерновов немногочисленны.

Все это дает основания считать, что если в крупных мукомольных хозяйствах, типа десятого, и применялся рабский труд, то в основном перед нами все же ряд мелких хозяйств свободных ремесленников, совершающих весь производственный процесс своими силами, причем наиболее распространенное сочетание одного-двух хумов на мельничную установку говорит о незначительных запасах зерна и о зависимости самого ремесленника-мукомола от рынка и колебаний его цен на зерно.

Многие комнаты являлись одновременно и производственными, и хозяйственно-бытовыми, причем во всех даже специально-производственных комнатах обязательно встречаются женские украшения, в основном каменные бусы из самоцветов, реже металлические украшения. Широко распространены целые и в обломках терракотовые статуэтки с изображением женских божеств как девы Анахиты, так и покровительницы домашнего очага богини-матери Аши-рти, культ которых, судя по их распространенности, высоко чтился женщинами античного Мерва. Все эти находки неопровержимо говорят о преимущественном использовании в помоле зерна женского труда. Помолом зерна, судя по тому, что в каждом хозяйстве было несколько установок, занималась вся женская половина семьи мелкого свободного ремесленника-мукомола.

Остановимся на описании устройства мельницы античного Мерва и процесса помола зерна.

Мельница состояла из двух жерновов. Нижний, меньшего диаметра, неподвижно укреплялся (иногда даже вмазывался глиной) на подставке из жжёных трапециевидных кирпичей. Верхний, несколько большего диаметра, соединяется с ним деревянной осью. Поднимая или опуская эту ось, можно было получать муку более мелкого или более крупного помола и даже крупу.

Мельница приводилась во вращение при помощи деревянной палки, нижний конец которой вставлялся в углубление в верхнем диске, а верхний, судя по этнографическим аналогиям, мог привязываться к веревке, концы которой были закреплены по углам стены комнаты. Получался своеобразный рычаг; держа рукой середину палки, можно было довольно легко вращать верхний диск мельницы.

Аналогичные жернова сохранились и доныне в некоторых районах, в том числе и у туркмен, живущих вокруг древнего Мерва. Вращение жернова у них производится следующим образом: один край рычага вставляется в выемку верхнего диска, второй привязывается веревками к стенам, в углу между которыми стоит установка. Это придавало ритмичность движению и облегчало вращение диска. Возможно, этот приём был известен и древним мукомолам, так как и их установки в большинстве стоят в углу или в нишах-выемах, как например, в комнате № 20.

Одновременно из хума, вероятно, кружечками-горшочками подсыпалось сверху зерно, а растертая мука осыпалась с нижнего жернова. По сравнению с киммерийской мастерской мервские жернова были более легковесными.

Если женщины занимались непосредственно помолом, то на долю

мужчин выпадала большая работа по снабжению зерном, организации работ и продаже муки. Обилие монет говорит о товарности производства. Вероятно, вдоль дороги от северных ворот тянулись специальные лавки, где проводилась основная торговля. Однако продажа муки шла и непосредственно на дому — медные монеты были найдены во всех производственных помещениях.

Покупка зерна, вероятно, проводилась в момент его наиболее дешевой цены; для этого как раз и необходимы были большие хранилища.

О какой-то учетной системе свидетельствуют находки обломков стилей. Возможно, что проводился подсчет приобретенного сырья или продаваемого товара; нельзя отрицать в таком крупном торговом центре и наличия документов кредитного характера. Наряду с тем показательным фактом является редкость находок стилей. Большинство ремесленников, вероятно, были совершенно неграмотными, а многие, ввиду незначительных масштабов работы, конечно, обходились без применения письма.

Бытовая утварь говорит о скромности, если не сказать бедности, жизни насельников квартала. Состоит она в основном из керамических поделок, преимущественно посуды различных форм и назначения. О подсобных занятиях семьи — ткачестве и прядении — свидетельствуют многочисленные находки пряслиц и вязального костяного крючка, причем первые встречались в комнатах по-одиночке и скоплениями до 15 штук. Большой скромностью отличаются и женские украшения. Они представлены стеклянными, пастовыми и каменными бусами, медными подвесками и фрагментом медного браслета.

Круглые ядра из обожженной глины, как уже было указано, несомненно надо связывать с оборонительной системой крепостной стены. На территорию жилых помещений квартала они могли попасть, скатившись кучками или, возможно, были сложены в хумы при подготовке к обороне в случае надвигающейся опасности.

Расцвет ремесленно-производственной деятельности квартала падает на начало III в. н. э. В это время идет максимальное использование каждого квадратного метра территории, ценившейся, ввиду близости к важной торговой городской артерии, несомненно, высоко. Начинается перестройка и деление комнат, строятся помещения во дворцах, хозяйства наползают на крепостную стену на важном для обороны участке около ворот. Однако крепостная стена как тисками сжимает растущий квартал, не давая ему возможности расширяться на север.

Таким образом, если дома знати античного Мерва располагались даже в самом городе изолированно, если даже в пору расцвета города внутри него сохраняются значительные незастроенные территории, возможно садов, то для ремесленных кварталов характерна нехватка жилой площади, большая густота застройки, крайняя теснота. Возможно, экономической дифференциацией следует объяснять тот факт, что, если в глубине квартала располагаются небольшие хозяйства с 1—2 хумами на установку жернова, то ближе к центральной улице, особенно в последнем хозяйстве, идут целые зернохранилища.

Однако уже в конце III в. н. э. начинается некоторый упадок. Проходы заваливаются и заполняются обвалами, что говорит о разрушении и помещений.

Завершающий этап жизни квартала относится к IV в. н. э. Он датируется сасанидскими монетами Шапура II и III и тоненькой медной

монетой Мерва поры кризиса. Кризис рабовладельческой формации, оставивший четкие отпечатки на жизни всего древнего Мерва, привел к увяданию или даже к полному запустению больших массивов внутри города. В это же время прекратилась жизнь и в квартале мукомолов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Спб., 1893.
2. Там же, стр. 113.
3. См. Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 35—41.
4. Хранится в архиве ЮТАКЭ.
5. Разведочные раскопки 1953 г. проводились сотрудником ЮТАКЭ М. С. Мерщиевым и коллектором К. Кацурисом.
6. В 1954—1955 гг. раскопки проводились коллектором К. Кацурисом с участием в 1954 г. и летом 1955 г. Ю. Бурякова. В 1956 г. комплекс вскрывался археологом М. С. Мерщиевым, в 1957 г.—коллектором Д. Архотовой, участвовавшей в работах, начиная с осени 1955 г. Руководство раскопками всех лет проводилось начальником ЮТАКЭ проф. М. Е. Массоном; им же определены все монетные находки комплекса.
7. Фиксация проводилась по принятой в ЮТАКЭ методике. Площадь была снивелирована и разбита на квадраты 2×2 м; вертикальная фиксация велась по ярусам (по 0,5 м), реперная точка была взята на башне к северу от раскопа; культурные слои на основной площади раскопа начинались преимущественно с VIII яруса.
8. Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК вып. XXVIII, 1950, стр. 155, табл.—раздел V, рис. 7 (плоскодонный цилиндрический сосуд), рис. 70, 4, стр. 163.
9. Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кале, стр. 40—41, рис. 7.
10. Значительный керамический комплекс этого времени был получен отрядом В. М. Массона, исследовавшим в Северной Маргиане группу памятников яз-депинского типа. См. Массон В. М. Древнемаргианское поселение Яз-депе. АН ТуркмССР, 1956. № 3, стр. 1—7; Он же. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, вып. 73, М.—Л., 1959, стр. 29—62 (Керамика типа Яз-II). В самом Мерве см. материалы архива ЮТАКЭ по нижним слоям шурфа № 2 и шурфов раскопа № 2 в Гяур-кале, публикуемые в статье З. Усмановой в настоящем томе.
11. Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 9—10.
12. Струве В. В. Указ. соч., стр. 9 сл.
13. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 95.
14. Интересный керамический материал с аналогичными описанными формами был получен маршрутным отрядом М. Е. Массона из обжигательной печи на древнемаргианском поселении Тахирбай—2, в 12 км к северу от Хурмузфаре. См. об этом Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 65.
15. Материалы стратиграфического шурфа в раскопе № 2, кроме того, датированы монетой Евтидема I (230—200 гг. до н. э.).
16. Тереножкин А. И. Указ. соч. Комплекс Афрасиаб II—III в. в Самарканде, где появляются кубки на устойчивой ножке, одноручные кувшины, сосуды серой глины. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан), МИА СССР, 37. М., 1953, стр. 285—286.
17. Об этом см. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня (из работ ЮТАКЭ). СА, вып. XXIX—XXX. М., 1959, стр. 119. сл.
18. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А. Документы из древней Нисы (Дешифровка и анализ). Материалы ЮТАКЭ, вып. 2. М.—Л., 1951, стр. 21—63.
19. Характеристика парфянской керамики Древнего Мерва дана в работе Л. М. Рутковской. Парфянская керамика Древнего Мерва, СА, 1958, № 3, стр. 120—133, где автором включены в описание и материалы нашего раскопа. Аналогичный материал других памятников см. в работах: Тереножкин А. И. Согд и Чач, стр. 156; Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—53 гг. Труды ТАЭ, МИА, 66. М.—Л., 1953, стр. 302—305, 307; Вязьмити-

на М. И., Керамика Айртама времени кушанов. Труды АН УзССР, серия 1. История, археология, Ташкент, 1945, стр. 57.

20. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. 5, Ашхабад, 1955, стр. 26.

21. Трапезников Г. Е. Материалы с городища древнего Чарджоу (Амуля). (Из работ ЮТАКЭ). СА, 1959, № 1, стр. 270—271.

22. Тереножкин А. И. Указ. соч., стр. 156—157.

23. Вязьмитина М. И. Указ. соч., стр. 57.

24. Плутарх. Избранные биографии, М.—Л., 1941, стр. 259.

25. Технологический анализ показывает, что светлый цвет черепка является результатом обжига сосуда при более высокой температуре, чем раньше. См. Рутковская Л. М. Указ. соч., стр. 129.

26. R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, 11, Washington, 1908, p. 214—216.

27. См. Дьяконов М. М. Указ. соч., стр. 288—291; Вязьмитина М. И., Указ. соч., табл. 4.

28. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 120.

29. Айзенберг Ю. Б. Из истории использования естественного камня. Петрографическая обработка археологического каменного материала с мервского городища Гяур-кала и поселения Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 366—373.

30. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. Цит. соч., стр. 119 и сл.

31. Там же, стр. 138.

32. По мнению Г. А. Пугаченковой, они могли изображать героев народного эпоса

33. Массон М. Е. Народы и области Южной Туркмении в составе Парфянского государства... стр. 53.

34. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва..., стр. 95.

35. Альхамова З. А. Полевой отчет VII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 406.

36. Массон М. Е. Народы и области Южной Туркмении в составе Парфянского государства..., стр. 32.

37. Там же, стр. 18.

38. Для сасанидских монет характерно на A_7 изображение головы государя вправо, на R_7 — жертвенник. Группу монет с изображением на R_7 жертвенника без стражи М. Е. Массон относит к раннему чекану Шапура I, монеты с более высоким жертвенником и стражами с мечами около него — к среднему периоду правления Шапура I.

39. См. в статье Пиотровского Б. Б. Разведочные раскопки на Гяур-кале в Старом Мерве, стр. 35.

40. Ремпель Л. И. Новые материалы по изучению древней скульптуры Южной Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, стр. 99.

41. Дьяконов М. М. Указ. соч., стр. 288.

42. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 32—33.

43. Жуков В. Д. Материалы к изучению Баш-Тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 8. Ташкент, 1956, стр. 202.

44. Зеест И. Б. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, XXIII. М.—Л., 1950, стр. 96—102.

45. Сравните, например, уличи древних городов Индии, ширина которых была чуть больше 1 метра. См. Макэй Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 42.

46. Зеест И. Б., Указ. соч., стр. 96—102.

З. И. УСМАНОВА

РАСКОПКИ МАСТЕРСКОЙ РЕМЕСЛЕННИКА ПАРФЯНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ГОРОДИЩЕ ГЯУР-КАЛА

Изучение следов былого ремесленного производства на территории Средней Азии имеет первостепенное значение для выяснения способа производства и связанных с ним производственных отношений, характерных для той или иной социально-экономической формации. Исследования крупных советских археологических экспедиций (Термезской, Хорезмской и других) в этом направлении дали целый ряд новых данных по истории ремесла и ремесленного производства древности. Немало в этом отношении сделано Южно-Туркменистанской археологической экспедицией (ЮТАКЭ), которой специально исследуются памятники, разные по времени и связанные с ремесленным производством.

Лучше всего обстоит дело с изучением гончарного производства, начиная с эпохи древней Маргианы и кончая развитым средневековьем[1]. Особенно интересным оказалось поселение Джин-депе, где была вскрыта масса крупных керамических обжигательных печей периода развитой античности. Функционирование даже одной из них вполне удовлетворило бы потребности населения Джин-депе, а между тем печей много и расположены они близко друг от друга; все это характеризует Джин-депе как специализированное поселение, расположенное на границе с песками, по производству керамики на рынок и обмен с кочевым населением.

В 1950 г. XVIII отрядом ЮТАКЭ, возглавленным проф. М. Е. Массоном, было начато многолетнее изучение городища Гяур-кала в археолого-топографическом отношении. В результате было установлено, что в северо-западном секторе городища располагаются ремесленные кварталы парфянского и сасанидского времени. В качестве одного из объектов исследования было начато вскрытие остатков ремесленной мастерской, находящейся в 150—200 м на юго-восток от южного фаса цитадели Мерва Эрк-калы.

Расположенный несколько обособленно от других всхолмлений вдоль дороги, ведущей от северных ворот к центру городища, этот небольшой холм привлек внимание М. Е. Массона тем, что поверхность его была усыпана большим количеством шлаков, кусков железных криц, керамики, монет и пр. Поэтому в западной части холма был заложен рекогносцировочный раскоп, получивший археологический шифр Р-2. Работы велись С. Рашковской и В. Сарианиди под наблюдением археолога М. С. Мерщиева. Выбор оказался удачным. В процессе раскопок было установлено три культурных слоя, собрано значительное

количество медных монет аршакидского чекана первых веков нашей эры, что определило сразу памятник во времени. Во вскрытых помещениях были найдены шлаки, сопла, литейные формочки, вкопанные в пол большие хумы, — все это позволило с уверенностью сделать вывод, что это остатки производства и орудия труда из меди литейщиков и ремесленников, занимавшихся вообще обработкой металлов[2].

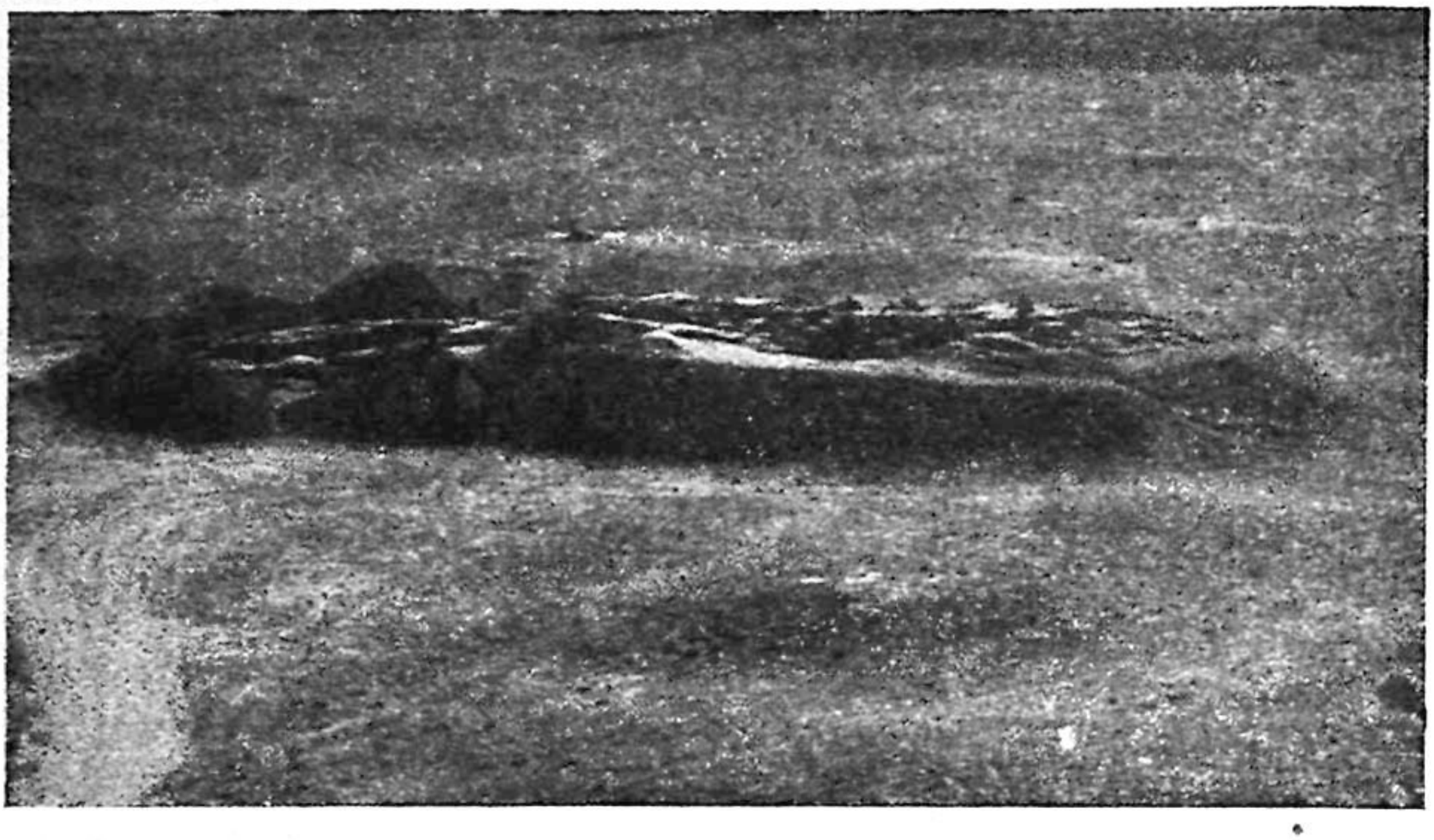

Рис. 1. Общий вид раскопа с северо-востока.

Учитывая принципиальную значимость объекта, работы по изучению мастерской были продолжены в 1953 году М. С. Мерщиевым с двумя коллекторами: Е. Зауровой и Л. Транисом. Вскрытые в центральной части холма помещения оказались также производственного назначения; в них были найдены формочки для литья, стеклянные черпаки, реторты, костяные орудия труда, остатки горна и вкопанные в пол хумы.

В осенне-полевом сезоне 1954 г. на данном объекте М. Е. Массоном перед участниками экспедиции была поставлена задача закончить раскопки мастерской с юга на север, установив предельную границу архитектурных остатков на восточном фасе, и выяснить по мере возможности назначение вновь вскрытых помещений. Земляные работы велись широким раскопом, сочетавшимся с закладкой отдельных стратиграфических шурфов, согласно установленной в ЮТАКЭ методике вскрытия археологических памятников поквадратно-ярусной системе. В результате археологических работ последнего полевого сезона было затрачено 500 рабочих дней, вскрыта площадь в 400 кв. м и вынуто земли около 600 куб. м.

Основная же задача автора данной статьи обобщить накопленный фактический материал трех полевых сезонов, охарактеризовать производственные процессы, протекавшие в мастерской.

Изучаемый объект расположен на небольшом холме г-образной формы, имеющем направление с юго-запада на северо-восток и поворачивающим своим шлейфом на север. Протяженность его с запада на восток 40 м, с юга на север 28 м, наиболее высокой сохранившейся частью холма оказалась западная и центральная, достигающие 7 м от подошвы. Здесь и находилась реперная точка раскопа, а для контроля уровней был оставлен останец. Оплывы на склонах холма достигали толщины до 1—2 м. Процесс разрушения проходил здесь значительно интенсивнее, чем в других частях Гяур-калы. Это объясняется тем, что холм стоит особняком и охватывается ветром со всех сторон. Особенно разрушительны удары ветра, дующего из северного проёма ворот Гяур-калы и с запада.

В результате археологических работ было вскрыто 13 помещений и установлены три разновременных периода существования комплекса. К первому периоду относятся слои, выявленные шурфами, подстилающие нашу мастерскую; ко второму — возведение и функционирование всех помещений (два этапа строительства); к третьему — самые верхние культурные напластования со строительными остатками.

Сразу же под дерновым слоем в западной части холма раскопками обнаружены остатки платформы из нескольких рядов сырцового кирпича и на запад от нее пола одного из помещений. На уровне пола (92 см ниже репера) были расчищены неглубокие ямы, в которых находили кусочки меди, бронзы, шлака. Как полагает М. Е. Массон, в ямах устанавливались наковальни, где происходил процесс ковки металла, а в наполненных водой хумах (донца которых находились тут же врытыми в пол) охлаждались изготовленные изделия. На полу встречены в большом количестве медно-бронзовые и железные шлаки, железная крица ладошкообразной формы, медные монеты плохой сохранности, круглые из обожженной глины серого цвета ядра для пращи, глиняные литейные формочки, на одной из которых остались следы запекшегося темно-коричневого шлака. С одной стороны формочки имели конусообразную или овальную выемку, которая переходила в длинную трубочку. Когда металл застывал, формочку разбивали и получали готовую воронкообразную поделку.

Упомянутая сплошная кладка платформы (6,5×6 м) сложена из сырцового кирпича 45×43×12 см, 45×45×14 см на глиняном растворе без примеси самана и каких-либо других добавлений. После разборки ее и вскрытия остатков пола былого помещения выяснилось, что все эти строения возводились на остатках более ранних по времени нижних архитектурных сооружений. Кладка платформы покоилась прямо на стенах этих строений, а там, где пространство помещения между стенами заполнялось всякого рода мусором, образуя плотную забутовку, она водружалась на этом забутовочном зеленоватом слое. Кладка платформы теряется в восточном направлении, где структура пушонки даже на склонах холма представляет собой разрушившуюся сырцовую кладку.

В центральной части холма удалось оконтурить помещение № 1, остатки стен которого выложены из сырца размером 44×43×12 см, 44×44×11 см, 45×45×14 см. В его западной части впритык к южной

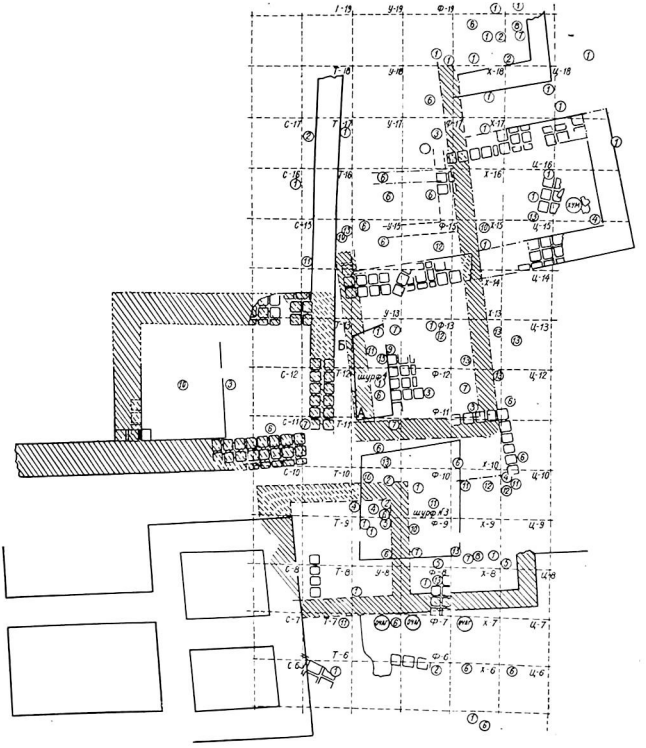

Рис. 2. План вскрытых помещений мастерской.

1—Медные монеты; *2*—женские терракотовые статуэтки; *3*—терракотовые фигурки животных; *4*—костяные стили; *5*—астрагалы; *6*—костяные изделия; *7*—пряслица; *8*—грузильки; *9*—перстень; *10*—медно-бронзовые шлаки; *11*—железные крицы; *12*—керамические шлаки; *13*—рога горного козла.

стене сохранилась сырцовая выкладка с врытым в нее хумом, имеющим овальное дно (диаметр 40 см). Вскрытие пола показало, что кирпичная кладка стен из такого же крупного сырца, что и выстилка пола, закончилась. Контрольный шурфик и небольшой подбой под кладку стены выявили на уровне 1,2 м от дневной поверхности остатки стены совершенно новых помещений. В этой части раскопа направление стен ранних и поздних строений совпадает, что четко выражено на плане, где штрихами отмечены стены раннего периода.

Рис. 3. Помещение № 1.

При вскрытии остатков поздних строений были найдены бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы, подвеска из позолоченной бронзы, а несколько ниже в плотном однородном слое с включением гипса и кусочков угля встретились фрагменты красно-лощеной керамики, шлака, терракотовые фигурки женщин и лошадки с отбитым всадником, большое количество бронзовых кусочков от каких-то готовых предметов.

В восточной части раскопа располагалось прямоугольное помещение № 2 (3,5×5,25 м), вытянутое с запада на восток. В кладках стен употреблялся наряду с целым кирпичом и полукирпич размером 42×21×12 м, 45×23×14 см. Такой приём кладки стен был широко распространен в античную пору на территории Средней Азии[3]. Здесь были встречены куски медно-бронзовых шлаков, несколько сильно окислившихся медных монет, кувшинчики со сферической и каплеобразной формой тулова.

Следующее помещение расположено севернее описанного. Их раз-

дёляет небольшой коридорчик шириной 1,5 м. В этом коридоре было найдено парфянское ядро, представляющее собой равностороннюю трехгранную пирамидку 14—15 см в стороне, обожженное до температуры спекания глины. Встречаются такие ядра в раскопках и прямо на поверхности городища в больших количествах. Наличие их является свидетельством того, что у парфян знание военного дела стояло на высоком уровне: пирамидки на много столетий опередили средневековый «хасак» использовавшийся, как и пирамидки, против неприятельской конницы[4].

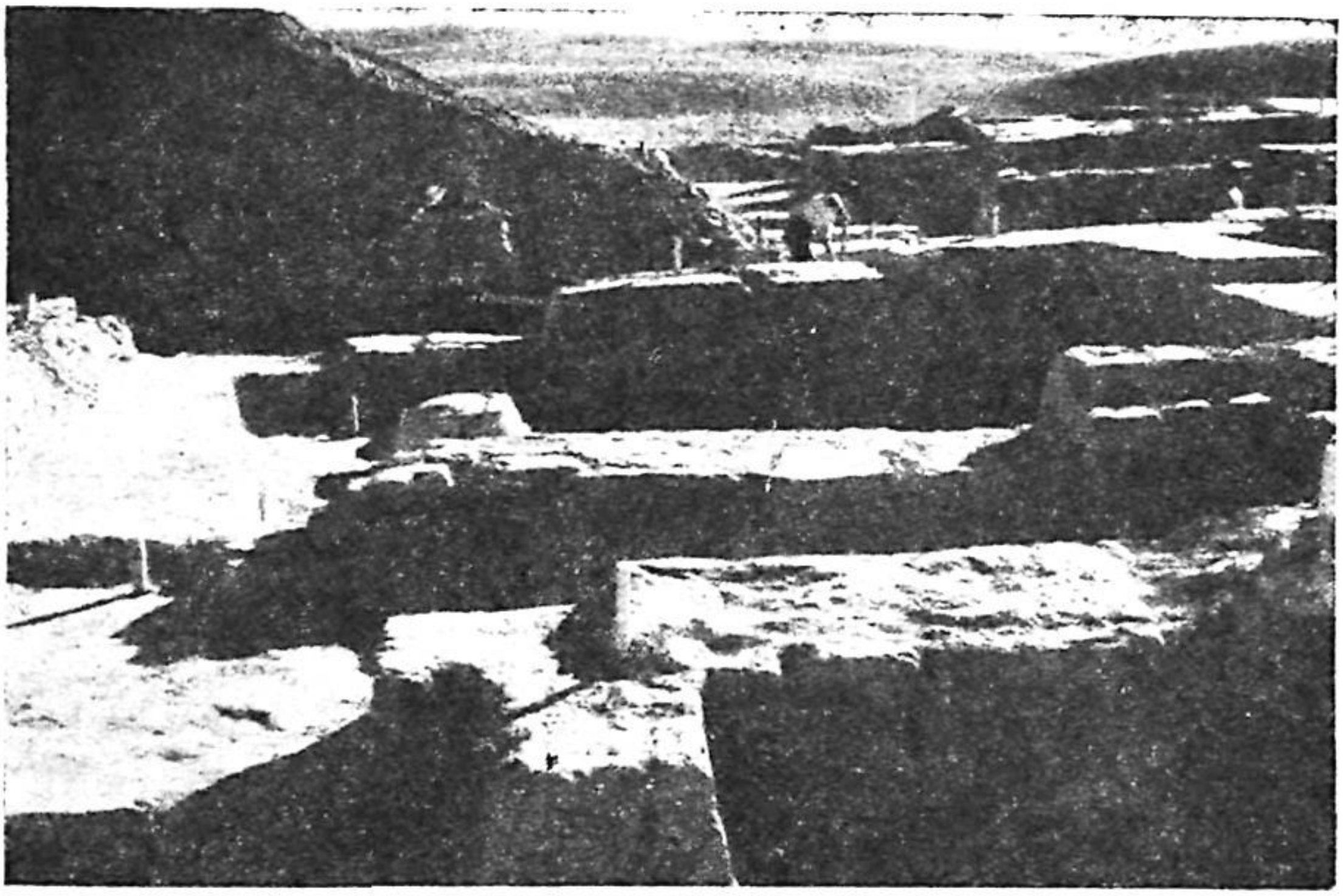

Рис. 4. Помещение № 3 (на переднем плане).

Установить границы северной и западной стен помещения не представляется возможным из-за плохой сохранности. В юго-восточной части помещения был расчищен углубленный в пол хум с овальным дном (диаметр 40 см). Обжиг глины неровный, сверху стенки хума покрыты густым розовым ангобом. Одна из встреченных здесь монет относится, по определению М. Е. Массона, к позднепарфянскому чекану времени правления двух последних Аршакидов. Монеты этого типа бóльшего размера в сравнении с ранними парфянскими медными монетами.

И, наконец, в южной половине раскопа сразу же под слоем пушонки была расчищена сплошная кирпичная кладка из сырца 44×46×14 см, иногда еще более крупных размеров, в стороне до 50 см. Вскрыто здесь же три печи очажного типа, округлые в плане.

Первая печь (диаметр 65 см) сохранилась на высоту 9 см и сопровождалась ладошкообразной железной крицей, костяными пластинками в виде скребков и костями животных. Вторая печь таких же размеров; здесь в золе лежали заготовки костяных пластин, а возле печи—

два рога горного козла со следами обработки. Третья печь сохранилась плохо и не дала никаких находок. Надо полагать, что сырцовая кладка выполняла функцию пола помещения, стены которого не сохранились, а печи связаны с производством, так как здесь же в помещении были встречены три костяные пластинки с отточенным рабочим краем, костяная обкладка лука с выемкой для крепления тетивы (длина 15 см, ширина 1,3 см), кусочки железного гвоздя, свинца, медно-бронзовых шлаков.

Рис. 5. Кувшины II—III вв. н. э.

Из описанного становится ясно, что, несмотря на довольно плохую сохранность архитектурных строений, полученный археологический материал позволяет связывать вскрытие помещения с производством железно-медных и костяных изделий.

Следует специально остановиться на полученном в этих помещениях керамическом материале, который датируется нумизматическими данными позднепарфянским временем. Ведущими формами являются узкогорлые и широкогорлые кувшины, черепок которых, в основном, желтого и серого цвета, изредка коричневого. Сосуды обжигались при высокой температуре и покрывались серым ангобом под цвет теста. Черепок отличается пористостью, недообожженные фрагменты только свидетельствуют о поисках мастерами определенной температуры обжига для получения более прочного черепка.

Кувшины представлены несколькими формами:

а) плоское дно, раздутый корпус переходит в невысокое горло, заканчивающееся утолщенным наружу венчиком с желобками на закраине; две небольшие фасолевидные в сечении ручки прикреплены у венчика и на плечиках сосуда (диаметр 0,5—10 см, высота 18,3 см); на одном из кувшинов нанесен под венчиком орнамент в виде неглубоких насечек;

б) выступающее плоское дно, сферическое тулово заканчивается утонченным венчиком, одна петлеобразная ручка переходит от горловины на тулово (диаметр 8 см, высота 13,5 см.);

в) грушевидной формы кувшин с плоским выступающим донцем, тулово плавно переходит в узкую горловину и имеет одну налепную овальную ручку;

г) сосуд каплеобразной формы с утяжеленными пропорциями в нижней части, со слегка отогнутыми наружу венчиком, диаметром 4 см, высотой 16,3 см;

д) кувшин с плоским дном и удлиненным туловом, расширяющим-

ся у плеч, плавно переходит к почти вертикальному горлу и имеет одну налепную ручку; диаметр 7,5 см, высота 27,2 см.

Сосуды типа крынки со сферическим туловом имеют утолщенный наружу венчик диаметром 13—16 см, а толстостенные хумы почти все с овальным дном диаметром 40—70 см при толщине стенок 2,5 см.

Облик и форма перечисленных сосудов характерны для периода, переходного от парфянского к сасанидскому времени, и датируются находкой медных монет позднепарфянского чекана, выпущенных в правление двух последних Аршакидов. Подобный материал из раскопа в квартале мукомолов Гяур-калы (Р-6) сопровождается медными монетами сасанидского чекана Арташира I (224—241 г. н. э.) и Шапура I (242—272 г. н. э.)

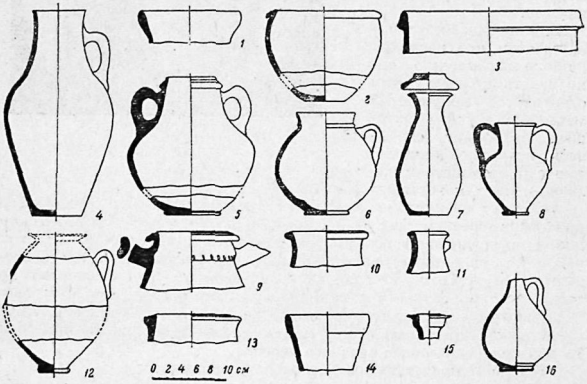

Рис. 6. Керамика III в. н. э.

Определенный во времени керамический комплекс явился новым вкладом при составлении стратиграфической колонки для Мерва. Теперь без всякого сомнения можем считать, что сасанидская керамика Мерва на раннем своем этапе представляла лишь продолжение развития форм позднепарфянского материала: ведь «новое» не могло сразу вытеснить и заместить «старого»[6]. Форм керамики позднесасанидской поры данный объект не дает. Это свидетельствует о прекращении жизни здесь с наступлением кризиса рабовладельческого общества и экономического упадка страны. Обжитая территория внутри города сократилась и многие дома, даже целые кварталы, оказались заброшенными, поэтому в Гяур-кале очень много холмов, имеющих в верхних напластованиях культурный слой III в. н. э.

Архитектурные остатки второго периода находятся ниже уровня пола описанных верхних помещений. Забутовочные слои осложняли

вскрытие комнат, но тем не менее удалось найти уровни полов и систематизировать полученный археологический материал.

Помещение № 4 прямоугольное в плане (4,7×2,75 м) и вытянуто с запада на восток. Стены выложены из крупного сырца 45×45×12—14 см. Слои завалов включают большое количество органических остатков, золы и угля. У северной стены сохранился углубленный в пол хум с диаметром сохранившегося тулова 65 см. Рядом с хумом найдены две медные клинообразные поделки, боковая грань которых равна 1,4 см, железный стержень, терракотовая женская фигурка богини-матери. Последняя изображена обнаженной выше бедер, левая рука, украшенная у запястья браслетом, придерживает у бедра ткань, облегающую прямо стоящие ноги, а правая согнута в локте и прижата к груди.

В юго-восточном углу в слое супеси и золы найдено пирамидальное ядро со сторонами 11 см, в большом количестве железные и медно-бронзовые шлаки, медный стержень длиной 6,5 см, овальный в сечении. Встреченные здесь кости и зубы животных были покрыты зеленым налетом от присутствия окислившихся кусочков меди. В зольнике были найдены кости животных, фрагменты стекла, головка быка, видимо от глиняного ритона, фигурка коровы. Из предметов, связанных с производством, интерес представляют глиняные тигли диаметром 4—4,5 см, высотой 3,6 см. Один тигелек имел два отсека, разделенные тонкой перегородкой. Все тигельки несли на себе следы медно-бронзовых шлаков. Подобные тигли находили в меднолитейной мастерской слоя Кобадиан II, исследованной М. М. Дьяконовым в Таджикистане[7].

Помимо тиглей была встречена глиняная литейная формочка для отливки довольно сложного предмета. Остается до сих пор невыясненным назначение керамической поделки в виде лепешечек, но нет сомнения, что они играли, возможно, подсобную роль в медно-бронзовом литейном производстве.

Стены расположенной к северу от описанного помещения комнаты № 5 (5,5×3,75 м) выложены из того же сырцового кирпича.

В северо-западном углу ее стояло два хума (диаметр донца одного 30 см, второго 75 см), углубленные в пол, а рядом лежал отвал металлических шлаков. Непосредственную связь с хумами имела расчищенная здесь же неглубокая яма с золой, кусками слегка опаленных сырцовых кирпичей, шлаков точно таких же, как в отвале возле хумов. Видимо перед нами остатки горна, связанного со вторичной обработкой металла, то есть непосредственно с изготовлением изделий. Так из находок здесь можно отметить бронзовую поделку лавролистной формы и плоской в сечении (10,2 см), медный стержень. На полу лежала ладошкообразная железная крица, шлаки, терракотовая фигурка лошади и предмет неизвестного назначения в виде катушки из обожженной глины коричневого цвета с хорошо заглаженной поверхностью, а также в большом количестве кости животных. Одних только медных монет здесь было найдено более двадцати, а к северу от помещения, то есть за пределами дома, отмечены отвалы шлака и поднято несколько керамических формочек.

Помещения № 6 и 7 (6.4×3,75 м) расположены к востоку от вышеописанных и имели такую же кладку стен в 2,5 кирпича (45×45×13—14 см), что и предыдущие.

В северо-восточном углу помещения расчищены остатки ямы со следами производства, фрагменты глиняных формочек, несколько медных монет, пряслица, костяные орудия в виде скребков, биконические ядра для пращи, рога козла и оленя. Здесь же была встречена небольшая капитель, описание которой будет приведено ниже.

В юго-восточном углу помещения № 7 был расчищен круглый в плане очаг диаметром 55—60 см. Скопление железных шлаков вокруг печи свидетельствует о связи ее с плавлением железа. Еще до обнаружения печи была вскрыта небольшая яма, расчистка которой привела к обнаружению печи. Надо полагать, что она имеет непосредственное отношение к очагу и представляет собой остатки горна. Железные крицы

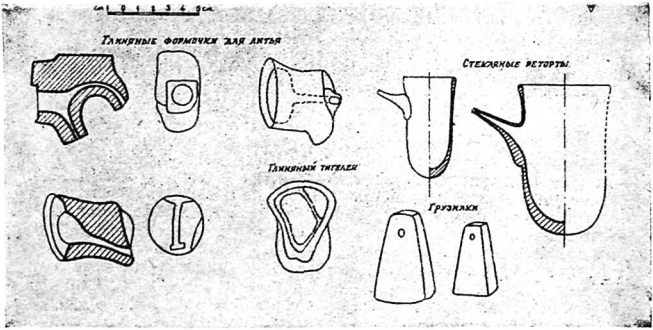

Рис. 7. Производственный инвентарь I в. до н. э.—II в. н. э.

сосредотачивались в большом количестве в западной части помещения. Недалеко от печи были найдены заготовки из кости в виде отшлифованных ребер челюсти животных, керамическая формочка для отливки металлических изделий, большое количество фрагментов стеклянных сосудов.

Интересны специфические стеклянные черпачки с одной длинной ручкой и маленькие реторты 6—12 см высотой из прозрачного стекла зеленоватого оттенка, покрытые слегка патиной. Реторты представляют собой баночку с овальным дном, а сбоку отходит длинная трубочка-носик. Как черпачки, так и реторты могли служить посудой для растворения золота в ртути в целях нанесения позолоты на металлические изделия. Аналогичные реторты хранятся в собраниях Самаркандского музея, а также встречены при раскопках в Кухендизе Пянджикента[8]. Другие стеклянные сосуды цилиндрической формы, с овальным дном и утолщенным венчиком (диаметр 4 см, высота 6 см), возможно, такого же назначения, как и реторты.

В этом же помещении была найдена половина каменного калыпа для отливки металлических изделий. По бокам калып имел выемки, в которые должна была входить своими выпуклыми частями вторая половина формочки. Из других находок надо отметить обработанное ребро животного, металлический стержень, куски алебастра, точильный брусок, медную монету хорошей сохранности с изображением на аверсе головы государя вправо, на реверсе—фигура сидящего Аршака на троне с протянутым луком в руке. По определению проф. М. Е. Массона, монета относится к первым векам нашей эры.

Смежные помещения № 8 и 9 имеют размеры 3,5×2,6 м и 3,5×2,75 м и сходное содержимое. В северо-западном углу помещения № 8 расположена печь диаметром около 60 см в сопровождении медных и железных шлаков. Во второй комнате печь таких же размеров находилась в юго-восточном углу, а скопление шлаков и крич—в северо-западной части помещения. Встреченные медные монеты, по определению М. Е. Массона, относятся к концу I в. до н. э. и первым векам н. э., что позволяет датировать этим временем функционирование помещений.

Таким образом, наличие печей, производственных ям, шлаков, орудий труда и предметов готовой продукции — все это позволяет связывать описанные помещения с деятельностью ремесленников-специалистов по обработке меди и железа.

Но аналогичные следы такой деятельности изучены на территории Средней Азии очень слабо. Это объясняется не столько недостатком фактических данных, сколько полной необработанностью уже имеющихся материалов. С каждым годом увеличивается число зафиксированных остатков ремесленных мастерских, начиная с эпохи бронзы[9], но они еще не стали предметом специального исследования. В Туркмении бронзолитейная мастерская эпохи бронзы была обнаружена Б. А. Литвинским при работах XI отряда ЮТАКЭ на городище Мадау-депе, где отмечено большое скопление медно-бронзовых шлаков[10].

Для нас интерес представляют археологические памятники античной поры. Так, при археологических работах в нижнем течении реки *Кафирниган в слое Кобадиан II М. М. Дьяконовым была* встречена меднолитейная мастерская, расположенная на приподнятой площадке, в центре которой сохранилась опока размером 30×30 см. К опоке подходили литейные канавки. Вся поверхность площадки покрыта остатками литейного производства: шлаки, разбитые тигли, фрагменты гладкого бронзового браслета и т. д. Автор датирует мастерскую временем, переходным к этапу Кобадиан III (1 в. до н. э.—I в. н. э.)[11]. В. М. Массон при изучении культуры древнего Дахистана в 1951 году зафиксировал остатки медно-литейного производства на городище Геокчик-депе парфянского времени[12]. Следует упомянуть и квартал металлистов кушанского времени в Термезе[13], где найденные в изобилии крицы сыродутного железа ладошкообразной формы очень близки по размерам и весу к обнаруженным в парфянском Мерве.

Размер термезских крич 10—20 см при высоте 5—10 см, диаметр мервских — 15—17 см при высоте 5—7 см от основания до внешней купольной части. Крицы из Термеза весят от 0,5 до 4—5 кг, причем преобладают куски в 2 кг. Анализ показал, что так называемые «металлические шлаки» из Термеза представляют собой кусочки металла —

крицы сыродутного железа. То же самое явление дал анализ «шлаков», обнаруженных в 1954 г. в Нисе. Возможно, что тяжелые по весу, с металлическим отблеском железные шлаки с раскопа Р-2 в Мерве в действительности также являют кусочки металла. В литературе нет единого мнения о том, было ли у парфян свое железо, либо они его ввозили из Китая. По письменным источникам известно, что парфяне знали обработку металлов и имели свою «маргианскую сталь» высокого качества. Но источники умалчивают о том, что парфяне имели свое сырье. На этот вопрос могут ответить только археологические исследования. Работами ЮТАКЭ на протяжении ряда лет выявлено обилие ладошкообразных железных криц на территории Южной Туркмении, особенно на городище Гяур-кала. Исходя из этого М. Е. Массон приходит к выводу, что «в ту пору такой полуфабрикат не стали бы возить за многие тысячи километров. Железные крицы и шлаки, устанавливаемые ЮТАКЭ, — наглядные свидетели того, что в Маргиане, как и в Парфиене, в парфянскую пору изготовлялись изделия из прославленной в древности, отливавшей синевой, то есть вороненой, маргианской стали. Сырьевой базой служили, очевидно, как и в средние века, преимущественно месторождения округа Тус[14]». Таким образом, готовая крица поступала в ремесленные мастерские Мерва, где и подвергалась дальнейшей обработке. Для изготовления изделий железо нагревали в кузнечном горне с более низкой температурой и меньших размеров, чем печь плавильная[15]. Когда оно становилось мягким, пластичным, его ковали молотками—первоначально на каменной, а позднее на железной наковальне[16]. Техникой ковки пользовались преимущественно при изготовлении орудий труда и оружия.

Находимые на раскопе Р-2 лепешкообразные заготовки и бракованные медные монетные кружки свидетельствуют о применении здесь техники чеканки монет.

Но главное, что характеризует вскрытие помещения — это обработка металлов с помощью литья.

Почти во всех помещениях вскрытого нами дома в Мерве сохранились остатки невысоких печей для плавки меди[17]. Так как последняя не требует высоких температур, тигли делались из простой глины. Расплавленная медь заливалась в глиняные или керамические формочки. После того, как металл застывал, формочку разбивали и получали готовое изделие. Встречаются также формочки, составленные из двух половинок. Каждая такая форма давала возможность многократно отливать значительное количество предметов. Не исключена возможность, что мервские мастера пользовались также распространенной в древности отливкой металлических изделий с утратой модели, которая выполнялась из воска или другой легкоплавкой массы[18]. Могли быть случаи, когда сначала предмет отливали в форме, а затем, после разогревания в горне, его проковывали.

Встреченные нами точильные брусочки, благодаря которым лезвия орудий и инструментов приобретали остроту, почти все маленьких размеров и хорошо заглажены. Возможно, некоторые из них применялись для полировки металла.

Характер найденных фрагментов изделий из железа, меди и бронзы свидетельствует о преимущественном изготовлении в мастерской

мелких предметов, удовлетворявших бытовые нужды населения. Судя по наличию в мастерских крец, бронзовых изделий, медных шлаков, разрушившихся горнов, деятельность кузнецов и литейщиков сосредоточивалась в общих помещениях, хотя разделение их труда, безусловно, уже существовало.

Ко второму этапу этого же строительного периода относится возведение целого комплекса новых помещений, стены которых были выложены из пахсы и строились впритык к стенам помещений № 8 и 9. Здесь отсутствует всякая перевязка кладок, применяется новый строительный материал и нарушена прежняя правильность ориентации помещений. Если раньше анфилада помещений тянулась с запада на восток, то теперь они строятся в направлении с юга на север, под некоторым углом к первоначальному комплексу. Все это, учитывая и характер археологического материала, позволило отнести эти помещения ко второму этапу II строительного периода, связанного с одновременным функционированием всех помещений. Видимо, в связи с ростом производства назрела острая необходимость в дополнительных помещениях и поэтому мастерскую расширили за счет пристройки помещений с пахсовыми стенами.

В северо-восточной части помещения № 10 у пахсовой стены была обнаружена печь типа тендыра с обожженными стенками красного цвета, эллипсовидного очертания, вытянутого с запада на восток (82×67 см, высота 35 см). Рядом валялось большое количество фрагментов толстостенной керамики; на некоторых из них были следы острого инструмента, в местах трения ангоб не сохранился, на самом черепке образовались едва заметные углубления. Здесь же лежали кости животных со следами обработки, куски медно-бронзового и керамического шлака, костяные пластинки с отточенным рабочим краем, пряслица, точильный брусок, фрагменты бронзового браслета и несколько нечетких медных монет. Из других находок отметим остракон (найден он был в дерновом слое этого помещения) с надписью черной краской от руки, костяной стиль (на полу помещения), верхняя часть которого покрыта сетчатым орнаментом, женская терракотовая фигурка с обнаженной грудью, руками на животе и платьем, усыпанным ниже груди круглыми бляшками.

Соседнее помещение шириной 4,35 м оконтурить с восточной и северной сторон не удалось. В помещении были найдены в небольшом количестве медно-бронзовые шлаки, железная крица, несколько костяных пряслиц, каменное грузило, фрагменты бронзовой пластинки, точильные бруски (за исключением одного крупнозернистого с изображением, почти все они хорошо отполированы), фрагменты стеклянного сосуда, бусы, остракон, под надписью которого расположен тамгообразный знак в виде трех завитков, исходящих из одного центра под углом в 120°. Надпись второго остракона сопровождается геометрическим орнаментом в виде двух шестиугольников, вписанных один в другой.

Медные монеты несут на аверсе изображение головы государя вправо, а на реверсе — сидящего вправо Аршака с протянутой вперед рукой, держащей лук. У ног — буква «П», а над ней изображена альфа «А». Такое начертание альфы с изломанной перекладиной фигурирует на монетах парфянских царей, начиная с Орода I (57—39 до н. э.)

до Вологаза II (78—147 г. н. э.). Бороды, прически, трактовка глаз государей, а также эпиграфические данные легенд позволяют считать основную массу этих монет выпущенной не ранее второй половины I в. н. э. и принадлежащей местному маргианскому чекану[19].

В помещении № 12 при вскрытии культурного слоя был встречен зольник в сопровождении шлаков, крицы, большого количества отработанных костяных пластинок с отточенным рабочим краем (длина 11 см, ширина 3—4 см). На полу отмечено скопление гипсовых частиц и найден бронзовый перстень с овальным плоским щитком со следами вдавленного изображения и стеклянная гемма с изображением обнаженной, с рельефной мускулатурой тела мужской фигуры вправо; левая нога на опоре, в руках какие-то предметы[20]. Плоский овальный литик чуть желтоватого цвета и имеет размеры: высота 13, ширина 11, толщина 3 мм.

Встречены были медные монеты, из которых почти все датируется рубежом нашей эры.

В забутовке помещения № 13 платформа II—III вв. н. э. была выложена из сырца крупных размеров 40×43×12 см, 42×45×12 см 42×42×12 см с клеймами на них в виде буквы «Р». Кирпичи со знаком для среднеазиатской античности не представляют редкость. Их много в кладках на Эрк-кале, крепостных стенах Гяур-калы, на Нисе. В большом количестве кирпичи с клеймами встречаются в памятниках античности Таджикистана и других районов Средней Азии[21].

Под этой платформой было вскрыто забутованное помещение II периода, на полу которого расчищена печь диаметром 75 см со скоплением шлаков, костей животных[22] и костяных обкладок луков. Из других находок отметим бронзовый колокольчик, кусочки перламутра и 12 маленьких бус из матового стекла, покрытые толстым слоем позолоты. Аналогичные бусы встречены ЮТАКЭ на Старой Нисе, где они датируются II—I вв. до н. э.

Рис. 8. Сырцовые кирпичи с клеймами из забутовки помещения № 13.

В северной части комплекса ниже уровня пола помещений № 2, 3 III периода было вскрыто еще несколько комнат. В основном здесь были найдены костяные изделия и орудия труда: стили, проколки коричневого цвета (5,7 см), костяные пластинки с острым рабочим краем желтого цвета, с внешней стороны хорошо отполированные, а с другой — сохранили губчатую структуру кости.

Во втором помещении бросается в глаза обилие керамических пирамидальных грузилок со сквозной дыркой в верхей части, а также различных пряслиц (глиняных и костяных). Самая большая усеченная четырехугольная пирамидка-грузило имеет высоту 6 см, сторону нижнего основания 3,4 см, верхнюю — 1,7 см. Все это свидетельствует о занятии обитательниц этого помещения ткачеством. Наличие в античном

Мерве высокоразвитого ткачества подтверждается остатками тканей из раскопов в Эрк-кале, лабораторным исследованием которых установлено, что у парфян были шелковые и льняные ткани. Здесь же была найдена отшлифованная трубчатая кость, от которой срезаны неширокие дольки, использовавшиеся для инкрустации. Таких колец в этом помещении было найдено несколько.

Большой интерес представляют две терракотовые фигурки, найденные вместе с монетой Орода I (56—37 г. до н. э.). Обе изготовлены с помощью штампа. Одна дана в образе ранней богини-матери, с овальным лицом, с тонкими правильными чертами; волосы убраны прядями в валик вокруг лба, а поверх наброшен платок. Левая рука, согнутая в локте, прижата к груди. У другой статуэтки лицо удлиненное, с большими миндалевидными глазами и маленьким ртом над крупным подбородком. Волосы забраны в высокую буклю на голове, стянутую над лбом широкой лентой, концы которой сзади ниспадают у плеч. Короткая толстая шея, покатые плечи, открытая высоко поднятая грудь полуобнажена. Мягкая ткань платья, окрашенная в красный цвет, плотно облегает тело, драпируясь косыми складками и ниспадая до пят. Декольте и длинные рукава отделаны множеством мелких рельефных кружочков. Согнутая в локте правая рука прижата к правой груди, а левая придерживает у бедра ниспадающую ткань. Как считает Г. А. Пугаченкова, подобные статуэтки «иллюстрируют оригинальный тип, развивающий на новой основе образ «Маргианской богини»; в ней в какой-то степени чувствуется влияние гандхарской школы скульптуры. Датировать их можно первыми веками н. э., временем антиэллинской реакции и расцвета собственно парфянской скульптуры[23]. Не только Мерв, но и вся Маргиана этого времени в целом дает необычайное многообразие мелкой терракотовой скульптуры своеобразного художественного стиля, в то время как позднепарфянское время характеризуется однообразием типов и художественного оформления[24].

Обилие терракотовых фигурок Великой маргианской богини на территории Мерва и его округи свидетельствуют о широком почитании ее культа у древних жителей Маргианы. Она была самым близким и понятным божеством, и статуэтки её были в каждом доме, как это показывает и наш раскоп Р-2.

Почти все статуэтки изготовлены разными матрицами, что указывает на их большой спрос и на разное время их исполнения. В составе терракот с Р-2 есть ранние и поздние статуэтки, указывающие, как образ «Маргианской богини» претерпевал значительную эволюцию на протяжении полутысячелетия, что выражается в общем стиле их изображения. Маргианская богиня представлена в двух ипостасях: девы—Анахит и богини-матери в образе Аши-Рти — покровительницы дома, домашнего очага, богини Благоденствия и Плодородия. Обе они проходят через все развитие местной коропластики, начиная с III в. до н. э. по III в. н. э.[25]

Для описанной выше ранней группы статуэток (II—I в. до н. э.) присуща тонкая разработка черт лица, пластическое изящество фигуры и драпировок мантии. Как пережиток архаической материнской богини и влияния сирийской Кибелы она предстает иногда обнаженной, придерживая рукой грудь, в чем и выражается функция материнства.

Найденная на Р-2 головка со сбитым носом и ртом, утяжеленным овалом полного лица, невысоким лбом, четко выраженными дугами бровей, удлиненными глазами с разделкой зрачка, тяжелыми подвесками в ушах[26] — красноречивый показатель того, как в I—II вв. н. э. протекает процесс все большей парфянизации образа «Маргианской богини». Сохраняются лишь элементы античных драпировок, в целом же костюм местного покроя с вшивным длинным рукавом, украшенным круглыми бляшками.

В слоях поздней античности были найдены две фигурки, выполненные в два приёма. Головка сделана высоким рельефом отдельно от фигуры, которая оттиснута на плоской лепешке. Овальное лицо с большими выпуклыми глазами, рот маленький, в ушах подвески, а на шее ожерелье из мелких бус. На голове гладко облегающая шапочка. Поза фронтальна, обе руки у живота. Платье прямого покроя украшено крупными бляшками с сохранившимися следами малиново-красной краски. Покрой и окраска костюма как бы перекликается с современным этнографическим платьем туркменок[27]. Такие статуэтки дают нам десятки образцов, изготовленных с разных матриц, но все они являются вариантами одного и того же типа. Видимо, религиозный канон стоит как бы преградой на пути художественных исканий местных коропластов[28].

Одновременно с женской терракотовой скульптурой существуют и мужские статуэтки, встреченные в ремесленной мастерской. Как правило, это всадник в виде юноши или бородатого мужчины. По всей вероятности, это образы народного эпоса, герои Рустем, Сиявуш и др.[29].

В целом мелкая терракотовая скульптура с Р-2 дала ряд совершенно новых образцов, не встречавшихся ранее на территории Мерва и отличающихся локальным своеобразием художественных достоинств. Найденные в определенных археологических слоях, они позволили в ряде случаев уточнить датировку целых групп мервских терракот, подтверждая или, наоборот, отбрасывая первоначальную периодизацию. С другой стороны, они могут быть привлечены как сравнительный материал при изучении памятников древней коропластики Хорезма, Тохаристана и Согда, где повсеместно был распространен культ женского божества[30].

«Маргианская богиня» и терракотовые фигурки из этих районов, сходные своей позой, имеют отличия в костюмах, головных уборах, прическах, украшениях, атрибутах, пропорциях фигур и др[31].

Из краткого описания помещений, возведенных на втором этапе, становится ясно, что и они были связаны с производством медно-бронзовых предметов, причем, выделяется уже новая специализация отдельных лиц по изготовлению и обработке костяных изделий и орудий труда. Находимые рога и кости животных служили основным сырьем, из которого изготовляли всевозможные орудия труда и костяные изделия в виде стилей, обкладок луков и рукояток ножей и др. Остатки очагов и прослойки золы были связаны с процессом обработки костяных заготовок с помощью огня, после чего они подвергались лощению. К орудиям труда относится найденная хорошо отполированная челюсть лошади (без коренного зуба): явственно видны следы использования ее в качестве лощила, потому что вся внутренняя полость тщательно заглажена в результате длительного трения. Из рогов козла и оленя делались про-

колки в виде заостренных палочек. Они напоминают те далекие времена, когда человек еще в эпоху каменного века начал изготовлять костяные орудия труда: ножи, кинжалы, наконечники стрел и копий, гарпуны, иглы, шилья, струги и др.

Пластинки с отточенным рабочим краем делались в основном из ребер крупных животных, которые разрезались продольно надвое, и губчатая структура кости так и оставалась необработанной. Поскольку ребра несколько выпуклые, то и скребки сохраняли эту форму, удобную для держания при обработке кожи и в других процессах. Как показывает большое количество костяных обкладок из рога бухарского оленя, в изучаемой мастерской изготовлялись сложные луки. Обкладка с

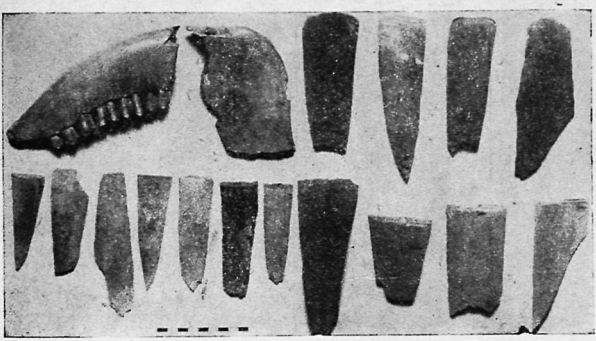

Рис. 9. Костяные орудия труда.

внешней стороны тщательно отполировывалась, делалась выемка для крепления тетивы, которая делалась из сухожилий животных. Большинство обкладок обломаны (брак?), поэтому представлены половинками длиной 7—15 см, при ширине 0,9—1,5 см.

Сложный лук составлялся из деревянной основы, усиленной сухожилиями и роговыми пластинками. Парфяне были прекрасными лучниками, и неспроста на монетах парфянских царей на реверсе изображался Аршак, сидящий на троне с протянутым луком в руке. Юстин сообщает, что парфяне особо обращают внимание на обучение не только своих детей, но и детей своих рабов искусной верховой езде и меткой стрельбе из лука на полном скаку[32].

Спрос на луки, как обязательное оружие для каждого воина, был велик, поэтому вряд ли ограничивались изготовлением их только в одной мастерской; надо полагать, что в античном Мерве их было несколько. На территории Средней Азии обкладки сложных луков встречались часто при раскопках могильников у суньского круга (III в. до н. э. — I в. н. э.), а также кенкольского могильника (I в. до н. э. — II в. н. э.)[33].

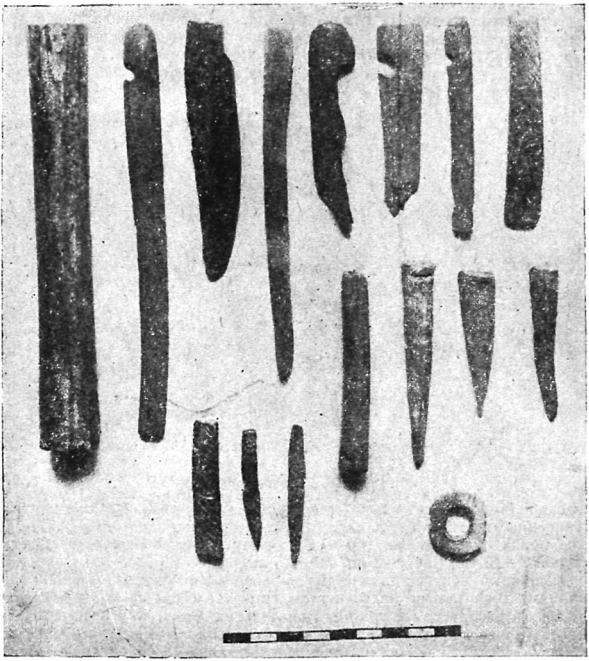

Рис. 10. Костяные обкладки сложных луков и проколки.

Целая мастерская по изготовлению луков была вскрыта на городище Топрак-кала (III в. н. э.) в Хорезме, где нашли скопление костяных обкладок луков и целых луков, склеенных из многих слоев дерева с костяными обкладками в средней части и по краям[34].

Как упоминалось выше, в северной части мастерской выделяется

ряд помещений, связанных уже с ткачеством. Здесь в основном и были найдены бусы, украшения, гемма, женские терракотовые статуэтки, стеклянный флакон, алабастрон и др. Не говорит ли все это в пользу применения женского труда в производстве мастерской. Видимо, не случайно шлейф холма поворачивает на север: именно в этой части, в стороне от основных помещений, где применялся мужской труд, отводилось место для женской половины.

Сложившиеся в условиях рабовладения производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил, которые воссоздаются в основном по археологическим данным.

Благодаря тому, что ремесло отделилось от земледелия, возросла роль товарного производства, в связи с чем стала необходимость в увеличении числа выпускаемой продукции на рынок. Надо полагать, что с этим важным фактом и было связано расширение площади мастерской мервских металлистов за счет пристройки помещений с пахсовыми стенами.

Чтобы выполнить разнообразные виды работ в таком большом доме, где все вскрытые помещения имеют только производственное назначение, необходимо было наличие значительного количества рабочих рук. Не исключена возможность, что в качестве таких рук использовался в мастерской металлиста дешёвый мужской и женский рабский труд. Находки в мастерской личных печатей в виде гемм-инталий являются красноречивым показателем далеко зашедшего развития института частной собственности. В основном рядовые образцы азиатской глиптики геммы из Мерва могли принадлежать не только аристократии, но и представителям средних слоев свободного населения[35].

О наличии письменности у маргианцев и грамотности определенного круга людей свидетельствуют найденные в пределах мастерской остраконы. Ценность их, в частности, заключается именно в том, что относятся они к эпохе античности[36].

Надписи на остраконах сделаны черной краской, с помощью кисти, на хорошо обожженных тонкостенных черепках. Начертание букв на двух больших остраконах очень похоже на письмо парфянских документов из Нисы[37]. Ссылаясь на них, остраконы предварительно можно отнести к I в. до н. э. Третий же остракон, исходя из таблицы развития парфянского письма I в. до н. э.—III в. н. э., пожалуй, следует отнести к III в. н. э.[38]. Расшифровка надписей явится ключом для познания подлинного прошлого Маргианы.

В связи с развитием письменности в древнем мире почти повсеместное употребление получили выточенные из кости стили. Ими писали на восковых дощечках. Тупой конец стиля обычно украшало какое-нибудь рельефное изображение в виде кисти руки, зажатой в кулак или с вытянутым указательным пальцем, головки, птички и т. д. В мастерской ремесленника (Р-2) было встречено несколько стилей в виде палочки, заостренной на одном конце и расширяющейся на другом с рельефной обработкой вплоть до скульптурного изображения. Стили такого типа встречены в Мерве на Нисе, Хорезме и др. — и всюду они датируются античным временем. Находки стилей указывают на возможный учет количества выпускаемой продукции в нашей мастерской.

Некоторый интерес представляет антефикс и литая гипсовая капи-

тель, украшенная листами аканта, среди которых помещена женская полуфигура. Н. С. Гражданкина определила путем анализа, что материалом в капители является смесь: гипса 60%, кварца прозрачно-зеленоватого цвета 30% и извести 10%. Высота капители 16 см, прямо-

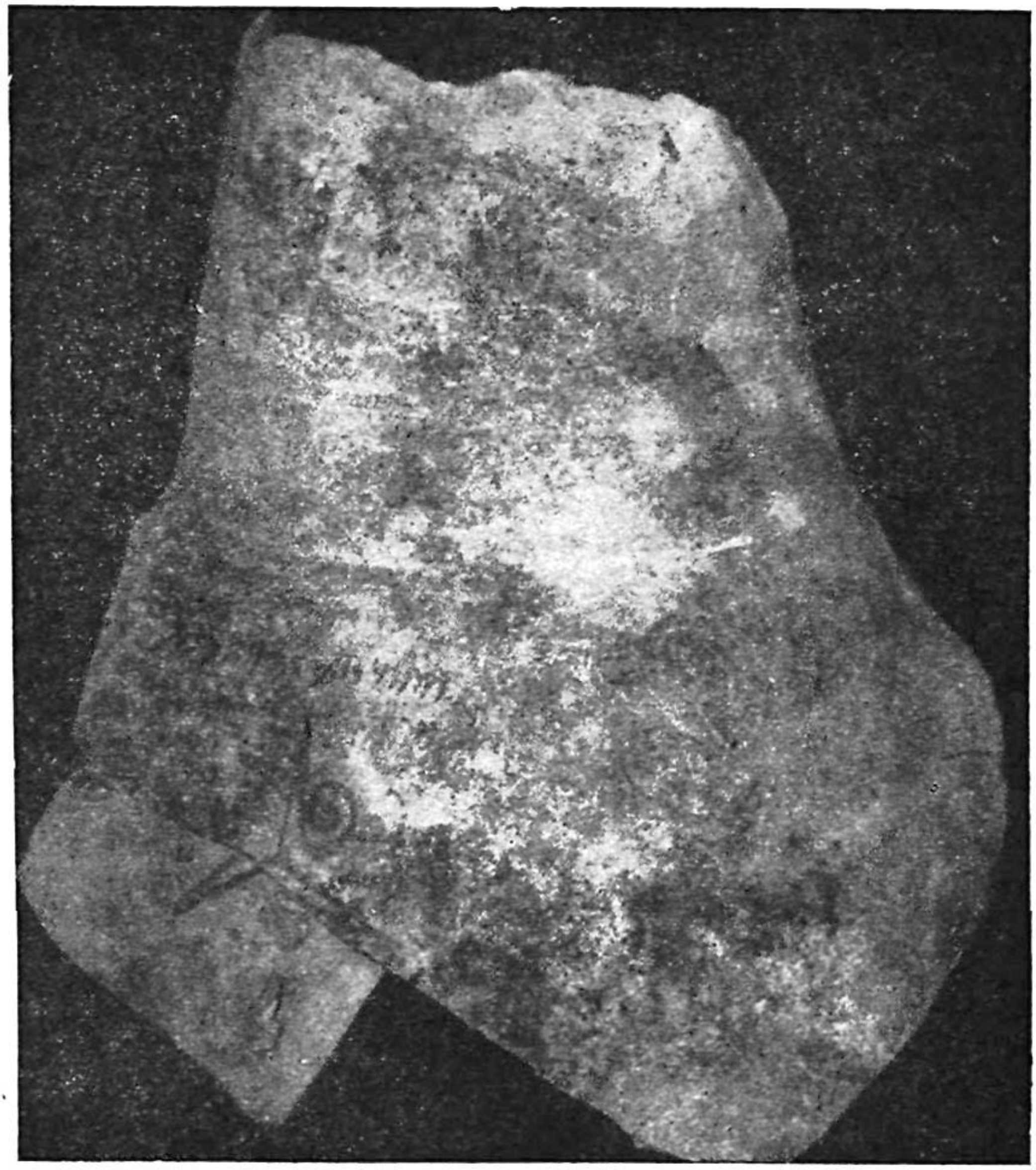

Рис. 11. Остракон.

угольная абака размером 14×6,5×1,5 см. Капитель коринфизированного стиля в верхней части заканчивается двумя несколько выступающими волютами, а в нижней обрамлена двумя остролистами по бокам и акантом в центре. Между двумя волютами изображена женская головка с полным лицом, большим разрезом глаз, маленький рот с полными губами, крупный прямой нос, прямые волосы до самых плеч. Последние обнажены, но видны складки мантии, перекинутой через одно плечо.

По стилю композиции изображение полуфигуры женщины среди листьев аканта напоминает скульптурный фриз из Айртама, датируемый I—II вв. н. э. Видимо, традиции так называемой гандхарской школы, охватившие в начале н. э. искусство народов Среднего Востока, в какой-то мере коснулись и Мерва. Изображение женской фигуры на капители и описанная выше целая статуэтка «Маргианской богини» I в. н. э. из комплекса имеют много общего в передаче черт лица, и вместе с тем в последней чувствуется глубокая связь с местной, коренной парфянской традицией (высокий головной убор, одежда, традиционное положение

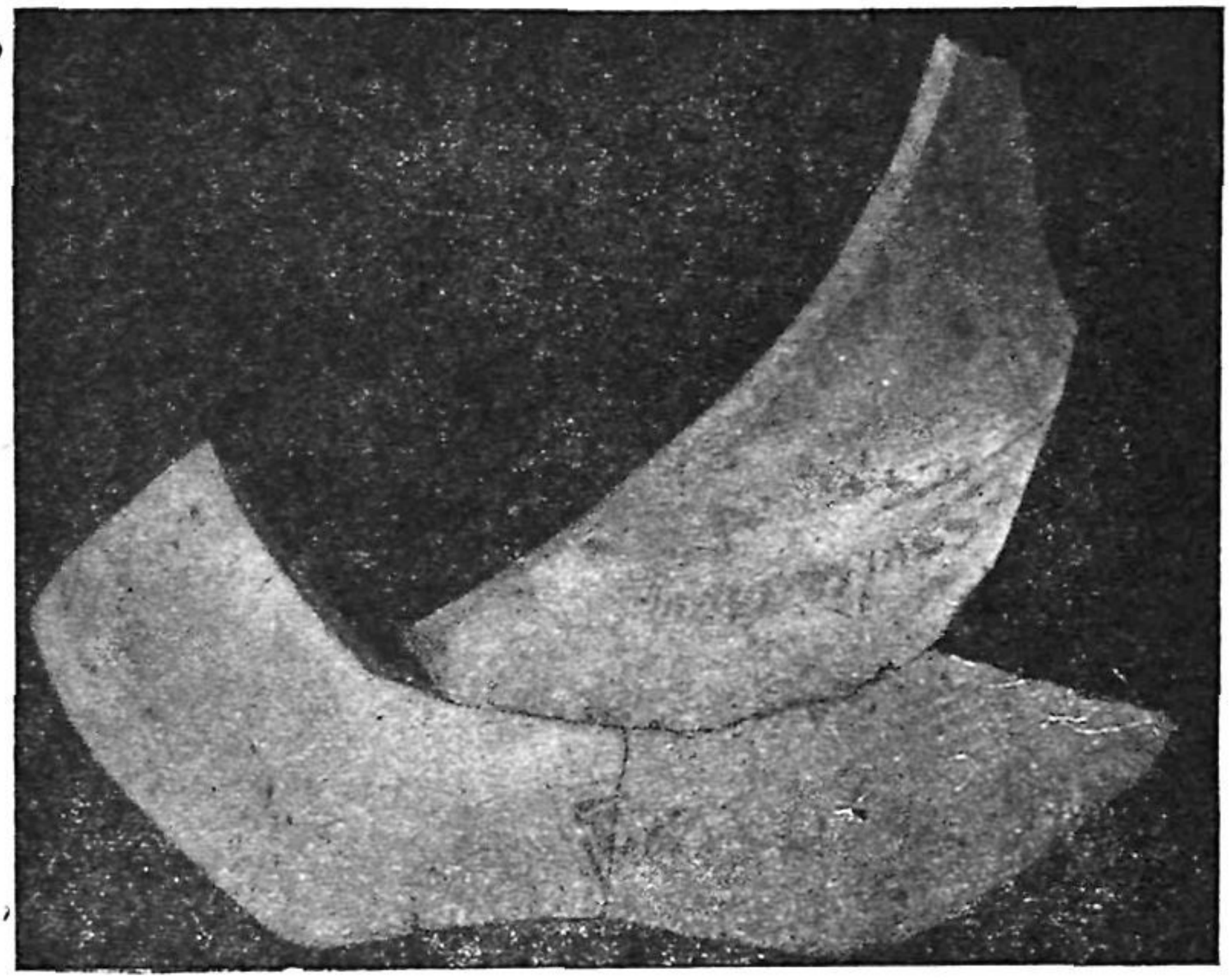

Рис. 12. Остракон.

рук и др.). Не связано ли изображение женской полуфигуры на капители именно с культом «Маргианской богини», образ которой претерпевает значительные изменения в первых веках нашей эры?

Возможно, она украшала алтарь богини-матери и сделана была специально по заказу владельца мастерской в подражание кушанским памятникам искусства этого времени. Поэтому, быть может, местный мастер и не смог до конца выдержать чуждый ему стиль гандхарской школы и от себя добавил близкие и понятные ему черты, что сближает это произведение искусства с мервской мелкой терракотовой скульптурой.

Помимо многочисленных монет, важным датирующим материалом на раскопе является керамика. Тесто ее по преимуществу желтого, розового, реже красного цвета; обжиг для толстостенных сосудов неровный, ангоб светлый, розовый и цвета теста. Почти все сосуды сделаны на

гончарном круге. Встречаются следующие типы сосудов: чаши, кувшины, горшки, мустахара, хумы.

Чаши представлены несколькими формами:

а) плоское дно с плавно отходящими стенками, закругляющимися у закраины внутрь; диаметр 13—30 см, высота 4,7—11,5 см, соотношение высоты к диаметру 1:3;

Рис. 13. Гипсовая капитель.

б) хорошо выраженная кольцевая ножка выступающего донца плавно переходит в стенки, которые, делая легкий выгиб, продолжаются в почти прямой венчик; диаметр 15,5—20 см, высота 10—12,7 см, диаметр донца 6,5—10,5 см, соотношение высоты и диаметра 1:1,5;

в) слегка выступающее плоское дно, раструбом отходящее в неравные в сечении стенки, заканчивается мало выразительным венчиком, тесто розовое, ангоб светло-розовый. Диаметр 17,5 см, высота 7,2 см, соотношение высоты и диаметра 1:2,5;

г) неглубокие чаши с отлого отходящими стенками, которые завер-

шаются венчиком с отогнутым бортиком в сторону; диаметр 14—18 см. Последние находят аналогии в керамике из погребений парфянского времени в Дура—Европос[39]. В целом же чаши очень своеобразны и характеризуют мервскую керамическую школу с присущими ей локальными особенностями.

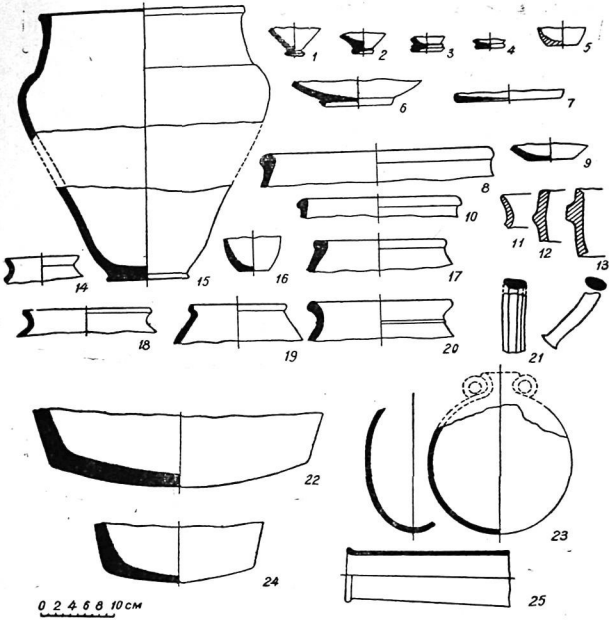

Рис. 14. Комплекс керамики I—II вв. н. э.

Цельных форм кувшинов найдено не было. Судя по фрагментам венчиков, горловин, донъев, стенок с ручками, кувшины имели плоское дно, округлое тулово с покатыми плечиками, которые переходили в невысокое горло, завершающееся мало выразительным или слегка утолщенным наружу венчиком (диаметр 11—16 см). Ручки в сечении овальные или фасолевидные.

Почти все фрагменты венчиков горшкообразных сосудов отогнуты

наружу, некоторые имеют выемку для опоры крышки, а на плечиках выпуклый валик. Диаметр 9—28 см, высота до 35 см.

Хотя форма кувшинов и горшкообразных сосудов представляет собой продолжение развития форм предшествующего периода, все же некоторые из них дают своеобразное начертание профиля, а по тесту, ангобу и вообще внешнему облику резко отличаются от раннего комплекса, описание которого см. ниже. Близкие аналогии находим в слое Кобадиан III (I в. до н. э.—I в. н. э.) и в слое Кобадиан IV (II в. н. э.)[40].

Из числа других форм нужно назвать мустахару для перевозки жидкостей. Сохранилась лишь стенка плоской круглой мустахары. Диаметр боковой стенки 19 см, высота реконструированной мустахары 20,5 см. В парфянскую пору мустахара для перевозки вина и всевозможных жидкостей применялась широко не только на территории Средней Азии, но и за ее пределами. Плоские, круглые мустахары с двумя ушками по обе стороны высокого горлышка известны по находкам в Нисе, где они датируются I в. до н. э.—II в. н. э.[41].

Рис. 15. Керамика I—II вв. н. э.

В кухонной посуде преобладает тесто с примесью дресвы и мелких кусочков слюды, обжиг не всегда ровный. Почти на всех сосудах следы закопченности как результат их неоднократного употребления. Встречаются отогнутые наружу венчики горшкообразных сосудов (диаметр 10—20 см), кувшинов, изготовленных на гончарном круге. От руки сделаны лишь некоторые фрагменты котлов с ручками, оттянутыми в процессе изготовления в виде бугорков.

Форма найденных крышек напоминает небольшие тарелочки с плоским дном, плавно отходящими стенками, которые завершаются венчиком, оттянутым наружу и имеющим на внешней поверхности паз для удобной опоры на венчик сосуда. Диаметр 5—9 см, высота 1,5—2,3 см. И. Б. Бентович считает, что небольших размеров тарелочки с отверстием на дне из Пяджикента, Тали-Барзу, Кафыр-кала служили воронками для процеживания жидкости[42].

Фрагменты хумов и хумчи встречаются часто и имеют прямой утолщенный наружу венчик, диаметром 36—52 см. Форма их изменяется мало, и профиль венчиков аналогичен парфянским хумам Нисы[43]. К керамическим изделиям надо отнести также кабур длиною 22 см, заканчивающийся утолщенным венчиком, диаметром 7,5 см.

Описанный комплекс датируется рядом нумизматических данных.

Самая ранняя медная монета принадлежит чекану Орода I (56—37 г. до н. э.), при котором Парфия превращается в крупную державу и

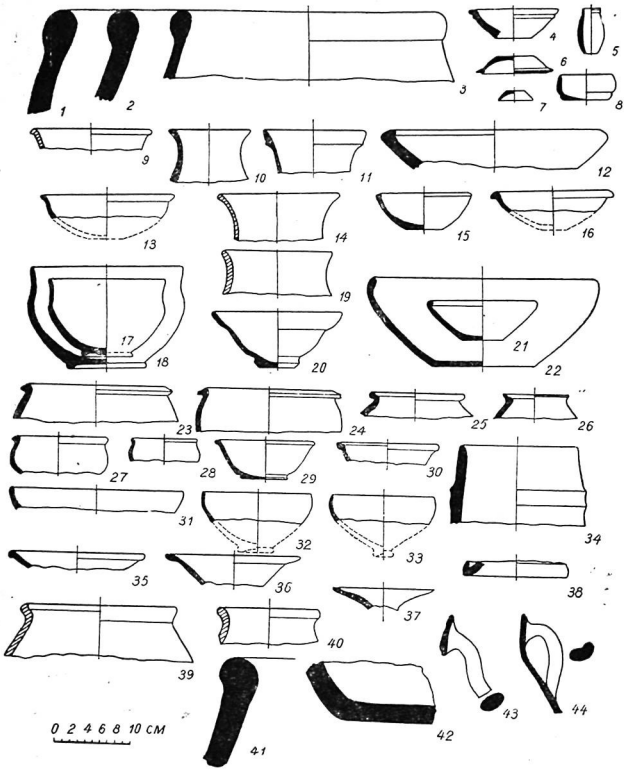

Рис. 16. Керамика I—II вв. н. э.

становится внушительным соперником Рима. Что касается остальных монет, то они относятся уже к местному маргианскому чекану I—II в. н. э.

Таким образом, в силу изложенных фактов, проведенных сравнений и аналогий, максимальный рост и расцвет ремесленного производства мастерской приходится на среднепарфянское время (конец I в. до н. э. — II в. н. э.).

Для установления времени первоначального обживания объекта были заложены два стратиграфических шурфа № 3 и № 4 соответственно в помещениях № 10 и 12, давших приблизительно одну и ту же картину культурных напластований. Первый шурф размером 4×6 м доведен был на глубину 8,5 м, а второй (3×1,5) — 7 м. Под слоем пушонки пошел рыхлый натечно-надувной слой до полуметра толщиной. Этот уровень в шурфе № 4 дал в разрезе остатки печи очажного типа, которая увязывается с архитектурными остатками самого последнего III периода. Ниже следовал светлый однородный слой от 0,5 до 1 м толщиной, с зеленоватыми прослойками и отдельными пятнами. Слой содержал большое количество фрагментов керамики «позднепарфянского» облика; здесь же были найдены остраконы.

Ниже характер слоя меняется. На уровень VII—VIII яруса приходится пахса до 75 см высотой, комковатой структуры и зеленоватого цвета, с включением небольшого количества фрагментов керамики. Слои по обе стороны от пахсы образовались в результате разрушения пахсовой стены и завала коричневого цвета с зелеными селитроносными прослойками. Пахса подстилается зеленоватым слоем с включением золы и угольков. Вся эта культурная толща, начиная с VII яруса до IX, относится к одному времени функционирования ремесленной мастерской.

Нижележащие слои по структуре и содержимому материалу резко отличаются от предыдущих. Несколько темноватый плотный слой с угольками, гипсом, керамикой чередуется со светлым слоем такой же плотности и содержания. Общая толщина этих культурных напластований 2,5 м. Здесь была встречена медная монета чекана Евидема I (230—200 г. до н. э.), а в XII ярусе две медные монеты II в. до н. э. Таким образом, эти нумизматические находки уточняют датировку слоя и полученного керамического материала.

Начиная с XIII яруса в одном шурфе, в другом — с конца XIV идет слой с включением песка, а ниже — чередование прослойки земли со слоем рыхлого сыпучего песка. Опустившись таким образом в материк на 1,5 м, в шурфе № 3 в XVII ярусе был встречен зеленовато-пепельного цвета слой, содержащий в себе речные ракушки, следы корней болотных растений, а также фрагменты керамики и костей животных. Керамика выполнена на гончарном круге и по цвету теста, ангоба и степени обжига находит аналогии в древнемаргианских слоях шурфов, заложенных в разных частях территории Гяур-калы, а также хорошо известных по раскопкам XIV отряда ЮТАКЭ на древнемаргианских поселениях. Этот слой — результат наноса разрушенного культурного слоя с включением керамики блуждающими руслами Мургаба. Во втором шурфе этого не наблюдается.

Ниже продолжался материк из чередующихся слоев песка с прослойками жирной болотной глины шоколадного цвета (тюн). Опустившись для контроля в этом материке еще на 1,5 м, работы в шурфах были нами закончены.

В XIV—XVI ярусах слой сыпучего и рыхлого песка тщательно ис-

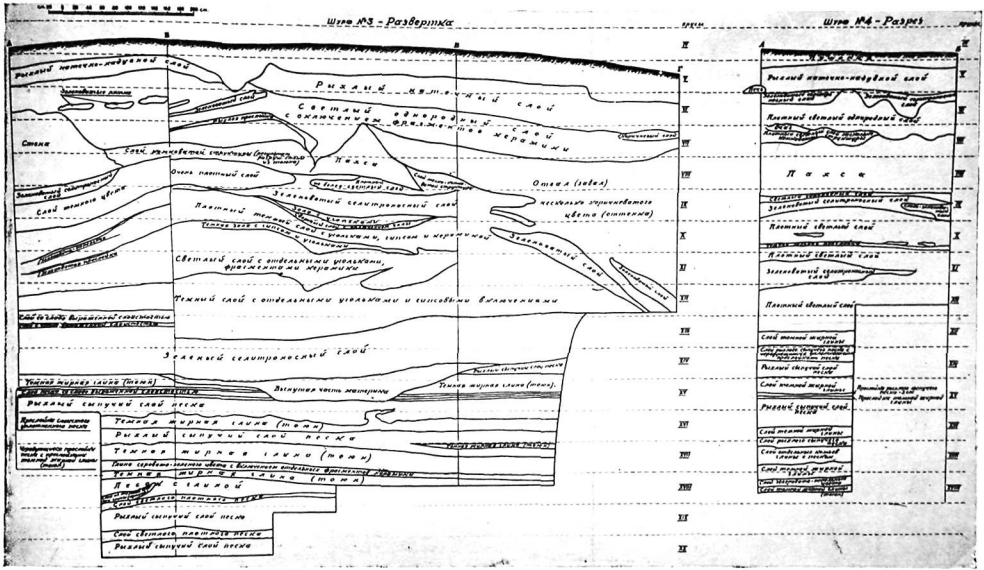

Рис. 17. Стратиграфия культурных напластований в шурфах № 3 и 4.
(Шурф 3 — развертка, шурф 4 — разрез).

следовался М. Е. Массоном, который установил, что песок содержит чехлики селена и других пустынных растений. Благодаря этим чехликам, соки, вырабатываемые корнями этих растений, попадают не в

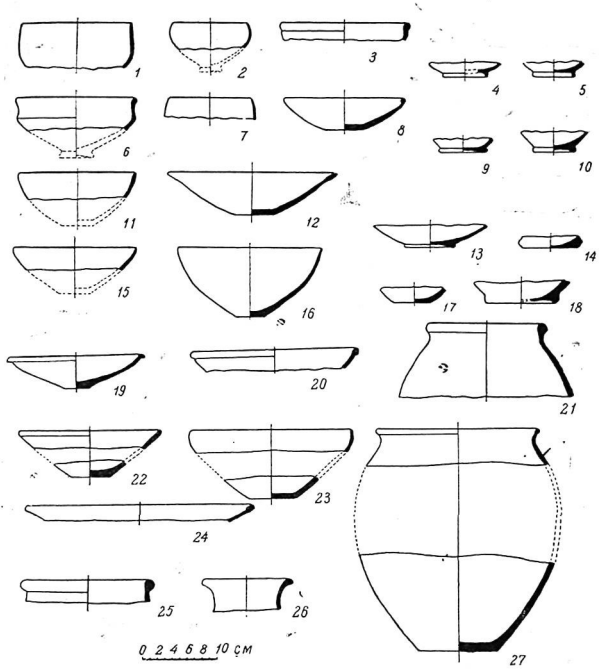

Рис. 18. Комплекс керамики II в. до н. э.—I в. н. э. из шурфа 4.

песок, а в ствол. Этот факт свидетельствует о времени запустения, когда данный уровень был дневной поверхностью. С тех пор накопился культурный слой около 5 м толщиной.

Стратиграфия нижних культурных слоев показала, что начало обживания территории местонахождения нашего комплекса относится к III в. до н. э. С тех пор была нажита культурная толща в 2,5 м, на кото-

рой возводятся уже описанные помещения ремесленной мастерской, сначала в западной и центральной части, а на втором этапе пристраиваются комнаты с пахсовыми стенами в восточной и северной половине холма. И, наконец, в позднепарфянское время весь этот комплекс был забутован и на выравненной платформе возводились помещения последнего строительного периода. Археологический материал из шурфов представлен в основном керамикой, дающей большое разнообразие форм. Преобладающее количество черепков красного и розового цвета, тесто хорошей отмучки. Кухонная посуда часто с примесью дресвы и имеет хороший обжиг. О том, что посуда была в употреблении, свидетельствуют следы закопченности на многих фрагментах. Вся керамика, включая и кухонную, сделана на гончарном круге и покрывалась светлым, розовым и густым красным ангобом. По материалу двух шурфов выявлена керамика с черным и серым лощением горизонтальными и вертикальными полосками.

Бытовая керамика представлена как толстостенными хумами, так и тонкостенными сосудами, не лишенными изящества. Отсутствуют изделия чисто декоративного характера.

Различаются следующие типы сосудов: бокалы, чаши, кувшины, горшкообразные сосуды, котлы, хумы.

Бокалы имеют сходящий на нет у закраины венчик, переходящий в конусообразное тулово на небольшом рельефном донце, с вмятиной в месте опоры на гончарный круг. Другой вид бокалов имеет венчик с крутым изгибом в месте перехода в конусообразное тулово. Диаметр 10—13,5 см, высота 6—12 см, диаметр донца 2,5—3 см. Соотношение высоты и диаметра 1:1,25. Как правило, бокалы ангобируются светлым ангобом в верхней своей части до излома. Чаши наиболее разнообразны по своим формам. Фиалообразные чаши на кольцевом поддоне имеют либо крутой излом, либо плавный выгиб при переходе к слегка изогнутой закраине. Стенки чаш ангобировались с внешней стороны до уровня излома, так что венчик оставался красным. Диаметр 14,5—15 см, высота 6—7,5 см, диаметр донца 3,7—5 см. Соотношение высоты и диаметра от 1:2 до 1:3.

Изящные тарелочки имеют выступающий кольцевой поддон, скошенный изнутри, с отлого отходящими стенками, заканчивающимися слегка округлым венчиком. Диаметр 19—20 см, высота 3,7—4 см, соотношение высоты и диаметра 1:5.

Кувшины, за исключением одного лепного фрагмента, все сделаны на гончарном круге; различаются узкогорлые и широкогорлые. Интересную форму дает небольшой красно-лощеный кувшинчик, сферическое тулово которого несколько утолщается изнутри при переходе в сужающуюся горловину. У некоторых кувшинов с расширяющейся горловиной утолщенный наружу венчик иногда имеет с внешней стороны желобок. Диаметр венчиков 14—15 см. Довольно часто встречаются с заостренной закраиной широкогорлые кувшины, прямая горловина которых плавно переходит в покатые плечи, диаметр до 30 см.

Горшкообразные сосуды большей частью имеют черепок красного цвета и покрыты снаружи светлым или розовым ангобом. Характерно для них плоское дно, сферическое тулово, переходящее в слегка отогнутый наружу утолщенный венчик, иногда по плечику идет валик, диаметр 16—30 см.

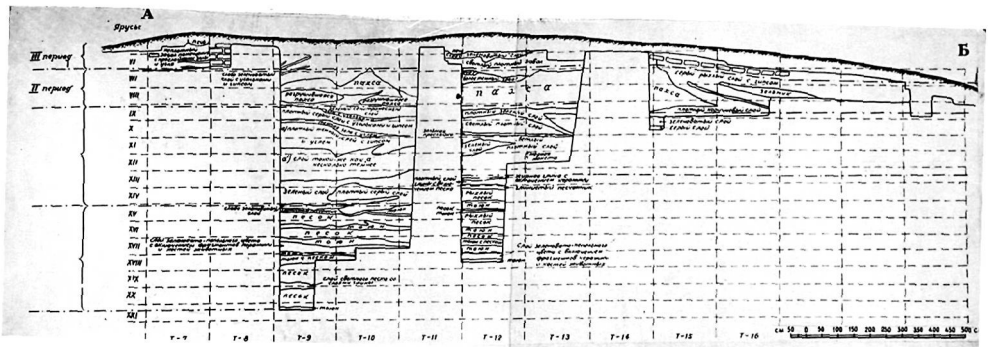

Рис. 29. Разрез с юга на север через шурфы № 3 и 4.

Встречено несколько фрагментов ножек от сосудов типа ваз. Подставка полая внутри, стенки ее утолщаются в основании и отогнуты вверх. Диаметр подставки 14 см, толщина 0,8—1 см.

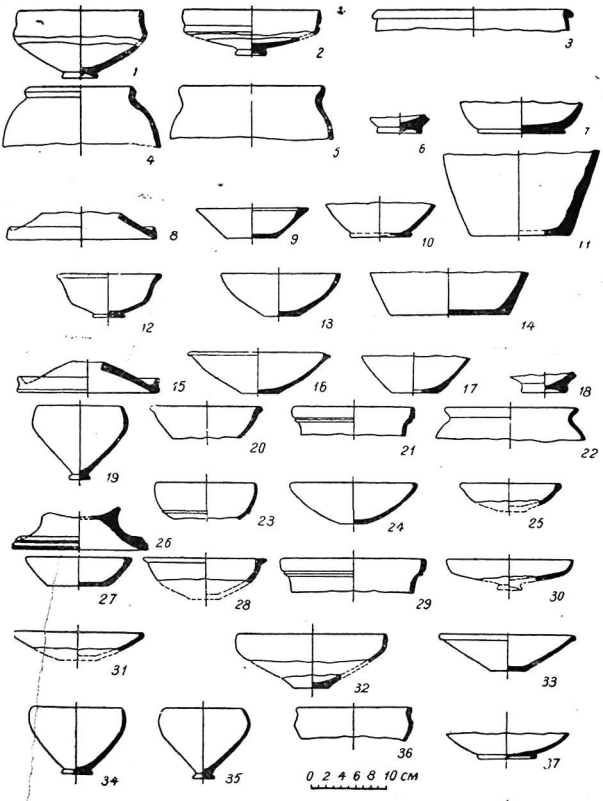

Рис. 20. Керамика из шурфа 4, II в. до н. э.—I в. н. э.

К посуде хозяйственного назначения относятся:

а) котлы с прямым, утолщенным наружу венчиком. Некоторые из них, с желобками на закраине, имеют примесь дресвы и сделаны от руки;

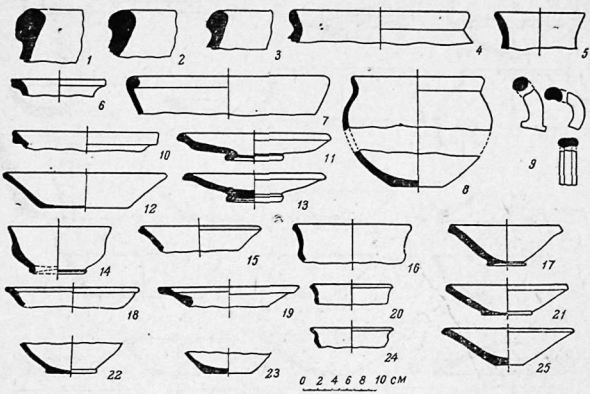

Рис. 21. Комплекс керамики II в. до н. э. из XIV яруса.

б) хумы и хумчи с округло утолщенным наружу венчиком диаметром 37 —44 см;

в) посуда, имитирующая каменные изделия, с плоским дном, прямыми стенками, сильно выдающимся наружу венчиком.

При сопоставлении этих форм с античной керамикой Среднего Востока мы находим аналогии керамике раннепарфянского времени в материалах с территорий Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, где они датируются в пределах II в. до н. э. — I в. н. э. Надо заметить только, что бокалы из Туп-хана имеют высокую ножку, между тем как для Мерва характерно маленькое донце без ножки и загнутый слегка внутрь венчик. М. М. Дьяконов датирует материал I в. до н. э. на основе обола, чеканенного в подражание оболам Евкратида.

За рубежом в качестве сравнения можно сослаться на раннепарфянскую керамику из Селевкии на Тигре, Дура-Европос, юго-восточного Ирана[44]. Более близкие аналогии всем формам нашей керамики дает Афганистан, где при раскопках в Балхе был собран богатейший керамический материал[45].

В заключение подведем некоторые итоги. Трехлетнее изучение объекта Р-2 с полным вскрытием основных сооружений второго и третьего периодов его обживания выяснило, что перед нами комплекс, связан-

ный с производством и расположенный в секторе ремесленных кварталов Гяур-калы.

Начало накопления культурных слоев восходит здесь ко времени образования Парфянского государства. Археологический материал и нумизматические данные позволяют датировать раннепарфянский культурный слой III—II вв. до н. э. Маргиана тогда входила в состав Греко-бактрийского государства. Это видно и из того, что при столкновении Антиоха III с Евтидемом I последний сосредоточил силы у западных границ своих владений недалеко от поймы р. Теджен, при заключении же мира между обоими полководцами в 206 г. обе стороны остались при своих неизменных границах[46]. Даже при Митридате I (171—138 г. до н. э.), когда Парфия превращается в крупную державу, Маргиана еще не входила в состав последней и поэтому граница Парфии на северо-востоке не могла проходить по Аму-Дарье, как предполагал В. В. Бартольд[47].

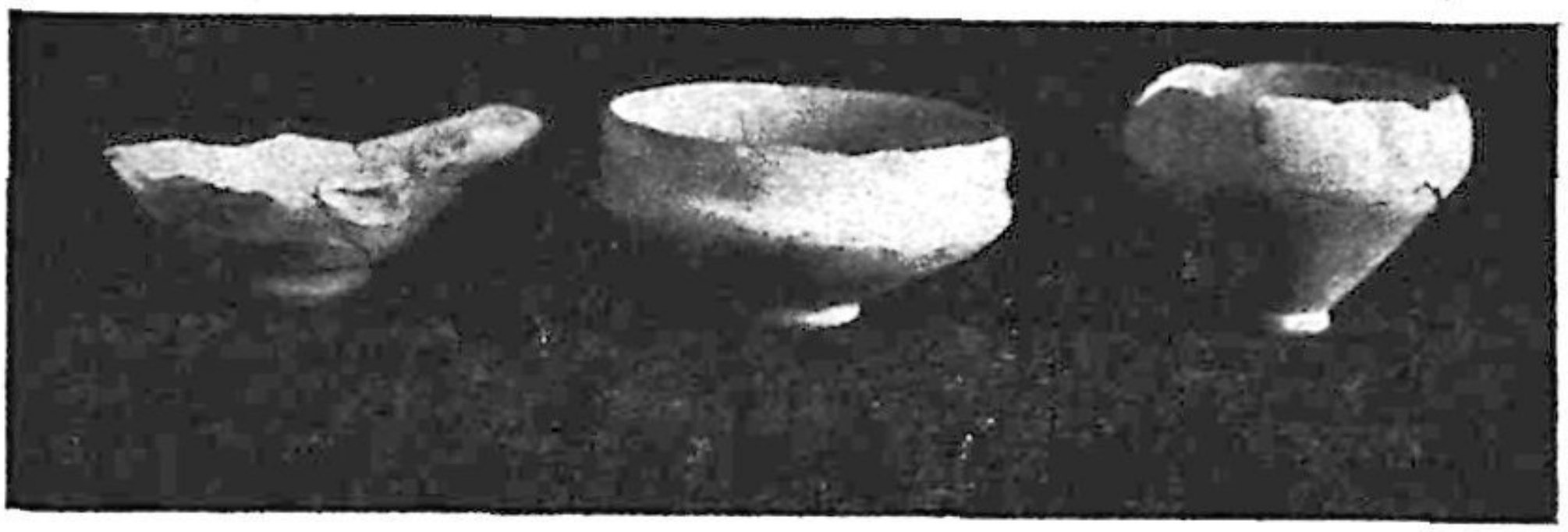

Рис. 22. Керамика II в. до н. э.—I в. н. э.

С момента присоединения Маргианы к владениям Парфянской державы, что произошло при Митридате II (123—88 гг. до н. э.), начинается новый период в истории культурной жизни античного Мерва, когда даже были выпущены памятные драхмы с упоминанием Маргианы[48]. В эту пору и начинается строительство комплекса помещений мастерской.

В правление Орода I (56—37 г. до н. э.) интенсивно развиваются различные виды ремесла, растет роль товаро-денежных отношений; маргианская сталь и изделия из нее пользуются мировой известностью, о чем сообщают античные авторы. При нем были разгромлены римские войска во главе с Крассом, а взятые в плен римские воины были поселены в качестве колонистов здесь в Маргиане, поскольку она была далекой окраиной Парфянского государства.

После правления Орода I наступает ослабление Парфянского царства, нарастают тенденции децентрализации внутри государства, что приводит к низвержению старой ветви Аршакидов и распаду державы на ряд отдельных, полунезависимых областей. Маргиана во второй половине I в. н. э. получает автономию; так начинается новый период в культурной жизни области. С этого времени в Мерве правят самостоятельно лица из рода Аршакидов, появляется собственный монетный чекан. Медные монетные кружки представлены несколькими типами и очень близки к общеизвестным монетам Санабара. Легенды за малым исключением выполнены парфянским шрифтом и имеют начертание буквы

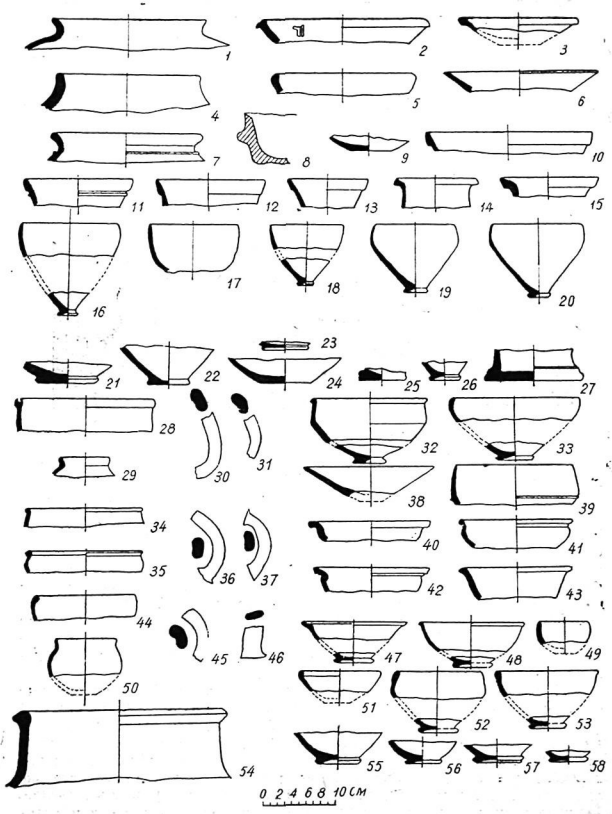

Рис. 23. Керамический комплекс II в. до н. э. из шурфа № 3.

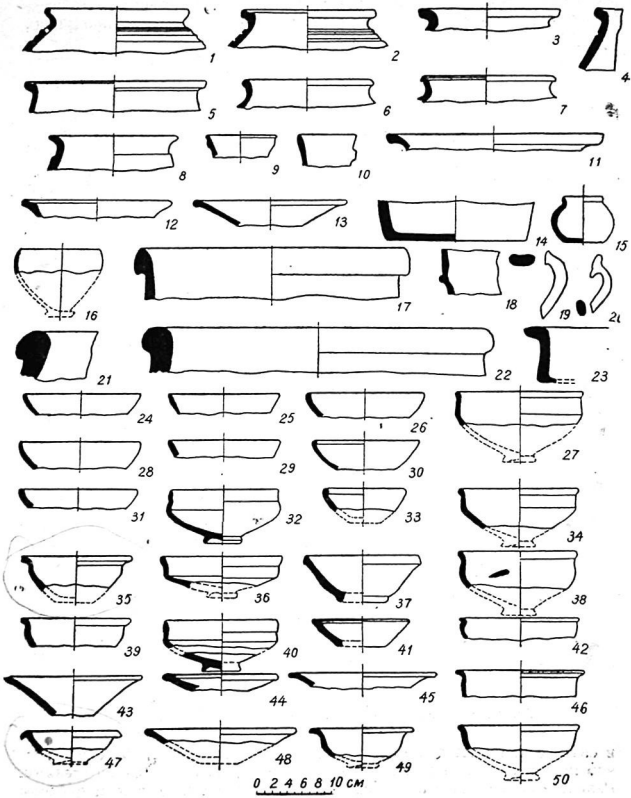

Рис. 24. Керамический комплекс II в. до н. э. из шурфа № 3.

«П». Обильный медный чекан свидетельствует о развитой базарной торговле с монетным обращением и рассчитан был «только для внутреннего, узко локального, в пределах области потребления»[49].

В этот период для нашей мастерской начинается новый этап. С ростом производительности труда и роли товарного производства встала необходимость в увеличении числа выпускаемой на рынок продукции,

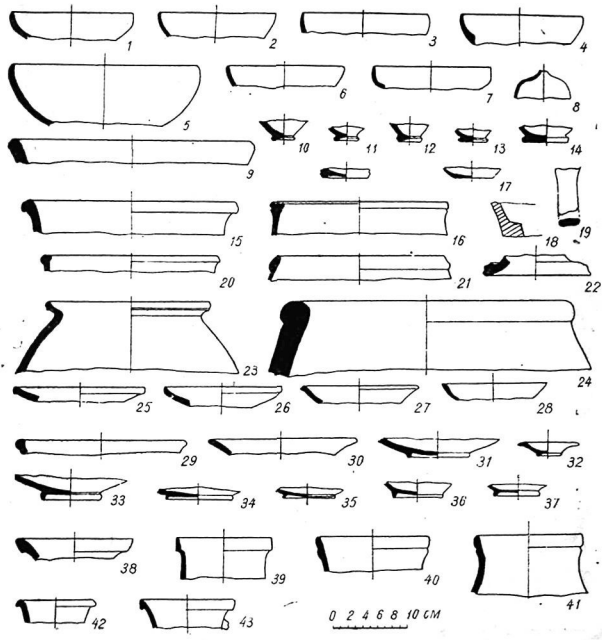

Рис. 25. Керамический комплекс II—I в. до н. э. из шурфа № 3.

в связи с чем площадь мастерской расширяется в восточном и северном направлениях за счет пристройки помещений с пахсовыми стенами. Развитое ремесленное производство основывалось на дешевом рабском труде, чем и достигалась высокая для рабовладельческого способа производства производительность труда.

Во всем чувствуется усиление значения местного элемента; ярким выражением его является мелкая терракотовая скульптура из Р-2, в которой четко проступает преодоление эллинистических и торжество местных традиций.

К концу II в. н. э. Парфянское государство теряет свою мощь, что не прошло бесследно и для Маргианы. «Наступила пора, когда производственные отношения в условиях своеобразной восточной формы рабовладельческого общества Парфии стали тормозом дальнейшего развития производительных сил»[50].

Третий период функционирования дома медника, видимо, и связан с этим временем, когда рабовладелец пытается найти пути преодоления назревающих противоречий, строит новые помещения, налаживает работу мастерской. Но это ненадолго. Последние Аршакиды не в силах были устоять перед натиском южно-иранских племен, и в III в. н. э. обессиленная Парфянская держава пала. Мерв вошел в состав государства Сасанидов. Произошла смена династий, но социально-экономические условия оставались прежними. В облике бытового инвентаря, по сравнению с предшествующим временем, не произошло особых изменений[51], о чем свидетельствует материал «позднепарфянского облика» из мастерской и лежащий прямо на поверхности руин Гяур-калы в сопровождении медных монет, выпущенных первыми сасанидами—Арташиром I (224—242 г. н. э.) и Шапуром I (242—272 г. н. э.). И только благодаря кризису рабовладельческой системы, назревшие новые производственные отношения способствовали успешному развитию Сасанидского государства по пути феодализации.

С момента начала кризиса жизнь на изучаемом объекте замирает и больше никогда не возобновляется как и на многих руинах Гяур-калы и сельских маргианских поселений[52].

Как показала стратиграфия напластований культурных слоев с массой полученного археологического материала, перед нами комплекс, где работало не одно поколение потомственных ремесленников, оставшихся на одном и том же месте на протяжении нескольких столетий. «Рушатся старые здания, на их месте возникают новые, накапливаются новые культурные толщи, но их содержимое остается одним и тем же: крицы, шлаки, горны, хумы, литейные формы и т. д...[53]». Только массовый керамический материал отличается своими особенностями: если на раннем этапе преобладал красный цвет черепка с красным и светлым ангобом, то в последующее время—больше серовато-жёлтый цвет с розовым и светлым ангобом; в позднепарфянский период — серый черепок с таким же ангобом. Отдельные формы чаш, бокалы и тарелки отсутствуют в среднепарфянском комплексе, зато появляются совершенно новые профили чаш и новые формы более крупной посуды хозяйственного назначения. Характерным для данного периода является исчезновение красно-лощеной керамики, которая, между тем, на территории Кушанского государства доживает вплоть до кризиса рабовладельческого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955; Адыков К. К характеристике гончарного производства в Мерве конца XII—начала XIII вв. Известия АН ТуркмССР, 1955, № 5; Пугаченкова Г. А.

Мастер-керамист Мухаммед-Али Инойятов из Мерва, СА, 1958, № 2; Сарианиди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений и Лунина С. Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958. См. также Труды ЮТАКЭ, т. XI.

2. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва, ВДИ, 1951, № 4, стр. 96, 97; Большая значимость данного объекта была отмечена и в первом томе обобщающего труда «Очерки истории СССР»; см. Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 268.

3. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 112, рис. 48; Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 90; Массон В. М. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. Известия АН Туркм ССР, 1953, № 1, стр. 56.

4. Массон М. Е. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. Известия АН ТуркмССР, 1951, № 1, стр. 93.

5. Следует указать, что хронологически определенный керамический материал с Р-2 был использован Л. М. Рутковской в диссертационной работе и вошел в одну из опубликованных ею статей; см. Рутковская Л. М. Парфянская керамика древнего Мерва, СА, 1958, № 3.

6. Тревер К. В. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках, СА, XVI, 1952, стр. 285; Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, ВДИ, 1953, № 1, стр. 159.

7. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан). Труды ТАЭ, т. II. М.—Л., 1953, стр. 285.

8. Тереножкин А. И. Раскопки в Кухендизе Пянджикента. Труды ТАЭ, т. I. М.—Л., 1950, стр. 88.

9. Воронец М. Э. Орудия эпохи бронзы в Музее истории АН УзССР. Бюллетень АН УзССР, 1946, № 2, стр. 31; Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 8.

10. Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954, стр. 18.

11. Дьяконов М. М. Цит. соч., стр. 283, 285, 286.

12. Массон В. М. Цит. соч., стр. 57.

13. Князев П. И. Разведочно-археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза. Труды ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 175.

14. Массон М. Е. Некоторые итоги... Цит. соч., стр. 93.

15. По технике плавки руды, устройству медеплавилен, сырорудных печей древности мы располагаем достаточной литературой, чего нельзя сказать по вопросу о вторичной обработке металла; см. Массон М. Е. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Ташкент, 1930; Иессен А. А. К вопросу о древней металлургии Кавказа. М.—Л., 1935; Валукинский Н. В. Древнее производство меди в районе Джезказгана. Известия АН Каз.ССР, № 46, серия археологическая, в. 1. Алма-Ата, 1948; Литвинский Б. А. К истории добычи олова в Узбекистане, Труды САГУ, вып. XI, кн. 3. Ташкент, 1950; Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, МИА, 32, М.—Л., 1953; Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана, 1953 и др.

16. Массон М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947, стр. 12.

17. Беленицкий А. М. Глава «О железе» минералогического трактата *Бируни*, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 143.

18. Ср. Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д. История техники древнего Востока под ред. В. В. Струве. М.—Л., 1940, стр. 87.

19. Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей великого спасителя», Труды САГУ, вып. XI, кн. 3. Ташкент, 1950, стр. 29; Его же. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, ВДИ, 1953, № 1, стр. 146.

20. Инталия опубликована Г. А. Пугаченковой, которая видит в изображении *образ Геракла, столь популярного в парфянской иконографии, и считает возможным* датировать ее временем около начала нашей эры; см. Пугаченкова Г. А. Геммы из Мерва. Известия АН ТуркмССР, 1957, № 3, стр. 66, рис. 3.

21. См. Воронина В. Л. Цит. соч., стр. 96; Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах, КСИИМК, 66, 1956, стр. 81; Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы кафиркиганского отряда в 1952—53 гг. Труды ТАЭ, т. III. М.—Л., 1958, стр. 295—296.

22. Костный материал 1953 г. с раскопа был определен в камеральной лаборатории ИИМК проф. В. И. Цалкиным. Определены кости крупного, мелкого рогатого скота, кости осла, джейрана, бухарского оленя и безуарового козла.

23. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 130.

24. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана, ВДИ, 1952, № 2, стр. 224.

25. Первичная периодизация мервской терракоты в связи с античной коропластикой Средней Азии была дана Л. И. Ремпелем, а всестороннее обобщение мелкая терракотовая скульптура получила в работах Г. А. Пугаченковой, основные положения и выводы из которых использованы автором данных строк; см. Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949; Его же, Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951; Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. СА, XXIX—XXX, 1959.

26. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня... стр. 131, рис. 10.

27. Васильева Г. П. Итоги работ туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 444.

28. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня..., стр. 131, рис. 10.

29. Пугаченкова Г. А., Елькович Л. Я. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 30.

30. Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу. Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л., 1940, табл. I; Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940, рис. 49; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 72; Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, рис. 38.

31. Заславская Ф. А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени. История материальной культуры Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1958, стр. 45—59, рис. 12—14.

32. Юстин. Эпитома. Сочинение Помпея Трога «Historiae philippicae», ВДИ, 1955, № 1, стр. 219; Марков А. К. Неизданные арсакидские монеты. ЗВО, VI, Спб., 1892, стр. 275.

33. Грязнов М. П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, стр. 176. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 21, табл. XXVII; Грязнов М. П. Рецензия на работу Бернштама «Кенкольский могильник». Л., 1940, КСИИМК, XI, 1945, стр. 148.

34. Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г. СА, XIX, 1954, стр. 261, рис. 16; Его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 34.

35. Пугаченкова Г. А. Материалы по восточной глиптике. Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, вып. CXI. Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, стр. 139; Ее же. Геммы Мерва. Цит. соч., стр. 71.

36. В Мерве еще в 1937 г. были найдены остраконы с надписями на согдийском, среднеперсидском и арабском языках, а еще ранее несколько остраконов добыто в 1904 г. и тоже неантичного времени, см. Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, v. I, Washington, 1908, стр. 197, табл. 52, 53; Певзнер С. Б. О двух арабских азбуках из раскопок в Мерве. Эпиграфика Востока, IX. М.—Л., 1954, стр. 24, 36.

37. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Парфянский архив из древней Нисы. ВДИ, 1953, № 4, стр. 115; Их же. Новые находки парфянских документов. Известия АН ТуркмССР, 1953, № 6, стр. 3—6.

38. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., Массон М. Е. Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы. Материалы ЮТАКЭ, вып. 2. М.—Л., 1951, стр. 29, рис. 9; Дьяконов М. М. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы. ВДИ, 1954, № 4, стр. 173.

39. Toll N. P. The necropolis The excavations at Dura—Europos, preliminary

report of the ninth season of work 1935—36, part II. New-Haven—London, 1946, стр. 109, рис. 37—45.

40. Дьяконов М. М. Археологические работы... Цит. соч., стр. 288, рис. 24; Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы... Цит. соч., стр. 299. рис. 6.

41. Массон М. Е. Новые археологические данные... Цит. соч., стр. 154.

42. Вентович И. Б. Керамика Пянджикента. Труды ТАЭ, т. II. М.—Л., 1953, стр. 139—142, рис. 7.

43. Массон В. М. Хумы Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, стр. 418, рис. 38—42.

44. Debevoise N. C. Parthian pottery from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor University of Michigan press, 1934, рис. 188—231; Stein S. A. Archaeological reconnaissances in north-western India and south—eastern Iran. London, 1937, табл. XXXII.

45. Gardin J. C. Céramiques de Bactres, Mémories de la délégation archéologique française en Afghanistan, Paris, 1957, стр. 93 и сл.

46. Массон М. Е. О северо-восточных пределах парфянского государства. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 147.

47. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 8.

48. Марков А. К. Неизданные арсакидские монеты. ЗВО, VI, Спб., 1892, стр. 279.

49. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 32.

50. Там же, стр. 18.

51. Там же, стр. 19.

52. Массон М. Е. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. Известия АН ТуркмССР, 1952, № 5, стр. 20.

53. Массон М. Е. Некоторые итоги... Цит. соч., стр. 94.

МЕРВСКИЕ ГЕММЫ-ИНТАЛИИ

Находка в 1949—51 гг. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией на городище Старая Ниса оттисков парфянских печатей положила начало изучению древней сфрагистики Южного Туркменистана[1]. С тех пор и на городищах древнего Мерва—Эрк-кале и Гяур-кале при археологических работах экспедиции было обнаружено несколько резных камней из группы так называемых гемм-интали́й. Принципиальная значимость этих объектов несомненна: найденные in situ, в определенном пункте, нередко в хорошо датированных археологических слоях, они дают возможность иметь первое суждение о характерных для Мерва печатях, о состоянии местного камнерезного искусства в парфяно-сасанидское время и вообще восполняют пока еще очень нечеткую картину развития среднеазиатской глиптики, образцы которой представлены в основном почти беспаспортными объектами, хранящимися в музейных собраниях. Настоящая статья посвящена характеристике этой групы мервских гемм[2]. Оговорим, что описание изображений дается не по интали́и, а по оттиску, поскольку камнерезы имели в виду именно такое восприятие их.

1. МГК, Р-6/IX. Половина халцедонового перстня; наружный диаметр 28 мм. На срезе, в продолговато-овальном щитке (высота 6 мм, ширина 16 мм) изображена рыба влево, напоминающая сазана, широко распространенного в Средней Азии, в частности водящегося в Мургабе.

Перстень найден в слоях III в. н. э., хотя эта дата и не говорит о времени изготовления самого объекта, который мог быть и несколько старше. Известно, что наследственные печати передавались из поколения в поколение, используясь в течение долгого срока.

Изображение рыбы было чрезвычайно широко распространено в римской глиптике[3]. Оно означает знак Зодиака и связано с астральными образами. В первых веках н. э. это также и христианская эмблема: рыба — символ молчания. Не дает ли и мервский перстень намек на принадлежность его представителю одной из тех христианских сект, которые в первых веках просачиваются из восточноримских провинций вглубь Азии? Уже в IV в. н. э. в Мерве была епископия, преобразованная затем в метрополию[4]. Но учреждению здесь церковно-административного органа должно было предшествовать предварительное распространение христианского вероисповедания. Среди археологических памятников из Южного Туркменистана имеются объекты раннехристианского культа: таковы золотые бляшки с изображением феникса, агнца

и Христа-пастыря, найденные в районе Геок-тепе[5]; такова христианская церковь — руины Хароба-кошук в Мервском оазисе (V—VI вв.)[6].

Возможно, что к категории раннехристианских памятников принадлежит и описанный халцедоновый перстень из Гяур-калы.

2. МГК, Р-8; в сырцовой кладке парфянского здания.

Зеленовато-серый, неценный поделочный камень. Небольшая сегментовидная гемма, начерно обработанная с тыльной стороны, которая, очевидно, была скрыта оправой кольца, отшлифованная с лицевой.

В овальном щитке (высота 15 мм, ширина 11 мм, толщина 3 мм) резьба неглубокого рельефа; крылатая Ника, стоящая вправо. Правая рука опущена вдоль крыла, в полусогнутой левой — венок с длинными, узкими ниспадающими лентами; в поле справа внизу три мелких курсивных знака как будто парфянского письма.

Тема Ники, богини победы, венчающей царя-победителя, была широко популярна в парфянском изобразительном искусстве. Сюжет этот можно видеть на многих группах парфянских монет[7]. Он представлен и в целой серии оттисков парфянских печатей I—II вв. н. э. из Старой Нисы[8]. Тем же периодом можно датировать и мервскую гемму[9]. Случайно ли она попала в кладки позднепарфянского здания в Мерве или специально с какой-то магической целью была заложена в нее при сооружении — трудно судить. Материал геммы скромен — это даже не самоцвет, а простой поделочный камень. Изображение же на ней, видимо, намекает на определенное отношение к династии Аршакидов владельца геммы, который, в знак почитания, вырезал на своей персональной печати излюбленную ими эмблему.

3. МГК, Р-2. Плоский овальный литик чуть желтоватого цвета (высота 13 мм, ширина 11 мм, толщина 3 мм). Поверхность стекла ирризована и слоится.

На оттиске — обнаженная, с рельефной мускулатурой тела мужская фигура вправо; согнутая левая нога стоит на опоре; в опущенной правой руке и полусогнутой левой — какие-то предметы.

Изображен, по-видимому, Геракл. Сюжет этот имеет эллинистическую основу. Сходные (хотя и не идентичные) изображения героя нередко встречаются на геммах-инталиях эллинистической глиптики[10]. В парфянской иконографии образ Геракла был не менее популярен, чем Ника. Аналогию для нашей геммы дает изображение стоящего Геракла на одной из групп аршакидских монет[11], а Геракл, сидящий на скале, встречается на монетах Готарза (40/41—50 г. н. э.)[12].

Среди южно-туркменистанских археологических памятников можно указать на терракотовые «метопы» фризов из Старой Нисы, на которых в числе различных культовых и династических эмблем представлены атрибуты этого героя (палица, горит, львиный скальп)[13].

4. Подъемная гемма из Султан-калы: небольшая круглая пластинка с угловато-заостренной фаской (диаметр 10—12 мм, толщина 3 мм). Двухслойный ленточный агат — черный понизу, с голубоватым верхним слоем, на котором нанесено изображение: хищник, накидывающийся на козленка (на оттиске оба в движении вправо).

Тема хищного зверя, который наскакивает на четвероногое — козла, быка, барана, оленя — была исключительно широко распространена в парфяно-сасанидской глиптике. Миниатюрные размеры геммы и изя-

щество резьбы, взывающее к эллинизированным традициям камнерезного дела, позволяют предположить, что изготовление ее восходит к парфянскому времени.

5) Гемма типа небольшой, уплощенной бусины, с отверстием для пронизывания шнура; поднята на невысоком холме в северо-восточном углу Гяур-калы. Заложенный здесь ЮТАКЭ в 1953 г. стратиграфический шурф (Ш-4) показал, что вверху холма содержится материал не позднее III в. н. э.; два основных археологических слоя дают даты I—III вв. н. э., а ниже — периода «поздней Маргианы» (VI—IV вв. до н. э.).

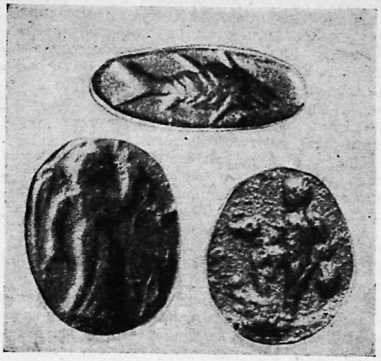

Рис. 1. Геммы № 1, 2, 3.

В овальном зеркале (высота 8 мм, ширина 9 мм) козел с подогнутыми ногами — лежащий или же галопирующий вправо.

Сходное изображение скачущего козла дают монеты Артабана V (начало III в. н. э.)[14]. Сюжет этот был широко распространен в парфянской и сасанидской глиптике; такого рода скачущего козла можно видеть на оттисках печатей из Квадратного дома[15] и на агатовой гемме из Круглого зала Старой Нисы[16].

Судя по форме и характеру резьбы мервской печати, а также по приведенным изобразительным аналогиям, датировка описанной интали восходит, видимо, к II—III вв. н. э.

6. МЭК, Р-3. Очень сходна с предыдущей по форме и типу изображения и близка по стилю и дате гемма, найденная в помещении III дома, раскапывавшегося в Эрк-кале. Такая же уплощенная бусина (диаметр 25 мм) со срезанным сегментом. Оттиск с овального щитка (высота 11 мм, ширина 16 мм) дает изображение козла с далеко отброшенными назад рогами, скачущего вправо; на шее его род ошейни-

ка или ленты. Материал геммы — сердолик, проваренный в соде, белесоватый слой которой не везде скрывает слоистую структуру минерала.

Близкую аналогию этому изображению дает сасанидское блюдо Эрмитажа[17], где животное также имеет на шее перевязь с развевающимися концами. Последняя служит показателем, что перед нами не просто дикий козел, а козел из заповедника, где содержались различные животные, предназначенные для царских охот.

7. МЭК, Р-3. Той же эпохой II—III вв. датируется другая гемма из дома в Эрк-кале. Последний, по археологическим данным, был отстроен в парфянскую пору на более древней платформе и заброшен в III в. н. э., хотя в предарабское время он частично вновь был обжит.

При углублении до платформы здания, в помещении VII была обнаружена овальная сегментовидная гемма из сердолика, проваренного в соде. Резьба объемно-выемчатая, на выпуклой поверхности инталии. Последняя, очевидно, была вставлена в кольцо, при извлечении из которого оказалось обломанной на одну треть. Размеры: высота 9 мм, ширина 15 мм, толщина 3 мм. Изображение дает фигуры двух козлотеке, показанных в профиль, но с рогами, обернутыми в фас, лежащих по обе стороны стилизованного древа с конически утоняющимся стволом и горизонтальной щеточкой кроны.

Мотив козлов или иных животных, попарно размещенных по обе стороны дерева, глубоко традиционен в восточной глиптике—он встречается на геммах ахеменидских, парфянских (в том числе из областей Южного Туркменистана)[18] и сасанидских[19]. Гемма из Эрк-калы принадлежит к категории позднепарфянских или раннесасанидских (II—III вв.).

8. МГК, Р-5; поднята на поверхности холма, близ вскрытой ЮТАКЭ гончарной печи III в. н. э.

Печать из светлого кварца типа бусины со срезанным сегментом. В овальном зеркале (высота 13 мм, ширина 15 мм) грубоватой штриховой резьбой вырезана гиена, идущая влево. Животное это принадлежит к фауне Южного Туркменистана, где оно представлено особым видом.

Сам приём штриховой резьбы характерен для позднепарфянской и сасанидской глиптики (II—III вв.), как показывают датированные объекты из Селевкии на Тигре[20] и некоторые «сасанидские» геммы[21]. Почти идентичное изображение дает сердоликовая инталия северокавказского происхождения из собрания Т. В. Кибальчича[22], а также инталии из парфяно-сасанидских погребений Мцхеты—Самтавро[23]. Таким образом, и археологические данные местонахождения мервской геммы и сравнительный материал позволяют датировать ее II—III вв.

9. МГК, Р-8; в раскопе помещения верхнего жилого дома, возведенного, судя по монетам парфянского чекана Мерва, в I—II вв. н. э. и использовавшегося до III в. включительно.

Гемма-инталия в виде бусины (диаметр 17 мм), со срезанным сегментом. Серый поделочный камень (разновидность ленточного агата) с белыми вкраплениями, которые образуют на криволинейной поверхности три глазка. Резьба комбинированная — объемная и штриховая. В овальном щитке (высота 12 мм, ширина 15 мм) зебувидный бык, стоящий вправо; над крупом его в поле слева шестиконечная штриховая звездочка.

Этот тип изображения исключительно широко распространен в памятниках восточной глиптики. В частности, нередок он и в областях Южного Туркменистана. Зебувидного быка можно видеть на оттиске парфянской печати II в. н. э. с именем Михренака из Нисы[24], а сами печати с тем же сюжетом были найдены на Нисе А. В. Комаровым[25]. Фигура этого животного чеканилась на монетах парфянского царя Митридата IV (II в. н. э.)[26].

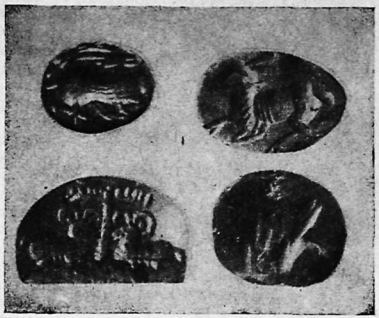

Рис. 2. Геммы № 5, 6, 7, 8.

Ареал распространения образа горбатого быка на печатях был исключительно широк, начиная от стран Причерноморья[27] до областей Кушанского царства. Таковы, например, хранящиеся в Музее истории УзССР печати из бывшей коллекции И. Т. Поспавского, собранной в основном в Термезе[28], печать с Афрасиаба в собрании Государственного исторического музея, гемма Калькуттского музея с фигурой зебу и надписью Adargatan — Азербайджан[29].

Мерв, таким образом, прибавляет еще один пункт местонахождения инталии с тем же сюжетом. Исключительно интересно, что на мервской гемме бык показан в упряжке — прямой намек на использование здесь в парфянскую пору этого животного в качестве тягловой силы.

Датировку геммы определяем II—III вв. н. э.

10. МГК — найдена в отвале случайной траншеи на бугре, расположенном близ стены, западнее Эрк-калы. По данным стратиграфического шурфа, заложенного здесь ЮТАКЭ, датировка бугра определяется пределами парфянской эпохи.

Гемма-инталия в виде бусины (диаметр 21 мм) со срезанным сегментом. Сердолик, вываренный в соде, белесый по поверхности. Резьба объемная и штриховая. В овальном щитке (высота 8 мм, ширина 16 мм) — скорпион.

Образ скорпиона на печатях, вероятно, появляется как астральный

символ — один из знаков Зодиака. Он был широко распространен в греко-римской и в сасанидской глиптике[30]; встречается он и на геммах среднеазиатского происхождения[31]. Дата мервской инталии — по сопоставлению сравнительного материала и стратиграфических данных—не позднее III в. н. э.

Рис. 3. Геммы № 9, 13 и 15.

11 МГК. Эта подъемная гемма обнаружена в ожерелье жены меджаура при мазаре Бурейды и Гифари; несмотря на все уговоры, в том числе и указания, что она носит недопустимый для мусульманки языческий символ, расстаться с нею женщина не захотела.

Овальный сердолик (высота 13 мм, ширина 10 мм) содержит изображение человеческой фигуры в короткой одежде; голова и ноги обернуты вправо, тело—прямо, с опущенными от плеч крыльями, горизонтально расчлененными густой параллельной штриховкой.

Иконографически этот странный человекообразный образ идет от крылатого гения греко-римской глиптики[32]. Но в странах зороастрийского круга он имеет совершенно иную основу: перед нами Зрван, божество времени, отец Ормузда и Аримана, который изображался с фигурой старца, иногда с крыльями и с львиной головой[33]. Сходный с мервской инталией образ можно видеть на так называемых сасанидских геммах[34]. Исследователи отмечают, что ортодоксальный маздеизм отверг Зрвана, как верховное божество, каковым стал почитаться Ормузд.

Между тем, с III в. н. э., когда Зрван был вычеркнут из цикла признанных официальным зороастризмом божеств, культ его занял очень важное место в манихействе, распространение которого начинается с середины этого столетия[35]. Остается предположить, что геммы из Мерва и из других сборов с образом Зрвана как раз принадлежали сторонникам манихейского культа. Это тем более вероятно, что распространение последнего в Мерве засвидетельствовано для III столетия письменными источниками, где отмечается наличие крупной манихейской общины; именно отсюда миссионеры, проповедывавшие новое вероучение, двинулись в замургабские области, на восток[36].

Описанная гемма из Мерва также может быть отнесена к III веку; небольшие размеры, изящество резьбы — все это свидетельствует

о сохранении традиций античной глиптики, косвенно подтверждая выдвинутую датировку.

12. МГК, Р-6. На полу помещения, заполнение которого датируется монетами первых сасанидов (III в. н. э.).

Гемма-инталия в виде бусины (диаметр 13 мм) со срезанным сегментом. Кварц с небольшими вкраплениями темного минерала. Резьба штриховая. В овальном щитке (высота 11 мм, ширина 10 мм) — предмет овального контура, с тремя косыми штрихами на нем и трилистником наверху, утвержденным на стерженьке с горизонтальной чертой внизу.

Этот изобразительный мотив не менее распространен, чем предыдущий. Он отмечается на целом ряде сасанидских гемм[37], на печати из позднепарфянского погребения Мцхеты-Самтавро[38], на некоторых среднеазиатских геммах[39].

В литературе предлагалось различное истолкование данного изображения: одни исследователи считают его за священный огонь, другие — за алтарь, третьи — за плод или бутон священной хаомы и просто за цветок, например мак[40]. Чрезвычайная условность образа затрудняет возможность отдать предпочтение той или иной трактовке. Изображение алтаря с пылающим огнем в сасанидской нумизматике иное, от натуралистической передачи реального цветка оно далеко, а что такое хаома, каковы ее цветы и плоды — пока не установлено. При всем том не исключена связь этого изображения именно с символикой зороастризма, поскольку встречается оно лишь на печатях из тех областей, где эта религия была широко распространена или даже узаконена как государственная.

13. МЭК, Ш-4. На склоне раскопа, в мешанных парфяно-сасанидских слоях.

Миниатюрная, тонкая овальная пластинка (толщина 3 мм), предназначенная для оправы ее в кольцо. В овальном щитке (высота 10 мм, ширина 9 мм) — тамгообразный знак: полумесяц на стерженьке, водруженный на горизонтальной черте, с крючковидными отгибами краев; под ним горизонтально расположенный значок с петлей (как будто пехлевийская монограмма?).

Описанный фигурный знак был исключительно широко распространен в сасанидском изобразительном искусстве. Его можно видеть в штуковом декоре сасанидских зданий[41], на тиарах сасанидских правителей[42], на многочисленных объектах сасанидской глиптики[43]. Нет оснований к утверждению, якобы данная группа фигурных знаков присуща была для восточного Ирана времени Сасанидов[44] этому противоречит наличие их в архитектурном декоре построек западных областей сасанидского государства (Дамган, Ктесифон). Напротив, ареал распространения их был широк, охватывающий территории сасанидского государства от Ирака (Ктесифон) до Хорасана (Мерв), а судя по одному экземпляру из коллекции Музея истории УзССР, привезенному с побережья Аму-Дарьи, и еще далее на Восток. При рассмотрении данных знаков обращает внимание следующее: почти неизменным остается вверху полумесяц на стержне, в то время как основание, на котором он зиждется, варьирует: то это черта, то завитки, то сложная линейная фигура.

Что касается смыслового значения основного знака, то его приня-

то трактовать как символ царской власти[45]. Однако, изобразительный генезис его оставался необъясненным.

Учитывая огромную роль в идеологических представлениях народов Ближнего и Среднего Востока зороастризма, государственной религии Сасанидов, мы полагаем, что этот знак являл собою условно-графическое воспроизведение навершия храма Адхур-Гудшнасп в Ганзака-Шиз (в Азербайджане), где находился один из «великих огней» зороастрийцев. Этот пирей в Шизе особенно высоко чтился сасанидскими монархами, которые совершали к нему паломничество перед восшествием на престол и перед походами, принося сюда бесценные дары. По словам А. Кристензена храм в Шизе являл собою символ монархического и религиозного единства сасанидского государства[46]. *Известно, что навершие храма Адхур-Гудшнасп венчал полумесяц, причем он считался талисманом*; именно отсюда эмблема эта перешла в мусульманство[47]. Вполне закономерно, что знак государственной святыни, которому приписывались качества дивного оберега, встречается в дворцовых покоях и на тиарах членов сасанидской династии. Это определяет и популярность данного символа в изделиях глиптики III — VII вв[48].

Многочисленность гемм со «знаком Шиз», по-видимому, связана с принадлежностью их зороастрийским жрецам, корпорации которых разбросаны были во всех областях распространения религии Ахура—Мазды. Одному из мервских жрецов мог принадлежать и перстень с описанной сердоликовой печатью.

14. К описанию мервских гемм из находок ЮТАКЭ мы считаем небесполезным также присовокупить печать из шурфа, заложенного в 1890 г. В. А. Жуковским в Эрк-кале[49]. Она была обнаружена во втором, плотном стратиграфическом слое, судя по составу находок, — парфянского времени. Сейчас печать хранится в Государственном историческом музее (коллекция Щукина, инв. № 30/3). Это плоская (толщина 3 мм), овальная гемма из темного сланца, с просверленным по продольной оси отверстием для шнура. В овальном щитке (высота 18 мм, ширина 17 мм) грубовато вырезанный, тонконогий конь, шагающий (на оттиске) влево.

По характеру изображение напоминает фигурку коня на глиняной печати парфянского времени с бугра Акча-депе у с. Изгант (к северо-западу от Ашхабада)[50]. Образ коня был чрезвычайно популярен в парфянской среде, чьи аргамаки славились во всем античном мире, а потому естественно появление его на личных печатях парфян.

15. На городище Хауз-хан-кала, которое являет собою остатки значительного средневекового населенного пункта Тильситане, в 1954 г. К. А. Адыковым поднята сердоликовая гемма. Это овальный сегмент (высота 10 мм, ширина 11 мм, толщина 4 мм) с резьбой на выпуклой стороне. На оттиске—лев, шагающий вправо, с крупной головой в фас; над ним — миниатюрная пехлевийская надпись.

Подобное изображение льва было широко распространено в сасанидской глиптике. По палеографическим данным М. Е. Массон датирует гемму VI—VII вв. Именно в эту пору появляется то раннефеодальное поселение, на месте которого в IX—XII вв. разрастается Тильситана, игравшая роль одной из главных промежуточных станций на отрезке торговой трассы из Мерва в Серахс[51].

Рассмотренный комплекс печатей из Мерва можно распределить в хронологическом ряду.

Временем около начала нашей эры датируется стеклянная гемма с фигуркой Геракла (№ 3). Близки по дате (I—II вв.) гемма с Никой (№ 2), с изображением хищника, преследующего козленка (№ 4), перстень с рыбой (№ 1) и, видимо, печать с конем (№ 14). Девять гемм (№ 5—13) принадлежат к тому периоду, когда в политической жизни Хорасана происходит смена династий Аршакидов Сасанидами (III в. н. э.) — периоду поздней античности, вслед за которым наступает кризис и крушение рабовладельческой системы. Наконец, гемма № 15 восходит к позднесасанидской поре (VI—VII вв.).

Характерны четыре основных типа печатей: круглые, овальные, плоские, либо овальные выпуклые для оправы в кольца и в форме ассиметричной бусины, на срезанном овальном сегменте которой резалось изображение, а через просверленное отверстие продевался шнур (№ 4—7)[52].

Техника резьбы комбинированная: объемно-выемчатая и штриховая.

Несмотря на небольшое число обнаруженных пока в Мерве каменных резных печатей, они достаточно разнообразны по своей тематике. Образы Ники и Геракла восходят к традициям эллинистического и римского искусства и передают широко известные статурные типы этой богини и героя. За исключением льва, все фигуры животных — местных среднеазиатских пород (козел-теке, гиена, горбатый бык); они очень жизненны и экспрессивны — при всей миниатюрности размеров с большой выразительностью переданы быстрый гон козла, крадущаяся походка гиены с ее поджатым задом и крупной хищной головой, общий облик зебувидного быка. Печати же с овальным, заштрихованным предметом на стержне и со «знаком Шиз», передают, очевидно, очень условные, но привычные и широко понятные для современников изображения зороастрийских эмблем.

Распространение личных печатей в виде гемм-инталий было связано в античном мире с развитием института частной собственности. Расцвет глиптики охватывает почти все страны рабовладельческого мира, в частности Азии, а традиции местного камнерезного искусства продолжаются и позднее, в пору кризиса рабовладения и в раннефеодальный период.

Материал части гемм — местных пород: кварц, непрозрачный серый, или зеленоватый поделочный камень, которым изобилует Мургаб в его среднем течении и особенно р. Кушка. Привозного происхождения лишь полудрагоценные камни — ярко-красный (видимо, аравийский) сердолик и чудный халцедон. Однако, резьба на них могла быть также осуществлена в мервских камнерезных мастерских.

Описанные экземпляры гемм из Мерва принадлежат к рядовым образцам азиатской глиптики. Владельцы их, видимо, были представителями средних слоев свободного населения Мерва. Невысокая материальная ценность данных гемм свидетельствует, что в эту пору личные печати были принадлежностью не только аристократии, но и широких слоев мервского общества — показатель далеко продвинувшегося института частной собственности. Тот же процесс, на основании изучения гемм из Грузии, был установлен М. И. Максимовой для позднеантичной Иберии[53].

Однако, наряду с посредственными в смысле эстетической и материальной ценности резными печатями, в Мерве существовали и иные, роскошные инталии высоко-художественного стиля. Об этом свидетельствуют две почти идентичные сердоликовые овальные геммы, крупные (но неодинаковые по размеру), хранящиеся — одна в Калькуттском, другая в Британском музее[54]. На них содержится парный портрет мужчины и женщины и надпись аршакидским пехлеви: „Артамшах, канаранг Мерва и Денаг, жена его". Как устанавливает Р. Гиршман, Артамшах был военным наместником (канарангом) Сасанидов в Мерве в последней четверти III в. н. э. Обе геммы характеризует исключительно высокое качество исполнения, портретная достоверность и парадный стиль. Можно предполагать, что обе они были вырезаны в самом Мерве: большая—для Артамшаха, меньшая—для его супруги.

Рис. 4. Гемма с изображением канаранга и его жены.

При рассмотрении мервских гемм возникает следующий вопрос. Если резные камни предназначены были служить л и ч н ы м и печатями их владельцев, то почему же так часто и повсеместно встречаются геммы с почти идентичными, постоянно повторяющимися изображениями, каковы, например, в нашей группе зебувидный бык, Ника, дважды скачущий козел, скорпион, «знак Шиз» и пр.? Не являлись ли они знаками тех или иных сословий, члены которых имели право на ношение печатей с определенным кругом сюжетов?

Геммы были индивидуализированы в период эллинизации Востока, но уже в позднеантичную пору, и особенно накануне кризиса и крушения рабовладельческого строя, когда протекают глубокие изменения во всей общественной структуре, когда постепенно обозначается сословная иерархия складывающегося феодального общества, возможно и изменение смысла изображений на резных печатях. Последние уже служат не личными знаками, а показателями принадлежности их владельца к определенной социальной группе. Так, бык-зебу, может быть, служил эмблемой скотовладельца, «знак Шиз» и алтарь могли быть знаками зороастрийского духовенства и т. д.

Гипотеза эта объясняет, почему одни и те же шаблонные сюжеты встречаются на древних геммах из Мерва, Термеза, Самарканда, Мцхеты-Самтавро, Азербайджана и других пунктов, порой разделенных сотнями километров.

Нет сомнений, что последующие исследования в Мерве, Нисе и на других древних городищах Туркменистана принесут немало новых объектов местной глиптики, расширив наши представления об этой отрасли материальной культуры прошлого[55].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Нисы. Вестник древней истории, 1954, № 4, стр. 159 сл. Упоминание найденных на Нисе еще в прошлом столетии «сердоликовых украшений, изображающих крылатых коров, горбатых зебу и т. д.» — см. «Закаспийская область в археологическом отношении», Туркестанские ведомости, 1888, № 24—25. В последние годы при раскопках ЮТАКЭ на Старой Нисе было найдено две геммы-инталии ранней и среднепарфянской поры.

2. Принятые экспедиционные шифры: МГК — Мерв, Гяур-кала; МЭК — Мерв. Эрк-кала; Ш-3 — стратиграфический шурф на бугре в северо-западной части Эрккалы; Р-3 — раскопки дома на рядом расположенном холме; Р-5 — раскоп на холме с парфянской керамической печью в северо-восточном секторе Гяур-калы; Р-6— раскоп ремесленного комплекса у северных ворот Гяур-калы; Р-8 — раскоп дома близ южных ворот Гяур-калы.

Настоящая статья частично была опубликована автором (см. Пугаченкова Г. А. Геммы из Мерва. Известия АН ТуркмССР, 1957, № 3); находка в последние годы еще ряда инталий позволяет пополнить ее новым материалом.

3. Furtwängler. Aö Beschreibung der geschnittenen Steinen im Antiquarium von Berlin. Berlin, 1896, № 7958.

4. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. VIII, Спб., 1893.

5. Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Труды САГУ, Н. серия, вып. XXIII. Ташкент, 1951, стр. 91; его же, Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-тепе. Известия АН ТуркмССР, 1956, № 5, стр. 45 сл.

6. Пугаченкова Г. А. Хароба-кошук. Известия АН ТуркмССР, 1954, № 3; ее же, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 126 сл.

7. De Morgan J. Manuel de numismatique Orientale, t. I, Paris, 1923—1936, fig. 143, p. 142.

8. Массон, Пугаченкова. Оттиски... Цит. соч., стр. 165—166, рис. 39—46.

9. На распространенность сюжета Ники—Виктории в парфянском изобразительном искусстве указывают парные фигуры этой богини на фреске в Дура-Европос.

10. Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Bd. I, Leipzig—Berlin, 1900, T. XLIII, № 27; Marshall F. H. Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities, British Museum. London, 1907, p. 12, № 57.

11. de Morgan, op. cit., fig. 143—41, p. 143.

12. de Morgan, op. cit., fig. 143—31, p. 142.

13. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 219, рис. 9.

14. de Morgan, op. cit., fig. 143—25, p. 142.

15. Массон, Пугаченкова. Оттиски... Цит. соч., рис. 10.

16. Находка 1956 года; гемма пока не опубликована.

17. Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 25.

18. Массон, Пугаченкова. Оттиски... Цит. соч., рис. 13.

19. A. Survey of Persian Art (SPA), Ed. A. U. Pope, vol. I, London—New York, 1939, fig. 274.

20. Debevoise N. C. Parthian Seals. SPA, vol. I, p. 471 сл.

21. Horn P. und Steindorff G. Sassanidische Siegelsteine. Mitteilungen aus den Orientalischen Sammlungen der Staatlichen Museum zu Berlin, IV, Berlin, 1891, № 2158; Mordtmann A. Studien über Geschnittene Steine mit Pehlevi—Inschriften. Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft, Bd. XVIII, Leipzig, 1864, Taf. IV, № 105.

22. Кибальчич Т. В. Южно-русские геммы. М., 1918, рис. 9.

23. Максимова А. М. Геммы из некрополя Мцхеты—Самтавро (раскопки 1938/39 гг.). Вестник Гос. Музея Грузии, т. XVI—В. Тбилиси, 1950, табл. IV, № 84, 86.

24. Массон, Пугаченкова. Оттиски... Цит. соч., рис. 17, стр. 163; Дьяконов М. М. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы. Вестник древней истории, 1954, № 4, стр. 172.

25. Закаспийская область в археологическом отношении. Цит. соч.

26. De Morgan, op. cit., fig. 143, № 24, 26.

27. Кибальчич. Цит. соч., табл. I, № 1, 2, 15.

28. Коллекция Музея истории УзССР, № 60/10, 159/46.
29. Ghirshman R. Quelques intailles du Musée de Calcutta á lègende en Tokharien Pehlvi Arsacide et Pehlvi Sassanide. Archaeologica Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld. New York, 1952, pl. XXI, 8, p. 114—115.
30. Horn-Steindorff. Taf. IV, №№ 847, 1501, 893, 1498, 1499; Mordtmann, op. cit., Taf. I, № 60, Taf. IV, № 21.
31. Пугаченкова Г. А. Материалы по восточной глиптике. Труды САГУ, т. CXI. Ташкент, 1957, стр. 152.
32. Ср. Furtwängler A. Die Antiken Gemmen, op. cit., Taf. XXVI, № 72; изображение крылатого гения имеется на гемме из среднеазиатских сборов, которая хранится в Музее истории Узбекистана, колл. 159, № 29.
33. Тревер К. В. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма. Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1939, стр. 143 сл.
34. Ackerman. Ph. Sasanian Seals. SPA, I, pl. 276-b, p. 801.
35. Тревер К. В. Там же, стр. 249.
36. Andreas F., Henning W. Mitteliranische Manichaica in Schinesisch Turkestan, II. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft, Phil. — Hist. Klasse, 1933, s. 302 сл.
37. Horn-Steindorff, op. cit., Taf. V, № 1517, 1530, 1534; Максимова, Цит. соч., стр. 266.
38. Максимова М. И. Цит. соч., табл. III, № 71, стр. 266.
39. Пугаченкова Г. А. Материалы по восточной глиптике, стр. 148 и сл.
40. Roes A. The Trefoile as a Sacred Emblеme. Artibus Asiae, vol. XVII/I. Ascona, 1954, p. 66 сл.
41. SPA, vol. IV, pl. 174-A, C.
42. SPA, vol. IV, pl. 255-F.
43. Horn-Steindorff. Taf. V—VI; Mordtman. Taf. V; SPA, vol. I, fig. 278 a—o; vol. V, pl. 255-C, E, F.
44. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 109.
45. Тревер К. В. Художественное значение сасанидских монет. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. III. Л., 1940, стр. 259 (со ссылкой на Кристенсена).
46. Christensen A. L'Iran sous des Sassanides. Copenhagen, 1944, pp. 166—167.
47. Бартольд В. В. К вопросу о полумесяце как символе ислама. Известия Российской Академии наук. Петроград, 1918, стр. 457 сл.
48. Пугаченкова Г. А. Материалы... Цит. соч., стр. 147 сл.
49. Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. Спб., 1894, стр. 193.
50. Росляков А. А. Глиняная печать из села Изгант. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 104 сл.
51. Адыков К. Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв. Советская археология, 1959, № 4, стр. 218 сл.
52. В существующей номенклатуре такие подвесные печати объединяются в группу так называемых «ложных перстней», что не вполне верно — это скорее «бусы-печати».
53. Максимова М. И. Цит. соч., стр. 240.
54. Ghirshman. Quelques intailles... Op. cit., p. 107 сл., pl. XXI; SPA, vol. IV, pl. 255-O.
55. Ко времени завершения работы над настоящим томом «Трудов ЮТАКЭ» вышла в свет статья С. А. Ершова «Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али». Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, в которой опубликована группа гемм, найденных в оссуарном некрополе к западу от старого Мерва. К сожалению, нечеткость клише (табл. 23, 23-а) совершенно не дает возможности составить суждение о характере изображений на этих геммах, в тексте же лишь лаконично упомянуто, что в составе последних имеются образы человека, льва, медведя, коня, быка, оленя, птиц, растений и тамга (стр. 178). Геммы эти, безусловно, заслуживают тщательного изучения. Самый же факт обнаружения их в некрополе (характерно, что 9 штук найдены в одном захоронении при двух скелетах) подтверждает факт значительного распространения резных камней с изобразительными сюжетами в домусульманском Мерве.

ИЗ АРАБСКИХ ИСТОЧНИКОВ О МЕРВЕ

Сведения арабских источников о Мерве в значительной степени использовали в своих трудах В. А. Жуковский[1], В. В. Бартольд[2] и другие ученые. Большая часть их опубликована в «Материалах по истории туркмен и Туркмении» (I, 1939), однако некоторые важные для истории и исторической географии Мервского оазиса сообщения арабских авторов не вошли в этот труд, как и не были учтены ни Жуковским, ни Бартольдом. Настоящая статья ставит своей целью в известной мере восполнить этот пробел. Основными ее источниками явились сочинения арабских географов и историков IX—X вв.: Ибн Хордадбеха, ал-Йа'куби, Абу Ханифы ад-Динавери, Ибн-ал-Факиха и ал-Мас'уди. Частично использованы в ней также сведения известного историка ат-Табари (X в.).

Почти полное отсутствие кушанских монет, при обилии находок медных парфянских монетных кружков в Марыйском оазисе, как это установлено работами ЮТАКЭ[3], свидетельствует о том, что Северная Маргиана, по-видимому, не принадлежала кушанам, а перешла от парфян непосредственно к сасанидам. О том, что Мерв входил во владения первого Сасанида Ардешира I (226—241), свидетельствуют и данные археологии[4], и письменные источники.

В частности, ат-Табари сообщает, что Ардешир после завоевания ряда городов «отправился из ас-Севада в Истахр, оттуда пошел в Сиджистан, оттуда в Джурджан, затем в Абаршахр (Нишапур), Мерв, Балх и Хорезм, до крайних пределов страны Хорасана»[5].

О Мерве при первых преемниках Ардешира арабские источники почти ничего не сообщают. Однако, для V—VII вв. они содержат много материалов, часть которых мало известна.

В V в. происходила жестокая борьба между сасанидами и эфталитами за Хорасан. Один из ее эпизодов описан арабским историком IX века Абу Ханифой ал-Динавери, первым из арабских авторов, рассказывающий о разгроме Варахраном V («Бахрамом Гуром», 420—438) эфталитов (в тексте—«тюрки») в окрестностях Мерва. Эти полулегендарные, полуисторические сведения не были учтены ни Жуковским, ни в МИТТ, между тем они представляют некоторый интерес и для истории, и для исторической географии Мервского оазиса, ввиду чего не лишне привести их перевод: «Говорят: — и вот Бахрам приказал заколоть 7 000 быков, забрал их шкуры и погнал с собой 7 000 годовалых жеребят. Он стал продвигаться ночью и прятаться днем. Он начал с Табаристана, углубился в прибрежную область, по-

ка не вышел в Джурджан, затем отправился из него в Нису, затем к городу Мерву, а хакан стоял в нем лагерем в Кушмейхане.

Когда Бахрам очутился от [«тюрков» то есть эфталитов] в одном переходе, а хакан ничего не знал о его действиях, он [Бахрам] приказал [достать] эти шкуры; их надули, а они были [хорошо] высушены, положили в них камни и затем привязали к шеям жеребят, до того как приблизились к лагерю хакана. А они («тюрки») остановились [лагерем] на краю пустыни в шести фарсахах от города Мерва. И вот выпустили [на «тюрков»] этих жеребят и стали сзади их погонять; поднялся из-за этих шкур и камней, положенных в них, из-за топота жеребят и ударов их передними копытами по шкурам страшный шум, сильнее, чем раскаты грома и (грохот от) обвала в горах. «Тюрки» услышали этот шум и испугались его, не зная, что это...» (Далее рассказывается о том, как «тюрки обратились в паническое бегство; Бахрам преследовал, их, лично убил их хакана, гнал их до Амуля (в тексте امويه), переправился через Аму-Дарью и преследовал их, пока те не попросили его устроить границу между ним и ими, которая и была установлена, однако в тексте не сказано где именно)[6].

Для историка Хорасана интересен и сам эпизод, историчность которого признается рядом ученых[7], и описание военной хитрости, и маршрута Бахрама; для исторической географии — упоминание Кушмейхана в связи с войнами Варахрана V (V век), которое является самым ранним упоминанием этого названия в письменных источниках, хотя, как установлено М. Е. Массоном в 1952 г., сам город существовал уже в пору рабовладельческого общества и при парфянах состоял из крепости и территории, обнесенной внешней стеной[8].

Успешные действия Сасанидов при Варахране V сменились неудачами при Иездегерде II (438—457) и особенно Перозе (457—484), который погиб (484) в борьбе с эфталитами. Сведения о двух походах Пероза, в которых можно видеть известные кампании 479 и 484 гг., сохранила Мешхедская рукопись сочинения Ибн ал-Факиха (начало X в.); они не вошли в опубликованное де-Гуе «Сокращение» этого труда и публикуются, по-видимому, впервые.

«Иранские цари (ملوك العجم) имеются в виду Ахемениды] еще до аршакидских царей (ملوك الطو ائف) жили в Балхе, затем они жили в Бабиле [Вавилоне]. Затем поселился Ардешир, сын Бабека, в Фарсе, и стал он [Фарс] обителью царей их (персов), а в Хорасане оказались цари эфталитов [هياطلة]. Они—те, кто убил Фируза ибн Иездигерда ибн Бахрама, царя Фарса. Он ходил [как-то] походом на них, они хитростью сбили его с пути, так что он стал итти по безводным и гибельным местам. Затем они напали на него и пленили его вместе с большинством его спутников. Фируз попросил эфталитов, чтобы они помиловали его и тех, кто был пленен вместе с ним из его спутников. Он заверил их [эфталитов] богом [الله] и твердо обещал, что никогда не переступит их рубежи. Он поставил между собой и эфталитами камень, который сделал границей, и поклялся в том (что не переступит этой границы), призывая свидетелями в этом Всевышнего Бога [الله تعالى] и тех, кто был при нем из его родных, свиты и рыцарей. Эфталиты помиловали Фируза и отпустили его и тех, кто был пленен вместе с ним.

Когда возвратился Фируз в свое государство, охватили его негодование и ярость из-за того, что постигло его, и он вернулся к войне с ними, не выполнив своего обещания и вероломно нарушив свое обязательство». (Далее повествуется о том, что Пероз сделал камень подобный тому, который был установлен границей между ним и эфталитами. Он приказал везти этот камень перед своим войском и так вступил в страну эфталитов, но был разбит и погиб с большей частью своего войска)[9].

Вследствие поражений Сасанидов при Перозе, как полагает ряд авторов, в том числе К. В. Тревер[10], Мерв был временно захвачен эфталитами. В выяснении вопроса о принадлежности Мерва Сасанидам большую роль играют нумизматические данные, в частности известные нам сасанидские дирхемы Мервского чекана:

Пероза	за	462,465 гг. и недатированные
Джамаспа	„	494 г.
Кавада I	„	506, 508, 511—527 гг.
Хосрова I	„	531—579 гг.
Хормизда IV	„	579—590 гг.
Хосрова II	„	590—627 гг.
Ардешира III	„	628 г.
Иездегерда III	„	20-й год правления[11]

Из этой сводки виден разрыв между 465—494 гг., что заключает намек в пользу указанного предположения о временном захвате Мерва эфталитами. Вместе с тем подтверждается реальный характер вышеприведенных сведений Ибн ал Факиха. Эта же сводка показывает, что через 10 лет после смерти Пероза Мерв (при Джамаспе) возвращается к Сасанидам и уже принадлежит им до конца их династии.

Однако эта зависимость при последнем Сасаниде (Иездегерде III), по-видимому, была только номинальной, а фактически Мерв пользовался большой автономией. Китайские источники, говоря о Мерве этого периода, называют его (Малый) Ань-си (по старой традиции называя его по имени парфянской династии Аршакидов) и описывают независимо и отдельно от Персии[12].

Арабские источники много рассказывают о последних днях Сасанидов, в частности о гибели Иездегерда III. Однако, как основательно полагает В. И. Беляев[13], наиболее достоверными являются те версии, согласно которым Иездегерд был убит еще до прихода арабов в Мерв. К числу их относится версия, приводимая Абу Ханифой ад-Динавери, содержащая интересные детали и также не вошедшая в МИТТ.

«...Иездегерд бежал в Хорасан и прибыл в Мерв, а его наместник, имя которого был Махавейх, захватил казну [اموال]. Махавейх еще раньше породнился с хаканом, царем тюрков, и когда наступило для него трудное время, послал к хакану, извещая его об этом. Хакан выступил во главе своего войска, пока не переправился через реку [Аму-Дарью] в стороне Амуля. Затем он ехал по пустыне, пока не прибыл в Мерв. Махафейх отворил ему ворота Мерва, и бежал Иездегерд пешим [буквально на «своих двух ногах»] и в одиночку. Он прошел расстояние в два фарсаха, пока на заре не достиг мельницы...» (Затем рассказывается о том, что мельник его убил, желая ограбить)... «Когда же настало

утро, люди ополчились и набросились на тюрков со всех сторон. Хакан обратился в бегство, пока не скрылся в пустыне»[14].

Данная версия, сохраненная ранним памятником арабской историографии, по-видимому, принадлежит к числу наиболее правдоподобных. В событиях, о которых в ней повествуется, не участвуют арабы, и уже это говорит о ее относительной объективности и достоверности. Версия Абу Ханифы ад-Динавери содержит некоторые интересные для историка детали:

а) судя по политике марзбана, Мерв в момент крушения сасанидского государства откололся от последнего и ни в коей мере не был надежным тылом для Иездегерда;

б) Марзбан Мерва предпочел отдать город тюркам, чем поддерживать Иездегерда. Мерв, по-видимому, был временно оккупирован тюрками;

в) жители Мерва оказали тюркам отпор и изгнали их.

Менее чем через год марзбан Мерва предал свой город арабам; Мерв был сдан без боя. Однако население города выступило против чужеземцев. Источники рассказывают о неоднократных восстаниях жителей Мерва против арабов.

Мерв был присоединен к халифату в 31/651 г. После завоевания Серахса, вслед за марзбаном Туса прислал гонца к 'Абдаллаху ибн 'Амиру марзбан Мерва Мехавейх. Ибн 'Амир направил в Мерв Хатима ибн ан-Ну'мана ал-Бахили, который заключил мирный договор с Мервом на условии уплаты городом 2 200 000 дирхемов[15] (по другой версии— 1 000 000 дирхемов и крупных поставок пшеницы и ячменя[16]). Население Мерва, вопреки сговору его правителя с арабами, было настроено против завоевателей.

Как сообщает арабский географ XIV в. Абул-Фида, в том же 31/651 г. в Хорасане вспыхивает первое восстание против арабов: «В этом (31/651 г.) восстал Хорасан. Жители его собрались в великое множество, и пошли на них мусульмане, а было это в дни 'Османа, и завоевали его вторично»[17].

В 33/653 г., через два года, в Хорасане вспыхивает новое восстание, о котором ат-Табари сообщает следующее: «В этом (33/653) году направил 'Абдаллах ибн'Амир ал-Ахнафа ибн Кайса в Хорасан, а его жители уже восстали. Он завоевал оба Мерва: Мерв аш-Шахиджан по договору и Мерверуд после жестокого сражения»[18].

В событиях 36—37/657—658 гг. ат-Табари упоминает новое восстание в Хорасане: «Прибыл Мехавейх Абраз, марзбан Мерва, к 'Али ибн Абу Талибу после «[дня] верблюда»[19] для подтверждения договора. 'Али написал для него грамоту (адресованную) дехканам Мерва, рыцарям, военачальникам [جندسالار] и тем, кто был в Мерве: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Мир над тем, кто следует праведным путем! А затем: подлинно, Абраз марзбан Мерва прибыл ко мне, и подлинно я им доволен. И писано это в 36-ом году». Затем они [жители Хорасана] восстали...[20]. И послал ['Али] Хулейда ибн Курру ал-Йарбу' и. Он осадил жителей Нейсабура, пока те не запросили у него мира. Он заключил с ними мир, и заключили с ним мир жители Мерва»[21].

Краткую параллель к сведениям Гардизи (XI в.)[22] о восстании в Мерве в 45/665 году, мы находим в «Истории» ал-Йа'куби (IX в.): «(Был

при 'Османе направлен наместником в Хорасан 'Умейр ибн Ахмед ал-Йашкури). Прибыл он в Мерв и расположился в нем лагерем. Затем настала зима, и жители Мерва впустили [арабов в свои дома]. Но дошло до него, что они замышляют восстать, и он предал их мечу, пока не перебил их»[23].

Ал-Гардизи дополняет эти сведения ценной деталью: впустили арабов в свои дома дехкане Мерва, а замыслили восстание «люди базара и городской сброд», донес же арабам о готовящемся восстании глава мервской знати Бераз ибн Маҳавейх[24]. Все вышеприведенные сведения свидетельствуют о предательской роли мервской знати и упорной борьбе жителей Мерва за свою независимость.

* * *

Автор первого из дошедших до нас арабских географических сочинений описательного направления Ибн Хордадбех (IX в.), приводя описания важнейших путей халифата, часто украшал сухие перечни географических названий и расстояний цитатами из стихов различных поэтов, в которых упомянуты тот или иной город или селение. Один-два бейта, вырванные из контекста, порою нам непонятны, однако иногда они проливают яркий свет на события, весьма важные для истории отдельных городов и стран. Так, ибн-Хордадбех, вслед за указанием общего расстояния от Серахса до Мерва, завершающего описание маршрута Нишапур—Мерв, приводит стих (без указания имени его автора):

«Сказал [поэт]:
«...Он заставил кружить по Мерву голову Абу-с-Серайя,
Оставляя ее назиданием для проходящих»[25].

По счастливой случайности ат-Табари, приводя этот бейт, предпосылает ему еще один, а также указывает имя автора[26], которым оказался известный арабский поэт IX в. ат-Темими. В более полном виде стихи звучат так:

«А не видел ли ты ал-Хасана ибн-Сахла
Твоим мечом, о повелитель правоверных!
Он [удар] заставил кружить по Мерву голову Абу-с-Серайя,
Оставляя ее назиданием для проходящих».

Событие, упомянутое здесь, приводит нас в Мерв времен халифа ал-Ма'муна (198—218/813—833). Еще при жизни своего отца халифа Харуна ар-Рашида, ал-Ма'мун был наместником Хорасана и со 192/808 г. жил в Мерве. В 198/813 г. после свержения своего брата Мухаммеда ал-Амина, в Мерве же ал-Ма'муну присягнули как халифу. Однако положение в халифате, особенно в Ираке, было настолько напряженным, что ал-Ма'мун не решался покинуть Хорасан и уже будучи халифом жил в Мерве. Политическое значение Мерва в первые годы халифата ал-Ма'муна становится исключительным: Мерв фактически играет роль столицы халифата. Из Мерва назначались наместники в Ирак и другие области[27], шли распоряжения халифа по управлению государством, посылались войска для борьбы с врагами ал-Ма'муна. В мервской тюрьме содержались и казнились наиболее опасные для халифа лица.

В 199/814—815 гг. в Ираке поднялось алидское восстание, возглавляемое сначала алидом Мухаммедом ибн Ибрахимом ибн Табатба', а после внезапной смерти его фактически руководителем восстания стал искусный военачальник Абу-с-Серайя. Одно время он добился некоторых успехов и даже чеканил свою монету в Куфе[28]. В 200/815—816 г. это восстание было подавлено и ал-Хасан ибн Сахл, брат везира халифа, крупнейший военачальник и финансовый деятель, лично казнил Абу-с-Серайя. Голова казненного была отправлена халифу в Мерв.

Таковы имена и события, упомянутые в стихах ат-Темими, приводимых Ибн Хордадбехом и ат-Табари. Из этих стихов следует, что голову Абу-с-Серайя носили по улицам Мерва как назидание. Следовательно, жители Мерва подозревались в сочувствии движению Абу-с-Серайя и, по-видимому, подозревались не напрасно. Арабские источники содержат свидетельства тому, что в первой половине IX в. шиизм в Хорасане был уже сильным течением, охватывающим широкие слои населения.

В частности, ал-Мас'уди, арабский историк и географ X в., рассказывает о таком факте: «В этом году, а это 219/834 г., ал-Му'тасим заставил Мухаммеда ибн ал-Касима ибн 'Али ибн 'Омара ибн 'Али ибн ал-Хусейна ибн 'Али ибн Абу Талиба, да будет милосердным к нему Аллах, бояться за свою жизнь, а тот находился в Куфе и был в крайней степени благочестивым, праведным и воздержанным.

Когда он стал бояться за себя, он бежал в Хорасан. Он много раз переезжал в различные места его областей, как например, в Мерв, Серахс, Талекан, Несу, были у него там стычки и различные происшествия, и примкнуло к нему и к его имамату великое множество людей»[29].

Вскоре после восстания Абу-с-Серайя, всколыхнувшего и Хорасан, как это показывают упомянутые стихи и одно замечание ал-Йа'куби, на котором мы остановимся ниже, ал-Ма'мун, живший в Хорасане, где шиизм занял прочные позиции, вынужден был сделать ему большую уступку, дабы удержаться у власти и найти себе опору в хорасанских кругах. В 201/806 г. ал-Ма'мун принес присягу алиду 'Али ибн Мусе ар-Рида в том, что последний назначается наследником халифа. Рассказ ал-Мас'уди об этом событии весьма интересен не только для историка, но и для нумизмата: «Прибыл к ал-Ма'муну, в то время, когда он был в Мерве, Абу-л-Хасан 'Али ибн Муса ар-Рида. Ал-Ма'мун принял его наилучшим образом и велел созвать ближайшую (ко двору) знать. Он известил их (придворных) о том, что он изучил потомков ал-Аббаса ибн Абд ал-Мутталиба и потомков 'Али ибн Абу Талиба и не нашел в его время никого более достойным и имеющим больше прав на это дело (халифат), чем 'Али ибн Муса ар-Рида. Ал-Ма'мун присягнул ему в наследовании (халифата), выбил его имя на динарах и дирхемах и женил его сына Мухаммеда ибн ' Али на своей дочери Умм ал-Фадл, дочери ал-Ма'муна. (Затем) он приказал удалить черный цвет с одежд и знамен, и появился вместо него на одеждах, знаменах и на прочем зеленый цвет»[30].

Уступка ал-Ма'муна шиизму имела два резонанса: один в Багдаде, другой в Хорасане. В Багдаде этот шаг расценили как измену делу Аббасидов, и сразу же был объявлен халифом Ибрахим, сын халифа ал-Махди. Хорасан же, как сообщает ал-Йа'куби, «успокоился»[31]. Это за-

мечание интересно тем, что подтверждает наличие больших волнений в Хорасане после подавления восстания Абу-с-Серайа; оно же еще раз говорит о широкой распространенности в начале IX в. шиизма в Хорасане.

Назначение алида наследником халифа было лишь политическим маневром халифа, позволившим укрепить ему свою власть в Хорасане. В 203/818—819 г. 'Али ибн Муса был отправлен в Тусе. Вслед за этим сразу же был свергнут Ибрахим в Багдаде, и в 204/819—820 г. ал-Ма'мун торжественно въехал в Багдад и первым делом вновь сменил цвет своих знамен — удалил зеленый и восстановил черный.

Однако вся эта политика ал-Ма'муна в Хорасане, политика военной силы, лжи и тайных убийств, явилась одной из причин, содействовавших назреванию мощного антиарабского движения на Востоке халифата, в результате которого вскоре Средняя Азия откололась от государства халифов.

* * *

Эрк-кала — древнейшее городище Мерва, на котором стояла самая старая часть города—его цитадель (кухендиз). Характерно, что основание цитадели Мерва приписывается в легендах, сохраненных арабскими и персидскими источниками, мифическому царю Тахмурасу[32], тогда как основание самого города [مدينة] относится к более позднему времени — эпохе Александра[33].

Арабский географ ал-Истахри, писавший свое сочинение в 930-х годах, сообщает, что в его времена кухендиз, равнявшийся по величине городу (медине), был разрушен, и на его территории разводили бахчи и огороды[34]. До сих пор остается невыясненным, когда именно разрушился кухендиз Мерва; между тем есть возможность это установить.

Арабский географ начала X в. Ибн ал-Факих приводит наряду с прочими сведениями о Мерве, в основном хорошо известными науке, легенду о находке удивительных зубов в цитадели Мерва. Эта легенда осталась незамеченной учеными, а именно в ней и содержится ценное указание для истории Эрк-калы. Привожу в переводе интересующую нас часть этой легенды: «Сказал [ибн ал-Факих]: «Рассказал мне Ахмед ибн Джа'фар, которому сообщил Абу Хафс 'Омар ибн Мудрик: «Был я однажды с Абу Исхаком ат-Талекани в соборной мечети на канале ар-Разик, и сказал Абу Исхак: «Были мы однажды у Ибн ал-Мубарака, как [вдруг] рухнул кухендиз Мерва, и выкатилось [из развалин] несколько черепов. Один [череп] раскололся и выпали его зубы...» (Далее рассказывается о весе этих зубов и приводятся стихи Ибн ал-Мубарака о них)[35].

Почти в любой легенде фантастическое увязывается с каким-нибудь реальным фактом, придающим реальную окраску всей легенде. Поскольку вышеупомянутая легенда имела широкое хождение, о чем свидетельствует начинающая ее цепь передатчиков, и, тем более, поскольку она хорасанского происхождения (действующие лица, — ат-Талекани и Ибн ал-Мубарак, — оба жители Хорасана; кроме того, обращает на себя внимание реальное описание топографии Мерва), такой упомянутый в ней факт, как разрушение кухендиза, должен был

иметь место в действительности, причем иметь место именно при жизни хорошо известного равия (передатчика преданий) Ибн ал-Мубарака, жившего и умершего в Мерве в 181/797—798 г. В ином случае эта легенда была бы слишком явно алогической и потеряла бы всякую «надежность» в хорасанской среде. Следовательно, опираясь на данные сведения, мы можем уверенно полагать, что кухендиз Мерва был разрушен еще при жизни Ибн ал-Мубарака, то есть до 181/797—798 г.

Интересно сопоставить с данными сведениями следующее сообщение ал-Йа'куби (IX в.): «Когда Наср ибн Сеййар захватил Йахйу ибн 'Али ибн ал-Хусейна в дни Хишама, он привез его в Мерв и заключил в тюрьму в кухендизе Мерва»[36].

Это событие могло иметь место только до 125/742—743 г., когда был убит упомянутый здесь алид Йахйа ибн 'Али.

Итак, полное запустение и разрушение кухендиза Мерва можно датировать пятидесятилетием с 40-х по 90-е годы VIII в.

Это явление находит себе объяснение в истории Мерва; как известно, с 750-х годов город Мерв начинает быстро передвигаться на Султан-калу, а Гяур-кала и тем более старая Эрк-кала прекращают свою жизнь, хотя некоторое время еще сохраняют свои старые названия (соответственно) «город» (مدينة) и цитадель (كهندز).

* * *

Изучение области Мерва в историко-географическом отношении значительно продвинуто археологическими исследованиями ЮТАКЭ. Если до начала работ экспедиции из многочисленных городов и крупных селений, упоминаемых в письменных источниках, были отождествлены только четыре: Денданекан (Таш-рабад, в 33 км юго-западнее г. Мары[37], Кушмейхан — городище Кишман-тепе в 30 км северо-восточнее старого Мерва[38], ал-Каринейн—селение Имам-Баба на левом берегу Мургаба в 110—115 км южнее старого Мерва[39] и Багшур—кала-и-Моур, развалины на правом берегу р. Кушки)[40], то исследованиями экспедиции документально установлены археологические остатки десятков населенных пунктов, наименования которых содержатся в трудах средневековых авторов[41]. Однако есть источники, позволяющие продолжить работу в этом направлении. К их числу относится арабская карта Хорасана атласа ал-Балхи—ал-Истахри—Ибн Хаукаля, опубликованная Крамерсом в новом издании сочинения ибн Хаукаля[42]. Ее достоинством является наиболее точное в арабской картографии изображение речной системы Хорасана, а также наличие ряда мелких городов.

Прежде всего, на карте обозначен крупный левый приток Мургаба — р. Кушка, на правом берегу которой изображен г. Багшур. Таким образом, предположение Бартольда и других ученых об отождествлении Багшура с развалинами Кала-и-Мор, подкрепленное археологической разведкой городища Г. А. Пугаченковой, полностью подтвердилось.

Та же арабская карта позволяет нам определить местоположение одного из городов Мервского оазиса — Джиренджа, бывшего одним из опорных пунктов Абу Муслима в его борьбе за Мерв.

Как уже отмечал В. В. Бартольд, арабские источники, указывая

расстояние от Джиренджа до Мерва, приводят две цифры: согласно ал-Истахри, оно равнялось шести фарсахам; согласно ас-Сам'ани—десяти. Кроме того, арабские географы X в. указывают, что Джирендж стоял на реке (نهر), однако этот термин может означать и «канал», и у Бартольда были в данном случае колебания в его понимании: «Гиренг стоял, — писал он, — по словам Макдиси (312), на обоих берегах реки (или канала), соединенных между собой мостом»[43]. Упомянутая карта разрешает оба вопроса: согласно карте Джирендж стоял на Мургабе, и термин «нахр» здесь следует понимать только как «река». Кроме того, карта показывает, что Джирендж был ближе к ал-Каринейну (Имам-Баба), чем к Мерву. От Имам-Баба (ал-Каринейна) до развалин Мерва — около 110 км, что соответствует примерно 17—18 фарсахам[44], следовательно, цифра ас-Сам'ани правильна, поскольку, если принять цифру ал-Истахри, Джирендж должен был находиться ближе к Мерву, чем к ал-Каринейну, что противоречит карте; Бартольд также считал цифру ас-Сам'ани более верной. Итак, Джирендж следует искать на Мургабе в 10 фарсахах (60—65 км) от развалин Мерва, что приводит нас к южной части Иолотанского водохранилища.

Есть возможность определить местоположение Вахирабада — первой станции от ал-Каринейна в сторону Мерва на большой магистрали Мерв — Мерверуд — Балх. Эта станция упоминается в сочинениях Ибн Хордадбеха[45] и Кудамы[46], которые указывают, что между ней и ал-Каринейном — расстояние в 5 фарсахов (30—32 км) и что она стояла на Мургабе. Бахирабад встречается и в сочинении Йакута, следовательно, он существовал с IX в. (и раньше, поскольку ибн Хордадбех, как правило, описывает маршруты, существовавшие еще в VI—VII вв.[47]) и до XIII в. Местоположение Бахирабада определяется на основании упомянутых данных Ибн Хордадбеха и Кудамы современным районом железнодорожного разъезда 102 км.

На карте Хорасана, опубликованной Крамером, к западу от Мерва обозначены два города, местоположение которых неопределенно — Харак и Саусакан. Оба города часто упоминаются в арабских источниках, сведения о них с большой полнотой собраны Жуковским и Бартольдом, а также приводятся в «Материалах по истории туркмен и Туркмении».

Ас-Сам'ани — наиболее авторитетный источник для исторической географии Мервского оазиса — дает ценные указания на расстояния между этими городами и Мервом: Харак, по его словам, находится в трех фарсахах от Мерва, Саусакан — в четырех[48]. Те же данные дает и ал-Истахри, однако он указывает также направление, в котором следует искать эти города. Согласно ал-Истахри, Харак находился в трех фарсахах от Мерва, между дорогами на Абиверд-Ниса и на Серахс-Нишапур, а Саусакан — в том же направлении, но на фарсах дальше, чем Харак[49].

На упомянутой арабской карте Харак и Саусакан указаны также между дорогами на Абиверд и Серахс, образующими угол примерно в 45°. Эти дороги неправильно ориентированы на карте, однако, опираясь на последние достижения археологии, мы в состоянии исправить данную ошибку карты. Первой станцией на пути из Мерва в Серахс был городок Генугирд, найденный археологом В. М. Массоном на горо-

дище Кельте-Минара. Направление на него от старого Мерва образует с меридианом последнего угол примерно в 218°. Следовательно, путь на Абиверд должен был итти от Мерва приблизительно под углом в 260° (от меридиана старого Мерва), что и соответствует действительному направлению от развалин Мерва на Каахку, около которой, как известно, находятся развалины Абиверда.

Итак, Харак и Саусакан следует искать (последовательно) в трех и четырех фарсахах (18 и 24 км) юго-западнее Мерва, в секторе между дорогами на Абиверд и Серахс, отходившими относительно меридиана старого Мерва приблизительно под углами в 260° и 218°. Эти данные достаточно общи, поскольку точное направление дорог можно выяснить только путем археологического обследования окрестностей Мерва. Все же, при учете того обстоятельства, что расстояние между дорогами, образующими угол в 40—45° (что видно и из арабской карты), и из действительного соотношения дороги, направленной на Каакху Абиверд и Генугирд при удалении на 18—25 км (3—4 фарсаха) от Мерва, не может быть бо́льшим, чем 20 км, мы в состоянии определить районы, в которых археологам следует искать данные города: Харак — в районе Бирлешика — разъезда № 66 и Саусакан — несколько восточнее Мюльк Аманша, находящегося в 7 км северо-восточнее г. Мары.

В заключение отметим один факт, который при тщательном археологическом обследовании окрестностей Мерва может оказаться небесполезным. Ат-Табари, повествуя о событиях 193/808—809 года, сообщает следующее: «Ал-Ма'мун было выехал из Мерва в замок Халида ибн Хаммада, находящийся в фарсахе от Мерва, стремясь в Самарканд...» (Дальше рассказывается о причинах, сорвавших эту поездку)[50].

Из этих сведений видно, что в начале IX в. в одном фарсахе (6—6,5 км) на север от Мерва, в сторону Самарканда, путь на который шел через Кушмейхан, находилось укрепление — Замок Халида ибн Хаммада; возможно, следы его будут обнаружены археологами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. Спб., 1894.

2. Бартольд В. В. К истории Мерва. ЗВО, т. XIX, вып. 4. Спб., 1910, стр. 115—138; Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Журн. «Сельское хозяйство и лесоводство». 1913, отд. оттиск, Спб. 1914.

3. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ 1951, № 4, стр. 100.

4. В частности, на городище Гяур-кала были найдены монеты Ардешира I. См. Массон М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 г. Материалы ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 139.

5. Annales quos scriptit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugd. Batav., 1879—1891, стр. 819.

6. Abou Hanifa ad-Dinaveri Kitab al-ahbar at-tiwal. Publ. par. V. Guirgass, Leiden, 1888, стр. 58.

7. Marquart, J. Eranshahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901, стр. 52. Тревер К. В., Якубовский А. Ю. и Воронец М. Э. История народов Узбекистана, I, Ташкент, 1950, стр. 127; Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр 214.

8. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955.

9. Мешхедская рукопись. Фотокопия Института востоковедения АН СССР, ф—В202, л. 156а.

10. Тревер К. В., Якубовский А. Ю. и Воронец М. Э. История народов Узбекистана, I, стр. 95.

11. Valentine W. H. Sassanian Coins. London, 1921 p. 20. Paruck, F. Sassanian Coins. Bombay, 1924, p. 102; на вышеприведенные нумизматические данные любезно обратил мое внимание В. М. Массон.

12. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 312.

13. МИТТ, I, стр. 87, прим. 1.

14. Абу Ханифа ал-Динавери. Цит. соч., стр. 148—149.

15. Liber expugnationis regiorum auctore Al-Beladsori, ed. M. J. De Goeje, Lugd. Batavorum, 1863, стр. 405, Ат-Табари, I, стр. 2888.

16. Al-Beladsori, цит. соч., стр. 405.

17. Abulfadae Annales Muslemicu arabice at latine. Opera et Studiis I. O. Jacobi Keiskii, t. I. Hafnias, 1789, стр. 266.

18. Ат-Табари, I, стр. 2907.

19. «День...или «битва верблюда» — день большого сражения между халифом Али и его противниками Тальхой и аз-Зубейром, окончившегося полной победой Али (10 джумада II 364 (XII—656 г.).

20. Ат-Табари, I, стр. 3249.

21. Там же, I, стр. 3389—3390.

22. МИТТ, I, стр. 227.

23. Ibn Wadhih, qui dicitur al-Jaqubi historiae, ed. M. Th. Houtsma, II, Leiden. 1883, стр. 193—194.

24. МИТТ, I, стр. 227.

25. Kitaĭ al-Masalik wa'l Mamalik. Auctore Abu'e Kasim Obeidallah ibn, Abdallah ibn Khordadbeh. BGA, VI, ed. M. de Goeje, Lugd. Batav., 1889, стр. 24—25.

26. Ат-Табари, III, стр. 986.

27. МИТТ, I, стр. 84—85.

28. Ат-Табари, III, стр. 986—987.

29. Les Prairies d'or. Texte arabe et traduction par C. Barbier de Meynard et A. Pavet de Courteille (I—IX, Paris, 1861—1877), V, стр. 116.

30. Там же, стр. 59—60.

31. Kitab al-Boldan, auctore Ahmed ibn abi Jacub ibn Wadhih, al-Jacubi, BGA, VII, ed. M. de Goeje, Lugd. Batavorum, 1892, стр. 307; МИТТ, I, стр. 85.

32. Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae, auctore Abu Ishak al-Istakhri, BGA, I, ed. M. de Goeje, Lugd. Batav., 1870, стр. 258; Ибн ал-Факих, Мешх рук, л. 160а. — Худуд ал-'Алам, русский перевод в МИТТ, I, стр. 213.

33. Ибн ал-Факих. Мешх. рук. л. 161б.—Ал-Истахри, BGA, I, стр. 258.

34. Ал-Истахри, BGA, I, стр. 259.

35. Ибн ал-Факих, Мешх. рук., л. 160б.

36. Ал-Йа'куби. История, II, стр. 397.

37. Лессар П. М. Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв и Чарджоу. ИИРГО, т. XX, вып. 1. Спб, 1885; Ершов С. А. Данденакан. КСИИМК, XV, М.—Л., 1947, стр. 127; Заходер Б. Н. Денданекан, Исторический журнал № 3—4. М., 1943, стр. 75.

38. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва, стр. 42, прим. 1.

39. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва, стр. 181; Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. Спб., 1903, стр. 28.

40. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Спб, 1914, стр. 48.

41. См. Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ. 1. Ашхабад, 1949; Массон В. М. Развалины Генугирда. Известия АН ТуркмССР, 1951, № 3; Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955; Его же. Средневековый путь из Мерва на Амуль. Известия АН Туркм ССР, 1955, № 1; Адыков К. К истории средневековых поселений Мервского оазиса. Известия АН Туркм.ССР, 1957, № 4; Пугаченкова Г. А. Археологическая рекогносцировка области Среднего Мургаба. Известия АН ТуркмССР, 1958, № 6; Ее же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958; Адыков К. А. Тильситана. Известия АН ТуркмССР, 1959, № 1; Его же. Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв, СА, 1959, № 4.

42. Opus geographicum auctore Ibn Haukal... ed J. H. Kramers, Lugd. Batav., II, 1938, между стр. 426—427.

43. Бартольд В. В. К истории орошения..., стр. 58.

44. Мы исходим из общепринятой для Хорасана IX—X вв. величины фарсаха 6—6,5 км. Якут (IV, стр. 80) указывает, что от Мерва до ал-Каринейна 15 фарсахов; эта цифра либо не совсем точная, либо в его время фарсах был несколько большим. Ибн Хордадбех (BGA, VI, стр. 32) и Кудама (BGA, VI, стр. 209) сообщают, что от Мерва до ал-Каринейна было 22 фарсаха. Однако они описывают окружной путь, проходивший, как указывает Кудама, по пустыне, к востоку от Мерва, и только в 5 фарсахах севернее ал-Каринейна, в районе Бахи-рабада подходивший к Мургабу. Первая станция этого пути согласно ибн Хордадбеху, Кудамы и ас-Сам'ани (МИТТ I, стр. 517) находилась в 7 фарсахах от Мерва; это следует учитывать при археологическом обследовании пустынных районов восточнее и юго-восточнее Мерва.

45. Ибн Хордадбех, BGA, VI, стр. 32.

46. Kitab al-Kharadj auct. Kodama ibn. Djafar, BGA, VI, ed. M. de Goeje, Lugd. Batav., 1889, стр. 209. В тексте де-Гуе принято по конъектуре неправильное написание يحيى ابلاد, отраженное и в МИТТ (I, стр. 145, 164). Правильное чтение предложил Бартольд («К истории орошения...», стр. 57, прим. 8), оно подтверждается данными ал-Мукаддаси (BGA, III, стр. 347).

47. Булгаков П. Г. Сведения арабских географов IX—нач. X веков о маршрутах и городах Средней Азии, Автореферат, ЛГУ, Л., 1954, стр. 9—10.

48. МИТТ, I, стр. 331 и 336.

49. Ал-Истахри, BGA, I, стр. 285.

50. Ат-Табари, III, стр. 771.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

НОВОЕ ПО АРХИТЕКТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА

Туркменистан неисчерпаемо богат памятниками материальной культуры, среди которых видное место принадлежит произведениям зодчества. Несмотря на широкую сеть маршрутов, осуществленных по Южному Туркменистану ЮТАКЭ, каждый год приносит исследователям все новые «подарки». Показательно, что хотя с 1946 по 1954 гг. экспедицией было зарегистрировано и подвергнуто изучению немалое число архитектурных объектов, обобщающая характеристика которых вошла в специально-архитектурный VI том «Трудов ЮТАКЭ»[1], уже следующие два года увеличили их количество[2], а в настоящее время нами обследован еще ряд объектов, пока не вошедших в научный обиход. И если с годами, неизбежно, все менее остается неоткрытых наземных руин, то сколько же еще таится их погребенными в толщах земли и сколь многое будет еще вскрыто при археологических раскопках!

В 1956—1958 гг. в Мервском оазисе вновь было зарегистрировано несколько новых памятников. Последние дополняют и расширяют наши представления о развитии феодального зодчества не только этой историко-культурной области, но и Средней Азии в целом. Очень ценно наличие среди них в основном памятников гражданской архитектуры, значительно менее изученных, чем культовые сооружения средневековья.

Из культовых построек заслуживает внимания мечеть, сохранившаяся среди руин безымянного городища, затерянного в сыпучих песках севернее парфянской крепости Чильбурдж, о существовании которого сообщил постоянный осведомитель ЮТАКЭ, отличный знаток Мервской области — Нур-Мухаммед Юлчиев; обследование городища осуществил М. Е. Массон, установивший здесь наличие обведенной крепостными стенами прямоугольной территории (трудно решить — крупная ли это цитадель или малый шахристан) и большой, неукрепленной площади, где местами видны холмы былых строений. Основной археологический материал относится к IX—X вв.; меньше встречается черепков XI—XII вв., когда, по-видимому, уже началось наступление на город песков.

На городище сохранились руины мечети и круглоствольного минарета. План мечети сейчас читается лишь по гребням стен, выступающих из песчаных наносов. Здание выстроено из сырцового кирпича 30×30×6—7 см (стандарт этот обычен для мервских построек X—XI вв.). Мечеть невелика — около 36×32 м по внешнему периметру — и имеет прямоугольный двор. Последний был обведен портиками, осно-

ванными на прямоугольных сырцовых столбах, расположенных в два ряда со стороны михраба и в один ряд — по трем остальным сторонам двора. Перекрытия, очевидно, являли собой систему куполков, основанных на арках, опертых на столбы. Ориентация правильная, на кыблу (юго-западное направление главной оси). Вход размещен в северо-восточной стене, но не на оси, а ближе к левому углу мечети, где высится круглый минарет. Ствол его — с сужением вверх, сохранился на высоту до 5 м; некогда он был, несомненно, значительно выше. Внутри минарета, очевидно, располагалась винтовая лестница.

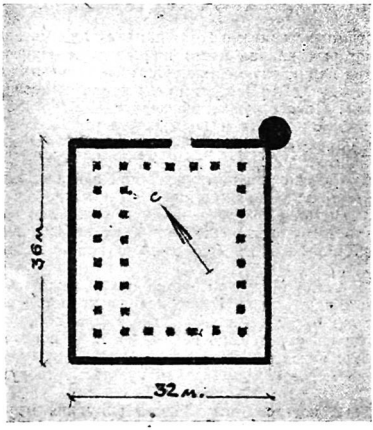

Рис. 1. План мечети, лежащей к северо-западу от Чильбурджа.

Архитектура мечети элементарно проста. В плане она развивает традиционную раннеарабскую концепцию прямоугольного двора, обведенного навесами (мечеть Амра в Фустате, большая и малая мечети в Самарре и др.)[3]. В арабском строительстве переход от стройных круглоствольных каменных и деревянных колонн к прямоугольным столбам отмечен в мечетях IX в. (Ибн-Тулун в Каире[4]). В IX—X вв. в Иране мечети еще сохраняют арабский принцип композиции, хотя конструкции и декор в них являются типично иранскими (Тари-хана в Дамгане, мечеть в Найине и др.)[5].

Очевидно, в северном Хорасане протекает сходный процесс, о чем свидетельствует рассматриваемая нами Безымянная мечеть (так в дальнейшем и будем ее называть). Это небольшое провинциальное здание, повторяя колонно-дворовую планировку арабских мечетей, отлично от них своими строительными приемами: конструкции перекры-

тий здесь были не плоско-балочные, основанные на арках (как в арабских мечетях VIII—IX вв.), а сырцово-сводчатые, подобные, например, перекрытиям галерей караван-сарая IX—X вв. в Хурмузфарра[6]; минарет — типичный для Хорасана круглоствольный (аналогии ему дают сырцовые минареты X—XI вв. в Башане и в Кишмане)[7], притом поставленный на углу мечети, а не в виде отдельно стоящей башни, как в мечетях арабских.

Датировка мечети, судя по приведенным аналогиям (а также по стандарту кирпича) восходит к X в. — времени, когда разрастается и сам городок. Уже в X—XI вв. в северном Хорасане делаются попытки отхода от обычной дворовой планировки путем создания типа айванно-дворовой мечети, интересным образцом которой является, например, мечеть средневекового Башана (городище Куртлы)[8], расположенного примерно в 20 км севернее того городища, на котором лежат руины Безымянной мечети.

IX—X вв. были порой закрепления позиций ислама во всех провинциях арабского халифата. Источники этой поры сообщают, что в Хорасане на 6000 населенных пунктов приходилось 120 крупных соборных мечетей[9]; число же мечетей приходских было, бесспорно, огромным. Безымянная мечеть дает наиболее ранний пока пример постройки, следующей арабской программе строительства, но нарушающей ее во всем, кроме плана и ориентации, ради следования собственным строительно-техническим традициям.

Описанная мечеть безусловно заслуживает быть объектом стационарных археологических раскопок, которые позволят полностью выяснить планировку и прочие архитектурные особенности этого раннего типа мусульманской постройки на почве северного Хорасана.

В 1955 г. К. А. Адыковым в процессе обследования трассы средневекового торгового пути из Мерва на Серахс было обнаружено два сырцовых «гофрированных» кёшка на городище Кельте-Минара и Овлияли-кёшк[10]. Осенью 1956 г. обе эти постройки изучались нами при совместном проезде по археологическим пунктам вдоль указанной трассы.

Овлияли-кёшк лежит на восточном конце одноименного поселения, время жизни которого, по археологическим данным, охватывает IX—начало XIII вв., погибшего, как и огромное число других населенных пунктов Мервской области, при монголах. Это — характерная для Мерва «длинная деревня», тянувшаяся почти на 3 км по течению одного из хвостовых магистральных арыков мургабской ирригационной системы.

Кёшк принадлежал, очевидно, крупному феодалу, вотчиной которого являлось селение, и занимал особое положение, как бы замыкая застройку главной улицы. Обширная прилежащая территория включала, видимо, службы, виноградники, сад, а само местоположение усадьбы в головной части канала делало ее владельца хозяином распределения воды, роль которой столь важна в условиях поливного земледелия.

Овлияли-кёшк очень разрушен, помещения его заполнены глиной рухнувших кладок перекрытий и стен, план восстанавливается по гребням стен лишь частично — в южной половине для второго этажа, в северной — для первого.

Строительным материалом является сырцовый кирпич размером 33×33×36 см в кладке стен, 30×30×6 см — в кладке сводов. Первый формат типичен для мервских сырцовых строений IX—X вв., второй — для XI столетия[11]. Кладки—на глиняном растворе, фасады отштукатурены глиной. В основании гофр виден конструктивный ряд из жжёного кирпича 27×27×5 см. Такие разделительные межъярусные пояса нередки в средневековых гофрированных кёшках Мерва (Сулу-кошук, безымянный кёшк в юго-западной части Султан-калы и др.)[12].

Здание ориентировано по странам света, главный фасад его обращен на юг, то есть по красной линии главной улицы селения.

Рис. 2. Овлияли-кёшк.

В плане кёшк квадратен (18×18 м). Несмотря на небольшие размеры, он был очень вместителен, включая по двум этажам около двух десятков помещений. Последние группировались в трех параллельных рядах — средняя группа включает обширные помещения пролетом до 6 м, боковые же — комплекс небольших комнаток. Перекрытия были сводчатыми. В настоящее время можно проследить остатки стрельчатого свода, выложенного отрезками, в северо-восточной угловой комнате первого этажа. Сохранился также полуобрушенный свод портального входа, также имевший стрельчатое построение; его кривая четко прослеживается на торцовой стене.

Главный фасад отличен в своей архитектурной разработке от боковых (судить о заднем фасаде невозможно, так как он весь обрушен). Нижняя половина кёшка оформлена, по традиции, наподобие платформы, со скошенными гранями кладки и перебита посередине лишь выступающим объемом входного пештака. Построение верхнего яруса по главному фасаду очень логично отвечает трехчастному членению плана. Боковым отделам последнего соответствуют три мощные гофры, а средней группе помещений — пештак, выступающий на 1,35 м, по обе стороны которого на фасаде размещена пара неглубоких, отороченных лопатками ниш.

Композиция пештака, обрушенного лишь в верхних участках,

восстанавливается без труда: П-образная рама его оконтуривала стрельчатый свод, определяя собою и общую высоту пештака. Торцовая стенка расчленена пояском в уровне пят, причем в нижней по-

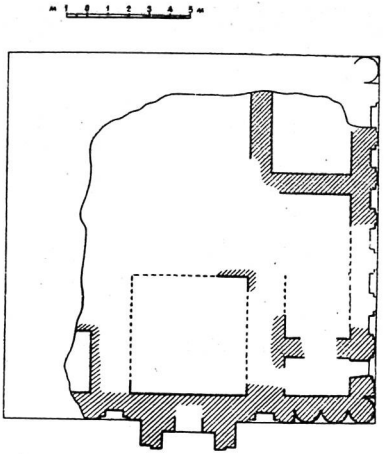

Рис. 3. Овлияли-кёшк. План.

ловине имеется арочный вход (арка стрельчатого, видимо, очертания ныне полуразобрана), а в верхней — расположена декоративная нишка с уступчато-трапециевидным завершением, которое образовано постепенным свесом рядов кирпича. Такие нишки очень типичны в сырцовой архитектуре средневекового Мерва[13].

На основании сохранившихся остатков, мы сочли возможным предложить реконструкцию главного фасада Овлияли-кешка. Завершением гофр, несомненно, служила общепринятая в среднеазиатской архитектуре система перспективно сокращающихся стрельчатых арочек. Плоские ниши фасада должны были, согласно мервской традиции, иметь греугольно-уступчатое завершение, подобное упомянутой нишке на торце портального свода. Оторачивающая эти ниши лопатка, очевидно, поворачивала поверху, давая таким образом верхнюю линию фасада. Неясен вопрос с завершением: был ли это зубчатый парапет, или прямой карниз — возможны оба варианта. Что касается того участка фасадной стены, который возвышался над порталом, то здесь можно предположить наличие плоских нишек, повторяющих ниши правого и левого

крыла. Такой приём оформления глади стен сохранился на некоторых сырцовых жилых домах средневекового Мерва[14].

Предположение это подкрепляется также архитектурой боковых фасадов Овлияли-кёшка. Следы обработки сохранились на восточном фасаде. Здесь нижняя часть имеет, как и на главном, вид платформы с сильными скосами граней, во втором же ярусе юго-восточный угол закреплен гофрой, а далее следует семь плоских настенных ниш, расчлененных лопатками.

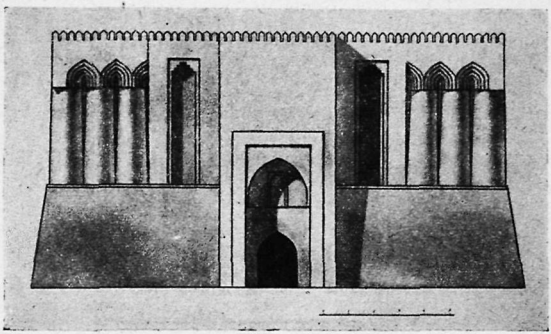

Рис. 4. Овлияли-кёшк. Реконструкция фасада.

Известные аналогии Овлияли-кёшку как будто можно отметить в хорезмских сырцовых постройках X—XII вв. Таковы, например, усадьба III в Кават-калинском оазисе[15] или караван-сарай Чаш-кала на городище средневекового Садывара[16], для которых присущи наклонные грани платформы первого яруса и оформление второго этажа гофрами, размещенными не сплошной вереницей, а как бы отдельными пучками. Однако, имеется и ряд существенных отличий: строительным материалом хорезмских сооружений служила пахса, а в Мервском оазисе — сырец; иной является планировка; в архитектурной обработке построек Хорезма плоские нишки не играют той заметной роли, которая принадлежит им в мервских жилых домах.

Овлияли-кёшк дает оригинальный вариант гофрированного жилого замка, прямых повторов которого пока не встречено ни в Хорасане, ни в Хорезме. Взамен монотонной цепочки гофр, строитель здесь вводит их в виде двух групп, зрительно закрепляя угловые участки фасада и перебивая посередине плоскими нишками и пештаком. Такой прием можно отметить (но в совершенно ином варианте) в караван-сарае XI в. Рабати-Малик, где цикл из шести гофр перемежается с гладью стены и плоскими нишками на ней[17]. В мечети XII в. Магок-Аттари число гофр уже сокращается до пары сомкнутых четвертинок[18]. Характерно, что

если этот последний памятник возведен из жжёного кирпича, а Рабат-и-Малик—из сырца, но лишь облицован жжёным кирпичом, то Овлияли-кёшк весь выстроен из сырца. Очевидно, именно в сырцовом строительстве шла та серия поисков обновления традиционных тем архитектуры, завершение которых мы наблюдаем в наиболее зрелых творениях средневековой архитектуры Среднего Востока, где применен более долговечный и более совершенный строительный материал.

Важную деталь составляет в Овлияли-кёшке портальный вход, который выделен особым выступающим объемом пештака: введение его лишь усиливает то нарушение равнозначности фасадов, которое, как сказано выше, уже было достигнуто различной их обработкой. Следует подчеркнуть, что мервская архитектурная школа в бо́льшей мере придерживалась центричности композиций — средневековые жилые дома и мавзолеи X—XII вв. дают тому многочисленные примеры. Овлияли-кёшк иллюстрирует процесс преднамеренного отхода от этой традиции— в сторону формирования портально фасадных композиций (несмотря на его квадратный, то есть строго центрический по конфигурации план).

При небольших абсолютных размерах, Овлияли-кёшк даже в руинах оставляет впечатление монументальности, что достигнуто удачно найденными соотношениями целого и деталей, введением таких сильных архитектурных форм, как гладкие скосы нижнего этажа-платформы, пучки массивных гофр и выделенный особым объёмом входной пештак.

Другой обследованный нами кёшк высится на городище Кельте-Минара, лежащем в 40 км к югу от Старого Мерва. Археологические данные в сопоставлении с письменными источниками дают основание к отожествлению Кельте-Минара со средневековым Генугирдом — одним из крупных городов области Мерва, первой значительной стоянкой торговых караванов на пути из Мерва в Серахс[19].

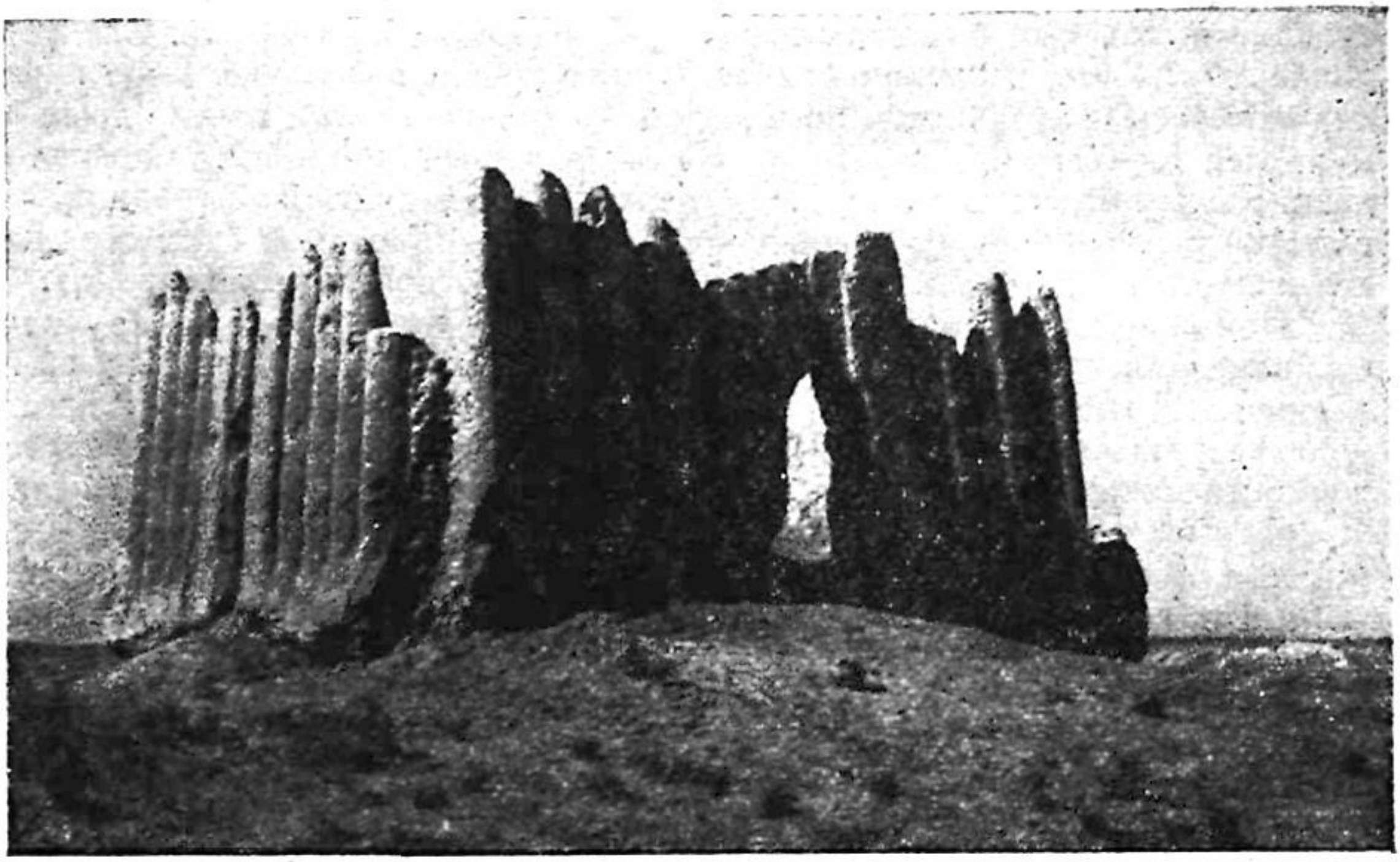
Здание кёшка высится на северной окраине пригорода Генугирда у русла крупного оросительного канала, вероятно, на землях одного из местных феодалов. Перекрытия и верхние участки стен второго этажа рухнули более чем наполовину, заполнив помещение глиняной массой.

Ориентация здания — по странам света. В плане оно квадратно (на уровне второго этажа около 14×14 м) и строго центрично по планировке. В центре — обширная михман-хана, центральный квадрат которой (5,60×5,60 м) когда-то, очевидно, перекрытый куполом, возвышался на два этажа, а на осях лежали в двух ярусах глубокие сводчатые ниши, придающие залу крестообразный план. В углах расположены прямоугольные комнатки (3,60×3,10 м); в одной из них — северо-западной — находилась лестница, которая соединяла этажи. На осях кёшка — четыре входа; дверные проёмы соединяют ниши михман-ханы с угловыми комнатами.

Строительным материалом служит сырец размером 32×32×7, 33×33×7,5 см, положенный на глиняном растворе. В междуэтажных прокладках отмечен жжёный кирпич размерами 20×20×4, 25×25×4, 26×26×4 см. Снаружи и внутри — оштукатурка глиной.

Чрезвычайно интересна конструкция перекрытий угловых худжр. Кладка ведётся здесь вертикальными отрезками от углов, нарастая от ряда к ряду и сопрягаясь на диагоналях впереплет кирпичей. Это весьма редкий в практике восточной архитектуры пример так называе-

мого «монастырского свода». Варианты его можно видеть в Яккипере —жилом доме XII в. (к северу от средневекового Мерва)[20] и в караван-сарае Рабати-Шереф 1114/15 г. (Южный Хорасан)[21]; в первом случае материалом служит сырец, во втором — жжёный кирпич. Выравнивание пазух над сводами до горизонтального уровня пола второго этажа осуществляется забутовкой из рядов жжёного кирпича, выше — засыпка на 60—70 см строительным мусором и, наконец, отмостка пола второго этажа, с глиняной смазкой поверх.

5. Кёшк Кельта-Минара.

Архитектурная композиция замка в Кельте-Минаре следует традиционному типу южно-туркменистанского средневекового кёшка. Центричности плана отвечает строгая центричность объёма и однозначность фасадов, нижний этаж-платформа (высотою до 3 м) со скошенными гладкими гранями и обработанным гофрами вторым ярусом.

Подобный приём присущ для большого числа построек в самом Мерве и его округе[22]. Однако, гофры покрывают стену второго этажа не сплошь, но по пяти с обеих сторон фасада, в центре же высится по две лопатки, разделенных простенком, в котором имелось окно. Сходный приём обработки пока может быть указан в архитектуре жилой башни-динга на городище Дурнали[23], однако и внутренняя планировка, и пропорции архитектурного объема здесь совершенно иные.

Диаметр гофр нашего кешка равен 80 см, высота их достигает местами 5 м, но и здесь еще не видно их завершения; общая высота постройки, таким образом, достигала 10—11 м. Наблюдается характерное явление: гофры хорошо сохранились на южном и восточном фасадах кёшка, но совершенно исчезли на двух других, куда ударяют господ-

ствующие ветры, сильно разрушившие и кладки стен. Подобное же явление отмечено нами и на других гофрированных кёшках Мервской области (Кыз-калы, Нагим-калы, Акуйли-кошук и др.). Факт этот явно противоречит выдвинутой некогда Б. Н. Засыпкиным и поддержанной рядом авторов точке зрения, будто возникновение гофр связано с тем, что гофры сообщали сырцовым стенам большую жесткость и сопротивляемость выветриванию внешней поверхности[24]. В действительности — при общей значительной толщине гофрированных стен они не требовали особых строительно-технических мер по приданию какой-го

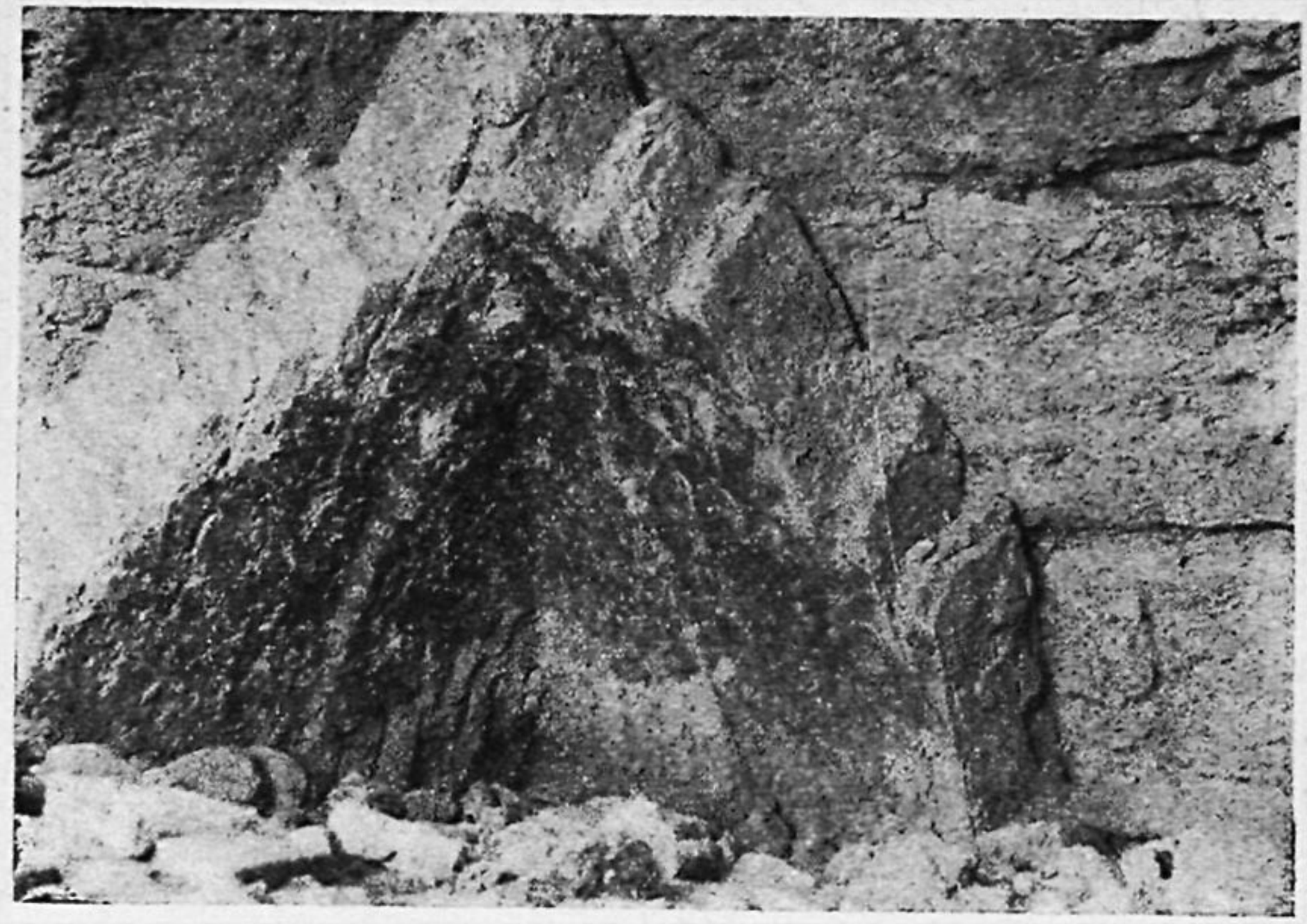

Рис. 6. Остатки сомкнутого свода углового помещения.

дополнительной жесткости. Процесс же разрушения как гофрированных, так и негофрированных стен под воздействием господствующих ветров, развеивания и смыва косым дождем — почти однороден. Заключение это подтвердила нам, на основании многочисленных личных наблюдений, и Н. С. Гражданкина[25].

Время сооружения кёшка в Кельте-Минара определяем, исходя из следующих соображений. Размер сырца типичен для мервского строительства X—XI вв., между тем конструкция монастырского свода известна пока на памятниках начала XII в. В архитектурном же оформлении налицо переход от сплошь гофрированных поверхностей построек VII—X вв. к монументальным сырцовым сооружениям гражданской архитектуры XII в., когда гофры почти выходят из употребления. Все это позволяет датировать памятник XI столетием.

Оба здания — Овлияли-кёшк и кёшк в Кельте-Минара рисуют эволюцию архитектурного образа, когда замок перерождается в богатый дом. В нем еще по традиции сохранены черты раннефеодального

крепостного строительства; крутые скосы первого этажа, имитирующего грани былых возвышенных платформ, гофрированная разделка вышележащих стен, вероятно — зубчатый парапет. Но четыре входа в кёшке на Кельте-Минара, отказ в Овлияли-кёшке от сплошной гофрировки стен, придающей раннесредневековым замкам Средней Азии черты суровой мощи и замкнутости, свидетельствуют об утрате былых оборонных функций. Теперь это не укрепленная твердыня, а комфортабельный жилой дом, господская усадьба, возвышающаяся на окраине селения, среди зелени сада.

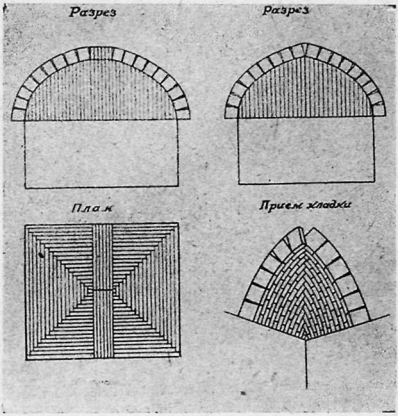

Рис. 7. Конструкция сомкнутого свода в угловом помещении.

В числе вновь обследованных сооружений гражданской архитектуры имеется караван-сарай, лежащий в песках в 200 км к северу от Старого Мерва.

В дорожнике Хамдаллаха Казвини (XIV в.) в описи стоянок на пути из Мерва в Хорезм, ведшем от селения Сафари или Мусфари (раннесредневековый город Хурмузфарра, ныне — городище и колодцы Новый Кишман), упоминается первая стоянка Абдан-Гянджа и следующая за нею — рабат Суран или Суваран[26]. Поиски этого отрезка пути, осуществленные при маршрутных исследованиях XVIII отряда ЮТАКЭ в 1955 г.[27], позволили установить, что Абдан-Гянджу соответствуют археологические остатки у колодца Якипер, а рабату Суран — руина, которую туркмены именуют Оде-мергень-кала. Название это связывают с каким-то охотником-мергеном по имени Оде, некогда проживавшим среди руин.

Здание стоит в пустыне, на площадке такыра, затерянного среди глухих барханных песков. Здесь в настоящее время не видно следов колодца, который, очевидно, занесло песком, но который, безусловно,

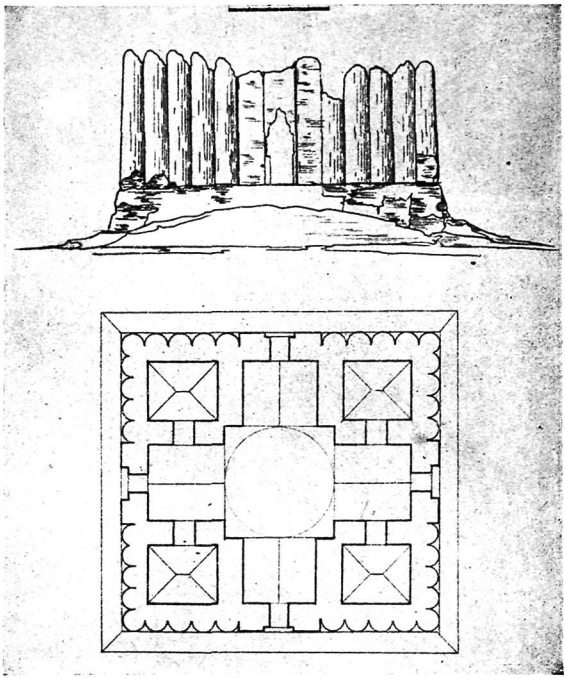

Рис. 8. Кельте-Минара. План и фасад.

был. В настоящее время функционирует колодец Яндаклы, расположенный к северу в 7—8 км, где находится скотоводческое хозяйство колхоза «Москва».

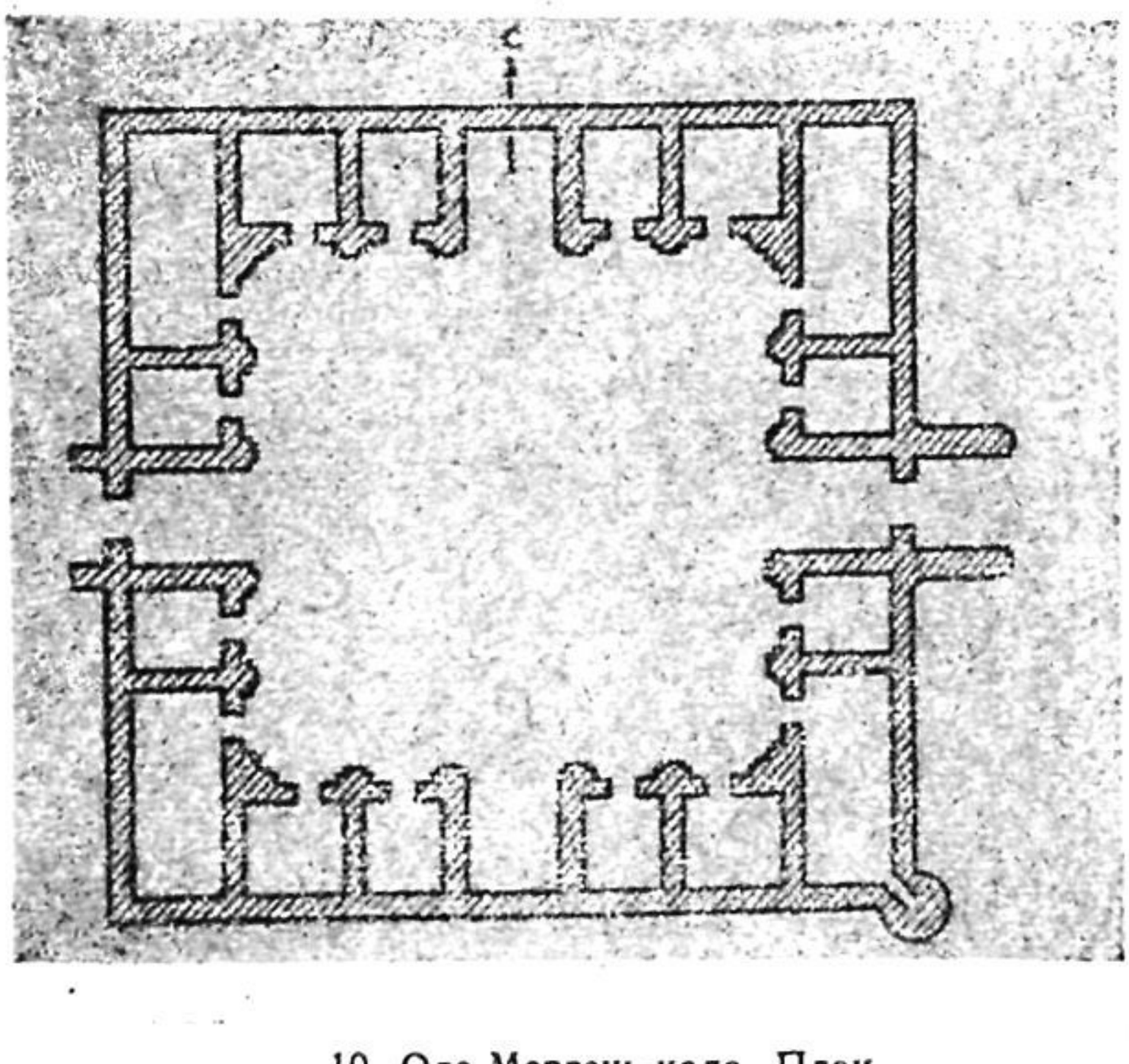
Оде-мергень-кала — типичный средневековый караван-сарай. Отстроен он из сырцового кирпича 25×25×4,5—5 см, на глиняном раст-

воре; стены отштукатурены глиной. В плане почти квадратен (наружные размеры — 41×41,5 м, по внутреннему периметру двора — 26,60×26,90 м). Ориентация по странам света. Хотя отдельные участки

Рис. 9. Оде-Мергень-кала.

стен совершенно оплыли и нет ни одного полностью сохранившегося перекрытия, архитектурная схема здания — его план и дворовые фасады графически могут быть полностью восстановлены.

10. Оде-Мергень-кала. План.

Караван-сарай имеет двое ворот, обращенных на восток и запад и выделенных пештаками. Видимо, восточный въезд был главным: сводчатая ниша здесь очень глубока — 4,80 м, в то время как в западном она равна 1,70 м, устои пештака оформлены лопатками и имеют косые срезы углов, чего не наблюдается на западном пештаке.

План караван-сарая симметричен. На осях двора лежат глубокие (до 6,20 м) сводчатые айваны, по обе стороны от которых расположены по две арочных ниши со входами в жилые и подсобные помещения.

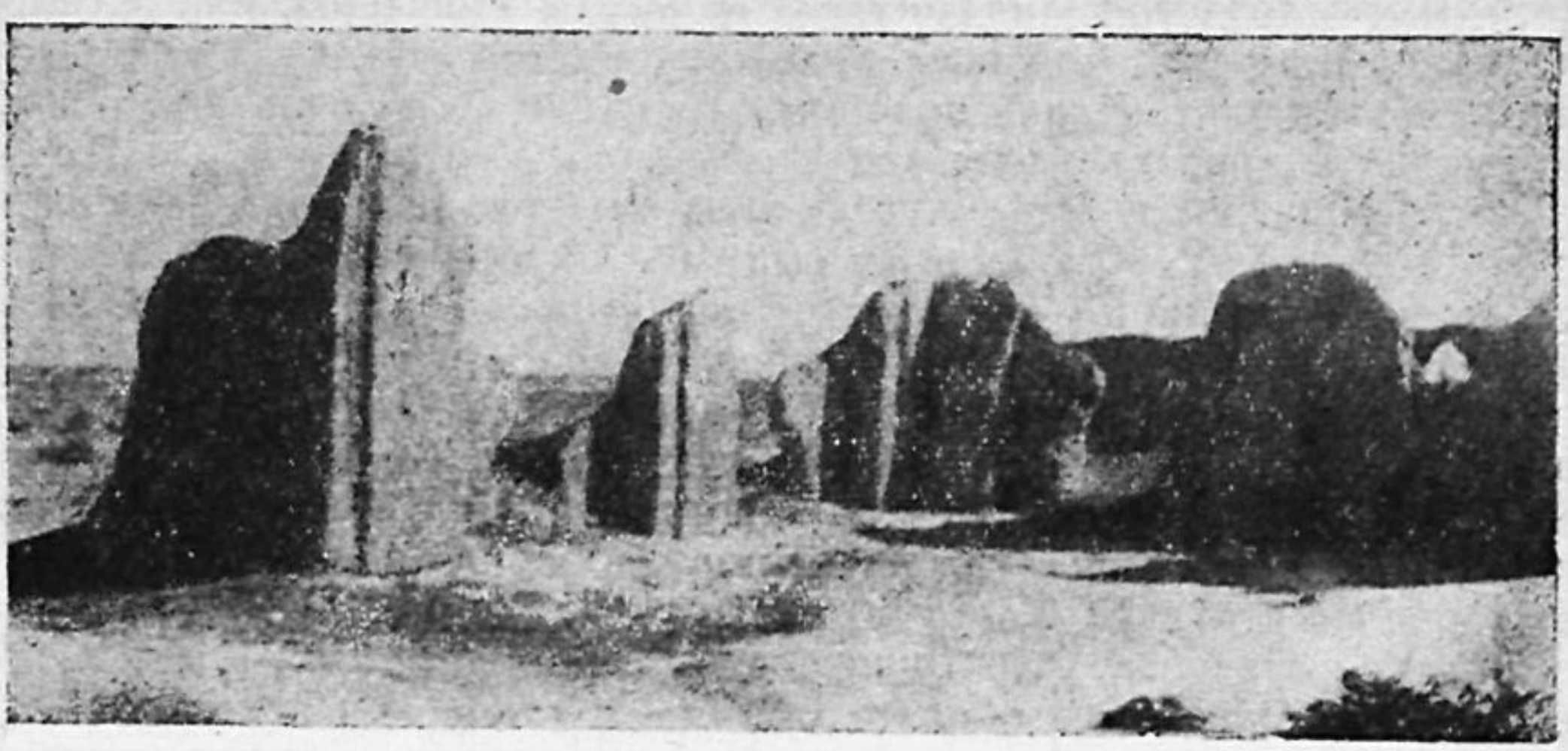

Рис. 11. Оде-Мергень-кала. Вид со двора.

Жилые худжры (их двенадцать) почти квадратны; четыре угловых продолговатых помещения, очевидно, были предназначены для вьючного скота и разгрузки товаров, но одно из них могло быть и гостиной — михман-ханой. В восточном айване имеется два добавочных входа в смежные худжры. В юго-восточном углу караван-сарая высится мощная круглая башня, выполнявшая роль дозорной и сигнальной, нарушающая строгую симметрию главного фасада.

В связи с экономией леса, который приходилось бы доставлять в пустыню верблюжьими караванами в течение многих дней пути, все перекрытия сводчатые, из сырцового кирпича. В айванах сохранились

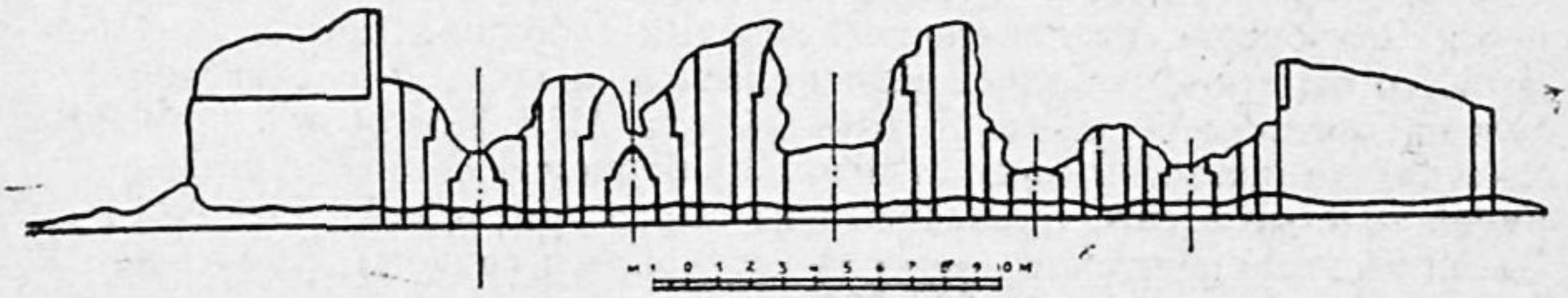

Рис. 12. Оде-Мергень-кала. Разрез.

лишь нижние участки кладки сводов отрезками (очевидно, стрельчатой формы); видимо, таковы же были и перекрытия продолговатых помещений. Комнаты квадратной, или близкой к квадрату формы, перекрыты сводами балхи, от которых сохранились местами угловые кладки. Арки располагавшихся перед худжрами ниш, архивольты которых местами сохранились почти наполовину, были стрельчатыми. Арки проходов, ведущих в худжры из двора (часть из них цела) пролетом 1,53 м — стрельчатого очертания, причем выложены они двояко: или

это арка отрезками из полукирпичей, на которой покоится разгрузочная арочка из кирпича—плашмя, или же арка клинчатой кладки, с подобным же разгрузочным рядом на ней. Арочки двух упомянутых проходов, ведущих в смежные худжры из восточного айвана, пролетом 1,10 м, имеют отлого-эллиптическую форму и выведены отрезками из полукирпичей, с разгрузочным рядом клинчатой кладки. Судя по остаткам, в западном айване подобными же были по очертанию и по конструкции и арки въездов (пролетом около 2 м).

Таким образом, в Оде-Мергень-кала имеется пять разновидностей арочно-сводчатых конструкций из сырцового кирпича. Прямые и многочисленные аналогии им дает целый ряд сырцовых сооружений Мервского оазиса второй половины XI—первой половины XII вв. (дом правителя в Шахрияр-арке Мерва, караван-сарай в Ал-Аскере и др.)[28]. Это решает вопрос о дате возведения рабата Суран, которое имело место при Мелик-шахе или при Султане Санджаре, в пору процветания сельджукидского Мерва и транзитной торговли по трассе, связывавшей этот город со столицей Хорезма, Ургенчем.

Никаких следов архитектурного декора в здании нет. Рабат Суран дает почти стандартный образец обычного для средневекового Хорасана некрупного караван-сарая, отвечающего главной функциональной задаче — вместить, обслужить, уберечь от непогоды и от грабежа проходящие караваны. Архитектура его очень проста и традиционна: четырехайванная дворовая композиция, периметральная застройка, выделение въездов двумя пештаками, метрический ряд стрельчатых арок, в П-образном обрамлении — в айванах, настенных нишах и проходах к худжрам. Расположенный не на основной дороге из Мерва в Хорезм (главная торговая магистраль пролегала через пустыню от Кушмейхана в Амуль и затем шла по аму-дарьинскому побережью на север), а на второстепенном, более коротком, но и более трудном пути рабат Суран являет пример того типового решения средневекового караван-сарая, который, как показали исследования ЮТАКЭ, очень характерен для Южного Туркменистана[29].

Следы еще одного караван-сарая отмечены были нами во время того же маршрута XVIII отряда ЮТАКЭ, в 1,5—2 км к северу от крепости Чильбурдж, на занесенном песками городище Ерез-депе. Прежде всего отметим, что здесь сохранилась руина какой-то сельской феодальной усадьбы V—VI вв. План ее был снят М. Е. Массоном в примерных контурах по немногим выступающим из барханов остаткам. Здание это имеет толстые стены, выведенные из сырца размером 50×40×10 см. Въезд выделен пештаком (некогда перекрытым сводом), сложенным из пахсовых блоков высотой 66—68 см.

К югу располагалось селение, разросшееся, судя по подъёмному археологическому материалу, значительно позднее. Тянется оно почти на 1,5 км. Здесь на выдувах среди барханов попадаются холмы былых строений и глазурованная керамика IX—XII вв. У окраины деревни высится руина караван-сарая. Он квадратен в плане (около 45 м в стороне), был обведен пахсовой стеной (высота рядов пахсы 90—95 см), но так разрушен и занесен песком, что в микрорельефе лишь едва угадывается двор и развалины окружавших его худжр и навесов.

Лишь в юго-западном углу высятся остатки крупного квадратного помещения пролетом около 9 м. Это была, очевидно, гостиная — мих-

манхана. В настоящее время видны лишь арки и тромпы переходной к куполу конструкции; у уровня пят их михман-хана засыпана песком, а купол разрушен.

Перекрытие сложено из сырца 29×29×5 см. Тромп выведен в виде сомкнутого полусвода; в нижней части его переход к прямому углу помещения осуществлен перспективно-уступчатым парусом. Арочные ниши, лежащие на осях комнаты, имеют особую фигурную кладку: торцовые стенки этих ниш выведены обычными горизонтальными рядами, но поверх нанесена в один ряд облицовка из кирпичей «в ёлку», образующих орнаментальный узор.

Стандарт сырца, а также комбинация пахсовых и сырцовых кладок весьма типичны для мервских сооружений конца XI—XII вв. Не менее характерны для данной эпохи и конструкция тромпа, и фигурные кладки «в ёлку», которые известны нам по целому ряду памятников Южной Туркмении (Ярты-Гумбез, мавзолей Мухаммеда бини Зейда и др.)[30] и вообще Хорасана (например, Рабати-Шереф близ Шурлага[31], сельджукидское здание в Синджане[32], мавзолей в Сенгбесте[33] и др.). Но все названные постройки выведены из жжёного кирпича. Вот почему при всей фрагментальности остатков караван-сарая в Ерез-депе он имеет принципиальное значение, свидетельствуя о первоначальном формировании этих конструктивных приёмов в сырце. Таким образом, памятник этот дает еще одно подтверждение прежних наших наблюдений, позволивших выдвинуть тезис о том, что сложению многих конструктивных и декоративных форм монументальных зданий, выполненных из жжёного кирпича, предшествуют предварительные поиски и нововведения в массовой архитектуре сырцового строительства.

Одно из интереснейших историко-архитектурных открытий было сделано ЮТАКЭ в Векиль-Базарском районе. Здесь, на огромном, доныне функционирующем кладбище, которое лежит в каких-нибудь 20 км от областного центра — города Мары, в густо заселенном и засеянном хлопком сельскохозяйственном районе, таится памятник, который до сих пор ускользал от внимания исследователей и краеведов потому, что он совершенно скрыт от глаз. При подходе к мазару видна небольшая мечеть грубоватой поздней архитектуры — с зимним помещением, полуразрушенным айваном, двориком и минаретом, которая никакого историко-архитектурного интереса не представляет. Пройдя через дворик, можно попасть во второй двор, огороженный очень высоким (до 5 м) пахсовым дувалом. Каково же при этом удивление посетителя, когда перед ним предстает совершенно скрытый извне этой оградой малютка-мавзолей[34].

Это совсем небольшое сооружение. Выведено оно из жжёного кирпича размером 26—27 см в стороне на 4,5—5 см толщины, на глиняном растворе. Ориентация осей диагонально по странам света. По композиции здание являет собой чартак—квадратного плана размером 3,80 м в стороне, с четырьмя арками, лежащими на осях, и полусферическим куполком. Внутри его у северо-восточной стены располагается надгробие. Около 30 лет тому назад марыйскими татарами у мавзолея были проведены ремонтные работы, — в частности снаружи и внутри осуществлена отмостка жжёным кирпичом, вероятно, не первая, наслоившаяся на более ранние полы. Поэтому здание несколько вросло в землю — пройти внутрь через арочный проход можно лишь

ния — тройным рядом кладки из клинчато и плашмя уложенного кирпича, точных аналогий которому в памятниках Южного Туркменистана нет. Внутреннее оформление чартака подкупольной кольцевой надписью

Рис. 18. Ячеистый парус и часть подкупольной надписи в интерьере.

Рис. 19. Перспективный парус и часть подкупольной надписи в интерьере.

полусогнувшись, да и зрительно пропорции арок явно укорочены. В настоящее время фасады достигают по высоте 3,40 м.; первоначально она, по-видимому, соответствовала ширине, и здание имело кубообразные пропорции. Во время последнего ремонта по верху стен был протянут нависающий карниз, выполненный из русского кирпича, имеющий профиль гуська между двумя полочками, который наполовину скрыл купольную скуфью. Тогда же стены интерьера были побелены и на побелке местами нанесены грубоватые цветные орнаменты растительного характера. К счастью, реставрации эти не уничтожили главного в мавзолее—его первоначального декора. А этот декор внутри и снаружи составляют надписи.

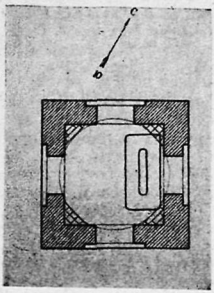

Рис. 13. Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды. План.

Архитектоника фасадов однородна и предельно проста. На фоне кирпичной кладки выделяются стрельчатые арки проёмов (два из них ныне заложены наполовину, третья—целиком); они выведены клинчатой кладкой, на которой проходит разгрузочная арочка из половинок кирпича, обращенного по фасу ложком и над ним — ряд выкладки тычком. Вверху фасада — широкое горизонтальное поле, заполненное крупными

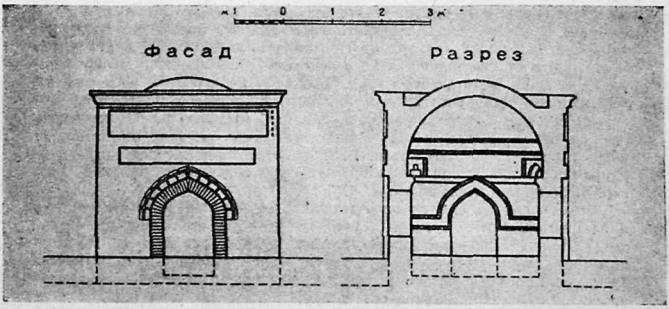

Рис. 14. Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды. Фасад и разрез.

надписями, буквы которых вытесаны из жжёного кирпича и насажены на углубленном фоне; на угловых участках кладок по обе стороны от этих полей введены резные ромбические кирпичики. Главным фасадом

был юго-восточный; он отличается от остальных только тем, что здесь под основной надписью располагается над входом неширокой полоской еще другая, резанная на ганче.

Квадратное пространство интерьера перекрыто полусферическим куполком, в нижней трети которого на углах помещения переброшены под 45° небольшие паруса. Два из них (противолежащих) представляют как бы вписанную в прямоугольную рамку двухрядную ячеистую конструкцию, а два других —двухарочную перспективную. Выше располагается пояс надписи, резанной по ганчу, буквы которой рисуются на фоне сложнорастительных завитков. Аналогичная по стилю надпись единой лентой проходнт по стенам интерьера в уровне арочных пят, обегая все архивольты. Все надписи снаружи и внутри исполнены куфическим письмом.

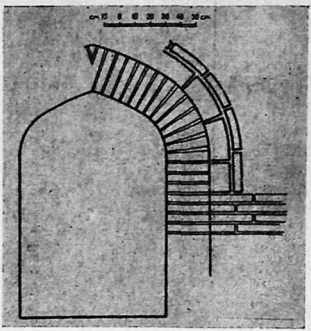

Рис. 15 Конструкция арки.

Сохранность текстов на редкость хороша. Если не считать утраченного уже давно участка на северо-западном фасаде, можно говорить лишь о незначительных дефектах отдельных деталей или букв.

В народе о мавзолее ходит немало преданий. Согласно одной версии, это мавзолей некоего «царя-раба» Ходжа Абдуллы, Ходжа Мубарек-оглы; по другому варианту — известного мистика XII века Абдуллы Ансари. Личность первого совершенно легендарна, что касается второго, то место его подлинного погребения хорошо известно: он покоится в Гузаргохе близ Герата[35]. Но все эти фольклорные данные сразу же отходят на второй план в связи с дешифровкой надписей на мавзолее, осуществленной М. Е. Массоном, которая подготавливается им ныне к изданию. Содержание в основном таково: надписи внутри — религиозного характера, наружные же заключают исключительно исторические сведения (к сожалению, утрачена дата, которая, видимо, находилась на северо-западной стене). Здесь названы имена сановных лиц, осуществлявших постройку мавзолея, имя мастера — мемора Абу-Бекра и, наконец, имя погребенного лица, каковым оказался Абдулла ибн-Бурейда.

Имя его отца — Бурейды ибн ал-Хусейба ал-Аслами—хорошо известно. То был один из «асхабов» — первых воителей и сподвижников пророка Мухаммеда. В Мерве, куда он, согласно традиции, был прислан якобы самим Мухаммедом, Бурейда провел немало лет; здесь же скончался в 681 г. и был погребен в южной части средневекового горо-

да, в квартале Танургарон, рядом с другим асхабом ал-Хакамом ибн Амром ал-Гифари (умер в 670 г.). Уже в XII в. обе могилы эти пользовались в Мерве исключительно высоким почитанием[36], каковое, очевидно, было распространено и на их родичей и потомков. В XV в. возле могил появилось монументальное двухайванное здание, оформленное цветными изразцами, а сами они были облицованы мраморными надгробиями, покрытыми роскошной художественной резьбой. Это здание и могилы сохранились до наших дней[37].

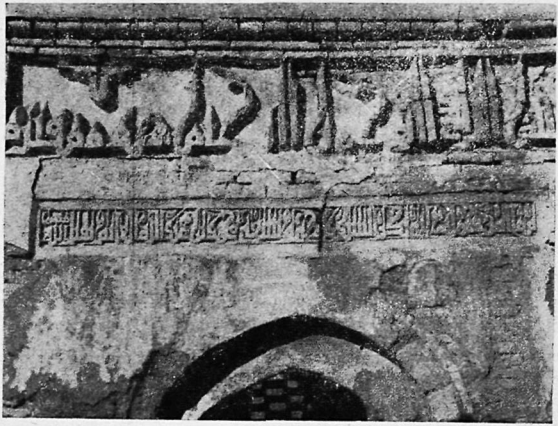

Рис. 16. Надпись на главном фасаде.

Абдулла сын Бурейды скончался, очевидно, уже где-то в первой половине VIII столетия. В ту пору над ним (как и над его отцом) не было воздвигнуто никакой специальной постройки, так как это противоречило бы мусульманским погребальным обычаям первых веков ислама. Вероятно, первоначально могила Абдуллы размещалась при мечети (может быть на месте ее воздвигнута та поздняя полуразрушившаяся мечеть, которая была упомянута нами вначале). На это указывает ориентация могилы и памятника, оси которых обращены не по странам света, как следует по правилам мусульманского захоронения, а под углом, то есть с направлением на кыблу. И лишь позднее могила превратилась в мазар — место поклонения, что могло быть не ранее X—XI вв., так как лишь с этого времени в мусульманских странах начинается возведение особых мавзолейных сооружений над погребениями почитаемых лиц.

Отсутствие каких-либо упоминаний о мавзолеи Абдуллы в источниках X в., где обычно приводятся указания наиболее известных «мест поклонения», косвенно дает terminus post quem его сооружения. Сведения об этом мавзолее впервые встречаются у Самани (середина XII в.), который пишет: «Джаварсе—селение в трех фарсахах от Мерва, там находится могила Абдуллаха б. Бурейбы б.-ал Хусейба; жители Мерва и окрестностей собираются там в ночь «книги живота»[38]. Указанное расстояние (3 фарсаха — около 18 км) вполне совпадает с расстоянием до Султан-калы, и, такие образом, мы получаем уточненное наименова-

Рис. 17. Часть надписи на фасаде.

ние средневекового селения Джаварса, близ которого раскинулось кладбище с мавзолеем Абдуллы. Во времена Самани это уже было место какого-то большого общенародного празднества, на которое стекались изо всей области. Приведенные известия дают первую половину XII столетия, как terminus ante quem сооружения памятника.

Уточнение датировки может быть внесено на основании стилистического анализа. Сама форма его элементарно проста: появление такого рода мавзолеев — чартаков на территории северного Хорасана отмечается уже в конце X в. — начале XI в. Таковы мавзолей Кызбиби в Мерве, мавзолеи в Старом Чарджоу, в Имам-баба, мавзолей Ахмеда в Баба-Гамбере[39]. Два последних особенно близки к нашему памятнику, являя ту же композицию кубообразного четырехарочного купольного чартака. Но начертание стрельчатых кривых в нем восходит уже к XI—XII вв., так как арки предшествующих веков имеют лишь легкое заострение в замке; отметим попутно своеобразный прием их выведе-

31. Godard A. Khorasan, op. cit., fig. 4.
32. Wilber D. The development of mosaic faience in islamic architecture in Iran. Ars Islamica, vol. VI, pt. I, 1939, fig. 3, p. 31.
33. Diez E. Die Churasanische Baudenkmäler. Berlin, 1918, Taf. 14.
34. Публикация мавзолея см. Пугаченкова Г. А. Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды. Известия АН ТуркмССР, 1961, № 2.
35. Byron R. Timurid Monuments in Afghanistan. Иранское искусство и археология, III-й международный конгресс, доклады. М.—Л., 1935, стр. 35.
36. МИТТ, 1, стр. 329, 332.
37. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 400 сл.
38. Жуковский В. А. Развалины... Цит. соч., стр. 39; МИТТ, т. 1, стр. 329.
39. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 175 сл.
40. Godard A. Khorasan, fig. 36.
41. Ершов С. А. Данденакан. КСИИМК, XV, 1944, рис. 61—62; Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии. «Эпиграфика Востока», III, М.—Л., 1949, рис. 21; Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 257.
42. Diez E. Die Churasanische Baudenkmäler, Taf. 13, s. 49—50.
43. A Survey of Persian Art, vol. IV, Ed. A. U. Pope. London—New York, 1938, pl. 288—289.
44. Жуковский В. А. Развалины... рис. 7; Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 401.
45. Дьяконов М. М. О дате данденаканской мечети. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 108; Массон М. Е. Новые данные о надписи одного Мешхеди-Мисрианского минарета. Эпиграфика Востока, VII, 1953, стр. 12.
46. Godard A. Les monuments du feu, Athar-é Iran, t. III, fasc. I, Paris, 1938, p. 25 сл.

и лентой второй надписи, обегающей стены и архивольты, можно видеть в мавзолее Хакими-ат-Тармизи в старом Термезе, в котором датировка надписей падает на 90-е годы XI в. К той же дате подводит нас и эпиграфический анализ: стиль куфического письма внутри мавзолея Абдуллы близок к надписям в михрабе Рабати-Шерефа (1114/15 г.) в Иранском Хорасане[40], но особенно—в резном штуке мечети Данденакана, нанесенном в 90-х годах XI столетия[41]. Что касается наружных текстов, выполненных из кирпича, то стиль письма здесь сближается с надписями мавзолея Ярты-Гумбез близ Серахса (1098 г.), минарета в Керате (XI—XII вв., уточненной даты минарет не имеет)[42] и интерьера малого купольного здания исфаханской Джума-мечети (1088 г.)[43].

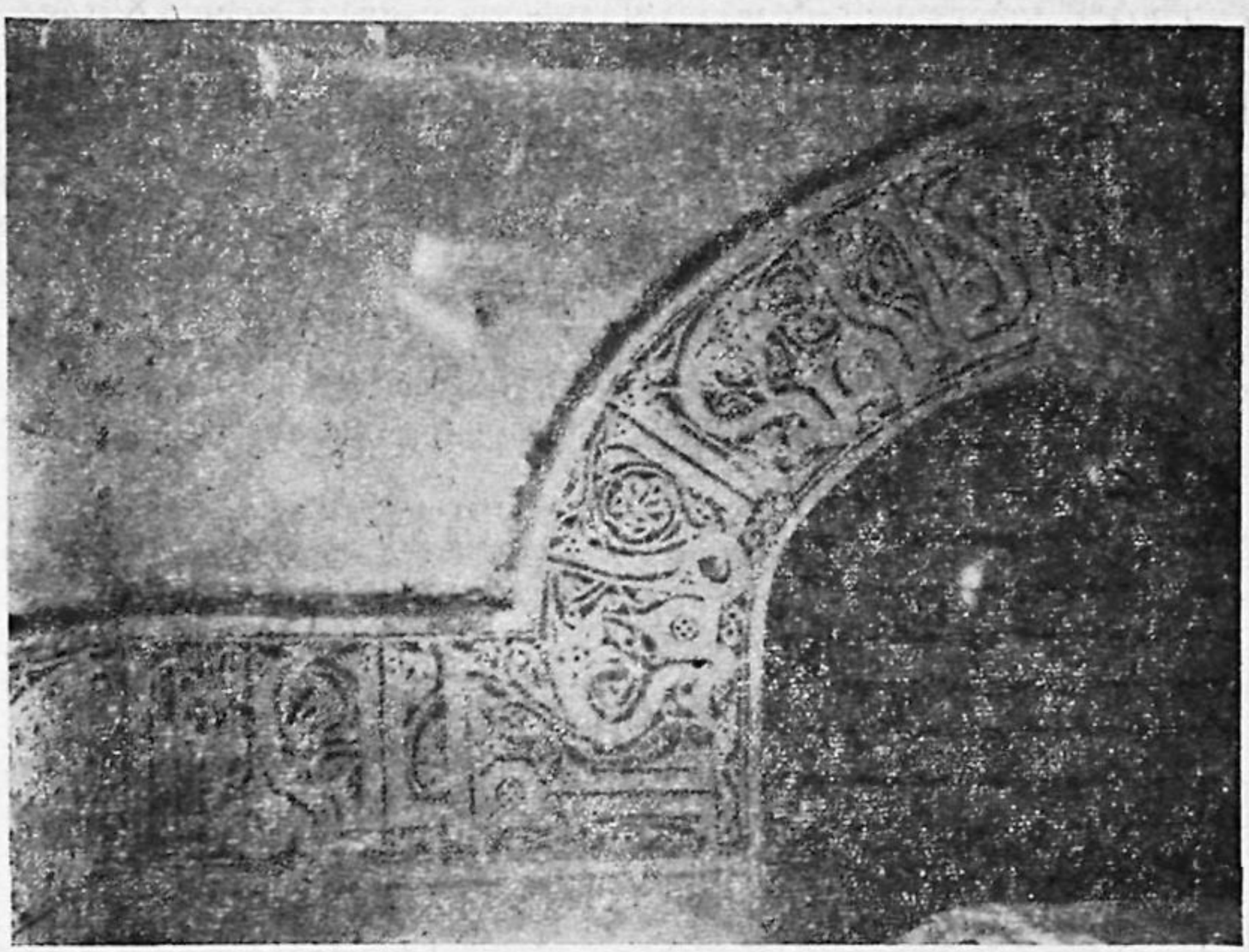

Рис. 20. Резьба по ганчу в интерьере мавзолея.

Таким образом, приведенный круг аналогий ставит датировку мавзолея Абдуллы ибн Бурейды в конце XI столетия. То было время повсеместного расцвета мавзолейного строительства на Среднем Востоке, когда парадные усыпальницы возводились и для светских феодалов, но особенно — над могилами видных шейхов, вокруг которых обычно закреплялся культ, приносивший немалую выгоду мусульманскому духовенству. В пору усиления роли ислама в общественной идеологии возведение памятных сооружений над погребениями первых воителей ислама почиталось богоугодным делом, и маленький, изящный мавзолей Абдуллы ибн-Бурейды является одной из многочисленных построек этого рода, возникших при сельджукидах в Хорасане.

Думается, что в том же XI столетии появились и два кирпичных чартака над могилами самого Бурейды ал-Аслами и ал-Хакама Гифари,

которые в полуразрушенном состоянии можно видеть ещё на фотографиях В. А. Жуковского 1890 г.[44], но которые позднее были заново перестроены (с сохранением основной объемной композиции) из русского кирпича. На старых снимках видно, что намогильный павильон Бурейды сложен из квадратного средневекового кирпича в приёме фигурной кладки, образующей косую узорную сетку, довольно обычную в кирпичной орнаментации XI—XII вв.

В мавзолее Абдуллы ибн Бурейды внимание наше привлекает имя строителя Абу-Бекра: оно совпадает с именем мастера, нанесшего в XI в. новый декор в мечети Данденакана[45]. Случайно ли это совпадение, или оба памятника принадлежат руке единого мастера? Мы склонны принять последнее предположение. В средние века многоопытные строители-меморы, завоевавшие славу выдающихся зодчих, нередко выезжали по приглашению в другие, порой далекие от места их основного жительства и работы области. Достаточно напомнить, что в Мерв, обладавший в XII в. блестящей корпорацией строителей, был привлечен на строительство мавзолея сельджукидского султана Санджара зодчий Мухаммед ибн Атсыз из Серахса. Что касается Абу-Бекра, то он, судя по конструктивным приёмам, принадлежал именно к плеяде мастеров Мерва, откуда выезжал по приглашению в Данденакан и в Джаварсе. Следует отметить, что в области декора он был гораздо искуснее, чем в конструкциях: при превосходном выполнении надписей, он применяет в едином помещении два типа парусов, притом довольно примитивного устройства.

Архитектурный облик мавзолея Абдуллы ибн Бурейды очень типичен для средневекового хорасанского строительства. Композиция его предельно проста: куб, перекрытый полусферой. Этот архитектурный тип сложился в странах, где до пришествия арабов господствовала религия зороастризма: тема чартака—четырехарочного купольного киоска—восходит в своей основе к доисламскому храму огня, аташкеду. Таковы сохранившиеся аташкеды в Фирузабаде, Казеруне, Джерре, Найсаре и др[48].

Эта центрическая композиция мавзолеев имелась, помимо Хорасана, и в других областях средневекового Востока—мавзолей Саманидов в Бухаре (генезис которого имеет иные корни) дает высокосовершенную архитектурную разработку данной темы. Однако в Мавераннахре уже к концу X в. ее вытесняет портальное решение, в Азербайджане, Мазандеране и Хорезме преобладают шатровые композиции и лишь Хорасан (наряду с развитием в его южных провинциях шатрово-башенных мавзолеев) стойко придерживается чартака.

Мавзолей султана Санджара в Мерве дает законченное, зрелое и наиболее монументальное ее выражение. Но какой контраст являют при сопоставлении два этих памятника—маленький мавзолей Абдуллы ибн Бурейды и грандиозный мавзолей Санджара, созданные единой школой хорасанских мастеров-меморов, развивающих, по существу, единую архитектурную тему и столь различных в своем конечном воплощении!

Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды — это своеобразная архитектурная миниатюра, которой лаконизм композиционных и изобразительных средств, ясность пропорций и совершенство декоративного оформления придают черты подлинной «архитектурности», вводя этот памятник

в ряд незаурядных произведений зодчества XI—XII вв., которыми так богата Мервская область.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958.

2. Пугаченкова Г. А. Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 283 сл.

3. Glück H. und Diez E. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925, ss. 148—149.

4. Op. cit., ss. 155—157

5. Godard A. Note sur d'anciennes mosquées de l'Iran. Иранское искусство и археология. III Международный конгресс. Доклады. М.—Л., 1939, стр. 70 сл.; Godard, A. Les anciennes mosquées de l'Iran. Athar-élIran, t. I, fasc. I, Haarlem, 1936, p. 187 сл.

6. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 168, 246.

7. Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, рис. 6; Труды ЮТАКЭ. т. VI, стр. 162 сл.

8. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 245 сл.

9. Макдиси. Извлечения из Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-калим. Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ), т. I, М.—Л., 1939, стр. 192.

10. Детальное описание маршрута К. Адыкова подготавливается к публикации.

11. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 149 сл.

12. Там же, стр. 150, 153.

13. Там же, стр. 205, 207, 210, 215; Пугаченкова Г. А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. VIII, стр. 240.

14. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 210, 215.

15. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 63; Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, рис. 181.

16. Пугаченкова Г. А. Новые материалы... Цит. соч., стр. 290 сл. Ее же. Некоторые архитектурные памятники левобережья Аму-Дарьи. Известия АН ТуркмССР, 1955, № 4, стр. 7 сл.

17. Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 42—44.

18. Там же, стр. 53 сл; Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 70 и сл., рис. 9—10.

19. См. Массон В. М. Развалины Генугирда, Известия АН ТуркмССР, 1951, № 3; кёшк упомянут на стр. 11.

20. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 212; Своды в архитектуре южного Туркменистана. Цит. соч., стр. 243, рис. 36.

21. Godard, A. Khorasan. Athar-é Iran, т. IV, fasc, I, Paris, 1949, p, 32, fig. 21—23.

22. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 149 сл.

23. Там же, стр. 159.

24. Засыпкин Б. Н. Заметки по строительной культуре Советского Востока. Строительная промышленность, 1930, № 1, стр. 70 сл.; Пилявский В. И. Гофрированные постройки Средней Азии. Архитектура СССР, 1941, № 5, стр. 61; Воронина В. [Л.]. Древняя строительная техника Средней Азии. Архитектурное наследство, № 3, 1953, стр. 15.

25. См. также Н. С. Гражданкина. Древние строительные материалы Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 78. 109.

26. Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. Спб. 1894, стр. 58—59; МИТТ, I, стр. 511.

27. Маршрутный отряд, возглавляемый М. Е. Массоном, включал в свой состав начальника VII отряда ЮТАКЭ Г. А. Пугаченкову, коллектора Г. Е. Трапезникова, проводника Н. М. Юлчиева и шофера М. Мамедова.

28. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 225 сл; Своды в архитектуре... Цит. соч., стр. 236 сл.

29. Массон М. Е. Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу). Известия АН ТуркмССР, № 1, 1955, стр. 7 сл.; Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 225 и сл; Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 164, 220, 223.

30. Своды в архитектуре... Цит. соч., стр. 46 и сл.

31. Godard A. Khorasan, op. cit., fig. 4.
32. Wilber D. The development of mosaic faience in islamic architecture in Iran. Ars Islamica, vol. VI, pt. I, 1939, fig. 3, p. 31.
33. Diez E. Die Churasanische Baudenkmäler. Berlin, 1918, Taf. 14.
34. Публикация мавзолея см. Пугаченкова Г. А. Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды. Известия АН ТуркмССР, 1961, № 2.
35. Byron R. Timurid Monuments in Afghanistan. Иранское искусство и археология, III-й международный конгресс, доклады. М.—Л., 1935, стр. 35.
36. МИТТ, I, стр. 329, 332.
37. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 400 сл.
38. Жуковский В. А. Развалины... Цит. соч., стр. 39; МИТТ, т. I, стр. 329.
39. Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 175 сл.
40. Godard A. Khorasan, fig. 36.
41. Ершов С. А. Данденакан. КСИИМК, XV, 1944, рис. 61—62; Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии. «Эпиграфика Востока», III, М.—Л., 1949, рис. 21; Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 257.
42. Diez E. Die Churasanische Baudenkmäler, Taf. 13, s. 49—50.
43. A Survey of Persian Art, vol. IV, Ed. A. U. Pope. London—New York, 1938, pl. 288—289.
44. Жуковский В. А. Развалины... рис. 7; Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 401.
45. Дьяконов М. М. О дате данденаканской мечети. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 108; Массон М. Е. Новые данные о надписи одного Мешхеди-Мисрианского минарета. Эпиграфика Востока, VII, 1953, стр. 12.
46. Godard A. Les monuments du feu, Athar-é Iran, t. III, fasc. I, Paris, 1938, p. 25 сл.

Л. И. РЕМПЕЛЬ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОРНАМЕНТ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА X—НАЧАЛА XIII ВВ. И ПРОБЛЕМА «СЕЛЬДЖУКСКОГО» СТИЛЯ*

О, жители Хорасана, дом ваш—степь, поднимайтесь!
Исмаил ибн Амир (Табари III, 65).

В первой половине XI века в Средней Азии на территории Хорасана и Мавераннахра возникло новое направление в архитектуре и декоративном искусстве. Новый стиль создавался с невиданной быстротой; в XII в. завершилось его развитие в Средней Азии, на XIII в. падает его высшее развитие на Ближнем Востоке, в Малой Азии, отчасти на Кавказе и в Крыму.

В Средней Азии новый стиль входил в жизнь настолько прочно, что все последующее развитие архитектуры средневековья связано здесь с композициями и построениями XI—XII вв. Создана была новая система, новый канон архитектуры и декоративного искусства, новый орнамент.

Искусство Средней Азии IX—X вв. было тесно связано с местной традицией и стояло на высоте последних достижений столицы аббасидов Самарры (836—883), воздвигнутой вблизи низвергнутой арабами древней столицы Ирана — Ктезифон. Мавзолей Аламбердара в Астана-Баба, где как предполагает М. Е. Массон, покоится последний из Саманидов—Абу-Ибрагим Исмаил Мунтасир (умер в 1005 г.), еще тесно связанный с местными традициями древнего зодчества, и мечеть Шир-Кабир (X в.) в Дехистане (городище Мисриан) с ее великолепным резным штуком являются представителями того круга памятников саманидского времени, из которого выросли и которому противопоставили себя архитектура и орнамент нового стиля времени караханидов и кара-китаев в Мавераннахре, газневидов и гуридов в Газне и Балхе, сельджуков, хорезмшахов и гуридов в Хорасане.

Работами ЮТАКЭ и ряда отдельных авторов можно считать установленным, что унаследованный из эпохи саманидов кирпичный узор господствует в XI веке на территории Туркмении безраздельно как снаружи, так и внутри зданий. Ему обязаны своим убранством мавзолеи Абул-Фазла в Серахсе, Абу-Саида в Мехне, Ярты Гумбез, мечеть Талхатан-Баба. В XII—начале XIII вв. этот вид архитектурного декора достигает главных вершин, отмеченных выдающимися памятниками стольного города — мавзолеями Мухаммеда ибн Зейда и султана Сан-

* Статья эта была написана автором в 1948 году, во время участия его в первых работах ЮТАКЭ. Подготовлена им к печати с внесением некоторых дополнений и коррективов в 1960 году.

джара в Мерве. Однако, найдя органически присущее ему место в наружной отделке зданий, кирпичный узор этой эпохи уступает интерьер другим видам декора; этим искусство кирпичной кладки было закреплено в рамках определенно поставленных задач.

Мастера кирпичного узора были неутомимы в поисках новых приемов обработки стен, почему каждый памятник этой эпохи уникален; ни один из них не повторяет другой и по сумме архитектурных средств, и в деталях орнаментики. Мечеть Талхатан-Баба (конец XI — начало XII вв.), мавзолей Худай-Назар-авлиё, Мухаммеда ибн Зейда и Чугундар-Баба в Куфене (первая четверть XII в.) различны и по объёмно-планировочным решениям, и по мотивам кирпичного узора, являясь, однако, творениями одного стиля. Не выходит за общие рамки этого стиля и кирпичный узор рабата Дая-Хатын, тоже не лишенный оригинальных черт, при общей близости его к произведениям школы мервских мастеров. Усыпальницы хорезмшахов в Ургенче (Фахреддин-Рази и Текеша) стоят особняком как проявление особой школы. Но поражает в них не столько новизна и оригинальность кирпичной техники (этим блещут мастера всех школ этой эпохи), сколько бережность мастера кирпичного узора по отношению к старой архитектурной форме. Это не консерватизм провинциальных зодчих, а, напротив, глубокое понимание задач органического развития архитектуры на основе опыта прошлого. Отсюда поразительная сдержанность и строгость в кирпичном декоре этой школы.

Творческий поиск обнаруживается и в кирпичном узоре лежащего на западной окраине Туркмении Дехистана; памятники его на городище Мисториан сохранили черты иной архитектурной школы — западно-хорасанской.

Многообразие мотивов и форм кирпичного узора названных областей и районов являет собой картину больше общности процессов становления нового стиля, нежели расхождений его по отдельным истощающим главное русло протокам и ответвлениям.

Сходную картину даёт и резной ганч. Уже в 90-х годах XI в. стиль декора дахистанского мавзолея-мечети Шир-Кабир продолжает своё развитие в мечети Данденакана. В середине XII века растительный узор в формах нового стиля проявляет полноту своих возможностей на арках наружных галерей мавзолея султана Санджара в Мерве. Геометрические арабески, еще неизвестные в резном штуке мавзолея Шир-Кабир (X в.), но довольно развитые в данденаканской мечети (конец XI в.), достигают технической сложности и художественного совершенства на портале мечети Пештак в Абиверде (первая половина XII века).

Параллельно идёт, видимо, развитие резного штука и в Хорезме, единичные остатки которого в мечети на городище Шахсенем (XII в.) как бы продолжают собой мотивы деревянных колонн хивинской Джума-мечети (X—XII вв.), самаркандских панелей (X в.) и угловых колонок михраба данденаканской мечети (конец XI в.) Линии развития растительной и геометрической орнаментики прослеживаются при этом совершенно четко.

Особняком стоит резная терракота — излюбленный в XII в. вид архитектурной керамики Мавераннахра. В Туркменистане примеры её

единичны (мечеть Пештак в Абиверде, мавзолей Чугундор-Баба в Куфене). В XI—начале XIII вв. ее чаще заменяют пиленым и точеным кирпичом (в мавзолее, приписываемом Фахреддину Рази, — резаный по суху сырец, затем обожжённый). В других случаях применения резная терракота (фигурные кирпичики — тоже терракота здесь не в счёт) покрывается глазурью.

Голубые глазурованные восьмиконечные звезды на портале мечети Пештак (XII вв.) и остролисты в мечети, воздвигнутой мастерами Мухаммедом аль Нака и Абдуль Хусейном ибн Мухаммед в Дехистане (нач. XIII в.), как бы опережают своё время, поскольку резная терракота с поливой относится главным образом к XIV в.

Настенная роспись X—XIII веков даёт менее полную картину. Однако растительная орнаментика росписи в интерьерах мервских мавзолеев Мухаммеда ибн Зейда и султана Санджара (первая половина XII в.) и сложный геометрический узор нисийской бани (XII в.) позволяют все же судить и об этой отрасли декора. По ним можно говорить о способах построения архитектурного орнамента, применявшегося в росписи стен, о технике их исполнения, эволюции форм узора и художественных особенностях стиля.

Почти все названные памятники архитектуры Туркменистана X—XIII вв. изданы. Имеются их описания, фотографии, архитектурные обмеры и даже реконструкции утраченных частей, в чём не малая заслуга коллектива ЮТАКЭ, а также архитекторов Б. Н. Бакланова[2], Н. М. Бачинского[3], В. И. Пилявского[4], А. М. Прибытковой[5] и других. И все же остается в силе высказанное одним из исследователей положение о том, что «недостаточная изученность материала не позволяет дать анализ архитектурных и художественных стилей»[6]. Это относится не только к данденаканской мечети, которую имел в виду автор, но и к общей оценке изученности архитектурного декора памятников X—XIII вв. И лишь в обобщающем труде Г. А. Пугаченковой мы находим помимо сводок всего добытого материала также и очень ценную (по необходимости, краткую) характеристику архитектурного орнамента этой эпохи как явления стиля[7].

Требуется, видимо, дальнейшая разработка всей совокупности фактов, из которых складывается строительная практика отдельных архитектурных школ. И здесь нам кажется уместным рассмотреть в более специальном освещении архитектурный орнамент Туркменистана X—начала XIII вв., пользуясь для сравнения данными, полученными автором в работе над архитектурным орнаментом смежных областей средневекового Мавераннахра. Более детальное рассмотрение отдельных видов кирпичного узора, резьба по ганчу и настенной росписи X—начала XIII вв. позволит нам определить и некоторые новые точки зрения на существо самой проблемы «сельджукского» стиля. Напомним ее сущность. В старой, дореволюционной литературе успех нового стиля был приписан, главным образом, сельджукидам, потому что завоевание сельджуками Хорасана и головокружительные успехи сельджукских султанов на западе (в Передней Азии) и на востоке (вмешательства в дела караханидов) имели важные последствия для истории средневековых государственных образований на Востоке.

Сельджукский стиль — это определение династическое и этническое, оно указывает лишь на одну определенную ветвь среднеазиат-

ских тюрков-огузов, выходцев с берегов Сыр-Дарьи, захвативших Хорасан в 30-х годах XI века, как на создателей этого стиля. В литературе не учитывалось, что ряд выдающихся произведений нового стиля был создан до 1035—1040 гг., то есть в период, предшествующий утверждению сельджуков в Хорасане, караханидами и газневидами, памятники которых вошли в круг научных исследований, главным образом, в советское время.

Были сделаны попытки объяснить стиль архитектуры XI—XII вв., исходя из этнической общности сельджуков, караханидов, газневидов, то есть, исходя из того, что все они тюрки и что великий перелом в экономической, общественной, культурной жизни народов, как и все связанные с этим явления духовной жизни, в частности искусство XI—XII вв., обязаны вытеснению иранского элемента тюркским.

Такое представление об активной роли «тюркского элемента» в формировании культуры и искусства городов раннего средневековья в Средней Азии заключало в себе глубокое противоречие. Под «тюркским элементом» понималась не народная культура тюркских племен, их своеобразное, глубоко традиционное, степное искусство скотоводов, а лишь политическая активность тюркских военачальников при дворах местных феодалов — их участие в феодальных распрях и династических переворотах[8]. Степная культура тюркских племен XI—XII вв. оставалась в тени. Под влиянием иранских и арабских источников в буржуазном востоковедении укоренилось великодержавное представление о неспособности «ленивого тюркского населения» к созидательному труду, представление о среднеазиатских и семиреченских тюрках как о варварах-разрушителях культурных ценностей, созданных якобы лишь оседлыми иранцами. Уже В. В. Бартольд обращал внимание на несоответствие между низким культурным уровнем караханидов, побудившем его говорить о культурном регрессе при караханидах, и необычайным ростом городской жизни в ту же эпоху, строительством многочисленных сооружений, оживлением торговых связей, ростом ремесел и развитием прикладных наук. В противовес представителям дореволюционной буржуазной науки, которые считали главной задачей исследователей Туркестана выявление передовой роли арийцев и их преемников в XIX в., «тоже арийцев», В. В. Бартольд, под влиянием выдвинутого Великой Октябрьской социалистической революцией тезиса о равноправии наций, уже в начале 20-х годов обращал внимание советских востоковедов на насущную необходимость изучения тюркских элементов в культуре средневековья. Целая полоса историко-архитектурных исследований периода 1925—1931 гг. (работы Центральных Государственных реставрационных мастерских, Научно-исследовательской ассоциации Востоковедения и др.) была связана в большей или меньшей мере с исследованием памятников караханидов, атабеков и др. тюркских династий в связи с той же «сельджукской проблемой».

Результаты предпринятых в тот период историко-архитектурных исследований получили отражение в двух сборниках Государственных реставрационных мастерских — «Вопросы реставрации», где архитектором Б. Н. Засыпкиным были помещены очерки, посвященные памятникам архитектуры Средней Азии, в частности сельджукского времени[9], статьи, не утратившие своего значения и по сей день, благодаря их ценному фактическому материалу и специальному архитектурно-

техническому описанию памятников, а также в сборнике «Художественная культура Советского Востока»[10], где памятникам сельджукского времени уделено еще больше внимания, но где сказались в полной мере и недостатки в самой постановке проблемы.

Отправной точкой исследователей сельджукской архитектуры был тезис: «Где турки, там и турецкое искусство. Всюду, где мы встречаем турецкий этнический элемент, мы предполагаем найти и самостоятельное турецкое искусство. Нужно только уметь искать, находить, дифференцировать»[11]. Соответственно этому тезису «сельджукская проблема» решалась в историко-архитектурном разрезе следующим образом. Новый стиль архитектуры средневековья знаменовал собой победу тюркского начала над иранским. На смену центрическим мавзолеям, типичным для «иранского классицизма», приходит портальная архитектура и «эффект декоративного впечатления, который ставится выше спокойно-нормальных архитектурных пропорций»[12]. Декоративный портал — создание среднеазиатских тюрков XI века, распространивших его в дальнейшем на весь мусульманский мир. «Территории с иранским населением, или близкие к ним, продолжают (в домонгольский период) традиции центрических построек, в коих архитектурная монументальность и центричность всегда стоит на первом месте; на территориях с тюркским населением излюбленным приёмом становится портал, выражающий более всего декоративную, богато орнаментированную стенку, за которой зачастую совершенно скрываются архитектурные массы. Вот это—основное, что, по нашему убеждению, может быть отнесено к тюркским элементам в архитектуре ислама»[13]. Приписывая портал к тюркским элементам в архитектуре ислама, наблюдая за его дальнейшей эволюцией в каменной архитектуре в создании «сельджукского портала», автор отмечал одновременно «умаление значения портала» в грандиозных постройках Синана и в Бахчисарае уже в сельджукское время; но это противоречившее тезису явление относилось им к сильному византийскому влиянию; если тюркский элемент и не нашел выражения, например, в мечети Баязида, то он пробивался «в напряженной строгости минаретов»[14]. Угловые минареты в Азербайджане по той же причине «сильно развиваются, и сущность портала как декоративной тюркской стенки исчезает»[15]. «Если портал в архитектуре Турции уменьшается до значения дверного наличника под влиянием сильных византийских архитектурных форм и конструкций, а характерное растворение портала в архитектурных объемах искусства Персии и незначительное влияние портальности на центрическом мавзолее Хорасана происходит под влиянием иранских традиций, заключает автор, то устойчивость портала в Средней Азии лишний раз будет указывать на его родину, а интересная история его распространения по мусульманскому миру и различные эволюции приводят нас опять к изначальной мысли — к отнесению его к тюркским элементам в архитектуре ислама»[16].

Следует отметить, что эта «изначальная мысль», вокруг которой скапливалось много неправильно осмысленных наблюдений, совершенно не соответствовала взглядам и ожиданиям В. В. Бартольда. Еще в 1926 г. в своей сокрушительной критике взглядов немецкого ученого Кон-Винера на орнаментальный стиль хорасанских построек и в частности мавзолея султана Санджара[17], В. В. Бартольд подчеркивал, что сельджукские султаны отнюдь не построили новый город (Султан-ка-

лу), а только «закрепили» начавшийся еще в первые века ислама переход жизни из старого «внутреннего города (Гяур-калы) в западное предместье»[18]. В. В. Бартольд предостерегал против преувеличений, связанных с личностью султана Санджара, полагая, что ему, как и вообще сельджукам, приписывается много такого, что создано было раньше[19]. И в другой своей работе 1929 г. в «Очерке истории туркменского народа». В. В. Бартольд выражал мысль, что завоевательные подвиги туркменских государей в Передней Азии не имеют прямого отношения ни к истории культуры Передней Азии, ни к истории самой Туркмении». Возвышение вышедших из среды туркмен государей, — писал он, — мало касалось жизни туркменского народа в целом»[20]. «Сельджукские султаны были совершенно равнодушны к судьбе огузского народа»[21]. Постепенное отуречение Малой Азии и Азербайджана было связано, по Бартольду, с тем, что султаны, дабы избавить земледельческое и городское население Ирана от «тягости» династических родичей-кочевников, направляли их в пограничные области сельджукской империи, где велась священная война с византийцами и грузинами[22]. В результате туркмены оказались в Египте, Триполи, северном Афганистане и южной Испании. Но значит ли это, что именно «династические родичи» сельджуков принесли с собой из глубин Средней Азии тот «кочевнический дух» и «понятие о бесконечности», который исследователи той поры пытались раскрыть в сельджукском искусстве?[23].

Авторы историко-архитектурных статей, посвященных сельджукской проблеме, отвечали на это утвердительно. «Из общей прародины тюркские народы выносят традиции изобразительного кочевнического искусства, геометрический узор. Даже осваивая изобразительное искусство персов, тюрки перерабатывают органические элементы персидской картинности в сторону отвлеченной геометрической линейности узора»[24].

Увлечение «тюркским элементом», названное одним из его поборников «модным», черпало свои аргументы не столько в истории культурной жизни тюркских народов Средней Азии, сколько в идеологии пантюркизма, имевшего распространение, главным образом, в националистических кругах Малой Азии и находившего поддержку в изысканиях немецких искусствоведов — Глюка, Дица, Кюнеля и др.

Уже в 1929 г. И. И. Умняков высказал возражения против выделения «арабо-иранского» и «турецкого» элементов в архитектуре Средней Азии, однако, на том лишь основании, что такую эволюционную связь установить нельзя, «ибо датированных построек ранее XI века в Средней Азии не сохранилось»[25]. И. И. Умняков склонялся к позиции «иранистов» (Зарре, Херцфельд), согласно которой сельджуки находились под сильным влиянием персидской культуры, и в области культуры они многое заимствовали из Персии и Месопотамии. Полагая, что «ковровость» достигла высшего развития в арабо-месопотамской архитектуре, автор допускал обратную зависимость среднеазиатской архитектуры от арабо-месопотамской и сельджукской архитектуры Малой Азии и Ирана. При этом им было выдвинуто ценное положение о том, что «трудно говорить об определенно «сельджукском стиле» или «сельджукском чувстве» (выражение Дери), так как, в сущности гово-

ря, «сельджукский стиль», «тимуридский стиль» и пр. есть лишь простая этикетка для обозначения известной эпохи».

Для кардинального решения «сельджукской проблемы» было накоплено немало фактов, связывавших сельджукский стиль в огромном разнообразии местных проявлений с религиозными, национальными, техническими и другими его предпосылками. Однако, все эти предпосылки затмевались главным содержанием эпохи — напряженнейшей борьбой классов, захватившей в XI—XII вв. все слои общества, втянувшей завоевателей и покоренных, кочевников и оседлых жителей, «верных» и «неверных», иранцев и не-иранцев в жестокую борьбу, сопровождавшую крушение последних пережитков древнего общественного строя и нарождения феодализма. Не «тюрок» и «иранец», мусульманин, шаманист или христианин были главными действующими лицами на исторической арене; не завоевания кочевников и смена иранских правителей тюркскими султанами, которым, по выражению Низам-ал Мулька, «нет дела до истинного исламского правоверья, они беспощадно взымают подати и налоги с правоверного народа», и даже не противоборство шиизма ортодоксальному исламу, или слепой фанатизм тюрок, послушных поборников ортодоксального учения ханифитов, преследовавших искусство, унаследование от древнего Ирана, и насаждавших декоративное искусство жения базиса предшествующей формации при соответствующем толчке извне стал проходить с большой интенсивностью»[27].

Все и всякие формы, национальные, религиозные и иные движения были связаны, в конечном счете, с разрешением социальных проблем, вытекавших из борьбы феодальных городов с деханской аристократией и ее родовыми замками, в которых наиболее ярко проявлялись отложения старой культуры.

Эта новая постановка сельджукской проблемы была выдвинута советской исторической наукой в особенно законченной форме в дни юбилейных торжеств, посвященных Фердоуси и Руставели.

В сборнике «Фердовси (1034—1934)» А. Ю. Якубовский в статье о Махмуде Газневи так выразил содержание эпохи: «Движение тюрков самого конца X и начала XI в. совпало с одним из крупных внутренних кризисов на Востоке, когда ломались многие основы старого, унаследованного от халифатского строя. Илек-ханы и те, кто пришел с ними, сыграли в этом кризисе роль искусных исполнителей того, что с неизбежностью должно было в Средней Азии произойти. Тюрки только ускорили этот процесс, придав ему несколько специфических черт (переход кочевников на оседлый земледельческий труд)»[26].

К той же мысли пришел в результате археологического изучения памятников газневидов и караханидов М. Е. Массон, задаваясь вопросом: почему в местных условиях, при наличии хороших месторождений поделочного камня, годного для тонких скульптурных работ, прекратилось употребление его в рельефных декорациях зданий, возводившихся после VIII века, хотя в XI—XII вв. строительная деятельность достигла значительного развития. М. Е. Массон нашел ответ в сословных переменах «на грани становления новой формации когда процесс разложения базиса предшествующей формации при соответствующем толчке извне стал проходить с большой интенсивностью»[27].

Искусство раннего средневековья на Востоке, каким оно рисуется в Трудах Отдела Востока Государственного Эрмитажа, отличается мотива-

ми, которые, по выражению одного из авторов «Трудов», «характерны для определенного времени, но не для определенного места, так как распространены были на огромном пространстве Передней и Средней Азии. Старая доарабская художественная традиция Ирана ирано-кавказского мира, продолжая жить и во времена арабского халифата, постепенно видоизменяется и подчиняется нивелирующему влиянию развивающегося города, уступая место беспредметно-декоративному стилю, все больше и больше захватывавшему различные области искусства»[28]. В XII—XIII вв., в условиях расцвета городской жизни шире и свободнее было творчество мастеров, выходцев из народа, что объясняет наличие народных мотивов в памятниках этого периода в Армении, Хорасане и Мавераннахре.

Свое законченное выражение новое решение «сельджукской проблемы» получило в докладе И. А. Орбели на международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде (1935 г.), в котором главным содержанием эпохи сельджуков утверждается напряженная борьба классов, затмившая борьбу религиозную, национальную, значение вражеских нашествий и походов. Период, предшествующий сельджукским захватам, характеризуется нарастанием противоречий между растущим городом и старым, отжившим свой век, всемогущим замком[29]. Сельджукский орнамент совершенно независим от ковровых и кошмовых орнаментов закаспийских кочевников, — он не знает «законов дробления полей» и «законов ограничения орнаментов», напоминая богатейшую парчу или узорчатую ткань с брошенными на нее пышными растениями[30]. Если в искусстве караханидов он и дает дробление, то оно зависит от искусства оседлых мастеров, располагающих материалами для штучного набора, «а не от искусства мастериц, ткавших ковры и паласы и валявших узорчатый войлок для кочевнической юрты». Сельджукский металл не имеет никакого подобия в кочевнической утвари. «Тюркская речь этих кочевников, заключает автор, и несомненность зарождения позднейшего турецкого османского искусства из сельджукских и византийских корней не дают никакого основания для того, чтобы считать сельджукское искусство в Иране, на Кавказе и в древних армянских областях Малой Азии турецким, или хотя бы тюркским»[31].

Такое решение «сельджукской проблемы» получило развитие в Трудах Отдела Востока Государственного Эрмитажа (1938—1948 гг.) в основном на материале искусства Ближнего Востока.

В вышедшем в 1947 г. труде акад. Вл. Гордлевского «Государство малоазийских сельджуков» в главе, посвященной сельджукскому искусству, дана образная картина сложения искусства сельджукидов в Малой Азии, искусства, уподобляемого стенам Конии, воздвигнутым «сельджукскими варварами» из памятников разных стилей и эпох — языческих алтарей, христианских надгробий, изображений святых, генеуэзских крестов, римских львов и арабесок, барельефа Ормузда и Аримана. Соглашаясь с местным происхождением сельджукского стиля в Малой Азии, автор возвращается, однако, к мысли Глюка о том, что «заимствования туземных малоазиатских мотивов и приемов оказались реминисценциями старой склонности турок к фигурным изображениям, вынесенным ими из Средней Азии, с родины, давно затронутой культурой Китая и Индии»[32]. Сельджукское искусство это, прежде

всего, «турецкое искусство», и даже в отсутствии среди сохранившихся памятников архитектуры сельджуков жилых домов автор видит равнодушие «недавнего кочевника к наружному виду своего собственного дома»[33].

Одновременно в изданном тем же Государственным Эрмитажем «Руководстве к распознанию и определению керамических изделий» Э. К. Кверфельда смена орнаментальных мотивов в керамике раннего средневековья объясняется тем, что «эти (то есть древние) мотивы с появлением кочевников на территории Передней Азии приобретают сильно выраженный плоскостной характер, ибо узору тканей и ковров, являющихся самыми актуальными предметами потребления кочевой жизни, свойствен исключительно плоскостной характер»[34].

Таким образом, представления о «кочевническом духе» сельджукского искусства и «родине сельджукизма» продолжали всё же волновать некоторых исследователей.

Так обстояло с «сельджукской проблемой» к началу работ ЮТАКЭ, поставившей своей целью «постепенный широкий историко-археологический охват всей территории Южного Туркменистана с учетом, что она составляет часть некогда единой области Хорасана»[35]. Термин «сельджукиды» (как, впрочем, и другие династические и этнические наименования, сложившиеся ранее в процессе краеведческой практики для обозначения определенных археологических и архитектурных объектов) был с самого начала работ ЮТАКЭ его научным руководителем профессором М. Е. Массоном решительно отвергнут[36]. И как важнейший итог первого года работ экспедиции им было зафиксировано «резкое отличие всего комплекса разных категорий местных памятников материальной культуры прошлого всех исторических эпох от таковых же Мавераннахра, Тохаристана, Хорезма и лежащих к югу и юго-западу областей Ирана»[37].

VI том «Трудов ЮТАКЭ», в котором Г. А. Пугаченковой подведен итог историко-архитектурным исследованиям ЮТАКЭ за период с 1948 по 1954 гг., подтвердил высказанное ранее положение о том, что внутри государства Великих Сельджуков архитектура отнюдь не являла комплекса стилистических единых качеств (почему бытующий до сих пор в части работ термин «сельджукский» стиль архитектуры должен быть окончательно отброшен). Обстоятельное изучение целого ряда выявленных впервые памятников позволило обосновать тезис о том, что расцвет культуры XI—начала XIII вв. в Хорасане был обусловлен не культурным соподчинением «тюркских» народностей «иранскими», как и не ролью «тюркского элемента» в её формировании, но условиями развивающегося феодального общества поры его исторического подъема и связанного с этим сложного этногенетического процесса, роста городов, торговли и ремесла, в частности художественных ремесел[38].

Отбросив устаревшие взгляды на «тюркскую» или «сельджукскую» природу стиля архитектуры и архитектурной орнаментики XI—начала XIII вв., нельзя вместе с тем отрицать также и роль элементов степной кочевой среды (чаще смешанного происхождения), во взаимодействии с которой протекало в Средней Азии становление культуры средневековья. И хотя общая постановка вопроса, казалось бы, решена — нужно разобраться в реальном запасе мотивов и форм архитектурной орнаментики Туркмении X—XIII вв., установить старые, унаследованные и

трансформированные элементы, отчленить новые, выяснить источник их образования, рассмотреть связь архитектурного орнамента с орнаментом бытовых изделий, художественным ремеслом города и народным, архаизирующим творчеством сельского населения, вносившего в общую сокровищницу декоративного искусства свои более резко выраженные родоплеменные черты.

Таковы контуры исторически определившейся, значительно продвинутой в последние годы, но все еще далеко не исчерпанной темы изучения архитектурного орнамента Средней Азии и более специально — «единой области Хорасана».

Кирпичный узор

1. Фигурные выкладки. При условии, что разработке плоскости стен уже в древней архитектуре Средней Азии, как и всего Востока, придавалось специальное значение, приёмы облицовки стен из сырца жжёным кирпичом, терракотовыми плитками, каменными или из обожжённой глины резными карнизами следует отнести к традиции глубокой древности. Приёмы облицовки сырцовых зданий терракотовыми плитами известны еще в эпоху парфян, а кладка кирпичиков в разных направлениях — при сасанидах.

Нетрудно заметить, что в IX—X вв., а особенно в пору формирования нового стиля, фигурные выкладки претерпевают быструю эволюцию.

В облицовке стен мавзолея Аламбердара (начало XI в.) кладка ведется, в основном, шлифованным жжёным кирпичом парами ложком с чередованием их то одним, то спаренным кирпичом на ребро (рис. 1, *а*). Тот же приём отмечаем и в кладке угловой колонны, которая получает гранёную форму и глубокие пазухи между радиально расположенными кирпичами (рис. 1, *б*). Характерно, что в более раннем мавзолее саманидов в Бухаре (IX—X вв.) кирпичи на колонках были выложены не по два, а по четыре ложком и промежутки между ними заполняли кирпичи, выдвинутые на угол стопкой[39]. Возможно, что там сохранились еще формы, привычные для кладок из сырца; здесь же спаренные плитки выступают в более специфичной роли, присущей архитектурной керамике. Назначение ее — служить не только строительным, но и облицовочным материалом.

Процесс узорной выкладки парным кирпичом предельно прост и обычно не требует предварительных расчетов и построений.

В фигурной кладке мечети Талхатан-Баба (XI в.) облицовка выполнена кирпичом, спаренным ложком без поперечно поставленных кирпичиков (рис. 1, *в*). На угловой колонке мечети в Данденакане (XI в.), наоборот, спаренные ложком кирпичи сложены только поперечно. Такая кладка, благодаря радиальному положению кирпичей, образует расположенные в шахматном порядке пазухи. Их заполняют резаные по алебастру фигуры, связанные между собой рельефными валиками швов (рис. 1, *г*). Развертка такого рода колонки приобретает вид кладки стен «вразбежку» с переборками из резного ганча, образующими как бы узорчатый фон с выступающими на нем спаренными кирпичами. В мавзолее Чугундор-Баба «переборки» из резного алебастра

заменяются фигурными вставками из узорных кирпичиков (рис. 1, *е*). Последние являют собой простейший вид резной терракоты. Видимо, сочетание жжёного кирпича с резным ганчем предшествовало распространению резной терракоты.

Спаренный кирпич, а затем и спаренный кирпич с переборками, уже в X—XI вв. переносится, в свою очередь, на ганч как чисто орнаментальный мотив резьбы, имитирующей фигурную кладку из кирпича. В резьбе по ганчу на щеке портала Рабат-и Малик (XI в.) спаренные кирпичи

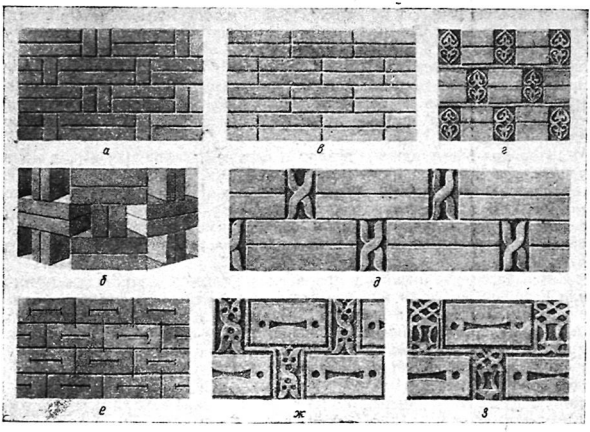

Рис. 1. Кирпичные узорные выкладки стен
а, б—мавзолей Аламбердара; *в*—мечеть Талхатан-Баба; *г*—мечеть в Данденакане; *д*—мавзолей Чугундор-баба; *е*—Рабати Малик; *ж*—мечеть-мавзолей Шир-Кабир; *з*—мавзолей султана Санджара.

ложком изображены очень скудно, засечками. Каждая пара кирпичей, благодаря короткой раздельной линии, трактуется как одно целое (рис. 1, *е*). В пристройке к мавзолею Шир-Кабир кладка из парных кирпичей полузатерта и по ней процарапаны расшитые швы.

В резьбе по ганчу на стенах галереи мавзолея султана Санджара в Мерве (XII в.) мотив спаренного кирпича с резной переборкой разработан уже в совершенстве: короткая раздельная линия приобретает изящную двояковогнутую форму и дополняется по сторонам двумя дырочками; полностью воспроизводится та же, что и в мавзолее Чугундор-Баба, фигурная вставка, и все это увязывается в одно целое рельефными валиками швов (рис. 1, *ж*). Там же встречаются и варианты фигурных вставок более сложного рисунка в форме плетенки (рис. 1, *з*).

В XI в. рядом с шахматной выкладкой кирпича все чаще идут в

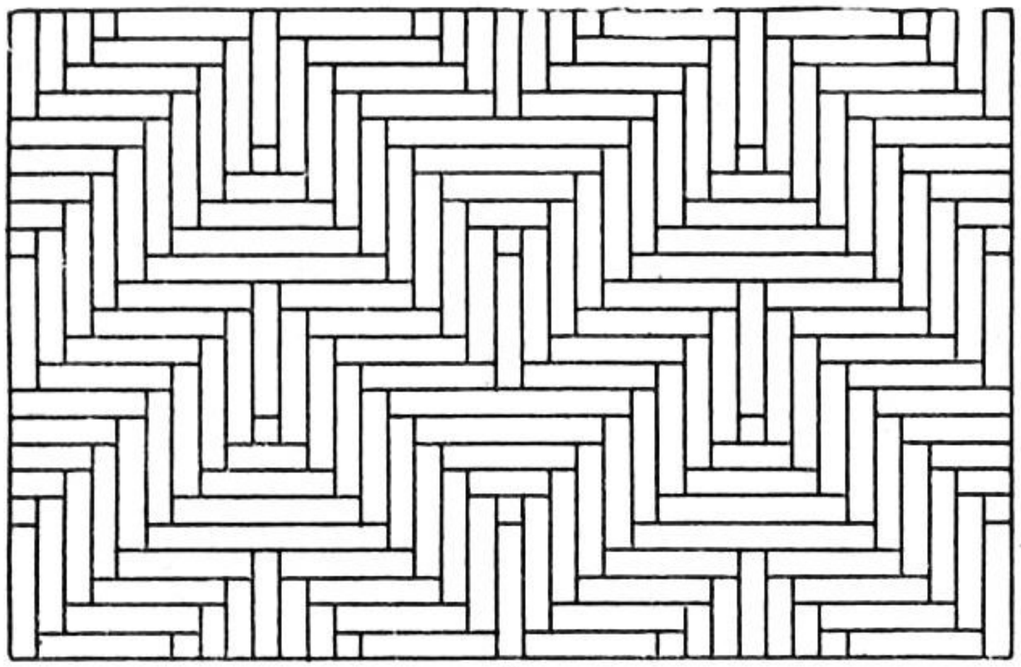
ход выкладки по диагонали. Уже в мавзолее Аламбердара (в самом начале XI в.) направление рядов (по схеме осевых линий) образует зигзаги (рис. 2, *а*), ёлки (рис. 2, *б*) и вписанные друг в друга большие и малые квадраты, лежащие на диагонали (рис. 2, *в*). Эти немногие, казалось бы, схемы дают большое число вариантов узора в зависимости от приёмов чередования кирпича тычком и ложком, заподлицо с гладью стены или рельефом со вставками или без вставок, в нескончаемом разнообразии их формы и положения (рис. 2, *г-к*). Едва возникшие мотивы кирпичного узора тотчас подхватывали и резчики по ганчу. В пристройке к мавзолею Шир-Кабир на софите арок мы находим зубчатые кресты, известные дотоле главным образом в кирпиче[40] (например, на минарете Маджиди Джами в Симнане)[41]. Но разработка этого мотива идет и дальше. На галереях мавзолея Санджара в Мерве между зубчатыми крестами скользят по диагоналям гибкие линии стилизованной «волны» (рис. 3). Вариантов не перечесть. Но главное — принцип построения «кирпичного» узора, его непреложная связь со строительной техникой здесь налицо.

Породив новые приёмы декора и в резьбе, кирпичная выкладка не утратила и своего самостоятельного значения. Возникли особые ее отрасли, в частности фигурная выкладка без шва (род кирпичной мозаики) — плоская и рельефная, по рисунку геометрических фигур, решеток и пр. Однако в новом своем применении фигурная кладка велась уже в соответствии с предначертанным рисунком по определенной сетке.

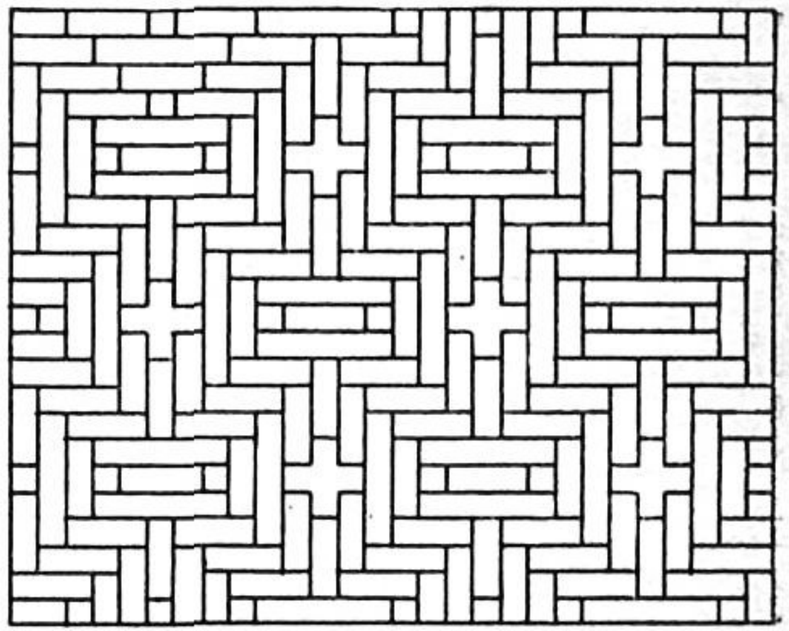
Все части кирпичного узора в виде кирпичной выкладки простой или сложной, по сетке или без сетки, с применением фигурных кирпичиков или без них, могут быть выражены в простых числах. Модулем его является кирпич, соотношения сторон которого кратны, но это лишь в том случае, когда кладка ведется насухо; при выкладке со швами модулем является расстояние между осями швов. Сборные облицовочные плитки мавзолея Мухаммед ибн Зейда (XII в.), как бы составленные из отдельных брусков, при толщине плитки в 3,8 см имеют следующие размеры: 3,8×(7,1+4,8+7,1)=3,8×19; 3,8×(7,5+4=7,5)=3,8×19; 3,8×(2+0,15+4+0,15+6,4+6,3)=3,8×19; 3,8×(7+5+7)=3,8×19; 3,8×(9,5+9,5)=3,8×19. Кроме того, встречаются там же: 3,8×9; 3,8×(3×3×3)=3,8×9; 3,8×4,5; а также: 3,8×4; 3,8×6; 3,8×9,5; Следовательно, преобладают кирпичи-плитки с отношением сторон 3,8:19=1:5.

Половинки же, трети и четвертинки рассчитаны на добавление толщины шва (раствора). Но если в данном мавзолее используется кирпич в пять квадратов, то в минарете 1127 г. в Бухаре — в 3,5 и 7 квадратов, кирпич, соответствующий трем квадратам сетки, имеет в длину три квадрата, плюс толщину двух швов; кирпич в 7 квадратов составляется из двух брусков. На стволе минарета 1102 г. в Месториане применён кирпич в 1, 2, 3, 5 и 7 квадратов; толщина линий рисунка определяется в нем самой сеткой.

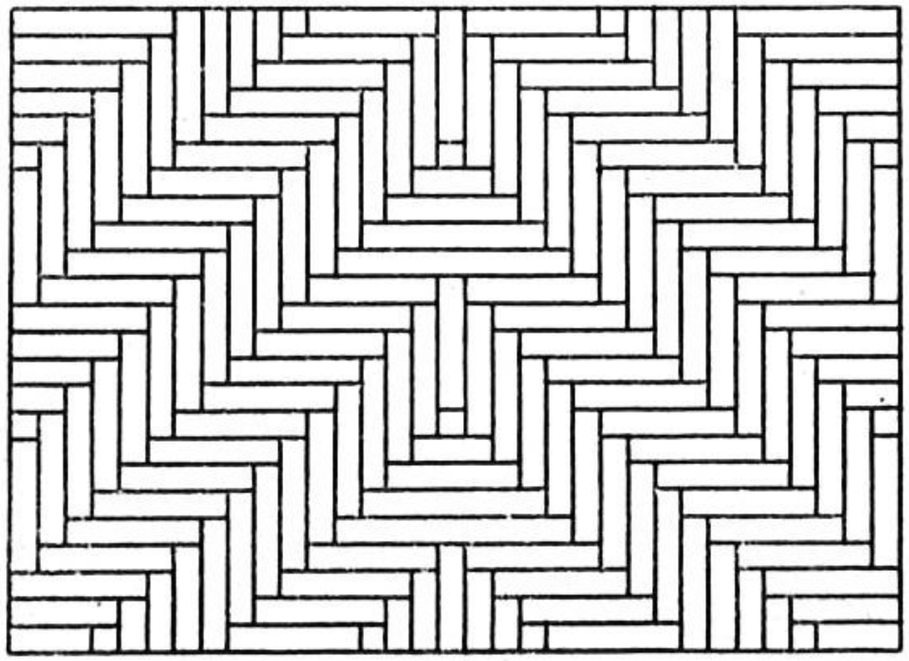
2. Фигурные резные кирпичики. Важную роль в развитии кирпичного узора сыграли фигурные неполивные изразцы. Как и вообще резная терракота, они представляют собой новый вид облицовок, едва ли не самый характерный для средневековой архитектуры времени караханидов и сельджуков. Неполивные изразцы развились в результа-

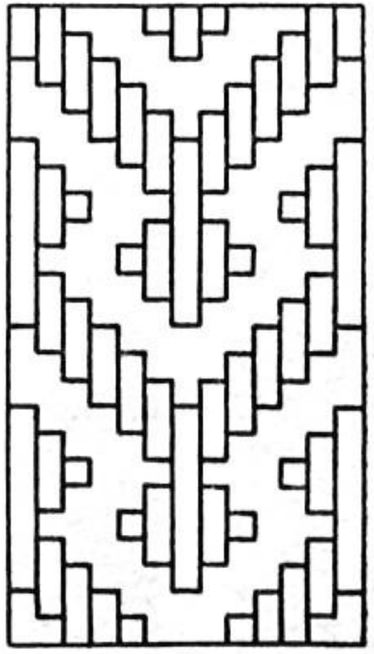
а

б

в

г

Рис. 2. Схема кирпичных выкладок
а, б—мавзолей Аламбердара; *в*—мечеть Талхатан-баба; *г*—Безымянный мавзолей.

те широкого применения пилёного и резаного кирпича для сложной фигурной кладки и замены хрупких вставок из резного ганча более прочным материалом. Штучные изделия резались по сырой глине или формировались путем тиснения, обжигались и шлифовались, приобретая приятный цвет терракоты. В Хорасане они чаще вытачивались из четвертинки, половинки или целого кирпича. Из фигурных точеных кирпичиков здесь изготовлялись вставки для выкладок парным кирпичом, наборы для составления узорных кайм, бордюров, надписей[42].

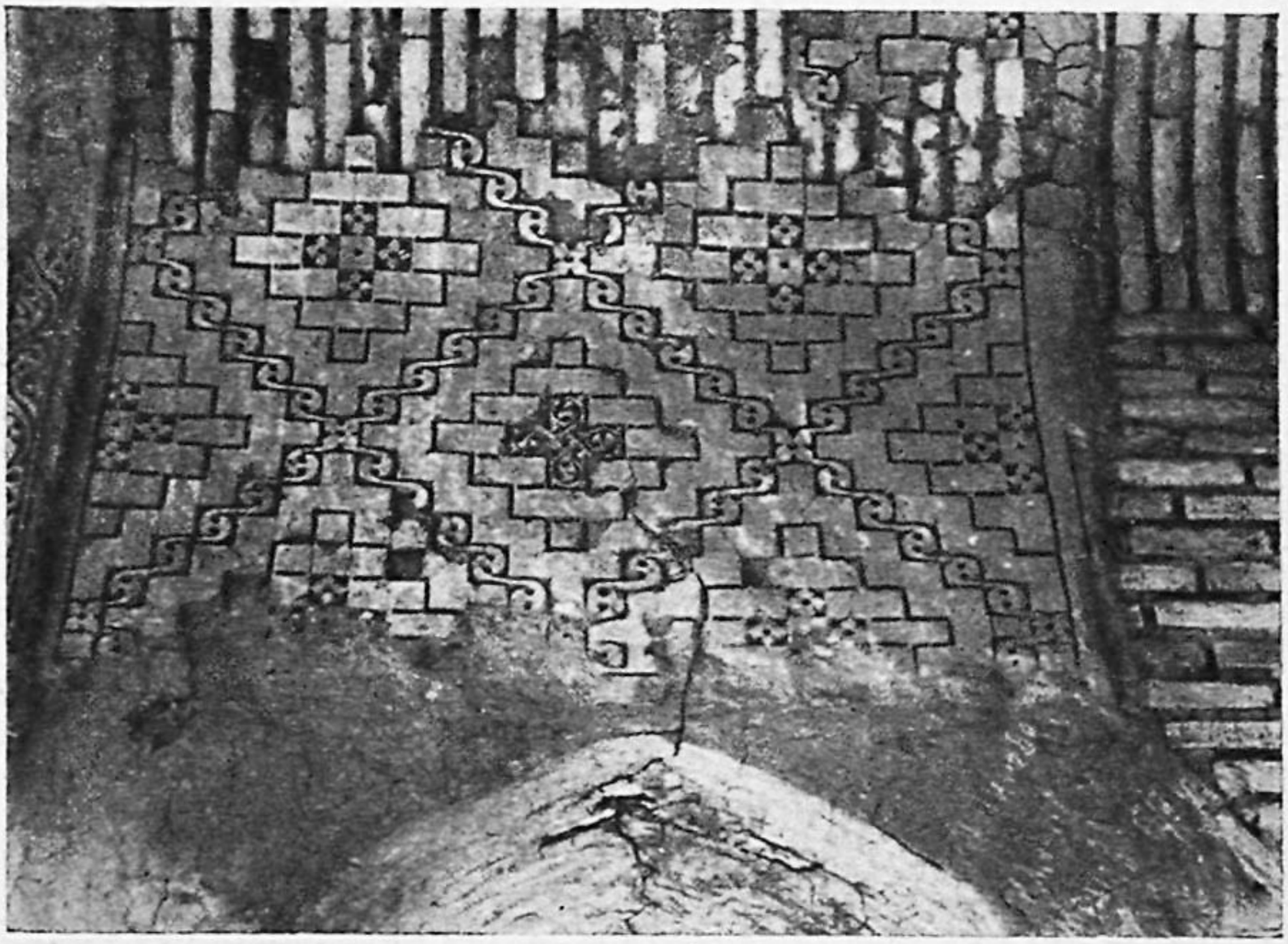

Рис. 3. «Кирпичный» узор в резном ганче. Мавзолей Санджара в Мерве. XII в.

Независимо от характера рисунка фигурные кирпичики можно разбить на три вида изделий: квадратные и прямоугольные кирпичики и плитки; фигурные вставки круглой, треугольной, полигональной и иной специальной формы; сборные кирпичи или плитки, на которые наносились готовые сочетания нескольких фигур, встречающихся в изделиях первого и второго вида.

Изделия первого вида (рис. 4, *а*), в большинстве своем оригинальны и в Хорасане отличаются по рисунку от кирпичиков Мавераннахра. Изделия второго вида, например, из раскопок у мавзолея султана Санджара в Мерве (XII в.) напоминают первоначальную облицовку дворца правителей в Термезе (XI в.) и штучные изразцы мечети Магоки-Аттари в Бухаре (XII в.), где вообще широко применены мелкие наборные детали (рис. 4, *б*). Сборные плитки третьего вида, можно сказать, универсальны (рис. 4, *в*).

Из 18 видов фигурных резных кирпичиков, употребленных в

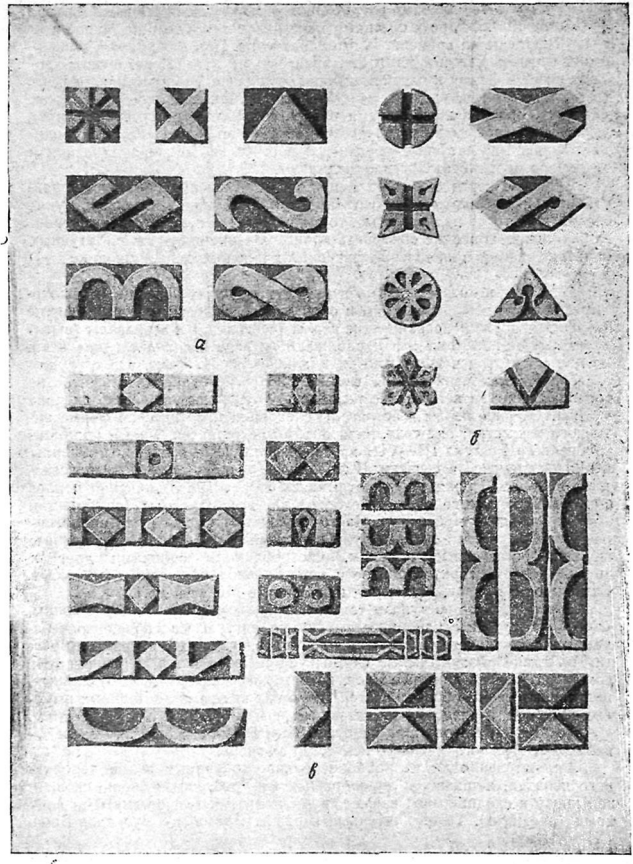

Рис. 4 Фигурные кирпичики XI—XIII вв.

мавзолее Мухаммеда ибн Зейда (112/3 г.)[43], только один—два типа повторяются в кирпичиках из раскопок у мавзолея султана Санджара (середина XII в.)[44], хотя оба памятника находятся в том же Мерве и не очень отдалены во времени. И это характерно. При кажущемся однообразии мотивов каждый памятник архитектуры XI—XII вв. вносит что-либо новое в форму и рисунок штучных изразцов. Заметим при том, что такой типичный и, видимо, излюбленный в Мавераннахре мотив, как «бантик», образованный двумя равносторонними треугольниками и поперечным между ними бруском, или типичные для северных районов Туркестана штучные изразцы с растительным узором (резная и тисненная терракота) здесь отсутствуют.

Штучные изразцы зачинали широкое применение орнаментированной резной терракоты и, естественно, стояли ближе к мотивам, унаследованным если не полностью, то в какой-то мере из арсенала древнего искусства. И все же объяснить происхождение рисунков на штучных изразцах вообще и на точеных фигурных кирпичиках специально не всегда возможно.

Источник некоторых мотивов рисунка штучных изразцов мы находим в орнаменте древних кайм и обрамлений. Таковы античные перлы (выпуклые кружки), сасанидские перлы («сосочки») и астрагалы (вытянутые овалы). Мотивы эти продолжают встречаться и в средние века, но они подверглись настолько радикальной переработке, что с трудом распознается их изначальная форма. Метод переработки уяснить не трудно; исходя из него можно разгадать, быть может, и происхождение мотива. Древние перлы и астрагалы следовали пластической форме античного искусства; они сохраняли объёмный характер. Уже в орнаменте Среднего Востока III—VIII вв. древневосточные и античные перлы были превращены в сосочки. В X—XII вв. спаренные сосочки рассекаются пополам. Новая форма, отрываясь от реального значения перлов в античном искусстве, служит исходной для всевозможных комбинаций этой или подобных ей фигур. Часто они сочетаются с другими аналогично переработанными и потому уже отвлеченными фигурами. Спаренные кружки, рассеченные пополам, употребляются спинками друг к другу, чередуя горизонтальное и вертикальное положение (мавзолеи Саманидов в Бухаре, Мухаммед ибн Зейда в Мерве и др.).

С астрагалами поступали таким же образом: рассеченные пополам, они образуют более или менее вытянутые фигуры. Своеобразную переработку цепочки чередующихся перлов и астрагалов мы находим в мечети Толхатан-Баба: объемные формы уплощаются и геометризируются, сохраняется лишь контур овалов, которые рассекаются и из отдельных, полученных таким образом частей, имеющих вид самостоятельных штучных изделий (изразцов), складываются новые орнаментальные мотивы.

По тому же методу шла переработка и некоторых других унаследованных от местного древнего искусства мотивов.

Замечателен один из наиболее распространенных видов неполивного изразца, кирпичик с лирообразной фигурой, симметрично скошенной книзу и сходящимися вверху двумя прямыми или отогнутыми концами (рис. 5, *а*). Таковы штучные изразцы мавзолея Чугундор-Баба (XI—XII вв).

Срезанные в основании углы позволяют компоновать их в шахматном порядке по ярусам—то вверх, то вниз основанием (михраб мече-

ти Талхатан-Баба — конец XI—начало XIII вв.). Один кирпичик входит острием в другой и повторяет его по принципу центральной симметрии (рис. 5, *б*). Сходным образом компонуются в той же мечети кирпичики,

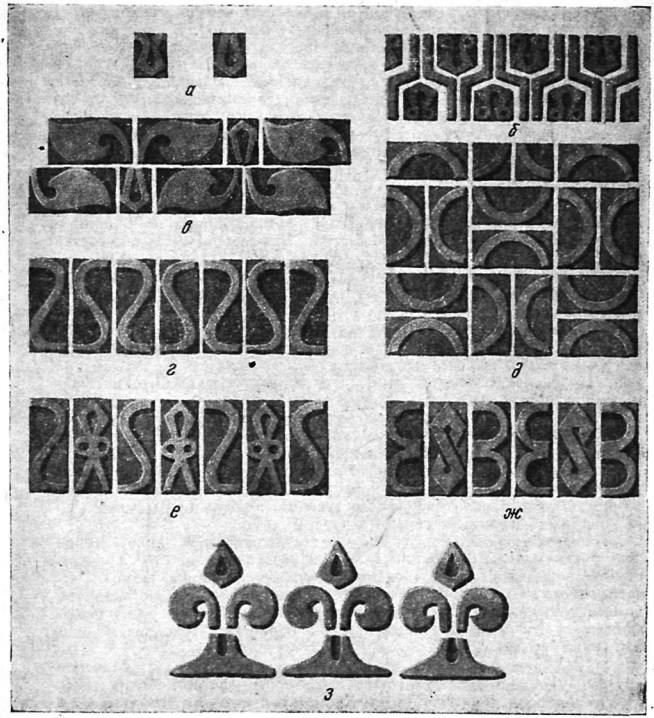

Рис. 5. Фигурные кирпичики XI—XIII вв.
а, в—мавзолей Чугундор-Баба; *г*—мавзолей Астана-Баба; *д*—мавзолей Аламбердара; *е, з*—мечеть Талхатан-Баба.

образуя как бы парно-отогнутые лепестки на лиро-подобном черенке (рис. 5, *в*); будучи повернуты то вверх, то вниз основанием, они сдвинуты так, чтобы заполнить свободные участки поля сплошным кружевом узора. Возможности подобных комбинаций были учтены и использованы сполна. Повертывание S-образных фигур на прямой образует бордюр в форме сильно извивающейся змеи (рис. 5, *г*). Эти фигуры заполняют все поле тимпана (рис. 5, *д*). В другом случае они раздвинуты и между ними поставлен фертообразный кирпичик, напоминающий растительную пальмету (рис. 5, *е*). Он также меняет положение то вверх, то вниз головой. S-образные отрезки рассеченных в длину астрагалов (так называемые корытца) чередуются с несомкнутой угловатой восьмеркой (разновидность фигуры, напоминающей угловатую букву S (рис. 5, *ж*). Наконец, там же отмечена и компоновка трилистников на прямой. Ствол трилистника начертан в форме «лиры» с уширением внизу (вместо срезов в углах); отогнутые книзу лепестки венчает миндалина (рис. 5, *з*).

Все названные здесь мотивы носят характер меток или знаков неизвестного значения, переработанных и скомпонованных по принципам архитектурной орнаментики нового стиля. Это говорит о сложно-составном характере узора штучных изразцов Хорасана XI—начала XIII вв.

К элементам узора старого и античного происхождения мы можем отнести: кружки, кресты, меандры, перлы, сосочки, розетки, полные и рассеченные астрагалы и т. д.

К архаизированным мотивам народного родо-племенного творчества, бытовавшим и в раннем средневековье, принадлежат тамгообразные фигуры, встречающиеся и по сей день в туркменских (и не только туркменских) тканях, особенно коврах. Это несомкнутые восьмерки (вроде геометризированной буквы S), косые кресты, знаки в форме змеи, червя или геометризированные символы напоминающие формой букву Z.

К растительно-стилизованным формам следует отнести фигуры полупальмет, отогнутые лепестки и миндалины. Заметим, что полупальметы носят подчас характер фертообразных фигур, а отогнутые лепестки трактуются больше как завитки, то есть в традиции степного узора с его излюбленными мотивами животного цикла (следы копыт, рога животных и проч).

Наконец, еще одну группу мотивов составляет узор архитектурно-конструктивного характера, вытекающий непосредственно из практики строительных работ, употребления маломерного кирпича, техники его распиловки, сверления, шлифовки и т. д. Здесь преобладают квадраты, ромбы, кружки, отрезки дуг и прочие геометрические фигуры; особое внимание уделено свето-теневым приёмам обработки — надрезами, скосом граней и проч.

Из сравнения фигурных резных кирпичиков Хорасана и Мавераннахра той же эпохи мы приходим к заключению, что при общности стиля они различны по основному запасу мотивов и форм. В Бухаре и Самарканде тоже имеются некоторые архаизированные мотивы народного родо-племенного узора и все же там преобладают конструктивные формы. «Бантик», образованный двумя треугольниками с прокладкой между ними,—это воплощение принципов архитектурной школы мастеров Мавераннахра. Для Хорасана более характерен язык символов и знаков условного значения, типичных для родо-племенной среды и рас-

пространенных, прежде всего, среди сельского населения (кочевников, полукочевников и, отчасти земледельцев). Это обстоятельство и дало Г. А. Пугаченковой веское основание сравнивать узор на фигурных резных кирпичиках Южного Туркменистана XI—XII вв. с родовыми знаками (тамгами), отложившимися на туркменских коврах, очень древнем виде местного народного искусства[45].

Символы и знаки следует, конечно, отнести отнюдь не специально к роли тюркских племен (по наблюдениям В. Г. Мошковой, ворсовые ковры в XI—XII вв. кочевниками-тюрками не производились), а к традициям искусства сельской округи вообще и местных древних степных культур особенно, их влиянию на городское ремесло.

3. Декоративные «решётки». Этот род кирпичной мозаики с рельефным или сквозным узором строится на квадратной сетке, повернутой по диагонали. По рисунку их можно разделить на четыре вида: плетёнки (по терминологии бухарских мастеров—бофт), стилизованные куфические надписи (так называемый ма'кали или моокля), комбинации простых геометрических фигур; комбинации символических фигур.

Плетёнки заключают чаще всего скомбинированные на осях квадрата пересечения простейших геометрических фигур — (квадратов, вытянутых шестиугольников (рис. 6, *а*), геометризированных парных спиралей-меандров или петель (рис. 6, *б*). Название этих решёток—бофт, то есть ткань, плетенье, вполне отвечает характеру рисунка. На угловых устоях галереи мавзолея султана Санджара бофт усложнен. В одном случае это пересеченные „стрелой" квадраты (повторяются на осях и диагоналях) (рис. 7, *а*). В другом—это почти гирих, то есть построение пересекающихся геометрических фигур на более сложной сетке (лучевой). С нее рисунок переложен для удобства кирпичной кладки на простую квадратную сетку. При этом мастера поджидала трудность в начертании наклонных линий. Дело в том, что на квадратной сетке наклонные линии рисунка получаются тоньше горизонтальных и вертикальных. Это очень заметно на чертеже и не столь явно в натуре, где исправления вносились на глаз.

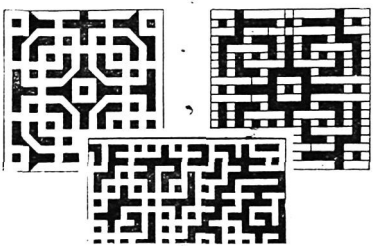

Рис. 6. Кирпичный узор в виде плетенки и надписей. *а, б*—мавзолей султана Санджара в Мерве, XII в., *в* — минарет 1102 г. в Дахистане.

Стилизованные куфические надписи (моокля) интересны помимо особенностей эпиграфики и в чисто композиционном отношении. В надписи на минарете 1102 г. в Дехистане (городище Мисриан) трудно уло-

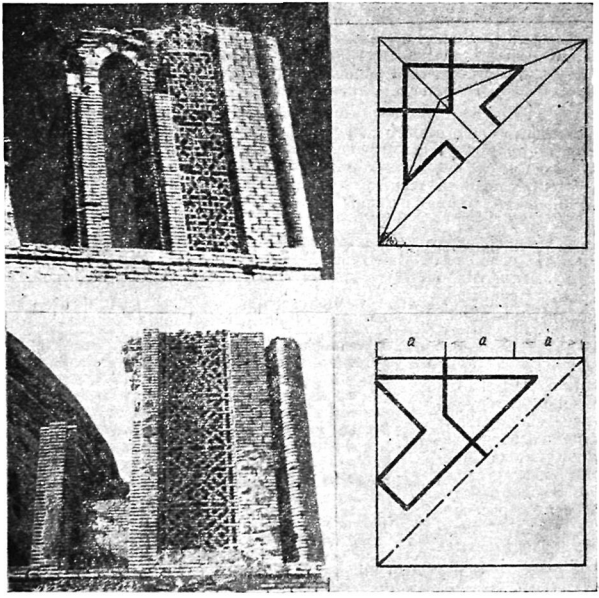

Рис. 7. Кирпичный узор в виде гириха.
а, б— мавзолей султана Санджара в Мерве. Фото и схемы построения гириха.

вить систему; здесь преобладает, видимо, смысловое значение надписи (рис. 6, *в*). Но на стенах рабата Дая-Хатын, где рельефной выкладкой начертаны имена святых, мы имеем разные приёмы в комбинации буквенных формул[46]. Все они лежат на диагоналях, но в одном случае формула повторяется рядами (рис. 8, *а*), в двух других вращается вокруг определенных точек лежащих на скрытой сетке квадратов (рис. 8, *б, в*). При том имена святых повсюду обрезаются краем простенка про-

извольно. Такое обращение с надписями может быть оправдано только при условии, когда мастер приравнивает надпись к узору.

Комбинации геометрических фигур в форме сдвинутых на угол квадратов или наложения малого квадрата на угол большого — харак-

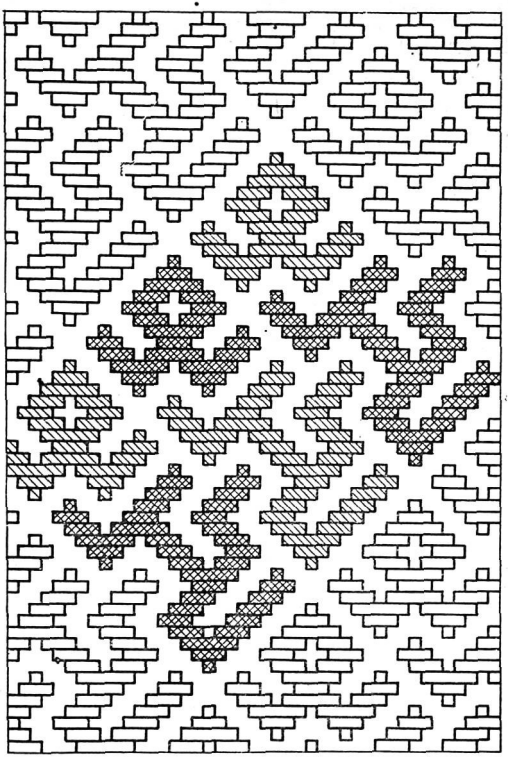

Рис. 8, *а*. Кирпичный узор из надписей. Рабат Дая-Хатын.

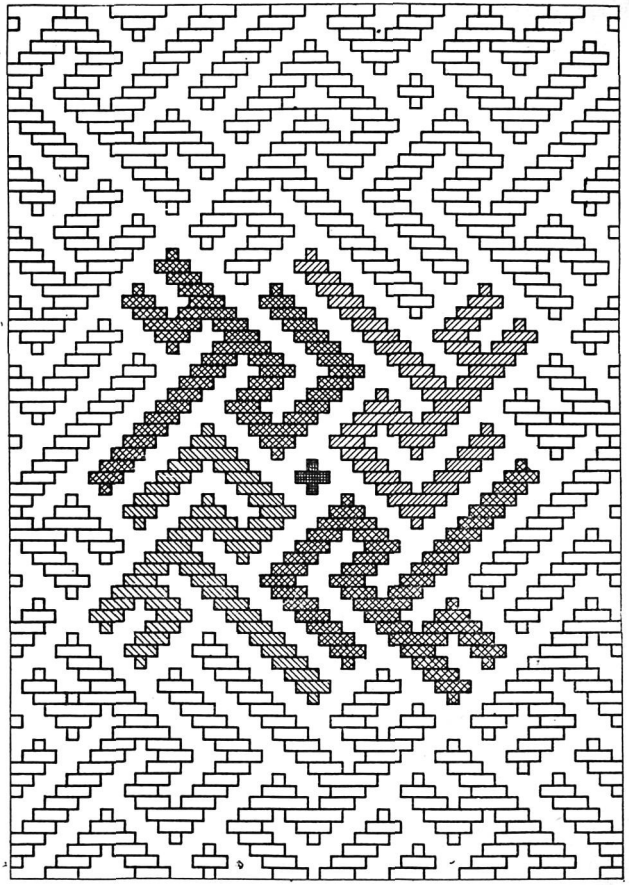

Рис. 8, *б* Кирпичный узор из надписей. Рабат Дая-Хатын.

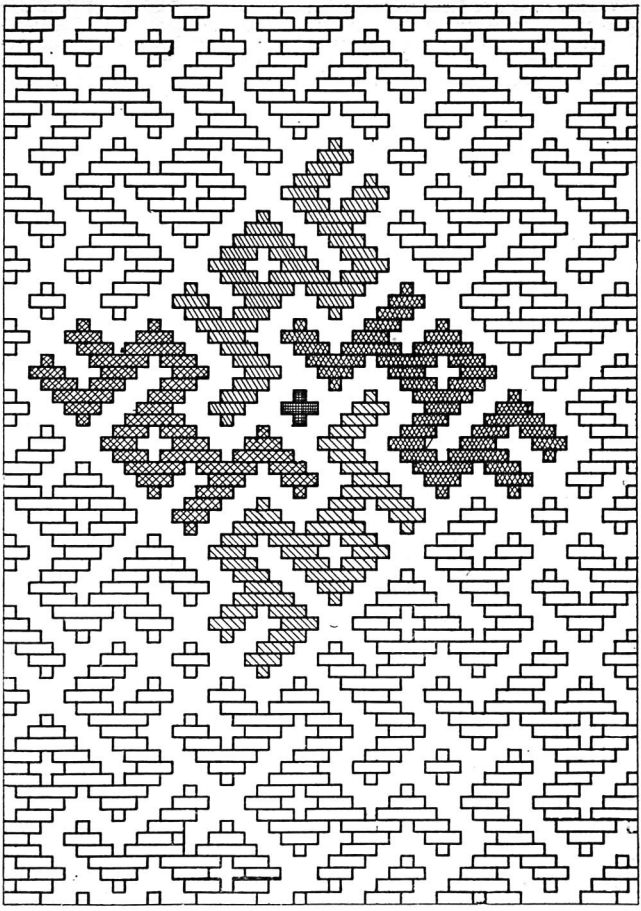

Рис. 8, *в*. Кирпичный узор из надписей. Рабат Дая-Хатын.

терны также для Мавераннахра (минарета Калян, 1127 г.). В Хорасане их место занимают довольно причудливые знаки (более редкие в Мавераннахре). Характерен в этом отношении минарет Тарик-хана в Дамгане[47], узор кирпичиков которого близок узору решетки на устое мавзолея Санджара. Там мы наблюдали квадрат, пересеченный «стрелой». Здесь нечто общее в самом подходе к узору, составленному из двух повторяющихся фигур. Одна из них, как на ковровых тканях (в виде вытянутой буквы М дана в зеркальном повторении), другая — в виде короткой буквенной формулы или знака в повороте вокруг обозначенной кубиком точки (рис. 9, *а*).

Еще дальше этот процесс зашифровки известной формулы или знака идет на группе декоративных «решёток» рабата Малик (XI в.) — памятнике Мавераннахра и на одной из узких «решёток» мавзолея султана Санджара в Мерве (XII в.).

В кирпичном узоре рабата Малик в одном случае на сетке квадратов повторяется то вверх, то вниз головой одна и та же фигура в форме прямого креста на широкой подставке (фертообразная фигура), в другом — это прямой зигзаг, вращаемый вокруг центра симметрии (рис. 9, *а, б*). В мавзолее Санджара еще одна фертообразная фигура чередуется с крестом (рис. 9, *г*). Заметим заодно, что и в резном ганче, часто повторявшем, как уже отмечалось, кирпичные узоры, мы находим в эту пору сходные, как бы скрытые в узоре фигуры. Так, на резной колонке михраба в мечети Субурны (городище Шах-Сенем)[48] узор из треугольников и меандров при анализе его построения сводится к очень простому орнаменту: на сетке квадратов повторяется то вверх, то вниз головой Т-образная (с опущенными концами) фигура (рис. 9, *д*). Она хорошо известна по Беркут-кале (XII в.), где имеется и другой ее вариант с кружками и спиралями на концах (рис. 9, *е*). Это не что иное, как схематизированные парные завитки (кочкор), лежащие в основе и некоторых узоров типа бофт.

Знаки в виде буквы Т с прямыми или загнутыми в форме рогов концами, фертообразные фигуры в виде креста на подставке или креста с изломом, поперечины в виде рук и подчеркнутой линиями «головы» (?) могут быть обозначены как знаки условного значения, близко напоминающие родоплеменные тамги местных древних племен (рис. 9, *ж*).

Окидывая общим взглядом приёмы кирпичного узора, следует заметить, что классификация его все еще отсутствует. Для Средней Азии X—XIII вв. она не разработана. И это побуждает нас предложить предварительную схему группировки кирпичного узора в следующем виде:

I. По видам работ:

1) фигурные выкладки из штучного кирпича стенового вперевязку с лицевым и облицовочным;

2) фигурные выкладки из пилёного, тесаного, точеного кирпича;

3) фигурные выкладки с применением специального формованного кирпича — плитного, лекального, тисненного;

4) фигурные выкладки с применением резной терракоты (неполивной, ангобированной, глазурованной);

5) фигурные выкладки штучного кирпича или изразцов с участием резного штука (в качестве фона);

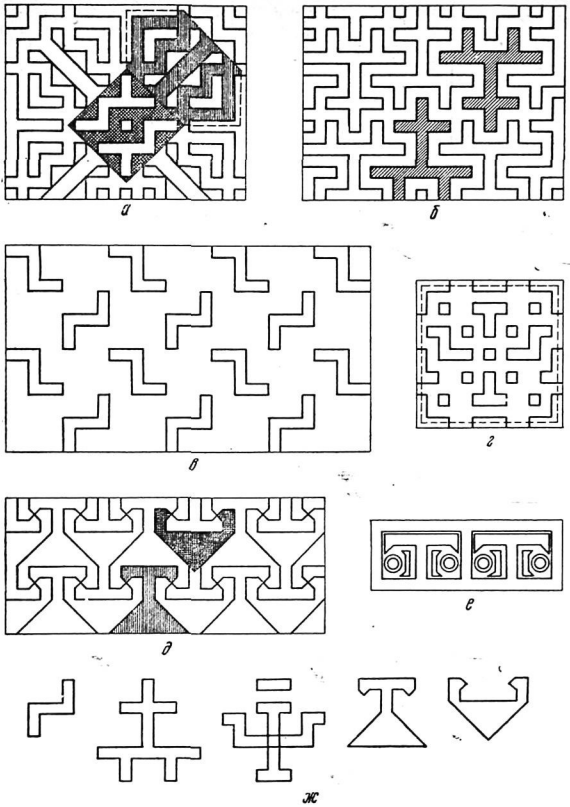

Рис. 9. Кирпичный узор из фигурных знаков.
а—минарет Тарат-хана в Дамгане; *б, в*—Рабати Малик; *г*—мавзолей султана Санджара в Мерве; *д*—мечеть Субурны (Шах-Сенем); *е*—Беркут-кала; *ж*—схемы знаков-тамг.

6) перенос мотивов кирпичного узора в резьбу по ганчу.

II. По фактурным качествам и форме поверхности:

1) архитектурная керамика из плотной глинистой массы; из пористой, силикатной (кашин);

2) изделия грубой фактуры, без обработки (кирпич); шлифованные — матовые; покрытые стекловидной массой, глазурью;

3) выкладки плоские, рельефом, складчатые (гофром) и др.

III. По цвету:

1) натуральная керамика (одного или нескольких тонов, без подбора и вподбор);

2) с лаком или ангобом (на лицевой стороне кирпичиков или по поверхности кладки);

3) с покрытием кирпичиков, штучных изразцов или облицовочных плиток голубой, зеленовато-голубой поливой.

IV. По способу кладки:

1) рядами или парами вперевязку;

2) в комбинациях ложком, тычком, плашмя, на угол и т. д.

V. По месту приложения:

1) на плоскости (стены);

2) на гранях (колонки);

3) на кривой поверхности (своды, паруса);

4) на цилиндрической поверхности и поверхности сужающихся кверху стволов (минареты);

5) на профилированных обломах (арочные ниши).

VI. По композиции узора:

1) линейные построения (каймы, полоски);

2) на квадратных и диагональных сетках (бесконечный узор);

3) замкнутые построения (в отвесной, центрической или бортовой композиции).

VII. По рисунку (отражающему в кирпичном узоре приёмы кладки);

1) фигурная перевязка кирпичных рядов;

2) *декоративные кирпичные решётки (плетенья);*

3) комбинированные рисунки на сетках с двояко читаемым рисунком (дающим зрительные аберрации, равнозначность рисунка и фона).

Рисунок кладки вытекает из совокупности условий и задач — при этом решают: материал, фактура, цвет, способ кладки, композиция узора и др. И, как конечный результат, совокупность требований рождает эстетические качества рисунка — его динамику, экспрессию, выразительность.

Кирпичные кладки не изобразительны; в них нет определенности сюжета. Тем интереснее кирпичный узор с «двоякочитаемым» рисунком, в красных (осевых) линиях которого, наряду с надписями и плетенками, мы впервые обнаружили знаки типа тамг.

Растительный орнамент

Этот вид узорной орнаментики представлен в архитектуре Туркменистана X — начала XIII вв. главным образом в резьбе по ганчу, Никакая иная область архитектурного декора не стояла так близко к

народному ремеслу, как резьба по ганчу — общедоступная по затратам на материал, не очень трудоемкая по исполнению и впечатляющая по эффекту. В ней находили свое отражение многие отрасли бытового искусства, особенно резьба по дереву и художественные ткани. В известной близости к резному ганчу стояла и настенная роспись, пользовавшаяся, видимо, общим запасом растительных форм. В резьбе по ганчу были, конечно, и свои излюбленные рисунки, особые приёмы разработки узора в линейном, пластическом и цветовом отношении. Здесь большую роль играла сама техника резьбы, позволяющая разнообразить светотеневой эффект настолько, что два одинаковых узора дают в зависимости от характера резьбы абсолютно разные результаты, чему способствует подчас и принятая во многих случаях раскраска резного штука в разные цвета. Сложившееся представление о монохромности архитектурного декора XI—XII вв. в свете археологических исследований последних лет должно быть отвергнуто, особенно для интерьеров с резьбой по ганчу и росписью, частью яркой, красочной с применением позолоты. Да и на фасадах зданий соотношения теплых тонов керамики в гамме красноватых, жёлтых, песочных типов в сочетании с холодными тонами серого ганча, бирюзовыми и зеленовато-голубыми вставками, надписями, а то сплошным покрытием куполов дают сдержанную, но все же красочную гамму.

Среди мотивов растительного орнамента в резном ганче X—начала XIII вв. главную роль играют три их вида: 1) мотивы, возникшие на почве древнейших народных космогонических и мифологических представлений и получившие бессознательную переработку в формах изобразительного фольклора. 2) Мотивы растительной орнаментики, унаследованные из векового опыта античных зодчих и отложившиеся в формах переработанного аканта, лотоса, тюльпана. 3) Мотивы местной флоры, особенно виноградная лоза, стебель и листья которой лежат в основе растительных арабесок «ислими». Листья и плоды шелковицы, граната, стручки перца, быть может, некоторые экзоты, наконец, разнообразнейших форм цветы могут быть отнесены к любой из названных групп в зависимости от характера их изображения. Цветы — самый извечный мотив как орнамента, так и поэзии Востока, где роль его и в словотворчестве не преходяща.

Развитие растительного орнамента в архитектурном декоре Туркменистана прослеживается лучше всего для интересующего нас отрезка времени на следующих памятниках: мавзолей-мечеть Шир-Кабир (X в), мечеть в Данденакане (1096 г), мавзолей султана Санджара в Мерве (около середины XII в.) и современный ему мавзолей Фахр-аддина Рази в Ургенче.

Архаические черты орнамента сохранялись особенно долго в резных михрабах; ниша михраба имела значение не столько кыблы, указывающей направление на Мекку, сколько святилища. Орнаменты ранних михрабов связаны, обычно, с унаследованными в изобразительном фольклоре магическими и символическими фигурами древности и уж по одному тому представляют выдающийся интерес.

Михраб мавзолея Шир-Кабир, памятник «аббасидского стиля IX в.», датируемый Г. И. Коотвым[49] и Г. А. Пугаченковой[50] временем Саманидов, В. А. Крачковской, по данным эпиграфики, XI веком[51] сбли-

жается с михрабом мечети в Наине (960 г.)[52] и особенно с резным штуком Самарры «второго стиля», имеющим по Э. Херцфельду свои корни в Иране[53].

Постройки халифов в Самарре (IX в.) сыграли, несомненно, значительную роль в нивелировке различных по своему происхождению орнаментальных форм. Многие области Среднего и Переднего Востока обнаруживают связь с Самаррой, как их предполагаемым общим источником. Однако нельзя упускать из виду, что и сам «источник» сложился из различных широко распространенных форм древнего доаббасидского стиля.

Не повторяя известных уже описаний этого михраба с его перспективно уходящими вглубь тремя арками—фестончатой, стрельчатой и килевидной, из которых две первые на резных колонках, отметим лишь трехчастное членение лицевой стенки (несущие колонки, широкие тимпаны, венчающий карниз) и такое же на второй стенке, где в карниз включается полоса надписи, над которым смыкается щипец. Третья стенка, с килевидной аркой, имеет низкую панель, узкие тимпаны, выключен фриз, а шипец заполняют письмена. Наконец, идет последняя стенка, замыкающая крохотный, в сущности, михраб, заполненный изображениями парносомкнутых плодов с зернышками семян. Из подобных же плодов составлен карниз на лицевой стенке. В одних случаях плод напоминает стручок, в других — гранат, в иных—ягоды (рис. 10).

Среди отдельных мотивов обратим внимание на главные: в щипце арки парные витки ветвей сказочного растения заполняют вписанные в круг фигуры; более крупные представляют собой переработку известного символа «янь-ин» (рассечение круга S-образной кривой надвое). Обычный «глазок» каждой из фигур, напоминающих крыло или рыбу, превращен в усик или виток растения; в меньших кругах узкие листья в форме «распахнутых крыльев» охватывают едва распустившийся бутон (?); между больших перистых ветвей—плоды с зернами (рис. 11). Эти же мотивы повторяются на тимпанах главной и средней арки. К ним добавляются в увязке с «распахнутыми крыльями» листья винограда, розетки, напоминающие цветок мальвы и изящный перистый лист с расходящимися веером прожилками и отогнутым острием то свернутым в колечко, то направленным в обратную сторону, что только подчеркивает S-образный изгиб листа.

Рядом с михрабом Шир-Кабир имеется резная панель, только упомянутая Г. И. Котовым и изданная Г. А. Пугаченковой[54]. Резные полуколонки с упрощенным в капителях акантом несут в два яруса переплетающиеся стрельчатые арочки. На более сохранившейся — прямоугольная восьмиконечная звезда с трехчастной арочкой, заключающей мясистый, как бы с зернышками, плод. Верхнюю часть арочки заполняют несколько других плодов. Во втором ярусе тоже вписаны плоды в окружении живописно отвернутых то кверху, то книзу листьев полупальмет. Между арочками, в кружках, крылатые пальметки. Какое разнообразие мотивов! Все они в отдельности широко известны по памятникам, созданным в Средней Азии и Иране задолго до возникновения «аббасидского» стиля, хотя увязка их в единое композиционное целое принадлежит действительно халифатскому времени. Отдельные мотивы этой композиции отражены в металлических изделиях времени Сасани-

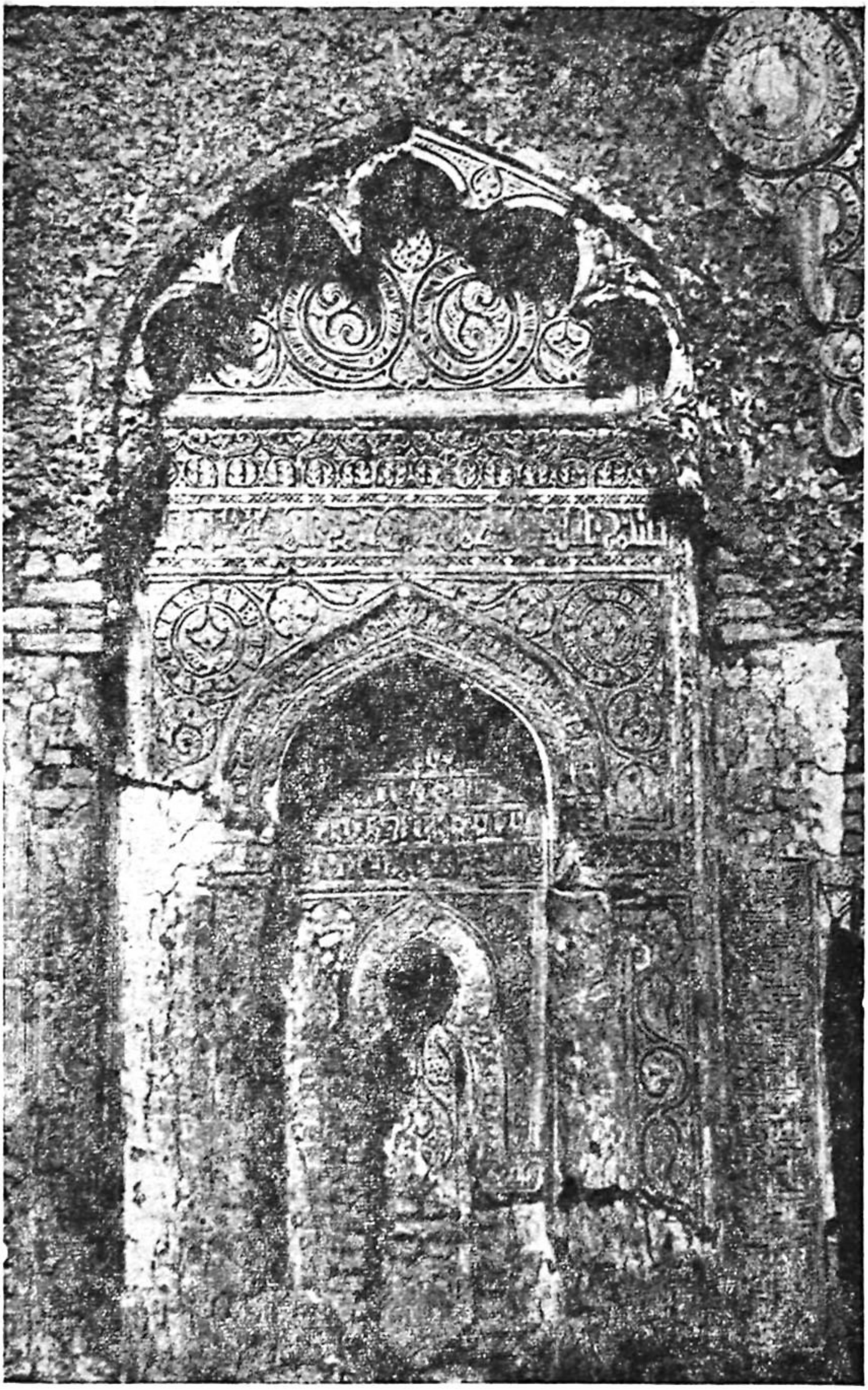

Рис. 10. Михраб в мавзолее-мечети Шир-Кабир. Резной ганч.

дов. Таковы крылатые пальметки в кружке, ноздреватые плоды, пальметки с опускающимися и подымающимися крыльями. Существенное значение придается здесь мясистому плоду, напоминающему гранат (или инжир), с трилистником на верхушке.

Рис. 11. Символический орнамент.
а—символ «янь-ин»; резьба по ганчу на щипце михраба в мавзолее-мечети Шир-Кабир.

Нужно ли говорить более подробно о широко известной роли этого мотива в прошлом? Достаточно напомнить изображение круглого плода с верхушкой в виде трилистника на подставке, укрепленной рядом с правителем на известном серебряном блюде Эрмитажа[55], где он трактуется, видимо, в качестве символа царской власти—его «державы». Значение граната как атрибута божеств достаточно хорошо известно по статуэткам древнего Мерва, Термеза, Самарканда. Его символическое значение не было утрачено ни в средние века, ни позже. И случайно ли в искодарском михрабе в центральную арочку вписан не «гранат», а вертящийся диск, то есть «солнце»—мотив, в каком-то значении близкий ему в своем «языческом» содержании[56]. Этот мотив является общеупотребительным космогоническим символом самых глубоких времен и у самых различных народов.

Но только ли гранат? Все названные здесь темы уводят нас к истокам средневековой орнаментики, указывая на её древние формы и начало полной трансформации на грани X—XI вв.

По мере того, как древнее искусство теряло в средние века свое прежнее содержание, растительный орнамент получал иную основу для своего развития и из немногих фигур старого орнамента возникало разнообразие новых растительных рисунков.

Изображения в виде круга рассеченного S-образной кривой надвое восходят к мотиву двух рыб — белой и черной, или двух крыльев, которые, будучи вписаны в круг-небо, выражали противоположные начала породы: свет и тьму, тепло и холод, жизнь и смерть. Схожие мотивы круга с двумя вписанными в него фигурами («рыб» или «крыльев») можно отметить на резном штуке в рабате Малик (XI в.), где зооморфный, по существу, мотив также получил уже к тому времени растительную переработку.

Связанный некогда с тотемистическими, а затем и космогоническими идеями, в частности в зороастризме, этот мотив проник и в керамику XI—XII вв., где всегда отражались устойчивые образы, наиболее близкие быту и представлениям народа.

Также обстоит, видимо, и с мотивом бутона среди «распахнутых

крыльев». Некогда это был мотив зооморфный. Среди распахнутых птичьих крыльев (иногда с чешуей рыбы на предплечье) помещались эмблемы и символы царственных родов. Уже в резном ганче Самарры эти эмблемы стали отмирать, и крылья птиц превратились в узко вытянутые «распахнутые» листья[57], а место эмблемы занял трилистник, или бутон, часто еще странный, экзотичный.

В XI—XIII вв. мотив этот слился с другими старыми формами: цветком тюльпана, обрамленным на стебельке двумя листьями (мотив «сасанидского» серебра и тканей, тоже претерпевший затем определенную цепь превращений) и виноградной лозой.

Но вернемся к другим элементам узора резного штука в мавзолее Шир-Кабир. По абрису средней арки михраба идет кайма из вытянутых меандров с узкими перистыми листьями. Ее мы видим затем на панелях Афрасиаба (X в.) и в резном штуке термезского дворца (XII в.). Характерны также и меандры с плетенками на угловой колонке михраба. Они отмечаются на панелях афрасиабского дворца, на угловых колонках михраба данденаканской мечети (XI в.), в резном дереве Джума мечети в Хиве (XI—XII вв.), в михрабе мечети Субурны (городище Шейх-Сенем, XII в.). С известными вариациями тот же мотив повторяется в резном штуке Термеза и резной терракоте Самарканда.

Таким образом, при всем архаизме многих своих черт, мавзолей Шир-Кабир являет собой вместе с тем и начало ряда мотивов, получивших свое дальнейшее развитие в XI—XII вв.

Резной ганч мечети в Данденакане времени перестройки этой мечети (1096 г.)[58] дает новый материал для понимания мотивов, представленных в мечети Шир-Кабир, и раскрывает процесс дальнейшей их эволюции.

Михраб мечети (работа мастера Абу-Бекра) был исполнен целиком в резном ганче, покрывшем его стенки, угловые колонки и плафон полукупола. Здесь были и подражание кирпичному узору (на угловых колонках), и сложные геометрические узоры (гирихи), располагавшиеся на простенках и плафоне, но главное место отведено растительному орнаменту, частью в сополнинении геометрическому (заполнение гирихов), частью в самостоятельной роли (в средней лицевой части михраба, на венчающем стенку фризе, в парусах полукупола и и на резных капителях). Резьба повсюду сочная, в два и в три плана, исполненная живой рукой темпераментного мастера, подчинившего порожденные фантазией образы относительно строгой, требуемой всем стилем архитектуры этой эпохи, форме. На лицевой стенке михраба вырезана крупная, великолепная по рисунку и исполнению, фигура в виде центрального на стержне трилистника с околоцветником и двумя крупными подымающимися кверху крыльями; они образуют заостренный кверху лист (рис. 12). Это, несомненно, одна из разновидностей «древа всех семян». Его положение в михрабе вполне согласуется с тем, что и в михрабе мечети на Афрасиабе (IX—X в.) тоже изображена в резьбе по ганчу некая, правда иная, разновидность «древа жизни»[59]. Сюжет этот исключительно древний. «Древо жизни» — один из излюбленных мотивов «сасанидского» металла, а еще больше — ирано-сасанидских, коптских, византийских тканей. Оно изображалось на Востоке сперва в виде пальмы, позже в виде кипариса или более

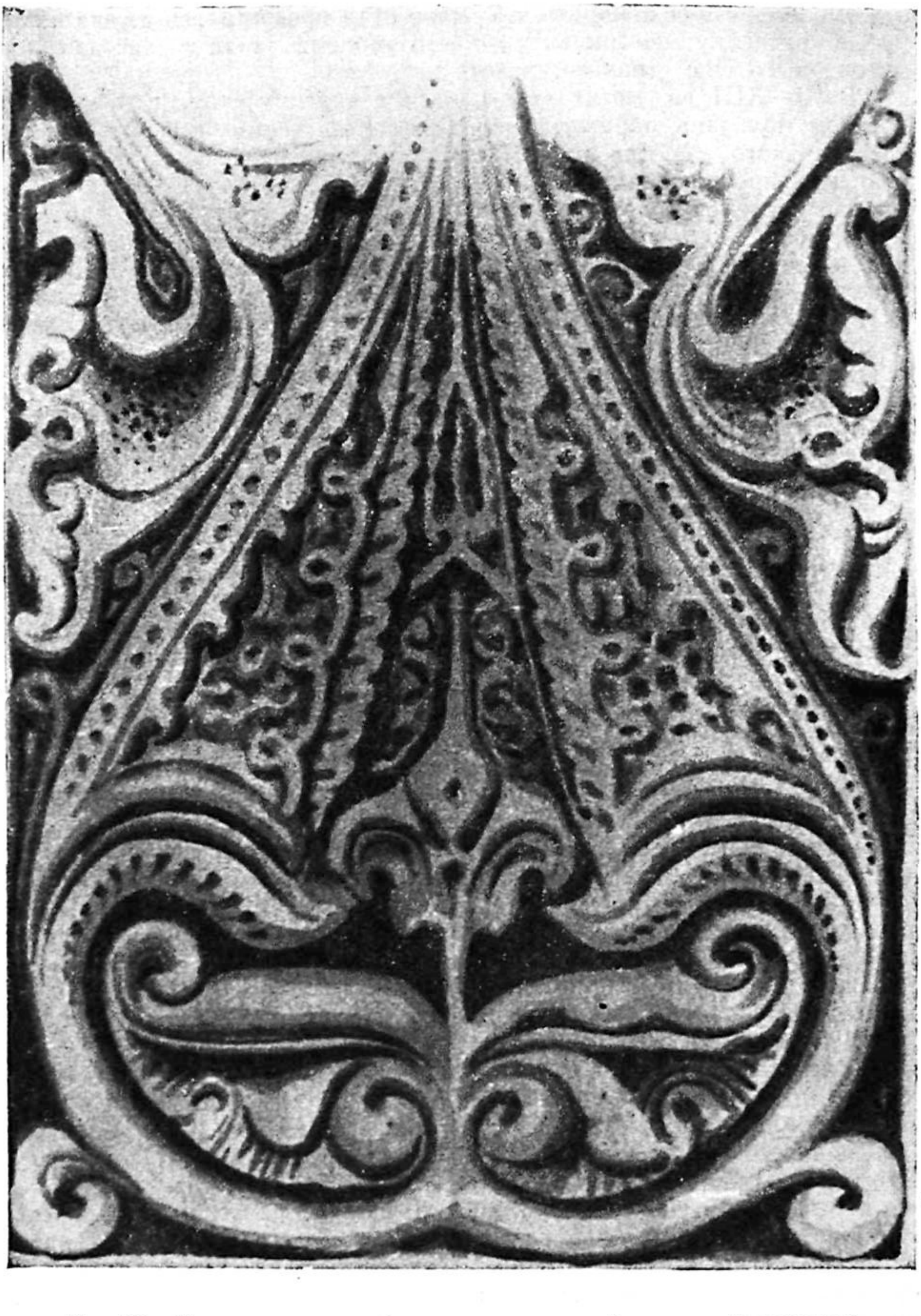

Рис. 12. «Древо жизни»; резьба по ганчу в михрабе мечети Данденакана.

или менее фантастического растения. Даже лотосовидные цветы на изделиях из бронзы и серебра III—VII вв., для которых характерно «тяжеловесное сочное и особое расположение лепестков, в отдаленной степени восходящее к античной пальметте»[60], представляют собой разновидность мотива «древа всех семян».

Этот мотив имел в ту пору широкое распространение также и на керамике, в металле, на тканях. С ним были связаны и другие столь же фантастические изображения растений. Так, по бокам «древа» (или листа) по стенке михраба спускаются пышнолиственные формы; они же подступают к отчлененной надписью скуфье. Примечательно необычное изящество, с каким более грубый рубчатый лист, изогнувшись, держит бережно, на весу, стебелек наклонившейся ветки. Здесь все сказочно и как бы невесомо. И ветки, и листья фантастичны; но только так, условно, а не реально, и могла быть выражена в орнаменте общая идея произрастания как высшего, вековечного блага жизни.

Нужно заметить, что в Мавераннахре мотивы «распахнутых крыльев» хотя и отмечены в резном дереве X—XI вв., в резьбе по ганчу относительно редки. На щипце главной арки в южном узгенском мавзолее 1187 г. они, скорее, исключение. И здесь они помещены в переплетающихся в два яруса арочках (не стрельчатых, а треходьчатых), имеют вид взметенных развернутых веером листьев, украшенных перлами[61].

Другой не менее увлекательный по сложности своих судеб мотив должен быть отмечен в той же мечети на резном фризе михраба. Здесь чередуются две пышнолиственные формы: «лира» на раздвоенном стволе с заостренным бутоном и парносплетенные, как бы скрученные, складчатые листья (рис. 13). Мотивы эти кажутся навеянными какими-то экзотами южной флоры, но вместе с тем в них нет и исключительности, поскольку объектом столь пышной разработки были, в сущности, все те же привычные нам знаки, символы и формы. Конечно, «лира» в жестком кирпиче и в мягком, податливом резном ганче трактуется по-разному. Да и в резном ганче, заполняя фон между кирпичиками, она едва ли способна вызвать ассоциации строго определенного смысла и значения. И все же слишком широко распространен этот мотив во многих трансформациях исходной формы, чтобы не видеть в ней какой-то важной в прошлом роли.

На шёлковой ткани XI—XII веков Колумбийского музея (рис. 14,*а*) мы находим ряд мотивов, встречающихся и в архитектурном орнаменте этой эпохи. Здесь в круглых медальонах изображены два грифона по сторонам «древа жизни», над ними в «небесах» птицы[62]. «Древо жизни» вырастает из вазы. Ствол «древа жизни» составлен из лирообразных фигур (рис. 14, *б*). У птиц в «небесах» на головах трилистники; это указывает на связь мотивов растения и птицы. Заметим, что сходные изображения сохранились на вышивках горных таджиков; то это птица на ножках о двух головах с произрастающими из нее бутонами (рис. 14, *в*), то двуглавая птица без ног в виде сердцевидной фигуры (рис. 14, *г*); она же, скошенная внизу, несет посредине род столбика с плодом граната (рис. 14, *д*). Сердцевидная, скошенная внизу, фигура вышивок (рис. 14, *е*), типична и для орнамента каракалпаков. Нечто схожее по замыслу и композиции можно видеть и в резьбе по штуку XII века (мечеть Магоки Аттари в Бухаре). Отсюда встает вопрос: не связан ли вообще этот мотив в архитектурном декоре с изображениями сходных форм на тка-

нях? Роль изображения птиц в родо-племенной среде была огромна. В сильно схематизированном виде они составляли элемент родоплеменного узора. Даже в современном туркменском ковре мотивы сильно геометризированных фигур расшифровываются В. Г. Мошковой как древнетуркменские племенные «гёли»-птицы[63].

Среди других мотивов растительного узора данденаканской мечети заслуживают не меньшего внимания пятилепестные пальметты и сердцевидные листы. Они еще полны прихотливой игры воображения, непри-

Рис. 13. Фриз и капитель михраба в мечети в Данденакане.

нужденны и часто очень затейливы в своей композиции. Пятилепестные пальметты встречаются здесь в разных вариантах. Они и в пластическом уборе округлой части колонны, и в резных капителях, и в заполнении гирихов. То это ветвь с мясистым посредине плодом (старый «сасанидский» мотив), то парно-сомкнутые полупальметты, между лепестками которых вырываются вдруг крутые завитки, воспринимаемые, как «обратные волюты», то уже элемент нового растительного узора (плоский вьюн или завиток). И тут же, на капители, среди пятилопастных пальметт встает в манерном изгибе и ветвь лозы; она не терпит свободного фона и в каждый уголок незанятого пространства шлет свой побег. Касание вызывает реакцию—виток или изгиб, новый поиск, в ином неожиданно найденном, а затем и плавно развитом направлении, снова виток

и следование далее в волнистом ритме вьющейся лозы. Виток еще не переходит в полную спираль; движение по несомкнутой кривой резко замедляется и, уклонившись в сторону и назад, образует в середине плавно построенную линию «S».

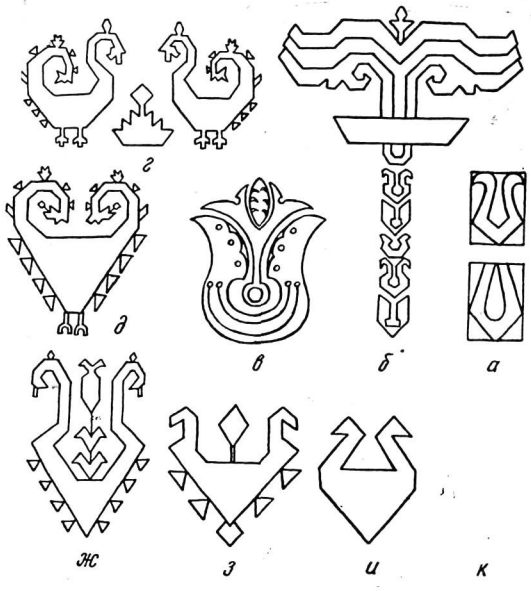

Рис. 14. Мотивы дерева и птицы на тканях и в архитектурном декоре Средней Азии. *а*—фигурные кирпичники XI—XII в. Мерв; *б*—изображения дерева на ткани Колумбийского музея; *в*—мотив «распахнутых крыльев» с «древом» посредине в резном ганче XII в., Бухара; *г, ж*—изображения в вышивках горных таджиков; *з, и*—изображения на каракалпакских тканях.

Так по-новому замысленный бег узорных линий оказался вдруг в русле старых, давно знакомых схем членения круга с помощью линии—S на две части. Мотив — старый, символический, связанный дальше с растительным орнаментом «ислими». Он и наделил полупальметты манерной изогнутостью форм.

Перейдем к мавзолею султана Санджара в Мерве (XII в.). Здесь

растительный орнамент в резьбе по ганчу как бы вновь проходит все ступени пройденной лестницы, но только в немногих облюбованных формах, которым принадлежало будущее, преобладает мотив спускаю-

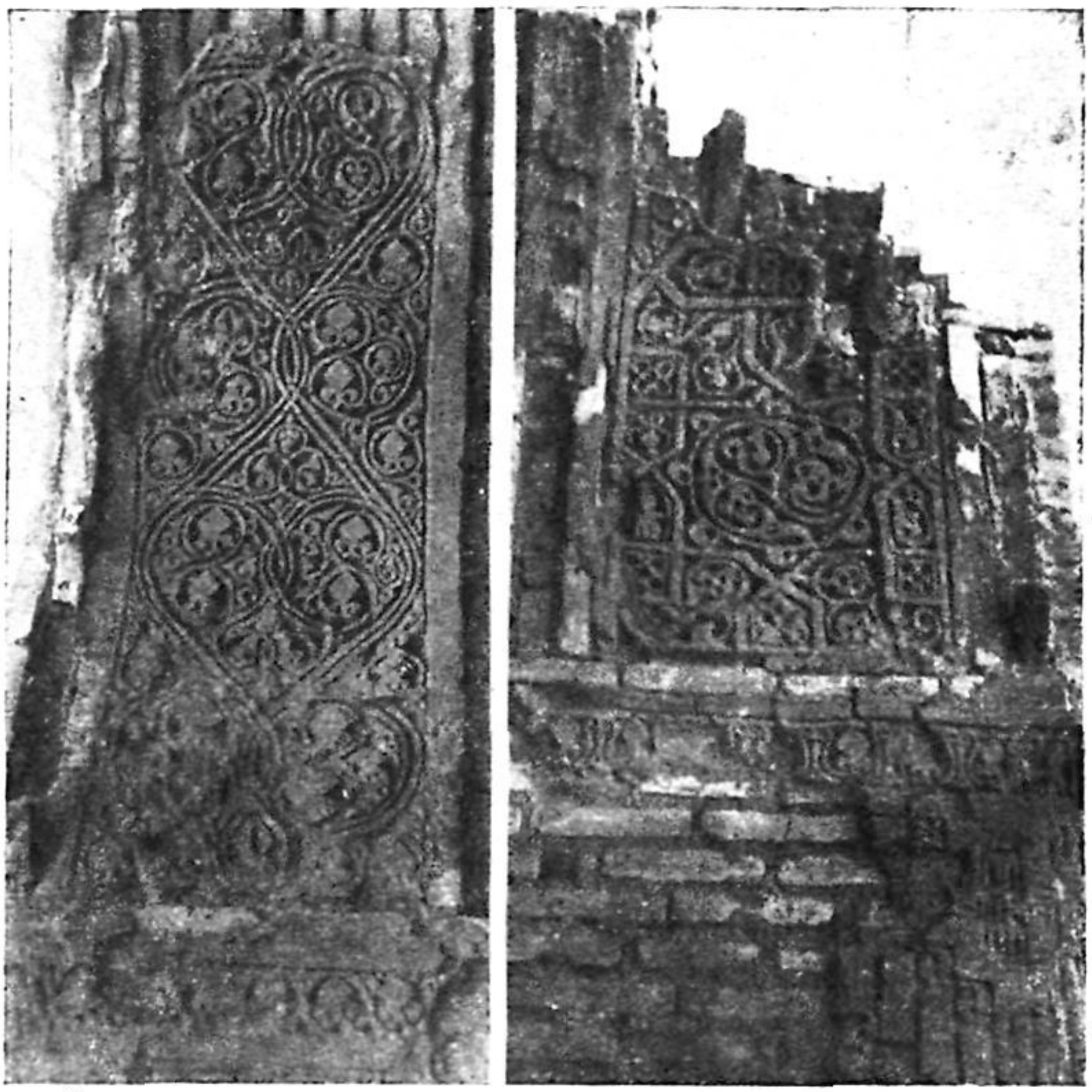

Рис. 15. Орнамент ислими в резьбе по ганчу XII в.
а, б—софиты арок мавзолея султана Санджара в Мерве.

щихся по вертикали сплетенных в сетку виноградных лоз (рис. 15). Но есть и ленточный гирих с восьмиконечной звездой, заполненной уже знакомым нам членением круга с помощью линии S на две части (рис. 16, *а*) и разделкой их растительным узором. С него то мы и начнем описание (рис. 16, *б*). Символика узора явно отзвучала. Линия угадывается с трудом, ибо и сам «круг» утратил, видимо, значение «солнца». В строгом ритме окружают его когтевидные украшения, нужные для заполнения углов звезды, а середину круга занял изгиб лозы, несущей сердцевидные и узкие, с фигурной выкружкой листья. Форма этих листьев, можно сказать, классична, ибо в них исток всего последующего развития растительных форм стиля ислами.

На этих формах придется остановиться, заглянув еще раз в их историческое прошлое.

Сердцевидные пальметты непосредственно связаны с развитием S-образных фигур. Совершенно одинаковые формы этих пальметт существуют в IX в. в Каире и Самарре. Они встречаются еще в сасанид-

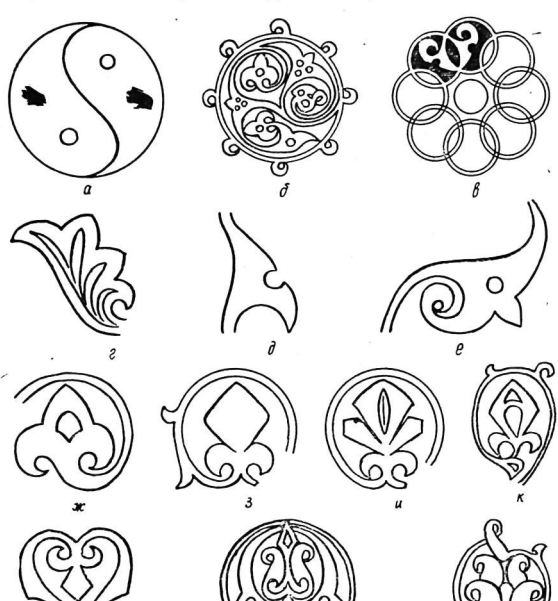

Рис. 16. Трансформация древних растительных форм (*а—н*).

ском Иране (Ктеифон — VI в.), в тканях коптского Египта и Византии той же поры. Повсюду сохраняют они преемственность с античным акантом и мотивом виноградного листа. Но в Средней Азии этот мотив подчинился законам формального геометрического построения. Как показал найденный при раскопках Магоки Аттари в Бухаре фрагмент резного ганча (IX в.), уже тогда сердцевидные пальметты получались

(при желании точного их построения) путем пересечения восьми кругов, центры которых лежат на окружности (рис. 16, *в*). Выкружки на листе совпадали с центрами малых кругов, пересечение которых и создает искомую форму. Но это не единственный источник их возникновения; сердцевидные пальметты стилизуют виноградный лист, форма его разнообразится, со временем, обработкой от руки.

Сочетание любых S-образных фигур может дать подобие сердцевидной пальметты, почему и формы ее бесконечны. S-образную пальметту можно вывести из античных прототипов и, в частности, из пальметизированных листьев аканта, но и здесь существенную роль сыграли известная геометризация и стилизация растений (рис. 16 *г*).

Узкий листик с выкружкой восходит, в свою очередь, к половинке сердцевидного листа, что нетрудно проследить на примерах Ктесифона (V—VI в.), Варахши (VIII в.), Самарры (IX в. и резных панелей Афрасиаба (X в.).

Сердцевидным пальметтам и фигурному листку с выкружкой сопутствует большая серия бутонов и веток, развивающихся с IX по XIII вв. Бутоны Самарры (IX в. и Балиса (XI в., Маджид- и джами в Казвине (XII в.), резной терракоты домонгольского Афрасиаба и Узгена (XII в.) представляют в общем тот же тип цветка, что и в резном ганче мавзолея султана Санджара в Мерве. Разнообразие достигается, главным образом, в композиции веток. Рисунок бутонов и листьев наносился от руки, принимая положения, совместимые с идеей свободной симметрии и равновесия частей целого.

Цветок и фигурный листок увязываются в композиционное целое с помощью побегов лозы, принимающих в панно и тимпанах чаще всего форму спирали с завитками, усиками и витыми отростками, равномерно заполняющими всю декорируемую плоскость; в каймах они принимают форму вьюнка. Здесь мы можем вернуться к резному штуку мервского мавзолея и проследить за причудливой трансформацией исходных форм под рукой незаурядного мастера.

Заметим, прежде всего, что в отличие от данденаканского штука в декоре мавзолея султана Санджара господствует абсолютная плоскостность. Рисунок лишен объемности рельефа, великолепно развит узор. Но графический эффект при этом не лишен элементов пластики. Узор режется местами с частичным наложением одной плоскости на другую, ленты пересекают друг друга, лист накладывается на стебель и т. д. И в самом узоре сколько изобретательности: фигурный лист на свернутой полуспирали (рис. 16, *ж*), под него стилизуется и старинная пятилепестковая пальметта (ее средний лист превращается в ромб, который рассекается надвое или в него вставляется дужка (рис. 16, *з*, *и*, *к*). Но вот рисунок усложняется: листок с ромбом повисает между охватившими его узкими листьями с выкружкой (висит фантастически, вопреки реальному строению растительных форм (рис. 16, *л*). В другом случае все как бы ставится на свое место: парные листья с выкружкой охватывают бутон, похожий не столько на «сасанидский лотос», сколько на тюльпан (рис. 16, *м*). Этот старый мотив напоминает цветок в руках жриц на серебре VI—VII вв. Однако, составные элементы его уже иные: род стручка перца с загнутым концом «бодом» и узкофигурный лист. Другой вариант: из попарно взятых бодомов составляется фигурный цветок; лепестки его прячутся друг за друга, а сред-

ний узкий лист возвращается стеблем к своему началу (рис. 16, *н*). Здесь мы ощущаем себя в царстве мотивов, имеющих много общего во всех городах Среднего Востока.

На фоне мервских образцов выглядит более самобытным орнамент Дехистана. Он представлен резным штуком на порталах мечети, воздвигнутой на рубеже XII—XIII вв., и неизвестного здания за чертой города. На сохранившейся части портала мечети, содержащей в надписи упоминание хорезмшаха Мухаммеда (умер в 1200 *г.*), предствлена своеобразная орнаментация, не известная по другим памятникам эпохи (рис. 17). Она любопытна тем, что заключает в себе не совсем обычные фигуры. В раме портала проходит широкая вертикальная полоса с резной надписью, покрытой поливой; вдоль нее венчающие украшения: спаренные знаки S с двумя вертикальными линиями стебельков посредине (рис. 18, *а*). Однако, это только украшения верхушек букв, вытянутые в сторону.

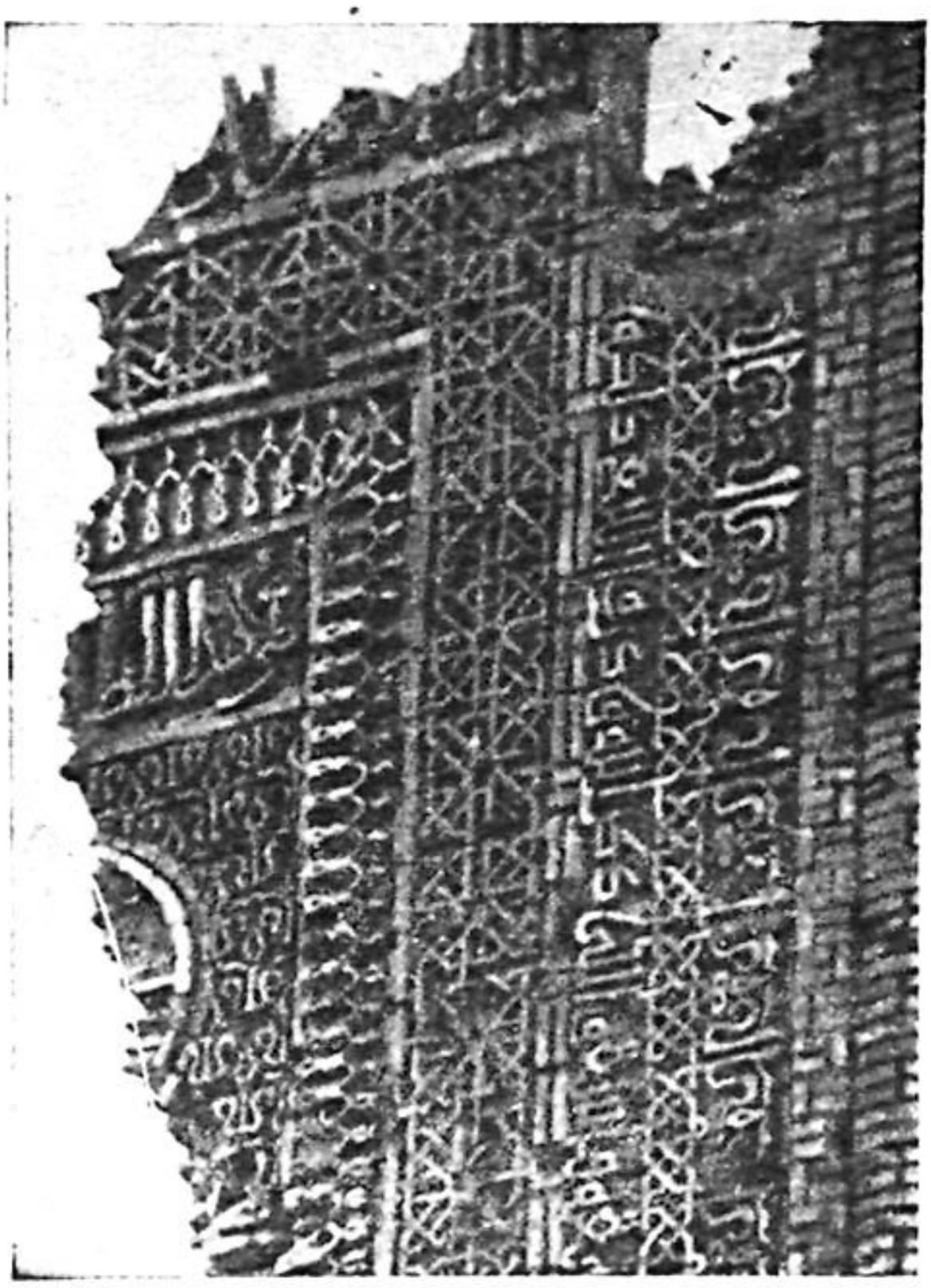

Рис. 17. Портал мечети хорезмшаха Мухаммеда в Дахистане.

В тимпане арки портала—другой узор. Снова спаренные знаки S, широкая подставка, стержень посредине и острое навершие (рис. 18, *б*). Фигуры расположены ярусами, в шахматном порядке, одна в другую (вспомним узор в тимпане Аламбердара[64], где фигурные кирпичики в форме S выложены рядами; там только змеящийся узор, здесь в большей степени скомпонованные знаки).

На остатках другого заснятого Б. Н. Кастальским (1902 г.) здания сохранялась великолепная резьба по ганчу, крупного рисунка (рис. 18, *в*). В шахматном порядке чередуются фигуры. Из плоской чаши на узком стебельке вырастает тюльпан (?). Казалось бы, заурядный мотив. Но как он разработан? Над «чашей» (подставкой?) шарик с дужкой (луковица тюльпана?), трезубец с навершием, переходящим в цветок, и завитки по сторонам (рис. 18, *в*, 19). Все это необычно тем, что в основе скомпонованного рисунка лежит некая привычная схема, условный знак. И подобно тому, как «процвели» буквы надписей («цветущая куфа»), «процвели», видимо, и некие заменявшие письменность знаки, получившие орнаментальную обработку.

В основе этих фигур, (если отбросить украшения) лежат особые тамговидные знаки. Ни одна из общеупотребительных фигур растительного орнамента Средней Азии и Ирана таких схем не дает.

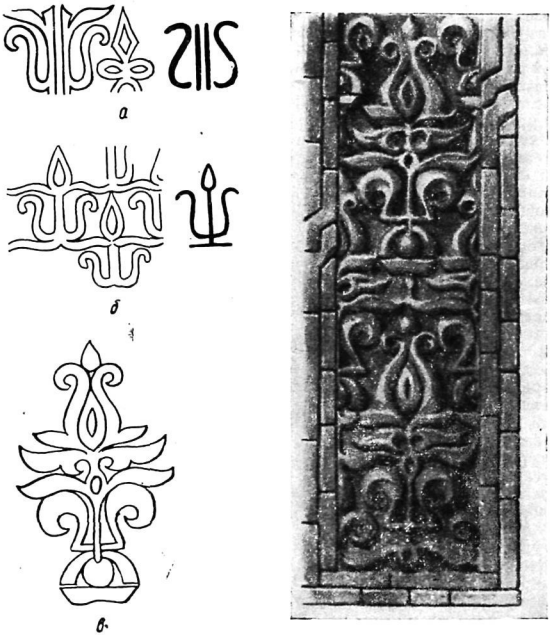

Рис. 18. Фигурный орнамент памятников Дехистана.
а, б—мечеть хорезмшаха Мухаммеда; *в*,—остатки неизвестного здания, там же.

Мы затрудняемся в определении источника этих мотивов, однако они напоминают тамги правителей древнего Хорезма и, что еще поразительнее,—знаки-тамги на облицовочных плитах парфянской Нисы. Сходство этих форм, сколь бы оно ни было близким, вряд ли может получить сейчас полное разъяснение. Не исключено, однако, что знаки эти были в определенной социальной и этнической среде столь же традиционны, как и «древо жизни» в другой. Были ли этой средой туркмены, которых антрополог Л. В. Ошанин считает «потомками местных скифских (сак-

ских) племен, позднее тюркизированных по языку и вошедших в состав гузов и тюрков-сельджуков»[65], или же хорезмийцы, сохранившие еще при хорезмшахе Мухаммеде древние хорезмийские тамги, отраженные в орнаменте, решить в настоящее время невозможно за недостаточностью материала. Но сам факт наличия в Дахистане среди орнаментальных мотивов конца XII и начала XIII в. совершенно оригинальных, возникших на местной почве мотивов степного происхождения, еще раз подтверждает своеобразие растительного орнамента в архитектуре хорасанской школы.

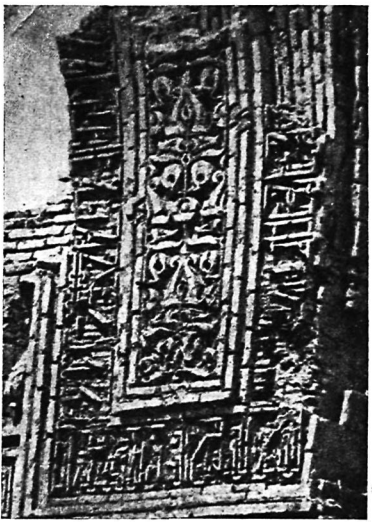

Рис. 19. Деталь портала неизвестного здания в Дахистане (по фотографии 1902 г.)

Употребляя выражение «хорасанская школа», мы, естественно, предполагаем определенное единство художественной культуры всего Хорасана, включая те его территории, которые лежат за рубежом Туркменской ССР. Это общее положение, достаточно полно выраженное в единстве стиля его архитектурных памятников, в разрезе нашей темы может быть продемонстрировано и на таких частных видах архитектурной орнаментики, как обрамляющие узоры (бордюры, каймы), а также в эпиграфике.

Представленные на рис. 20 каймы резного ганча (растительно-гео-

метризированные формы) памятников Южного Туркменистана XI—XII вв. восходят в равной мере и к дехистанскому резному штуку из мавзолея Шир-Кабир (X в.) и к мечети в Наине (960 г.)[66], они имеют много общего с мотивами кайм в михрабе Маджиди Малик в Кирмане (1084—96 гг.)[67] и другими современными им памятниками Южного Хорасана и Восточного Ирана в целом.

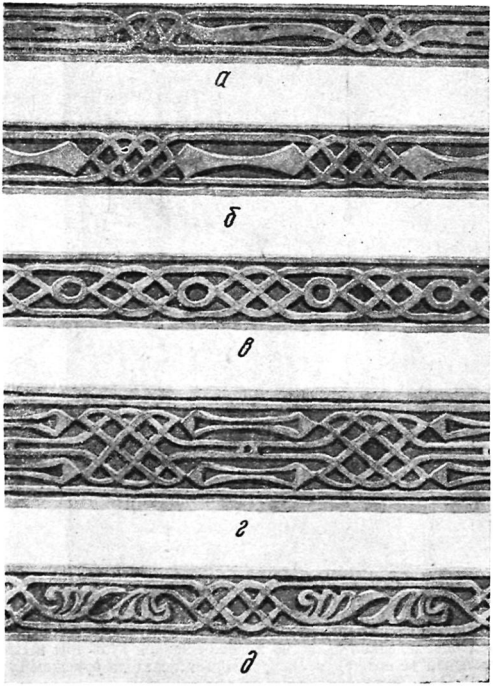

Рис. 20. Каймы в резном ганче XII в.
а-д—орнамент мечети в Данденакане

В эпиграфике приемы орнаментального убранства надписей обнаруживают то же единство. Достаточно сравнить цветущую куфу мечети в Данденакане (1096 г.) с еще более великолепной орнаментальной

каллиграфией Пири Аламдара в Дамгане (1026 г.) или надпись на устое арки в мавзолее султана Санджара, где под строй букв пропущена по горизонтали, как бы лежащая, ветвь с фризом в мавзолее Арслана Джазиба в Сангбесте[68], в росписи которого обнаруживается тот же приём.

В эпиграфическом орнаменте всякие «заимствования» были неизбежны, тем более что и привлекались часто иногородние не только строители, но и каллиграфы. Так, надпись в Рабате Шериф 1114—П15 гг. прямо указывает на мастера архитектурных орнаментальных надписей Алибади Абу Мансур Асад как художника из Серахса[69].

Каллиграфия была самым подвижным носителем определенных орнаментальных форм. И не удивительно, что стиль надписей в Данденакане «пальметизированная» куфа, наличествует в ту же пору и на фризе под тромпами в резном ганче среднего мавзолея в Узгенте (XI в.). Единство процессов развития стиля в области каллиграфии было, видимо, вообще выше различий, проистекавших из индивидуальности художника-писца.

Мы не исчерпали в своем обзоре всех образцов растительного орнамента Туркменистана взятой эпохи. Но едва ли имеется в этом необходимость. Прослежены главные, ведущие, наиболее значительные явления.

На севере Туркмении в ту же пору, как мы уже отмечали, архитектурная школа выдвинула свои принципы строительного дела и искусства. В части растительного орнамента они менее ощутимы. Узор на фасаде мавзолея, носящего имя Фахраддин Рази (XII в.), конечно, уникален по технике резьбы (на сырце с последующей разборкой и обжигом)[70], но не по рисунку, в общем близкому резной терракоте Бухары и Самарканда.

Мы видели, как развитие мотивов цветка, фигурного листка, побега лозы и спирали прошло ряд исторически и формально логически выраженных стадий, то подчиняясь чисто геометрическим построениям, то преследуя по преимуществу живописно-декоративные цели. В Тохаристане и Мавераннахре растительный орнамент самостоятельных задач, в общем, не решал, подчиняясь тем закономерностям, которые диктовал ему орнамент гесметрический, на осях которого и в соотношении с которым мотивы ислими только и могли найти себе применение. Иное дело Хорасан, Мерв, Данденакан, Дехистан. Они дают примеры более самостоятельного построения растительных мотивов.

Растительный орнамент Хорасана не был изолирован от сходных форм, развивавшихся одновременно с ним частью самостоятельно, из местных прототипов в Мавераннахре и Иране.

Не будучи специальным изобретением хорасанских сельджуков или вообще тюрков XI—XII вв., растительный орнамент Хорасана уходит своими корнями в местную более древнюю почву. При том можно заметить, что формы древнего орнамента вытеснялись в Мавераннахре растительными и геометрическими арабесками быстрее, чем в Хорасане, и особенно в Данденакане, где мотивы, близко связанные со старыми формами сасанидского времени, продолжали бытовать и на грани XI — XII вв. Не следует ли сопоставить это обстоятельство с тем фактом, что ко времени монгольского завоевания в источниках, повествующих о *караханидских землях, исчезают родовитые владетели замков, в то вре-*

мя как в Хорасане дехканская аристократия продолжает играть известную роль. Именно ей принадлежат те «гофрированные» замки, которые окружают в развалинах Мерва величественный мавзолей султана Санджара, выглядя каким-то пережитком более древних эпох.

Геометрический орнамент

Геометрический орнамент памятников Южного Туркменистана рассматриваемой эпохи дошел до нас в относительно немногих образцах. Геометрические построения не составляли самостоятельной отрасли местного искусства и могут быть поняты, исходя лишь из общераспространенной в XI—XII вв. теории гирихов.

Искусство геометрических построений достигло высшего расцвета в период, когда успехи точных наук и строительного дела приблизили изобразительное искусство к практическим нуждам средневекового быта, тесно связали его с художественным ремеслом, открыв орнаменту широкий путь для отвлеченных геометрических построений и причудливой стилизации растительных форм. Геометрический орнамент получил научную основу в X—XII вв. благодаря математическим исследованиям этого времени в области плоской и сферической тригонометрии, решениям задач на определение по трем элементам треугольника (стороне и углам) остальных его элементов. Средневековые математики Средней Азии, Багдада, Дамаска в связи с расчетом не только плоских, но и сферических, цилиндрических и конических выпуклых и вогнутых зеркал для разных точных исследований создавали предпосылки и для правильного расчета кривых поверхностей сводов и куполов. Изучение плоских и сферических треугольников отразилось непосредственно на строительных приёмах иранских и среднеазиатских зодчих.

Без знания основ вычислительной геометрии зодчие не могли рассчитать криволинейную плоскость под орнамент и найти пропорции для заданных геометрических фигур.

Заметим, что проблема пропорций имела на средневековом Востоке чисто формальное значение, хотя определение пропорций диктовалось часто практическими нуждами строительного дела, землемерия и т. д. Формальность решения пропорций заключалась в том, что эта проблема принадлежала только области математики (в том числе и прикладной математике), но никогда пропорции не могли здесь стать «матерью и царицей всех практических наук», как назвали на Западе науку о пропорциях в пору Возрождения. Пропорции геометрических орнаментов вытекали не из анализа органического строения тел, а из элементарных свойств геометрических фигур.

Геометрические арабески, получившие наименование гирех, или гирих (что означает — узел) представляют собой строго разработанную систему построений[71]. Не каждый геометрический узор может быть назван гирихом. Гирих покоится целиком на геометрии круга, то есть решается с помощью циркуля и линейки. В основе его лежат всевозможные правильные фигуры, построенные путем деления круга на определенное количество равных частей, образующие сетки и оси, имеющие форму и значение систем координат. Ввиду того, что не существует точного построения ряда многоугольников (7, 9, 11, 13, 14, 19, 21, 22, 23 и т. д.), эти фигуры почти не употреблялись (исключая семи-

угольник, магическое значение которого в древности было велико). Основные и наиболее употребительные фигуры выводятся из деления окружности на 6, 8 и 10 частей. Квадраты и правильные треугольники лежат в основе сеток, на которых можно строить комбинации, заполняющие в сумме всю площадь. Квадратная сетка дает прямоугольники с соотношением сторон в виде целых чисел; сетка правильных треугольников дает прямоугольники с иррациональным соотношением сторон. Отдельные фигуры геометрического орнамента находятся между собой в соотношениях, которые вытекают либо из квадратной сетки, либо из сетки треугольников, либо из пропорции динамических прямоугольников, на лучах которых (соответствующих числу делений круга, образующих данный прямоугольник) и строятся эти фигуры.

Орнамент на квадратной сетке не требует особых пояснений. Они даны в разделе кирпичного узора. Заметим лишь, что в Хорасане область применения этого вида сетки значительно расширена. На квадратной (или диагональной) сетке строятся здесь не только имитации кирпичного узора в резьбе по ганчу, но и некоторые гирихи, для построения которых в Термезе, Бухаре и Самарканде предпочитают лучевые сетки. Это относится к тем гирихам, у которых осевые линии узора лежат под углом в 90 и 45°, то есть так же, как и при кладке кирпича вперевязку. Для кирпичной орнаментации, выполненной самой кладкой, могут быть использованы, следовательно, лишь те фигуры, которые состоят из горизонтальных, вертикальных и диагональных линий. Из звездчатых фигур этому требованию отвечают лишь восьмиугольники. И потому фигурные композиции в кладке из кирпича представляют собой, как правило, не что иное, как пересечение разного числа звездчатых восьмиугольников, расположенных между собой в правильных соотношениях. Однако, построение прямоугольных восьмиконечных звезд или производных от них фигур с наклоном осевых линий в 45° на квадратной сетке вызывает разную толщину линий рисунка, ибо половина диагонали квадрата меньше его стороны; в результате, как уже указывалось, наклонные линии кирпичного узора на фасаде мавзолея Мухаммеда ибн Зейда тоньше вертикальных и горизонтальных линий того же гириха (рис. 21).

В кирпичном узоре из мелких тесаных кирпичиков на памятниках Мавераннахра вообще нет фигур с наклонными линиями; там преобладает вертикальный, горизонтальный и ступенчатый контур. А в гирихах из кирпича выкладка его ведется по осевым линиям звезды или иной правильно построенной фигуры (например, на портале мечети Магоки Аттари в Бухаре, XII в.). При кладке кирпича горизонтальными рядами, как это имело место в мавзолеях Мерва, диагональные линии требуют специальной тески и шлифовки кирпича, что значительно труднее.

Орнамент на лучевой сетке дает наиболее богатые композиции.

Простая звездчатая фигура, построенная из восьми точек окружности при пересечении подобных ей фигур, рождает большое число комбинаций в виде самых причудливых фигур, в которых, на первый взгляд, царит произвол фантазии.

Наиболее интересные образцы гирихов дают резной ганч мечети в Данденакане (1096 г.), кирпичный узор в мавзолее Мухаммеда ибн Зейда (1112/13 г.), резной ганч мечети в Абиверде (XII в.) и роспись

в бане новой Нисы (XII в.). Все они лежат на плоскости стен, порталов, арочных ниш и лишь в Данденакане, кроме настенных гирихов, в михрабе имеется гирих на полусводе. Этот случай напоминает нам гирихи в кругах на куполе мавзолея Хаким ат-Термези в Термезе (XII в.), близкие по стилю и построению. В остальном эти гирихи едва ли требуют иной классификации, кроме как по способу построения.

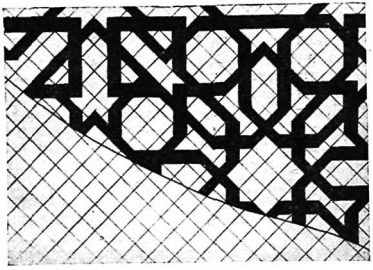

Рис. 21. Гирих в мавзолее-мечети Мухаммед ибн Зейда. Тесаный кирпич, XII в. Схема построения.

Примерами гирихов, построенных на осях квадратов и диагоналей (то есть из восьми точек окружности), послужат роспись в ново-нисийской бане и гирих из Абиверда. Гирих в резервуаре бани, белый по черному фону (рис. 22*а*), как и все гирихи с линиями под 90 и 45°, имеет в основе композиции восьмиконечную звезду, или, точнее, неполную звезду, выделенную на чертеже утолщенным контуром (рис. 22, б). Раппорт полученной фигуры и дает весь искомый рисунок[72].

Гирих из Абиверда[73] строится также на восьми осях, но он более сложен (рис. 24). В нем имеются «нарушения» геометрии благодаря

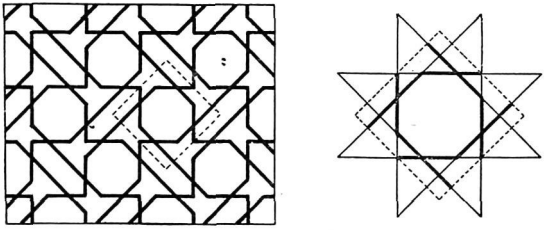

Рис. 22. Гирих в нисийской бане, XII в. Роспись. Схема построения.

тому, что ширина линий гириха откладывается от осевых линий, то наружу фигур, то внутрь, что при зеркальном их отражении создает динамический эффект.

Орнамент на сетке правильных треугольников разнообразится как по построению фигур, так и по положению сетки треугольников, которые лежат основаниями на горизонталях или вертикалях, или же когда оба положения совмещены. Орнаменты, построенные на этих сетках, кратны по ширине высотам правильных треугольников, а по длине— их основаниям (или наоборот). По этим сеткам особенно часто строятся комбинации 6,9- и 12-конечных фигур. Пример простейшего гириха на таких сетках дает выкладка шестиконечных звездочек и ромбов в мечети Талхатан-Баба (XI в.) (рис. 23). Более замысловат гирих на 12 осях, принадлежащий мечети в Абиверде (рис. 24,*а*). Этот особо сложный рисунок имеет в качестве образующей крупную звезду, составленную из чередующихся по кругу и пересекающихся фигур довольно простого начертания. Проще взять, как данное, результат работы мастера и тогда тот же гирих можно легко разбить по сетке на три повторяющихся элемента. Один из них встречается и на неполивной керамике Мерва XI—XII вв. (розетка на донцах); два других представлены широко в гирихах Мавераннахра (форма чисто геометрическая) (рис. 24, *б*).

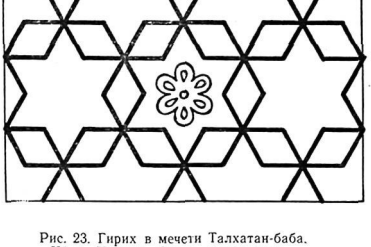

Рис. 23. Гирих в мечети Талхатан-баба. XI в. Кирпич. Схема построения.

Построения из 10 точек окружности принадлежат к числу наиболее органических и потому изящных построений (в их пропорции имеются функции «золотого сечения»). Пример простейший и пока единичный: кайма на портале все той же мечети в Абиверде (XII в.) (рис. 25, *а*). Этот гирих нам объяснит элементарный звездчатый десятиугольник, в середину которого вписана пятиконечная звездочкой (рис. 25, *б*). Жирной линией выделены те ее части, которые, повторяясь в качестве раппорта, образуют тот простейший элемент, повтор которого даст сразу весь искомый орнамент. Этот элемент, будучи только «вырезкой» из фигуры десятиконечной звезды (и вписанной в нее пятиконечной), обрел самостоятельную жизнь и породил «новый» замысловатый орнамент.

Выше мы обрисовали гирихи, построенные на плоскости. Строить их на куполе было не менее увлекательно, особенно учитывая богатство возможных вариантов.

Самый крупный в Средней Азии гирих принадлежит мавзолею султана Санджара, где он украшает поверхность внутреннего купола. Гигантский гирих! (Пролет купола—17 метров). В начертании он очень прост: восемь точек окружности соединены хордами через одну и через две (рис. 26, *а*). Узор этот напоминает стянутый лентами купол юрты

(рис. 26, *б*). Нечто схожее видим мы и на чашах из Мерва, где переплетающиеся ковровые ленты охватывают звездчатую розетку (поддона (рис. 26, *в*, *г*). Последние разорваны в скуфье, образуя розетку из восьми квадратов.

Гирих был выполнен из кирпича, заделанного в кладку купола. Выкладка велась, по-видимому, с помощью отвеса по рисунку, начертанному в натуральный размер на полу.

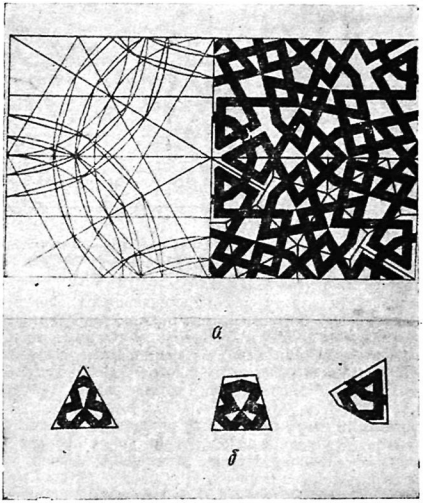

Рис. 24, Гирих на портале мечети Пештаг в Абиверде. Резная терракота. Схема построения.

Самый маленький на куполах гирих принадлежит михрабу данденаканской мечети (рис. 27, *в*). Круглый свод михраба обрамлен цепочкой перлов и широким поясом надписи. Чтобы поместить круг в относительно неглубокой нише, чаша свода наклонена. Сам гирих представляет собой десятилучевую звезду с цепочкой узких звеньев, пересекающих ее концы (рис. 27, *б*). Линии гириха двойные, вереплет, фон в парных завитках стилизованной лозы.

Рисунок резался на своде от руки, скорее всего по шаблону, исполненному на модели. Для этого требовалось разбить поверхность на сектора и уложить по ним стыкующиеся на гранях элементы. В масштабах небольшого свода разметка делалась на глаз, при этом решали

вкус и опыт мастера, его умение видеть целое в соразмерности формообразующих частей.

Здесь мы снова наблюдаем удивительное слияние чистой геометрии с художественным творчеством, использование математических ритмов с отбором и проверкой полученных пропорций и форм на глаз.

Орнамент на осях симметрии дает наиболее богатые композиции. Самая элементарная звездчатая фигура, построенная из 6, 8 или 10 точек окружности, при пересечении с подобными ей фигурами образует нескончаемое число элементов. В зависимости от взаимного расположения фигур определяются пропорции прямоугольного панно, в которое они вписаны. И так как центр каждой фигуры лежит здесь на продолжении одного из лучей другой фигуры, то пропорции прямоугольников, в которые вписываются эти орнаменты, могут быть установлены аналитическим расчетом.

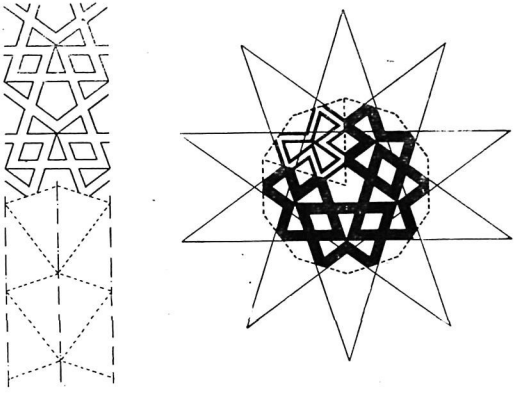

Рис. 25. Гирих. Кайма. Там же. Схема построения (*а, б*).

Большинство геометрических построений, основанных на применении иррациональных пропорций, возникло в XI—XIII вв. в связи с успехами вычислительной геометрии. Но построения орнаментов с соотношением сторон 1: $\sqrt{2}$ или 1: $\sqrt{3}$ применялись особенно широко, потому что эти отношения можно получить приближенно чисто начертательным путем без всякого аналитического расчета.

Наиболее причудливые композиции, поражающие своей скрытой логикой, возникают в тех случаях, когда фигуры, построенные из точек окружности, лежат своими центрами в узлах других, скрытых фигур, которые сами по себе не вошли в рисунок и которые не проявляют себя ни в чем, кроме как в смутном ощущении какой-то математической соразмерности, гармонии, в расположении «неправильных» фигур.

Геометрический орнамент Южного Туркменистана подтверждает наличие единой теории и практики построения гирихов на различных территориях средневекового Востока.

Методы построения гирихов были основаны целиком на элементарной начертательной геометрии. Они отвечают всему стилю архитектурного орнамента средневекового Востока с присущим ему подчинением

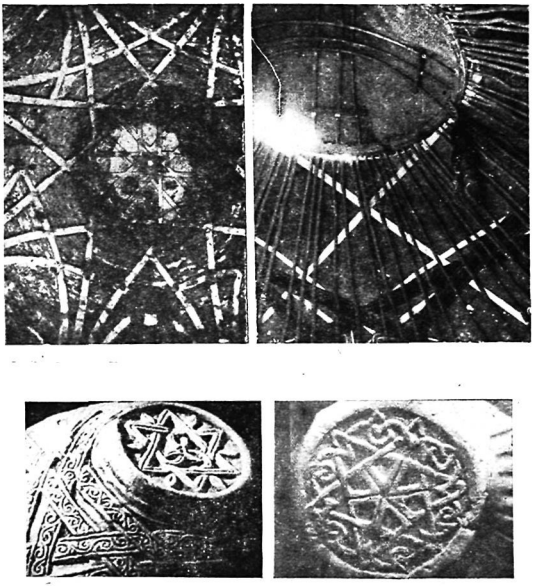

Рис. 26. Убранство переплетающимися лентами (дорожками).
а—купол мавзолея султана Санджара в Мерве; *б*—купол современной юрты; *в* и *г*—чаши из Мерва.

воображения художника геометрическим формам, которые разнообразятся в композиции и ритме, сочетая прихотливость рисунка с безукоризненной правильностью его построения. Своего высшего развития этот метод достиг там, где пропорции и масштабы орнамента отвечали пропорциям и масштабам архитектуры и где научная мысль помогла народным мастерам синтетически решать все элементы архитектурного целого.

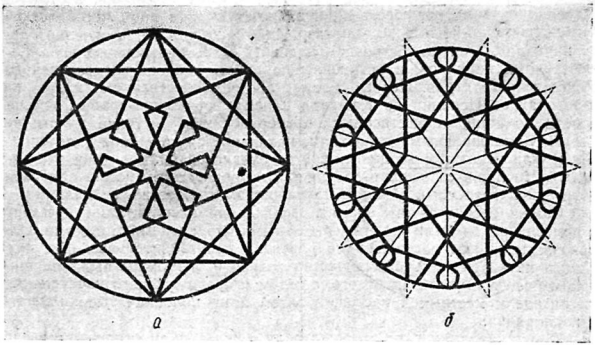

Рис. 27. Звездчатые гирихи на куполах.
а—мавзолей султана Санджара; *б, в*—куполок в михрабе мечети Данденакана.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Туркмены сыграли выдающуюся роль в политической истории Средней и Передней Азии. Благодаря образованию сельджукской империи, туркменский народ приобрел, по словам В. В. Бартольда, «для мусульманского мира такое значение, которого не имел в средние века ни один из других тюркских народов»[74]. Их известность в эпоху раннего средневековья можно сравнить только с известностью саков, согдийцев, хорезмийцев в эпоху ахеменидов, когда среднеазиатская конница принимала участие во всех выдающихся военных событиях, отметивших

собой историю Передней Азии. Но туркменские кочевники, в отличие от своих древних предшественников, выступили в иной исторической обстановке. Они не только самоотверженно защищались, но и решительно нападали. Они содействовали падению старых, изживших себя общественных порядков, и установлению нового, более прогрессивного общественного строя. Первый удар старому общественному строю на просторах от Испании до Кашгара нанесли кочевники-арабы; они не довели до конца общественные преобразования, уступив власть на местах «национальным» династиям, цеплявшимся за старое (как саманиды) или искавшим компромиссов с деханской знатью (как газневиды). Но лишь сельджуки завершили историческую миссию арабских кочевников встречным ударом, закрепившим торжество феодализма.

Самые бесчеловечные формы феодальной эксплуатации крестьян и ремесленников были утверждены самыми варварскими методами. Однако выдающиеся достижения в развитии производительных сил, техники и науки феодального общества только и возможны были на широком базисе сначала арабского, а затем и сельджукского наступления на цитадели местных династов, а затем и на половинчатые халифатские порядки.

Тюрки караханидских земель стояли в культурном отношении выше сельджуков, они выдвинули из своей среды ученых—уроженцев Ферганы, Фараба, Баласагуна. Сельджуки не дали ученых, но выдвинули политических деятелей, создавших «империю», в которой ленная система землевладения из местной формы стала господствующей политической системой. У себя на родине, в «городах огузов» на Сыр-Дарье, как затем и в Таке-Языре, Дуруне, Фераве на севере Хорасана тюркизированные племена кочевников сельджуков, огузов, языров впервые столкнулись с культурой феодального города, высоко развитой техникой жжёного кирпича, резного ганча, архитектурной керамики. Следовательно, они не могли подарить сельджукскому государству ни своего строительного искусства, ни архитектурного орнамента. Время высокого взлета архитектуры и монументально-декоративного искусства Туркменистана вообще выходит за рамки господства сельджукидов; власть их пала в середине XII в. (1153 г.) и перешла к группе племенных вождей из среды огузов, халаджей, карлуков. В конце XII в. все бывшие владения сельджуков подпадают под власть хорезмшахов, и на посту багдадского халифа весьма символично утверждается ставленник хорезмшахов термезский сеид. Никакого при том скачка в развитии архитектуры и монументально-декоративного искусства при переходе власти от сельджуков к другим тюркским династам, а от них к хорезмшахам нет.

Поднявшись на гребень волны народных движений, то одна, то другая военно-политическая группировка племенной знати летит вниз, и обострившиеся до крайности социальные противоречия создают картину необычной пестроты и в культурной жизни городов. Прогрессу в области художественного ремесла сопутствуют жестокое разорение и разбой, успехам в науке — невежество и грубость вкусов предводителей степных орд, скреплявших всякое экономическое и внеэкономическое принуждение силой наёмного оружия.

После «огузской смуты» (1153 г.) Мерв так и не оправился полностью от тяжелых для него испытаний, но в Ургенче и Дехистане в

конце XII и начале XIII вв. строительные работы шли вовсю. Были общие приливы, вызывавшие в строительной деятельности зодчих половодье (особенно в начале, середине и в конце XI в., в первой половине XII в.), за которыми следовал общий или частичный отлив сил. Но подобно водам, задерживающимся в лагунах, ремесленные корпорации мастеров-строителей не прекращали, видимо, свою деятельность в главных оазисах страны в веере Мургаба (Мерв, Данденакан), Теджена (Серахс, Меана, Абиверд) Атрека (Дахистан), на среднем и нижнем течении Аму-Дарьи (Гургандж, Кят, Амуль), распространяя при благоприятных условиях свои подряды и на другие поселения, лежащие на торговых путях и в районах естественно орошаемых предгорий (Неса, Языр, Земахшар, Субурны, Тахирия и др.). По этим экономически и географически связанным между собой комплексам и группировались, в основном, архитектурные школы. Они то локализовались в рамках оазиса, то распространяли свою творческую активность и на другие смежные районы; об этом говорят разновременные упоминания имен мастеров из Серахса на джар-курганском минарете 1108/9 г. близ Термеза, на минарете 1111/12 гг. в Хосругирде близ Себзевара и на мавзолее султана Санджара в Мерве (середина XII в.). На обратные связи указывает и подпись нисийского камнетеса на круглой плите—намогильнике XII в., вывезенной в ашхабадский музей из Серахса.

Архитектурный орнамент IX—X и XI—начала XIII вв. складывался из многих элементов. Здесь и переработка древних местных культур, и широкое взаимопроникновение элементов орнамента Ирана, коптского Египта, Византии, Средней Азии и Китая. Историческая преемственность в развитии отдельных архитектурных школ и их общий вклад в развитие строительной культуры, основанной на городском ремесле, не подлежит сомнению. Но главное, что определяло собой стиль нового искусства, вытекало из исторического своеобразия сложившихся на местах условий.

Каков был вклад местных, тюркизированных по языку степных племен в общую сокровищницу складывавшегося в городах искусства? Прямого ответа на этот вопрос нам до сих пор не дано. Ткани были главным проводником орнаментов. Но перерабатывался ли ткацкий узор исконно-туркменского происхождения в архитектурном орнаменте Хорасана?

Анализ мотивов архитектурного орнамента X—начала XIII вв., настойчиво повторяющаяся не только в резных кирпичиках, но и в кирпичной мозаике и в резьбе по ганчу символика степных племен дают основание ответить на поставленный вопрос утвердительно.

Ковры туркмен, как и ткани прославленных некогда парфянских племен, имели издавна распространение и в городах. Взаимодействие культур города и сельской округи в художественных ремеслах отмечалось в трудах ЮТАКЭ многократно. Не вызывает сомнений и присутствие элементов огузского узора на хорасанских тканях XI—XII вв., например, на упоминавшемся уже ковре с изображением каравана верблюдов и группы слонов. Нужна, однако, важная оговорка. Архитектурный орнамент вообще, и средневекового Востока в особенности, строится на иной технической основе, чем ковер. Только в перераба-

танном почти до неузнаваемости виде отдельные наиболее важные элементы туркменского ковра, особенно его племенные «гёли», вошли, вероятно, в историческую сокровищницу архитектурного орнамента памятников Южного Туркменистана.

* * *

В архитектуре и искусстве времени караханидов и сельджуков *поборники «тюркской» природы искусства XI—XII веков видели победу* декоративного начала над конструктивным, условности над реализмом. Однако, орнаменты мавзолея Шир-Кабир (X в.) и афрасиабских панелей (X в.) также условны, как и орнамент Варахши (VII—VIII вв.) и Самарры (IX в.). В этих памятниках больше общего с искусством древнего Хорасана, Согда, Ирана, коптского Египта, позднего восточно-римского искусства, чем с искусством феодального средневековья. По существу, это еще древнее искусство, хотя декоративный элемент во всех отраслях искусства позднесасанидской и раннемусульманской эпохи является господствующим.

Уже в доарабский период стиль искусства был декоративно-орнаментальным. Фигурная кладка мавзолея Аламбердара, как и мавзолея саманидов в Бухаре, не конструктивна; еще в рецензии на статьи, помещенные в сборнике «Вопросы реставрации», М. Е. Массон указывал, что кладка в мавзолее Исмаила Самани не связана с кладкой стен и служит лишь рубашкой, не связанной с телом[75]. Облицовка сырцовых зданий более прочным материалом принадлежит традиции зодчих Хорасана, Хорезма, Согда. Облицовки применялись еще в парфянское и сасанидское время.

На Востоке, где разложение общинного и развитие рабовладельческого строя всегда тормозилось племенной общинной собственностью, при которой сохранялись самые консервативные формы азиатского деспотизма, реализм в искусстве был вообще ограничен в формах проявления, и это придало ему черты определенного своеобразия.

Скифский звериный стиль был наиболее реалистическим выражением мышления на тотемистической основе. Греко-бактрийское и парфянское искусства, особенно придворное, следовали больше античным образцам, однако народное искусство этих эпох, в частности на территории республик Средней Азии, постоянно перерабатывало античные формы, придавало им своеобразный, отнюдь не греческий и не римский характер. Подражание византийским образцам в искусстве VI—VII вв. дает яркие примеры оригинальной переработки форм, возникших на местной позднеэллинистической основе. В Хорезме со времен классической древности главное архитектурное выражение получают стены, а затем и связанные с ними элементы скульптурной пластики, но не открытые пространства, колоннады и круглая скульптура на площади, как в городах Греции и Рима (архитектура парфянской Нисы в этом отношении ближе к переднеазиатской архитектуре и носит смешанный характер).

Важнейший вопрос о членениях архитектурных масс никогда не разрешался в памятниках Средней Азии по греческому или римскому образцу.

В раннем средневековье (V—IX вв.) объектом украшения замков были прежде всего плоскости стен и внутренние поверхности сводов. При этом в задачу декора не входило выявление конструкций зданий. Такие типичные памятники «конструктивного стиля», как башенный мавзолей Кабуса на р. Гурген в форме остроребёрного, перекрытого конусом цилиндра, не были рождены только поисками формы «жесткой оболочки». Гофры были присущи и сырцовым стенам, не имевшим еще твердой кирпичной оболочки, прежде чем в архитектуре Хорасана был принят на оснащение жжёный кирпич. Обработка поверхности стен и сводов не была призвана выражать внутреннюю структуру сооружения. Это ясно хотя бы из того, что остроребёрный кирпичный узор на внутренней поверхности купола мавзолея султана Санджара в Мерве абсолютно не конструктивен даже по рисунку благодаря отсутствию сквозных линий, способных нести функцию несущих арок или гуртов. Конструктивную роль играет здесь кольцевая кладка свода, а не гурты и запалубки. Однако это не лишает узор на куполе функционального значения (в понятие функции входит и эстетический момент). Здесь нечто общее с ковровыми лентами, стягивающими каркас юрты пересекающимися полосами, они создают сходный эффект, оправданный функционально и эстетически.

Сталактиты, едва возникнув (на пороге второго тысячелетия) из техники консольно-ячеистых парусов, стали средством декоративного оформления купольных систем. Однако и здесь их роль чаще функциональна, чем конструктивна. Именно функциональное начало в декоре всегда было ведущим.

Архитектурная форма как целое была всегда на Востоке связана не столько со свободным проявлением материала и близка к природе, ландшафту, как это имело место в архитектуре греко-римского мира и эллинизма, сколько подчинена символической идее, в которой проявлялось мировоззрение древнего и средневекового Востока. Символика вавилонского семиярусного храма, иранского спиралевидного зикурата или зала-ападаны с эллиптическим сводом была в своей идее близка также и среднеазиатской архитектуре, особенно монументальной. Но в массовом жилище (и близких к нему формах культового назначения), а отчасти в гражданских сооружениях вообще, где эта символическая идея была ослаблена, мы и на Востоке находим верность условиям жизни, уют, близость к природе. Это те широкие проявления художественных и бытовых качеств архитектуры, в которых проявляется ее истинная народность вообще.

Как в античной архитектуре средиземноморского мира гладкие плоскости стен прикрывались портиками и колоннадой, так на Среднем Востоке архитектурный эффект сооружений основывался на разработке стен; даже скульптурные группы мыслились только на фоне стены. Настенная живопись и в древности не выходила здесь из плоскости стены, что позволяло не прибегать к перспективным построениям, создающим иллюзию пространства.

Декоративное разрешение плоскости стены было в традиции среднеазиатской архитектуры. В мавзолее саманидов в Бухаре приём арочного тромпа с перекинутой в угол полуаркой — это приём новый,

идущий от новой строительной техники раннего средневековья, конструктивное значение которого обнаружилось полностью лишь в памятниках XI—XII вв., так же как и увязка тромпов со световым поясом галереи (в мавзолее султана Санджара она перекрыта системой стрельчатых сводов, переброшенных вдоль и поперек ее оси). Между тем, декоративная разработка стен, арочных тромпов, колонки в ярусе тромпов мавзолея саманидов принадлежит глубокой традиции. Новым шагом и здесь было перенесение техники резьбы и плетенья с глины, ганча, дерева и тканей преимущественно на жжёный кирпич. В мавзолее Аламбердара, как и в бухарском мавзолее Саманидов, наружные колонки трактуются как граненый (в портиках круглый) столб, а не как колонна в античном понимании этого слова. Мавзолеи эти принадлежат к старому стилю архитектуры не только потому, что знают лишь кирпичный узор и лишены «тюркской портальной стенки». В мавзолее Аламбердара (самое начало XI в.) она уже имеется, как и в недавно открытом в Тиме (Самаркандская область) мавзолее 977 г[76]. Это отнюдь не «сельджукские» памятники, являясь лишь свидетельством зарождения нового стиля.

Мавзолей Айша-биби в Головачевке (Казахская ССР) был центрально-купольным беспортальным сооружением с симметрично расположенными арочными на угловых колоннах портиками и, однако, по методу расчленения стен и характеру их декоративной разделки — это не старосогдийский, а типично караханидский памятник, своеобразной «северно-туркестанской» школы.

В чем же заключается принципиальная разница в методе расчленения плоскости стен памятников архитектуры старого стиля (до IX—X вв.) и памятников средневекового времени сельджуков и караханидов (XI—XII вв.)? В памятниках старого стиля расчленение, хотя и не связанное с конструкцией здания, облегчает восприятие архитектурного целого: оно выявляет главные и нивилирует второстепенные части, подчеркивает и акцентирует то, что не досказано в материале. Арсенал декоративных средств здесь многообразен: расчленение на пояса, медальоны, вставки, вырезы, налепы или рельефные украшения. Пояса, рамы заключают в себе строго ограниченную замкнутую композицию — будь то мотив кирпичной кладки, медальоны с фигурами, или геометрическое построение — звездчатая фигура, розетка. Формы рисунка почерпнуты здесь из народноязыческой символики, атрибутов культового значения (древо жизни, лотос), изображений мифологического цикла (изобилующих условными изображениями животных, птиц, растений, земли, вод и светил), наконец, специфически орнаментальных фигур, почерпнутых из техники ткацкого и ювелирного дела, техники кирпича, резьбы по дереву и т. д. При всем многообразии средств древняя орнаментика строга, сдержанна и даже скупа, имея целью разгрузить архитектуру, отделить главное от второстепенного, содействовать архитектурному выражению идеи сооружения.

В памятниках времени сельджуков и караханидов сохраняются преемственно многие формы рисунка древнего мира, разнообразие форм достигает кажущегося предела фантазии, в то время как существо творчества становится более узко направленным. Все достигнутое опытом поколений многообразие форм укладывается в сумму известных

приемов. Ведущее значение приобретают «сетки построения», — технические схемы, с помощью которых комбинации фигур, криволинейных и геометрических, создают великолепный узор. Кирпичная кладка, резьба и лепка подчиняются требованиям узора.

Узорность пронизывает в средние века и византийское, и древнерусское, и армянское искусство, да и многие другие искусства не одного лишь Востока. В узорности искусства Хорасана XI—начала XIII вв. были свои особенности. Кирпичный узор, развитый до полноты совершенства, дополнялся здесь геометрическими арабесками, построение которых (как и кирпичный узор) совершенно не знакомы кочевникам. И тем не менее вклад степных племен постоянный, непреходящий был налицо во всех видах архитектурного декора; он ощутим и в эту пору.

Растительный орнамент Хорасана, как мы установили, в известной мере более «свободен» по отношению к геометрии, нежели в Мавераннахре. Да и в самом геометрическом орнаменте Хорасана больше отступлений от чисто циркульных, математически точных построений и больше самостоятельной компановки производных (но не надуманных) фигур, почерпнутых из опыта художественного ремесла, керамики и тканей. Достижения архитектурного орнамента покоились целиком на успехах ремесла. Образы старого искусства отзвучали, они были переработаны в «безыдейные», чисто орнаментальные мотивы.

В древнем орнаментальном искусстве главную роль играла мера в распределении и членении частей целого. Детали были зачастую грубы, но целое гармонично. В архитектуре X—XIII вв. общее членение плоскости и деталь приобрели почти равное значение, но удельный вес детали имел уже тенденцию к преобладанию и в последующие века приобрел действительно господствующее в декорации значение.

Искусство детали, ремесленно-прикладной взгляд на орнамент, введение известной стандартизации, облегчающей быстрое выполнение сложной композиции, широкое применение одних и тех же рисунков в разнородных материалах — все эти новые, часто плодотворные для производительности труда мастера приёмы были существенным и характерным приобретением орнаментального искусства XI—начала XIII вв.

Кирпичный растительный и геометрический узор архитектурных памятников Южного Туркменистана позволяет заключить о единстве процессов, протекавших в монументально-декоративном искусстве XI—начала XIII вв. на всем Среднем Востоке.

Единого сельджукского династического стиля не было; в Хорасане существовали местные школы преемственно развивавшие в XI—XII вв., независимо от сельджукских областей Ирана, Малой Азии и пр., но сообща с Тохаристаном и Мавераннахром новую единую систему построений, она предопределила собой все последующее развитие орнамента среднеазиатского средневековья.

Главное отличие хорасанского архитектурного декора от мавераннахрского в особо развитом искусстве кирпичного узора при полном почти отсутствии плит резной терракоты, а также в стиле архитектурного орнамента, характеризующегося большим числом знаков и символов. Заимствованные, видимо, из тканей, они отражают особо характерную для Хорасана давнюю, традиционную для него на всех истори-

ческих этапах связь городского ремесла с полукочевой степью. Можно полагать, что в XI — начале XIII вв. в архитектурном орнаменте Хорасана, как и в его художественном ремесле в целом, получили отражение и некоторые этнические процессы, приведшие в конечном счете к сложению народности туркмен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Основные публикации памятников архитектурного декора Южного Туркменистана X—XIII вв. помещены в I—II, VI—IX томах Трудов ЮТАКЭ (1949 по 1959 гг.), вышедших под научной редакцией проф. М. Е. Массона.

2. Бакланов Б. Н. Гирих. Советская археология, IX, 1947.

3. Бачинский Н. М. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, М.—Ашхабад, 1939; Его же. Искусство старых зодчих Туркмении. Автореферат докторской диссертации. М., 1950.

4. Пилявский В. И. Архитектура древнего Мерва. Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института, вып. 10, М., 1950.

5. Прибыткова А. М. Мавзолей Талхатан-Баба. Сообщения Института теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 8, М., 1947; Ее же, Мавзолей Абул-Фазля в Серахсе. Сб. Архитектура республик Средней Азии. М., 1951; Ее же. Архитектура сельджукского периода в Туркмении. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1951; Ее же, Караван-сарай Дая-Хатын. Сб. Архитектурное наследство. т. III. М., Ее же. Памятники архитектуры XI в. в Туркмении, М., 1955.

6. Ершов С. А. Данденакан. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 133.

7. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958.

8. Еще при саманидах тюркская аристократия занимала господствующее положение в хорасанском наместничестве в качестве вассалов саманидов: Алп-Тегин, сипехсалар Абдель Мелика (954—961) — основатель владений в Газне, Себок-Тегин, возвысившийся у Алп-Тегина в Хорасане, через 15 лет правитель Газны (977—997) его сын Махмуд, наместник Себок-Тегина в Хорасане, позже глава могущественного газневидского государства (правил в 998—1030 гг.), восстановивший с падением саманидов «свои права» на Хорасан. Падению саманидов (999 г.) способствовали извне не только наступление караханидов-тюрков на Бухару, но и восстания в Хорасане, в частности в Мерве, против саманидов, послужившие поводом Махмуду для присоединения Хорасана к владениям газневидов. Разоренный 40-летним хищническим правлением газневидов, Хорасан не оказал сопротивления вступившим в него в 1035 г. сельджукам, которые закрепили свое господство в нем разгромом газневидов в битве под Данденаканом (1040 г.).

9. Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. Сб. Вопросы реставрации, т. I, 1926; т. II, М., 1928.

10. Засыпкин Б. Н. Памятники монументального искусства Советского Востока. Сб. Художественная культура Советского Востока. М.—Л., 1931.

11. Деникe Б. П. Доклад на Московском совещании по изучению культуры и искусства турецких народов. 1926.

12. Сб. Художественная культура Советского Востока, стр. 32.

13. Там же, стр. 34.

14. Там же, стр. 44.

15. Там же, стр. 48.

16. Там же, стр. 49.

17. Konn-Wiener E. Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merw und Mausoleum Sultan Sandschars, Jahrbuch der Asiatischen Kunst. Berlin, 1925.

18. Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. Сообщения ГАИМК, т. 1, Л., 1926, стр. 209.

19. Там же, стр. 212.

20. Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Туркмения, т. I. Л., 1929, стр. 34.

21. Там же, стр. 26.

22. Там же, стр. 33.

23. В своей последней книге «Архитектура Средней Азии», М., 1948, г., Б. Н. За-

сыпкин не возвращается больше к сельджукской проблеме, правильно заметив во введении, что в XI—XII вв. перед архитектурой были выдвинуты новые задачи феодальной эпохи. Что касается орнаментов «эпохи крупнейших движений тюркских народов», то они, по выражению автора, «превращаются в геометрически сложные узоры, беспрерывный переплет которых уводит в область абстракции. Они, подобно догмам корана, принижают человека перед величием непознаваемой бесконечности» (стр. 68).

24. Зуммер М. В. Проблемы изучения искусства тюркских народов СССР. Новый Восток, № 16—17, стр. 275.

25. Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование, ремонт, реставрация. 1920—1928. Ташкент, 1929, стр. 5.

26. Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи. Сб. Фердовси. Л., 1934, стр. 68.

27. Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция. Труды УзФАН СССР, серия I, вып. 2; ТАКЭ, 1936. Ташкент, 1941, стр. 103.

28. Дьяконов М. М. Бронзовая пластинка первых веков хиджры. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. IV, Л., 1947, стр. 177.

29. Орбели И. А. Сельджукское искусство. Иранское искусство и археология. III Международный конгресс. Доклады. М.—Л., 1939, стр. 151.

30. Там же, стр. 152.

31. Там же, стр. 154.

32. Гордлевский Вл. Государство сельджукидов Малой Азии. М., 1947, стр. 133.

33. Там же, стр. 136.

34. Кверфельд Э. К. Керамика ближнего Востока. Л., 1947, стр. 50.

35. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 5.

36. Там же, стр. 7.

37. Там же, стр. 14.

38. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана..., стр. 350.

39. Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, рис. 4.

40. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана, стр. 174.

41. Минарет Маджиди Джами в Симнане.

42. По вопросу технологии керамических строительных материалов, в частности X—XIII вв., см. обстоятельную работу Н. С. Гражданкиной. Древние строительные материалы Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958.

43. Бачинский Н. М. Архитектурные памятники Туркмении, стр. 39.

44. Там же, стр. 31.

45. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана, стр. 334.

46. Прибыткова А. М. Караван-сарай Дая-Хатын. Сб. Архитектурное наследство, т. III, М., 1953.

47. SPA, vol. II, Fig. 374.

48. Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 году. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953. М., 1958, стр. 420, рис. 17, 1.

49. Котов Г. И. Михраб Мешед-и-Мисриан. «Иранское искусство и археология»... стр. 105. См. также. S. Flury, Notes on the mihrab of Mashhad-i-Misriyan, SPA, vol, III, 1939, pp. 2721—2724.

50. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана..., стр. 172. Мы разделяем датировку михраба, предложенную Б. П. Денике — X век. См. его Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, стр. 42.

51. Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпиграфика Востока, т. III, М.—Л., 1949, стр. 17.

52. SPA, vol. IV, p. 265-8. Денике Б. П. Архитектурный орнамент... стр. 77.

53. Herzfeld E. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. Berlin, 1923, стр. 117 и сл.

54. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана, рис. на стр. 173.

55. Смирнов Я. И. Восточное серебро. П., 1909, табл. XXXV, рис. № 64.

56. Воронина В. Л. Резное дерево Зеравшанской долины. МИИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, табл. 19.

57. Herzfeld E. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra, рис. 66, 67.
58. Дьяконов М. М. О дате данденаканской мечети, КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 108, и сл.
59. Деникe Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии, рис. 26.
60. Тревер К. В. Сасанидский серебряный кубок из Усрудонского ущелья в Северной Осетии. ТОВЭ, IV, 1947, стр. 123.
61. Деникe Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии.., рис. 31.
62. Иранское искусство и археология, III, Международный конгресс.., табл. XCIV.
63. Мошкова В. Г. Племенные тоби в туркменских коврах. Советская этнография, т. I, 1946. См. также Т. А. Жданко. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. III. М., 1958, стр. 373 и сл.
64. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана.., рис. на стр. 271.
65. Ошанин Л. В. Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии. Советская этнография, т. VI—VII, 1947, стр. 305.
66. SPA, vol. II, Fig. 457; vol. III, Fig. 917a, 920.
67. SPA, vol. V, p. 512.
68. Diez E. Churasanische Baudenkmäler I. Band, Berlin, 1918, Fig. 17, 1—2.
69. Пугаченкова Г. А. и Елькович Л. А. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 46.
70. Бачинский Н. М. Архитектурные памятники Туркмении, стр. 83, 84.
71. Теория построения гирихов изложена нами более специально в книге Архитектурный орнамент Узбекистана (в печати). См. также Гаганов Г. И. Геометрический орнамент Средней Азии. Сб. Архитектурное наследство, № 11, М., 1958.
72. Решение того же гириха имеется и у Г. А. Пугаченковой в статье Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, 1949, стр. 247.
73. Пользуемся чертежом орнаментации портала мечети в Пештаке, опубликованным А. А. Семеновым в сб. Древности Абивердского района. Ташкент, 1931.
74. Бартольд В. В. Очерки истории туркменского народа.., стр. 34.
75. Массон М. Е. Рецензия на статью Б. Н. Засыпкина «Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация» (Вопросы реставрации, т. I, М., 1926). Известия общества по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами, вып. I. Ташкент, 1928.
76. Журн. «Огонек», № 10, 1960, стр. 32.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

ГОРОДИЩА СТАРОГО МЕРВА АБДУЛЛА-ХАН-КАЛА И БАЙРАМ-АЛИ-ХАН-КАЛА В СВЕТЕ РАБОТ ЮТАКЭ 1950 г.

Вопросам исторической топографии городов Средней Азии, в том числе и истории городов XV в., уделяется много внимания в работах советских ученых. Но в этих работах, как правило, освещается историческая топография таких крупных городов, как Самарканд, Герат и Бухара, из которых первые два были столицами в эпоху Тимура и тимуридов. История же небольших городов, находившихся на периферии тимуридских империй, освещена очень слабо, а порой и совсем не имеет еще своего отражения в работах советских ученых.

Имеющиеся же работы русских ученых, написанные до Великой Октябрьской социалистической революции, во многом устарели и не могут уже удовлетворить требований, предъявляемых советской исторической наукой. Так и история Мерва XV—XIX вв., написанная профессором В. А. Жуковским в его капитальном труде «Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва» во многом устарела и назрела необходимость ее пересмотра.

Исходя из этого начальник ЮТАКЭ профессор М. Е. Массон поставил перед автором данной работы задачу: изучить городища Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала в археолого-топографическом отношении с целью выяснения основных периодов в истории Мерва, привлекая для этого имеющиеся письменные источники.

Городища Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала находятся на северо-восточной окраине города Байрам-Али районного центра Марыйской области ТССР.

Первые отрывочные сведения о городищах позднего Мерва встречаются у А. Борнса[1] и А. Конолли, который отметил на городище Байрам-Али-хан-кала улицу, ряд лавок и баню с двумя куполами хорошей сохранности[2]. В середине XIX в. неизвестный персидский инженер составил карту мервских развалин с указанием дома-палатки главаря мервских туркмен[3]. Сведения русской печати 60-х гг. прошлого столетия об истории этого пункта весьма лаконичны[4]. Английский разведчик О'Донован, который в 1881 г. находился среди мервских туркмен, дал указания о местонахождении на городищах бани с куполами, мечети и медресе, а также отметил трехэтажный дворец правителя в арке[5].

Годом позже в Мерве побывали русские офицеры[6]. Писавший о нем М. Алиханов-Аварский считал, что при Надир-шахе возник третий город[7], в который были переселены воинственные племена из Персии[8].

Вслед за сообщением о присоединении Мервского оазиса к России

появляются сведения об интересующих нас городищах[9], в которых уделяется внимание мечети[10] и другим постройкам[11], а также огромным размерам самих городищ[12]. Для освоения новых территорий снаряжаются экспедиции, участники которых в своих отчетах уделяют внимание и поздним по времени городищам[13].

Проведение летом 1886 г. линии Закаспийской железной дороги ускорило разрушение этих городищ. Оно было продолжено начавшимся в 1887 г. строительством служб Мургабского государева имения; в первую очередь и сильнее пострадало от этого городище Байрам-Али-хан-кала. Для вывозки стройматериалов в южной стене городища был сделан пролом, через который были проложены рельсы вагонеток[14]. Разрушение это проводилось без всякой фиксации разрушаемых памятников[15].

Проведение железной дороги сделало более доступным осмотр поздних городищ, которые посещались не только русскими, но и иностранцами[16]. Описывая городища, некоторые путешественники, не зная истории, считали их городами новейшего происхождения[17], другие же сообщали полуфантастические сведения о них[18]. Но все эти мимолетные и отрывочные сообщения о городищах не могли дать научной истории позднего Мерва. Поэтому, когда археологическая комиссия решила командировать В. А. Жуковского в Среднюю Азию для изучения Мерва как одного из крупнейших археологических памятников, в 1894 г. им был опубликован капитальный труд, где истории Мерва XV—XIX вв. было отведено автором значительное место. Однако археологические данные, сообщаемые В. А. Жуковским, незначительны по сравнению со сведениями, извлеченными им из письменных источников. Описание городищ очень кратко и мало дает в познании топографии города[19]. В нем даже не указано местонахождение единственного уцелевшего в ту пору комплекса построек, состоявшего из мечети, медресе и хауза; нет никаких сведений и о планировке города.

В. А. Жуковский утвердительно высказался о том, что городище Абдулла-хан-кала — это Мерв времени Шахруха[20], но времени возникновения второй части города, городища Байрам-Али-хан-кала, В. А. Жуковский определить не смог[21]. Не был решен вопрос о воротах города, названия двух из которых приведены в работе[22].

Все последующие описания городищ различными лицами, побывавшими с той или иной целью в Мерве, ничего существенного добавить к проделанной В. А. Жуковским работе не смогли[23]; только Д. И. Эварницкий дал размеры плана мечети[24]. В популярных изданиях начинают печататься фотографии мервских городищ[25], в справочниках даются краткие сведения о них и об истории Мерва[26].

Разрушение же городищ тем временем шло все более быстрыми темпами[27], что привлекло внимание общественности, требовавшей принять меры по их охране[28], которые, однако, так и не были приняты.

После Великой Октябрьской социалистической революции были изданы законодательные акты, положившие начало государственной охране и взятию на учет всех памятников старины и искусства. Так, постановлением ЦИК Советов Туркреспублики от 27 марта 1923 г. за № 52 были взяты на учет и переданы в ведение специального органа многие исторические городища Средней Азии, в том числе и мервские[29]. Обследовавший в 1926—27 гг. мервские городища А. А. Семенов выска-

зал пожелание о необходимости аэрофотосъемки, что облегчило бы их изучение и было бы существенным дополнением к работе В. А. Жуковского[30].

В этот период выходит много популярных брошюр и статей по истории Туркмении[31]. В одной из таких брошюр Н. И. Романов утверждал, что крепость в Байрам-Али построили туркмены в 1840 г.[32].

Изучение мервских городищ, которое производилось в 30-е годы, не коснулось Абдулла-хан-калы и Байрам-Али-хан-калы[33]. В опубликованном в 1939 г. коллективном труде «Архитектурные памятники Туркмении» Н. М. Бачинский в исторической справке о Мерве писал, что попытка построить город в XVI в. была неудачна и от этого периода якобы дошло городище Абдулла-хан-кала[34]. Утверждение такого рода поразительно потому, что в составлении этого труда принимали участие археологи, а работа В. А. Жуковского, в которой дана обстоятельная история Мерва, приведена в библиографии сборника[35].

После Великой Отечественной войны археологические изыскания на территории мервских городищ производились с 1947 г. XVIII отрядом ЮТАКЭ; изучение городищ позднего Мерва осуществлялось под общим руководством проф. М. Е. Массона автором данной работы в полевой сезон 1950 года.

Во время этих работ были тщательно обследованы стены городищ Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала. В целом ряде пунктов из кладки стен были извлечены фрагменты керамики, позволившие установить с бо́льшей определенностью время строительства и ремонта отдельных участков. Археолого-архитектурное изучение стен городищ позволило Г. А. Пугаченковой совместно с автором работ предложить чертеж реконструкции стен Мерва XV в. Особое внимание было уделено микрорельефу городищ, что позволило установить местонахождение комплекса построек, состоящего из мечети, медресе и хауза, а также выявить основной принцип планировки города. Была произведена расчистка двух сливных ям на городище и расчищен в одном пункте тазар, с которых сняты планы и сделаны разрезы. Была произведена глазомерная съемка схематического плана городищ. Неподалеку от арка был опущен шурф, который позволил установить стратиграфию культурных наслоений на городище Абдулла-хан-кала. На городищах Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала в большом количестве был собран керамический материал.

Полученные археологические наблюдения и изучение доступных автору источников позволили решить ряд вопросов исторической топографии и наметить основные вехи в истории Мерва XV—XIX вв.

Археолого-топографическое описание городищ

Городище Абдулла-хан-кала в плане являет неправильный четырехугольник, почти квадрат, имеющий ориентировку северо-восток — юго-запад. Стены городища имеют длину: юго-западная 695 м самая длинная, и 630 м, самая короткая, юго-восточная. Толщина стен от 2,5—3 м до 6 м сохранившаяся высота от 5 до 7 м.

По углам городище фланкировано мощными, круглыми в плане, башнями, по всему периметру стен сохранились 42 больших и маленьких башен, а также два бастиона—один самый большой, в северо-вос-

точной стене, хорошо сохранившийся, и второй в юго-западной, полуразрушенный. В северо-западной стене также имеются в двух местах обрушившиеся башни. Таким образом, башен всего было 44, из которых две разрушены.

Городище расположено на небольшой платформе, которая возвышает его над окружающей местностью на 2,5—3 м с восточной стороны и на 3,5—4 м с западной стороны. Снаружи городище обведено рвом глубиной от 4,5—5 м у северо-восточной стены и до 7—8 м у юго-западной, ширина же рва от 10—15 м у северо-восточной стены и до 30 м у юго-западной. Ров с трех сторон сухой и только с северной стороны покрыт болотной растительностью и наполнен сливающимися из города Байрам-Али нечистотами, которые откачиваются насосной станцией, расположенной в северо-восточном углу рва, на колхозные поля, охватывающие городище с севера и востока. С юга к городищу подступают городские дома, а по рву разведены огороды; с запада примыкает второе городище Байрам-Али-хан-кала, южная половина которого занята колхозным рынком и улицами города Байрам-Али.

В середине северо-восточной стены городища Абдулла-хан-кала имеются разрушенные и оплывшие ворота, через которые проходит дорога на Чарджоу. В юго-западной стене, примерно тоже в середине, находятся вторые ворота, также разрушенные и оплывшие, которые соединены с первыми дорогой, проходящей через все городище и делящей его почти на две равные половины. Эта дорога, за вторыми воротами, проходит через городище Байрам-Али-хан-кала, выходит через ворота в западной стене этого городища и идет далее на Мары.

Стены городища Абдулла-хан-кала с севера, запада и юга снаружи сложены из сырцового кирпича размером 24×24×5 см. В северо-западной стене имеются остатки облицовки жжёным кирпичом размером 24×24×5 см, положенным горизонтально и некогда образовывавшим футляр, предохраняющий стену от разрушительного действия осадков.

Юго-западная же и юго-восточная стены такого покрытия не имели, а были покрыты штукатуркой из глины с саманом, которая прослеживается небольшими обрывами в полуистлевшем состоянии. Кладка стен идет от основания со скосом вверх (на каждый метр высоты стена отступает от вертикали на 5 см).

Для предохранения стен от размыва дождями и талым снегом на всех этих трех стенах имеются вертикальные выемки, идущие от основания стены на всю сохранившуюся ее высоту, в которые вставлены терракотовые желоба. Последние выложены из отрезков длиной от 0,5 м и более. Высота бортов равна 10 см, толщина — 2 см, ширина рабочей поверхности 7 см. Эти желоба вставлялись в выемки стен на глине с саманом, причем бортики подгонялись заподлицо со стеной.

Такие выемки видны через каждые 8—10 м на всех трех стенах. Наглядную картину в этом отношении дают куртины юго-восточной стены между башнями № 36, 37 и 38, где в верхней части стены сохранились и сами желоба. В нижней части этих стен по всему их внешнему фасу находится также много нишек, через которые вел ход внутрь стены. Особенно их много в юго-восточной стене, где они расположены местами через 20 м. Так, например, между башнями № 38 и 39 в стене имеются 3 нишки через 20 м каждая. Нишки эти выведены при кладке

самой стены и имеют в верхней части полуциркульную арку со стрелой прогиба 30 см; сводик нишки клинчатый из сырцового кирпича размером 24×24×5 см. Высота ниш от 2,5 м и более, ширина—1,10 м.

Нишки эти были позже заложены сырцовым кирпичом размером 28×28×6 см. Многие из них еще до закладки обрушились и образовали бреши в стенах, трещины которых идут до самого гребня стены. Поэтому при ремонте стен и их усилении нишки были заложены, местами очень неаккуратно. В настоящее время эта закладка местами выпала и обнажила внутренность ниш. Последние, видимо, служили выходами

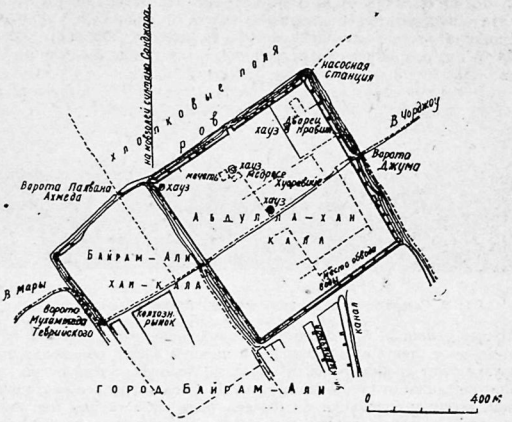

Рис. 1. Схематический план городищ.

из города его защитникам при вылазках. В случае же неудачной вылазки воины имели возможность быстро укрываться за стенами. В дальнейшем же при все большем распространении в Средней Азии огнестрельного оружия и употреблении артиллерии эти нишки потеряли свое значение и даже, более того, стали являться наиболее уязвимыми местами крепостных стен. Поэтому они и были заложены, в то время как сами стены были укреплены пахсовыми блоками со стороны города.

Наверху, у основания парапета стены имелись арочные бойницы высотой около 60 см и шириной около 30 см. Они расположены на расстоянии 1 или 2 м одна от другой. Бойницы также при последующих ремонтах были заложены. Когда стена в верхней части разрушилась, то при закладке бойниц были заложены и верхние части желобов, что не дает возможности выяснить систему сбора воды с гребня стены и ее отвода в желобки.

Отличный от предыдущих трех стен вид имеет северо-восточная стена. Начиная от башни № 1, в юго-восточном углу городища, и до угловой башни № 12, в его северо-восточном углу, вся стена снаружи обложена пахсовыми блоками с прокладкой из сырцового кирпича между блоками пахсы размером 28×28×6 см. Прокладка между блоками высотой около 2 м состоит из 7 рядов положенного горизонтально кирпича, на нее сверху уложены слегка наискось балки, обращенные торцом к стене. Этот ряд балок сверху покрыт слоем пахсы. Отверстия для балок имеют диаметр от 10 до 20 см. Балки лежат на расстоянии от 35 до 90 см одна от другой. Глубина отверстий до 1,5 м.

Эта обкладка стены снаружи к северу от башни № 1 обрушилась и обнажила стену, сложенную из сырцового кирпича размером 24×24×5 см, покрытую слоем штукатурки из глины с саманом толщиной в 3 см.

Рис. 2. Северо-восточная стена городища Абдулла-хан-кала.

Южнее башни № 6, в северо-восточной стене, эта наружная обкладка отошла от стены и обрушилась в нижней части, образовав щель, в которую может свободно войти взрослый человек. Здесь очень хорошо виден отошедший от стены на ширину до 40 см в средней части футляр, причем, внизу у основания он отошел больше, а сверху меньше и на самом гребне стены соединяется с ней. За футляром стоит стена из сырцового кирпича размером 24×24×5 см, покрытая штукатуркой из глины с саманом. В стене видны небольшие углубления, в которые вставлялись концы балок для связи футляра со старой стеной.

То же самое можно наблюдать и на угловой башне № 1, которая также сначала была сложена из сырцового кирпича размером 24×24×5 см и покрыта штукатуркой, как и все стены городища. Затем при ремонте и укреплении стен она была покрыта футляром из пахсовых блоков, с прокладкой из 7 рядов кирпича и балок, отверстия которых расположены в ней реже, чем в стене, на расстоянии 70—75 см одна от другой.

В настоящее время этот футляр, облегающий всю башню, отошел от юго-восточной стены, образовав небольшую щель. В середине башни имеется большая трещина, из которой вывалился футляр и обнажил старую кладку. От самой башни футляр также отошел в средней части до 10 см, обнажив ее поверхность, покрытую штукатуркой из глины с саманом. И только в верхней части кладка из сырцового кирпича размером 28×28×5 см. покрывает башню и идет вперевязку с верхней

кладкой футляра. Для более прочной связи футляра с башней был положен ряд балок, связывающий верхнюю, обрушившуюся часть старой башни с новым ее обводом. Балки здесь положены были через 90 см, а оставшиеся от них отверстия имеют диаметр 15—20 см. То же самое можно наблюдать и на остальных башнях северо-восточной стены, за исключением башни № 7, которая поверх футляра имеет еще одну обкладку. Обрушившаяся верхняя часть дает возможность проследить все три вида ее кладки. Первая внутренняя кладка башни имеет сырцовый кирпич размером 24×24×5 см, поверх идет футляр, облегающий ее, и прилегающие к ней стены из пахсы с севера и юга, а поверх этого футляра — новая обтяжка из сырцового кирпича, очень плохого качества, размером 22×22×4,5 см. Этот второй футляр башни № 7 не связан с первым и слегка отошел от стены с обеих сторон башни, образовав небольшую щель. Вторая обкладка сильно оплыла и разрушилась более, чем первый футляр стены. Глина кирпича имеет темно-серый цвет и очень рыхлая. Пахсовая кладка, тоже очень плохого качества, имеется в юго-восточной стене восточнее башни № 40, где почти 30-метровый участок куртины сложен из пахсы, выведенной заподлицо со стеной. Этот обрушившийся участок куртины был подремонтирован, видимо, в самое позднее время только одной пахсой, очень плохого качества и сильно разрушившейся.

Этот участок сложен из блоков пахсы, каждый из которых имеет высоту от 1 до 1,1 м. В пахсе много отверстий для балок. За башней № 44 к востоку от нее также имеется участок стены, подремонтированный пахсовыми блоками, между которыми положена прокладка в несколько рядов из сырцового кирпича размером 24×24×5 см, взятого, видимо, при ремонте из разрушившейся стены.

Пахса в обоих местах юго-восточной стены положена неаккуратно, небрежно и сильно разрушилась от времени. Вероятнее всего это был последний из ремонтов стен, когда была подремонтирована башня № 8, ибо консистенция глины пахсовых блоков очень похожа на глину кирпича второго футляра.

Башни городища Абдулла-хан-кала сложены из сырцового кирпича тех же размеров, что и стены городища, (24×24×5 см), за исключением угловой башни № 35, находившейся на стыке юго-западной и юго-восточной стен. Последняя снаружи выложена из сырцового кирпича размером 28×28×6 см, то есть таких же размеров, что и прокладка между пахсовыми блоками в северо-восточной стене. Внутри самой башни сверху видна закладка из кирпича-сырца размером 24×24×5 см.

Башни юго-западной стены № 26 и 27 небольшие, сложенные из пахсовых блоков, с прокладкой из кирпича-сырца размером 28×28×6 см. Куртина между этими башнями, находящимися на расстоянии 25 м одна от другой, также обложена пахсой с прокладкой из кирпича тех же размеров, что и бурджи. Эти бурджи были выведены при ремонте стены, ибо между остальными башнями куртины длиной 70—75 м и между угловой башней № 25 и башней 28 также 75 м, что говорит за то, что первые были выведены позже, чем остальные.

Башни имели в верхней части арочные бойницы, сохранившиеся на некоторых из них. Бойницы в настоящее время имеют высоту около 1,5 м и ширину до 1 м, но раньше, видимо, были тех же размеров, что и бойницы стен.

В северо-восточной стене между башнями № 5 и 6 находится бастион, в плане почти прямоугольный, с закругленными слегка выступающими наружу углами, имитирующими башни. Восточная стена бастиона длиною в 14 м, а северная и южная — 8 м. Бастион этот ранее был выложен из сырцового кирпича размером 24×24×5 см, а позже при ремонте северо-восточной стены заодно с ней обтянут футляром из пахсовых блоков, с прокладкой из сырцового кирпича размером 27×27×6 см, 28×28×6 см. Между пахсовыми блоками и прокладкой из 4 рядов сырцового кирпича — отверстия истлевших балок.

Пахсовых блоков всего четыре, а выше, по всем трем сторонам бастиона, идет кладка из сырцового кирпича размером 28×28×6 см, образующая парапет высотой около 2 м, в середине которого имеется бойница шириной около 1 м и высотой в 1,5 м, обращенная на восток. Снаружи бастион, также как и вся северо-восточная стена, был покрыт штукатуркой из глины с саманом толщиной в 5 см. Остатки такой же штукатурки были прослежены и на угловой башне № 35.

В середине северо-западной стены имеется выступ—прямоугольник, образующий со стороны города нишу в стене, со сторонами восточной и западной около 15 м и северной около 20 м. Этот выступ, как и стена снаружи, сложен из сырцового кирпича размером 24×24×5 см, и только обрушившийся северо-восточный угол, с восточным участком этого выступа дает кирпич размером 27×27×6 см., 28×28×6 см.

Со стороны города выступ укреплен пахсовыми блоками, как и вся идущая на запад от него стена. Этот выступ — не что иное как бастион, который при ремонте стен был обложен с внутренней стороны пахсовыми блоками, а стена снаружи подремонтирована кирпичом. При ремонте его забивка была вынута, и он уже не играл своей прежней роли, а стал составной частью стены, придав ей в этом месте изломанный вид.

На внутреннем фасе стен городища Абдулла-хан-кала, которые большей частью обложены пахсовыми блоками, сохранились местами остатки аркады некогда проходившей, может быть, по всему внутреннему периметру стен, а может быть только через определенные интервалы.

Современное состояние стен городища не дает возможности с достаточной полнотой разрешить этот вопрос. Но имеющиеся данные позволяют все же говорить о том, что стены хисара Мерва сначала имели на внутреннем фасе (возможно не на всем) аркаду, которая облегчала стены, делала их строительство более экономичным и одновременно обеспечивала достаточную поверхность для размещения воинов на них.

Так, на внутреннем фасе северо-западной стены, за западной стеной арка и в северо-западном углу, сохранились верхние части арок, выложенных отрезками. Эти три за западной стеной и четыре в северо-западном углу арки сложены из сырцового кирпича размером 24×24×5 см; ширина пролета более 2 м, ширина устоев около 0,5 м. Нижняя часть всех арок при последующих ремонтах была заложена пахсовыми блоками, которые подпирают устои и образуют ниши в стенах высотой более 1,5 м. Своды этих ниш находятся у самого гребня стены.

На этой же стене, западнее выступа, сохранились три арки на всю

высоту стены; в первой из них, считая с востока, имеется вписанная арка меньших размеров, являющаяся ходом на стену и рядом стоящую башню.

Точно такие же шесть почти совсем обрушенные вверху арки сохранились на внутреннем фасе юго-восточной стены городища. Нижняя половина этих арок заложена кирпичом размером 27×27×6 см, таким же, как и прокладка из кирпича между пахсовыми блоками футляра северо-восточной стены городища. В разрушенных частях устоев арок были найдены мелкие фрагменты керамики XIII—XIV вв. Крайняя западная арка имеет заложенный ход, который вел на гребень стены, закладка— из того же кирпича, что в нижней части.

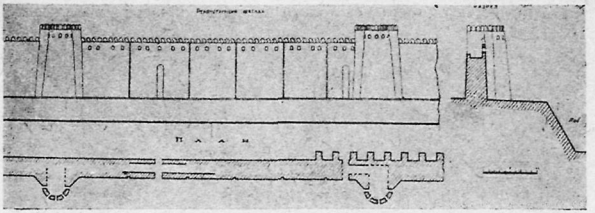

Рис. 3. Крепостная стена Мерва XV в.

На этой же стене имеется 9 устоев арок, сложенных из сырцового кирпича размером 27×27×8 см; внизу они подремонтированы пахсовыми блоками. Некоторые из этих устоев имеют отверстия, в которых помещались балки, обеспечивающие лучшую связь со старой стеной. Вверху у гребня стены видны остатки сводов, выложенных отрезками. Стена также была подновлена сырцовым кирпичом тех же размеров. Ширина пролета арок около 2,5 м, ширина устоев около 0,5 м.

Пять таких же устоев сохранились и на северо-западной стене на участке, примыкающем с востока к выступу в стене.

Следы вертикального членения видны на северо-восточной стене, которая обложена блоками пахсы, сильно оплывшими. Это членение указывает на имевшуюся здесь аркаду, позже заложенную пахсой. Совсем иной вид имеют шесть больших арок, расположенных на внутреннем фасе северо-западной стены неподалеку от арка, сохранившихся на всю высоту. Они сложены из сырцового кирпича размером 27×27×6 см. Пролет каждой арки 3,20 м, ширина устоев — 2 м. Стена сложена из кирпича тех же размеров. Арки стрельчатые, глубина их до 0,5 м, клинчатые по фасаду, но на 1 м, в части, примыкающей к стене, выложенные отрезками. Этот участок с востока и запада зажат пахсовыми блоками, выведенными заподлицо с ними. Также пахсовыми блоками обложены и остальные части стен городища. Местами эти блоки обвалились или сильно оплыли. В обвалах видна старая кладка стены из кирпича размером 24×24×5 см.

Башни городища Абдулла-хан-кала сложены из одного и того же кирпича, но имеют различную конфигурацию. Башни северо-западной стены городища овальные в плане и сильно суживаются кверху. Боковые стенки башен плоские и дают переход от окружности башни с небольшим изломом в стене. Наверху башен отчетливо проступает кладка, которая внутри их дает в плане пятиугольник, а снаружи полукруг с прямыми боковыми сторонами, которые, надламываясь, переходят в прямую линию стен.

Башни же юго-западной и южной стены в плане полукруглые и менее суживаются кверху. Это различие в конструктивных элементах башен невольно наводит на мысль о разновременности их возникновения.

Такую же картину дают несохранившиеся ныне ворота городища Абдулла-хан-кала. В настоящее время ни восточных, ни западных ворот не существует, остались только большие проёмы в оплывших

Рис. 4. Ворота в северо-восточной стене городища Абдулла-хан-кала.

стенах, но еще в 80-х годах они были относительно хорошей сохранности и фотографии их помещены во многих изданиях, посвященных не только Мерву, но вообще Закаспийскому краю. На одной из таких фотографий помещены восточные ворота городища Абдулла-хан-кала[36]. Ворота выступали из стены двумя конически-сужающимися башнями, сложенными из жжёного кирпича.

Башни ворот такие же, как башни северо-западной стены городища. Они соединены между собой стеной из жжёного кирпича, в прямоугольной раме которой имеется арочный вход. Арка стрельчатая, архивольт арки выложен из кирпича, положенного на ребро. Сама же перемычка между башнями сложена тоже из жжёного кирпича, положенного горизонтально вперевязку с кладкой последних. Углы, образованные стеной и выступающими башнями, прикрыты круглыми башнями из жжёного кирпича; на южной башне в середине сохранился поясок из кирпича, выложенного елочкой. Башни ворот имеют несколько рядов вертикальных прямоугольных бойниц[37].

Западные ворота также имели выступающие башни, сложенные в нижней части из жжёного кирпича, а выше—из сырцового. Между башнями также был сводчатый вход, арка которого была сложена из жжёного кирпича, а парапет между башнями из сырцового. Снаружи в башнях также несколько рядов вертикальных прямоугольных бойниц. Углы между стеной и башней защиты не имеют, как и в восточных воротах. Башни здесь менее суживаются кверху, чем у восточных ворот. Они такие же, как башни в юго-восточной стене городища. С внутренней стороны башни соединялись сводом ворот. Башни полые внутри и открыты со стороны города, кладки их переходят в парапет стен городища. Входная арка стрельчатая, клинчатой кладки[38]. Ворота имели вид наклонного коридора, как в арке Бухары, но меньшей длины. Такое же внутреннее устройство имели и восточные ворота городища[39].

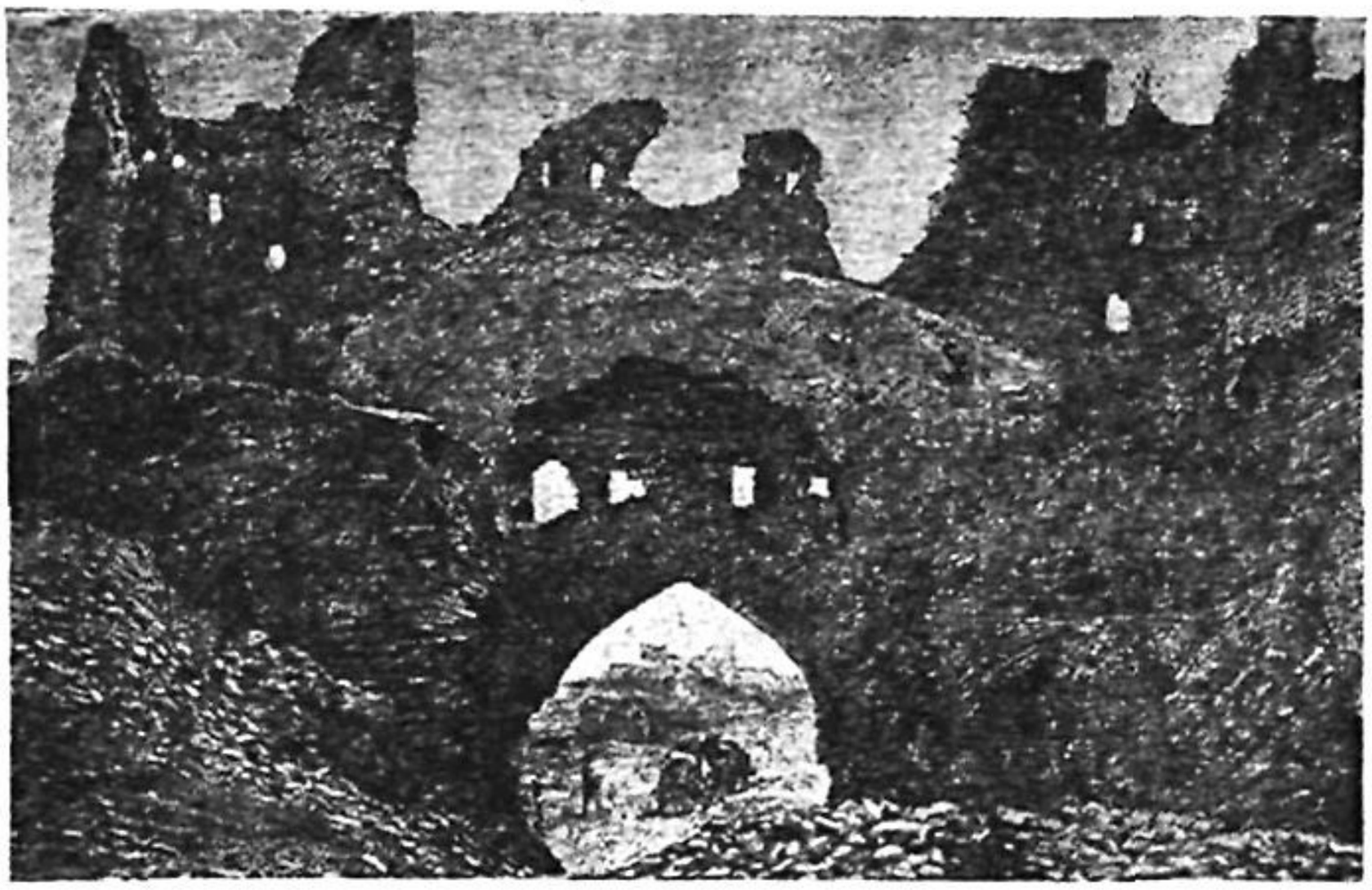

Рис. 5. Западные ворота городища Абдулла-хан-кала (снимок. 1886 г.)

Конструктивное различие западных и восточных ворот городища Абдулла-хан-кала было отмечено еще Е. Л. Марковым[40]. Одинаковая конструкция башен северо-западной стены и восточных ворот, а также одинаковая конструкция башен юго-восточной стены и башен западных ворот, наводит на мысль о том, что эти две части городских стен были сооружены в разное время. Трудно сказать, какая часть стен хисара Мерва была возведена раньше, а какая позже, но вероятнее, что северная половина стен и восточные ворота были построены ранее, а южная половина и западные ворота—позже. Это находит подтверждение в одинаковой конструкции западных ворот городища Абдулла-хан-кала и западных ворот городища Байрам-Али-хан-кала, ибо последние являются копией первых.

Арк хисара Мерва расположен в северо-восточном углу городища Абдулла-хан-кала. В плане это прямоугольник, вытянутый на юг, его западная и южная стены почти параллельны северо-западной и северо-восточной стенам городища.

Длина западной стены арка 225 м и южной — 150 м. Стены арка разрушены и представляют собой валы высотой около 3 м и шириной в основании около 4—5 м.

Ближе к северо-западной стене городища, в западной стене арка сохранились остатки башни, сложенной из пахсовых блоков, и небольшой участок на южном конце западной стены арка. Этот участок стены сложен из сырцового кирпича размером 24×24×5 см, снаружи обложен пахсовыми блоками, в которых видны через 35 см отверстия балок диаметром в 8—10 см.

Остатки башни, сохранившейся в западной стене, сложены из пахсовых блоков высотой в 90 см. Юго-западный угол арка был фланкирован круглой башней, от внутреннего основания которой остался котлован. Южная стена арка представляет собой оплывший вал, без следов какой-либо кладки. Ближе к юго-западному углу арка в южной стене имеются ворота, от которых сохранилась только западная башня, готовая рухнуть вследствие выемки жжёного кирпича, из которого

Рис. 6. Общий вид развалин арка позднего Мерва.

сложена ее нижняя часть. В плане она круглая, такая же, как башни западных ворот городища Абдулла-хан-кала, но меньших размеров. Высота ее в настоящее время около 5 м. Ворота арка, также как и ворота хисара, имели сводчатый проход. Над аркой входа между башнями ворот шла стена, остатки которой видны в верхней части на восточной стороне башни. Последняя сложена из сырцового кирпича размером 24×24×5 см и слегка суживается кверху; внутри полая, засыпанная наполовину своей высоты землей. На высоте 1 м от современного уровня пола внутри стен башни идут отверстия для балок, образовывавших некогда пол второго этажа. В стене башни, обращенной на юг, имеется бойница в виде стрельчатой арочки высотой в 1,05 м и шириной 26 см. Толщина стены на уровне бойницы 75 см.

В верхней части башни также имеются отверстия для балок, которые служили покрытием сверху. Внутренний диаметр башни на уровне современного пола 2,35 см. Со стороны арка она прикрывалась стеной, внутри которой шел ход на башню.

С внутренней стороны в стене башни, обращенной на восток, сделан небольшой камин, сложенный при ее выведении, то есть в XV в. Свод камина образован двумя фрагментами сырцового кирпича длиной в 20 см, поставленным на ребро. Высота камина 1,10 м, ширина 30 см, глубина 35 см. Дымоход в виде квадратного отверстия со сторонами 20×20 см проходит внутри стены вертикально вверх.

Внутри камин оштукатурен глиной с саманом. Штукатурка обгорела и имеет серовато-коричневый цвет, щели дымохода забиты копотью, кирпич также обожжен огнем и имеет коричневый цвет. Внутри арка, на удалении ста с лишним метров от ворот, ближе к восточной стене, находятся остатки двух этажей дворца правителя города. Несколько стенок, расположенных параллельно друг другу, вытянутых с востока на запад, на внутренних сторонах имеют неглубокие ниши, оштукатуренные, как и сами стены, глиной с саманом, поверх которой

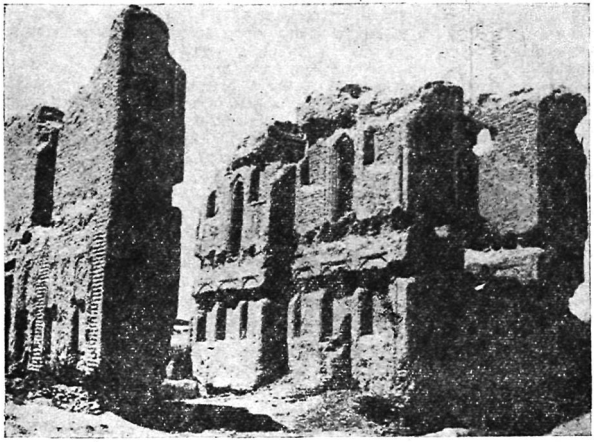

Рис. 7. Руины дворца правителя на городище Абдулла-хан-кала.

нанесен алебастр. Глубина этих нишек 18 см. Стены сложены из сырцового кирпича размером 24×24×5 см. В крайней западной стенке с внутренней стороны имеется большой камин. Последний сделан в виде арочной ниши, в которую вписана вторая арка, являющаяся рабочей частью. Высота камина от современного уровня пола 2,30 м, ширина 52 см, глубина 40 см. Внутри камин покрыт штукатуркой из глины с саманом, поверх которой нанесен второй слой алебастровой штукатурки. Дымоход проходит внутри стены квадратным отверстием. Штукатурка камина обожжена и покрыта копотью, которая также осела на стенках дымохода.

План зданий не читается, ибо вся территория арка перерыта в поисках жжёного кирпича.

На линии дворцовых построек у западной стены арка с внутренней

стороны находился хауз диаметром около 12 м, на берегах которого много железных шлаков и угольков.

Большое количество железных шлаков также находится и за западной стеной арка, на прилегающей к нему территории с запада и юго-запада. В этой части города, очевидно, находились мастерские по выплавке металла и производству металлических изделий.

При обследовании городища, под дорогой, проходящей от восточных ворот к западным, был обнаружен тазар. Сложен он из фрагментов жжёного кирпича размером 19×19×2,5 см; 21×21×3 см; 23×23×3,5 см; 24×24×5 см, но имеются фрагменты жжёного кирпича бо́льших размеров. Высота тазара от пола до внутреннего замка 1,25 м, ширина в средней части 40 см. В основании тазара положены желоба из обожжённой глины длиной 55 см, ширина дна жёлоба 23 см, высота стенок 28 и 21,5 см. От бортов жёлоба вверх идет кладка стенок из жжёного кирпича на глиняном растворе. Кладка северной стенки тазара слегка выступает в середине, а затем отступает наружу. Кладка южной стенки тазара идет наклонно вниз и в нижней части примыкает к борту жёлоба тремя выступающими один из-под другого рядами кирпича. Перекрыт тазар трапециевидным сводом, выложенным отрезками, с сильным наклоном на восток.

В месте расчистки тазар сверху был перекрыт фрагментом облицовочного кирпича-«бантика». Расчистка тазара никаких находок не дала, жёлоб до краев был заполнен тинистой землей, без каких-либо посторонних примесей.

Назначением тазара, как видно, было принятие дождевых и талых вод с дороги, которая служила главной магистралью города. Сливалась вода из тазара в ров у северо-восточной стены городища; у ворот внутри городища под дорогой обнаружена кладка из жжёного кирпича, возможно коллектора, собиравшего сточные воды, из которого вода, проходя под воротами, сливалась в ров.

В северо-западной части городища на глубине 40 см от поверхности была обнаружена сливная яма № 1, сложенная из жжёного кирпича на глиняном растворе.

Сливная яма в плане цилиндрической формы, перекрытая куполом из жжёного кирпича. Стены ямы, также как и купол, сложены из кирпича разных размеров: 20,5×20,5×3 см; 21×21×3,5 см; 21,5×21,5×4 см; 23×23×4,5 см; 24×24×5 см. Высота сливной ямы от пола до вершины купола 3,21 м.

Сливная яма поставлена на песчаную подушку толщиной в 0,5 м, эта же песчаная подушка является и дном ямы.

Кладка стен ямы на высоте 1,75 м от пола дает напуск в четыре ряда кирпича; на этом выступе положен еще один ряд выступающего кирпича, который служит основанием куполу. Диаметр ямы 2,60 м, диаметр купола 2,25 м, высота его 1,25 м. Купол в средней части, с востока, имеет сливное отверстие высотой 18 см и шириной 20 см. Боковые стенки подводящего канала сложены из кирпича таких же размеров, как и сама яма, а пол и плоское перекрытие канала—из жжёного кирпича размером 31,5×31,5×4 см, специально изготовленного для этой цели. В средней по высоте части ямы в стенках имеется шесть отверстий. Два отверстия, в северной и западной стенках, высотой 26 см и

шириной 14 см, глубиной 36 см, представляют собой нишки, заложенные снаружи положенным на ребро кирпичом; четыре других отверстия, расположенных по кругу на одинаковом расстоянии друг от друга, представляют собой небольшие нишки, в которых кладка отступает на глубину до 15 см. Высота этих отверстий 15 см, ширина 20 см. Эти четыре отверстия, видимо, служили для установки в них балок при выведении купола, который имеет четыре верхних ряда кирпича, положенных не изнутри ямы, а снаружи. За это говорит и неаккуратная выкладка, в то время как вся яма отличается очень аккуратной кладкой.

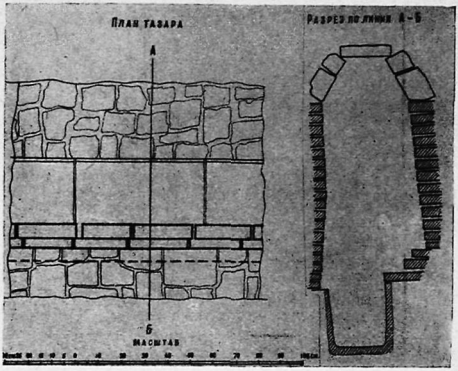

Рис. 8. Тазар на городище Абдулла-хан-кала.

О назначении ямы говорит ее устройство, а также слой рыхлой земли на полу, толщиной до 10 см, с включением большого количества семян бахчевых культур и косточек фруктов.

Такого же типа яма № 2 была обнаружена у северного края дороги, прорезающей городище с востока на запад в 120 м от восточных ворот. Купол этой ямы разрушен и сохранилась только кладка цилиндра на глубину 2,22 м от сохранившегося верхнего ряда кирпича.

В нависающей над ямой земле видны отпечатки кирпича, из которого был сложен купол. Сливная яма № 2 поставлена прямо на грунт, который сверху имеет синевато-зеленый цвет тины. Глубже идет чистая жёлтая глина.

На высоте 1,5 м от пола ямы в кладке стен—четыре отверстия на равном расстоянии одно от другого. Высота отверстий 14 см, ширина 13 см, глубина 30 см. Они, видимо, имели то же назначение, что и отверстия в сливной яме № 1, то есть служили для установки в них строительных лесов при сооружении ямы и при ее очистке.

Сложена эта яма, также как и яма № 1, из жжёного кирпича размерами 20×20×3,5 см; 21,5×21,5×4 см; 23,5×23,5×4 см; 24×24×5 см, на глиняном растворе. Диаметр ямы 1,65 м. Яма была доверху наполнена землей. Расчистка дала верхний слой толщиной около 65 см из битого жжёного кирпича и рыхлой земли, насыпавшейся при разрушении купола и верхних рядов кладки. В этом слое был найден жжёный кирпич размером 30,5×30,5×5 см, то есть такой же, как и в подводящем канале ямы № 1. Эта находка дает возможность высказать предположение об аналогичном с ямой № 1 устройстве ее верхней части.

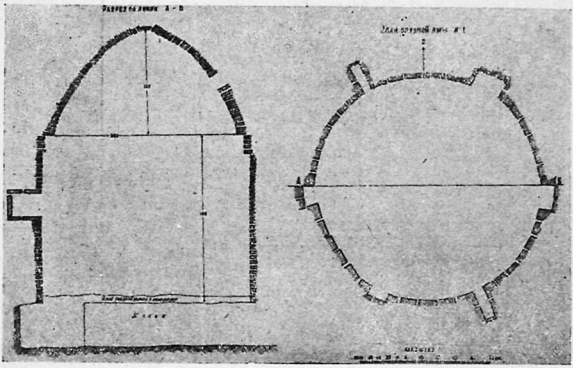

Рис. 9. Сливная яма № 1 на городище Абдулла-хан-кала.

На уровне отверстий в стенках цилиндра были найдены слежавшиеся куски земли с большим количеством семян бахчевых культур и фруктов. Ниже в забивке ямы встречались кости животных и мелкие фрагменты керамики XV века.

Устройство ям и находки в них не вызывают сомнений в их назначении. Они служили для приёма воды, сливавшейся в первом случае, возможно, из кухон владельцев, во втором же сливалась вода со двора ее владельцев.

Обнаружение двух сливных ям на городище Абдулла-хан-кала — не единичный случай. Неподалеку от северо-западного угла городища была найдена еще одна яма, меньших размеров, кирпич которой был извлечен за несколько дней до ее обнаружения. В южной половине городища также была найдена круглая яма, образовавшаяся в результате выемки из нее кирпича. Все эти данные говорят о том, что сливные ямы были довольно обычным элементом благоустройства города.

Характерным фактом для всех подземных сооружений городища

Абдулла-хан-кала является одинаковый материал, то есть жжёный кирпич разных размеров, среди которого много фрагментов.

Облицовочные «бантики» из жжёного кирпича, найденные в перекрытии тазара и кладке стены сливной ямы № 1, а также разнотипные размеры кирпича указывают на то, что строители этих сооружений пользовались уже готовым материалом, который они находили на соседних городищах Старого Мерва. Жжёный кирпич таких же размеров встречается по всей территории городища Абдулла-хан-кала, сильно перекопанного в его поисках.

Однородность материала всех рассматриваемых сооружений, их одинаковая конструкция говорят об одновременности их возведения. На время их возведения указывают фрагменты керамики XV в., найденные в сливной яме № 2, а также использование для нужд строительства кирпича с соседнего средневекового городища Султан-кала, откуда жизнь перешла на новое место.

В результате тщательных наблюдений удалось «прочитать» несколько улиц, дающих представление о планировке города. В южной половине городища видны следы двух улиц, идущих почти перпендикулярно главной магистрали, которые соединялись другой улицей, идущей параллельно главной магистрали.

От улицы, проходящей в середине южной половины с севера на юг, отходят под прямым углом улицы на запад и восток. В северной половине городища видны следы двух пересекающихся под прямым углом улиц, одна из которых идет параллельно главной магистрали на запад от ворот арка в южной стене. Вторая же улица идет от главной магистрали под прямым углом на север и, пересекая предыдущую, подходит к комплексу мечети, медресе и хауза. В настоящее время на месте комплекса имеется большая яма с оплывшими берегами и старые траншеи от вынутого из фундаментов мечети и медресе кирпича. Наиболее подробное описание мечети дают Д. И. Эварницкий[41] и Е. Л. Марков[42].

Мечеть имела ориентировку восток-запад и входы с этих сторон. Восточный портал мечети выступал вперед и своей высокой стрельчатой аркой закрывал купол с фасада. Устои портала имели по две ложных ниши со стрельчатыми арками и прямоугольными нишками между ними.

В глубине портала второй входной проём меньших размеров, над ним одно из четырех окон восьмигранного барабана, на котором покоился купол мечети.

В интерьере мечети в южной и северной стенах находилось по три сводчатых хода. В западной же стене находился второй арочный вход. Стены интерьера мечети были покрыты слоем штукатурки с геометрическим орнаментом.

Размеры внутреннего плана мечети: 17,5 м длина и 15 м ширина[43]. Сводчатые проходы в стенах мечети вели из интерьера в помещения, окружавшие мечеть с трех сторон. Эти помещения были сводчатые, но открытые или закрытые, трудно сейчас сказать. Трудно даже сказать, были ли то помещения или галерея, окружающая мечеть с трех сторон. На фотографиях, помещенных в работах В. А. Жуковского[44] и Э. Буланже[45] видны остатки стен, сложенных из жжёного кирпича, указывающие на бывшие вокруг мечети помещения.

Перед восточным порталом мечети во дворе располагался хауз с обложенными жжёным кирпичом берегами.

На юг от хауза находилось медресе, имевшее общий с мечетью двор. Оно было построено из жжёного кирпича, а стены его не имели никаких облицовок изразцами, также как и мечеть. С севера медресе имело высокий портал со стрельчатой входной аркой, на пилонах которого находилось по три ложных нишки со стрельчатыми арками.

Рис. 10. Внутренний вид городища Абдулла-хан-кала (снимок 1886 г.)

Больше никаких следов памятников на городище проследить не удалось, ибо выяснение топографии городища было затруднено почти полным отсутствием археологического микрорельефа, который стерт в результате выемки кирпича из земли. Эти работы проводились уже много лет, и вся территория городища представляет собой бесформенные бугры, пушонки, под которой погребен рельеф городища.

Вода подавалась в город по каналу, который подходит с южной стороны к городскому рву, и далее через ров по дамбе, которая была сложена из жжёного кирпича и входила в город у башни № 40. В настоящее время в результате выемки кирпича из основания дамбы образовалась траншея, пересекающая ров шириной около 1,5 м и глубиной около 1 м. Кирпич так тщательно выбран из траншеи, что не осталось ни одного, хотя бы фрагмента, по которому можно было бы определить размеры кирпича, а следовательно, и время возведения.

За западным рвом городища Абдул-хан-кала находится второе городище — Байрам-Али-хан-кала. Дорога между воротами этих городищ делит его на две половины.

Южная занята колхозным рынком и домами города, а северная совершенно пустая, и никаких следов планировки здесь не прослеживается. Только одна дорога идет от главной магистрали на север и, проходя через ворота в северной стене, ведет к памятникам, находящимся за западной стеной городища Султан-кала, среди которых находится доныне популярная гробница Палвана Ахмеда Замчи.

Северная стена городища Байрам-Али-хан-кала начинается от северо-западной угловой башни городища Абдулла-хан-кала, с которой она не связана кладкой. На западном берегу рва стена начинается круглой башней высотой около 4 м, сложенной из сырцового кирпича размером 24×24×5 см. За башней стена сложена из пахсовых блоков, сильно оплывших, и идет прямой линией до ворот.

Ворота в северной стене сильно оплыли и не сохранили следов укреплений. Эти ворота, видимо, давно уже обрушились, а проём был заложен. Далее на запад от ворот стена идет извилистой линией и сложена из пахсовых блоков, имеющих один выступ наружу — башню. С

внутренней стороны, западнее ворот, эта стена сохранила небольшой участок кладки из сырцового кирпича размером 24×24×5 см, указывающий на ее первоначальный вид.

Северо-западный угол городища Байрам-Али-хан-кала фланкирован круглой башней, сложенной в верхней части из сырца размером 24×24×5 см. Внутренний диаметр башни 11 м. Внутри башня полая, а в стенах толщиной 0,5 м на высоте 1,5 м от современного пола расположены прямоугольные бойницы высотой 25 см и шириной 14 см. В северо-западном фасе башни — большая разрушившаяся бойница шириной 1 м.

Рис. 11. Мечеть на городище Абдулла-хан-кала (снимок 1890 г.).

Западная стена городища Байрам-Али-хан-кала, также как и северная, сложена из трех рядов пахсовых блоков высотой до 1,5 м каждый. Три башни западной стены, сохранившиеся на высоту около 4,5 м, представляют собой выступы-бурджи, сложенные из пахсовых блоков воедино со стеной; расстояние между башнями 75—80 м.

Западные ворота городища Байрам-Али-хан-кала сохранили башни, между которыми была переброшена арка входа из сырцового кирпича; в настоящее время сохранились лишь остатки этой арки в уровне пят. Еще в 1947 г. работники 11 отряда ЮТАКЭ, в числе которых был и автор, совершив проезд по маршруту Исидора Харакского под руководством профессора М. Е. Массона, осматривали мервские городища и видели целую тогда арку западных ворот городища Байрам-Али-хан-кала. Башни ворот круглые, слегка суживающиеся кверху. В нижней части они сложены из жжёного кирпича размером 24×24×5 см, а выше идет кладка из кирпича-сырца тех же размеров.

В верхней части на расстоянии 1,3 м по высоте , один от другого — два ряда прямоугольных бойниц, размещенных через 75—80 см по фронту. Высота бойниц 30 см, ширина 15 см.

Во внутренних боковых стенах ворот — сводчатые проходы в по-

мещения для стражи и в башни. Своды клинчатые, из сырцового кирпича тех же размеров. Ширина проёма ворот 4,5 м. За воротами стена обрывается и начинаются дома города Байрам-Али. Но кое-где во дворах сохранились отдельные участки этой стены, сложенной из пахсовых блоков.

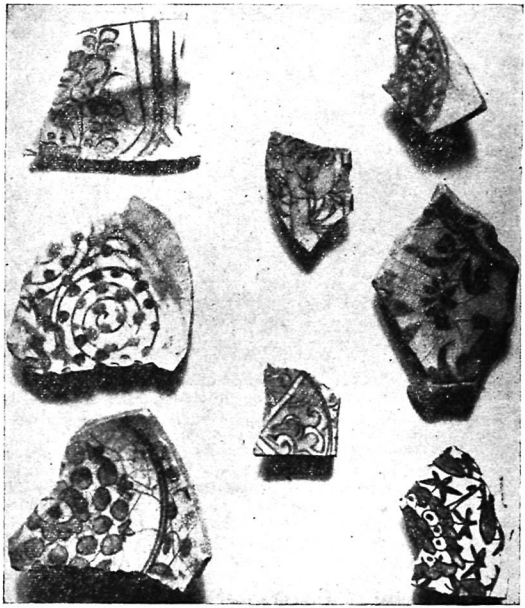

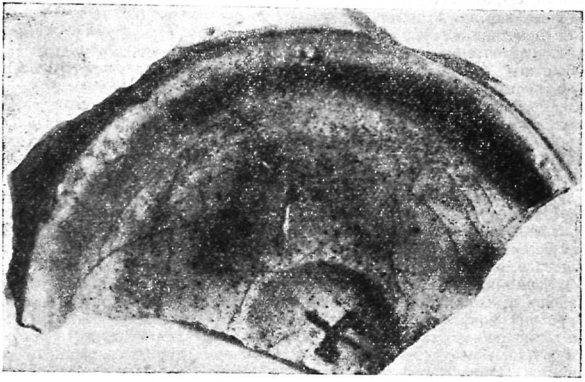
Рис. 12 Фрагменты керамики XV—XVI вв.

Таким образом можно констатировать, что первоначально стены городища Байрам-Али-хан-кала были выведены из сырцового кирпича размером 24×24×5 см, и, кроме того, было двое ворот; были ли третьи ворота, сказать невозможно, ибо южной стены нет. Сохранившиеся же ворота в западной стене такие же, как уже рассмотренные выше ворота в юго-западной стене городища Абдулла-хан-кала.

Западная и северная стены городища снаружи обведены рвом,

который в настоящее время служит для слива нечистот. Этот ров, проходя вдоль северной стены, переходит в ров городища Абдулла-хан-кала, в конце которого имеется уже отмеченная насосная станция. Раньше через этот ров был переброшен сводчатый мост из жжёного кирпича, по которому можно было пройти в западные ворота.

В юго-восточной части этого городища А. Конноли и Э. О'Донован видели сводчатые бани; про эти же бани писал Л. Синицын. Главная магистраль этой части города служила базарной улицей, дома которой были сложены из жжёного кирпича. Источником водоснабжения

13. Фрагмент донца сосуда XV в. с китаеобразной маркой.

служил ров-канал у западной стены городища Абдулла-хан-кала, ибо само городище Байрам-Али-хан-кала лежит ниже и вода свободно могла по арыкам отводиться из рва, который имел с севера и юга специальные устройства, регулирующие вход и выход воды из него[46].

Керамический материал, собранный на городищах, представлен керамикой XV—XVI и более поздних веков. Фрагментарность керамики XV в. не дает возможности восстановить формы изделий, но наравне с фрагментами небольших чаш встречаются фрагменты более толстого сечения, являющиеся боковыми стенками блюд. Керамика XV в. преимущественно кашинная, с белым и розовато-серым тестом, имеются фрагменты керамики с тестом из глины. В цветовой гамме преобладает роспись кобальтом по белому фону, иногда сплошная заливка темно-синего цвета, дающая силуэтный рисунок, иногда четкие темно-синие линии, рисунок большей частью не выделяется резко, а дает расплывающееся изображение, что объясняется неоднородностью состава кашина и кобальта или неудачным обжигом[47]. Мотивы росписи различ-

ны. Встречаются фрагменты с пейзажными мотивами с отвесной композицией, когда роспись выполнена по светлой поливе сочным кобальтом, что очень сближает их с керамикой XV в. из Самарканда, подражающей китайскому фарфору[48].

Есть фрагменты керамики, на которых под светло-голубой поливой черной линией нанесен стилизованный цветочный орнамент, что также встречается на керамике XV в. из Самарканда. Некоторые фрагменты имеют сочетание росписи ярким кобальтом с черным цветом, что характерно для керамики второй половины XV в. из Нисы[49]. В общем вся керамика XV в. имеет черты сходства с керамикой этого же времени из Нисы и Самарканда, но она отличается худшим качеством, нежели синхронные изделия этих городов.

Керамика же XVI в. по формам, качеству, цветовой гамме и мотивам орнаментации полностью схожа с керамикой из Нисы[50]. Материал —плотный, белый или сероватый кашин, глазурь с зеленоватым отливом, иногда с сильной прозеленью, с натеками у ножки донца, снаружи. Роспись грязно-черная и сероватая, сильно растекающаяся, точно такая же роспись темно- и светло-синим цветом. Мотивы росписи — цветочные и геометрические орнаменты. Внутри чаш на донце иногда имеются также и «китайские» пейзажи, с отвесной композицией. На наружной стороне донец — китаеподобные иероглифы, подражающие маркам мастерских, изготовлявших китайский фарфор. Сечение донец иногда снаружи плоское, иногда с резким утонением в центре, в виде вдавленного внутрь круга. Орнаментация преимущественно на внутренней поверхности чаш, но иногда и на внешней. Этот тип керамики характерен, очевидно, для всей северохорасанской гончарной школы.

Керамика XVII в. представлена фрагментами из твердой массы, наподобие кашина, но худшего качества. Роспись по белому и серовато-белому фону — черным и светло-синим цветом. Орнаментация геометрическая и растительная. На некоторых фрагментах, сюжетные сцены, выполненные черной краской. Встречаются фрагменты мелких изделий для парфюмерии в подражание фарфору.

И самая поздняя керамика XVIII в. из глиняного теста, с толстыми стенками, в большинстве случаев с односторонней, внутри, поливой голубого цвета, плохого качества. Донца имеют широкую кольцевую ножку, в середине с наружной стороны «пуговка» — круглый выступ. Иногда встречается марганцовая расплывчатая, в виде линий роспись по голубому фону.

Вопросы исторической топографии позднего Мерва

История Мерва в XV—XIX вв. лучше освещена письменными источниками, для последних, нежели для первых веков этого периода. Что же касается Мерва XIV в., то она почти совсем не нашла своего отражения в нарративных источниках. Исторические хроники XIV в. почти ничего не сообщают о Мерве. Это молчание ввело в заблуждение В. А. Жуковского, который считал, что Мерв в течение 200 лет после его разгрома монголами в 1221 г. лежал в развалинах. Это мнение прочно вошло в науку и ни у кого сомнений не вызывало.

В результате полевых работ ЮТАКЭ в 1947 году и особенно в

1950 г. по археологическому материалу было установлено, что город постепенно оправился от разрушения монголами уже к концу XIII века.

В XIV в. обжитая территория города частично располагалась внутри стен городища Султан-кала, а местами вышла за их пределы. Особенно разрослись поселения по каналу Разик, который подавал воду в город, проходя у его восточной стены. Рост этих поселений, потреблявших воду все в бо́льшем количестве, не смог не сказаться на жизни города, в частности на его водоснабжении.

Наблюдение за состоянием ирригационной системы издавна было одной из самых важных функций всех правительств Средней Азии, и состояние ее зависело от отношений к ней правительства. Ибо, по словам К. Маркса, состояние системы искусственного орошения на Востоке всецело зависело от отношения к ней центрального правительства и приходило немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным работам[51]. Несомненно, что и здесь в XIII—XIV вв. имела место эта нерадивость, корни которой надо искать в социальном строе общества.

Неблагоприятно также сказывалось на развитии Мерва и перенесение торговых путей в район Балха и Герата, которые стали служить перевалочными пунктами товаров, идущих из стран Ближнего Востока и Индии в Среднюю Азию и Китай. Упадку торговли через Мерв также способствовало и разрушение Тимуром в конце XIV в. Ургенча. Это перемещение торговых путей было одной из причин гибели многих поселений и мелких городов в западной части Северного Хорасана[52]. В этих условиях, видимо, не проводилось должных работ по поддержанию ирригационной системы, и она к началу XV в. пришла в такой упадок, что вода снесла плотину на Мургабе и город в течение нескольких лет испытывал острый недостаток воды[53].

Состояние ирригационной системы было плачевным в Мерве и в XII в., когда в разоренной гузами Мервской области вода снесла в 60-х годах плотину и неоднократные попытки восстановить ее оканчивались безрезультатно, «...река в течение трех лет уклонялась от города»[54]. И только при вмешательстве правительства хорезмшаха Атсыза плотина была восстановлена. Несомненно, что и в начале XV в., может быть в результате междоусобиц, возникших в государстве Тимура после его смерти в 1405 г., контроль за плотиной на Мургабе был ослаблен и это привело к ее гибели. А так как работы по восстановлению требовали огромных затрат труда и строительных материалов, то это было под силу только центральному правительству. Город оказался в критическом положении, и восстановление плотины стало необходимостью, которая «...повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства»[55].

Это стало возможным осуществить после укрепления власти Шахруха (1405—1449) в Хорасане в 1409 г. Посланные им эмиры провели работы по восстановлению плотины и углублению ирригационных каналов, которые были занесены песком. Но провести ирригационные работы в большом масштабе государство Шахруха уже было не в силах. Вода была доведена только до южного обвода городища Султан-кала, до Ворот знаменосца (Дарвазаи Аламдар)[56]. Поэтому и было начато строительство нового города, лежащего южнее старого и выше по течению магистрального канала. Жизнь из старого города постепенно

стала переходить в новый. Этот процесс длился в течение всего XV в., и только в начале XVI в. жизнь в старом городе замирает и полностью переходит в новый, который продолжает расти главным образом в новом направлении. Здесь население оседает по берегам каналов, которые питали город водой. Этот процесс постепенного перехода жизни на новое место хорошо прослеживается по археологическому материалу. Керамика XV в. встречается в большом количестве на городище Султан-кала и к югу от него между городищами. Как установлено исследованиями Г. А. Пугаченковой, ледники, находящиеся между городищами Султан-кала и Абдулла-хан-кала, датируются XV в.

Керамический же материал XVI в. встречается на городище Султан-кала в очень малом количестве, что говорит о замирании жизни на этой территории к XVI в.

Причину слабости тимуридского государства, которому не под силу было оросить все старые культурные земли, В. В. Бартольд видел в сети ирригационных каналов, созданной в верховьях Мургаба и пагубно сказавшейся на орошении его низовьев. Но, конечно, основную причину надо искать не в увеличении сети каналов, а в прикрытой внешним блеском слабости государства тимуридов, приведшей к его быстрому крушению в начале XVI в. Начавшееся строительство хисара Мерва шло не такими уж быстрыми темпами, как об этом пишет Абд-ар-Раззак Самарканди, считавший, что город был отстроен в течение нескольких весенних месяцев 1409 г.[57]. Оно длилось долгие годы; даже строительство такого объекта, как стены города, строившиеся в первую очередь, имело два этапа, как это было установлено археологическими наблюдениями. Косвенное подтверждение этим медленным темпам строительства имеется у современника этих событий Хафиз-и-Абру, который, спустя десять лет после начала строительства, высказывает лишь надежду, что город станет более цветущим, чем прежде[58].

Как было установлено наблюдениями, на городище вначале была выстроена северная и восточная часть стен хисара, а позже—южная и западная. Стены арка были выстроены на первом этапе строительства, вместе с северо-западной и северо-восточной стенами города.

Если время возникновения городища Абдулла-хан-кала, доказанное В. А. Жуковским, не вызывало ни у кого сомнений, то по поводу времени возникновения западной пристройки к нему никем убедительных доказательств приведено не было. В. А. Жуковский, не настаивая на своих предположениях, высказал мнение, что эта пристройка, то есть городище Байрам-Али-хан-кала, могла возникнуть при шахе Аббасе I (1587—1628)[59].

Д. И. Эварницкий, высказывая предположение о том, что это «...персидская крепость, возведенная в XVIII в. хакимом города Байрам-Али-хан-кала», оговаривался, что время возникновения «...с точностью не известно»[60].

В. В. Бартольд в своих работах этого вопроса не касался совершенно.

Н. И. Романов в одной из своих работ считал городище Байрам-Али-хан-кала крепостью, построенной сарыками и салорами в 1840 г.[61] В другой же работе постройку этой же крепости он приписывал хивинцам[62], причем ни в том, ни в другом случае никаких доказательств приведено не было.

А. А. Семенов, относя время возникновения обоих городищ ко времени Шахруха, пишет, что «...Байрам-Али-хан-кала (западная) и крепость Абдулла-хан-кала (восточная) это Мерв, возведенный сыном Тамерлана, Шахрухом...»[63].

И. П. Скосырев, неизвестно на основании каких данных, считает, что городище Байрам-Али-хан-кала построено «текинцами и бухарцами»[64].

Как показали археологические исследования, городище Байрам-Али-хан-кала было обнесено стенами в XV в. вслед за окончанием строительства стен городища Абдулла-хан-кала. За это говорят уцелевшие башня и ворота, а также участок старой стены, прослеженный на внутреннем фасе северной стены городища.

Начавшаяся городская жизнь во вновь отстроенном хисаре Мерва XV в. быстро перешла за городские стены, которые никогда в истории городов Средней Азии не могли служить препятствием для роста города, как это считал Б. Н. Засыпкин[65], утверждая тем самым ошибочный принцип застойности городской жизни[66].

Быстрому росту заселенности территории именно за западной стеной города способствовало естественное понижение этой территории по отношению к хисару, стоящему на возвышенности, в результате чего западный берег рва-канала оказывался ниже восточного, и вода из него свободно могла поступать по арыкам в эту часть города. Этой цели и служили отмеченные, но не описанные В. А. Жуковским сооружения у южного и северного концов рва-канала, регулирующие уровень воды[67].

Стены городища Байрам-Али-хан-кала вероятно были возведены в середине XV в., что подтверждает Мирхонд, описывая возникновение вражды между Султаном Хусейном мирзой и правителем Мерва, его тестем, мирзой Санджаром, и неудачную попытку Султана Хусейна овладеть Мервом. Воспользовавшийся отсутствием мирзы Санджара, Султан Хусейн заковал его приближенного Хасана Арлата в оковы, а сам захватил власть. Но ряд знатных лиц, приверженцев мирзы Санджара, *в свою очередь воспользовались выездом Султана Хусейна из* города на соколиную охоту, захватили башни и ворота, решив оказать сопротивление Султану Хусейну. Султан Хусейн с небольшим отрядом взобрался на башню по лестнице и «...градом стрел обратил в бегство мервцев, которые находились на другой стороне крепостного вала»[68]. Но жители города дали отпор отряду Султана Хусейна и он, пробыв целый день на башне, был вынужден отступить[69].

Более позднее подтверждение наличия западной пристройки также видно из рассказа Хафизи-Таниша о попытке Абдулла-хана (1557—1597) овладеть Мервом в 1567 г.[70], когда перессорившиеся эмиры, высланные с войсками вперед, вышли к разным частям города.

Так, эмир Незера, хорошо знавший эти места, ночью подошел к городу и овладел воротами, «...которые были расположены с северной стороны города и известны под именем ворот Палвана Ахмеда, и проник уже *в первый затвор* — دربند اول, *как жители всполошились и* выгнали его из города» (разрядка наша—О. О.). Другой же эмир, Султан-Яр-Би, заблудившись, вышел к «...воротам Мухаммеда Тебризского, которые были расположены с западной стороны города...»[71].

Слова دربند اول, цитированные В. А. Жуковским, обозначают не «первый затвор», как он их перевел, а «первая ограда», то есть первое кольцо стен, указывая на имеющиеся несколько колец стен вокруг какого-либо населенного места или пункта.

Следовательно, эмир Незера проник в первую ограду, то есть городище Байрам-Али-хан-кала.

Таким образом, из рассказа Хафизи-Таниша, подтверждающего для XVI в. наличие вторых стен с западной стороны города, также устанавливается название двух ворот Мерва. Второе наименование северных ворот города, обращенных в сторону Ургенча, имеется у Искандера Мунши, который их называет Ургенчскими при описании попытки Нур-Мухаммед-хана, мервского правителя, выйти из под власти шаха Аббаса I в 1600 г.

Узнав о движении шахских войск к Нисе и Абиверду, Нур-Мухаммед-хан с отрядом в 2—3 тыс. человек бежал в Мерв, в который он «вошел ночью через Ургенчские ворота»[72]. Последние, несомненно, соответствуют воротам Палвана Ахмеда, ибо других ворот в северных стенах городища нет и не было, как это показали археологические изыскания на городищах.

Что же касается более точной даты возведения стен городища Байрам-Али-хан-кала, то, вероятно, их строительство было закончено во время правления Мервом мирзы Санджара (1454—1457). Вполне возможно, что окончание их строительства и послужило поводом для написания Алишером Навои стиха, приведенного Амин-Ахмед Рейским:

«Сердце старика и юноши оживляется любовью, (подобно тому как) строитель старого Мерва — Санджар и нового также Санджар»[73].

Название третьих ворот Мерва, находящихся в восточной стене городища Абдулла-хан-кала, приведено Мухаммедом Казимом в повествовании о волнениях в Хорасане и Мерве в 1746 г., которыми хотели воспользоваться Шах-кули-хан, бывший берглербеги Мервской области и Рахим-хан, будущий основатель династии мангытов в Бухаре.

Боявшиеся гнева Надир-шаха (1736—1747) Шах-кули-хан и Рахим-хан получили согласие мервцев уйти в Бухару и заселить пустовавший в то время Шахрисябс, но в последний момент часть жителей отказалась; Рахим-хан тоже стал раскаиваться, боясь гнева Надир-шаха, тогда Шах-кули-хан попросил его подождать с принятием решения, а сам отправился к Мерву и, «остановившись у Туркестанских ворот, известных под названием «Джум'а»..., написал Рахим-хану, чтобы тот вошел в город[74].

Несомненно, что Мухаммед Казим писал о восточных воротах города, от которых из Мерва шла дорога в Туркестан. Наименование этих ворот — Джум'а относится к более раннему времени, но к какому —трудно сказать, хотя вполне возможно, что оба эти названия сосуществовали и ранее. Ибо, как мы сейчас видели, на протяжении 50 лет в XVI в. северные ворота то назывались воротами Палвана Ахмеда, то Ургенчскими.

Вопросам планировки городов Средней Азии в XV в. в последнее время уделяется немалое внимание. При рассмотрении планировки городов XV в. многие исследователи исходят из условной схемы

В. В. Бартольда, которая, как показывают исследования, не приложима ни к одному из крупных городов Средней Азии[75]. Другие исследователи, игнорируя историческое сложение города со всеми специфическими особенностями для каждого в отдельности, приписывают как самому Тимуру[56], так и тимуридам крупные работы по перепланировке городов, оставляя в тени историю сложения городов при их предшественниках[77].

Рассматривая планировку Самарканда и Бухары в XV в., В. А. Лавров характерной чертой планировки этих городов, как и С. Н. Полупанов, считает радиальную систему улиц, прийти к которой, по его словам, удалось не сразу, ибо на планировку города влияла старая система «...пересекающихся под прямым углом улиц шахристана»[78].

Ошибочность такого взгляда на планировку городов Средней Азии, в частности Самарканда, сложившегося до времени Тимура и тимуридов в течение длительного исторического процесса, очевидна, так как Самарканд времени Тимура и тимуридов сохранил в основном планировку «шахрибируна» домонгольского времени[79].

Такую же картину исторического сложения города дает и планировка старого города Ташкента, какой ее застало русское завоевание в 1865 г.[80]

Совсем иную картину представляет собой планировка Мерва XV в., если учесть, что на протяжении всей его последующей истории она почти не изменилась по сравнению с тем, в каком виде она дошла до нас на городище Абдулла-хан-кала.

Город имел систему прямых улиц, идущих параллельно к стенам города и вливающихся одна в другую, или пересекающихся под прямым углом. Несомненно, что за заселением города и возведением построек наблюдали представители государственной власти.

Главной же магистралью города, проходящей на обоих городищах от одних ворот к другим, была базарная улица, состоящая из лавок, сложенных из жжёного кирпича, возможно перекрытая сводом, как это имело место в Самарканде, Герате, Бухаре и других городах, предохранявшим от палящих лучей солнца летом и дождливого ненастья зимой[81].

Ни у одного из восточных авторов XV—XIX вв., писавших о Мерве, не встречается ни описаний города, ни его быта. Только у Мухаммеда Казима, рассказывавшего о восстановлении Мерва Надир-шахом в 1737 году встречается упоминание о сооружениях, построенных давно, которые она называет гӧлю и наӯча[82]. Очевидно, под термином گلو (гӧлю) Мухаммед Казим подразумевает сливные ямы. Этот термин, как установил М. Е. Массон, обозначает «кольцо», то есть кольцевую обкладку, имевшуюся в каризах Туркмении и предохранявшую русло отводящего воду подземного канала от обрушения стен и потолка. Но этот термин обозначает также и трубку, горло, которое представляет собой кольчатую трубку. Возможно, у сооружений, подобных имеющимся на городище Абдулла-хан-кала и именуемых сливными ямами, стенки были сложены не только из жжёного кирпича, но и из кольцевых отрезков хумов. Вероятно, что сооружения, опущенные в землю, имеющие обложенные стены, именовались термином گالو (гӧлю). Может быть ямы такого устройства имелись и на городище Абдулла-хан-кала, потому их и упоминает Мухаммед Казим.

Другой вид сооружения Мухаммед Казим именует термином ناوچه

(науча). Этим термином в Афганистане и Иране до настоящего времени обозначают водоотводящую трубку или жёлоб, служащий также для отвода воды[83]. Вполне вероятным будет предположение о том, что под термином науча Мухаммед Казим подразумевал канализационное сооружение, обнаруженное нами под дорогой на главной оси городища Абдулла-хан-кала, ибо это сооружение служило для отвода воды, а в основании его положен жёлоб из обожжённой глины[84]. Из уже указанного свидетельства Мухаммеда Казима видно, что эти сооружения были возведены не в XVIII в., а «...во времена узбеков»[85]. Мухаммед Казим, конечно, не знал времени возведения этих сооружений и как всякую старую постройку отнес ее к давним для него временам, ко «времени узбеков». Как показано выше, эти сооружения были возведены именно в XV в., на что указывает однородность материала в этих сооружениях, а также фрагмент керамики XV в., найденный при расчистке сливной ямы № 2.

Относительно спокойным для Мерва был период правления Хорасаном Султана Хусейна мирзы (1469—1506). В эти годы ведется строительство многих зданий в Герате и других городах как самим Султаном Хусейном, так и его приближенными, в том числе и знаменитым поэтом Алишером Навои.

Так, по свидетельству Хондемира, Алишер Навои построил два больших медресе, одно в Герате — Низамийе и второе в Мерве — Хусравийе. Об этих медресе Хондемир говорит, что это великолепные здания и в них учились тысячи студентов, которым Навои назначил стипендию[86].

Вполне возможно, что медресе, которое было на городище Абдулла-хан-кала, и есть то самое, которое построил Алишер Навои. Правда, судя по фотографиям, приведенным у В. А. Жуковского, ничего великолепного в этом медресе не было, оно даже не имело облицовки глазурованными изразцами, а было весьма простым и к тому же небольших размеров, как это удалось проследить на городище. Но малые размеры медресе, конечно, не могут свидетельствовать о небольшом числе учащихся. Учащихся могло быть много, а живших в нем мало; они могли приходить только на занятия, а жить в городе, как это практиковалось во многих медресе Бухары и Самарканда.

Нам кажется вполне возможным, исходя из всей последующей истории Мерва, утверждать, что комплекс из мечети, медресе и хауза мог сложиться именно в это время, то есть во второй половине XV в., а медресе было построено Алишером Навои и называлось Хусравийе.

Некоторые исторические сведения о Мерве XV—XIX вв.

История Мерва XV—XIX вв., особенно в последний период, была полна бурных событий. Мерв, из-за своего географического положения, не раз был ареной борьбы между узбекскими ханами и иранскими шахами за обладание Хорасаном. О превратности политических судеб Мерва этого времени образно выразился автор XVIII в. Мухаммед Казим, мервец по происхождению. По его словам, Мерв — это страна «...которая обладает самонадеянностью и не имеет властителя, обладает высокомерием и не имеет выдержки, имеет беспокойство и не имеет покоя, об-

ладает коварством, и не знает верности, обладает терпением, но не имеет выносливости, обладает низостью и не знает великодушия, обладает величием, но не имеет великолепия, обладает бесчестием, но не знает правдивости, имеет вражду, но не знает дружбы, имеет зависть, но не умеет правильно мерить, обладает корыстолюбием, но не имеет богатства, имеет пристанище, но не знает покоя, имеет печаль, но не знает радости»[87].

Оправившийся после монгольского погрома город на протяжении всей своей последующей истории уже никогда не был столицей, а только лишь провинциальным городом и центром оазиса в низовьях Мургаба.

В начале XV в. после смерти Тимура столицей Хорасана становится Герат, который, благодаря выросшей торговле, стал одним из крупнейших городов Средней Азии. Поэтому в исторических хрониках XV в. уделяется очень мало внимания Мерву по сравнению с Гератом и Самаркандом. Но имеющиеся сведения дают возможность проследить историческую канву Мерва этого времени.

В 1409 г. по приказу Шахруха эмиры Ала-ад-дин Алике Кукельташ и Муса и чиновник дивана эмир Али Ша'афи занялись восстановлением плотины Султан-Бенд на р. Мургаб, снесенной водой, и углублением старого магистрального канала, по которому вода подавалась в город. Длина этого канала была около 12 фарсахов (около 70 км), глубина не менее 5 гязов (около 5 м) при ширине от 20 до 25 гязов (20 — 25 м)[88]. Восстановленная ирригационная система не могла полностью удовлетворить потребностей разросшегося города. Это повлекло к строительству рядом со старым городом нового, который и был заложен в том же году. Строительные работы велись в течение очень длительного времени, и молодой город только к середине XV в. был обнесен стенами, которые членили его на две части. В новый хисар Мерва постепенно перешла жизнь из старого, и он стал обрастать поселениями к югу и северу за его стенами.

После смерти Шахруха в 1449 г. в Хорасане начинается феодальная междоусобица между тимуридами за обладание гератским престолом и Хорасаном, которым в 1452 г. овладевает Абул Касим Бабур, вступивший в Герат.

С 1454 по 1457 г. Мервом правил мирза Муиз-ад-дин Санджар, которому в 1456 г. Абул Касим Бабур пожаловал в суюргал области Мерва, Махана и Джама. Мирза Санджар отличался умом и талантом государственного деятеля.

После смерти Абул Касим Бабура в 1457 г. в Хорасане опять начался период феодальных смут и раздробленности, когда правители почти всех областей и более или менее крупных городов Хорасана объявили себя независимыми. Так и мирза Санджар «поднял знамя султанства в г. Мерве»[89].

В это время возникает описанная выше вражда между Султаном Хусейном мирзой и мирзой Санджаром. Пытавшийся штурмовать стены города Султан Хусейн получил отпор жителей, а его воины, увидев это, «...посыпали прахом неверности темя своего счастья и бросились бежать», по образному выражению Мирхонда[90].

Этой борьбой тимуридов воспользовался Джеханшах (1435—1465)

из династии Кара-Коюнлу и, захватив весь восточный Иран, в 1458 г. овладел Гератом. Узнав о вступлении Джеханшаха в Хорасан, мирза Санджар отправил к нему послов, но был разбит под Серахсом одним из отрядов Абу-Саида (1451—1469). Голова убитого мервского правителя была доставлена в Герат.

Таким образом, на короткое время Мавераннахр и Хорасан были объединены в одно государство. Но годы правления Абу-Саида не были спокойными, ибо ему постоянно приходилось вести борьбу с претендентом на хорасанский престол Султаном Хусейном Мирзой. Исход этой борьбы решил поход Абу-Саида в Западный Иран, в котором он был убит в 1468 г., а Султан Хусейн в начале 1469 г. вступил в Герат. Наследники Абу-Саида отказались от притязаний на Хорасан и удовлетворились Мавераннахром.

Время правления Султана Хусейна (1469—1506) было относительно спокойным для Мерва, где в этот период возникает комплекс из мечети, медресе и хауза.

Город благоустраивается и расширяется, продолжается процесс перехода жизни из Старого Мерва к стенам нового хисара. В Мерве неоднократно зимует и охотится Султан Хусейн со своей свитой. Участие в этих зимовках принимает и Алишер Навои. Так, зиму 1475—76 гг. он проводит в Мерве с Султаном Хусейном[91]. А в 1487 г. во время зимовки в Мерве Алишер Навои неожиданно получил назначение в Астрабад, что было переломным моментом в его жизни.

В 1498 г. против отца восстал Абуль-Мухсин мирза, правивший Мервом. Узнав о движении к Мерву Султана Хусейна, Абул-Мухсин бежал в Нису; неподалеку от нее мятежники были разбиты. Для примирения отца с сыновьями выехал Алишер Навои, но по дороге узнал, что экспедиция закончилась примирением; Абул-Мухсин по-прежнему остался правителем Мервской области[92].

В начале XVI в., во время завоевания Шейбани-ханом (1501—1510 гг.) Средней Азии, мервцы принимают участие в борьбе Мавераннахра с узбеками. В 1500 г., когда Захириддин Бабур на короткое время овладел Самаркандом, Абуль-Мухсин выступает с отрядом из Мерва и захватывает Кара-Куль. Но удержаться там он не смог, и город был им оставлен[93].

К 1506 г. Шейбани-хан полностью овладел Мавераннахром и начал делать набеги на Хорасан. Выступивший против него Султан Хусейн в дороге заболел и умер, узбеки же начали продвижение в Хорасан. Узнавший об этом Абуль-Мухсин в 1507 г. отправил свое имущество в Серахс, а сам бежал в Мешхед к брату Мухаммед Мухсин мирзе. Подошедшие к Мешхеду узбеки разгромили армию тимуридских царевичей, оба брата были убиты, а Мешхед оказался в руках Шейбани-хана, ранее же были заняты Мерв, Балх и Герат. Управление Мервом Шейбани-хан поручил Камбар-бию.

Но в 1508 г. другой сын Султана Хусейна Мухаммед-Касим-мирза собрал войско и вступил в Мешхед. Узбекский правитель бежал в Мерв. Шейбани-хан послал Убайдуллу, который быстро прибыл в Мерв, взял с собой мешхедского правителя и Камбарбия и двинулся против тимуридского царевича. В результате боя Мешхед вновь был взят узбеками, а попавший в плен Мухаммед-Касим-мирза казнен[94].

Так закончился первый период в истории Мерва, который был самым благоприятным для развития города. Об интенсивности жизни города в это время можно судить по раскопкам: шурф, опущенный на городище на глубину до 3,5 м, весь был насыщен керамическим материалом XV в. Среди находок в шурфе можно также отметить медную монету, на обеих сторонах которой были выбиты розетки и не имелось никаких надписей. По определению М. Е. Массона, это монета городского чекана XV века.

Со времени вхождения Мерва в состав узбекского государства и последовавших за тем событий в истории города начинается новый период.

С приходом узбеков в Мерве начинается чекан монеты с именем Шейбани-хана[95]. Но в последовавшей затем борьбе с шахом Исмаилом I Сефеви в 1510 г. Шейбани-хан был убит, а Мерв сдался на милость победителя. Один из приближенных Шейбани-хана Ходжа Махмуд-Сурх вручил ключи от города шаху Исмаилу. Богатства, принадлежавшие Шейбани-хану, Исмаил роздал своим эмирам и воинам, управление Мервом поручил Дада-беку, а сам отправился к Герату. Запоздавший же Убайдулла-хан, вернулся в Бухару[96].

Вхождение Мерва в состав сефевидского государства неблагоприятно сказалось на городе. Он стал объектом набегов узбеков, что мешало поддержанию торговых связей с Мавераннахром. Торговля между Ираном и Средней Азией шла через Герат, который и до этого был одним из крупнейших городов.

В 1513 г. Убайдулла-хан совершает набег на Мерв. Дада-бек, мервский правитель, в страхе бежал. Узбеки овладевают городом и грабят население. При приближении войск шаха Исмаила, Убайдулла-хан уходит за Аму-Дарью, уводя с собой часть населения. За трусость Дада-бек был шахом Исмаилом подвергнут унизительному наказанию.

В 1525 г. Убайдулла-хан опять берет Мерв и, воспользовавшись междоусобицами между кизилбашскими правителями в Хорасане, берет Тус. На короткое время город опять попадает под власть узбеков.

В 1529 г. при приближении войск шаха Тахмаспа I Убайдулла из Герата прибывает в Мерв, куда он пригласил правителей из Мавераннахра для оказания ему помощи, которые, однако, решили не оказывать сопротивления многочисленным кизилбашам. Убайдулла был вынужден отступить в Бухару[97].

Эти набеги на Мерв тяжким бременем ложились на население, которое каждый раз предавалось разграблению, уводу в Бухару. Мервцы имели связи с Бухарой; так, в Мерве были ученики и почитатели Ходжи Ислама Джуйбари; о почтении, оказываемом Ходже Исламу, говорит тот факт, что во время осады Бухары Барак-ханом в 1554 г. он проживал в Мерве. Взявший Бухару Абдулла-хан предложил Ходже Исламу вернуться домой, но он отказался. Только после изгнания Абдуллы Ходжа Ислам возвращается в Бухару, а оттуда выезжает в Хорезм. Из Хорезма Ходжа Ислам опять возвращается в Мерв, где он был встречен с почетом своими учениками и почитателями. В результате борьбы между шейбанидскими султанами Бухарой овладевает Абдулла-хан, который посылает в 1559 г. в Мерв к Паянда Мухаммед султану, очевидно правителю области, сватом сына Ходжи Ислама —

Ходжу Саада. Последний вернулся с сестрой Паянда Мухаммед султана, которая была выдана замуж за Абдуллу[98].

В 1567 г. Абдулла-хан совершает неудачный набег на Мерв, город взять ему не удается, и он, разграбив окрестности и разрушив плотину, уводит за Аму-Дарью часть живших там мервцев. И только в 1592 г. Абдулла-хан получает Мерв в подарок от Нур-Мухаммед-хана (Нурум-хан). Нурум-хану принадлежали Мерв, Ниса, Абиверд и другие города северного Хорасана.

В 1592 г. из Хорезма выступил Ходжим-хан и захватил Нису и Дурун. Нурум-хан обратился за помощью к Абдулла-хану и обещал подарить Мерв, если бухарцы вернут ему Нису и Дурун. Абдулла-хан занял Мерв, но дальше не пошел, ссылаясь на прибытие в Хорасан войск шаха Аббаса I (1587—1628) и на его союз с Ходжим-ханом[99].

Смерть Абдулла-хана и наступившая смута в Мавераннахре позволила Нурум-хану вернуться в Мерв летом 1598 г. Вместе с шахскими войсками Нур-Мухаммед-хан прибыл в Мерв, откуда бежали узбекские правители.

Но через два года Нур-Мухаммед-хан потерял Мерв, в который вступили войска шаха Аббаса I. В 1600 г. шах хотел встретиться с Нурум-ханом, который уклонился от этой встречи и выехал в Нису. Но увидев бесплезность сопротивления, растерявший свой отряд по дороге из Нисы в Мерв, Нур-Мухаммед-хан сдался на милость победителя и был отправлен в Шираз, где доживал свои дни пенсионером иранского шаха. Шах Аббас I вступил в Мерв, где в главной мечети города, впервые за 80 лет, с именем иранского шаха, была прочитана хутба, ибо город после смерти шаха Исмаила был потерян Ираном. Так с начала XVII в. для Мерва начался новый период его истории.

Начало XVII в. как в Иране, так и Мавераннахре характеризуется некоторым подъемом строительной деятельности. В XVII в. в Бухаре воздвигается целый ряд мечетей, медресе, хонако, среди которых — такие значительные сооружения, как медресе Надир-Диван-беги, Абдул-Азиз-хана, Миракон, Бозори-Гусфонд, Джуйбори-калян и другие[100].

Для Мерва начало XVII в. ознаменовалось лишь ремонтом городских стен и башен. Именно к этому времени можно отнести покрытие футляром из пахсовых блоков северо-восточной стены городища Абдулла-хан-кала, ремонт многих башен и стен со стороны города. По свидетельству Искандера Мунши шах Аббас I поручил управление Мервом Бекташ-хану, устаджлю, а оставшихся мервских воинов отпустил домой заниматься мирным трудом. Мервская крепость (то есть изучаемые нами городища) была обнесена глубоким рвом и снабжена припасами и оружием. Башни и стены были исправлены[101].

С утверждением господства иранцев в Хорасане вновь начинаются набеги узбеков на эту область. Так, в 1617 г. Имам-кули-хан (1611—1642) совершает набег с 30-тысячным отрядом на Мервскую область и продвигается до самого Нишапура[102].

Чтобы обезопасить страну от набегов узбеков, шах Аббас I переселяет в восточный Хорасан племена воинственных курдов. После смерти шаха Аббаса I в 1628 г. на Мерв делает набег; Исфендиар-хан из Хорезма, пытаясь им овладеть, подходит к городу и заводит переписку с мервским правителем Ашур-ханом чегени, желая выманить его из города. Ашур-хан, оставив охрану в городе, вышел с полком кизил-

башей и полком «туфангчи» (стрелков из ружей) и нанес поражение хивинцам. Исфендиар-хан бежал, а лагерь его стал добычей шахских войск[103].

В 1630—31 гг. Имам-кули-хан совершает поход на Хорасан и делает неудачную попытку овладеть Мервом[104].

В Иране к концу XVII в. начавшийся кризис резко сказался на экономическом состоянии страны и шахской власти, которая приходит в упадок. Сокращаются доходы шахской казны и феодальной знати, усилившейся в начале XVII в. Рост податного бремени особенно остро сказался на окраинных, подвластных Ирану, областях, что, конечно, вызвало сильное недовольство населения, с чем шахской власти приходилось считаться. Так, в 1675—1678 гг. шахом Сулейманом, или Сефи II (1667—1694) был отстранен от должности за злоупотребления беглербеги Мерва Кур-Хамеш-хан, а его брат Мухаммед-Али-бек, джебадар-баши, даже заключен в тюрьму. Управление же Мервом шах поручил Аслан-хану[105].

В 1690 г. бухарский аталык Хушике-бий совершает поход на Мерв, чтобы, по словам Мухаммед-Эмина, устранить смуты и беспорядки «той заблудшей толпы». Осадив город и начав грабеж и насилия над окрестным населением, бухарцы дважды пытались его взять штурмом. Но кизилбаши под руководством правителя Мерва Хаджи-Тимур-хана, распределив между собой стены и башни, усердно оборонялись. Отягощенные награбленным, воины Хушике-бия не смогли овладеть городом, поэтому они сняли осаду и вернулись в Бухару[106].

Кризис, начавшийся в конце XVII—начале XVIII вв., охватил всю Среднюю Азию и Иран. Это был период анархии и феодальных междуусобиц. В царствование шаха Хусейна (1694—1722) Иран пришел в состояние полного упадка, страну раздирали смуты и восстания, а извне на нее совершались набеги. Активное участие в этих смутах принимали туркмены, выступая то на стороне иранцев, то на стороне хивинцев.

В начале XVIII в. весь северный Хорасан, в том числе и Мерв, платили правившему в Хорезме туркмену Муса-хану джезие — подушную подать, которая налагалась на немусульман[107].

Иран, находившийся в состоянии полного упадка, подвергся нападению афганцев из области Кандагара. В 1722 г. им удалось овладеть Исфаханом, бывшим при сефевидах столицей, и значительной частью страны. К концу 20-х годов XVIII в. под властью афганского правителя Ашрафа (1725—1730) оказались области Ирак персидский, Фарс и Керман. На северо-востоке Ирана укрепляется власть Надир-шаха, который начинает вести успешную борьбу с афганцами[108].

Надир-шах после очищения центральных областей Ирана от афганцев начинает борьбу за Северо-Восточный Хорасан, которым правил находившийся в Мешхеде Мелик Махмуд. Во время войны с Махмудом внимание Надир-шаха привлекли события в Мерве, в котором началась междуусобная борьба.

Взяв Мерв, Надир-шах отправился к Мешхеду, куда в сентябре 1726 года должен был прибыть шах Тахмасп[109]. Но не прошло и года, как мервские жители восстали и захватили город. Надир-шах послал в Мерв, своего брата Ибрахим-хана, который разрушил плотину Султан-бенд. Город остался без воды, и жители принуждены были сдаться[110].

Через несколько лет Надир-шах послал Ибрахим-хана восстановить плотину на Мургабе, и она, по словам Мехди-хана, была восстановлена в 1734 г[111]. Но, по Мухаммед Казиму, плотина восстановлена не была, что, конечно, соответствовало действительности.

После разрушения плотины в 1727 г. Надир-шах приказал выселить мервских воинов в Мешхедскую область, и город опустел. Осталось только 100 семейств, которые жили не в самом городе, а на хуторах, занимаясь земледелием. Деревянные части из городских построек они употребили на топливо, и город лежал в запустении. Посланный Ибрахим-хан не смог восстановить плотину, ибо не было населения, которое могло бы заняться ее сооружением[112].

Так Мерв пустовал в течение 10 лет. И только в 1737 г., собираясь в поход на Индию, Надир-шах отдал приказ о восстановлении города, ибо в его дальнейшие планы входил поход на Туркестан. Об этом Надир-шах и сказал мервским воинам, которых он отправлял на восстановление города[113].

Надир-шах назначил Кальб Али-хана правителем области, а Шахкули-бека—на должность эшик-агасы-баши области. Затем было отдано распоряжение о выделении по разверстке трех тысяч дворов хорасанских крестьян для переселения в Мервскую область помимо возвращающихся туда всех мервских воинов с семьями. Всем переселенцам, а также отвыкшим от земледелия воинам, было строжайше приказано заниматься земледелием; для наблюдения за исполнением этого приказа были учреждены соответствующие должности. Также было приказано, чтобы около двухсот верблюдов и трехсот ослов постоянно подвозили необходимый мусор и хворост к Мургабской плотине для ее ремонта. Всю воду и землю в Мерве Надир-шах сделал государственной собственностью.

Прибывшие в Мерв переселенцы занялись ирригационными работами и, пропустив воду в город, занялись строительством жилищ и разведением садов. В это время и был, очевидно, произведен ремонт обрушившихся куртин юго-восточной стены пахсовыми блоками и одета новым футляром башня № 7, на которой так хорошо прослеживаются все три этапа строительства и ремонта стен городища. Никто, кроме тех, кому было разрешено, не смел заниматься земледелием на государственных землях, весь урожай с которых поступал в распоряжение государственных учреждений.

Мухаммед Казим пишет, что земледелие было быстро восстановлено и Мерв стал давать доход, какого не было во времена сефевидов. Но это не совсем соответствовало действительности, ибо для уплаты жалованья мервским воинам средства отпускались из Хорасана[114]. Вполне понятно, что легче было бы платить из тех же доходов, которые приносил Мерв, нежели везти зерно из других районов Хорасана. Видимо, не настолько еще поднялось благосостояние города, как об этом пишет Мухаммед Казим, о чем говорят последующие события.

Кальб Али-хан организовал два похода мервцев на становища делавших набеги на Мерв туркмен. После этого туркмены стали посещать город только с мирными целями. В это же время мервцы принимают участие в отражении похода Ильбарс-хана (1728—1740) на Хорасан, воспользовавшегося отсутствием Надир-шаха.

При выступлении же в поход на Туркестан Надир-шах оставил в Мерве сыновей синдского царя с четырехтысячным отрядом синдцев с тем, чтобы они находились в городе до его возвращения из похода.

Надир-шах боялся, что его начальники в Мерве воспользуются недовольством населения и поднимут восстание, поэтому при малейшем подозрении он учинял крутую расправу. Так, по возвращении из похода на Туркестан он отправил вперед войска, завербованные там под начальством Рахим-хана мангита, которые и вступили в город. Затем Надир-шах подошел к городу и остановился неподалеку от него. Здесь он выслушал доклад мервских начальников о состоянии области и предал казни семерых из них.

Назначенному правителем Мервской области Шах-кули хану Надир сказал, что он казнил этих вельмож потому, что каждый из них «...был способен произвести волнение и восстание в городе и захватить власть в свои руки над целой областью!»[115]. Отправившийся в 1744 г. на войну в Малую Азию Надир-шах отдал приказ мервскому беглербеги Шах-кули-хану начать приготовления для похода на Китай. Для этого было приказано собрать и доставить в Мерв три тысячи харваров чугуна для изготовления ядер для пушек и мортир, а также двести харваров меди и олова для литья пушек и мортир. Посланным для этой цели приближенным Али-Дост-беку и Инаятулла-беку Ляляви с несколькими мастерами Надир-шах приказал изготовить 70 пушек и мортир и 14 тысяч ядер. Правитель Хорасанской области в три месяца собрал и доставил в Мерв нужное количество меди и чугуна, а уголь фисташкового дерева, необходимый для плавки, был доставлен из Бадхыза. 300 мервских артиллеристов занялись совершенствованием в стрельбе из пушек, имеющихся в городе, из Герата прибыли подрывники-саперы для обучения мервских саперов. Гарнизон Мерва было приказано привести в полную готовность для того, чтобы выступить в поход по прибытии Надир-шаха из Рума. Правителям других областей было приказано приготовить 200 тысяч мортирных ядер, а некоторым областям Хорасана заготовить три тысячи харваров пороха.

Эти приготовления Надир-шаха оставили следы на городище Абдулла-хан-кала. Вся восточная часть городища, прилегающая к западной и южной стене арка, усыпана металлическим шлаком. При опускании шурфа на глубине до 1 м встречались шлаки весом в несколько килограмм.

Но в 1745 г. Хорезм вышел из подчинения Надиру, и он отправил туда войска во главе со многими правителями областей, которые, собравшись в Мерве, выступили к Чарджоу, а оттуда в Хорезм. В этом походе отличился мервский беглер-беги Шах-кули-хан. Надир прибыл в Хорасан, откуда по его приказу в Мерв перевезли 50 пушек и 20 тысяч пушечных и мортирных ядер. Во время разбора отчетов Мерва Шах-кули-хан был обвинен в том, что он в сговоре с мятежным правителем Балха у берегов Гюргена затевает возмущение. Шах-кули отверг обвинение, а за ложный донос мервский соглядатай и осведомитель Али Мухаммедбек был казнен. Был казнен и заведующий финансами Мервской области. Надир-шах приказал собрать с Мервской области налог в сумме двух тысяч туманов, потребовав сбора этого налога до последнего динара[116].

В 1746 г. в Миankале вспыхнуло восстание китай-кипчаков во главе

с Ибадуллой. Абул-Фейз (1711—1747), бухарский хан, потерпел поражение. Он обратился за помощью к Надир-шаху, вассалом которого себя признавал. Надир-шах послал большой карательный корпус и восстание было подавлено[117]. В дальнейшем этот корпус должен был быть использован для похода на Китай.

Когда до находившегося в бухарских владениях иранского корпуса дошел слух о смерти Надир-шаха и волнениях в Хорасане и Иране, находившиеся с шахскими войсками Мухаммед Рахим-хан мангыт и Шах-кули-хан поспешили в Мерв. Эти волнения были из-за высокого налога, наложенного Надир-шахом на Мерв, ибо выполнение его для города было невозможным. Жители ссылались на то, что город совсем недавно стал устраиваться и, что они, кроме «ушра» (1/10 урожая), ничего поэтому не платили.

Волнения происходили по всему Хорасану и Ирану. Шах-кули-хан и Рахим-хан, боясь гнева Надир-шаха, решили вывести жителей Мерва и заселить ими пустовавший в то время Шахри-с-ябз. Жители, вначале дав согласие, затем испугались и отказались. Рахим-хан также отказался от этой затеи. Растерявший своих сообщников Шах-кули-хан остался с одним слугой и глашатаем Имам-верды. С ними Шах-кули-хан ночью проник в Мерв и спрятался в своем винограднике в западной части города. Имам-верды отпросился пойти в город сообщить семье Шах-кули-хана, что он в своем саду дожидается их. Но в городе он узнал, что сюда прибыл отряд, посланный Надир-шахом для поддержания спокойствия и порядка во главе с Назр Али-беком. Последнему Имам-верды и сообщил о спрятавшемся бывшем мервском правителе. Шах-кули был схвачен и отправлен к шаху. По дороге он был ослеплен, а когда его доставили ко двору, то здесь его били каждый день плетьми и палками и держали в заключении[118].

В 1747 г. иранские феодалы организовали заговор и убили Надир-шаха. После убийства Надира в Иране еще больше усилилась разруха и феодальные смуты, которыми воспользовались афганцы, создавшие самостоятельное государство. При Ахмед-шахе (1747—1773) в 1750 г. афганцы занимают Мерв, Иран же никакого сопротивления оказать не мог. И только в 1796 г. Ага Мухаммед, основатель династии каджаров, вступил в Хорасан и занял часть территории, поделив тем самым эту область между Афганистаном и Ираном.

Правивший Мервом Байрам-Али-хан был в дружественных отношениях с бухарским аталыком Даниял-бием. Но после смерти аталыка, его сын Шах-Мурад в первый же год восшествия на бухарский престол и объявления себя эмиром совершает поход на Мерв. Высланный им небольшой отряд заманил Байрам-Али-хана с небольшим отрядом к главным силам Шах Мурада, которые находились в засаде. В бою Байрам-Али-хан был убит, но взять город бухарцы не смогли. Шах Мурад вернулся в Бухару.

Ставший правителем Мерва сын Байрам-Али-хана Керим-хан убил семь знатных жителей, уведенных в Бухару и принявших там суннитское вероисповедание. По возвращении в Мерв они стали склонять жителей к сдаче города Шах Мураду. Население было недовольно убийством этих людей, и Керим-хан передал правление городом своему брату Мухаммед-Хусейн-хану, который прибыл в Мерв из Мешхеда.

Но новый правитель не поладил с комендантом крепости, охраняв-

шим плотину на Мургабе. Эта крепость служила не только для целей охраны, но также, как и все крепости на плотинах в Средней Азии, служила для контроля и охраны привилегий состоятельных слоев населения на воду от своих бедных сограждан.

Причиной недовольства коменданта, по одной из версий, было изгнание из крепости правителем города Мухаммедом Хусейн-ханом цыганки, которая была возлюбленной коменданта, опасаясь, что он не будет ревностно исполнять свою службу. В ответ на это комендант предложил Шах Мураду взять крепость. Шах Мурад, уже находившийся в пути после второго неудачного похода, быстро вернулся, овладел крепостью и разрушил плотину.

Город стал испытывать недостаток воды. Из Герата стали подвозить зерно, но это не смогло спасти город от бедственного положения. Город сдался Шах Мураду.

До этого одна часть жителей выселилась в Герат, а другая в Мешхед. Шах Мурад увел в Бухару 15 тысяч мервцев. В течение двух лет городом правили братья Омар-бий и Фазиль-бий. Но население, подняв восстание, осадило арк и взорвало его ворота. Омар-бий и Фазиль-бий спаслись бегством. Хакимом города был назначен Бедель-мирза. В конце XVIII в. Шах Мурад назначил правителем Мерва своего сына Дин-Насир-бека.

Но в первые годы правления эмира Хайдара (1800—1826) между ним и Дин Насир-беком отношения стали натянутыми. В 1804 г. брат вызвал Дин-Насир-бека в Бухару, который ответил отказом. Тогда эмир Хайдар решил схватить его, но Дин-Насир-бек бежал в Иран. В 1807 г. часть населения ушла в Мешхед, другая часть была выведена в Бухару прибывшим в Мерв эмиром Хайдаром[118].

Мерв же опустел, а оазис был заселен текинцами и сарыками. Борьба между Хивой и Бухарой в начале XIX века за первенство в Мервском оазисе решилась в пользу Хивы. В 1823 г. хивинский хан Мухаммед-Рахим I (1806—1825) пытается восстановить плотину. Посланный Кутлуг Мурад-инак дважды ее восстанавливал, но она каждый раз разрушалась.

Свободолюбивые сарыки неоднократно выходили из подчинения Хивы, отказываясь платить налог. Одновременно хивинцы и мервские туркмены совершали набеги на пограничные области Ирана. Так, в один из походов на Иран в 1841 г. Алла-кули-хан (1825—1842) остановился в «старой мервской крепости», которая является укреплением Байрам-Али-хана. Хан посетил могилы Султана Санджара, Ахмеда Замчи и имама Джафара. Живущим у гробниц «меджеурам» хан оказал милости[119]. Затем он последовал в крепость Нияз Мухаммед-бая, выстроенную туркменами, которая, когда она была заброшена, получила название Порсукала, то есть «вонючая крепость»[121].

В 1846 г. хивинский хан Мухаммед-Эмин (1845—1855) отправляет отряд против мятежных сарыков, которые засели в крепости Байрам-Али-хана, жившими до этого в своих становищах в районе опустевшего Мерва. Спасаясь от походов хивинцев, они укреплялись в неподалеку находившихся городищах, используя их крепкие стены. Вполне возможно, что в это время были подремонтированы стены городища Байрам-Али-хан-кала, северная из которых и получила вид извилистой линии.

Пограбив окрестности, но не взяв крепости, хивинцы ушли. В сле-

дующем году хан вторично осаждал эту крепость, но взять ее не смог, несмотря на артиллерийский обстрел и неоднократные атаки. Наконец, путем переговоров удалось совершить примирение. Сарыки изъявили желание повиноваться, и хан ушел в Хиву. Совершая поход на сарыков Иолотана в 1850 г. хан останавливается в крепости Байрам-Али-хан-кала[122].

Через год сарыки вышли из повиновения, и походы 1851 и 1852 гг. не принесли успеха хивинскому хану; взять крепость не удавалось. В этот период трехлетней борьбы мервских туркмен с Хивой посевы вытаптывались, скот угонялся. Сарыки оказались в бедственном положении, их главарь Абд-ур-рахман-халифе послал своего сына Рахман-верды к иранскому шаху с просьбой о помощи. Среди самих туркмен начался раскол и часть их, отделившись от Абд-ур-рахмана-халифе, признала хивинское подданство и поселилось в Кара-Ябе, в 6 фарсахах от крепости. Из Хорасана в 1854 г. на помощь сарыкам были посланы войска в составе трех полков с 6 пушками под командованием полковника Исмаил-хана; неоднократно посылалось и зерно. Из Хивы же был послан отряд, состоящий из туркмен али-эли, имрели, арабачи, чоудор и др. В результате стычек сарыки и иранцы были блокированы, причем сарыки засели в крепости Байрам-Али-хана, а иранцы—в окопах около крепости. Не выдержав осады и голода, Исмаил-хан укрылся в крепости, а войска бежали в Иран. Сарыки, увидев что поражение неминуемо, выдали хивинцам Исмаил-хана, а сами просили прощения. Из крепости сарыки были переселены со всеми их домами и имуществом, Исмаил-хан был отправлен в Хиву, где его заключили в тюрьму[123].

С тех пор крепость Байрам-Али-хан-кала опустела, а все события последующих лет происходили в районе современного Мары, где Каушут-хан в 1873 г. начал постройку крепости, испугавшись похода русских из Хивы на Мерв.

После присоединения Мервского оазиса к владениям России, южнее развалин мервских городищ, в 1887 г. возникло Мургабское государево имение, из которого после Великой Октябрьской социалистической революции вырос город Байрам-Али.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Борнс А. Путешествие в Бухару, ч. III, 1849, стр. 34.
2. Записки Конолли А. мне недоступны, поэтому эти сведения заимствуются из работы Жуковского В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. Спб., 1894, стр. 97—98.
3. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 99—100.
4. Галкин М. Н. Несколько слов о Мерве — по поводу телеграммы из Калькутты. Северная Почта, 1867, № 208.
5. O'Donovan E. Merv. A story of adventures and captivity. Epitomised from the Merv oasis. London, 1883, стр. 234 и след.
6. Тродеков Н. И. Война в Туркмении, Т. I. Спб., 1883, стр. 18.
7. Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. Вестник Европы, 1904, № 9, стр. 83.
8. Алиханов [М.]. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. Спб., 1883, стр. 11.
9. Новое время, 1884, № 2902.
10. К[ондратенко] Е. Поездка главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А. М. Дондукова-Корсакова в Мерв в 1884. Кавказский календарь на 1887 г., стр. 259. Перепечатано из газеты «Кавказ», 1884, № 116, 117, 118.
11. Синицын Л. Поездка в Мерв. Туркестанские ведомости, 1885, № 13.

12. По линии Закаспийской железной дороги. Кавказ, 1885, № 336. См. также Туркестанские ведомости, 1886, № 3.

13. Вальтер А., Коншин А. М. и Радде Г. И. Предварительный отчет о снаряженной по высочайшему повелению экспедиции в Закаспийский край и Северный Хорасан в 1886 г. Тифлис, 1886, стр. 98.

14. Жуковский В. А. Указ соч., стр. 140—141.

15. Там же, стр. 141. См. также Уварова П. С. Поездка в Ташкент и Самарканд. Русская мысль, 1891, кн. XII, стр. 17.

16. Boulangier E. Voyages á Merv. Les Russes dans l'Asie Centrale et le chemin de fer Transcaspien. Paris, 1888, стр. 238—241.

17. Циммерман Э. [Р.]. По Закаспийской железной дороге. М., 1889, стр. 34. Его же. В глубь Азии. Поездка в Самарканд. М., 1892, стр. 26.

18. Ухтомский Э. [Э]. От калмыцкой степи до Бухары. Спб., 1891, стр. 99.

19. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 138—148.

20. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 145.

21. Там же, стр. 146—147.

22. Там же, стр. 147—148.

23. Уварова П. С. Указ. соч., стр. 17—18. Марков Е. [Л]. Россия в Средней Азии, т. I. Спб., 1901, стр. 307. Ранее им эти же очерки были помещены под названием: В Туркмении. Русское обозрение, июнь, 1891, т. III, стр. 453—507. Абрагамсон А. Две недели в Средней Азии. Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. Киев, 1892, стр. 113 и след.

24. Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент, 1893, стр. 37—38.

25. Федоров К. М. Закаспийская область. Асхабад, 1901, снимок между стр. 38—39.

26. Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и азиатским владениям России. Томск, 1903—1904, стр. 376—384. Иллюстрированный путеводитель по Среднеазиатской железной дороге. Ашхабад, 1912, стр. 68—76. История заимствована из книги Федорова К. М. Закаспийская область. Асхабад, 1901. Дмитриев-Мамонов А. М. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. Спб., 1913, стр. 221—223. Масальский В. И. Туркестанский край. Россия, т. XIX, Спб., 1913, стр. 641—649.

27. Барц Э. Р. Орошение в долине р. Мургаба и Мургабское государево имение. Спб., 1910, стр. 157. Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. М., 1914, стр. 91.

28. Л[итвинов] Б. Н. Нечто археологическое. Туркестанские ведомости, 1912, № 173. Его же. О старине в Закаспии. Туркестанские ведомости. 1912, № 186.

29. Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 300—301.

30. Семенов А. [А]. По Закаспийским развалинам. Известия Средазкомстариса. Вып. 3. Ташкент, 1928, стр. 84.

31. Севастьянов И. Странички прошлого Туркмении и сопредельных с нею стран. Ашхабад, 1929.

32. Романов Н. И. Кто и как жил в древности на территории Туркмении. Ашхабад, 1928, стр. 13.

33. Ершов С. [А]. Итоги трех лет. Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. 55. Марущенко А. [А]. Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Известия ТГНИ, 1935, № 1, стр. 14 и след.

34. Бачинский Н. М. Историческая справка. Архитектурные памятники Туркмении. Вып. 1. М.—Л., 1939, стр. 15.

35. Архитектурные памятники Туркмении. Вып. 1. М.—Ашхабад, 1939, стр. 121.

36. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 140; Федоров К. М. Указ. соч., фотоснимок между стр. 38—39.

37. Федоров К. М. Указ. соч., фотоснимки между стр. 38—39.

38. Внешний вид ворот см. Масальский В. И. Указ. соч., стр. 645, внутренний вид см. Boulangier E. Указ. соч., стр. 243.

39. Абрагамсон А. Две недели... Снимок между стр. 114 и 115.

40. Марков Е. [Л]. Россия в Средней Азии..., стр. 309.

41. Эварницкий Д. И. Путеводитель..., стр. 37—38.

42. Марков Е. [Л]. Россия..., стр. 307—308.

43. Эварницкий Д. И. Путеводитель..., стр. 38.

44. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 144.

45. Boulangier E. Указ. соч., стр. 239.

46. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 139.
47. Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в. Труды САГУ. Археология Средней Азии. Вып. XI, кн. 3. Ташкент, 1950, стр. 95.
48. Там же, стр. 95.
49. Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 414.
50. Там же, стр. 415.
51. Маркс К. Британское владычество в Индии. Избранные произведения в двух томах, т. II. Госполитиздат, 1940, стр. 520.
52. Литвинский Б. А. Средневековые поселения области Нисы (северное Копет-Дага) в IX—XV вв. Автореферат. Ташкент, 1951, стр. 13.
53. Абд-ар-Раззак Самарканди, Матла-ас-Са'дейн. Пер. Смирновой О. И., МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 530.
54. Хафиз-и-Абру. Географическое сочинение. Пер. Волина С. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 527.
55. Маркс К. Указ. соч., стр. 520.
56. Абд-ар-Раззак Самарканди. Цит. соч., стр. 530.
57. Там же, стр. 531.
58. Хафиз-и Абру. Цит. соч., стр. 527.
59. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 146—147.
60. Эварницкий Д. И. Указ. соч., стр. 36.
61. Романов Н. [И]. Из древней истории Туркмении. Туркменоведение, 1927, № 2—3, стр. 30.
62. Его же. Кто и как жил в древности на территории Туркмении. Ашхабад, 1928, стр. 13.
63. Семенов А. А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1945, стр. 25.
64. Скосырев П. Туркменистан. М., 1948, стр. 156.
65. Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 19.
66. Массон М. Е. Самаркандский регистан. Труды Среднеазиатского Государственного Университета. Археология Средней Азии. Новая серия, вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 75.
67. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 139.
68. Мирхонд. Раузат ас-Сафа. Пер. под ред. Ромаскевича А. А., МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 536.
69. Там же.
70. Жуковский В. А. датой этого похода считает 1566 г. См. указ. соч., стр. 75. Бартольд В. В. считает 1567 г. См. К истории орошения..., стр. 67.
71. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 75.
72. Искандер Мунши, Тарих-и-алям-ара-и Аббаси. Пер. под ред. Ромаскевича А. А., МИТТ, т. I. М.—Л., 1938, стр. 99.
73. Жуковский В. А. Указ. соч., стр. 77.
74. Мухаммед Казим. Надир-намэ, т. II. Пер. и прим. Иванова П. П., МИТТ, т. II, М.—Л., 1938, стр. 186.
75. Полупанов С. Н. Архитектурные памятники Самарканда. М., 1948, стр. 7. Ср. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 16.
76. Якубовский А. Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Л., 1933, стр. 20. Его же. Тимур. Вопросы истории, 1946, № 8—9, стр. 73. Ср. Массон М. Е. О колебании климата Средней Азии в связи с вопросом об изменении режима вод за исторический период. Труды Узбекистанского географического общества, т. II(XXI). Ташкент, 1948, стр. 16.
77. Беленицкий А. М. Историческая топография Герата XV в. Алишер Навои, Сб. статей. М.—Л., 1946, стр. 181. Ср. Массон М. Е. К исторической топографии Герата XV в. Великий узбекский поэт. Сб. статей, Л., 1948, стр. 128.
78. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 110.
79. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 166.
80. Малицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, стр. 108.
81. Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр. 68.
82. Мухаммед-Казим. Надир-намэ. Цит. соч., стр. 155.

83. Эти сведения были любезно сообщены преподавателем САГУ Р. У. Умаровым, выходцем из Афганистана.

84. Сооружения подобного рода известны на Востоке с глубокой древности. См. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 52—53, табл. XIII.

85. Мухаммед Казим. Указ. соч., стр. 155.

86. Шарафуддинов А. Алишер Навои. Ташкент, 1948, стр. 56; Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. Сб. статей. М.—Л., 1946, стр. 26.

87. Мухаммед Казим. Указ. соч., стр. 154.

88. Абд-ар-Раззак Самарканди. Цит. соч., стр. 530.

89. Там же, стр. 534.

90. Мирхонд. Цит. соч., стр. 536.

91. Салье М. Кемаль-ад-дин Беннаи и его покровители. Дар. Альманах, Ташкент, 1944, стр. 174.

92. Бертельс Е. Э. Навои. М.—Л., 1948, стр. 238.

93. Захириддин Бабур. Бабур-намэ. Пер. Салье М., Ташкент, 1948, стр. 107—109.

94. Хондемир. Хабиб-ус-сияр, т. III, ч. 4. Пер. под ред. Ромаскевича А. А., МИТТ, т. II. М.—Л., 1938, стр. 42.

95. Давидович Е. А. По поводу южно-туркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 161.

96. Хасан-бек Румлю. Ахсан-ут-таварих. Пер. Арендса А. К., МИТТ, т. II. М.—Л., 1938, стр. 56.

97. Там же, стр. 59.

98. Вяткин В. Л. Шейхи Джуйбари. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, стр. 3—19.

99. Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Туркмения, т. I. Л., 1929, стр. 49—52.

100. Шишкин В. А. Города Узбекистана. Ташкент, 1943, стр. 27.

101. Искандер Мунши. Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси, Цит. соч., стр. 100.

102. Там же.

103. Мухаммед Ма'сум и Мухаммед Тахир-и-Вахид. Продолжение Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси Искандера Мунши. Пер. под ред. Ромаскевича А. А., МИТТ, т. II. М.—Л., 1938, стр. 104.

104. Там же, стр. 113.

105. Там же, стр. 115.

106. Мухаммед Эмин Кирак Яракчи. Мухит-уттаварих. Пер. под ред. Ромаскевича А. А. МИТТ, т. II. М.—Л., 1938, стр. 116.

107. Бартольд В. В. Очерк истории... Цит. соч., стр. 60.

108. Миклухо-Маклай Н. Д. О первом томе труда Мухаммеда Казима. Советское востоковедение, т. V. М.—Л., 1948, стр. 130; см. Его же. Труд Мухаммеда Казима и его значение для истории туркмен. Известия ТуркменФАН СССР, № 5—6, Ашхабад, 1945, стр. 34—35.

109. Мехди-хан-Астрабадский. История Надир-шаха. Пер. под ред. Ромаскевича А. А. МИТТ, т. II. М.—Л., 1938, стр. 124—127.

110. Там же, стр. 129.

111. Там же, стр. 137.

112. Мухаммед Казим. Надир-намэ т. II. Пер. Иванова П. П., МИТТ, т. II, стр. 154—155.

113. Там же, стр. 151.

114. Там же, стр. 155.

115. Там же, стр. 163.

116. Мухаммед Казим. Надир-намэ т. III, МИТТ, т. II, стр. 167—168.

117. Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве. Труды Института Востоковедения, XXVIII. М.—Л., 1937, стр. 8—9.

118. Мухаммед Казим. Надир-намэ, т. III. Цит. соч., стр. 184—188.

119. Мир Абуль-Керим бухарский. История Средней Азии. Пер. Мирзоева Г. А., МИТТ, т. II, стр. 196—202.

120. Агехи. Зубдет-ут-таварих. Пер. Аксакова З., МИТТ, т. II, стр. 480.

121. Самойлович А. Н. Абду-с-Сатар-казы, Книга рассказов о битвах текинцев. Спб., 1924, стр. 103.

122. Агехи. Джами-уль-вакыат-и-султани. Пер. Аксакова З., МИТТ, т. II, стр. 507—510, 523.

123. Там же, стр. 520—539.

М. И. МОЛОЖАТОВА

КИТАЙСКОЕ БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ РАЗВАЛИН ГОРОДИЩА АБДУЛЛА-ХАН-КАЛА В СТАРОМ МЕРВЕ

В развалинах старого Мерва среди археологических находок 1955 г. было обнаружено маленькое китайское зеркало-талисман.

Оно было найдено на городище Абдулла-хан-кала (остатки развалин Мерва, который был отстроен по распоряжению Шахруха, сына Тимура, в 1410 году) в северо-восточном углу, где расположены руины дворца местных правителей. Площадь эта занимает прямоугольник, примыкающий к углу городских стен. При входе через главные ворота на территорию дворца с запада возвышаются два высоких помещения из сырцового кирпича. Одно из них являлось михманханой, приёмной для гостей, останавливавшихся у правителя. При обвале северной стены, крупный кусок кладки северо-западного угла, оплывший целиком на уровень современной поверхности, позволил обнаружить в щели шва между двумя рядами кладки небольшой круглый бронзовый предмет, оказавшийся китайским зеркалом. Судя по сделанным профессором М. Е. Массоном на месте наблюдениям, зеркало было нарочито засунуто в указанную щель на высоте немного более 1,50 м от уровня пола XV в.

Китайское круглое бронзовое зеркало-талисман имеет в диаметре 5 см, толщину 0,3 см. Сплав темно-серого цвета. Лицевая сторона хорошо отполирована, оборотная сторона украшена тематическим орнаментом, в центр зеркала вписан квадрат, центральное полушаровидное отверстие, через которое продевался шнур, повреждено.

Тема орнамента этого зеркала — восемь бессмертных даосских гениев Па Сянь, популярных героев многочисленных легенд и народных сказов. Народные мастера часто изображают их в живых реальных образах на фарфоре, бронзе, дереве и других материалах. Поля зеркала приподняты, образуя ободок, в углубленном резерве между центральным квадратом и полями расположены восемь рельефных фигурок, размещенных в следующем порядке: с левой стороны от центрального квадрата — две фигурки, очертания которых слегка расплывчаты от времени и долгого пребывания в земле. При тщательном рассмотрении можно было ясно заметить в руке фигурки приподнятый веер, у фигурки рядом — в руке предмет, имеющий форму пластинок или кастаньет — «ба».

Справа от центрального квадрата расположены три фигурки: у крайней, стоящей у полей зеркала, через плечо перекинут длинный стебель цветка, видимо лотоса, так как у этих цветов очень длинные стеб-

ли. У фигурки, стоящей ниже и опирающейся о посох, одна нога короче другой, у третьей фигурки в руках длинный предмет, который может быть музыкальным инструментом из бамбука юй гу.

Рис. 1. Китайское бронзовое зеркало с городища Абдулла-хан-кала в Старом Мерве.

В дальнейшем стало понятно, что все эти вещи в руках фигурок не случайность, а определенные эмблемы даосских бессмертных гениев, с которыми они, по установившейся с глубокой древности традиции, всегда изображаются народными мастерами искусства.

Фигурка с веером—это даосский бессмертный Чжун Ли-цюань, имеющий еще другое имя Хань Чжун-ли, его эмблема — волшебный веер, рядом с ним Цао Го-цзю с кастаньетами. У фея Яшмового озера Хо Сян-гу эмблемой является цветок лотоса; ниже стоит хромой даосский гений Ли Тэ-гуай, опираясь на свой постоянный атрибут—железный посох. В руке у него фляга пилигрима. Стоящий рядом с ним —

старец Чжан Го-лао, его эмблемой является музыкальный инструмент «юй гу», сделанный из ствола бамбука.

Внизу, под центральным квадратом, расположены три маленькие сидящие фигурки; крайняя из них держит длинный предмет около рта,— это даосский бессмертный Хань Сян-цзы, его атрибутом является флейта. Следующая сидящая фигура принадлежит Лань Цай-хо, в правой руке он держит свою эмблему — корзинку цветов; рядом с ним стоит даосский гений Люй Тун-бинь, за спиной у него висит его эмблема — волшебный меч.

Так как на зеркале были выявлены все даосские гении с их постоянными эмблемами, то верхняя фигура на волшебном олене, конечно, принадлежит мудрецу Лаоцзы, которого даосы считают основателем и покровителем своей религии. В китайском народном творчестве очень любят изображать Лаоцзы на пятнистом олене.

Благодаря сравнительному анализу и аналогии с различными изображениями восьми бессмертных гениев на фарфоре, дереве, камне и на новогодних картинках народного творчества удалось дать реконструкцию тематического орнамента бронзового зеркала.

Орнамент «Па Сян» — «восемь бессмертных» является любимым мотивом в китайском искусстве и символом счастья и удачи в различных делах, служа символическим значением «оберега» от злых влияний.

В старом Китае такие зеркала-талисманы вешались на полог кровати или же на внешней стороне дома.

Появление легенд о группе «Па Сянь» китайская мифология относит ко времени династии Юань (XIII—XIV вв. н. э.), хотя легенды об отдельных гениях встречаются гораздо раньше. По содержанию орнамента и технике литья китайское бронзовое зеркало-талисман из развалин городища Абдулла-хан-кала можно отнести к XIV в. н. э.

В Китае даосизм возник в VI—V вв. до н. э. как философское учение, но постепенно, пройдя стадии алхимии и магии в I и II вв. н. э., превратился в религиозную систему, соединив основные принципы древнего философского даосизма с народными верованиями.

Восемь бессмертных гениев были даосскими отшельниками, которые жили в определенные эпохи и достигли бессмертия посредством изучения тайн алхимии, но остались существовать на земле, помогая людям в их тяжёлой доле. Они являлись покровителями различных профессий и цехов. В своих путешествиях и многочисленных приключениях восемь бессмертных гениев, эта группа китайских донкихотов, всегда оставалась на стороне бедняков, добиваясь правды своими чудесными заклинаниями и фантастическими формулами.

Даосские легенды рассказывают о них следующее.

Чжун Ли-цюань или Хань Чжун-ли, древнейший даосский бессмертный гений, появился во время династии Чжоу (XII—III вв. до н. э.), занимал пост полководца при дворе Чжоуского вана, но однажды, проиграв битву, Чжун Ли-цюань вместе с женой должен был возвратиться в свой родной край, где он стал вести жизнь философа. Однажды, совершая прогулку по горам, он заметил молодую женщину, сидящую около свежей могилы в глубоком трауре, обмахивая ее веером, пытаясь высушить землю. На вопрос Чжун Ли-цюаня, зачем она это делает, женщина ответила, что ее покойный муж просил ее не выходить вторично замуж до тех пор, пока на его могиле не высохнет земля, и по-

этому она осушает её веером. Философ предложил свою помощь, взяв у неё веер, взмахнул, и земля мгновенно высохла, женщина поблагодарила и ушла радостная, оставив свой веер.

Рис. 2. Чжун Ли-цюан и Чжан Го-лао. Народное творчество провинции Шэнси.

Возвратясь домой, Чжун Ли-цюан рассказал эту историю своей жене, которая высказала резкое порицание молодой женщине. Философу пришла мысль проверить её чувства, он проглотил волшебную пилюлю и сделался мнимо умершим, в то же время он принял вид прекрас-

ного юноши-путешественника, который остановился у вдовы и сделал ей предложение; получив согласие, он стал просить достать мозг из головы покойного мужа, чтобы сделать чудодейственное лекарство. Вдова от-

Рис. 3. Ли те-гуай и Цао Го-узю. Народное творчество провинции Шэнси.

крыла гроб и к своему ужасу увидела, что ее муж оживает, а жених в то же время исчезает. Она поняла все и от стыда повесилась. Чжун Ли-цюань сжёг свой дом, взяв только книгу Даодэцзинь и веер, который с тех пор стал его эмблемой.

Ли Те-гуай, даосский отшельник, живя на земле, достиг большого искусства перевоплощаться. Однажды Лаоцзы позвал его к себе на гору Тайшань. Ли Те-гуай оставил свое тело на попечение своего ученика Лан Линя и отправился побеседовать с учителем. Случилось так, что он долго не возвращался. Лан лин, считая учителя умершим, сжег тело Ли Те-гуайя и уехал домой к больной матери. Вскоре дух Ли Те-гуая прилетел обратно и, не найдя своего тела, вошел в тело только что умершего хромого нищего. Поэтому Ли Те-гуай изображается хромым бедняком с посохом. Его эмблема — фляга пилигрима.

Цао Го-цзю жил в эпоху Сун, был сыном полководца Цао Пина. Цао Го-цзю изображается в придворной одежде, так как он был братом императрицы Цао-Ху (930—999 гг. н. э.). Его эмблемой является пара кастаньет, которые он держит в руках.

Происхождение кастаньет приписывают дворцовым табличкам, которые он держал всегда в руках, чтобы пройти во дворец. Цао Го-цзю почитается как покровитель театра.

Хо Сян-гу — единственная женщина в группе восьми даосских гениев, жившая, по преданию, в провинции Хунань в VII в. Съев волшебный персик бессмертия, она сделалась феей. Хо Сян-гу стала жить возле Яшмового озера, где собирала всевозможные целебные травы, из которых приготовляла лекарства; здесь она получила прозвище феи Яшмового озера; цветок лотоса считается её эмблемой. Хо Сян-гу почитается как хранительница семейного очага.

Чжан Го-лао жил в VIII в. н. э., был замечательным даосским волшебником и любил путешествовать на необыкновенно быстром белом муле, пробегавшем огромные пространства, причем Чжао Го-лао очень часто сидел на нём спиной к голове. По приезде на ночлег, этот мул превращался в подушку, служившую изголовьем путнику; на другой день достаточно было брызнуть несколько капель воды на подушку, как мул снова появлялся перед своим господином. Эмблемой Чжан Го-лао является «юй гу», музыкальный инструмент из ствола бамбука.

Хань Сян-цзы жил в эпоху Тан и был племянником известного поэта Хан Юя, который дал прекрасное образование Хан Сян-цзы; при сдаче государственного экзамена он был удостоен награды. Он познакомился со знаменитым даосом Люй Тун-бином и сделался его учеником. Впоследствии он мог выращивать чудесные цветы, на листьях которых писал свои поэмы. Хань Сян-цзы всегда носил с собой флейту из нефрита, являющуюся его эмблемой. Он почитается как покровитель музыкантов.

Лан Цай-хо самый молодой даосский гений, поэтому его часто принимают за женщину. Никто не знал, откуда он пришёл, был очень беден и чтобы прокормить себя, ходил и пел по улицам; темой его песен была быстротекущая жизнь с её обманчивыми мечтами. Если ему давали деньги, он тотчас же отдавал их беднякам. Одет он был в рваное платье, обвязанное деревянным поясом, одна нога обута, другая — боса. Летом он носил ватную одежду, зимой—спал на снегу. Эмблемой Лан Цай-хо является корзинка с цветами. Он—покровитель садовников.

Люй Тун-бинь родился в провинции Шэнси в эпоху Тан, в час его рождения в комнату влетел белый аист — символ благополучия и счастья. Люй Тун-бинь стал выдающимся учёным и занимал большую государственную должность, но видя алчность и жестокость правите-

лей, он часто смело защищал простых людей. За это он был отрешён от должности и бежал в горы, где встретился с бессмертным Чжун Ли-цюанем, у которого научился тайнам даосской магии. Пройдя десять иску-

Рис. 4. Хань Сян-цзы и Люй Тун-бинь. Народное творчество провинции Шэнси.

шений, сделался бессмертным, получив в награду волшебный меч, который стал его эмблемой. В Пекине, в маленьком храме, воздвигнутом в честь Люй Тун-бина, возжигают курение как ученые, так и брадобреи, считая его своим общим покровителем.

Тема «восемь даосских бессмертных гениев» фигурирует не только в произведениях народного творчества, но отражена также и в художественной литературе. Знаменитый поэт танского времени Ду Фу посвя-

Рис. 5. Лаоцзын на пятнистом олене. Народное творчество провинции Шэнси.

тил им свою поэму «Восемь бессмертных за чашей вина», на эту же тему многие художники писали картины. Восемь бессмертных гениев до XIX века представляли все классы китайского общества; так, рядом с полко-

Рис. 6. Хо Сян-гу и Лань Цай-хо. Народное творчество провинции Шэнси.

водцем Чжун Ли-цюанем стояли бедный уличный певец Лан Цай-хо и хромой нищий Ли Те-гуай. Группа восьми бессмертных гениев впервые

появилась в эпоху Сун, как проявление чувства юмора и живого, проницательного ума китайского народа, направленного против жестокого государственного культа—конфуцианства. В эпоху Юань даосы пользовались большим покровительством монгольских правителей, в этот период очень часто встречаются даосские темы в орнаментах прикладного искусства.

Возникает вопрос, какими путями китайское бронзовое зеркало-талисман с изображением восьми бессмертных пришло из Китая и очутилось в стене городища в Старом Мерве?

Прежде всего нужно обратиться к истории возникновения культурных и торговых связей между народами Средней Азии и Китая, а также к запискам известных путешественников.

Знаменитый даосский монах Чанчунь со своими учениками в XIII в. по приглашению Чингиз-хана совершил путешествие в Западный край. В описании «Путешествия на Запад» — «Си Ю Цзи» говорится, что он в 1222 г. был в г. Самарканде, где встретил много китайских ремесленников, пришедших вместе с монголами.

В исторических анналах династии Мин «Мин ши» имеется большая глава, посвященная описанию внешних сношений Китая с Западным краем во время Тимура и тимуридов в XIV—XVI вв. н. э.

Огромную роль играл обмен посольствами в политической и культурной жизни Китая и народов Средней Азии. Крепли торговые связи, китайские купцы ввозили фарфоровые изделия и шелка. Начиная с 1407 по 1422 гг. почти не было года, чтобы из Китая в Западный край или обратно не отправляли посольства. В Герате и Самарканде китайских послов принимали с большой торжественностью. Хафизи Абру отмечает, что к приезду китайского посольства в 1414 г. жители Герата украсили свои дома шёлковыми материями и коврами. Китайские посольства посещали не только Герат и Самарканд, но и дворы других тимуридов, а также их наместников. В ответ на это в 1420 г. было снаряжено тимуридское посольство в Китай, в состав которого входил художник Ходжа Гияседдин. В своем дневнике он высоко оценивает достижения китайцев в области художественных ремесел.

Обмен культурными ценностями и торговые связи способствовали установлению дружественных отношений между народами Средней Азии и Китая и проявлению особого интереса к культовым бронзовым зеркалам и фарфоровым изделиям.

Возможно, что китайское бронзовое зеркало-талисман было вложено в щель между двумя рядами кладки кирпичей именно со значением «оберега» от злых влияний и разрушения вновь отстроенного города.

Е. К. БЕТГЕР

УКАЗАТЕЛЬ К «ПРОТОКОЛАМ ЗАСЕДАНИЙ И СООБЩЕНИЯМ ЧЛЕНОВ ЗАКАСПИЙСКОГО КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ВОСТОКА»

«Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» издавались с 1915 по 1917 гг. и вышли всего в четырёх небольших выпусках. Первые три имеют на титульном листе указание, что каждый из них «издан при содействии *и. д. Начальника Закаспийской области, генерал-майора* Н. К. Калмакова», который состоял председателем кружка с 16 апреля 1914 по 1917 г., когда кружок прекратил своё существование.

История кружка, устав которого утвержден в марте 1903 г., в кратких чертах охарактеризована ещё в 1916 г. выдающимся знатоком истории Средней Азии А. А. Семёновым (см. «Библиографическую заметку» во II вып., № 22) и несколько пополняется напечатанными в выпусках I—III протоколами собраний кружка. Но всё же сведения эти довольно скудны, а сам журнал стал давно библиографической редкостью и *встречается в полном виде весьма нечасто. Поэтому я охотно принял* предложение начальника ЮТАКЭ проф. М. Е. Массона составить указатель к этому ныне мало известному изданию в надежде, что эта работа окажется небесполезой для археологов, историков и этнографов Туркменистана и других республик Средней Азии.

Ввиду небольшого количества описываемых работ, помещенных в «Протоколах» (№ 36), я счел целесообразным расположить их в том порядке, как они печатались в выпусках, причём их перечню предшествует описание всего издания в целом. К работе приложены вспомогательные *указатели: 1) авторов со ссылками на номер указателя, 2) географи*ческих имён, 3) личных имён, 4) племенных названий и 5) предметов. Во вспомогательных указателях 2—5 ссылки делаются на номер выпуска и страницы. Так как в выпусках II и III имеется несколько пагинаций, то для статей из них пришлось указывать номер пагинации после числа страниц за косой чертой.

При составлении вспомогательных указателей имён опущены те весьма немногие из них, которые: а) помещены в заглавиях цитируемых сочинений или в цитатах из отдельных произведений, б) не представляют *существенного значения как употреблённые случайно и в) являются* местами изданий цитированных трудов.

Названия намогильных и других сооружений, связанные с именами погребённых там лиц или построивших эти сооружения, помещены в

указателе личных имён. Фамилии авторов иностранных сочинений приведены в русской транскрипции. При наличии разных написаний одних и тех же имён они сведены к одному, от остальных же сделаны ссылки.

Собственные имена, помещенные в тексте русского перевода «Сказания об Едигее и Тохтамыше» (№ 32), в указатели не включены, так как для них составлен специальный указатель, находящийся в конце предисловия. Этим же указателем можно пользоваться и для отыскания собственных имён в каракалпакском тексте «Сказания». Они также в указатели не внесены.

Составитель

Гос. публ. библиотека УзССР
имени Навои. Май, 1955 г.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ И СООБЩЕНИЯ ЧЛЕНОВ ЗАКАСПИЙСКОГО КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ВОСТОКА

Асхабад, 1915—1917.

Выпуск 1-й (1914—1915 г.) 1915. 2 н., 53 стр., 2 табл.
Выпуск 2-й (1915—1916 г.) 1916. 2 н., 8, 16, 23, 21, (70) стр., 6 табл.
Выпуск 3-й (1917 г.) 1917. VII, 17, 1 н. стр., шм.-тит. IX, 39 стр.
Выпуск 4-й (1917 г.) 1917. 2 н., ۵۹ стр.

Содержание

ВЫПУСК I

1. Устав Закаспийского кружка любителей археологии и истории востока. I, стр. 1—6
2. Члены-учредители кружка. I, стр. 6
3. Протокол № 1 заседания кружка 16 апреля 1914 г. I, стр. 7—8
4. Протокол № 2 заседания 22 мая того же года. I, стр. 8
5. Михайлов Ф. А. Сказание о завоевании текинцами Ахала. I, стр. 9—11
6. Михайлов Ф. А. Древние кладбища по Сумбару и Чандырю. С 2 табл. I, стр. 12—18.
7. Беляев И. А. Туркменские колядные песни (поздравления с наступлением Уразы). I, стр. 19—26
8. Протокол № 3 заседания кружка 20 февраля 1915 г. I, стр. 27—28
9. Тейле Э. Э. Список развалин, пещер, курганов и др. памятников древности, находящихся в Закаспийской области (с дополнением И. А. Беляева). I, стр. 29—48
10. Памятники Закаспийской области в честь русского оружия и доблестных героев-завоевателей области. I, стр. 49—53

ВЫПУСК II

11. Протокол № 1 заседания кружка 23 сентября 1915 г. II, стр. 1—3/1, табл. на стр. 8
12. Протокол № 2 заседания 28 октября того же года. II, стр. 3—4/1
13. Протокол № 3 заседания 24 ноября того же года. II, стр. 4/1
14. Протокол № 14 заседания 7 мая 1916 г. II, стр. 5/1
15. Алиев А. Из прошлой жизни туркмен. II, стр. 6—8/1
16. Зимин Л. А. Кала-и-Дабус. II, стр. 1—16/2, 2 табл.
17. Беляев И. А. Из истории туркмен Закаспийской области (пер. с туркменского текста). II, стр. 1—11/3
18. Из истории туркмен Закаспийской области. Туркменский текст (текинское наречие). قديم تاريخ II, стр. 12—23/3
19. Рыбаков И. Развалины крепости Кюрен-кала. II, стр. 1—2/4, 3 табл.
20. Зимин Л. А. Действие эмир-заде Омар-Шейха, сына Тимура в Кашгаре, Фергане и Монголии. II, стр. 3—10/4
21. Памятники Закаспийской области в честь русского оружия и доблестных героев-завоевателей области. II, стр. 11—15/4
22. Антикварий (А. А. Семенов). Библиографическая заметка (см. «Туркестанские

ведомости» от 31 марта 1916 г., № 72-й*). В Закаспийском кружке любителей археологии. II, стр. 16—21/1

ВЫПУСК III

23. Протокол № 1 заседания 12 января 1917 г. III, стр. V—VII/I
24. Зимин Л. А. Старый Фараб (развалины у берега Аму-Дарьи). III, стр. 1—8/1, 2 табл.
25. Фирман Хивинского хана Мухаммед-Рахим-Бохадур-хана на имя Аим-бека по случаю назначения его на должность бека в тахтамышский туркменский род. III, стр. 9/1
26. Беляев И. А. Из преданий о Чингисхане. III, стр. 10—12/1

Мелкие заметки

27. О памятнике Петру Первому в Красноводске. III, стр. 13/1
28. Из туркменских легенд. III, стр. 13/1
29. Древности Тедженского уезда. III, стр. 13—14/1
30. Из истории Атекского района Тедженского уезда. III, стр. 14—16/1
31. Ата Нова (могила святого). III, стр. 16—17/1
32. Беляев И. А. Сказание об Едигее и Тохтамыше. Каракалпакская народная поэма. III, I—IX, 1—39 стр./2

ВЫПУСК IV

33. Беляев И. А. Предисловие (к трем каракалпакским текстам). IV, в начале.
34. ایدکه (Сказание об Едигее и Тохтамыше. Каракалпакский текст). IV, стр. 1—٤٥
35. قره قالفاق خکقی تواریخ اینب چقار غان حکا یتی (родословная каракалпаков). IV, стр. ٤٢—٥١
36. ایر قوبلان‌نینک قصه‌سی قراقالفاق‌نینک جیری (глава из поэмы Коблан.) IV, стр.٥٢—٥٩

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

I. Указатель авторов

(Ссылки на номера предыдущего перечня)

Алиев А. 15
Антикварий 22
Беляев И. А. 7, 9, 17, 26, 32—36
Зимин Л. А. 16, 20, 24
Михайлов Ф. А. 5, 6
Рыбаков И. 19
Семёнов А. А. см. Антикварий
Тейле Э. Э. 9

2. Указатель географических имен

Аба-Кум II, 4, 5, 9/4
Абу II, 10/3
Абуверд III, 14, 15/1
Аджанибек, аул I, 32
Аджигам, аул I, 37
Акбас-сай, овраг I, 43
Ак-курган в Хиве II, 19/4
Акмыш I, 42, 44
Аксум II, 8/4
Ак-тау, хреб. I, 42; II, 20/4
Ак-тепе, аул II, 8/3
Ак-тепе, бугор I, 33
Акча-кала, креп. I, 34, 35
см. также Ахча-кала
Акче-тепе, кург. I, 38
Ак-Юсуп-Копеле, аул I, 32
Алан-тепе, разв. I, 32
Александр-бай, зал. II, 1/1
Александрия крайняя II, 1/2
Александровский форт III, 13/1
Аликэ-Ходжа-Ибрагим, аул I, 31
Алныш, аул I, 32
Аман-Сагат, креп. I, 36
Аму-Дарьинский отдел III, VII, VIII,/2
Аму-Дарья II, 7/2, 2/3; III, V/I, 1—8/1, III VI, VII, VIII/2
Амуль II, 6/2; III, 1, 2/1
Ана-Курт-тепе, кург. I, 38
Андижан, стол. Омар-Шейха II, 3, 7, 9/4
Андижанский уезд, числ. каракалп. IV, пред.
Араб-кала, разв. креп. I, 34
Аральское море, коч. каракалп. III, III, IV/2
Арбинджан II, 2, 3/2
Ард-Хива, разв. III, VII/2
Арпа, р. в. Ферг. II, 4, 7, 8/4
Арслан, аул I, 38
Арты-гумбез, кург. I, 38
Артык, аул и станц. I, 34; II, 1/4; III, 16/1
Арчингян, р. III, 15/1
Арчиньян, креп. I, 36
Артык-перенг, аул I, 30
Астраханская губ., каракалп. III, VI/2

* В оригинале опечатка: 52. К заметке имеется поправка в № 74 и дополнение в № 87 «Туркменские ведомости» за тот же год.

Асхабад, аул I, 9, 40; II, 10/3, 18/4
Асхабад, гор. I, 39, 51; II, 5/1
Асхабадский уезд, отсутствие следов оседлости I, 12
Асхабадские памятники I, 39—41, 47—48, 51—53; III, 16, 17/1
Ата, аул I, 39
Ата-кум см. Аба-кум
Аташ-кала, креп. I, 34
Ат-баш[и] в Ферг. II, 4, 7/4
Атекский район, история III, 14—16/1
Атекское приставство, памятники I, 34—37
Атрек, родн., памятн. Лазареву I, 51
Ахал I, 8—11; II, 6/1, 11, 12, 17, 18/4; III, 14—16/1
Ахал-текинский оазис, занятие его туркменами II, 17, 18/4
Ахальский оазис (район) II, 3, 9, 10, 23/3, 11/4
Ахча-кала, креп. I, 36
см. также Акча-кала
Баба-гамбар, разв. I, 32
Баба-дурмаз, аул I, 37
Баба-ясы тепе, креп. I, 38
Багир, разв. креп. I, 40
Багдад II, 3/2
Байванча, креп. I, 35
Байрам-Али I, 44, 46, 47; III, вид могилы табл. 16/1
Байрам-Али-кала, креп. I, 48
Байрач (?), аул I, 33
Бала-тепе, креп. I, 38
Балханские горы, туркмены I, 9; II, 3, 4, 7, 9/3, 17, 18/4
Бами, аул и станция I, 41; II, 5/1, 11/4
Батыр, сол. оз., клад II, I, 2/1
Бахарден (Бахарзен), аул и ст. I, 48; II, 1/3; III, VII/I
Бегли-Хор-Курама, аул I, 31
Безмеин, аул I, 21—26, 48
Бек-Булек, аул I, 37
Бек-Мурад, разв. I, 37; III, 16/1
Бек-Сакар, аул I, 38
Бек-Чотан-Даз, аул I, 31
Беури, аул I, 30
Беш-Дерек, ущелье I, 15
Беш-Дешик, пещеры I, 33
Битли-Чиль-Чокан, аул I, 31
Благодарный, посел. I, 37
Боистам-кала, креп. I, 37
Бокаш, аул I, 38, 39
Бургус-кала, креп. I, 34
Бури-базар, мог. I, 44, 47
Бусага, гора I, 43
Бухара II, 1—5, 7, 10, 11/2 1/3; III, 2, 3/I, VI/2
Буян-кала, креп. I, 36
Ванновский, посел. I, 39
Ведар, гор. II, 3/2
Волга, р. Ногаи III, III, VI/2
Вомаш-Бок-Бурун, аул I, 30
Газин, сказ. гора. III, 11/1
Гедек, аул I, 37
Геок-Сюр, кург. I, 48
Геок-тепе, аул I, 9—11, 40, 47; II, 7—9/3, 18/4; III, 16/1
—креп. и памятн. I, 51—53; 5/1, 11—15/4; III, 16/1
— кург. I, 39
— укр. в ауле Даш-Аяк I, 30
Геринуд, р. III, 14/1
Гоклан, аул I, 35
Гок-тепе, кург. I, 39
Гёк-Тюбе см. Геок-Тепе
Гуманалик, разв. и кол. I, 33
Гумбет-Кобуз, русск. кол. I, 28
Гуссейн-Али-Веденг, аул I, 32
Дабусия см. Кала-и-Дабус
Дада-оглы, аул I, 33
Дайна см. Старая Дайна
Дайнэ, аул I, 16
Дайнэ-су, р. кладб. I, 14—16
Далихан, аул I, 34
Дарагана, креп. I, 34
—сел. III, 15/1
Даш-Аяк, аул I, 30
Даш-Демик (?), пещ. I, 33
Дашли-Алан, разв. I, 32
Дашликинар, пещ. III, 16/1
Дейтер, ущ. I, 14
Дели Софи, кург. I, 14
Денгиль (Денгли)-Тепе, креп. см. Геок-Тепе
Дерегез, местн. III, 14, 15/1
Джаик, р. см. Урал, р.
Джаны-Дарья, каракалпаки III, VII/2 см. также Ени-Дарья
Джаубали, кладб. и пещ. I, 44
Джафар, креп. I, 38
Джейхун, р. II, 4, 2; III, 3/1 срв. Аму-Дарья
Джингильды, пещ. I, 42
Дмитриевский, поселок I, 39
Дузулум, аул I, 17
Дуль-дур, бугор I, 33
Дурун, аул I, 9, 41; II, 17, 18/4
Дурунское приставство, памятники, I, 41
Душак, аул I, 34
Дын-гелен, кол. I, 10
Дэли-молла, аул I, 32
Ейке-Башарджа, аул I, 38
Еке-Демик (?), кол. и разв. I, 33
Ени-Дарья, каракалпаки III, VI/2 см. также Джаны-Дарья.
Еушан-тепе, креп. I, 34
Закаспийская область III, V/I
Закыджа-кала, креп. I, 35
Зарявшанская дол., каракалпаки III, VI/2
Зеравшан, р. II, 11, 12/2, 13/3
Зия-ад-дин, сел. II, 4/2
Золотая Орда III, II, VIII, IX/2
Имам-Исмим, кург. I, 31.
Ингрык-Башлады, аул I, 31
Инсели, разв. I, 42
Иован-кала, местн. I, 16
Илотанское приставство, памятники I, 32
Ирез-кала, укр. I, 31
Искандер, ст., разв. I, 48

Қаахка, пос. туркм. III, 14—16/1
Қаахка-кала, креп. I, 35
Қаба-Бурун, кург. I, 31
Қала-Бурун, креп. I, 39
Қала-Гаваш, креп. I, 40
Қала-и-Дабус II, 1—16/2
Қала-и-Зия-ад-дин II, 11, 12/2
Қалыли-тепе, кург. I, 38
Қамарджа, креп. II, 2/2
Қанлы-тэпэ, холм II, 7/1
Қара-Алан, разв. I, 32
Қарабек-тепе, креп. I, 38
Қара-Бугаз, туркмены II, 2/3
Қараган, укр. I, 43
Қара-Ган-кала, креп. I, 30
Қараган-Сай, пещ. I, 44
Қара-дарья, р. II, 7/4
Қараджа-кала, креп. I, 35
Қараджик, горы II, 8/4
Қаракавак, овр., клад I, 42; II, 20/4
Қаракалинское приставство, памятники I, 41; II, 19/4
Қара-калпак-кала III, IV/2
Қара-Кия, разв. и пещ. I, 42, 44
Қара-Кум, туркмены II, 2/3
Қара-Сингэр, креп. I, 48
Қара-су-об, р. II, 3, 7/4
Қара-Тау, хреб. I, 42, 44
Қара-тепе, аул I, 41
Қараул, креп. I, 33
Қарахан (Қара-хан), креп. I, 36; III, 16/1
Қарры-бэнд, плот. II, 6/1
Қары-бент, креп. I, 34
Қары-кала, креп. I, 34
Каспийское море, 200 — лет. появл. русских III, 13/1
Қаср-ур-рих, около Дабусии II, 1/2
Қатваи, др. посел. II, 4/2
Қатты-Кую, разв. I, 42
Қаушут, аул I, 35; II, 8/1; III, 15/1
Қаушут--(хан)-кала, разв. I, 30, 35, 39; III, 13, 14/1
Қашгар, ист. II, 4, 5, 7, 9/4
Қашгария, фольклор I, 20
Келат, местн. III, 14—16/1
Келе-Пенде, креп. I, 33
Келиф на Аму-Дарье III, 1/1
Келята, аул и ст. I, 9, 41, 48
Кенгли-тепе, кург. I, 39
Керим-ага, аул I, 38
Керки на Аму-Дарье, III, 1/1
Кермине II, 11/2
Керминия, др. пос. II, 2, 3/2
Кесаули, аул I, 35
Кесе, аул I, 38
Кесе-Аркач, аул II, 3, 10, 23/3
Кеши, аул I, 9; II, 18/4
Қизил-Арват, укр. I, 39 см. также Қызыл-Рабат.
Қизилджа-кала, креп. I, 35
Киндекли-Тепе, кург. I, 39
Кисс. др. город II, 2/2
Кльджлу см. Оулия-Кльджлу
Кобди-Сай, пещ. I, 43
Ковысмэ, св. место I, 48
Кодж, аул и ст. I, 41, 48
Койна-кала, креп. I, 32
Кокандский уезд, числ. каракалпаков IV, пред.
Кокандское ханство, каракалпаки III, VII/2 VI/2
Кокимбет, др. памятн. I, 41
Копет-даг, горы и археол. I, 12
Коушут, аул см. Қаушут
Коша-Гумбез, разв. I, 32
Кошаджа-тепе, креп. I, 38
Кошой-Курган, разв., II, 7/4
Коюнджи, аул I, 32
Красноводск, др. кладб. I, 12
Красноводск, памятн. Петру I, III, 13/1
Красноводский уезд, отс. следов оседлости I, 12
— памятники I, 41, 48, 50, 51; II, 19/4
Красные воды, гавань III, 13/1
Крым, каракалпаки III, VII/2
Кувакльы-тепе, кург. I, 37
Куван-Дарья, каракалпаки III, VII/2
Куйрукли-тепе, креп. I, 38
Кукокли-кала, разв. I, 30
Кульджа-Қанлыбаш, аул I, 32
Кунамли-оулия, мог. I, 45
Кунграт, каракалпаки III, 1/2
—место, записи родословной каракалпаков IV, пред.
Куропаткинский поселок I, 40
Курт-Курган, аул I, 38
Куртли-тепе, кург. I, 31.
Кухек, р. см. Зеравшан
Кухнэ-Кесир, арх. находка I, 14
Куш, пещ. I, 42.
Кушан[ия], др. гор. II, 2, 7/2
Кушка, р. битва I, 49
Кыз-Баба, креп. I, 36
Кыз-кала, креп. I, 48
Кыз-Кыр, гора III, I, 6/1
вид её—табл. III, 4/1
Кызыл, аул I, 32
Кызыл-Бай, уроч. III, V/I
Кызыл-Имам, пост I, 17
Кызыл-Кумская пустыня, разв. III, IV/2
Кызыл-Рабат II, I, 9/3 см. также Кизил-Арват
Кыпчак, место записи поэмы Коблан, IV, —пред.
разв. III, VII/2
Кэптер-Хана, разв. I, 32
Кюрен-кала, аул, разв. I, 35; II, 5/1, 1/4
— рисунки разв. 3 табл. в нач. 4-й пагин.
Кящерли, аул I, 35
Лу-магаль-кухкар, местн. II, 6/4
Люгфабад, сел. III, 16/1
Маверанаигр II, 3—5/2, 6/4; III, 4/1
Мамай-Тепе, кург. I, 31
Мамагай, аул I, 32
Мамед-Ораз, сел. III, 15, 16/1
Мангишлак, туркмены II, 2/3, 17/4
Мангишлакский уезд, клад и памятники

I, 41—44, 50; II, I, 2/1, 20/4
Меана, аул I, 37
Мегин-Кала креп. [Мехин], I, 41, 48.
Меле-Хейран-тепе, кург. I, 38
Мерв, др. памятники I, 30; II, 11/3, 16, 19/4
— легенда III, 6, 13/1
— расст. до Фараба II, 2/1
— туркмены II, 6/1; III, 16/1
Мервский оазис, недост. воды III, 15/1
Мервский уезд, легенды III, VII/1
— памятники I, 30—33, 44, 48, 49
— хлопок III, V/I
Меручак, др. мост I, 33
Мест-Дебран см. Мешеди-Мисриян
Мехин см. Мегин-кала
Мешеди-Мисриян (Местериян) I, 41; II, 19, 20/4
Мешхед, туркмены III, 16/1
Михайловский поселок, разв. I, 40
Миянкаль, ист. II, 10/2
Могулистан, поход Омар-Шейха II, 5, 6/4
Монголия II, 9/4
Москва, покор. Тохтамышем III, VIII/2
Мургаб, р. древности I, 33
—орошение III, V/I
Мургабское имение, памятники I, 44, 48
Мурча, аул I, 41
Муса-и-тепе, евр. кладб. I, 37; II, 20/4
Мяст-Дебрят (!) см. Мешеди-Мисриян
Назар-Абад, креп. I, 38
Наманганский уезд, числ. каракалпаков IV, пред.
Нарли, пост I, 17
Нарын, р. II, 8/4
Наурек-кала, креп. I, 36; III, 16/1
Науруз-Абад-тепе, креп. I, 37
Неса, разв., цит. о них II, 19/4
Несеф, др. гор. II, 2/2
Нехшеб, др. гор. II, 2/2
Нижне-Скобелевский пос. I, 40
Нова, аул III, 16/1
Ноурек см. Наурек-кала
Нукус, сел., каракалпаки III, 10/1; III, IV/2
Нур, др. сел. II, 4/2
Нухур, аул I, 14, 48
Оджук, кург. I, 37
Оин Чашан-тепе I, 38
Он-Беги-кала, аул I, 36
Орду-Ходжа, аул I, 38
Отамышский район, памятники I, 30
Отрар, ист. II, 8/4
Оулия-Клыджлу, креп. I, 38
Оулия-Чихиль-Гез, креп. I, 38
Ошский уезд, отс. каракалп. IV, пред.
Пализек-тепе, кург. I, 38
Пейкенд, др. посел. II, I, 14/2; III, 2/1
Пендинское приставство, памятники I, 33, 49
— пещеры II, 19/1
Перовский уезд, киргизы, III, IV/2
Персия, др. кладб. I, 8, 11—15
Пештаг, посел. III, 14, 15/1
Пештадж, креп. I, 36
Пештак, разв. III, 16/1
Прохладный, поселок I, 40
Пуру-Биби, местн. II, 2/3
Рабат, местн. III, 16/1
Рабат-кала, креп. I, 33
Райская дверь, пещ. I, 48
Растыган, ущ. в Персии I, 15
Ребинджан, др. посел. II, 2, 3/2
Рерберговский, поселок I, 40
Романовский, поселок I, 39, 40
Самарканд II, 1—3, 6, 7, 10, 11/2, 4, 8, 9/4; III, 6/1
Самарская губ. каракалпаки III, VI/2
Сангудар, аул I, 17
Сапар-Али-тепе, кург, I, 39
Сары-Ковак-кара-Сенгрек, колодцы, клад II, 1/1
Саура, пещ. I, 44
Сеин-Баба, разв. креп. I, 36
Сейхун, р. (Сыр-Дарья) II, 9/4
Серахс, туркмены II, 6, 7/1; III, 13, 14/1
Серахс-Баба, креп. I, 38; III, 14/1
Серахское приставство, памятн. I, 37—39; II, 2/4
Серменче, креп. I, 36
Сер-хенг, рабат II, 5/4
Скобелевский уезд, числ. каракалпаков IV, пред.
Согд. (нана), II, 1—4/2
Старая Дайна, кладб. I, 14
Сумбар, р. кладб. I, 8—18
Сургутский уезд Тоб. г., каракалпаки IV, пред.
Сухты, аул I, 32
Сыр-Дарья, место посел. каракалпаков III, VI, VII/2
— начало её II, 7/1
Тававис, др. гор. II, 3/2
Таза-Пенде, разв. I, 33
Таза-Чакан, мог. I, 44
Такир, станция I, 37
Талхатан-Баба, разв. I, 32
Тахир-бен Алия рабат (Фараб) III, 2/1
Тахта-Базар, аул I, 33; III, VI, VII/1
Ташкент, обычаи в м. Рамазан I, 20
Ташкентская обл. см. Шаш
Ташкентский уезд, место погр. Зенги-ата I, 24; II, 19/4
Таш-кепри, памятн. I, 49
Теджен, туркмены II, 6/1, III, 16/1
— древности I, 34; II, 11/3; III, 13/1
Теджен, р. орошение III, V/I
Тедженские владения II, 10/3
Тедженский уезд, памятники I, 34, 48, 50; II, 10/3; III, 13, 14/1
— туркмены II, 8/1
Тобольская губ., каракалпаки III, VI/2; IV, пред.
Тогалок-Чашхен-Кара-Юрма, аул I, 31
Торли, креп. I, 36
Тотор-кала, креп. I, 37
Тохтамышский район, памятники I, 31, 32
Тунг-Гелен, кол. II, 8/3
Туркестанский край, обычаи в м. Рама-

зан I, 20
Туркмен-кала в Мерве I, 30
Туши-кудук, древн. I, 41
Тюб-караган, 200 л. появл. русских III, 13/1
Уа, разв. I, 42, 44
Узгенд, гор. II, 3, 5, 7/4
Унгуз, др. русло II, 2/3
Урал, р. ногайские народы III, III/2
Уры-Кедек, пещеры I, 43
Учь-тепе, кург. I, 38
Фараб III, 1—8/1
Фергана II, 8/4, III, VII/2
Ферганская обл., числ. каракалп. IV, пред.
Феребр см. Фараб
Фирюза, могилы св. I, 47
— развалины I, 40
Форт Александровский, часовня и памятник I,50 см. также Александровский ф.
Хайбер, креп. II, 8/2
Халил-Чулум, аул I, 37
Халим-Гиррух, кол. I, 33
Ханга-баба, гора I, 42, 43
Хан-яб, разв. I, 37
Хенгам, креп. I, 35
Херик-тепе, кург. I, 39
Хива, истор. моменты I, 50; III, 13/1
— отнош. к каракалпакам III, I, III, VI—VIII/2
— туркмены II, 2, 3, 10/3; III, 15/1 см. также Хорезм
Хивеабад, креп. I, 36; III, 16/1
Хивинское ханство см. Хива
Ходжа-кала, сел. III, 15/1
Ходжа-Мамед, креп. I, 36; III, 16/1 (Ходжа-Мед)
Ходжам-кала, памятн. р. воин. I, 51.
Ходжам-Шукур-тепе, креп. I, 38
Ходжа-назар, аул I, 32
Ходжа-пурсанг, разв. I, 32
Хорасан II, 16/4; III, 14/1
Хорезм II, 7/2, 1/3; III, 2/1, VIII/2 см. также Хива.
Хороснлы, аул I, 33
Хосроу, сел. III, 15/1
Худжанда, др. гор. II, 2/2
Хундус, разв. III, VII/1
Хутби-кала, местн. II, 4/3
Чаача, аул I, 36, 50
Чандырь, р. др. кладб. I, 8—18; II, 18/4
Чар-Баг, разв. I, 32
Чардай, разв. I, 35
Чарджуй. Нов. и Стар. III, 1, 2 4/1
Чат, аул, памятн. Лазареву I, 51
„ пещеры I, 43
Чебешкен-кала, креп. I, 32
Чемче-аул I, 33
Чигирдекли-тепе, кург. I, 38
Чикишлярское приставство, памятники I, 41
Чиль-Бурч, курган I, 31
Чимбай, каракалпаки III, I, V/2
Чихиль-Гез см. Оулия-Чихиль-Гез
Чиш-баба, разв. I, 32
Чишоруклы оулия I, 38
Чугур-Агыл, аул I, 35
Чуйли, пещеры I, 43
Шайтан-кала, креп. I, 31
Ша-кадам, местн. II, 3/3
Шаш, суфии его II, 19/4
Шехр-уль-Ислам, креп. и пещ. I, 48; III, VII/1
Шир-кала, аул I, 40
Шор-кала креп. I, 35
Шор-кябир, разв. меч. I, 41
Эгри-ших, аул, кург. I, 31
Энек-кала, креп. I, 30
Эрк, креп. I, 41
Юз-Баши-кала, аул I, 35, 36
Юсуп, аул, кург. I, 38
Яглы-тепе, кург. I, 39
Ягуб, аул, кург. I,39
Яджи, аул I, 38
Язи, р. в Фергане II, 4, 7/4
Яик р. см. Урал, р.
Янгаджа, ст. и дол. I, 48.
Ярки-садык, аул I, 32
Яртын-гумбез, оулия и креп. I, 38; III, 14/1
Ясы-тепе, кург. I, 38, 39

3. Указатель личных имен

Абд-ар-Реззак Самарканди II, 7, 9/4
Абдул Джалил св. мог. I, 37
Абдулла, хаджи, памятн. I, 31
Абдулла-Ансари, мог. I, 47
Абдулла-хан II, 10, 13/2; III, 3/1
Абдул Халил, мог. I, 37
Адиль-шах Джелаир, эмир
Тимура II, 4, 7—9/4
Азерзиевский, прапорщик II, 14/4
Аим-бек, бек р. Тохтамыш III, V, 9/1
Ак-Билек, каракалпачка III, IV/2
Аки-Джан-Баба, оулия I, 38
Алейников, сотник II, 14/4
Александр Македонский II, 1/2
Алиев А. I, 26; II, 3/1
Алике-Ходжа-Ибрагим, пам. св. I, 31
Али-тегин, бух. полков. II, 4—6/2
Али-тепе, оулия I, 38
Алла-Яр-хан, правит. III, 15/1
Алтан-хан, сказ. личн. III, 10/1
Алтунташ, хорезмшах II, 4—6/2
Анненский, инженер II, 4/1
Антикварий, авт. II, 21/4
(см. Семёнов, А. А.)
Арзуманов А., ученик III, 1/1
Астрелин А. Д. член кружка I, 8; II, 5/1

Ата-Нова, св. мог. III, 16—17/1
Баба-Зэнги см. Зенги-Ата
Баба-Султан II, 10/2
Бабур, пис. II, 7, 8, 10/2
Бадантай, сказ. личн. III, 10/1
Балхи, географ II, 3/2
Бами-Ата, св. мог. I, 41
Барановский В. А. чл. кр. I, 7, 8
Баранок, кап. II, 13/4
Барат-ходжа, Кукельташ, эмир. Тимура II, 8/4
Бартольд, В. В. II, 2, 4, 7, 14/2, 3, 7, 8, 16, 19/4; III, 2, 3/1
Баумгартен, солдат I, 49
Бейхаки, пис. II, 4, 6/2
Бек-Мухаммед, каракалп. сказитель III, V/2
Бекович-Черкасский, А. III, 13/1
Бекчурин, путеш. в Бухару III, VI/1
Беляев, И. В., член кружка I, 7, 8, 27, 47, 48; II 2—4/1, 1/3, 1/4, 17, 18/4; III, VI, VII/1.
Билькевич С. И., чл. кр. I, 6—8, 28; II, 2/1; III, V/1
Биргутай, сказ. личн. III, 10/1
Бобылёв Парфён, солдат I, 49
Боголюбов А. А. осн. кр. II, 17 21/4
Бретшнейдер, пис. II, 7, 8/4
Буладжа, эмир II, 9/4
Булыгин, майор II, 14/4
Бурштин Е. ученик III, 1/1
Вадов Е. Н. I, 7
Валид бен Абд-уль-Мелик II, 2/2
Валиханов Ч. пис. III, 1/2
Вамбери, пис. II, 8/2; III, VI/2
Васильев, член кружка I, 7
Величко П., ученик III, 1/1
Вержбицкий, полковник II, 13/4
Виноградов В. В., чл. кр. I, 8
Войно, прапорщик II, 14/4
Воробьев Н. Е. I, 7
Воропанов, поручик II, 13/4
Гаиб-Ата, св. I, 47
Гайдаров, подполковник, II, 13, 14/4
Гетшель, капитан II, 13/4
Гияс-ад-дин Али, пис. II, 3, 7/4
Голицын, войск. старш. II, 13/4
Готто, подпоручик II, 14/4
Грек, штабс-капитан, I, 51; II, 14/4
Григорьев Максим, солд. I, 49
Гринёв поручик II, 13/4
Гродеков Н. И. II, 13/4
Гулям-Мухаммед 5. Рахимулла Лагори, пис. II, 19/4
Гюль-Джамаль, ханша I, 45
Данилов Яков, солдат I, 49
Данилович С. А. орг. кр. I, 6; II, 17/4
Данталь, член кружка I, 6
Даулет-Мурад-хан, правит. III, 15/1
Де-Гуэ, пис. II, 3/2
Дейненко В. Д. член кружка I, 6
Джансур-Миозы, предв. персов II, 8/1
Джелаль-эд-дин, султ. II, 7/2
Джемал Дин, шейх, гробн. II, 20/4 см. также Сеид-Джемаль Эффил
Джехангир II, 4, 8, 9/4
Добролюбов А. А. член кружка II, 4/1
Дорошенко Фёдор, солдат I, 49
Досов, Костурли, клад II, 1/1
Достум султан бен Барак-хан, столкн. с Абдуллой-ханом III, 3/1
Дублицкий Н., член кружка I, 6
Дуплицкий А. М., член кружка I, 6
Едигей III, II—V, VIII, IX/2; III, 1—39/2; IV пред.
Елиас Н., пис. II, 7, 8/4
Елистратов, член кружка I, 6
Ефимов, подполк. I, 7
Жуковский В. А., пис. II, 16, 19/4; III, 6/1
Жуковский С. В. член кружка III, VI/1
Земан см. Зэман
Земан-Валиде-Баба-Джан, эмир, мог. I, 16
Зенги-Ата (Зенги-Баба) I, 24; II, 18, 19/4
Зимин Л. А. член кружка II, 3—5/1, 7/4; III, VI/1
Зубов, капитан-лейтенант I, 51; II, 14/4
Зыков И. П., член кружка I, 7
Зэман, туркм. кетхуда II, 2/3
Ибн-уль-Факих Хамадани, геогр. II, 2/2
Ибн-Хаукаль, геогр. II, 3/2; III, 2/1
Ибн-Хордадбех, геогр. II, 2/2
Иванов, есаул II, 14/4
Иванов А., ученик III, 1/1
Ильчи-Буга, эмир Тимура II, 8/4
Ильяс-Ходжи-хан II, 9/4
Имам-Баба, св. памяти, I, 31
Имам-Бахр, ханака II, 11—16/2 вид её II, 8/2 табл.
Имам-Касым, мог. I, 44, 46
Имам-Кули, каракалпак IV, пред.
Искандер-хан, правит. Ахала II, 17, 18/4
Искандер-султан, внук Тимура II, 3/4
Истахри, географ II, 3/2; III, 2/1
Кани, могила его III, 14/1
Калитин, поручик II, 14/4
Калмаков Н. К. член кружка I, 7, 8, 27; II, 1—5/1, 12, 17/4; III, V—VII/1
Камар-ад-дин, монг. вождь II, 3—5; 8, 9/4
Кара-Агадж, св. мог. I, 36
Кара-Ишан, св. мог. в Мерве I, 30
Кара-Оглан, посл. туркм. хан II, 1, 10, 11/3
Кара-теин, див. III, II, IV/2
Карри Султан, праведник I, 45
Кастальский Б. Н. член кружка I, 6, 7
Кастанье И. А. II, 16/2
Кеймур-[Кеймир] Кер, туркм. хан I, 9, 10; II, 1—10/3
Кизыл-Имам, гумбет II, 18/4
Клыч-Нияз Сычмаз, милиционер I, 49
Коблан, герой каракалп. поэмы, IV51—59
Ковдышев, член кружка III, VI, VII/1
Кодж-Ата, св. мог. I, 41
Козарев, Вас. фельдф. I, 52
Козелков, участн. штурма Геок-Тепе I, 52; II, 13, 14/4
Комаров А. В., генерал I, 49, 52; II, 17, 21/4
Коренев, Сем. солдат I, 49
Костенко, пис. II, 7, 8/4
Коушут-хан, предв. текинцев II, 8/1
Кочкар-Ата, св. мог. I, 41
Кудама, географ II, 1, 2/2; III, 2/1

Кунаковский, сотн. II, 14/4
Кунамли, оулия I, 44
Куропаткин А. Н. I, 49; II, 12—15/4, III, V/1
Кутейба ибн Муслим II, 2/2
Кыз-биби, надгробие I, 48
Кызыл-Имам, кумбет, I, 17
Лавров К. В. I, 7
Лазарев, генерал-адъютант, памятн. I, 51
Лелекуль, пор. II, 13/4
Леонтьев-Ястребов I, 7
Леш Л. В., генерал I, 7
Литвинов Б. Н. член кружка I, 6—8
Ломакин А. А., член кружка I, 7, 8; III, 14, 16/1
Лурье З., ученик III, 1/1
Магдалов, подполк. II, 14/4
Майки-бий, сказ. личн. III, 11/1
Макдиси, геогр. II, 3/2; III, 2, 7/1
Мамацев, подполк. I, 51; II, 14/4
Маркварт, пис. II, 2/2, 7/4
Махмуд-султан-бий II, 10/2
Махтум, св., родонач. племени I, 17
Махтум-Кули, поэт III, 1/2
Махтум Ааззем, кумбет I, 16
Меана-Баба, памятн. I, 37
Мелиоранский, П. М. III, 12/1, I, II, V, IX/2
Мерхелев, поручик I, 52; II, 14/4
Минкевич, член кружка I, 7, 8
Мир-Ага см. Мирек-Ака
Мирек-Ака, влад. Кашгара II, 4, 5, 9/4
Мирза-Джехангир см. Джехангир
Мирза-Шах, хив. хан, мог. I, 48
Мир-Мухаммед Амин Бухари II, 11/2
Мирхонд, пис. II, 8, 9/4
Меткевич-Волчасский, капитан I, 51; II, 14/4
Михайлов Ф. А., чл. кр. I, 6—8; II, 2/1, 17, 18/4
Молоков А., ученик III, 1/1
Мориц, прапорщик II, 14/4
Мукаддаси см. Макдиси
Мунис Огехи, писатель III, 3/1
Мунтасир, саманид II, 4/2
Мурджиль-фарик-аталык II, 10/2
Мухаммед ибн-и-Эвес-Кули, хан, мог. II, 18/4
Мухаммед-Рахим, хив. хан III, V, 9/1
Мухамед-Салих, пис. II, 7, 8, 15/2
Мухаммед-Сеид, мог. I, 46
Мухаммед-Хайдар, писатель II, 7/4
Мухаммед-Эмин, хив. хан II, 7/1
Надир-шах II, I, 3—6/3, 18/4
Наршахи, пис. II, 1/2; III, 2, 7/1
Насреддин, перс. шах II, 7, 8/1
Нелепов, поручик II, 14/4
Низам-ад-дин Шами II, 7/4
Никифоров-П. М., худ. III, 1/1
Николаев А. М., член кружка I, 8
Нияз-Мухамед-Иль-Беги, предв. туркм. III, 14/1
Нураддин, сын Едигея III, II, III, VIII, IX/2
Нур-Берди-хан, предв. ахал-текинцев, II 7/1
Обручев В. А., пис. II, 19/4
Оглан-шейх, кашг. сановн. II, 5, 9/4
Огурли (Казак), хан туркм. племени (Огурли-бай) I, 9, 10; II, 6—9/3
Омар-Шейх, сын Тимура II, 3—6, 9/4
Орлов-Денисов, полковник II, 14/4
Остроумов Н. П. I, 7, 19, 20; II, 5/1
Палван-Ахмед, мог. I, 48
Палецкий Б., ученик III, 1/1
Пампелли Р., пис. II, 19/4
Парусников А. С. I, 7
Паршаков, авт. III, 13/1
Петр I, I, 50, 51; III, 13/1
Петрусевич, генерал, автор II, 10/3
Петрусевич, памятн. I, 51; II 14/4
Пимонов Фёдор, унтер-офицер I, 49
Петерсон Н. П., член кружка I, 6
Пети де ла Круа, писатель II, 8, 9/4
Полковников, капитан, II, 13/4
Попов, подпор. II, 14/4
Попов, полк. II, 13/4
Попов, прап. II, 14/4
Попов М., член кружка I, 6
Пур-Назар, кетхуда II, 2/3
Риттих, пис. III, VI/2
Родзевич С. И., поручик I, 52
Ростовцев, штабс-капитан II, 13/4
Руловский, поручик II, 14/4
Руновский, поручик I, 52
Рутковский, полковник II, 13/4
Рыбаков И., худ. II, 5/1
Салар-Казан, туркм. родонач. II, 6/1
Салих-Бай, гробн. I, 37
Саловский К. М. член кружка II, 3/1
ас-Самани, пис. II, 3, 4/2
Самойлович А. Н. пис. II, 6/1
Сандецкий, поручик II, 14/4
Санджар, султан, мечеть I, 47
Сандыклы, мог. I, 34
Сары-Буга, эмир Тимура II, 4, 7/4
Сатемир см. Сетемир
Сеид-Бузрук, св. I, 16
Сеид-Джемаль-Эффил (?) I, 40 см. также Джемал Дин
Сеид-Мансур, св. могила I, 47
Сеид-Султан (Сеид-хан) II, 10/2; III, 3/1
Сеид-Юз-Баши, прап. I, 49
Сейид б. Амр б. аль-Асвад аль Харашн-Абу-Яхья (Харашиец) II, 1/2
Семёнов А. А., член кружка I, 6, 7; II 2/1, 19/4
Сетемир-хан (Сатемир) III, II, III, IX/2 кирг. имя Тимура
Сивинис, майор II, 13/4
Ситняковский, Н. Ф., авт. II, 11, 12, 16/2
Скобелев М. Д. II, 11—13/4, 15/4; III, 16/1
Скобелев М. Д., домик II, 5/1
Стеценко, хоружий II, 14/4
Студицкий, доктор II, 14/4
Сулейман-султан II, 10/2
Султан-Санджар см. Санджар
Табари, историк I, 1/2; III, 2/1
Таза-Чакан-Оулия, мог. I, 46
Тамаул, сказ. личн. III, 10/1

Тамерлан см. Тимур
Ганг-ярук, аймак II, 8/2
Тейле Э. Э., член кружка I, 7, 27; II, 17, 19/4
Тейфель, авт. II, 11/2
Теке-хан, туркмен III, 14/1
Тенгри-Кули-бий см. Шукри-Кули-бий-Дурман
Тимур II, 7, 9/2, 3—9/4; III, VI, VIII, IX/2
Тимур-Авренг II, 6/4
Тохтамыш III, II, III, V, VIII, 1—39/2; IV, пред.
Тохтамыш-Оглан II, 6/4
Троицкий, врач II, 14/4
Убейдулла-хан II, 11/2
Утби, писатель II, 4, 6/2
Уткевич, капитан II, 13/4
Уч-Кара-бахадур, эмир Тимура II, 4, 8, 9/4
Фахр-уд-Дин-Али б. Хусейн Ваиз-ул-Кашефи, историк II, 19/4
Фок, штабс-капитан II, 13/4
Хаджи Абдулла, св. памятник I, 31
Хазрет-Ходжа-Оглан см. Оглан-Шейх
Хаким-Ата, шейх II, 19/4
Хамза-султан II, 8/2
Хан-Мамед-ибн-Эвез-Кули, мог. I, 18
Харашиец см. Сейид б. Амр. б. аль Асвад
Хафизи Абру, историк II, 7/2
Хафиз[и] Таныш Бухари, историк II, 10, 15/2; III, 3/1
Хезар-Кадак, военач. II, 3, 7/4
Херхеулидзе, подпоручик I, 51; II, 14/4
Хитай-Бахадур, сановн. Тимура II, 9/4
Ходжа-Хаджи Фараби, мог. III, 7/1, вид её — III, 8/1 табл.
Ходжа-Юсуф Хамадани см. Юсуф Хамадани
Ходжели-Мурад-Берди оглы, туркм. историк, II, 1/3
Ходкевич, прап. II, 14/4
Хорват, полковник, член кружка I, 6
Хосрау-султан III, 3/1
Худайдад, кашг. эмир II, 5, 9/4
Хызр Ходжа-оглан, кашг. сановн. II, 4, 5/4
Цветков, П. П., член кружка I, 7, 8; II, 3, 5/1, 1/3
Цекава Цепринский, подполковник II, 13/4
Чаукани, бек-тегин II, 5/2
Червяков А., ученик III, 1/1
Червяков А., член кружка II, 4/1
Черняк, пор. II, 13/4
Чикарёв, подпоручик II, 14/4
Чингиз-хан, легенды III, 10—12/1, III, IV, VI/2
Чолпар, туркменка II, 7—9/3
Чопан, туркм. родонач. II, 9/3
Чопан-Богадур, предв. текинцев II, 7/1
Шабан-Кöр, сказ. личн. III, 10, 11/1
Шайки-бий, сказ. личн. III, 11/1
Шах Мердан, оулия I, 37
Шевчук, О., ученик III, 1/1
Шейбани-хан, II, 7—9, 12/2
Шереф-ад-дин Фараби, мазар III, 6/1
Шереф-ад-дин Иезди, писатель II, 7/4
Шерифи-Мааруфи, поэт II, 10/3
Ших-Абдулла-Ансари см. Абдулла-Ансари
Ших-Баеры (?) оулия I, 39
Ших-Овез Верды, кумбет I, 16
Шукри-Кули-бий-Дурман, эмир (Тенгри-Кули-бий) II, 10, 13/2
Эдигей см. Едигей
Эппель, автор II, 18/4
Эристов, полковник II, 13/4
Эсэн-оглан, туркм. хан. II, 10/3
Юдин М. Л. III, 13/1
Юреневъ, поручик I, 51; II, 14/4
Юсуф-Хамадани, Хазрет-Ходжа, мазары его, I, 48; III, 6/1
Яблочков, инженер-капитан II, 14/4
Ягмур, поэт II, 1, 10/3
Яковлев, штабс-капитан II, 14/4
Якуби, географ II, 2/2
Якут, географ II, 4/2; III, 1, 2/1
Яновский, поручик II, 14/4

4. Указатель племенных обозначений

Алиелинцы (Али-Элийцы) II, 5/3; III 14—16/1
Алты-айлыкский ногайский народ, III, III/2
Аманша I, 10
Анналули (Аннауйцы) II, 3/3; III, 15/1
Ата III, 13/1
Гокланы (геклены) I, 16; II, 4—6/3
Джангаур, подразд. рода кунград III, VII/2
Игдыр II, 2/1
Иемрели (имрали) I, 9; II, 3—5, 7, 9, 10/3, 17, 18/4
Иомуды II, 4—6/3, 18/4
Кан[г]лы III, 12/1; VII/2
Кара-калпаки, история, этнография, язык III, I—VIII/2
Каракалпаки, родословная IV, ٢٤—٨١ —статистики IV, пред.
Кардашли II, 3—5/3
Кенегез, подразд. рода ундутру III, VII/2
Кипчак, то же III, VII/2
Кунград III, VII/2
Кызыл-баши I, 9
Кытай, подразд. рода ундут-ру III, VII/2
Кыят III, 12/1
Мангыт, подразд. рода ундутру III, VII/2
Махтумцы III, 15/1
Мегинли (мехинли) I, 9; III, 15/1
Муйтен, ветвь рода кунград III, VII/2
Ногаи III, III, VI/2
Отамыш II, 6/1, 2/3
Печенеги III, VI/2
Сарык II, 7/1

Текинцы (теке) II, 5, 6, 10/3, 18/4; III, 9, 15, 16/1
Тохтамыш II, 6/1, 2/3; III, V, 9/1
Ундут-ру[г] III, VII/2
Чопан-Чолпар II, 9/3
Чуллук, подразд. рода кунград III, VII/2
Эрсаринцы II, 10/3

5. Указатель предметов

Архивная ученая комиссия, Закаспийская II, 3/1
Архивы Аму-дар. отд. III, VII, VIII/2 —Закасп. обл. I, 27
Аулия см. могилы
Башни сторож. I, 13; II, 5/1
Башня Кыз-кыр III, 1/1
Гумбет см. могилы
Джирау см. Певцы-сказители
Домик Скобелева II, 5/1, II/4
Закаспийский кружок любителей археологии I, I—8, 27, 28; II, 1—5, 16—21/4; III, V—VII/1
История каракалпаков III, I—VIII/2
История туркмен II, 6—8/1, I—23/3
Кладбища древние I, 12—18, 37, 40, 44, 48; II, 18, 20/4
Клады I, 42; II, 1—2/1, 20/4
Корчаги бл. с. Нухур I, 14

Крепости

Аджан I, 35
Акча-Кала I, 34, 35
Аман-Сагат I, 36
Араб-кала I, 34
Артык I, 34; II, 1/4
Арчиньян I, 36
Аташ-кала I, 34
Ахча-кала I, 36
Баба-Ясы тепе I, 38
Багир I, 40
Байванча I, 35
Байрам-Али-кала I, 48
Бала-тепе I, 38
Бахарден I, 48
Боистам-кала I, 37
Бургус-кала I, 34
Буян-кала I, 36
Ваниовское I, 39
Геок-тепе в а. Даш-Аяк I, 30
Гоклан I, 35
Далихан I, 34
Дарагана I, 34
Джафар I, 38
Дмитриевское I, 39
Еушан-тепе I, 34
Закыджа-кала I, 35
Ирез-кала I, 31
Искандер I, 48
Каахка-кала I, 35
Кала-Бурун I, 39
Кала-Гаваш I, 40
Камарджа II, 2/2
Карабек-тепе I, 38
Караган I, 43
Караган-кала I, 30
Караджа-кала I, 35
Каракалпак-кала III, IV/2
Кара-Сингэр I, 48
Караул I, 33
Кара-хан I, 36; III, 16/1
Кары-бент I, 34
Кары-кала I, 34
Каушут (-кала) I, 30, 35, 39; III, 13, 14/1
Келе-Пенде I, 33
Келята I, 41, 48
Кесаули I, 35
Кизил-Арват I, 39
Кизилджа-кала I, 35
Кодж I, 48
Койна-кала I, 32
Кошаджа-тепе I, 38
Куйрукли-тепе I, 38
Кукокли-тепе I, 30
Кыз-Баба I, 36
Кыз-кала I, 48
Кыпчак III, VII/2
Кюрен-кала II, 1, 2/4
Мегин-кала I, 48
Михайловское I, 40
Мурча I, 41
Назар-абад I, 38
Наурек-кала I, 36
Науруз-абад-тепе I, 37
Нухур I, 46
Оулия-Кыджлу I, 38
Оулия-Чихиль-Гез I, 38
Пештадж I, 36
Рабат-кала I, 33
Растыган II, 15
Сеид-Джемаль-Эффил (!) I, 40
Сеин-Баба I, 36
Серахс I, 38; III, 13, 14/1
Серменче I, 36
Теджен, I, 34
Торли I, 36
Тотор-кала I, 37
Туркмен-кала I, 30
Фараб III, 4—7/1; вид — табл. стр. 4
Хайбер II, 8/2
Ханга-Баба I, 43
Хенгам I, 35
Хивеабад I, 36; III, 16/1
Ходжа-Мамед (Ходжа-Мед) I, 36; III, 16/1
Ходжам-Шукур-тепе I, 38
Чардай I, 35
Чебешкен-кала I, 32
Шайтан-кала I, 31
Шехр-уль-Ислам I, 48; III, VII/1
Шор-кала I, 35
Энек-кала I, 30
Эрк I, 41

Кумбеты см. Могилы

Курганы

Акче-тепе I, 38
Ана-Курт-тепе I, 38
Арты-гумбез I, 38
Геок-Сюр I, 48
Геок-Тепе I, 39
Гок-Тепе I, 39
Дели Софи I, 14
Дуль-Дур I, 33
Имам Исмим I, 31
Каба-Бурун I, 31
Калыли-тепе I, 38
Кенгли-тепе *I*, 39
Кендекли-тепе I, 39
Куваклы-тепе I, 37
Куртли-тепе I, 31
Мамай-тепе I, 31
Меле-Хейран-тепе *I*, 38
Оулия-Ших-Баеры (?) I, 39
Пализек-Тепе I, 38
Сапар-Али-Тепе I, 39
Серахс III, 14/1
Учь-тепе *I*, 38
Херик-тепе I, 39
Чебешкен-кала, I, 32
Чигирдекли-тепе I, 38
Чиль-Бурч I, 31
Яглы-тепе I, 39
Ясы-тепе I, 39
Легенды туркменские III, VII, 13/1
Ложка бронз: I, 14
Мавзолеи см. Могилы
Мазары в Ст. Фарабе III, 5, 6/1; вид — стр. 8 табл.

Мечети

Романовское сел. I, 39
Сеид-Джемаль-Эффил (!) I, 40
Султан-Санджара I, 47
Шор-Кябир I, 41
Минарет в ауле Алныш I, 32

Могилы

Абду-Джалил *I*, 37
Абдул Халил I, 37
Ак-Даш I, 44, 46
Аки-Джан-Баба I, 38
Али-тепе I, 38
в Асхабадском у. III, 16, 17/1
Ата Нова III, 17/1
Бами-Ата I, 41
Бури-Базар I, 44, 47
Имам-Баба I, 31
Имам-Касым I, 46
Каина III, 14/1
Кара-оглана II, 11/3
в Келята I, 41
Кызыл-имам II, 18/4
Кодж-ата I, 41
в горах Копет-Дага I, 13
Кунамли-оулия I, 45
Кыз-Биби I, 48
Кызыл-Имам I, 17
Мирза-шаха I, 48
около Нарли I, 17
Оин-Чашан-тепе I, 38
Палван-Ахмеда I, 48
Салих-Бая I, 37
Сеид Бузрук I, 16
у Серахса III, 14/1
по Сумбару I, 13, 15, 16
Таза-Чакан I, 44
в Фирюзе I, 47
Ходжи-Абдуллы I, 31
Ходжа-Юсуфа Хамадани I, 48; III, 6/1
по Чандырю I, 13, 15, 16
Шах-Мердан I, 37
Ших-Баеры (?) I, 39
Мост др. через Мургаб I, 33
Музей Геок-тепе II, 12/4
Музей Закасп. Обл., вид его III, перед текстом
Памятники русским воинам *I*, 49—53; *II*, 5/1, 11—15/4
Певцы-сказители каракалп. III, I, IV/2
Песни колядные у туркм. I, 19—26
Пещеры
Беш-Дешик *I*, 33
Даш-Демик (?) I, 33
Дашликинар III, 16/1
Караган-Сай I, 44
Кара-Кия I, 44
Кобди-Сай *I*, 43
Куртли-Тепе I, 31
Куш I, 42
Мангишлакская II, 1/1
в Пендинском прист. II, 19/4
Райская дверь *I*, 48
в местности Саура I, 44
около Тахтабазара III, VII/1
Уры-Кедек I, 43
Чат I, 43
Плотина Карры-бэнд II, 6/1

Развалины

Ак-Алан I, 32
Акбас-Сай I, 43
Акмыш *I*, 42, 44
Алан-Тепе I, 32
Аннау (Аннов) II, 19/4
в Атекском прист. III, 16/1
Баба-Гамбар I, 32
на ст. Бахарден III, VII/1
Бек-Мурад I, 37; III, 16/1
городов I, 40, 41; II, 16, 19/4
Гуманалик I, 33
Дашли-Алан I, 32
Еке-Демик (?) I, 33
Инсели I, 42
Кара-Алан I, 32
Кара-Кия I, 42
Катты-Кую I, 42
Коша-Гумбез I, 32
Кошой-Курган II, 7/4
Кэптер-Хана I, 32
в Мангышл. у. I, 42—44
Ноурек III, 16/1
Нухур I, 48

Пештак III, 16/1
в Рерберговском пос. I, 40
Талхатан-Баба I, 32
в местн. Уа I, 42, 44
Фараба III, 1—8/1
на горе Ханга-Баба I, 42
Ходжа-Мед III, 16/1
Ходжа-Пурсанг I, 32
в селе Хундус III, VII/1
Чар-Баг I, 32
Чиш-баба I, 32
Шехр-уль-Ислам I, 48
Рамазан, мес. I, 19—25
Родословная кара-калпаков III, VIII/2; IV, ٢٤—٥١
Туннель, выводящая воду из Герируда III, 14/1
Указатель собств. имен и назв. в «Сказании об Едигее и Тохтамыше» III, IX/2
Укрепление см. Крепости
Ханака-и-Имам-Бахра II, 11—16/2; вид—II, 8/2 табл.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Массон. К изучению прошлого Старого Мерва 7

З. И. Усманова. Эрк-кала. 7

Ш. С. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяур-калы 95

К. Кацурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы 119

З. И. Усманова. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала 164

Г. А. Пугаченкова. Мервские геммы-инталии 201

П. Г. Булгаков. Из арабских источников о Мерве 213

Г. А. Пугаченкова. Новое по архитектуре средневекового Мерва . . 225

Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Южного Туркменистана X—начала XIII вв. и проблема «сельджукского» стиля 249

О. В. Обельченко. Городища Старого Мерва Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала в свете работ ЮТАКЭ 1950 г. 309

М. И. Моложатова. Китайское бронзовое зеркало из развалин городища Абдулла-хан-кала в Старом Мерве 350

Е. К. Бетгер. Указатель к «Протоколам и сообщениям членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» 361

Т р у д ы

Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

Том XII

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Туркменской ССР

Редактор Издательства *А. Н. Мироедова*
Техредактор *А. Н. Мироедова*
Корректор *В. М. Пичужкина*

Сдано в набор 15/IX 1961 г. Подписано к печати 12/III-63 г. Физ. л. 23,5. Усл. печ. л. 38,54. уч.-изд. л. 44,8. Бумага 84x108¹/₁₆. Тир. 700. Заказ № 2200. Изд. № 52/202.
Цена в переплете № 7 2 р. 93 к. И—01014

Типография Академии наук ТССР, Энгельса, 4.